
Рудольф Пихоя

МОСКВА. КРЕМЛЬ. ВЛАСТЬ

В трех томах

ТОМ ПЕРВЫЙ

1945–1964

Москва
НОВЫЙ ХРОНОГРАФ
2009

Пихоя, Р.Г.

Москва. Кремль. Власть. 1945–2005 [Текст]: в 3-х томах. Том первый. 1945–1964 / Р.Г. Пихоя. – М.: Новый хронограф, 2009. – 456 с.: ил. – ISBN 978-5-94881-091-1.

Книга посвящена политической истории России во второй половине XX – начале XXI века. В ней исследованы процессы эволюции власти в СССР, особенности организации ее функционирования, механизмы принятия решений во внешней и внутренней политике страны. Книга издается в трех томах.

Первый том исследования охватывает период с 1945 по 1964 год. В нем детально и последовательно проанализирована деятельность по государственному управлению Сталина, Берии, Маленкова и Хрущева, отставка последнего знаменует новый этап в истории страны.

Книга написана на основе богатейшей информации из архивов Секретариата, Политбюро ЦК КПСС, Верховного Совета Российской Федерации и др. Она рассчитана на широкий круг читателей, в первую очередь преподавателей и студентов высших учебных заведений России и СНГ. Книга иллюстрирована редкими фотографиями.

Содержание

Предисловие

Почему была написана эта книга. Об объектах изучения. Власть. Властная элита. О документах. Герои? 7

Очерк 1

Генералиссимус, маршалы и «винтики»

Парад Победы. Военные и власть. Победа. Поражение победителей. Генералы. «Дело авиаторов». Охота на маршала Жукова. Генеральские разговоры. Дело маршала Жукова. Продолжение. Дело адмиралов. Власть и деревня. Как Н.С. Хрущев применил опыт царской России для повышения дисциплины колхозников. Три подхода к реформированию деревни. Повторение пройденного. Промышленная политика. Работники промышленности. Денежная реформа..... 16

Очерк 2

Международное положение

СССР в мире: поиск и утверждение внешнеполитических ориентиров. Внешнеполитическое планирование в годы войны. Сталин – Черчилль. Раздел сфер влияния. Признаки охлаждения советско-американских отношений. Сотрудничество или конфронтация. СССР в Восточной Европе: первый год. «Иранский кризис». Атомное оружие. «Фултонская речь» Черчилля. Сталин о «фултонской речи». Дипломатические дуэли. «План Маршалла» и СССР. Отказ от «национальных путей» к социализму. Начало «холодной войны» и балансирование на грани новой войны. Первый Берлинский кризис. За социалистическое единообразие. Корейская война..... 89

Очерк 3

Борьба под ковром

Наследники. «Либерал» Молотов. Опальные Маленков и Берия. Дела и смерть А.А. Жданова. Ленинградская «антипартийная» группа. Государственный антисемитизм. Разгром Министерства государственной безопасности. «Дело врачей» и МГБ. Последний сталинский съезд 153

Очерк 4

Несостоявшийся триумvirат:

Маленков, Берия, Хрущев

(март 1953 – конец 1956-го)

Как делили сталинскую власть. Маленков: «Считаем обязательным прекратить политику культа личности». Разделение функций партийного и государственного руководства. Реформы Л.П. Берии: начало реабилитации. Внешнеполитические инициативы Берии. Попытки Берии внести изменения в национальную политику. Ослабление позиций министра внутренних дел. Подготовка к процессу. Письма Берии. Июль 1953 г. Пленум ЦК. Реакция в стране на устранение Берии. Министерство внутренних дел. Взгляд изнутри. Реформы Маленкова. Две программы. Отступление Маленкова. «Матч Ботвинник – Пospelов». Накануне XX съезда. Секреты «секретного доклада». Доклад Н.С. Хрущева и советское общество. Роль ЦК КПСС в создании политической оппозиции в стране. Жуков против Сталина. С одной стороны..., с другой стороны... XX съезд и «социалистический лагерь». 1956-й: политические итоги 201

Очерк 5

Догнать и перегнать Америку!

(1957–1962)

Совмин СССР и аппарат ЦК: последняя схватка. Совнархозы. Последняя «антипартийная группа». Хрущев против Жукова. Первый секретарь ЦК, Председатель Совета Министров СССР. «Догнать и перегнать Америку по производству мяса, молока и масла на душу населения». Рязанский почин. Административный восторг на сельских нивах. «О запрещении содержания скота в личной собственности граждан, проживающих в городах и рабочих поселках». Новочеркасская трагедия 316

Очерк 6

Причины отставки Н.С. Хрущева

XXII съезд КПСС. Как зарыли Сталина. Хрущев и армия. У-2 в небе СССР. Угроза войны. Второй берлинский кризис. Куба: начало кризиса. Операция «Анадырь». Мир на грани войны. Кастро в конфликте. Послания: Хрущев – Кеннеди. Уроки кризиса. Реформы государственного и партийного аппарата. МВД и КГБ. Комитет партийно-государственного контроля ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Заговорщики 366

Указатель имен 447

Предисловие

Мой приблизительный расчет сводится к следующему: если допустить, что СССР понадобится около 10 лет для залечивания ран, нанесенных ему войной, то «длительный срок» безопасности и мира, к которому нам следует стремиться при ликвидации нынешней войны, должен составить минимум 30, максимум 50 лет. Грубо говоря, речь идет о жизни двух поколений

Из меморандума И. Майского, заместителя наркома иностранных дел СССР. Февраль 1944 г.

Почему была написана эта книга. Об объектах изучения. Власть. Властная элита. О документах. Герои?

Почему была написана эта книга. Эта книга – результат естественного стремления историка понять, что случилось со страной в конце XX в., почему перестал существовать Советский Союз, растаял в течение нескольких месяцев. С момента распада СССР изменился мировой порядок, окончательно перестала существовать политическая конструкция, которая сложилась после Второй мировой войны. Завершился этап мировой истории. Нам довелось быть свидетелями этого события. Без сомнения, крушение СССР и советской власти на десятилетия и века станут одной из центральных тем для отечественной и мировой исторической науки.

В работе над книгой был и другой, личный интерес. Мне пришлось возглавлять Государственную архивную службу России с 1990 г. до начала 1996 г. В прямом смысле слова довелось увидеть гибель СССР, КПСС. На моих глазах, отчасти – и при личном участии, возникали институты новой государственности¹ и возрождались тради-

¹ Среди различных дел, которыми мне пришлось заниматься, отмечу, в частности, участие в подготовке процедуры инаугурации Президента России в 1991 г., организацию приема документации ЦК КПСС в августе 1991 г., руководство Правительственной комиссией по созданию Государственного Герба России, поездку в качестве специального посланника Президента России к президенту Польши Л. Валенсе с документами о Катыни, подготовку документов для Конституционного суда по «делу КПСС», работу по созданию первого за всю историю России закона об архивах. – *Прим. авт.*

ции старой, дооктябрьской, я имел возможность вблизи наблюдать деятельность власти на критических, кризисных этапах истории страны (а кризисов на эти пять лет пришлось немало!) Трудно было не задуматься – кем и как делается история, что скрывается за историческим фактом, по каким причинам сегодняшние альтернативы развития укладываются на следующий день в прокрустово ложе безальтернативного прошлого.

Когда видишь власть так близко, начинаешь понимать некоторые ее особенности куда лучше, нежели наблюдая ее отражение в документах. Возникает пугающая историка мысль о том, что богатство конкретного исторического процесса не исчерпывается тем, что мы называем историческими источниками, оно не может быть упаковано в архивные папки или учтено в каталогах библиотек. Поведение и отдельного человека во власти и общественных групп самым существенным образом зависят от настроений и размышлений, индивидуального миропонимания и особенностей воспитания и образования, общественных ожиданий и личных амбиций, словом, от того, что, как правило, не формулируется в документах. Никакие группы аналитиков, никакой аппарат или «окружение», никакие формальные институты власти не могут заменить этот «принцип дополнительности» в определении действий «человека во власти» (замечу, как и любого другого человека).

Это неуловимое самоосознание, наряду с профессиональными приемами и методами исторической науки, служит средством познания прошлого и настоящего, понимания «духа истории», ее смысла. Историк-современник, находясь внутри изучаемого им исторического процесса (в любой ипостаси этого процесса), всегда обречен на обвинение в предвзятости, и справедливо¹, потому что он вынужден нарушать заповедь античных историков: взирать на прошлое без гнева и пристрастия. Однако у него есть и другая счастливая возможность – отразить свою правду², оставаясь при этом на прочной основе свойственных его времени методов и методик исторической науки, сочетать понимание, существующее «на кончиках пальцев» современника – участника событий, со знанием историка-профессионала.

¹ Мой университетский учитель, профессор М.Я. Сюзюмов, говаривал в 60-е годы прошлого века, что все, что написано о России после восстания декабристов, – это не история, а журналистика... Утверждение, имеющее, на мой взгляд, характер не только политический, но и гносеологический. – *Прим. авт.*

² Напрашивается аналогия со спором двух ученых людей, причастных к власти, спором, из которого вышли все исследования по истории России второй половины XVI в., – перепиской Ивана Грозного с Андреем Курбским. – *Прим. авт.*

Эта книга стала попыткой объединить применение собственно исторических методов исследования и конкретных наблюдений и знаний «человека из власти».

Об объектах изучения. Объекты изучения названы в заглавии книги. **Москва** уже 500 лет является политическим центром России, символом неразрывности и непрерывности ее истории. Менялись великие князья и цари, названия государства и его политический строй – Москва была и остается символом государства. **Кремль** – нервный центр российской власти. Укрепление, замок в городе, Кремль веками являлся резиденцией власти; даже когда столицей России был Петербург, императоры принимали свою корону в Москве, в Кремле, в Успенском соборе. Древняя крепость стала местом пребывания первого послереволюционного правительства, здесь работали Ленин и Сталин, Маленков и Хрущев, Брежнев и Андропов, Горбачев и Ельцин. «Москва, Кремль» – адрес и необходимый атрибут власти в России в XX веке.

Власть. Предмет изучения – власть в СССР. Каждый знает, что такое власть, знает, что называется, по ощущениям. Но сформулировать понятие «власть» непросто. Во всяком случае, мне пришлось искать определение этому понятию, последовательно отказываясь от устойчивых штампов.

Один из них – власть принадлежала КПСС. Не согласен с этим. Действительно, Конституция СССР 1977 г. провозгласила КПСС «ядром политической системы». КПСС как массовая политическая организация, действительно, имела управленческие функции, которые осуществляла как через аппарат, так и с помощью членов организаций на местах.

Однако следует отметить:

- в КПСС как массовой политической организации существовала жесткая иерархия, отделявшая партийный аппарат от рядовых членов партии;

- принцип «демократического централизма», лежавший в основе организации партии, практически исключал возможность движения предложений «снизу вверх». Решения, которые принимались руководством КПСС, опять-таки менее всего отвечали процедурам, предусмотренным Уставом КПСС.

Не оправдано и представление о том, что власть в Советском Союзе принадлежала органу, который реально (а не по уставу) управлял партией – ее Политбюро. Да, в его составе были представлены выс-

шие руководители государства, но в течение нескольких периодов истории страны – в конце 30-х гг.¹, во время войны и в послевоенный период, едва ли не до 1956 г., – важнейшие решения принимались не на заседаниях Политбюро, а в так называемом опросном порядке, то есть оформлялись задним числом. В 1946 г. Политбюро созывалось 7 раз, в 1947-м – 10, в 1948-м – 7, в 1949-м – 16, в 1950-м – 6, в 1951-м – 5, а в 1952-м – только 4 раза². В то время едва ли не важнее были решения Совета Министров СССР, органа, где власть концентрировалась в значительно большей степени, чем собственно в партийном руководстве.

Приказы о действиях, имевших огромное политическое значение, принимались, как правило, самым узким кругом руководства (так, решение о вводе советских войск в Афганистан 12 декабря 1979 г. было принято генеральным секретарем ЦК КПСС Л.И. Брежневым, председателем КГБ Ю.В. Андроповым, министром обороны Д.Ф. Устиновым, министром иностранных дел А.А. Громыко и заведующим Общим отделом ЦК К.У. Черненко на даче Брежнева и только позднее оформлено как решение Политбюро³. Важнейшие кадровые изменения – от определения круга «наследников Сталина» в марте 1953 г. до отставки Хрущева в октябре 1964 г. – предопределялись десятком высших чиновников, и лишь затем закреплялись постановлениями Политбюро, пленумов ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР. Ни КГБ, ни МВД, ни министерство обороны, при всей их мощи и влиянии, не имели самостоятельного политического значения, то есть не могли сами по себе, в одиночку, проводить государственную политику.

В Советском Союзе существовал уникальный символ власти – телефон цвета слоновой кости с изображением герба СССР на наборном диске. Эти телефоны делились на две категории – АТС-1 и АТС-2. Телефоны свидетельствовали о праве их владельца пользоваться линиями защищенной правительственной связи. Высшую категорию секретности олицетворял АТС-1. Владелец такого телефона входил

¹ См.: *Хлевнюк О.В.* Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. – М., 1996. С. 266. Исследователь полагает, что после назначения Сталина в мае 1941 г. председателем Совета Народных Комиссаров СССР, Политбюро было фактически ликвидировано как регулярно действующий орган политического руководства, превратившись, в лучшем случае, в совещательную инстанцию при Сталине. При кажущейся мне полемичности этого утверждения, нельзя не согласиться, что центр тяжести власти в военные и послевоенные годы переместился из Политбюро в Совет Народных Комиссаров (с 1946 г. Совмин СССР). – *Прим. авт.*

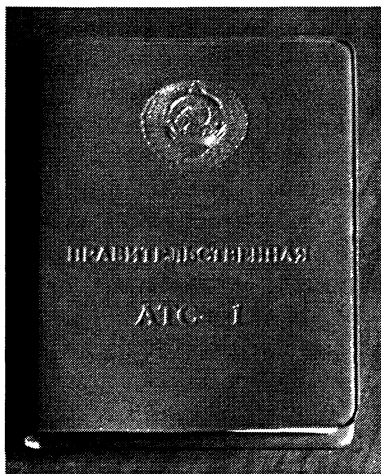
² См.: *Чернев А.Д.* 229 кремлевских вождей. Политбюро, Оргбюро, Секретариат ЦК Коммунистической партии в лицах и цифрах. – М., 1996. С.17.

³ Российский государственный архив новейшей истории. Ф.89. Оп. 14. Д. 31. Л. 1. (Далее: РГАНИ).

в высшие категории номенклатуры. Звонок этого телефона был своеобразным способом реализации власти в любой сфере жизни советского общества. Принадлежность к числу тех, кто был включен в список абонентов АТС-1, делала людей причастными к «телефонному праву» – возможности непосредственно, в обход многих бюрократических сложностей решать самые разнообразные вопросы. В этот список были включены члены Политбюро и секретари ЦК КПСС, политические обозреватели и главные редакторы центральных средств массовой информации, представители высшего генералитета и Президиума Академии наук СССР, руководители министерств и ведомств, директора заводов и ректоры крупнейших университетов.

Таких главных действующих лиц советского государства, судя по справочнику АТС-1 1991 г., в Москве было 634 человека¹. К ним необходимо добавить руководителей союзных и автономных республик, краевых и областных центров. Список абонентов автоматических междугородних телефонных станций правительственной междугородней связи включал высших партийных и государственных чиновников, директоров крупнейших промышленных предприятий, командующих местными военными округами и крупными воинскими частями, начальников управлений КГБ. Этот перечень для всего СССР включал примерно 2800 человек².

Властная элита. Старая советская шутка, что власть в СССР сосредоточена внутри Садового кольца, и то, что хорошо для его жителей – хорошо для всей страны, была не так уж безосновательна. Власть в послевоенном СССР распределялась среди высшего управленческого звена страны, прежде всего, между руководителями четырех

¹ См.: Список абонентов правительственной автоматической телефонной станции АТС-1 на 1 июня 1991 г. Мы не рассматриваем перечень абонентов телефонной системы правительственной связи АТС-2, так как она дублировала перечень абонентов АТС-1, добавляя к этому списку некоторое число сотрудников управленческого аппарата, обеспечивавшего, в конце концов, деятельность все тех же чиновников, перечисленных в справочнике АТС-1. – *Прим. авт.*

² См.: Список абонентов автоматических междугородних телефонных станций правительственной междугородней связи республик, краев и областей на 1 февраля 1990 г. – М., 1990.

главных ведомств страны: Старой площади – аппарата ЦК КПСС, Кремля – с Совмином СССР, Лубянки – КГБ СССР и «Арбатского военного округа» – с Министерством обороны СССР.

Частью властной элиты были также представители высшего звена политического руководства на местах и в центре – секретари обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик¹, министры, заместители министров и члены коллегии министерств и союзных ведомств², высшие представители советского аппарата, армии, КГБ, юстиции, промышленности, науки, пропаганды и культуры, входившие в число членов и кандидатов в члены ЦК КПСС и Центральной ревизионной комиссии КПСС³. Добавим к этому перечню и тот слой управленцев, который обладал реальной властью на местах – заведующие отделами обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик⁴.

Между двумя слоями власти – местной и центральной – существовали тесные связи. К просьбам и предложениям первого секретаря обкома партии в Москве, во всех звеньях управления – от аппарата ЦК до Совета Министров и отдельных министерств – внимательно прислушивались. Беседы с секретарями обкомов входили в обязательный ритуал генеральных секретарей ЦК. Причины этого были разнообразны. Прежде всего, секретари обкомов, будучи, в большинстве своем, членами ЦК, участвовали в голосовании на пленумах ЦК, и отношения с секретарями могли либо укрепить власть первого секретаря, как это было на июньском Пленуме 1957 г., либо предопределить его отставку, как случилось с Хрущевым на октябрьском Пленуме 1964 г. Хорошие отношения с первыми секретарями являлись гарантией исправного функционирования «машины голосования» на пленумах и съездах партии.

Кроме того, от деятельности первых секретарей обкомов и крайкомов в известной степени зависело выполнение правительственных программ в области промышленности, обороны, сельского хозяйства, так как они располагали возможностью направить «местные ресурсы» на решение тех задач, которые признавались общегосударственными. Представители местной власти постоянно пополняли ряды столичной бюрократии, в том числе и высшие ее звенья, достаточно вспомнить хотя бы карьеры Хрущева и Брежнева, Андропова и Горбачева.

¹ В начале 1990 г. их число составляло 799 человек. Здесь и выше – цитируется по: Материалы делегату XXVIII съезда КПСС. – М., 1990. С. 19–20.

² По своим подсчетам, около одной тысячи чиновников.

³ Ориентировочно – около 500 человек. См.: Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. – М., 1987. С. 337–339.

⁴ В 1986 г. – 2113 должностей. См.: Материалы делегату XXVIII съезда КПСС. С. 20.

В свою очередь местные руководители в огромной степени зависели от центральной власти – от инвестиций в свои регионы и выделения «фондов» (гарантированного промышленного и продовольственного снабжения) до решения собственных личных проблем вплоть до получения комфортабельной квартиры в центре Москвы или устройства своих детей в престижные учебные заведения. Власть на местах в значительной степени зависела именно от центра, и в меньшей степени – от своего окружения в республиках и областях.

Итак, количество главных действующих лиц советской послевоенной истории вряд ли превышало три тысячи человек¹. Вместе с членами семей – 10–15 тысяч. Они и олицетворяли власть в СССР.

У этих людей существовали взаимные интересы и взаимная зависимость. Принцип номенклатуры, ставивший, казалось, всех государственных чиновников в зависимость от партийного аппарата, не был универсальным законом организации власти в стране. Да, без утверждения в партийных органах – отделах ЦК, Секретариате или Политбюро нельзя было получить назначение на соответствующую должность. Однако если кандидатура на любую действительно важную должность в государственном или партийном аппарате не была согласована с соответствующим ведомством – Советом Министров, министерством, Комитетом государственной безопасности (последнее было совершенно обязательно), то невозможно было и ее утверждение в ЦК. По существу, требовалась взаимная заинтересованность чиновников. Там, где обрывались цепочки взаимных обязательств, заканчивалась карьера чиновника.

Механизмы осуществления власти предполагали в обычных случаях тесное взаимодействие многих управленческих институтов – министерств и ведомств, Совмина и его отделов, аппарата ЦК КПСС, Секретариата и Политбюро. Вместе с тем система согласования фактически устранялась, когда решения должны были приниматься оперативно или имели высокую политическую цену. В этом случае они принимались на уровне высшего политического руководства страны (как правило, руководителем партии по согласованию с главой Совмина, КГБ и армии).

¹ Любопытное наблюдение: в тетрадах посетителей Сталина зафиксировано около трех тысяч человек, которые в разное время – с 1924 по 1953 г. – пересекли порог его кабинета. Отмечу, что в это число входили и иностранные дипломаты, и представители компартий других стран. См.: Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина: Журналы (тетради) записи лиц, принятых первым генсеком. 1924–1953 гг. Публикацию подготовили Коротков А.В., Чернев А.Д., Чернобаев А.А. // Исторический архив. 1994. № 6; 1995. № 2–6; 1996. № 2–6; 1997. № 1.

О документах. Отмечу, что «открытие архивов» и вовлечение в научный оборот большого числа важных документов дали возможность сравнивать — что задумывалось и что из этого вышло, сопоставлять благие намерения и их реализацию. Я попытался сделать так, чтобы читатель смог «услышать» Сталина и Хрущева, Брежнева и Андропова, других людей, от мнения которых зависели судьбы миллионов. Потому в тексте книги много цитат: из «застольных разговоров» Сталина на его ближней даче, записанных министром-оборонщиком В.А. Малышевым, из митинговых выступлений Хрущева, из тайных до последнего времени стенограмм заседаний высшего партийного руководства: когда снимали Хрущева, или когда обсуждали вопрос — вводить или не вводить войска в Чехословакию, или когда Горбачев и Громыко ожесточенно спорили — как дальше развиваться стране. Сотни страниц «рабочих записей» заседаний Политбюро, переписка ЦК КПСС по различным вопросам — фундамент книги.

Убежден, что читатель должен иметь возможность решать сам — как было на самом деле. Надеюсь, что многочисленные фрагменты документов помогут ему в этом.

Герои? Эта книга о действующих лицах истории власти. Одним из важнейших признаков «человека во власти» является своего рода «расчеловечивание», сведение его жизни и деятельности до управленческой функции, всепоглощающей борьбы за достижение и сохранение власти. Смысл власти — в ее обладании. Поэтому бессмысленно делить людей власти на «хороших» и «плохих». Для власти нет вечных истин и вечных ценностей. Она прагматична, хотя и отличается способностью декорировать расчетливый прагматизм идеологическими конструкциями. Если же носитель власти поставит некие идеологемы выше практической целесообразности — он обречен.

«Общее выражение лица», то, что литературоведы называют амбивалентностью, — это портрет власти. С точки зрения нормального человека роли жертвы и палача уживаются плохо, но для отечественной истории власти это явление типичное. Секретарь ЦК КПСС А.А. Кузнецов деятельно участвовал в преследовании послевоенного командного состава, чтобы стать потом жертвой «ленинградского дела»; Г.М. Маленков, правая рука Сталина, наследник Н.И. Ежова на посту начальника Управления кадров ЦК ВКП(б), старательный исполнитель сталинских указаний о репрессиях послевоенного времени, стал инициатором реформы в сельском хозяйстве, облегчил налоговый гнет в деревне; традиционный антигерой советской истории Л.П. Берия первым начал критиковать культ личности, прекратил сталинские политические процессы...

Уверен, что и обратное – «превращение Павла в Савла» – происходило никак не реже. Это и Н.С. Хрущев, многократно предававший своих соратников, сознательно поддерживавший очковитительство в экономике и громогласно с ним борющийся; «либерал» Ю.В. Андропов, продавливавший решение о вводе войск в Чехословакию, настойчиво добивавшийся высылки А.И. Солженицына...

Люди власти не менялись. Менялась ситуация.

Политическая борьба, борьба за власть в СССР неотрывно связана с такими явлениями, как террор, заговор, политическое убийство, последнее иногда «облачали» в форму судебных приговоров. Смерть Сталина, брошенного соратниками без медицинской помощи, заговор против Берии, который вместо предназначавшейся ему первоначально должности министра нефтяной промышленности получил пулю; вынужденные отставки Жукова и Хрущева вследствие тайных договоренностей, обличенных позднее в форму решений партийных пленумов... Следует отметить, что сочетание жестокости и таинственности в «подковерной» борьбе за власть было прямым следствием отсутствия нормальных, то есть гласных, демократических по своей сути процедур и принципов функционирования власти.

Поэтому не буду «выставлять оценки по поведению». Панегирики писали, пишут и будут писать. Постараюсь остаться в жестких рамках фактов и документальных свидетельств. Оценки, если захочет, пусть расставляет читатель.

Очерк 1

Генералиссимус, маршалы и «винтики»

У истории русской страницы
Хватит для тех, кто в пехотном строю
Смело входили в чужие столицы,
Но возвращались в страхе в свою.

Иосиф Бродский. На смерть Жукова

За людей, которых считают «винтиками» великого государственного механизма, но без которых все мы – маршалы и командующие фронтами, армиями, грубо говоря, ни черта не стоим.

И.В. Сталин. Тост на приеме в честь участников Парада Победы 25 июня 1945 г.

Парад Победы. Военные и власть. Победа. Поражение победителей. Генералы. «Дело авиаторов». Охота на маршала Жукова. Генеральские разговоры. Дело маршала Жукова. Продолжение. Дело адмиралов. Власть и деревня. Как Н.С. Хрущев применил опыт царской России для повышения дисциплины колхозников. Три подхода к реформированию деревни. Повторение пройденного. Промышленная политика. Работники промышленности. Денежная реформа

Парад Победы. 24 июня 1945 г. в 10 часов утра открылись широкие створы деревянных, окованных железными полосами ворот Спасской башни Московского Кремля. Под перезвон курантов и цоканье копыт по брусчатке в проеме ворот появился всадник на белом коне. Навстречу ему на вороном жеребце поскакал второй всадник. Оба были опытными кавалеристами и сидели в седлах как влитые. Мундиры, покрытые золотой броней орденов и медалей, были перетянуты золотыми поясами, сверкали золотом погон и галунов. Всадники олицетворяли победную мощь и величие, родовые признаки Красной Армии, ее неразрывную связь с российской императорской армией. Так начинался Парад Победы¹.

¹ О Параде Победы см.: Военно-исторический журнал. 1978. № 2, 3, 5, 7, 9, 11; 1979. № 2, 6, 8, 11; 1980. № 6.

И.В. Сталин и Г.К. Жуков на трибуне Мавзолея во время парада Победы.

Всадник на белом коне был маршал Георгий Константинович Жуков. Он принимал парад. Командовал парадом маршал Константин Константинович Рокоссовский. Свои первые воинские награды оба маршала получили еще в Первую мировую, когда в чине драгунских унтер-офицеров воевали против немцев. Оба служили в Красной Армии, командовали кавалерийскими полками, бригадами, дивизиями. Оба закончили в 1925 г. Кавалерийские курсы усовершенствования командного состава. Вместе с ними учились будущие маршалы А.И. Еременко и И.Х. Баграмян. Впоследствии их военные судьбы причудливо переплелись.

Комдив Рокоссовский был начальником комполка Жукова¹, затем его военная карьера казалось, навсегда оборвалась. В августе 1937 г. Рокоссовского арестовали по обвинению в участии в военном заговоре. Руководителем заговора был объявлен маршал М.Н. Тухачевский². Большинство арестованных были расстреляны. Рокоссовскому повезло. В марте 1940 г., когда финская война завершилась и стало очевидным, что одной из главных причин неудач Красной Армии в этой войне был недостаток командного состава, Рокоссовского разыскали в лагере и назначили командиром кавалерийского корпуса. В конце

¹ См.: Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. – М., 1971. С. 93–94. Далее: Жуков, 1971.

² Подробнее см.: Сувениров О.Ф. Трагедия РККА. 1937–1938. – М., 1998.

1940 г. он стал командовать 9-м механизированным корпусом, с ним вступил в войну, под Москвой командовал армией, позднее – Брянским фронтом, во время Сталинградской битвы – Донским, затем – Центральным, Белорусским, 1-м и 2-м Белорусскими фронтами. В 1944 г. Рокоссовский стал маршалом.

Карьера Жукова в конце 30-х годов пошла вверх. В 1939 г. под его командованием были разгромлены японские войска под Халхин-Голом; тогда будущего маршала наградили первой медалью «Золотая Звезда». В 1940 г. Жуков возглавил Киевский особый военный округ, в январе 1941 г. стал начальником Генерального штаба. С начала войны Жуков находился на самых важных фронтах – под Ленинградом и Москвой, в Сталинграде и на Курской дуге. С 1942 г. Жуков – заместитель наркома обороны и заместитель Верховного Главнокомандующего, второй, после Сталина, военачальник страны. Он командовал штурмом Берлина и в ночь с 8 на 9 мая 1945 г. принял безоговорочную капитуляцию Германии.

По солдатской «табели о рангах» сорокадевятилетние Жуков и Рокоссовский являлись самыми известными и самыми главными героями войны. В Красной Армии было много талантливых генералов и маршалов, но таких, поистине солдатских, было только два. Такими они и остались в народной памяти.

Они и возглавили Парад Победы.

Красная площадь выглядела торжественно. Для парада были выстроены войска. Вдоль фасада ГУМа установили гербы всех союзных республик и в центре – герб СССР. На противоположной стороне площади, по обе стороны Мавзолея, построили дополнительные трибуны для депутатов Верховного Совета СССР, дипломатов, деятелей литературы и искусства. Наверху, на трибунах Мавзолея, стояли члены Правительства и руководители ВКП(б). Внизу, перед Мавзолеем, была оборудована площадка, где находились генералы¹.

Жуков и Рокоссовский объехали строй войск. Каждый парадный полк, численностью в тысячу человек, представлял один из фронтов, действовавших к концу войны. Сводные полки были расположены так, как они воевали, с севера на юг – Карельский, Ленинградский, 1-й Прибалтийский, 3-й, 2-й и 1-й Белорусские, 1-й, 4-й, 2-й и 3-й Украинские фронты. За ними стоял сводный полк моряков. Во главе каждого полка – командующие фронтами, и только полки 1-го и 2-го Белорусских фронтов возглавляли заместители командующих, так как этими фронтами командовали в последние месяцы войны маршалы Жуков и Ро-

¹ См.: Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. – М., 1968. С. 403.

коссовский. Рядом с боевыми знаменами, словно церковные хоругви, колыхались знаки с названиями фронтов.

Завершив объезд парадного строя, Жуков и Рокоссовский размеренным галопом подскакали к Мавзолею. Бросив поводья коня офицеру, Жуков пружинисто поднялся на трибуну, достал из внутреннего кармана кителя текст выступления и — «от имени и по поручению Советского правительства и Всесоюзной Коммунистической партии большевиков» — поздравил участников парада с великой Победой.

Жуков говорил о величии Победы, о воинах, отстоявших честь, свободу и независимость Родины, о сотрудничестве с союзниками, призывал помнить о героях, сложивших головы в борьбе с врагом. И в каждом абзаце речи, подготовленной и утвержденной в Политбюро, были слова о «сталинской военной науке», «сталинской военной школе», о «гениальном сталинском предвидении». «Слава нашему мудрому вождю и полководцу, маршалу Советского Союза Великому Сталину! Ура!» — закончил Жуков свою речь¹.

Ура-а-а! — отозвалась Красная площадь.

Начиналась следующая часть парада: 1400 музыкантов сводного военного оркестра вступили на брусчатку Красной площади и музыка М. Глинки «Славься!» слилась с залпами артиллерийского салюта. Под начавшимся дождем полки парадным маршем двинулись по площади мимо Мавзолея. Во главе колонн шли маршалы К.А. Мерецков, Л.А. Говоров, Ф.И. Толбухин, И.С. Конев, Р.Я. Малиновский, генералы армии А.И. Еременко, И.Х. Баграмян. Военных моряков вел вице-адмирал В.Г. Фадеев. Каждый сводный полк шел под свою музыку. Поочередно звучали советские военные марши и марши русской армии.

После прохода полков-фронтов музыка смолкла. Короткую паузу разорвала резкая барабанная дробь. На площади появились двести рослых гвардейцев. Они несли опущенные до земли знамена различных частей германских вооруженных сил. Их полотнища волочились

К.К. Рокоссовский

¹ См.: Правда. 1945. 25 июня.

по мокрой от дождя брусчатке; в руках правофлангового был личный штандарт Гитлера. Чеканя шаг, солдаты дошли до трибун Мавзолея, где стояли Сталин, члены Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК ВКП(б), руководители Советского Правительства, и бросили к подножью Мавзолея символы германской армии. И произошло чудо – солдатский строй сломался. Казалось, вместе со штандартами 1-го Кирасирского полка, 1-го Драгунского, 4-го Гусарского, 9-го конно-пехотного, 10-го Уланского и других частей германской армии, когда-то считавшихся цветом гитлеровской империи¹, с солдатских плеч свалился тяжкий военный груз. Они бросали флаги, как крестьяне вилами сбрасывают слежавшийся навоз; только что блиставшие безукоризненной строевой подготовкой солдаты отходили от Мавзолея как штатские люди, каждый сам по себе. Низложение вражеских флагов явилось кульминацией Парада Победы, символом окончательного разгрома Германии.

Заключительной частью парада стало прохождение воинских частей, олицетворявших будущее Красной Армии. Прошли сводный полк Наркомата обороны, слушатели военных академий и училищ, суворовцы. Следом за ними – кавалеристы и военная техника – танки, артил-

¹ См.: *Калуцкий Н.* Особое задание // *Живая память.* – М., 1995. Т. 3: 1944–1945. С. 532–546.

лерия различных калибров, «катюши», на трехосных «студебеккерах» и юрких «виллисах» следовали подразделения воздушно-десантных войск.

Двухчасовой парад закончился под проливным дождем. По старинной народной примете дело, которое начинается в дождь, хорошо заканчивается. Однако для значительной части высшего генералитета Красной Армии, армии-победительницы, эта примета не оправдалась.

На следующий день, 25 июня, в Большом Кремлевском дворце, в роскошном интерьере Георгиевского зала (зала, посвященного военному ордену Святого Георгия, белые с золотом стены которого украшены мраморными плитами с перечнем кавалеров этого ордена и прославленных воинских частей), состоялся грандиозный прием в честь участников Парада Победы. Звучали здравицы и тосты в честь Сталина, Жукова, каждого из командующих фронтами, родами войск, Генерального штаба...¹ Прием превращался в триумф Красной Армии, ее генералитета, ее боевых традиций.

Диссонансом прозвучал тост Сталина. Прочитую его полностью.

«Не думайте, что я скажу что-нибудь необычайное. У меня самый простой, обыкновенный тост. Я бы хотел выпить за здоровье людей, у которых чинов мало и звание незавидное. За людей, которых считают “винтиками” великого государственного механизма, но без которых все мы – маршалы и командующие фронтами и армиями, говоря грубо, ни черта не стоим. Какой-либо “винтик” разладился – и кончено. Я поднимаю тост за людей простых, обычных, скромных, за “винтики”, которые держат в состоянии активности наш великий государственный механизм во всех отраслях науки, хозяйства и военного дела. Их очень много, имя им легион, потому что это десятки миллионов людей. Это – скромные люди. Никто о них не пишет, звания у них нет, чинов мало, но это – люди, которые держат нас, как основание держит вершину. Я пью за здоровье этих людей, наших уважаемых товарищей»².

«Простой, обыкновенный тост» Сталина был не так прост. Если угодно, это было выступление с двойным, если не более, дном. На поверхности – это прославление простых нечиновных людей в день, когда праздновалась великая Победа. Если заглянуть глубже, становится видно, что Сталин противопоставлял и сталкивал маршалов, генералов, вообще элиту с безликими «винтиками», людьми, лишенными каких-либо родовых признаков. «Винтики» – это люди, «обточенные» до

¹ Подробное восторженное описание этого приема см.: *Штеменко С.М.* Указ. соч. С. 405–411.

² Правда. 1945. 27 июня.

функции. Их основная добродетель – быть основанием пирамиды власти, быть исполнительными, не ломаться и не разлаживаться. Сталин, олицетворявший «великий государственный механизм», выступал от имени этих «винтиков» и объявлял маршалам и генералам, что они «ни черта не стоят» без государственного механизма с его «винтиками».

Но существует еще одна поразительная деталь, на которую до сих пор не обращали внимания исследователи (но не современники). Когда Сталин говорил о «винтиках», он подчеркнул, что «их очень много, имя им легион...». «Имя им легион» – выражение, почерпнутое из Евангелия от Марка (Мк. 5:2–20), из притчи об исцелении бесноватого. «Имя им легион» – так сказано в Евангелии о бесчисленных бесах, которые одолевали человека. Господь этих бесов изгнал, бесы вселились в свиней, те бросились в море и утонули. Конечно, Сталин, бывший одним из лучших учеников Горийского духовного училища и успешно учившийся на первых курсах Тифлисской духовной семинарии, прекрасно знал эту притчу и точный смысл этого выражения. Не хуже Сталина это понимали и А.И. Микоян, выпускник той же духовной семинарии, и А.А. Жданов, отец которого был профессором Петербургской духовной академии, и маршал А.М. Василевский, происходивший из семьи священника. Уверен, среди людей, собравшихся 25 июня 1945 г. в Большом Кремлевском дворце, абсолютное большинство учило в детстве Закон Божий и знало притчу о бесноватом. Тем более странно и жутковато звучало под сводами Георгиевского зала отождествление советских людей с «винтиками», а тех – с бесами из Евангелия.

Война закончилась. Не стало нужды в смелых, самостоятельных, предприимчивых генералах. Более того, генеральские амбиции стали представляться вредными. И Сталин одернул своих маршалов и генералов в час, который казался им часом триумфа.

Спустя день, на даче у Жукова в подмосковной Сосновке собрались его друзья и командующие армиями 1-го Белорусского фронта. За праздничным столом встретились генерал-полковник А.В. Горбатов, генерал-полковник И.И. Федюнинский, генерал-полковник В.И. Чуйков, генерал-полковник В.И. Кузнецов, маршал бронетанковых войск С.И. Богданов, маршал В.Д. Соколовский, генерал-лейтенант К.Ф. Телегин. Был там и генерал-лейтенант В.В. Крюков, порученец маршала Жукова, с женой, певицей Л.А. Руслановой.

Мало было в России певиц, которые по своей славе могли сравняться с Лидией Руслановой! Русские народные песни, романсы в ее исполнении звучали по радио едва ли не каждый день. Русланова

прошла «свою» войну. Уже в июле 1941 г. она выступала перед солдатами под Ельней, где шли жестокие бои. Много раз пела в блокадном Ленинграде, объездила с концертами почти все фронты. Последний свой фронтовой концерт она дала в Берлине, у стен горевшего Рейхстага. На встрече фронтовиков-соратников в Сосновке Русланова произнесла тост за Георгия-Победоносца – Георгия Константиновича Жукова.

На следующий день запись слов Руслановой, зафиксированных средствами технической «прослушки» НКГБ на даче у Жукова, легла на стол Сталину¹.

Военные и власть. Война не могла не усилить роль армии в жизни общества, война предъявляла свои суровые требования для отбора командного состава. Наркомат обороны в августе 1944 г. с гордостью писал в правительство о состоянии офицерского корпуса в стране: «Мы в настоящее время располагаем самыми ценными военными кадрами, какие когда-либо до сих пор имели, так же как и самыми лучшими – в сравнении с кадрами любой армии мира»².

Офицерский и генеральский корпус был молод, обладал фронтовым опытом, научился воевать в обороне и наступлении. 38,7 % командиров полков были не старше 35 лет; соответственно 73,2, 60,5 и 44,8 % командиров дивизий, корпусов и армий – моложе 45 лет. Генеральские погоны в Красной Армии (без данных по Военно-Морскому Флоту, Наркоматам внутренних дел и госбезопасности, Политуправлению Красной Армии и другим ведомствам) получили в годы войны 1753 человека³ (из 2952 генералов, которые служили в августе 1944 г.). Война ввела в состав офицерского и генеральского корпуса значительное число беспартийных. К маю 1944 г. 286 генералов Красной Армии не состояли в ВКП(б). 238 генералов стали членами партии в годы войны⁴. Это были люди, обладавшие не только умением воевать, но и высоким чувством собственного достоинства.

Офицерский корпус справедливо гордился преемственностью традиций старой русской армии. В годы войны шло сознательное копирование отдельных черт и признаков дореволюционной армии: были восстановлены воинские звания, введено ношение погон, суворовские и нахимовские училища для малолетних воспитанников создавались

¹ Архив Президента Российской Федерации. Ф. 3. Оп. 58. Д. 306. Л. 102.

² «Мы располагаем самыми лучшими кадрами»: Записки о послевоенном устройстве армии // Источник. 1996. № 2. С. 132–152.

³ См.: там же. С. 152.

⁴ См.: там же. С. 149.

по образу и подобию кадетских корпусов: начальник Главного управления кадров Красной Армии Ф.И. Голиков, предлагая осуществить реорганизацию системы военных училищ, прямо указывал в качестве образца на «военные училища старой армии»¹.

Офицерский корпус оказался на пороге превращения в сословие. Специальным постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 4 июня 1944 г. вводились награждения за выслугу лет: за 10 лет добросовестной службы полагалась медаль «За боевые заслуги»; за 15 – орден Красной Звезды; за 20 – орден Красного Знамени; за 25 – орден Ленина; за 30 лет – второй орден Красного Знамени. Кавалеры орденов имели надбавку к жалованью, ряд льгот².

Сталин лично занимался созданием системы льгот для высшего офицерского состава и деятелей науки, литературы и искусства. Он тщательно отредактировал и внес ряд принципиальных изменений в текст специального постановления Совета Народных Комиссаров СССР от 18 марта 1944 г. «Об организации магазинов и ресторанов в г. Москве для обслуживания работников науки, техники, искусства и литературы, а также высшего офицерского состава Красной Армии». Неравенство в получении материальных благ, узаконенное властью, становилось своего рода признаком формировавшихся сословий. Согласно этому постановлению в Москве к 15 апреля 1944 г. открывались 20 магазинов, торговавших продовольственными товарами, винами, напитками и табачными изделиями, мясом, молоком, чаем. В Москве был открыт Центральный универмаг, где торговали одеждой и обувью по индивидуальным заказам, трикотажем, бельем, галантерейными и парфюмерными товарами и головными уборами, и четыре специализированных магазина, торговавших галантерейными, парфюмерными товарами и головными уборами.

В этих магазинах велась именно торговля. Это важно подчеркнуть, так как в войну вся система государственной торговли была заменена распределением товаров по карточкам по специальным карточным ценам. Так, с ноября 1943 г. рабочим полагалось по карточкам на день 500–700 граммов хлеба, служащим – по 400–450, детям и иждивенцам – 300 граммов³. Хлеб и некоторые овощи можно было купить на рынках, но цены там были неимоверно высоки. К примеру, в 1942 г. стоимость килограммовой буханки хлеба на рынках в рабочих городах Урала доходила до 100 рублей⁴, ведро картошки стоило 25 рублей, а средний

¹ «Мы располагаем самыми лучшими кадрами»... С. 133.

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 53. Д. 14. Л. 31–34.

³ См.: Великая Отечественная война. 1941–1945: Энциклопедия. – М., 1985. С. 497.

⁴ См.: Орлов Ю.Ф. Опасные мысли: мемуары из русской жизни. – М., 1992. С. 70.

месячный заработок в промышленности за работу по 11–13 часов в день составлял в это же время 470 рублей¹. Летом 1946 г. в разных районах России хлеб в пределах пайка можно было получить по специальным карточным ценам – от 75 копеек до 1 рубля 15 копеек. Коммерческая цена в магазине составляла от 8 до 10 рублей за килограмм².

Цены в коммерческих магазинах были много выше, чем так называемые пайковые, карточные, но существенно ниже, чем на рынках. В отличие от рынков коммерческие магазины предлагали *выбор* товаров и представляли *скидки*, но только тем категориям населения, которые были перечислены в указанном постановлении.

По проекту постановления, представленному Сталину заместителем председателя СНК СССР А.И. Микояном, высшим офицерам, деятелям науки, литературы и искусства полагалась скидка 25 %, Сталин исправил – установил высшему офицерскому составу 35-процентную скидку.

Продажа товаров со скидкой в магазинах особой торговли производилась по так называемым «лимитным книжкам». Обладатели «заветных» книжек имели право покупать продовольственные товары на сумму до 4 тыс. руб. в месяц и промышленных товаров – в пределах 10 тыс. руб. в квартал. Одновременно решалась и важная экономическая задача: торговля по повышенным ценам некоторыми товарами (водкой, табаком, парфюмерией и др.), а также коммерческая торговля, организованная с середины 1944 г., дали казне за годы войны дополнительно около 172 млрд руб³.

Для высших офицеров, деятелей науки, литературы и искусства весной 1944 г. в Москве были открыты 50 ресторанов, в том числе 20

Генерал-полковник Ф.И. Голиков.

¹ См.: Зинич М.С. Будни военного лихолетья. 1941–1945. – М., 1994. Вып. 1. С. 54.

² См.: Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. – М., 2000. С. 70.

³ См.: Попов В.П. Экономическая политика Советского государства. 1946–1953. – Москва–Тамбов. 2000. С.72, 78.

ночных «1-го разряда с музыкой и эстрадными выступлениями артистов, работавших до 5 часов утра». Часть этих заведений имела явно выраженный профессионально-клубный характер. Были открыты рестораны: для учёных при Доме ученых, для архитекторов при Доме архитектора, для писателей при Доме писателей, для киноработников при Доме кино, для композиторов и музыкантов при Доме композитора, для артистов при Доме актера, для работников искусств при Центральном доме работников искусств, для офицеров при Центральном доме Красной Армии, для работников авиации и авиапромышленности при Клубе летчиков.

Появились и более доступные рестораны, такие, как «Москва», «Арагви», «Астория», «Балчуг», ряд других, работавшие до утра, а также коммерческие рестораны попроще, открытые с 12 часов дня до 12-ти ночи.

При всем различии ресторанов неизменным оставалось одно: работникам науки, техники, литературы и искусства полагалась скидка 30 %, а высшим офицерам (опять-таки по предложению Сталина) – 50 %¹.

Во второй половине 1944 г. такие же магазины и рестораны открылись в областных городах, крупнейших центрах военного производства, – Свердловске, Челябинске, Горьком.

Военную, промышленную, артистическую элиту привязывали к власти, ставили ее в зависимое от власти положение. «Политика пряника» была потому более важной, что она сочеталась с «политикой кнута». Война с особой силой отразилась на самосознании деятелей культуры, вызвала у многих неприятие партийного контроля над литературой. Осенью 1944 г. на стол члена Политбюро А.А. Жданова, «курировавшего» идеологию и культуру, лег любопытный документ: информация наркома НКГБ СССР В.Н. Меркулова о политических настроениях и высказываниях советских писателей. Донос свидетельствовал: большинство из них в разной форме выражали недовольство партийным диктатом. И не только недовольство. Писатели не ограничивались критикой «партийных фельдфебелей над литературой» Д.А. Поликарпова и Г.Ф. Александрова. В писательской среде едва ли не открыто говорилось о необходимости и неизбежности радикальных политических перемен в послевоенном СССР, что было гораздо опаснее, чем осуждение партийного руководства литературой и искусством (хотя и это составляло несомненный криминал!).

¹ См.: Постановление Совета Народных Комиссаров СССР № 289 от 18 марта 1944 г. «Об организации магазинов и ресторанов в г. Москве для обслуживания работников науки, техники, искусства и литературы, а также высшего офицерского состава Красной Армии».

Процитируем некоторые из таких высказываний.

Чуковский К.И. – «Что такое деспотизм? Это воля одного человека, передоверенная приближенным <...> Я живу в антидемократической стране, в стране деспотизма <...> С падением нацистской деспотии мир демократии встанет лицом к лицу с советской деспотией. Будем ждать». Гладков Ф.В. – «Мы, старые большевики, всегда боролись за свободу творческой жизни пролетариата. Но теперь старые большевики не в моде, революционные принципы неуютны... Трудно писать. Невыносимо трудно. А главное – поговорить не с кем. Исподличались люди <...> Литература встанет на ноги только через 20–30 лет. Это произойдет, когда народ в массе своей, при открытых дверях за границу, станет культурным». Асеев Н.Н. – «...Ничего, вместе с демобилизацией вернутся к жизни люди, все выдавшие. Эти люди принесут с собой новую меру вещей»¹.

Фронтовые порядки сказались на системе управления промышленностью. Директора заводов, производивших продукцию для армии, получали офицерские и генеральские звания, поддерживали теснейшие отношения с заказчиками-военными. Фронтовые порядки проникали даже в партийный аппарат. Сам Сталин, председатель Совмина СССР, секретарь ЦК ВКП(б), нарком обороны и председатель Государственного Комитета Обороны, стал в 1943 г. маршалом, а после завершения войны – генералиссимусом.

Война привела к перемещениям на вершине власти. Первым заместителем Сталина в СНК и его заместителем по военным и военноморским делам стал Н.А. Вознесенский. Берия, назначенный в конце 1938 г. на пост наркома внутренних дел, курировал как заместитель председателя Совнаркома наркоматы государственной безопасности, лесной промышленности, цветной металлургии, нефтяной промышленности и речного флота. Маленков, Вознесенский, Берия вошли в состав Государственного Комитета Обороны, где отвечали за военную экономику. Маленков курировал авиационную промышленность, Вознесенский занимался металлургической, нефтяной и химической отраслями, Берия обеспечивал производство вооружения и боеприпасов, а с мая 1944 г. сменил Молотова на посту заместителя председателя ГКО. Судя по «тетрадям записи посетителей», которые вели секретари кремлевского кабинета вождя, Маленков, Берия и Молотов неиз-

¹ По агентурным данным // Родина. 1992. № 1. С. 92–96. Д.А. Поликарпов (1905–1965) – в то время зам. начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б); Г.Ф. Александров (1908–1961) – в то время начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).

менно входили в тройку руководителей, наиболее часто посещавших Сталина¹.

Усиление роли военных в жизни общества было опасным для власти, установившейся в России в 20-е – 30-е годы.

Советская власть являлась властью партийной, если под партией понимать аппарат ВКП(б). Аппарат ВКП(б) создал уникальную систему управления. Ее основой был номенклатурный принцип. Любое назначение в системе управления – государственной, промышленной, в правоохранительных органах, на генеральские должности в армии – в обязательном порядке требовало согласования в партийных органах. Порядок согласования зависел от степени важности того или иного поста. За каждым партийным органом – от Политбюро и Секретариата до обкомов, крайкомов, горкомов и райкомов – закреплялся список должностей, назначение на которые становилось возможным только при согласии соответствующего партийного органа. Перечень таких должностей и составлял в узком смысле этого слова номенклатуру. В широком смысле номенклатурой было принято называть людей, назначенных на эти должности. Номенклатурному управлению свойственна жесткая централизация. Каждый начальник отвечал только перед теми, кто его назначил, и практически не зависел от тех, кто стоял ниже его на иерархической лестнице.

Война в значительной степени деформировала эту систему. В управлении – военном, государственном, промышленно-экономическом – требовались люди, добивавшиеся результатов. Военные методы были нацелены на достижение немедленных результатов и поэтому предполагали соответствующую систему выдвижения руководящих кадров. В те годы действовал принцип целесообразности, потеснивший номенклатурные приемы выдвижения руководителей.

Сталин уже в конце войны понимал необходимость восстановления прежней системы управления. Сохранение военных порядков подрывало основу номенклатурной (читай – партийной) системы управления.

Вторая проблема, явственно обозначившаяся сразу после войны, – проблема национальная. С начала войны важнейшим фактором отпора германской агрессии стал патриотизм. Сталин призывал вспомнить славные имена великих военачальников – Александра Невского и Дмитрия Донского, Козьмы Минина и Дмитрия Пожарского, А.В. Суворова и М.И. Кутузова. В армию вернулись георгиевские ленты, появились гвардейские полки и дивизии, внедрялась идея славянского братства, солдатский Орден Славы заставлял вспомнить о солдатском

¹ См.: Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. – М., 2001. С. 195–197.

Георгиевском кресте, о традициях русской армии, сражавшейся с немцами в XVIII и в начале XX в. Начальнику Главного политического управления Красной Армии А.С. Щербакову приписывалось выражение, что «фронтовикам Бородино теперь ближе, чем Парижская Коммуна»¹.

Однако ставка только на патриотизм имела свои границы. Прежде всего, обращение к историческому прошлому было политически небезопасно. Историческая легитимность² большевизма была, мягко говоря, сомнительной. Революции нелегитимны по своей сути. Обращение к прошлому создавало предпосылки для возрождения национальных идей как альтернативы коммунистическому интернационализму и самой компартии. Сталин, знавший историю России, хорошо понимал как политически положительные, так и политически опасные стороны русского патриотизма. Интерес Сталина к отечественной истории был постоянным, глубоким и чрезвычайно прагматичным. Он рассматривал прошлое как прецедент и обоснование для своих действий, считая себя прямым продолжателем политики Ивана Грозного и Петра I³. Именно Сталин использовал ресурс русского патриотизма на начальном этапе войны, но он лучше, чем кто-либо из его окружения, осознавал потенциальную угрозу применения «русского фактора» в борьбе против партийного диктата.

Свидетельством наметившегося возврата к прежним довоенным, «идеологически выверенным» оценкам стало обвинение крупнейших отечественных историков Б.Д. Грекова, Е.В. Тарле, С.В. Бахрушина и некоторых других в «великодержавном шовинизме». «Обвинение» ученым предъявили сотрудники аппарата ЦК ВКП(б) – Е.Н. Городецкий, П.Н. Поспелов, П.Н. Федосеев, В.М. Хвостов и ряд примкнувших к ним историков⁴.

Опасность могли представлять и тенденции национального возрождения в республиках СССР, прежде всего, на Украине. С 1943 г. в опалу попал выдающийся украинский кинорежиссер и драматург А.П. Довженко – на этот раз за «украинский национализм». Причем инициатива критики шла от Сталина⁵.

¹ История советской политической цензуры: документы и комментарии. – М., 1997. С. 140.

² Легитимность – законность, соответствие закону.

³ Поразительные свидетельства о самоотожествлении Сталина с Иваном Грозным см.: Черкасов Н.К. Записки советского актера. – М., 1953.

⁴ Подробнее см.: Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 г. // Вопросы истории. 1996. № 2–7, 9.

⁵ См.: Бабиченко Д.Л. Писатели и цензоры. – М., 1994. С. 107–108; Громов Е.С. Сталин. Власть и искусство. – М., 1998. С. 326–327.

По мере освобождения союзных республик приходилось корректировать национальную политику, задачи которой, казалось, были взаимоисключающими. С одной стороны, следовало предложить населению этих республик зримые свидетельства повышения их самостоятельности, с другой – необходимость укрепления оборонного потенциала СССР предполагала сохранение централизации.

Выход был найден.

Первая задача была решена путем повышения государственного статуса союзных республик. 27 января 1944 г. на Пленуме ЦК ВКП(б) (кстати, единственном Пленуме, созданном за годы войны) наркоматы обороны и иностранных дел из общесоюзных были преобразованы в союзно-республиканские. Пленум одобрил проекты законов «О создании войсковых формирований союзных республик и о преобразовании в связи с этим Народного Комиссариата Обороны из общесоюзного в союзно-республиканский народный комиссариат» и «О предоставлении союзным республикам полномочий в области внешних сношений и о преобразовании в связи с этим Народного Комиссариата Иностранных Дел из общесоюзного в союзно-республиканский народный комиссариат». Конституцию СССР дополнили рядом статей, в частности, статьей 18-а, гласившей «Каждая союзная республика имеет право вступать в непосредственные сношения с иностранными государствами, заключать с ними соглашения и обмениваться дипломатическими и консульскими представителями», и статьей 18-б: «Каждая союзная республика имеет свои республиканские войсковые формирования»¹.

Вторая тенденция носила долговременный характер и была связана с изменением понятия «патриотизм». В официальной пропаганде русский патриотизм вытеснялся патриотизмом советским, национально-культурные признаки патриотизма заменялись социально-политическими. Сохранение верности СССР, коммунистическим идеям должны были стать основными признаками советского патриотизма.

Такое понимание патриотизма приобретало особую актуальность в связи с тем, что руководство нацистской Германии, особенно на заключительном этапе войны, стало использовать для борьбы с СССР националистические тенденции. В концепцию нацистов входил раскол Советского Союза и России по этническому признаку². Герман-

¹ Материалы Пленума ЦК ВКП(б) (1944 г.) // Исторический архив. 1992. № 1. С. 62–65. См. также: АП РФ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 191. Л. 1–6.

² См.: Раманичев Н.М. Власов и другие // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. – М., 1995. С. 294–295. В создании русских воинских формирований участвовали также офицеры-эмигранты, участники Гражданской войны. В число этих формирований входили Рус-

ские лидеры стремились использовать национальные противоречия в борьбе с советской властью, но крайне настороженно относились к попыткам воссоздать государственные образования на оккупированной территории¹. В 1942 г., после того как провалился блицкриг и война приобрела затяжной характер, с ведома фашистского руководства были созданы различные национальные комитеты: северокавказский, туркестанский, татарский, калмыцкий, карачаевский, кабардино-балкарский, азербайджанский, армянский, грузинский. Украинский комитет называл себя Центральной радой. Центральная рада появилась в Белоруссии. В Латвии и Литве были созданы национальные отечественные советы, в Эстонии – марионеточное правительство.

С приближением советских войск к границам нацистской Германии гитлеровское руководство было вынуждено согласиться с созданием Русской освободительной армии под началом генерала А.А. Власова. 14 ноября 1944 г. в Праге состоялось учредительное собрание политического центра «русского освободительного движения», названного Комитетом освобождения народов России.

В этих условиях борьба с националистическими движениями приобретала для советской власти особую актуальность, приравнивалась (часто неправомерно) к борьбе с немецким фашизмом и его пособниками². Советский, социалистический патриотизм, не отменявший полностью патриотизм национальный, должен был стать, по мнению идеологов, высшей формой патриотизма. Он объявлялся «неотъемлемым элементом общественного сознания в СССР», основой возникновения которого послужили «коренные революционные преобразования в эко-

ская национальная народная армия (РННА), Русская освободительная народная армия (РОНА), казачий стан генерала Т.Н. Доманова, 1-й русский корпус, казачья группа генерала А.В. Туркула, 1-я русская национальная армия, 15-й казачий кавалерийский корпус, а также полки, бригады и дивизии СС. В них, особенно в конце войны, служило большое количество и советских граждан, в том числе офицеров. – *Прим. авт.*

¹ Примером может служить судьба группы Степана Бандеры и Организации украинских националистов (ОУН), попытавшихся в первые дни войны провозгласить независимое Украинское государство. ОУН создала правительство во главе с заместителем Бандеры Ярославом Стецко, которое, не просуществовав и недели, было арестовано. Степан Бандера был заключен в берлинскую тюрьму. В концлагерях оказались сотни и тысячи его сторонников. Их выпустили лишь в 1944 г. О судьбе С. Бандеры см.: *Санников Г. Как убивали Степана Бандеру // Аргументы и факты. 2000. № 45. С. 10.*

² К концу войны получила большое распространение депортация народов, обвиненных в сотрудничестве с гитлеровцами. Помимо советских немцев, высланных из европейской части СССР еще в 1941–1942 гг., в феврале 1944 г. в восточные районы страны было выслено 650 тыс. чеченцев, ингушей, калмыков и карачаевцев. Летом 1944 г. их участь разделили около 225 тыс. крымских татар, а также болгар, греков, армян, проживавших в Крыму. См.: *Новейшая история Отечества. XX век / Под ред. А.Ф. Киселева и Э.М. Щагина. – М., 1998. Т. 2. С. 207.*

номике, классовой структуре, национальных отношениях в ходе построения социализма...»¹.

Однако, несмотря на постоянные теоретические изыскания по проблемам «социалистического патриотизма» и нескончаемый поток утверждений об окончательном решении национального вопроса в СССР, он оставался одним из важнейших, хотя и скрытых от обсуждения, вопросов внутренней политики страны.

Победа. 9 мая 1945 г. с утра по всей стране – в домах и коммунальных квартирах, на вокзалах и площадях, в заводских цехах и у проходных – из репродукторов громкоговорителей разнеслась долгожданная весть: война закончилась!

«Товарищи! Соотечественники и соотечественницы! – обращался к стране Сталин. – Наступил великий день победы над Германией. Фашистская Германия, поставленная на колени Красной Армией и войсками наших союзников, признала себя побежденной и объявила безоговорочную капитуляцию.

7 мая был подписан в городе Реймсе предварительный протокол капитуляции. 8 мая представители немецкого главнокомандования в присутствии представителей Верховного Командования союзных войск и Верховного Главнокомандования советских войск подписали в Берлине окончательный акт капитуляции, исполнение которого началось с 24 часов 8 мая <...>

Теперь мы можем с полным основанием заявить, что наступил исторический день окончательного разгрома Германии, день великой победы нашего народа над германским империализмом.

Великие жертвы, принесенные нами во имя свободы и независимости нашей Родины, неисчислимые лишения и страдания, пережитые нашим народом в ходе войны, напряженный труд в тылу и на фронте, отданный на алтарь Отечества, не прошли даром и увенчались полной победой над врагом. Вековая борьба славянских народов за свое существование и свою независимость окончилась победой над немецкими захватчиками и немецкой тиранией <...>

Три года назад Гитлер всенародно заявил, что в его задачи входит расчленение Советского Союза и отрыв от него Кавказа, Украины, Белоруссии, Прибалтики и других областей. Он прямо заявил: «Мы уничтожим Россию, чтобы она больше никогда не смогла подняться». Это было три года назад. Но сумасбродным идеям Гитлера не суждено было сбыться – ход войны развеял их в прах. На деле получилось

¹ Сов. ист. энцикл. – М., 1967. Т. 10. Стб. 929.

нечто прямо противоположное тому, о чем бредили гитлеровцы. Германия разбита наголову. Германские войска капитулируют. Советский Союз торжествует победу, хотя он и не собирается ни расчленять, ни уничтожать Германию.

Товарищи! Великая Отечественная война завершилась нашей полной победой. Период войны в Европе кончился. Начался период мирного развития.

С победой вас, мои дорогие соотечественники и соотечественницы!

Слава нашей героической Красной Армии, отстоявшей независимость нашей Родины и завоевавшей победу над врагом! Слава нашему великому народу, народу-победителю! Вечная слава героям, давшим в боях с врагом и отдавшим свою жизнь за свободу и счастье нашего народа!»¹.

Следом был объявлен приказ Верховного Главнокомандующего маршала Сталина, в котором сообщалось о безоговорочной капитуляции 8 мая 1945 г. вооруженных сил Германии, о том, что Великая Отечественная война, которую вел советский народ против немецко-фашистских захватчиков, победоносно завершена.

Верховный Главнокомандующий поздравлял с этой победой красноармейцев и краснофлотцев, сержантов, старшин, офицеров армии и флота, генералов, адмиралов и маршалов; он приказал в ознаменование полной победы над Германией, в День Победы 9 мая, в 22 часа салютовать тридцатью артиллерийскими залпами из тысячи орудий доблестным войскам Красной Армии, кораблям и частям Военно-Морского Флота, одержавшим эту блестящую победу.

Приказ заканчивался провозглашением вечной славы героям, павшим в боях за свободу и независимость Родины, и здравицей в честь победоносных Красной Армии и Военно-Морского Флота².

Начиналась мирная жизнь. Правда, Советскому Союзу предстояло выполнить свои обязательства перед союзниками и через три месяца после разгрома Германии выступить против Японии, но предстоящие военные действия на Дальнем Востоке были несопоставимы с только что закончившейся войной.

Среди огромного числа проблем налаживания мирной жизни едва ли не первостепенной была задача проведения демобилизации армии. К маю 1945 г. численность Вооруженных Сил СССР составляла 11 365 тыс. человек³.

¹ Правда. 1945. 10 мая.

² Там же.

³ Подсчеты численного состава военнослужащих здесь и дальше сделаны Ю.А. Абрамовой.

21 мая 1945 г. в Москву были вызваны командующие фронтами и родами войск. Им предстояло участвовать в проводимом Верховным Главнокомандующим совещании «О демобилизации и реорганизации Красной Армии». Совещание началось в 7 часов вечера. Сведения об этом совещании публикуются впервые.

Сталин заявил, что демобилизация не может быть всеобщей не только потому, что этого не позволяет современная обстановка, но и потому, что транспорт выполняет другие задачи. Демобилизация не должна была затронуть танковые части и Военно-Морской Флот. В первую очередь демобилизации подлежали Войска противовоздушной обороны и кавалерия. «Она коснется в некоторой степени ВВС, почти не коснется артиллерии, я имею в виду полевую артиллерию», – подчеркнул Верховный.

Значительно сокращались пехотные части. Демобилизация должна была охватить 40–60 % их состава, за исключением войск Дальнего Востока, Забайкалья и Закавказья¹.

Возвратившись к вопросу о том, какие части не должны быть сокращены, Сталин заявил: «Танковые соединения предполагаем не только не уменьшить, а увеличить. Мы хотим увеличить контрбатарейную артиллерию. От трех дивизий довести хотя бы до 15».

Сталинские слова о порядке проведения демобилизации заслуживают специального, тщательного анализа. За ними скрывались его представления об отношениях с союзниками, о будущей военной угрозе в Европе. Едва ли не ключевыми являлись замечания Сталина о том, что в первую очередь подлежат сокращению Войска ПВО и кавалерия. С кавалерией все было ясно. Этот род войск уже стал очевидным анахронизмом. А вот слова о сокращении Войск противовоздушной обороны позволяют утверждать, что Сталин не считал потенциальными противниками США и Великобританию: основу вооруженных сил этих стран составляла бомбардировочная авиация. О том же свидетельствовали и его намерения несколько уменьшить численность советских Военно-Воздушных сил.

Сталин намеревался не только сохранить, но и усилить танковую группировку и артиллерию в составе Красной Армии². Отчасти это объяснялось предстоящей войной с Японией (в которой Красная Армия успешно применит танковые соединения). Однако, полагаю, танковым соединениям отводилась и военно-полицейская роль в советской зоне оккупации Германии, где сохранялась угроза как профашистских

¹ АП РФ Ф. 3. Оп. 50. Д. 287 Л. 89.

² См.: там же. Л. 86.

мятежей, так и антисоветских выступлений. В таких случаях «последним аргументом» обычно становились танки.

Сокращение войск в Закавказье не планировалось. Отметим это обстоятельство, чтобы вернуться к нему позднее.

Важнейшим решением стало сокращение сухопутных войск на 40–60 %. Сухопутные войска – это по преимуществу выходцы из крестьян. Крестьяне, многие десятилетия существовавшие в замкнутой среде, пережившие потрясение раскулачивания, прошли в рядах Красной Армии через земли недавних независимых государств – Латвии, Литвы, Эстонии, увидели, как живут такие же крестьяне в Польше, Восточной Пруссии, Венгрии, Румынии, Чехословакии, Германии, Австрии. Советские солдаты разгромили гитлеровскую Германию и ее сателлитов, встретились с войсками союзников – американцами, англичанами, французами, приобщившись таким образом к проблемам «большой политики».

Одетые в солдатские шинели крестьяне, которым пятнадцать лет вдалбливали, что колхозный строй – единственно верный путь к благополучию, что судьба колхозного крестьянства – самая счастливая судьба, увидели совсем другую жизнь. В той, чужой жизни, на деревенской кухне где-нибудь в Германии или Чехословакии было больше электрических розеток, чем в колхозных механических мастерских, крестьяне жили в больших домах с крашеными полами и коврами, а ухоженный домашний скот стоял в сухих каменных стойлах.

Солдаты и офицеры армии-победительницы не могли не задуматься – как будет устроена жизнь после войны? Многие были убеждены, что Сталин после войны отменит колхозы, что это станет выражением его благодарности крестьянам-солдатам за героизм, проявленный в войне. В ЦК ВКП(б) поступали многочисленные «сигналы»: «слухи о ликвидации колхозов... сейчас широко распространяются среди колхозников» (Курская область); крестьяне в Псковском районе спрашивали партийных работников: «Скоро ли распустят колхозы?»; «все ждут, что распустят армию по домам – колхозы отменят» (Пензенская область)¹. Как установила Е. Зубкова, по всей стране – от Пскова и Воронежа до Забайкалья – распространялись слухи, что «в Америке, говорят, уже решили распустить все колхозы в СССР, Молотов поэтому и покинул конференцию в Сан-Франциско»; «Англия и Америка предъявили нашему правительству ультиматум – или распустите колхозы, или пойдем на Россию войной...»². Слухи эти имели удивительно устойчивый характер, став важной социально-

¹ Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество... С. 62–63.

² Там же. С. 63.

психологической характеристикой настроений колхозников и демобилизующихся солдат. Аналогичные антиколхозные ожидания встречались и среди генералитета¹.

Однако вернемся к событиям в Кремле. Совещание с командующими продолжилось на следующий день – 22 мая. Сталин вспомнил начало войны. По его словам, войска первой линии к началу войны не были полностью мобилизованы. Не хватало по 3–4 тысячи человек на дивизию².

Сталинское обращение к началу войны не было случайным. Кто-то, а командующие прекрасно помнили и о пакте Риббентропа–Молотова, и о сообщении ТАСС 13 июня 1941 г., где утверждалось, что «Германия... неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении», и о реакции Сталина на сообщение о начале немецкого вторжения в СССР. Узнав об этом в половине четвертого утра 22 июня 1941 г., вождь заявил: «Это провокационные действия немецких военных, огня не открывать, чтобы не развязывать более широких действий». Не забыли военачальники и о расстреле верхушки командования Западного фронта в первые дни войны «за позорящую звание командира трусость, ...отсутствие распорядительности, развал управления войсками, сдачу оружия противнику без боя и самовольное оставление позиций»³. Сталин же переводил трагедию начала войны в плоскость военно-технических вопросов, сводил ее к тому, что приграничные дивизии не были полностью укомплектованы.

Сталин продолжил тему демобилизации армии. Он дал указание командующим при демобилизации не отпускать бойцов и офицеров с пустыми руками, раздать им радиоприемники, велосипеды и другие вещи и, кроме того, организовать через хозаппарат полка продажу различных товаров⁴. Раздать – как? Из каких товарных запасов? Как организовать эту раздачу через не существующий хозяйственный ап-

¹ См.: Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991. – М., 1998. С. 39, 51.

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 287. Л. 92.

³ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. – М., 2000. Т. 2: Начало. Кн. 1. С. 333. На допросе командующий Западным фронтом генерал армии Герой Советского Союза Д.Г. Павлов объяснял, почему он не предпринимал предупредительных мер. Он сообщил, что 22 июня в час ночи его вызвали в штаб фронта для телефонного разговора с наркомом обороны. На вопрос маршала С.К. Тимошенко: «Какова ситуация на границе?» Павлов сообщил, что наблюдается тревожная активность на противоположной стороне. «Вы будьте поспокойнее и не паникуйте, – предупредил Павлова нарком обороны. – ... Может, что-нибудь и случится неприятное, но смотрите, ни на какую провокацию не идите. Если будут отдельные провокации – позвоните». На этом разговор закончился. Через два с половиной часа Германия напала на СССР. См.: «Мне было приказано быть спокойным и не паниковать»: трагедия Западного фронта и его командующего Д.Г. Павлова // Неизвестная Россия. XX век. – М., 1992. Кн. 2. С. 63–64.

⁴ АП РФ. Ф.3. Оп. 50. Д. 287. Л. 93.

парат полка? За сталинскими словами скрывалось плохо прикрытое разрешение на «самоснабжение», другими словами, на грабеж местного населения. Тем самым предпринималась попытка подкупить часть демобилизованных, смягчить потенциальное недовольство солдат, возвращавшихся домой.

На совещании с командующими были отданы распоряжения о подготовке к боевым действиям против Японии.

Тогда же Сталин предложил провести в Москве Парад Победы и пригласить на него наиболее отличившихся героев – солдат, сержантов, старшин, офицеров и генералов. Командующие, судя по воспоминаниям маршала Жукова, были убеждены, что Парад Победы должен принимать Верховный Главнокомандующий – Сталин¹. Начальнику Генерального штаба А.И. Антонову были даны указания по подготовке парада.

Растянувшееся на несколько дней совещание Верховного Главнокомандующего с военачальниками Красной Армии закончилось приемом в Кремле вечером 24 мая. На приеме Сталин выступил с поразительным тостом, в котором, несомненно, отразились его долгие размышления и тревоги. «У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941–1942 годах, – говорил Сталин. – Иной народ мог бы сказать Правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это... И это доверие русского народа Советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества – над фашизмом. Спасибо ему, русскому народу, за это доверие!»².

Сталин трезво оценивал отношение народа к власти. Еще в сентябре 1941 г. он заявил американскому послу А. Гарриману: «У нас нет никаких иллюзий, будто бы они (русские люди) сражаются за нас. Они сражаются за мать-Россию»³.

Сталин, Верховный Главнокомандующий, председатель Совнаркома СССР и секретарь ЦК ВКП(б), пережил в первый год войны страх и растерянность, удивление и недоверие к терпеливости русского народа, перенесшего неимоверные лишения войны, но не избавившегося от своего правительства, наделавшего столько ошибок. Сейчас он говорил о своей благодарности русскому народу. Но за его словами

¹ См.: Жуков, 1971. С. 662.

² Правда. 1945. 25 мая.

³ Гарриман А. Русские шли волна за волной: беседа американского профессора Урбана с бывшим послом в СССР // Родина. 1991. № 6–7. С. 49.

стояло ощущение, что это доверие не бесконечно, что русский народ потенциально опасен власти.

Однако вернемся к мемуарам маршала Жукова.

«Точно не помню, кажется 18–19 июня, меня вызвал к себе на дачу Верховный.

Он спросил, не разучился ли я ездить на коне. Я ответил:

– Нет, не разучился.

– Вот что, вам придется принимать Парад Победы. Командовать парадом будет Рокоссовский.

Я ответил:

– Спасибо за такую честь, но не лучше ли парад принимать вам? Вы Верховный Главнокомандующий, по праву и обязанности следует вам принимать парад.

И.В. Сталин сказал:

– Я уже стар принимать парады. Принимайте вы, вы помоложе»¹.

Этот текст содержится в опубликованных мемуарах Жукова, тщательно отредактированных советскими цензорами, изъывшими из воспоминаний маршала важный эпизод:

«Прощаясь, он (Сталин. – *Авт.*) заметил, как мне показалось, не без намека:

– Советую принимать парад на белом коне, который Вам покажет Буденный...

На другой день я поехал на Центральный аэродром посмотреть, как идет тренировка к параду. Там встретил сына Сталина Василия. Он отозвал меня в сторону и рассказал любопытную историю.

– Говорю Вам под большим секретом. Отец сам готовился принимать Парад Победы. Но случился казус. Третьего дня во время езды от неумелого употребления шпор конь понес отца по манежу. Отец, ухватившись за гриву, пытался удержаться в седле, но не сумел и упал. При падении ушиб себе плечо и голову, а когда встал – плюнул и сказал: “Пусть принимает парад Жуков, он старый кавалерист”.

– А на какой лошади отец тренировался? – спросил я Василия.

– На белом арабском коне, на котором он рекомендовал Вам принимать парад. Только прошу об этом никому не говорить, – снова повторил Василий.

И я до сих пор никому не говорил. Однако прошло уже много лет, и думаю, что теперь об этом случае можно рассказать...»²

¹ Жуков, 1971. С. 662–663.

² Жуков Г.К. Воспоминания и размышления: В 3 т. 12-е издание [дополненное по рукописи]. – М., 1995. Т. 3. С. 308. (Далее: Жуков, 1995).

Судя по воспоминаниям С.М. Штеменко (в то время начальника оперативного управления Генштаба), Сталин дал указание готовить парад в честь Победы вскоре после 9 мая¹. На совещании с командующими Верховный только «озвучил» принятое и уже выполнявшееся решение. 24 мая начальник Генштаба А.И. Антонов издал приказ, где в деталях был предусмотрен порядок проведения Парада Победы, не было только сведений о том, кто будет принимать и кто – командовать парадом².

Сталинские занятия верховой ездой закончились, как отмечалось выше, неудачей. 66-летний человек³ с искаленной еще в детстве левой рукой был не в состоянии принимать парад согласно старой русской традиции, то есть верхом. Вместе с тем Сталин хорошо понимал: тот, кто будет принимать Парад Победы, «обречен» в России на вечную славу. Поэтому он тщательно обдумывал, кому это поручить. Кандидатура Жукова стала, скорее всего, вынужденной⁴.

Существует легенда, впрочем, не подкрепленная документальными источниками, что Сталин предлагал принять парад маршалу И.С. Коневу, командовавшему в конце войны 1-м Украинским фронтом. С начала 1945 г. между Жуковым и Коневым возникло плохо скрытое соперничество. Конев явно завидовал славе Жукова. В этой связи сталинское предложение выглядит правдоподобным. Однако, по семейному преданию Коневых, маршал отказался от предложения: у него было плохо со зрением, и он не смог бы управлять лошадью без очков. Командовать парадом в очках Иван Степанович не захотел⁵.

Поражение победителей. Генералы. Военным Сталин не доверял. НКВД и его преемники – НКГБ, МГБ и МВД вели слежку практически за каждым крупным военачальником. Так, слежка за С.М. Бу-

¹ См.: Штеменко С.М. Указ. соч. С. 394.

² См.: там же. С. 398.

³ И.В. Джугашвили-Сталин родился, судя по метрической книге Горькой Успенской соборной церкви, 6 декабря 1878 г., крещен в этой церкви 17 декабря 1878 г. Позже (с 1921 г.) Сталин изменил свой год рождения на 1879-й, причина этого не ясна по сей день. См.: Когда родился Сталин / Публикацию подготовили Китаев И., Мошков Л., Чернев А. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. С. 132–134.

⁴ Маршалы С.М. Буденный, К.Е. Ворошилов, С.К. Тимошенко, старые кавалеристы, в Отечественную войну ничем не прославились, остались героями Гражданской войны. Заместители Сталина по Наркомату обороны – маршал А.М. Василевский, большую часть войны руководивший Генштабом, и Н.А. Булганин, «политический», штатский генерал – не должны были принимать парад, и не только из-за их «некавалерийской» комплекции. В последние месяцы войны Сталин отправил Василевского с поста начальника Генштаба командовать 3-м Белорусским фронтом, чтобы не делить с ним славу организатора Победы. Булганин не занимал в то время самостоятельных командных должностей. – *Прим. авт.*

⁵ См.: Федоров В. О пользе падения с лошади (<http://flib.narod.ru/articles/000/000>).

денным началась в 1925 г., на его квартире было установлено подслушивающее устройство; за маршалом К.Е. Ворошиловым, его ближайшим окружением и родственниками велось непрерывное наблюдение, результаты которого регулярно докладывались Сталину; за главным маршалом артиллерии Н.Н. Вороновым следили с 1938 г.; за маршалом С.К. Тимошенко – с 1942 г. «Агентурное дело “Узел”» (операция НКВД против Г.К. Жукова) началось в 1939 г. Подслушивающими устройствами были снабжены квартира и дача маршала¹.

Вскоре после Парада Победы Жуков получил назначение на должность главнокомандующего Группой советских войск в Германии и Главноначальствующего Советской военной администрации. Должность эта была военно-политической, предполагала тесные контакты с западными союзниками. Жуков принимал участие в работе Потсдамской конференции в июле 1945 г. Главноначальствующий Советской военной администрации поддерживал постоянные контакты со своими коллегами – главнокомандующими оккупационными войсками: США – генералом армии Д. Эйзенхауэром, Великобритании – фельдмаршалом Б. Монтгомери, Франции – генералом корпуса П. Кенигом.

Круг вопросов, которыми Жукову пришлось заниматься на этом посту, был огромен. Важное место в его деятельности заняли вопросы организации военно-промышленного разоружения и репараций. Маршал действовал решительно и инициативно, не боялся отстаивать свою позицию и перед московскими ведомствами и перед союзниками. Важные свидетельства о деятельности Жукова на этом посту оставил К.И. Коваль, заместитель Главноначальствующего Советской военной администрации в Германии и руководитель советской части Экономического Директората Контрольного Совета. Коваль вспоминал, как в ответ на его жалобу в адрес заместителя наркома иностранных дел А.Я. Вышинского, который не подготовил необходимых документов об аппарате Экономического управления в советской зоне оккупации, Жуков сказал: «А что ты хотел от этого красного прокурора Вышинского, узаконившего круговую ответственность за деяния – сын – за отца, отец – за сына, брат – за брата и т. д., в результате чего не одна сотня неповинных людей была отправлена на тот свет»².

В другом случае, во время одного из первых заседаний Контрольного Совета, обсуждался вопрос о воздушных коридорах.

«Тогда, – вспоминал Коваль, – на этом заседании, командующий воздушной армией США в Германии выразился так:

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 306.

² Коваль К.И. Последний свидетель: «Германская карта» в холодной войне. – М., 1997. С. 144.

– Мы, американцы, будем летать по Германии там, где мы этого захотим.

На это Жуков ответил:

– У себя по зоне вы летайте, как хотите, а что касается Восточной Германии, вы будете летать там, где я вам разрешу, и, вынув карту с двумя начерченными коридорами – прилета в Берлин и одним выходным коридором из Берлина, положил ее на стол поближе к генералу. А затем добавил: “Монтгомери может у себя в зоне до сих пор содержать нерасформированными 90 тыс. немецких солдат и офицеров, а почему бы мне самому не распорядиться воздушными коридорами в своей зоне?”»¹.

Жукова поддерживали сослуживцы и подчиненные. Достаточно близкими, если не дружескими, были отношения Жукова с человеком, которому по должности полагалось присматривать за маршалом, – со своим заместителем по Советской военной администрации генерал-полковником И.А. Серовым, переведенным на эту должность с поста заместителя наркома внутренних дел СССР². Жуков, судя по некоторым данным, надеялся, что Серов будет назначен на должность министра госбезопасности страны. Сам Жуков рассчитывал на назначение министром Вооруженных Сил СССР³.

Как крупная политическая фигура Жуков привлекал внимание западной прессы. А.А. Данилов и А.В. Пыжиков, исследовавшие послевоенную историю Советского государства, обратили внимание на любопытные факты: осенью 1945 г. газета «Чикаго трибюн» опубликовала заметку, где сообщалось, что «в Москве происходит ожесточенная закулисная борьба за власть между маршалом Жуковым и министром иностранных дел Молотовым, которые пытаются занять диктаторское место Сталина»⁴. Американская печать сообщила о готовящемся до конца года визите Жукова в Вашингтон, затем – об отсрочке его на неопределенный срок по распоряжению Сталина. Позже в заокеанской прессе появились фамилии Жданова и Булганина как возможных преемников Сталина⁵.

Вся эта информация исправно докладывалась «хозяину», так на кремлевском жаргоне называли Сталина.

Остается неясным – были ли публикации в прессе результатом журналистских домыслов или за ними стояла спланированная прово-

¹ Коваль К.И. Указ. соч. С. 203.

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 306. Л. 112–115.

³ См.: там же. Л. 116–117

⁴ Данилов А.А., Пыжиков А.В. Указ. соч. С. 200.

⁵ См.: там же. С. 201.

кация западных спецслужб – убрать Жукова руками Сталина с поста Главноначальствующего Советской военной администрации в Германии. К.И. Коваль был убежден, что человек такого масштаба, как Жуков, с его огромным авторитетом у союзников, кавалер высших наград Англии и США, являясь самостоятельной политической силой, мог противостоять негативным тенденциям, нараставшим в отношениях союзников и СССР¹.

В марте 1946 г. Жукова неожиданно вызвали в Москву. Его ждала новая должность главнокомандующего Сухопутными войсками и заместителя министра Вооруженных Сил СССР. Впрочем, занимал он эти посты недолго – до июня 1946 г. Сам того не осознавая, маршал оказался в центре карательно-политической кампании.

Вторая половина победного 1945 года была использована для сбора компрометирующего материала против ряда представителей высшего командного состава. Непосредственным «постановщиком» задач для следствия являлся Сталин. Организационная работа велась А.А. Кузнецовым, бывшим секретарем Ленинградского горкома, назначенным 18 марта 1946 г. на Пленуме ЦК ВКП(б) членом Оргбюро и секретарем ЦК, начальником Управления кадров ЦК, «куратором» органов безопасности. Непосредственное участие в кампании принимали также Н.А. Булганин, заместитель министра Вооруженных Сил СССР, заместитель председателя Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) М.Ф. Шкирятов и министр госбезопасности В.С. Абакумов, назначенный в мае 1946 г. в разгар так называемого «дела авиаторов». (Военная контрразведка «Смерш», которой Абакумов руководил прежде, была передана из Министерства Вооруженных Сил СССР в штат МГБ)².

Однако воспользоваться «сценарием 1937 года» для расправы с Жуковым оказалось невозможно, по крайней мере в тех формах, которые применялись в конце 30-х годов. Требовалась более основательная подготовка, систематическая дискредитация маршала.

Следователи разрабатывали три главные линии: первая – попытаться собрать компрометирующие данные на Г.К. Жукова; вторая – выявить «вредителей» в военной авиации и военной промышленности; третья – доказать связь между военными и политическими деятелями.

«Дело авиаторов». *Первый тяжелый удар был направлен против «Авиаторов». Были арестованы командующий 12-й воздушной армией маршал авиации С.А. Худяков и главнокомандующий ВВС*

¹ См.: Коваль К.И. Указ. соч. С. 201–202.

² См.: Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. – М., 1996. С. 283–284.

главный маршал авиации, дважды Герой Советского Союза А.А. Новиков. Их подвергли жестоким систематическим допросам.

Чтобы представить себе порядок проведения следствия, обратимся к самому компетентному источнику – письму министра государственной безопасности В.С. Абакумова на имя Сталина от 17 июля 1947 г. «Докладываю, – писал министр, – о сложившейся в органах МГБ практике ведения следствия по делам о шпионах, диверсантах, террористах и участниках антисоветского подполья».

Аресты проводились внезапно. Чтобы скрыть факт ареста, важных государственных преступников задерживали на улице или при каких-то специально сконструированных обстоятельствах. Тщательно продумывались процедуры обысков для обнаружения нужных следствию вещественных доказательств.

«При допросе арестованного, – отчитывался Абакумов, – следователь стремится добиться получения от него правдивых и откровенных показаний...». Для этого следователь должен использовать различные подходы к арестованному. В одном случае – пытаться расположить к себе: разрешать ему получать передачи от родственников, читать книги, совершать более длительные прогулки. В другом случае следователь должен усиливать нажим на арестованного, угрожать ему предстоящим наказанием, ограничивать его право на прогулки, чтение, передачи. В третьем – «применить метод убеждения с использованием религиозных убеждений арестованного, семейных и личных привязанностей, самолюбия, тщеславия и т. д.».

«Уликовыми данными» для органов МГБ в первую очередь становились показания других арестованных и свидетелей. Кроме этого в качестве доказательств использовались: переписка, книги, фотографии, данные, полученные от агентуры, наружного наблюдения, оперативной техники и иным путем.

Абакумов подробно информировал Сталина о способах, которыми специалисты МГБ добивались признания от тех арестованных, которые «упорно сопротивляются, ...ведут себя провокационно, всеми способами стараются затянуть следствие либо сбить его с правильного пути». Таких переводили в тюрьму с более жестким режимом, сокращали им время сна, ограничивали питание, лишали прогулок, передач, сажали в карцер сроком до 20 суток. На основании указаний ЦК ВКП(б) от 10 января 1939 г. к ним применялись «меры физического воздействия». Абакумов не указывал конкретно, какие это были меры. Однако сохранились сведения о указаниях на этот счет, полученных сотрудниками МГБ из ЦК ВКП(б): «Бить смертным боем»¹. (Об этом «указании» ЦК ВКП(б) речь пойдет и в последующих очерках).

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 222. Л. 246.

Для разоблачения арестованных применялась «подсада» как из числа заключенных, сотрудничавших с администрацией, так и агентов МГБ «с воли».

Все эти методы МГБ обрушило на боевых генералов. «Дело авиаторов» давало следователям и тем, кто стоял за ними, широкие возможности для сбора компромата и на Жукова и на других лиц, казавшихся опасными Сталину. Основными для следствия стали показания, полученные от арестованного в начале 1946 г. 43-летнего маршала авиации Сергея Александровича Худякова. Его сломали жестокими допросами уже в феврале 1946 г., заставили признаться, что он якобы скрывал место своего рождения, русифицировал имя (настоящее – Арменак Артемович Ханферянц), вынудили «сознаться» в шпионской связи с англичанами, службе в дашнакском отряде и чуть ли не причастности к расстрелу 26 бакинских комиссаров. В апреле 1946 г. под пытками¹ он дал показания против большой группы генералов ВВС и деятелей авиационной промышленности. Не был забыт при допросах и маршал Жуков.

Следователи добились, что Худяков обвинил командующего ВВС А.А. Новикова, главного инженера ВВС А.К. Репина и наркома авиационной промышленности, а вместе с ними и их сотрудников в том, что они проводили «в ВВС по существу преступную линию приема от авиационной промышленности некоторых типов самолетов и моторов, имевших крупные производственные дефекты, что приводило к большому числу катастроф с человеческими жертвами... Шахурин (бывший нарком авиапромышленности. – *Авт.*) всегда знал, что делается в ВВС, и имел возможность вовремя сгладить “острые углы”, а Новиков, зная обо всех безобразиях с материальной частью, не принимал никаких мер сам и не докладывал об этом Генералиссимусу»².

«Касаясь конкретных фактов преступлений, совершенных в ВВС нами, – продолжал свои “показания” Худяков, – Новиковым, мною, Репиным и Шимановым (генерал-полковник, член Военного Совета ВВС и одновременно заведующий Военно-авиационным отделом ЦК ВКП(б). – *Авт.*), я, прежде всего, должен остановиться на серьезных дефектах некоторых типов самолетов, поступавших из авиационной промышленности на вооружение Военно-Воздушных Сил»³. Худяков также дал показания против Маленкова, заявив, что тот знал о серьезных недостатках в производстве самолетов.

¹ С.А. Худяков не пережил пыток, умер в тюрьме в 1950 г.

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 311. Л. 82.

³ См.: там же. Л. 85.

По словам Худякова, серьезные недоработки как конструктивные, так и производственные, были у всех основных типов фронтовой авиации – у знаменитых Яков, Ил-2, Ла-7, Пе-2, Ту-2. На основании этих показаний появилась возможность обвинить во вредительстве крупнейших авиаконструкторов – А.С. Яковлева, С.В. Ильюшина, С.А. Лавочкина, А.Н. Туполева, директоров авиационных и моторостроительных заводов.

Сталин, прочитав протокол допроса, распорядился ознакомить с ним Молотова, Берию, Маленкова, Жданова, Булганина и Микояна¹. Были проведены новые аресты, новые допросы. Следствие получило политическую окраску. 11 апреля всем членам и кандидатам в члены Политбюро, секретарям ЦК ВКП(б) А.А. Кузнецову и Г.М. Попову, а также нескольким руководителям ВВС, Министерства Вооруженных Сил и промышленности – К.А. Вершинину, новому главкому ВВС, М.В. Хруничеву, новому наркому авиационной промышленности, А.С. Яковлеву, авиаконструктору и заместителю наркома авиапрома, П.В. Дементьеву, заместителю наркома авиапрома, А.М. Василевскому, начальнику Генерального штаба, – было разослано письмо Сталина.

Сталин писал: «Проверка работы ВВС и жалобы летчиков с фронта на недоброкачественность наших самолетов привели к выводу, что бывший нарком авиапромышленности Шахурин, который сдавал самолеты для фронта, затем бывший главный инженер ВВС Репин и подчиненный ему Селезнев, которые принимали самолеты от Шахурина для фронта, находились в сговоре между собой с целью принять от Шахурина недоброкачественные самолеты, выдавая их за доброкачественные, обмануть таким образом правительство и потом получать награды за “выполнение” и “перевыполнение” плана. Эта преступная деятельность поименованных выше лиц продолжалась около двух лет и вела к гибели наших летчиков на фронте. Бывший командующий ВВС Новиков, зная о преступлениях названных выше лиц, не только не сообщал об этом Правительству, но и запрещал своим подчиненным делать такие сообщения, опасаясь того, что в случае раскрытия выше-названных преступных действий, ответственность падет, прежде всего, на него, то есть на Новикова. Таким образом, преступления продолжались, фронт получал недоброкачественные самолеты, аварии шли за авариями и расплачивались за это своей кровью наши летчики.

Нам помогли вскрыть это дело летчики с фронта. Пришлось арестовать названных выше непосредственных виновников преступления – Шахурина, Репина, Селезнева, а также члена Военного Совета ВВС – Шиманова»².

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 311. Л. 77–78.

² См.: там же. Л. 98–99.

К письму прилагалась сводка о результатах допросов арестованных. Отметим, что в документах нет сведений об использовании в этом деле конкретных жалоб «летчиков с фронта». Все обвинительные показания были получены в результате самооговоров арестованных¹.

23 апреля 1946 г. был арестован А.А. Новиков.

Сталин ввел в практику работы Политбюро и Секретариата систематическое информирование членов высшего политического руководства о ходе следствия. В апреле и мае 1946 г. к ним на стол ложились сводки допросов, где сведения о «преступной деятельности» тех, кто был арестован, перемежались с информацией о политических и хозяйственных руководителях, которые работали; но в любой момент могли поменять свой генеральский мундир на одежду арестанта, а рабочий кабинет – на камеру в Лефортово. Причем это напрямую касалось и тех, кто читал подготовленные и подписанные В.С. Абакумовым, разосланные заведующим Особым сектором ЦК ВКП(б) А.Н. Поскребышевым «сводки о результатах допросов». В любой день, в любую минуту там могли появиться и их фамилии.

10–11 мая 1946 г. Военная коллегия Верховного Суда СССР рассмотрела обвинение в антигосударственной деятельности, предъявленное А.А. Новикову, А.К. Репину, А.И. Шахурину, Н.С. Шиманову, Н.П. Селезеву, А.В. Будникову и Г.М. Григорьяну. Все они были признаны виновными и осуждены на срок от 2 до 7 лет лишения свободы по ст. 193 п. 17 «а» УК РСФСР (злоупотребление властью, халатное отношение к выполнению служебных обязанностей)².

Решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 18 мая 1946 г. на основании приговора Военной коллегии Верховного Суда СССР от 11 мая 1946 г. А.А. Новиков был лишен звания дважды Героя Советского Союза, А.И. Шахурин – звания Героя Социалистического Труда. Кроме того, все фигуранты по «авиационному делу» теряли воинские звания и правительственные награды³.

¹ Не исключено, что на позицию И.В. Сталина могли повлиять его сын Василий, летчик, жаловавшийся на невысокое качество авиационной техники, и авиаконструктор А.С. Яковлев, обвинявший наркома авиационной промышленности А.И. Шахурина в отставании от мирового уровня авиационного строительства. – *Прим. авт.*

² См.: «Следствие прибегло к извращенным приемам» / Публикация В. Лебедева // Источники. 1993. № 4. С. 91–100; *Косенко И.Н.* Тайна «авиационного дела» // Военно-исторический журнал, 1994. № 6, 8; *Карпов В.В.* Маршал Жуков. Опала: литературная мозаика. – М., 1994. С. 115–117, 126–128; *Муранов А.И., Звягинцев В.Е.* Досье на маршала. С. 202–205; *Пихоя Р.Г.* Указ. соч. С. 45–47.

³ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1059. Л. 10. (Далее: РГАСПИ).

Охота на маршала Жукова. Напомним читателю: в марте 1946 г. маршал был вызван из Германии в Москву и назначен главнокомандующим Сухопутными войсками и заместителем министра Вооруженных Сил СССР. Вскоре между ним и Н.А. Булганиным обнаружилось разногласия, и в одном из споров Г.К. Жуков бросил неосторожную фразу: «Сегодня нарком Сталин, а завтра может быть другой. Не для отдельных лиц пишутся законы, а для конкретной должности». Н.А. Булганин не замедлил доложить об этом И.В. Сталину¹.

Жуков спорил в то время, когда МГБ выбивало против него показания у всех, затянутых в жернова следствия. Нужные данные были получены при допросах бывшего командующего ВВС А.А. Новикова. Жукова и Новикова связывали в прошлом дружеские отношения. Показания Новикова стали главными фактами обвинительного «дела», фабриковавшегося против строптивого маршала.

От Новикова добились показаний, что Жуков стремился приблизить к себе ряд высших военачальников, в том числе его, Новикова, и И.А. Серова. Бывший командующий ВВС сообщал, что Жуков «очень хитро, тонко и в осторожной форме в беседе со мной (Новиковым. – *Авт.*), а также и среди других лиц пытается умалить руководящую роль в войне Верховного Главнокомандования, и в то же время Жуков, не стесняясь, выпячивает свою роль в войне как полководца и даже заявляет, что все основные планы военных операций разработаны им. Так, во многих беседах, имевших место на протяжении последних полутора лет, Жуков заявлял мне, что операции по разгрому немцев под Ленинградом, Сталинградом и на Курской дуге разработаны по его идее и им, Жуковым, подготовлены и проведены. То же самое говорил мне Жуков по разгрому немцев под Москвой»².

Следователь вносил в протокол допроса формулировки, характеризующие отношение Жукова к Сталину – «высокомерный тон», «Сталин неправильно поступил», «Жуков критиковал некоторые мероприятия Верховного Главнокомандующего и Советского правительства»³.

Новиков «признался»: после того как его сняли с должности главнокома ВВС, он, будучи в кабинете у Жукова, жаловался маршалу, что Сталин «неправильно поступил, сняв меня с работы и начав аресты людей из ВВС. Жуков поддержал мои высказывания и сказал: “Надо же на кого-то свалить”. Больше того, Жуков мне говорил: «Смотри, никто за тебя и слова не промолвил, да и как замолвить, когда такое ре-

¹ См.: Жуков, 1995. Т. 3. С. 363–364.

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 312. Л. 78–79.

³ Там же. Л. 80. См. также: Г.К. Жуков: неизвестные страницы биографии // Военные архивы России. – М., 1993. Вып. 1. С. 176–183.

шение принято Сталиным». Хотя Жуков прямо и не говорил, но из разговора я понял, что он не согласен с решением правительства о снятии меня с должности командующего ВВС». Новиков рассказал Жукову о своей последней встрече со Сталиным, когда тот объявил о его увольнении с должности командующего. Свидетелем этого разговора был Маленков. «...Маленкову было хорошо известно о всех недочетах в приемке на вооружение ВВС бракованной материальной части от Наркомата авиационной промышленности. Когда я об этом поделился с Жуковым, то он ответил мне, что “теперь уже тебя никто не поддержит, все как в рот воды набрали”»¹.

На основании показаний Новикова и ряда других генералов, арестованных по «делу авиаторов», а также в результате «чекистских мероприятий» «Смерш» и МГБ Сталин в качестве министра Вооруженных Сил СССР вместе с двумя заместителями – маршалом Василевским и генерал-полковником Булганиным – начали официальное, по всем правилам советского бюрократического делопроизводства, преследование маршала Жукова. Внешне это выглядело как наказание Жукова по месту его деятельности – военному ведомству.

9 июня 1946 г. был издан приказ министра Вооруженных Сил СССР с грифом «Совершенно секретно», оскорбительный и унижительный для Жукова². Документ был отредактирован лично Сталиным и начинался так: «Совет Министров Союза ССР постановлением от 3 июня с. г. утвердил предложение Высшего Военного Совета от 1 июня об освобождении Маршала Советского Союза Жукова от должности главнокомандующего Сухопутными войсками и этим же постановлением освободил маршала Жукова от обязанностей заместителя министра Вооруженных Сил».

Далее следовала аргументация: «Бывший командующий Военно-Воздушными Силами Новиков направил недавно в правительство заявление на маршала Жукова, в котором сообщил о фактах недостойного и вредного поведения со стороны маршала Жукова по отношению к правительству и Верховному Главнокомандованию». С иезуитским (или, точнее, сталинским) лукавством показания, выколотенные из Новикова, были названы «заявлением в правительство».

Ответственность за приказ возлагалась на Высший Военный Совет, который, как сообщалось в приказе, «на своем заседании 1 июня с. г. рассмотрел указанное заявление Новикова и установил, что маршал

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 312. Л. 80–81.

² См.: Приказ министра Вооруженных Сил Союза ССР № 009, 9 июня 1946 г. Публикация В.А. Лебедева // Военно-исторический журнал, 1993. № 5. С. 27 (Документ без комментария).

Жуков... считал себя обиженным, выражал недовольство решениями правительства и враждебно отзывался о нем среди подчиненных лиц». «Маршал Жуков, – говорилось далее в приказе, – утерев всякую скромность и будучи увлечен чувством личной амбиции, считал, что его заслуги недостаточно оценены, приписывая при этом себе в разговорах с подчиненными разработку и проведение всех основных операций Великой Отечественной войны, включая и те операции, к которым он не имел никакого отношения <...> К плану ликвидации сталинградской группы немецких войск, к проведению этого плана ...он не имел отношения. <...> Было установлено, что маршал Жуков не имел также отношения к плану ликвидации крымской группы немецких войск, равно как и к проведению этого плана, хотя он и приписывает их себе в разговорах с подчиненными. Было установлено далее, что ликвидация корсунь-шевченковской группы немецких войск была спланирована и проведена не маршалом Жуковым, *как он заявлял об этом* (вписано Сталиным), а маршалом Коневым... Было, наконец, установлено, что, признавая заслуги маршала Жукова при взятии Берлина, нельзя *отрицать* (вписано Сталиным вместо: умалчивать)¹, *как это делает маршал Жуков*, что без удара с юга войск маршала Конева и удара с севера войск маршала Рокоссовского Берлин не был бы окружен и взят в тот срок, в какой он взят». Жукову ставили в вину то, что вокруг него собираются «провалившиеся и отстраненные от работы начальники», что он противопоставляет себя правительству и Верховному Главнокомандованию².

Под приказом стояла подпись: «Министр Вооруженных Сил СССР, Генералиссимус Советского Союза И. Сталин».

3 июня 1946 г. Жуков был назначен командующим Одесским военным округом. Отметим, что стремительное понижение Жукова по службе произошло в то самое время, когда полным ходом велось расследование так называемого «дела авиаторов».

Начались аресты генералов, связанных с Жуковым по службе или пользовавшихся его покровительством. В первых числах января 1947 г. были арестованы Герой Советского Союза, генерал-полковник В.Н. Гордов, бывший командующий войсками Приволжского военного округа, его заместитель Г.И. Кулик, маршал, разжалованный в 1942 г.

¹ См.: Военно-исторический журнал, 1993. № 5. С. 27.

² Хочу обратить внимание на одну деталь. В 1946 г. неожиданно по инициативе Сталина за повесть «В окопах Сталинграда» В.П. Некрасову была присуждена Сталинская премия. При очевидных и несомненных литературных достоинствах этой книги, в ней было то, что придало ей, независимо от намерений автора, особый смысл в глазах Сталина. Это был рассказ о войне без генералов. Для Сталина это было художественным подтверждением его теории «винтиков». – *Прим. авт.*

Г.И. Кулик.

за сдачу Керчи до звания генерал-майора, и генерал-майор Ф.Т. Рыбальченко, начальник штаба того же округа. Основой обвинения военачальников стали их разговоры, подслушанные на квартирах Гордова и Кулика, оборудованных техническими средствами МГБ.

Главными обвиняемыми стали генералы Г.И. Кулик и В.Н. Гордов. За каждым из них стояла своя история.

Особое внимание к Кулику объяснялось не только его высокими военными (впрочем, в прошлом) званиями, но и тем, что еще до Великой Отечественной войны он имел несчастье попасть под подозрение Сталина и руководимых им карательных органов. Сталин приказал тайно похитить жену маршала – К.И. Кулик-Симонич,

которую вождь подозревал в шпионаже. Женщину схватили на улице в мае 1940 г., доставили в Сухановскую тюрьму, полтора месяца допрашивали, но, по словам заместителя Берии Меркулова, «Кулик никаких показаний о шпионаже не дала... Через некоторое время Берия сказал мне, что Кулик нужно расстрелять, так как она должна исчезнуть бесследно, а после этого объявить ее в розыск. При этом Берия сослался на указание, полученное им от И.В. Сталина. Никаких судебных решений по ее делу не было»¹.

Кулику, заявившему об исчезновении жены, сообщили, что 8 мая 1940 г. объявлен ее всесоюзный розыск. Завершился «розыск» в январе 1952 г., спустя полтора года после расстрела самого Г.И. Кулика.

Второй раз смертельная угроза над начальником Артиллерийского управления Красной Армии маршалом Куликом нависла в первые месяцы войны, но не от противника, а от НКГБ. Генерал-лейтенант М.М. Каюков, первый заместитель начальника Артиллерийского управления, арестованный в начале войны, под пытками оговорил своего руководителя, заявив, что в антисоветскую организацию его привлек маршал Кулик. Вскоре он отказался от своих показаний, заявив, что

¹ Архив Главной военной прокуратуры. Архивное уголовное дело 0029. ОП. Л.187–188, 221, 223.

«заговорщиком никогда не был и в антисоветскую организацию меня никто не вовлекал»¹. Каюкова расстреляли, Кулику повезло – его оставили на свободе. Маршал был сурово наказан за неудачи на фронте в 1942 г., разжалован до генерал-майора, лишен всех наград.

Г.К. Жуков пытался заступаться за опального Г.И. Кулика. Жуков рассказывал в своем окружении, что осенью 1944 г. он обращался к Сталину с ходатайством о награждении Кулика орденом Суворова. Сталин отказал, тогда Жуков просил вождя разрешить вернуть Кулику ордена и медали, которых его лишили одновременно с разжалованием. Однако Сталин отказал Жукову и в этой просьбе. «И в этом случае Жуков высказал мне (из показаний бывшего главкома ВВС А.А. Новикова. – *Авт.*) свою обиду на это, что его, мол, не поддержали и что Сталин неправильно поступил, не согласившись с его мнением»².

Генеральские разговоры. Дело этих генералов до известной степени уникально. Уникально тем, что сохранились не только «допросные речи», вымученные палачами и отредактированные «на кухне Броввермана» – так на языке чекистов именовался секретариат Абакумова, где окончательно редактировались протоколы допросов перед отправкой «в инстанцию», но и записи разговоров, которые эти люди вели у себя дома, встречаясь с теми, кому они доверяли. Эти записи – своего рода «срез» политического сознания части высшего генералитета, во многом меняющий наши сформировавшиеся представления о советских генералах. Записи, сделанные сотрудниками МГБ, стали основанием для их ареста, суда и смертного приговора.

Предоставим слово документам.

Декабрь 1946 г., квартира В.Н. Гордова, запись бесед хозяина дома с женой и своим заместителем генерал-майором Ф.Т. Рыбальченко. Генерал-полковник Гордов называет причину, заставившую его другими глазами посмотреть на жизнь:

«Что меня погубило – то, что меня избрали депутатом. Вот в чем моя погибель. Я поехал по районам, и когда я все увидел, все это страшное, тут я совершенно переродился. Не мог я смотреть на это <...> Я сейчас говорю, у меня такие убеждения, что если сегодня снимут колхозы, завтра будет порядок, будет рынок, будет все. Дайте людям жить, они имеют право на жизнь, они завоевали себе жизнь, отстаивали ее!». Генералы говорили о положении в деревне, о голоде, о том, что люди с голода вынуждены есть кошек, собак, крыс. Ф. Рыбальченко рассказывал своему собеседнику, что «в колхозах подбирают хлеб

¹ Архив Главной военной прокуратуры. Архивно-следственное дело Р-664. Л. 75.

² Г.К. Жуков: неизвестные страницы биографии. С.181.

под метелку. Ничего не оставляют, даже посевного материала. <...> Надо прямо сказать, что колхозники ненавидят Сталина и ждут его конца <...> Думают, Сталин кончится, и колхозы кончатся...»¹.

Оба генерала жаловались на взяточничество, на подхалимство. Важнейшая тема в их разговорах – отношение к Сталину. Когда жена В.Н. Гордова советовала ему обратиться с просьбой к Сталину, генерал-полковник стал взволнованно возражать: «Ну да, сказать, что хочу служить твоему делу? Для этого ты меня посылаешь? Не могу я, не могу. Значит, я должен себя кончить политически. Я не хочу выглядеть нечестным перед тобой. Значит, я должен где-то там все за ширмой делать, чтобы у тебя был кусок хлеба? Не могу, у меня в крови этого нет. Что сделал этот человек – разорил Россию, ведь России больше нет! А я никогда ничего не воровал. Я бесчестным не могу быть. Ты все время говоришь – иди к Сталину. Значит, пойти к нему и сказать: “Виноват, ошибся, я буду честно вам служить, преданно”. Кому? Подлости буду честно служить, дикости?! Инквизиция сплошная, люди же просто гибнут!»²

В разговорах постоянно вспоминали о маршале Жукове. «... А вот Жуков смирился, несет службу», – говорил генерал Рыбальченко.

– Формально службу несет, а душевно ему не нравится», – возражая, уточнял Гордов.

– Вот, сломили такой дух, как Жуков, – обращалась к мужу Т.В. Гордова.

– Да. И духа нет.

– И он сказал – извините, больше не буду, и пошел работать. Другой бы, если бы был с такими убеждениями, как ты, он бы попросился в отставку и ушел бы от всего этого.

– Ему нельзя, политически нельзя. Его все равно не уволят. Сейчас только расчищают тех, кто у Жукова был мало-мальски в доверии, их убирают. А Жукова год-два подержат, а потом тоже – в кружку и все! <...> Я очень много недоучел. На чем я сломил голову свою? На том, на чем сломили такие люди – Уборевич, Тухачевский и даже Шапошников».

Поражает попытка генералов сформулировать альтернативу власти. Гордов и Рыбальченко убеждали друг друга в том, что стране необходима демократия. Гордов: «Нам нужно было иметь настоящую демократию». Рыбальченко: «Именно, чистую, настоящую демократию...»³

¹ Максимова Э. Подслушали и расстреляли... // Известия. 1992. 16 июля.

² Там же.

³ Суд над В. Гордовым, Ф. Рыбальченко и Г. Куликом состоялся в августе 1950. Генералы были обвинены в намерениях изменить Родине, в подготовке террористических актов,

МГБ предъявило обвинения:

Гордову Василию Николаевичу. «Обвиняется в измене родине. Являясь врагом советской власти, стремился к реставрации капитализма в СССР и вместе со своими сообщниками... Рыбальченко и... Куликом в 1946 г. высказывал угрозы по адресу руководителей ВКП(б) и Советского государства, заявлял о необходимости свержения Советского правительства. На протяжении ряда лет группировал вокруг себя враждебные элементы, в беседах с которыми возводил гнусную клевету на ВКП(б) и Советское правительство и делал злобные выпады против Главы Советского государства...»;

Кулику Григорию Ивановичу. «Обвиняется в измене родине. Являясь активным врагом советской власти, группировался с враждебным элементом, был сторонником реставрации капитализма в СССР и вместе со своими сообщниками Гордовым и Рыбальченко высказывал угрозы по адресу руководителей ВКП(б) и Советского правительства... Показаниями осужденных... изобличается как участник антисоветского военного заговора»;

Рыбальченко Филиппу Трофимовичу. «Обвиняется в измене родине. Вместе со своими сообщниками... Гордовым и... Куликом возводил злобную клевету на советский строй, руководителей ВКП(б) и правительства. Будучи сторонником реставрации капитализма в СССР, заявлял о необходимости свержения советской власти, делал вражеские выпады против Главы Советского государства и совместно со своими единомышленниками во вражеских целях стремился упразднить политический аппарат в Советской Армии...»¹.

По представлению Абакумова, утвержденному лично Сталиным, генералы были расстреляны².

Дело маршала Жукова. Продолжение. К новому командующему Одесским военным округом Г.К. Жукову зачастили комиссии и проверки. В вину Жукову ставилось то, что он «до сих пор не изжил элементы заносчивости, чванства и высокомерия», «не критически относится к своим ошибкам», «имеет стремление окружить себя лицами, знакомыми ему по прошлой работе»³. После очередной инспек-

антисоветской деятельности. Вины своей не признали. Приговорены к расстрелу и расстреляны. Спустя 6 лет реабилитированы, так как «дело сфальсифицировано» / Максимова Э. Подслушали и расстреляли // Известия, 16 июля 1992.

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 306. Л. 164–165.

² См.: там же. Л. 157.

³ Цит. по: Личные дела трех маршалов / Подготовила к печати Э. Максимова // Известия. 1992. 8 мая. С. 3.

ции маршал прямо спросил о причинах столь предвзятого к нему отношения. Ответом было: «По указанию товарища Сталина»¹. В феврале 1947 г. Пленум ЦК ВКП(б) вывел Жукова из членов в кандидатов ЦК².

Примечательно, что в марте 1947 г. Н.А. Булганин (штатский, по сути, человек) был назначен министром Вооруженных Сил СССР и одновременно заместителем председателя Совета Министров СССР.

21 июня 1947 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О незаконном награждении тт. Жуковым и Телегиным артистки Руслановой и других орденами и медалями Советского Союза». В постановлении говорилось, что бывший главнокомандующий Группой советских оккупационных войск в Германии Г.К. Жуков и член Военного совета ГСОВГ К.Ф. Телегин своим приказом от 24 августа 1945 г. наградили различными орденами и медалями 27 артистов. По мнению членов Политбюро ЦК, награжденные не имели отношения к армии, поэтому был сделан вывод, что «тт. Жуков и Телегин допустили преступное нарушение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 мая 1943 г. “Об ответственности за незаконное награждение орденами и медалями СССР”, караемое... тюремным сроком заключения от 5 месяцев до 2 лет». Особенное возмущение партийных деятелей вызвал факт награждения известной певицы Л.А. Руслановой. По оценке членов Политбюро ЦК, «сама обстановка награждения Руслановой, вручение ей ордена в присутствии войск во время парада частей 2-го гвардейского кавалерийского корпуса» представляли «постыдное зрелище», что еще более усугубляло вину военачальников. В наказание Г.К. Жукову объявлялся выговор, а К.Ф. Телегин переводился из членов в кандидаты в члены ВКП(б), освобождался от политической работы в армии и увольнялся из рядов Вооруженных Сил. Было решено также войти в Президиум Верховного Совета СССР с предложением об отмене указанных награждений³.

НКВД и МГБ продолжали фабриковать дело против полководца. В ход следствия был посвящен очень узкий круг людей – Сталин, министр госбезопасности Абакумов, секретарь ЦК ВКП(б) Кузнецов⁴.

Тем временем в тактике следователей произошли изменения: они решили доказать, что Г.К. Жуков в период своего пребывания в Германии занимался мародерством.

¹ Цит. по: *Светлишин Н.А.* Крутые ступени судьбы: жизнь и ратные подвиги маршала Г.К. Жукова. – Хабаровск, 1992. С. 231.

² См.: Личные дела трех маршалов...; *Светлишин Н.А.* Указ. соч. С. 229–230.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1065. Л. 44–45. Георгий Жуков: стенограмма октябрьского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС и другие документы. – М., 2001. С. 21–22.

⁴ Г.К. Жуков: неизвестные страницы биографии. С. 196.

10 января 1948 г. на даче и московской квартире полководца был произведен негласный обыск, целью которого было изъятие «чемодана и шкатулки с золотом и бриллиантами». Чемодан обнаружен не был, зато было описаны драгоценности, картины и дорогостоящие вещи. Жуков был вынужден написать на имя А.А. Жданова объяснительную записку о том, что его дача, квартира и все имущество являются собственностью МГБ, и заплатить больше 60 тысяч рублей за изъятые вещи¹.

20 января 1948 г. ЦК ВКП(б) заслушал комиссию, рассмотревшую «поступавшие в ЦК материалы о недостойном поведении командующего Одесским военным округом Жукова Г.К.» Маршала обвинили в «злоупотреблении служебным положением», «мародерстве», «присвоении и вывозе из Германии для личных нужд большого количества различных ценностей». Объяснения, которые маршал дал по этому поводу, были названы «неискренними» и расценены как попытки «скрыть и замазать факты своего антипартийного поведения».

ЦК ВКП(б) постановил сделать Г.К. Жукову «последнее предупреждение, предоставив ему в *последний раз* возможность *исправиться и стать честным членом партии, достойным командирского звания* (курсив мой. – Авт.)»², освободить его с поста командующего Одесского военного округа, назначить командующим одним из меньших округов и обязать немедленно сдать в государственный фонд все «незаконно присвоенное» им имущество³.

4 февраля 1948 г. приказом министра Вооруженных Сил СССР №0137 маршал был назначен командующим войсками Уральского военного округа⁴.

Такие решения нередко предшествовали аресту. Но Жукова не арестовали. Удивительно, но и в этих условиях среди генералитета находились люди, пытавшиеся встать на защиту опального маршала. Одним из них был генерал-лейтенант К.Ф. Телегин (напомним, в 1945 – начале 1946 г. – член Военного совета Советских оккупационных войск в Германии), пытавшийся в мае–июне 1947 г. заступиться за Жукова⁵.

«Коронный аргумент» сотрудников МГБ, успешно примененный ими в большинстве «генеральских» дел, – обвинение подследственных во «вражеских выпадах против Главы Советского государства» в «деле» Жукова был неприемлем, более того, мог стать опасным, так как в этом случае следовало бы признать, что Жуков – против Сталина.

¹ См.: Г.К. Жуков: неизвестные страницы биографии. С. 189–195, 241–244.

² См.: Личные дела трех маршалов.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1068. Л. 28–29.

⁴ См.: Личные дела трех маршалов.

⁵ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 306. Л. 132.

В январе 1948 г. были арестованы сослуживцы Г.К. Жукова: генералы А.М. Сиднев, Л.Ф. Минюк, И.С. Варенников, К.Ф. Телегин, В.В. Крюков, ряд офицеров аппарата МВД в Германии¹.

В.В. Крюков, командир гвардейского кавалерийского корпуса, служивший некоторое время порученцем Жукова, представлял для следствия выгодную фигуру. С Жуковым генерала связывала личная дружба. С Жуковым и его женой была дружна жена Крюкова, Лидия Русланова. Позже Русланову также арестовали.

Крюков, как и другие арестованные, оказавшись в Лефортовской тюрьме, сначала был подвергнут многочасовым дневным и ночным допросам; после отказа дать показания о существовании заговора во главе с маршалом Жуковым генерала лишили права пользоваться тюремным ларьком, угрожали пытками, затем начались систематические избиения. Следователи – полковник Лихачев, капитан Самарин и их подручные – четверо суток без перерыва, по очереди избивали его резиновыми палками. Кричали: «Почему боишься давать показания? Всем известно, что Жуков предатель, ты должен давать показания, этим ты облегчишь свою участь, ведь ты только “пешка во всей этой игре!”»².

Арестованный генерал-лейтенант Телегин после семи месяцев «допросов с пристрастием» дал важные для следователей показания о критическом отношении Жукова к Сталину, о том, как высоко оценивал Жуков материальную часть и снабжение американской армии, о широкой поддержке Жукова в армии³.

Реальная угроза ареста нависла над заместителем министра МВД, в 1945 г. – начале 1946 г. сослуживцем и близким Жукову человеком – И.А. Серовым.

Серов написал два письма на имя Сталина, датированные 31 января⁴ и 8 февраля⁵ 1948 г. Между письмами, которые разделяет неделя, есть и сходство, и различия. Общее – резкая критика Абакумова. В первом письме Серов утверждал, что Абакумов из личной ненависти к нему, из-за опасения, что именно его, Серова, могли назначить на должность министра госбезопасности, приказал сотрудникам МГБ собирать на своего потенциального соперника компрометирующий материал. Серов отказывался признавать какие-либо злоупотребления, со-

¹ См.: Г.К. Жуков: неизвестные страницы биографии. С. 197–207, 215–221; Муранов А.И., Звягинцев В.Е. Указ. соч. С. 209–220; Карпов В.В. Указ. соч. С. 124–125; Ваксберг А. «Дело» маршала Жукова: неразорвавшаяся бомба: Из архива КГБ // Литературная газета. 1992. 5 августа. С. 12 и др.

² Там же. С. 217.

³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 306. Л. 99–139.

⁴ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 308. Л. 32–39.

⁵ См.: Г.К. Жуков: неизвестные страницы биографии. С. 208–213.

вершенные во время совместной с Жуковым работы в Германии. Во втором письме критика Абакумова превратилась в обвинение-донос. Серов припомнил, что не успели еще войска завершить освобождение Крыма, как там появился порученец Абакумова с заданием вывезти на боевом самолете большое количество трофейного имущества. Не забыл Серов и о плохой организации работы МГБ, о том, что осенью 1941 г. Абакумов заказал себе болотные сапоги, «чтобы удирать из Москвы», что и сам он небезгрешен в похвалах Жукову во время войны.

В конце 1948 г. интерес к «делу» Жукова внезапно ослабел. Преследования представителей генералитета продолжались, но из допросов исчезло стремление связать любое недовольство в армии с именем маршала Жукова.

Причины этого, на наш взгляд, несколько. Можно считать, что, сослав Жукова в Уральский военный округ, пересажав и запугав значительную часть офицерства, удалось подорвать позиции Жукова в армии. Вместе с тем авторитет Г.К. Жукова, самого знаменитого советского военачальника, «работал» на авторитет Верховного Главнокомандующего – Сталина. Слишком назойливое и, что особенно опасно, публичное преследование Жукова разрушало легенду о самом Сталине – гениальном полководце, вожде, окруженном талантливыми и храбрыми маршалами, разгромившими фашистскую Германию, вместе со Сталиным одержавшими Великую Победу.

Нельзя, однако, забывать и о том, что в это время набирала обороты «холодная война», а вместе с ней снова становились востребованными личности, подобные маршалу Жукову.

Дело адмиралов. После разгрома командования ВВС и Сухопутных войск, очередь дошла и до руководства Военно-Морского Флота. Осенью 1947 г. в передаче секретных сведений англичанам были обвинены нарком и заместитель наркома ВМФ в годы войны – Герой Советского Союза, адмирал Н.Г. Кузнецов и адмирал Л.М. Галлер, бывший начальник Главного морского штаба В.А. Алафузов, начальник Управления военно-морских учебных заведений ВМФ вице-адмирал Г.А. Степанов, некоторое время исполнявший должность начальника Главного морского штаба. Их обвинили в передаче союзникам во время войны секретной документации на парашютную торпеду. То, что подобные документы, как и лощи, передавались союзникам, что это было необходимо для прохода северных конвоев в Мурманск и Архангельск, что, наконец, сам факт передачи этих документов был санкционирован Сталиным, в расчет не принималось¹.

¹ Основанием для обвинения стал донос офицера минно-торпедного управления ВМФ капитана 1 ранга В.И. Алферова. 11 декабря 1947 г. этот вопрос рассматривался на совеща-

В декабре 1947 г. постановлением Совета Министров СССР за подписью Сталина бывшие руководители Наркомата ВМФ были переданы «суду чести», который состоялся 12–15 января 1948 г. в клубе Главного морского штаба. 16 января Сталин подписал постановление Совета Министров, утвердившее обвинительное решение «суда чести». Дело адмиралов Н.Г. Кузнецова, Л.М. Галлера, В.А. Алафузова и Г.А. Степанова как уголовное передали в Военную коллегию Верховного Суда СССР. Результаты расследования, проведенного Главным военным прокурором, рассматривались 2–3 февраля 1948 г. Военная коллегия приговорила В.А. Алафузова и Г.А. Степанова к 10 годам лишения свободы, Л.М. Галлера – к 4 годам. Признали виновным и Н.Г. Кузнецова, но, учитывая большие заслуги адмирала, было принято решение не применять к нему уголовного наказания и ходатайствовать перед Советом Министров СССР о понижении его в воинском звании до контр-адмирала, что и было оформлено постановлением Совета Министров СССР от 10 февраля 1948 г.¹.

Таким образом, генеральская фронда, не успев появиться, была выкорчевана. Масштабы репрессий в армии впечатляют: за период 1946–1952 гг. по статье 58–10 УК РСФСР (антисоветская агитация) были осуждены 4337 человек.

Генералов-победителей сменили чиновники. Однако булганины пришли не на все ключевые посты управления армией и флотом. Продолжали служить и многие заслуженные военачальники. Но армию-победительницу завели в партийные оглобли.

Власть и деревня. 9 февраля 1946 г. Сталин выступил на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы. Генералиссимус редко выступал с публичными речами. Он понимал, что слова Вождя должны быть ожидаемы и слушаемы. Теперь пришла пора подвести итоги войны и наметить задачи мирного строительства. Главный вывод Сталина – «Наша победа означает, прежде всего, что победил наш советский общественный строй, что советский общественный строй с успехом выдержал испытание в огне войны и доказал

нии у министра Вооруженных Сил Н.А. Булганина. См.: *Абрамова Ю.А.* Указ. соч. Отмечу, что подобного рода «письма в инстанцию» в ряде случаев инспирировались самими «инстанциями». Желających выслужиться перед начальством хватало. – *Прим. авт.*

¹ *Абрамова Ю.А.* Указ. соч.; «На его долю выпали тяжелые испытания»: Правда о «деле» Н.Г. Кузнецова / Публикация И. Шевчука // Военно-исторический журнал. 1995. № 4. С. 50, 63; *Кузнецов Н.Г.* Крутые повороты. Из записок адмирала / Публикация и комментарий Р.В. Кузнецовой, В.Н. Кузнецовой // Военно-исторический журнал. 1992. № 12. С. 39, 45. См. прим. 8; 1993. № 1. С. 46–48; № 2. С. 23–27.

свою полную жизнеспособность, что победил наш государственный строй»¹.

Вывод был очевиден. Перемены не нужны.

Сталин подробно объяснял своим согражданам, почему необходимо сохранять колхозный строй: «Чтобы покончить с нашей отсталостью в области сельского хозяйства и дать стране побольше товарного хлеба, побольше хлопка и т. д., необходимо было перейти от мелкого крестьянского хозяйства к крупному хозяйству, ибо только крупное хозяйство имеет возможность применить новую технику, использовать все агрономические достижения и дать побольше товарной продукции. Но крупное хозяйство бывает двоякое, капита-

Выборы. 1946 г.

листическое и коллективное. Коммунистическая партия не могла стать на капиталистический путь развития сельского хозяйства не только в силу принципиальных соображений, но и потому, что он предполагает слишком длительный путь развития и требует предварительного разорения крестьян, превращения их в батраков. Поэтому Коммунистическая партия стала на путь коллективизации сельского хозяйства, на путь укрупнения сельского хозяйства путем объединения крестьянских хозяйств в колхозы. Метод коллективизации оказался в высшей степени прогрессивным методом не только потому, что он не требовал разорения крестьян, но и особенно потому, что он дал возможность в течение нескольких лет покрыть всю страну крупными коллективными хозяйствами, имеющими возможность применить новую технику, использовать все агрономические достижения и дать стране побольше товарной продукции»².

Надежды на отмену колхозов, жившие в народе, рухнули.

Война стала бедствием для деревни. Самыми страшными были людские потери. Крестьяне становились солдатами-пехотинцами, теми, кого называли «пушечным мясом» войны. Число трудоспособных колхозников уменьшилось с 18189,2 тысяч в 1941 г. до 11430,9 тысяч в 1945 г.³, а трудоспособных мужчин – более чем в 2,5 раза.

¹ *Сталин И.В.* Соч. – М., 1997. Т. 16. С. 7–8.

² Там же, С. 13.

³ *Островский В.Б.* Колхозное крестьянство СССР: политика партии в деревне и ее социально-экономические результаты. – Саратов, 1967. С. 27.

Парк тракторов в сельском хозяйстве уменьшился почти на четверть, поголовье лошадей сократилось вдвое. Ослабление материально-технической базы, сокращение трудовых ресурсов отразились на колхозно-совхозном производстве. Уменьшились посевные площади, снизилась урожайность всех культур и продуктивность животноводства.

Сразу после войны в стране разразился голод. В 1946 г., первом послевоенном году, по данным, представленным Госпланом СССР на имя заместителя председателя Совета Министров СССР А.А. Андреева, от засухи погибла значительная часть зерновых культур, урожай собирали с большим опозданием, часть его осталась на полях. К весне погибло 2,6 млн гектаров озимых.

Остались неубранными или погибли от засухи: зерновые культуры – 2024 тысячи гектаров; подсолнечник – 321 тысяча гектаров, картофель – 47 тысяч гектаров

В статистической справке сообщалось о гибели урожая в Ростовской, Читинской, Воронежской областях, о неудовлетворительном ходе уборки хлеба в Сибири.

Власти, стремясь не допустить сокращения государственного резерва хлеба, пошли по старому, известному с довоенного времени пути – организации дополнительных хлебозаготовок, когда колхозы и совхозы в обязательном порядке уже после выполнения плана сдачи хлеба государству получали так называемую надбавку к плану. В результате дополнительных хлебозаготовок большинство хозяйств вынуждены были отдать хлеб, предназначенный для крестьян и распределяемый в форме натуроплаты. Отбирали и семенное зерно.

Государство ставило деревню на грань голода¹.

По заданию А.И. Микояна в сентябре 1946 г. начались переговоры с секретарями обкомов тех регионов, где, по мнению Москвы, имелись кое-какие излишки хлеба: Иркутской, Новосибирской, Кемеровской, Омской, Томской, Тюменской областей, Алтайского и Красноярского краев, Казахской ССР. Именно переговоры: партийные секретари областей и краев не соглашались с предложениями Министерства заготовок, отказывались поставлять хлеб авансом. Хлеба не хватало, и местные власти стремились хоть что-то оставить на своих территориях.

Урожай 1946 г. оказался катастрофически низким. В главных хлебопроизводящих районах страны – Украине, России, Молдавии – собирали по 4,6 центнера зерна с гектара, меньше, чем в военные 1944–1945 гг. Государство получило всего лишь 17,5 млн тонн зерна, что

¹ Зубкова Е.Ю. Указ. соч. С. 70.

было вдвое меньше, чем в 1940 г., и на 2,5 млн тонн меньше, чем в 1945 г.

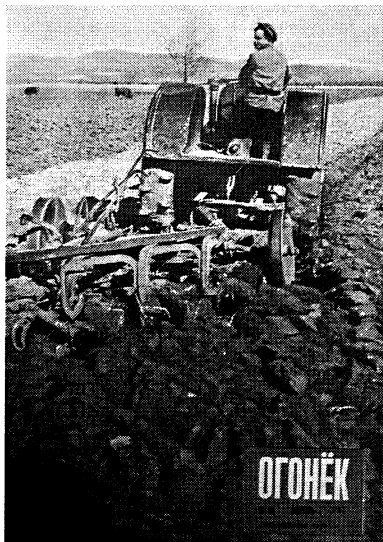
Голод обрушился на Новгородскую, Ульяновскую, Костромскую, Свердловскую, Архангельскую, Горьковскую, Кировскую области, Северный Кавказ, Украину, Бурятию. Вымирали от голода колхозники Чудовского, Залучского, Поддорского, Старорусского и ряда других районов Новгородской области, население которых возвратилось из репатриации и где имелись незначительные площади посевов зерновых и посадок картофеля. Дистрофия распространялась прежде всего среди детей.

Своеобразный социально-экономический анализ причин голода в деревне провел Сергей Дементьевич Коряков, депутат одного из сельских советов Кировской области, направивший письмо в Совет Министров СССР, как он сам сообщал, «по поручению колхозников». Вернувшись летом 1946 г. из армии, Коряков обнаружил, что более 70 % хозяйств из пяти соседних колхозов вместо хлеба питаются суррогатом, состоящим на 40 % из муки, а в остальном — из клевера, травы-кислянки, льняной мякины. «Этим же кормят и детей», — писал он.

Крестьянин сообщал, что «с половины лета многие вынуждены покидать свое хозяйство и уходить на работу в лесную промышленность, чтобы прокормить себя и семью». Денег не хватало, надо было платить налоги, поэтому крестьянам приходилось наниматься на работу, чтобы заработать для уплаты налогов и что-то скопить для семьи.

В чем причина бедственного положения крестьян-колхозников, спрашивал Коряков и сам же отвечал: во-первых, малоземелье, сильное сокращение посевных площадей, земли истощены, так как годами не вносились удобрения, навоз, поля заросли лесом, а рабочих рук для расчистки полей не было.

Во-вторых, колхозники привлекаются для лесозаготовок. «С наступлением сезона лесозаготовок *вся рабочая, главная сила идет на лесные работы в обязательном порядке, независимо от желания, на основе доведенного плана лесозаготовок*» (курсив мой. — Авт.), — писал депутат сельсовета.

В-третьих, он сравнивал условия жизни рабочих и колхозников и приходил к выводу, что положение колхозников намного хуже. Рабочий знает, что на свою карточку он получит 700 граммов хлеба, члены его семьи получают хлеб как иждивенцы, колхозники же на трудодни получают несравненно меньше. Отсюда результат: все, кто могут, бегут из колхозов. «Для примера можно показать: в колхозе “Боевик” Скопинского сельсовета нашего же района вернулись по демобилизации из Красной Армии 18 человек, из коих осталось на работе 2 человека, причем один – инвалид II группы. Все остальные ушли на побочные заработки, то в лесники, то продавцами, чтобы прокормить себя и своих иждивенцев-детей, а в колхозе не хватает рабочих рук, в 1945 году запало снегом более 1 га овса, и картофеля около 2 га».

Выводы С.Д. Корякова свидетельствуют о поразительной консервативности политики государства по отношению к крестьянству. Временами кажется, что перед нами не письмо депутата сельского Совета в Совет Министров СССР, а одна из многочисленных челобитных государственных крестьян XVIII века в Сенат. Те же сетования на малоземелье, на нехватку скота, отсутствие удобрений, те же жалобы на насильственное привлечение крестьян к выполнению государственных повинностей. Даже характер этих повинностей не слишком изменился – вятские крестьяне XVIII в. протестовали против того, что их заставляли заготавливать древесный уголь для заводов, в XX в. житель Кировской области жалуется, что колхозников принуждают работать на лесозаготовках¹. Как и в прошлом, крестьянин сравнивает свой сословный статус со статусом других групп населения и приходит к выводу, что быть крестьянином – хуже всего. Одинаковы и следствия – из деревни бегут все, кто может убежать.

То, что картина, нарисованная вятским крестьянином С. Коряковым, была достоверной, подтверждали многочисленные письма и просьбы областных начальников, направляемые в Москву. Председатель Костромского облисполкома в марте 1947 г. писал заместителю председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгину, что из-за плохого урожая 30 % колхозников получили от 0 (!) до 100 граммов зерна на трудодень². По неполным данным, в области насчитывалось 10 тысяч больных дистрофией. «В Палкинском районе имеется 2446 больных

¹ Ср., в частности: *Семевский В.И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. – СПб, 1901; *Орлов А.С.* Волнения на Урале в середине XVIII века. – М., 1979.

² Трудодень – единица учета рабочего времени колхозника. Сумма трудодней, заработанных колхозниками, делилась на объем прибыли колхоза, и после получения урожая эта прибыль как в натуральном исчислении (зерно, другие виды сельскохозяйственной продукции), так и в денежном, распределялась между членами колхоза по числу отработанных трудодней. – *Прим. авт.*

дистрофией, из которых 190 человек подлежат немедленной госпитализации; имеется 76 смертельных случаев; в Макарьевском районе 38 смертных случаев от истощения; в Боговаровском районе болеют дистрофией 1001 человек; в Галичском районе – 500 человек».

Костромским руководителям вторили архангельские. В докладной записке на имя А.Н. Косыгина и секретаря ЦК А.А. Кузнецова, направленной в феврале 1947 г., сообщалось, что сельское хозяйство области сильно пострадало от ранних весенних и осенних заморозков. Из 78 тысяч гектаров погибло 10 тысяч гектаров озимых. Несмотря на это колхозы *полностью и досрочно* выполнили государственный план хлебозаготовок. Сдали *сверх плана* на основе обязательств области 102 тысячи пудов хлеба и, кроме того, по обязательным поставкам – еще 137 тысяч пудов.

Это означало, что из колхозов выгребли все, даже запасы семенного хлеба. Из 89 колхозов Устьянского района Архангельской области семенное зерно оставалось только в 19 хозяйствах, Кое-где колхозники получали на трудодень по 100–150 граммов хлеба, многие не имели и этого.

Не выдавался хлеб на трудодни во многих колхозах Виноградовского, Шенкурского, Котласского, Вилегодского, Нядомского и ряда других районов. Без хлеба остались жители северных районов Архангельской области. В области начался голод.

По официальным сведениям ЦСУ СССР, в 1945 г. уровень душевого потребления хлебных продуктов колхозниками Пензенской области (типичной для Центральной России) не превышал пяти пудов¹. В это количество входил не только хлеб, полученный по трудодням (69 кг), но и купленный за счет сторонних приработков. Учитывались также «иные незаконные поступления, как-то: сбор колосьев, перевевание мякины и т. д., вплоть до случаев прямого хищения колхозного хлеба в период уборки». Отметим, что русская земская статистика конца XIX в. годовой нормой потребления хлеба одним работником, включая батраков, считала около 25 пудов.

Из кризиса сельского хозяйства послевоенного СССР власть пыталась выходить теми же методами, что и в 30-е гг. Уже летом 1946 г., 27 июля, было принято постановление Совета Министров СССР и ЦК КПСС «О мерах по обеспечению сохранности хлеба, недопущению его разбазаривания, хищения и порчи». Осенью, 25 октября 1946 г. – новое постановление на ту же тему: «Об обеспечении сохранности государственного хлеба». В нем отмечалось, что «руководители пар-

¹ См.: Попов В.П. Крестьянство и государство (1945–1953) // Исследования по новейшей русской истории. № 9. – Париж, 1992. С. 137–138.

тийных и советских организаций, работники прокуратуры и Министерства внутренних дел... склонны мириться с фактами хищений и разбазаривания государственного хлеба и не принимают необходимых мер по обеспечению его сохранности». Не производство, а контроль и учет должны были, по мнению властей, служить средством решения продовольственной проблемы.

Прямым следствием этих постановлений стали массовые аресты председателей колхозов, которых объявляли виновными во всех бедах. В 1945 г. было осуждено 5 757, а в 1946 г. – 9 511 человек¹. Судили бригадиров, заведующих фермами. В некоторых районах были репрессированы от четверти до половины руководителей хозяйств².

Как Н.С. Хрущев применил опыт царской России для повышения дисциплины колхозников. В разгар продовольственного кризиса – в феврале 1947 г. – состоялся Пленум ЦК ВКП(б). Пленум, как отмечалось в информационном сообщении, обсудил вопрос о мерах подъема сельского хозяйства. В постановлении Пленума давалась оценка состояния сельского хозяйства как «результата победы колхозного строя», превратившего колхозы и совхозы в «передовые, оснащенные современной техникой» хозяйства. Отсюда следовал вывод: «Подъем сельского хозяйства обеспечил рост общественного богатства колхозов и благосостояния колхозников. Государство заготовляло зерно, мясо, жиры и другие сельскохозяйственные продукты в размерах, обеспечивающих продовольственные и сырьевые нужды страны и создание серьезных резервов»³.

Из проведенного анализа вытекали соответствующие меры по подъему сельского хозяйства, намеченные партией как руководство к действию, в первую очередь – улучшение партийно-советского руководства сельским хозяйством, требование «ликвидировать до конца вскрытые ЦК ВКП(б) и Советом Министров СССР нарушения Устава сельскохозяйственных артелей, выражающиеся в неправильном расходовании трудодней, расхищении общественных земель колхозов, в растаскивании колхозной собственности, нарушении демократических основ управления делами сельскохозяйственной артели».

Постановление отмечало наличие в колхозах «устаревших, заниженных норм выработки, что ведет к растрате трудодней». Документ детально описывал: что, где, в какие сроки следует сеять и убирать. При этом в постановлении не указывалось, *что же получит сельское*

¹ См.: Попов В.П. Крестьянство и государство (1945–1953). С. 41.

² См.: там же. С. 42.

³ Правда. 1947. 28 февраля.

хозяйство. Государство, возлагая новые обязанности на деревню, не брало на себя никаких обязательств. Более того, фискальный характер отношения государства к деревне только усиливался. За словами «расхищение общественных земель колхозов, растаскивание колхозной собственности»¹ стояло требование сократить размеры личных подсобных хозяйств, остававшихся единственным условием выживания колхозников. А чего стоила рекомендация пересмотреть «устаревшие, заниженные нормы выработки», направленная на сокращение числа трудодней, которые могли заработать колхозники!

Итак, фундаментальные принципы социалистического колхозного строя остались неизменными. Вместе с тем становилось ясно, что *такое* сельское хозяйство не в состоянии прокормить страну.

Выйти из кризиса партия предполагала традиционным, репрессивным методом. 2 июня 1948 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О выселении в отдаленные районы лиц, злобно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни».

Инициатором решения стал первый секретарь ЦК Компартии Украины Н.С. Хрущев¹. 10 февраля 1948 г. он подал докладную записку на имя заместителя председателя Совета Министров СССР Л.П. Берии. Утверждая, что за годы оккупации основы колхозного строя на Украине расшатались, Хрущев предлагал ужесточить политику государства по отношению к той части крестьянства, которая не хотела работать в колхозах.

Украинский партийный лидер продемонстрировал завидную эрудицию, сославшись на юридический прецедент. «В царской России, – писал он, – существовал закон, по которому крестьянские общества могли выносить приговор об удалении из села лиц, “дальнейшее пребывание коих в этой среде угрожает местному благосостоянию и безопасности” (Свод Законов Российской Империи, т. IX, статья 683). Ясно, что этот закон ограждал частную собственность и был направлен против людей, социально опасных для царско-помещичьего строя. В наше время следовало бы для усиления охраны социалистической собственности издать закон, предоставляющий право общим собраниям *выносить приговоры* (курсив мой. – Авт.) о выселении за пределы республики наиболее опасных, антиобщественных и преступных элементов, упорно не желающих приобщаться к общественно-полезному труду»².

¹ См.: Попов В.П. Неизвестная инициатива Хрущева: о подготовке указа 1948 г. о выселении крестьян // Отечественные архивы. 1993. № 2. С. 31–46.

² Там же. С. 35–36.

Инициатива Хрущева показалаcь Москве перспективной не только для Украины, но и для всего СССР. На основе докладной записки был подготовлен проект Указа Президиума Верховного Совета СССР, в разработке которого участвовали Г.М. Маленков, А.А. Жданов, Л.П. Берия, М.А. Суслов, а также министры внутренних дел – С.Н. Круглов, госбезопасности – В.С. Абакумов. Ознакомившись с проектом, секретарь ЦК ВКП(б) начертал на нем примечательную резолюцию: «Не для печати. И. Сталин»¹.

Указ не был опубликован по причине его очевидного, шокирующего антикрестьянского характера. Впрочем, это не помешало довести содержание документа до *каждого* колхоза и до *каждого* колхозника. По стране прокатилась волна колхозных собраний, на которых принимались решения о выселении тех, кто не выработал минимума трудодней, но имел крепкое личное хозяйство.

Да не обманут нас содержащиеся в документах утверждения, что решения о репрессиях принимало общее собрание колхозников! За каждым собранием стояли заранее принятые партийные решения. Власти районного и даже колхозного уровня получили возможность без суда ссылатъ крестьян. Трудно не провести историческую аналогию с указом Елизаветы Петровны 1760 г. о праве помещиков ссылатъ своих крепостных в Сибирь и указом Екатерины II 1767 г., разрешавшим помещикам отдавать крестьян в каторжные работы. Только теперь в роли помещиков выступали местные власти, а в роли крепостных – колхозное крестьянство.

Власть копировала самые архаичные, феодальные методы принуждения крестьян.

По сведениям Отдела спецпоселений МВД СССР, с 1948 г. по начало 1953 г. было выселено 33 266 колхозников и 13 598 членов их семей. Пик выселений пришелся на 1948 г., когда были сосланы 27 335 человек. «Раскулачивание вдогонку» становилось репрессивной мерой, закреплявшей принудительный колхозный труд. В документе Совета по делам колхозов при правительстве СССР, датированном сентябрем 1948 г., с удовлетворением отмечалось, что «в результате проведенных мероприятий в колхозах значительно повысилась трудовая дисциплина, увеличился выход на работу колхозников, не участвовавших ранее в общественном производстве»².

Репрессии резко усилили механизмы принуждения в колхозной деревне.

¹ Попов В.П. Неизвестная инициатива Хрущева... С. 36–37.

² Там же. С. 45.

Так, секретное правительственное постановление 1934 г. устанавливало, что колхозники могли быть приняты на работу в городе лишь при наличии у них паспорта и «справки правления колхоза о согласии на отход колхозника».

Паспортная система прямо способствовала прикреплению крестьян к колхозам. Дети колхозников, по достижении 16-ти лет, зачислялись в колхоз автоматически – без их желания и заявления. Паспорта им не выдавались¹.

Еще до войны был установлен обязательный минимум трудодней, который должны были выработать колхозники. В апреле 1942 г. этот минимум был повышен и распространен на детей – подростков в возрасте от 12 до 16 лет. За невыработку «без уважительных причин» обязательного минимума виновные подлежали уголовной ответственности: исправительно-трудовым работам в колхозах с удержанием до 25 % оплаты по трудодням в пользу колхоза.

Предполагалось также усилить репрессии в отношении беглецов. «Одни суды считают, – доносил министр юстиции СССР К.П. Горшенин 25 декабря 1950 г. секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову, – что по действующему законодательству самовольный уход колхозников в отход не наказуем в уголовном порядке и выносят в таких случаях оправдательные приговоры. Другие выносят в этих случаях обвинительные приговоры. Министерство юстиции СССР считает, что колхозники, не выработавшие обязательного минимума трудодней в связи с самовольным, без разрешения колхоза, уходом в отход, должны нести ответственность по указу от 15 апреля 1942 г. за тот период, в течение которого они ушли из колхоза, с отбыванием наказания по месту работы». Такие же меры министр предлагал осуществлять и в отношении детей колхозников, достигших 16-летнего возраста, даже «в случаях, когда их членство в колхозе не оформлено»².

Кроме использования по существу бесплатного труда колхозников на колхозных полях, лесозаготовках, государство выжимало средства из личного подсобного хозяйства колхозников. Напомним, что при проведении коллективизации крестьянам-колхозникам оставляли до 0,25 гектара земли в личном владении. В случае выхода крестьянина из колхоза размеры приусадебного участка могли быть сокращены.

¹ О паспортной системе и связанных с ней ограничениях см.: *Попов В.П.* Паспортная система в СССР. (1932–1976) // Социологическое исследование. 1995. № 8, 9.

² Подробнее см.: *Попов В.П.* Экономическая политика Советского государства. 1946–1953 гг. – М.; Тамбов, 2000. С. 46–47.

Приусадебные участки, как правило, меньшей площади имели и жители рабочих поселков, быт которых во многом сохранял деревенский уклад.

Понятно, что на 0,25 гектара, на 25 сотках, как говорят в России, невозможно выращивать хлеб. Однако вопреки всем постулатам социалистической политэкономии приусадебные участки не только кормили людей, но и позволяли содержать минимум домашнего скота.

Отметим важнейшую черту этих хозяйств: в основе своей они были ориентированы на потребности семьи, давали ей возможность не умереть с голода, прокормить детей, найти для них стакан молока, поставить на стол картошку и, продав на базаре яйца, мясо телянка или поросенка, выкормленного за лето, – заплатить денежный налог.

Картошка с молоком составляла основную еду послевоенного поколения, живущего в селах и небольших городах¹. На мифические колхозные трудодни, «палочки», как тогда говорили, как и на невеликие послевоенные зарплаты прожить было невозможно. После войны под картошку вскапывали любые мало-мальски подходящие участки земли – обочины дорог, поляны на лесных опушках, восстанавливали старые, запустевшие во время коллективизации и в войну покосы.

Однако эти крошечные участки оказались способными конкурировать с официальным социалистическим колхозно-совхозным сектором сельского хозяйства, которому принадлежало 96–98 % сельхозугодий и 100 % современной сельскохозяйственной техники². В специальном исследовании, посвященном роли крестьянского двора в экономике страны в 50–60 годы, отмечалось, что в 1950 г. в Нечерноземье на приусадебных участках колхозников, рабочих и служащих было произведено больше половины (51 %) всей сельскохозяйственной продукции страны (38 % получили колхозники, 13 % – жители рабочих поселков и небольших городов)³. В животноводстве на долю приусадебных хозяйств приходилось 62 % продукции (46 % – в личных подворьях колхозников и 16 % – в хозяйствах рабочих и служащих).

В центральных областях России роль приусадебных крестьянских хозяйств оказалась еще более весомой. В Тульской области, например, в том же 1950 г. они дали 75 % мяса, 80 % молока, 85 % яиц.

¹ По данным ЦСУ СССР, в 1950 г. на сельского жителя приходилось 20 кг хлеба и хлебных изделий, 1 кг крупы и макаронных изделий, 24 кг картофеля, 13 л молока, 1,39 кг мяса и рыбы, 0,24 кг жиров, 0,25 кг сахара и кондитерских изделий в месяц. См.: *Попов В.П.* Крестьянство и государство... С. 217.

² См.: *Безнин М.А.* Крестьянский двор российского Нечерноземья в 1950–1965 годах // Отечественная история. 1992. № 3. С. 16.

³ См.: там же. С. 16–17.

Итак, подведем некоторые «неутешительные» для ортодоксальных теоретиков социализма итоги. Ликвидировав частную собственность на средства производства, отобрав у крестьян все – землю, инвентарь, лошадей, исключив возможность использовать наемный труд, они тем не менее вынуждены были констатировать, что личное хозяйство колхозников не только сохранилось, но и играло объективно важную роль в экономике страны. Причем в подсобных хозяйствах урожайность оказалась в среднем в 2–4, а продуктивность скота – в 2–3 раза выше, чем в колхозах и совхозах¹.

Отметив существование данного сектора как факт, противоречащий законам социалистической политэкономии (но спасительный для миллионов людей), столпы фундаментального социализма не оставили подобный экономический «нонсенс» без внимания. Личные приусадебные хозяйства стали объектом свирепого налогообложения.

Прежде всего, на них обрушился продовольственный налог, сохранявшийся до 1958 г. в форме обязательных поставок сельскохозяйственной продукции. Продукция исчислялась с каждого крестьянского хозяйства, в городах и поселках – с головы скота. Этот налог взимали с дворов колхозников, единоличников², а также с подсобных хозяйств рабочих и служащих, имевших домашний скот. В среднем после войны ежегодно с колхозного двора собирали: мяса – 40 кг, яиц – 50–100 шт., молока – 280–320 л³.

Быстро увеличивался денежный налог. Если в 1940 г. средняя сумма налога с крестьянского двора составляла 112 руб., то в 1949 г. – 419, в 1950 г. – 431, в 1951 г. – 471, в 1952 г. – 528 руб.⁴ Мясо и яйца необходимо было сдавать независимо от наличия в хозяйствах скота и птицы; шерсть и овчину – с каждой головы козы, овцы, верблюда (по фактическому поголовью, имевшемуся в хозяйстве на начало года).

Чтобы уплатить денежный налог, колхозникам приходилось нести на базар то, что они выращивали на своих приусадебных участках (оплата колхозного труда в денежном выражении оставалась символической). Налоговая политика правительства *вынуждала* крестьянина идти на базар, способствовала *понижению цен* на продукцию сельского хозяйства на так называемых колхозных рынках. Эта политика *разоряла* деревню, вынуждая продавать много и дешево, продавать

¹ Безнин М.А. Указ. соч. С. 17.

² Единоличники – крайне немногочисленная часть крестьянского населения, не вступившая в колхозы. Подвергались экономическому преследованию, повышенному налогообложению, ограничениям в землепользовании.

³ См.: Попов В.П. Крестьянство и государство... С. 177.

⁴ См.: там же. С. 180, 219.

последнее под страхом репрессий за неуплату налогов. Социалистическое государство не ведало сантиментов в осуществлении своих фискальных функций. Отвечая на запрос колхозника, чиновник Министерства юстиции СССР в марте 1951 г. сообщал, «что к взысканию недоимок по обязательным поставкам сельскохозяйственных продуктов и штрафов за невыполнение поставки срок давности не применяется. По судебным решениям о взыскании с колхозных дворов, единоличных хозяйств и хозяйств отдельных граждан недоимок по обязательным поставкам и штрафов за невыполнение обязательств в срок взыскание может быть обращено на единственную в хозяйстве недоимщика корову»¹.

В конце 40-х–начале 50-х годов наметились *три подхода к реформированию деревни*. Все они базировались на признании непоколебимости колхозно-совхозного строя. Однако в деталях имелись существенные отличия.

Первый подход – позиция Н.С. Хрущева², отраженная в его статьях, опубликованных в «Правде» 8 марта 1950 г. и 4 марта 1951 г.³ Концепция Хрущева традиционно предусматривала усиление партийного контроля над деревней. В этом смысле она вполне соответствовала духу антикрестьянского Указа Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г., принятого по его инициативе.

Но предлагался и новый, оригинальный взгляд на проблему.

Ближайшим будущим сельского хозяйства Хрущев считал создание агрогородов, то есть городов, жители которых заняты сельскохозяйственным производством. Людям предстояло жить в многоквартирных «городских» домах, без приусадебных хозяйств, чтобы личный огород не отнимал времени и сил от главного – работы на государст-

¹ Попов В.П. Крестьянство и государство... С. 211.

² Никита Сергеевич Хрущев (1894–1971), родом из деревни Калиновка Дмитриевского уезда Курской губернии, получивший образование на рабфаке, учившийся (но не закончивший) в Промышленной академии в Москве, с середины 20-х годов – на партийной работе на Украине. С начала 1931 г. стал секретарем Бауманского, затем – Краснопресненского райкомов партии г. Москвы. В 1932 г. – второй, с 1934 г. – первый секретарь Московского горкома партии. В феврале 1938 г. был послан на Украину, на пост первого секретаря ЦК КП(б) Украины. В годы Великой Отечественной войны был членом военных советов ряда фронтов, оставаясь 1-м секретарем ЦК КП(б) Украины. В августе 1944 – декабре 1949 г. совмещал партийный пост с должностью председателя Совета Народных Комиссаров (с марта 1946 г. – Совета Министров) Украинской ССР. С декабря 1949 г. переведен в Москву, совмещал пост секретаря ЦК ВКП(б) с постом первого секретаря Московского горкома партии / Государственной власти СССР. Высшие органы власти и управления и их руководители. 1923–1991: Историко-биографический справочник. – М., 1999. С. 578.

³ Хрущев Н.С. Речь тов. Н.С. Хрущева на собрании избирателей Калининского избирательного округа г. Москвы 7 марта 1950 г. // Правда. 1950. 8 марта. С. 4; Хрущев Н.С. О строительстве и благоустройстве в колхозах // Правда. 1951. 4 марта. С. 2–3.

венном производстве сельскохозяйственной продукции. Так, по мнению Хрущева, можно было выкорчевать основы частнособственнической крестьянской психологии, осуществить слияние рабочих и крестьян в один класс. В будущем эта теория станет *idée fixe* советских философов-аграрников, теоретиков научного коммунизма и, что печальнее, воплотится в серию практических решений партии и правительства по аграрным вопросам.

Хрущевский поход не учитывал «пустяка» – для создания агрогородов требовались огромные *государственные* вложения. Сельскохозяйственным рабочим, лишенным подсобного хозяйства, а вместе с ним и возможности прокормить себя, *государство* должно было обеспечить заработную плату. Ни того, ни другого советская власть колхозной деревне давать не планировала. Более того, деревня всегда оставалась источником инвестиций для государственной казны.

Не удивительно, что Сталин подверг проект Хрущева резкой критике.

Второй подход связан с именами А.И. Микояна¹, В.М. Молотова и Г.М. Маленкова. Суть его – в повышении закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию. В мемуарах Микояна содержатся свидетельства о попытках этой группы пересмотреть закупочные цены, чтобы укрепить колхозы, повысить их заинтересованность в расширении производства продукции.

«Я собираюсь внести Сталину предложение о повышении цен при поставках хлеба колхозами государству. Хочу предложить, чтобы сдаваемый колхозами хлеб оплачивался по повышенным закупочным ценам. Например, 1 кг пшеницы стоит в среднем 9 копеек – закупочная цена в среднем 15 копеек (в старом масштабе цен)», – вспоминал Микоян слова Молотова из разговора, состоявшегося в машине по дороге к Сталину на дачу. «Я ему сказал, что это слишком небольшое изменение, и положения, по существу, не меняет. Что такое 15 копеек вместо 9 копеек за 1 кг хлеба? Это маленькое дело. Нужна большая прибавка, и не только по хлебу. Правда, Сталин и это предложение отвергнет...».

¹ Анастас Иванович Микоян (1895–1978). Родился в с. Саваин Тифлисской губернии, в крестьянской семье. Окончил Тифлисскую духовную семинарию, учился на первом курсе Эчмиадзинской духовной академии. Был активным участником революционного движения и Гражданской войны на Кавказе. В 20-е годы – на партийной работе в Нижнем Новгороде, Ростове-на-Дону. С 1926 г. – в составе Совнаркома СССР занимал посты наркома внутренней и внешней торговли, снабжения, пищевой промышленности СССР. В июле 1937 – марте 1946 гг. заместитель председателя СНК СССР, одновременно в ноябре 1938 – марте 1946 гг. народный комиссар внешней торговли СССР. В 1941 г. председатель Комитета продовольственно-вещного снабжения РККА, член Совета по эвакуации. В марте 1946 – марте 1953 г. заместитель председателя Совета Министров СССР. Одновременно в марте 1946 – марте 1949 г. министр внешней торговли СССР / Государственная власть СССР. С. 422–423.

«Когда мы приехали, – продолжал Микоян, – Молотов при мне стал доказывать Сталину, что крестьяне мало заинтересованы в производстве хлеба, что нужно поднять эту заинтересованность, то есть нужно по более высоким закупочным ценам оплачивать поставки хлеба государству. “У государства нет такой возможности, делать этого не следует”, – коротко сказал Сталин, и Молотов не стал возражать. Больше в беседах к этому они не возвращались – ни Сталин, ни Молотов»¹.

Воспоминания Микояна содержат сведения об обсуждении на Бюро Президиума ЦК КПСС вопроса о состоянии животноводства. «Выступил министр земледелия Бенедиктов, который привел засекреченные, точные данные ЦСУ – они были убийственными: несмотря на принятие трехлетнего плана подъема животноводства, предложенного в 1949 г. Маленковым и принятого ЦК с полного одобрения Сталина, не только не было достигнуто увеличения продуктивности животноводства, но, наоборот, произошло уменьшение поголовья скота. Вообще-то план был хороший и выполнимый, но никаких материальных поощрений, материальных стимулов для его выполнения не было предусмотрено. Были только хорошие пожелания. Но считалось, что директивы и планы имеют силу закона. Все цифры Бенедиктов привел, не разясняя причин такого плачевного положения в производстве мяса и молока.

С места Сталин задал вопрос: “Почему такое состояние?” Бенедиктов ответил, что плохо работают.

Тогда я взял слово и сказал, что эти цифры, к сожалению, правильные и, конечно, объясняются плохой работой, но этому есть причины. Дело в том, что колхозники или ничего не получают на трудодни от животноводства, или получают так мало, что не заинтересованы им заниматься. Механизации в хозяйствах фактически нет. В холодную погоду они не хотят носить воду ведрами, поэтому скот остается без воды и без корма. Цены на мясо и молоко по поставкам давно устарели – они и малую долю издержек колхозов не покрывают. Поэтому колхозники и не заинтересованы в развитии общественного животноводства и поддерживают свое существование за счет приусадебного хозяйства и скота, находящегося в их личном пользовании, который подкармливают в том числе и за счет хищений колхозного добра. Главное – надо поднять материальную заинтересованность колхозников в развитии животноводства.

Сталин был очень удивлен – он не ожидал услышать о таком положении в сельском хозяйстве».

¹ Микоян А.И. Так было. – М., 1999. С. 576.

Вождь предложил создать комиссию по изучению состояния животноводства в стране. Комиссия также пришла к выводу о необходимости повысить закупочные цены на продукцию животноводства¹. Однако Сталин не только не согласился с выводами комиссии, но и предложил ввести дополнительный налог на крестьян.

Третий подход – сталинский план реформирования деревни. Позиция Сталина в отношении крестьянства имела и теоретический и практический уровни, окрашенные к тому же политико-идеологически. В сентябре 1952 г. на страницах «Правды» был опубликован труд вождя «Экономические проблемы социализма в СССР». Его появлению предшествовала экономическая дискуссия.

На теоретическом уровне (уровне своей теории), Сталин подверг критике тех, кто считал, что в социалистическом обществе продолжает действовать закон стоимости. «Эти товарищи забывают, – писал он, – что закон стоимости может быть регулятором производства лишь при капитализме, при наличии частной собственности на средства производства, при наличии конкуренции, анархии производства, кризисов перепроизводства. Они забывают, что сфера действия закона стоимости ограничена у нас наличием общественной собственности на средства производства, действием закона планомерного развития народного хозяйства, следовательно, ограничена также нашими годовыми и пятилетними планами, являющимися приблизительным отражением требований этого закона»².

Это был ответ на предложения повысить закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию.

«Короче: не может быть сомнения, что при наших нынешних социалистических условиях производства закон стоимости не может быть “регулятором пропорций” в деле распределения труда между различными отраслями производства», – утверждал Сталин.

Отдельный раздел в труде Сталина – «Вопрос об уничтожении противоположности между городом и деревней, между умственным и физическим трудом, а также вопрос о ликвидации различий между ними».

Позиция Сталина восхищает своей «диалектической гибкостью»: он прямо утверждал, что «... уничтожением капитализма и системы эксплуатации, с укреплением социалистического строя в нашей стране должна была исчезнуть и противоположность интересов между городом и деревней, между промышленностью и сельским хозяйством. Оно так и произошло (! – Авт.). Огромная помощь нашему крестьян-

¹ Микоян А.И. Указ. соч. С. 577.

² Правда. 1952. 3 окт.

ству со стороны социалистического города, со стороны нашего рабочего класса, оказанная в деле ликвидации помещиков и кулачества, укрепила почву для союза рабочего класса и крестьянства, а систематическое снабжение крестьянства и его колхозов первоклассными тракторами и другими машинами превратило союз рабочего класса и крестьянства в дружбу между ними. <...> Все это означает, что почва для противоположности между городом и деревней, между промышленностью и сельским хозяйством уже ликвидирована нынешним нашим социалистическим строем»¹.

Не «агрокорода» Хрущева, а раскулачивание обеспечило сближение города и деревни.

Впрочем, будущее колхозов – в превращении колхозной собственности в общенародную. Что мешает этому? Сталин отвечал: «Чтобы поднять колхозную собственность до уровня общенародной собственности, нужно выключить излишки колхозного производства из системы товарного обращения и включить их в систему продуктообмена между государственной промышленностью и колхозами. В этом суть. Такая система, сокращая сферу действия товарного обращения, облегчит переход от социализма к коммунизму. Кроме того, она даст возможность включить основную собственность колхозов, продукцию колхозного производства в общую систему общенародного планирования»².

В переводе со «сталинского» на русский это означало – следует ликвидировать последние островки частного производства и независимой от государства торговли.

Это в теории. Перейдем к практике.

16 октября 1952 г. на Пленуме ЦК КПСС Сталин вдруг обрушился с резкой критикой на Микояна. «Он, видите ли, возражает против повышения сельхозналога на крестьян. Кто он, наш Анастас Микоян? Что ему тут не ясно? Мужик – наш должник. С крестьянами у нас крепкий союз. Мы закрепили за колхозами навечно землю. Они должны отдавать положенный долг государству. Поэтому нельзя соглашаться с позицией товарища Микояна».

А.И. Микоян, стоя на трибуне, оправдывался, ссылаясь на экономические расчеты. Сталин (прерывая Микояна): «Вот Микоян – новоявленный Фрумкин. Видите, он путается сам и хочет запутать нас в этом ясном, принципиальном вопросе»³.

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 16. С. 170–171.

² Там же. С. 218–223.

³ Ефремов Л.Н. Дорогами борьбы и труда. Ставрополь, 1998. С. 12–16. М.И. Фрумкин (1878–1939), член РСДРП с 1898 г. В 1918–1922 гг. – член коллегии Наркомпрода, затем

В мемуарах Микояна приведен важный эпизод, связанный с реакцией Сталина на предложение поднять закупочные цены на сельхозпродукцию. «Как всегда вечером, когда и другие члены Президиума были у Сталина, Маленков изложил суть дела, чтобы прозондировать отношение Сталина. Меня там не было. Хрущев потом рассказывал, что Сталин принял это в штыки, сказав, что мы возобновляем программу Рыкова и Фрумкина, что крестьянство жиреет, а рабочий класс хуже живет. <...> Слышал (Микоян. – *Авт.*), как он говорил, что надо бы еще новый налог на крестьян ввести. Сказал: “Крестьянин, что? Сдаст лишнюю курицу – и все”»¹.

Споры в высшем политическом руководстве страны по «крестьянскому вопросу» шли с явным и очевидным перевесом в пользу Сталина. Налоги не сокращались. Продолжалась яростная пропагандистская кампания против «частнобуржуазных настроений», выливавшаяся в преследование «рваческих и недобросовестных элементов из колхозников».

Повторение пройденного. Промышленная политика. Социалистический строй выдержал суровую, страшную проверку войной. Поэтому логичным стал вывод о необходимости продолжить *после* войны те направления внутренней политики, которые определились в довоенный период и оправдали себя в военные годы. Это была не только политическая установка, шедшая «сверху», но и представления весьма широких слоев населения, ощущавших себя победителями².

Милитаризованное сознание политического руководства сохраняло приоритеты предвоенного развития СССР. В области экономики – ускоренное развитие тяжелой промышленности, ориентированной, прежде всего, на повышение обороноспособности страны. «Что касается планов на более длительный период, – заявил Сталин на встрече с избирателями в феврале 1946 г., – то партия намерена организовать новый мощный подъем народного хозяйства, который дал бы нам возможность поднять уровень нашей промышленности, например, втрое по сравнению с довоенным уровнем». Согласно его установкам, выплавка чугуна должна возрасти до 50 млн т, стали – до 60 млн т, то есть увеличиться 3,3 раза, нефти – до 60 млн т, то есть в 2 раза. «Только при этом условии, – заключил Сталин, – можно считать, что

зам. наркома продовольствия. В 1922–1929 гг., 1932–1935 гг. – зам. наркома внешней торговли. В 1928 г. – зам. наркома финансов. Репрессирован. Реабилитирован в 1957 г. – *Прим. авт.*

¹ Микоян А.И. Указ. соч. С. 578.

² Об этом явлении см.: Зубкова Е.Ю. Общество и реформы. 1945–1964. – М., 1993. С. 33–37.

наша Родина будет гарантирована от всяких случайностей. (Бурные аплодисменты). На это уйдет, пожалуй, три новых пятилетки, если не больше. Но это дело можно сделать, и мы должны его сделать (Бурные аплодисменты)»¹.

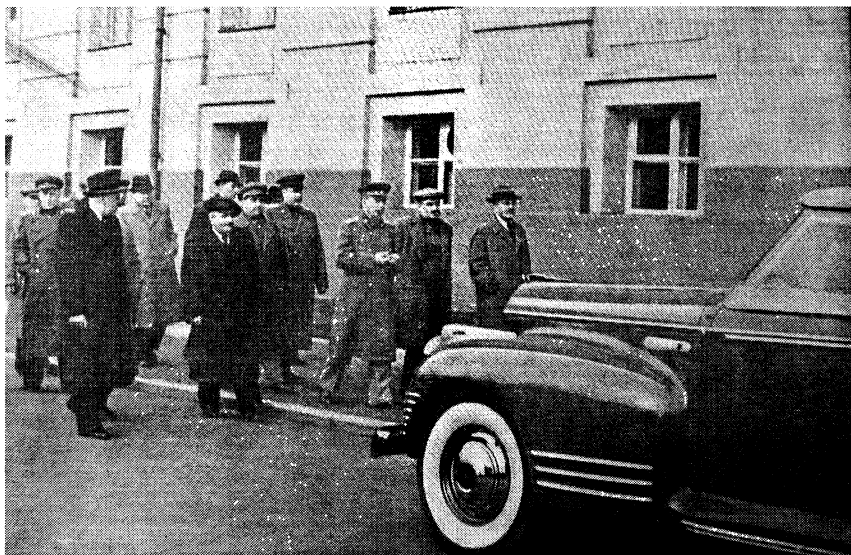
Исходный уровень для восстановления и дальнейшего развития экономики определялся итогами войны. Они были катастрофичны. По данным ЦСУ Госплана СССР, прямой экономический ущерб (уничтожение имущества), причиненный немецко-фашистской агрессией, оценивался в 679 млрд руб. в ценах 1940 г., то есть вдвое больше, чем было вложено в народное хозяйство за все довоенные пятилетки вместе взятые. Общие расходы на войну и связанные с этим потери национального дохода исчислялись в ценах 1940 г. в размере 1 890 млрд руб. Кроме того, потери доходов населения, государственных и кооперативных предприятий в период перехода от войны к миру и расходы на содержание армии (до 1 июля 1947 г.) сверх обычных контингентов мирного времени оценивались в размере 501 млрд руб., а потери национального дохода в результате убыли населения и потери трудоспособности инвалидами войны – в размере 1 664 млрд руб. Таким образом, с учетом прямых и косвенных потерь общий экономический ущерб СССР в 1941–1947 гг. составил 4 734 млрд руб. в ценах 1940 г. или 893 млрд американских долларов.

Первый послевоенный пятилетний план, четвертый за историю страны, принятый в марте 1946 г., определил главную цель: восстановить пострадавшие районы страны, довоенный уровень промышленности и сельского хозяйства и затем превзойти этот уровень в значительных размерах.

Средствами достижения были определены:

- первоочередное восстановление и развитие тяжелой промышленности и железнодорожного транспорта;
- подъем сельского хозяйства и промышленности, производящей средства потребления, для обеспечения материального благополучия народов Советского Союза;
- дальнейший технический прогресс во всех отраслях народного хозяйства СССР как условие мощного подъема производства и повышения производительности труда;
- завершение в 1946 г. послевоенной перестройки народного хозяйства, использование производственных мощностей военной промышленности для дальнейшего увеличения экономического потенциала Советского Союза;

¹ Сталин И.В. Речи на предвыборных собраниях избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы. – М., 1954. С. 22–23.

Руководители страны на просмотре новых автомобилей в апреле 1945 г.

– обеспечение повышения обороноспособности страны и оснащение Вооруженных Сил СССР новейшей военной техникой.

Населению страны обещали превзойти довоенный уровень дохода и уровень потребления, «умножить колхозные доходы, увеличить товарооборот; отменить в ближайшее время карточную систему, заменив ее развернутой культурной советской торговлей», восстановить и расширить сеть начальных и средних школ и высших учебных заведений; улучшить подготовку кадров для производства путем увеличения трудовых резервов и производственного обучения новых рабочих¹.

Переход от войны к миру выразился прежде всего в сокращении военных затрат и численности Вооруженных Сил страны. Доля прямых военных расходов в государственном бюджете СССР уменьшилась с 54,3 % в 1945 г. до 24-х в 1946 и 18 % в 1947 г. Объемы капитальных работ в системе наркоматов обороны и Военно-Морского Флота на период 1946–1950 гг. устанавливались в размере 7 млрд рублей – в 2 раза меньше, чем в последние предвоенные годы (1938–1941 гг.)².

¹ Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг. // Правда. 1946. 21 марта. С. 2.

² См.: Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. – М., 1996. С. 192.

В СССР промышленность разделялась на две группы. В группу «А», или тяжелую промышленность, включались отрасли, производившие средства производства (машины, оборудование), обрабатывающие отрасли – черной и цветной металлургии, химическая промышленность, горнодобывающие производства, а также производство вооружений и боеприпасов. В группу «Б» входила легкая промышленность, производящая главным образом товары народного потребления: пищевая, текстильная, переработка сельскохозяйственного сырья, ряд других отраслей.

Принято считать, что соотношение между этими группами промышленности – тяжелой и легкой – характеризует степень «гуманизации» экономики. В Советском Союзе с 30-х гг. последовательно сохранялся курс на преимущественное развитие тяжелой промышленности. После окончания войны ее удельный вес увеличился. В то же время удельный вес группы «Б» в советской экономике постоянно снижался. Эта тенденция сохранилась и в послевоенные годы (см. табл. 1)¹.

Таблица 1

Удельный вес производства группы «А» и группы «Б»
(в % к общему объему промышленности)

Годы	Группа «А»	Группа «Б»
1940	61,2	38,8
1945	74,9	25,1
1946	65,9	34,1
1953	70,0	30,0

Приведенные в табл. 1 данные свидетельствуют: после войны довоенный удельный вес легкой промышленности не только не был достигнут, но и сократился.

После окончания войны начался переход промышленности страны на «мирные рельсы». Объем военных заказов сократился. Ряд наркоматов (министерств), на предприятиях которых производилось вооружение, изменили свой профиль. В марте 1946 г. Наркомат минометного вооружения был преобразован в Министерство машиностроения и приборостроения, Наркомат боеприпасов – в Министерство сельскохозяйственного машиностроения, Наркомат танковой промышленности – в Министерство транспортного машиностроения².

¹ Сост. по: Лейбович О. Реформа и модернизация в 1953–1964 гг. – Пермь, 1993. С. 60.

² СССР и холодная война. – М., 1995. С. 128.

Организационная перестройка промышленности привела к увеличению объема гражданского производства. Выросло производство изделий сложной техники для нужд населения и народного хозяйства. Так, если в 1946 г. было выпущено 0,3 тысячи мотоциклов, то в 1949 г. – уже 53,6 тысяч, в 1947 г. изготовили 90,5 тысяч фотоаппаратов, в 1949 г. – 154,5 тысяч. Авиационные заводы осваивали производство компрессоров и насосов, экскаваторов и металлорежущих станков, оптико-механических приборов и спектральной аппаратуры¹.

Вместе с тем при расширении объема гражданской промышленности удельный вес собственно военного производства не сокращался, а возрастал (см. табл. 2).

Таблица 2

Объем производства Министерства авиационной промышленности²

Годы	Гражданская продукция		Военная продукция		Общий объем производства	
	Млн руб.	Доля от общего объема производства в %	Млн руб.	Доля от общего объема производства в %	Млн руб.	%
1946	2128	43,75	2736	56,25	4864	100
1947	2628	42,16	3606	57,84	6234	100

Сразу после войны начались форсированные работы по созданию ракетно-ядерного вооружения. Это потребовало развития новых видов промышленности, в том числе машиностроения, огромных финансовых и людских ресурсов.

Повторение пройденного – возвращение к курсу на развитие тяжелой промышленности – не только влияло на социальную политику, жизненный уровень населения, но и предполагало воспроизводство довоенных технологий в основных промышленных сферах. Отчасти это объяснялось необходимостью восстановления разрушенных в годы войны предприятий, которые, используя оборудование, поступавшее из Германии по репарациям, воссоздавали технологии 30-х годов. Новые наукоемкие технологии внедрялись преимущественно в оборонной промышленности, при создании новых образцов вооружений, от гражданского сектора промышленности их скрывала высокая и прочная стена секретности, поэтому они не могли сколько-нибудь серьезно влиять на технический уровень производства в стране в целом.

¹ СССР и холодная война. С. 132–134.

² Табл. сост. по: СССР и холодная война. С. 166.

Работники промышленности. Широкий размах строительства и освоения новых промышленных мощностей вызвал резкое увеличение числа работающих, стал причиной дефицита рабочей силы. Основным источником ее комплектования продолжала оставаться деревня, ежегодно терявшая до 2 млн человек¹, уходивших всеми правдами и неправдами на работу в промышленность, на транспорт, в города.

Для восстановления промышленного потенциала на крупные предприятия союзного значения направляли бывших военнослужащих. Так, в 1945–1948 гг. в Горьковскую, Днепропетровскую, Калининскую, Киевскую, Курскую, Одесскую и Сталинскую области прибыло 101–166 тысяч человек в каждую, что в общей сложности составило 10 % всех демобилизованных. В 1947 г. довоенная численность рабочих и служащих была восстановлена, к 1948 г. – достигла уровня, запланированного на 1950 г.²

В центре внимания оказалась проблема эвакуированных. В первые военные годы сотни тысяч квалифицированных рабочих и инженеров из западных и центральных регионов страны вместе со своими предприятиями были эвакуированы на Урал и в Сибирь. Жизнь в эвакуации была тяжелой, но это оправдывалось политически, морально, психологически. Теперь война окончилась, и люди стремились вернуться домой³. Группа рабочих свердловского завода «Электросталь» писала в Президиум Верховного Совета: «Мы считаем, что наступило время, когда мы, семьи которых находятся в Харькове, можем вернуться в Харьков. Наши семьи эвакуироваться с нами не могли. Все время, больше трех с половиной лет, мы жили и живем, как солдаты на войне, т. е. ничего нет, кроме чемодана и вещевого мешка. Естественно, все наши устремления после войны – вернуться к семьям». О масштабах проблемы свидетельствует такой пример: на Челябинском тракторном заводе, где производилось абсолютное большинство тяжелых танков, из 40 тысяч работников 30 тысяч являлись жителями Ленинграда, Харькова, Сталинграда, других городов СССР. Похожая ситуация была на Нижнетагильском вагоностроительном заводе, центре производства средних танков для армии, на Уралмаше, где производили артиллерийское вооружение и самоходные артиллерийские установки, на Омском танкостроительном заводе, на шахтах Кемеровской, Карагандинской, Челябинской, Свердловской и других областей.

¹ См.: Геллер М., Некрич А. Утопия у власти: история Советского Союза с 1917 года до наших дней. – Лондон, 1989. С. 520–521.

² Подробнее об этом см.: Донченко В.Н. Демобилизация Советской Армии и решение проблемы кадров в первые послевоенные годы // История СССР. 1970. № 3. С. 98–100.

³ См.: Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество... С. 37–46.

В Москву шли тысячи, десятки тысяч писем эвакуированных с требованием: верните нас домой!¹ На заводах начались волнения, забастовки, снизилась производительность труда. Часть эвакуированных самовольно покидала предприятия.

Для того чтобы смягчить социальную напряженность, Совет Министров СССР 25 августа 1946 г. принял специальное постановление «О повышении заработной платы и строительстве жилищ для рабочих и инженерно-технических работников предприятий и строек, расположенных на Урале, в Сибири и Дальнем Востоке»².

Ограничения на возвращение эвакуированных были частично сняты через 2–3 года после окончания войны. 7 марта 1947 г. постановление Совмина СССР смягчило уголовную ответственность за самовольное оставление места работы (установив 2–4 месяца заключения вместо 5–8 лет, как полагалось по указу от 26 декабря 1941 г.). Лишь 31 мая 1948 г. уголовная ответственность по этой статье была отменена³.

Увеличение инвестиций в промышленность и строительство, достигавших в первую послевоенную пятилетку 22 % национального дохода против 17 % в довоенный период, привело к росту численности рабочих, инженеров и служащих. За четыре года пятилетки численность занятых в промышленности и строительстве увеличилась на 11,6 млн человек. В 1950 г. в народном хозяйстве СССР насчитывалось почти 39 млн рабочих и служащих.

Важнейшей проблемой оставалась подготовка квалифицированных кадров для промышленности. Эта задача выполнялась в основном через систему фабрично-заводских училищ (ФЗУ). Учащиеся («фэззушники» или ремесленники, как их называли по аналогии с когда-то существовавшими ремесленными училищами) были в большинстве своем деревенскими подростками. Они находились на полном государственном обеспечении, жили в общежитиях, одевались

Строители.

¹ См.: Зубкова Е.Ю. Указ. соч. С. 41–46.

² Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – М., 1968. Т. 3. С. 460–467.

³ Там же. С. 45–46.

Ученица ФЗУ.

в специальную форменную одежду. В ФЗУ они получали неполное среднее образование, приравненное к семилетке, изучали основы будущей профессии.

Обучение в ФЗУ становилось своего рода «социальным лифтом», открывавшим путь из деревни в город, обеспечивавшим образование, квалифицированную и неплохо оплачиваемую по тем временам работу, возможность учиться дальше – в школах рабочей молодежи, на вечерних и заочных отделениях технических вузов.

Для закрепления специалистов в условиях высокой текучести кадров (потребность в рабочих руках была велика, следовательно, имелась возможность найти работу на другом

предприятии) власть широко использовала материальные и моральные стимулы. «Социалистическое соревнование», инициированное после окончания войны, подкреплялось наградами – от почетных грамот, фотографий на Досках Почета, орденов и медалей до обязательных денежных премий. Передовикам предоставляли денежные ссуды на индивидуальное жилищное строительство, на приобретение некоторых товаров через Отделы рабочего снабжения (ОРС) промышленных предприятий. К этому необходимо добавить упорную, последовательную пропагандистскую кампанию об особой роли рабочих в социалистическом государстве.

В то же время уровень жизни, в том числе и городского населения, оставался невысоким. До конца 1947 г. сохранялось пайковое, карточное обеспечение жителей городов и работников промышленных предприятий.

Денежная реформа. Неизбежным результатом войны стал рост эмиссии. Для покрытия расходов на оборону государство было вынуждено широко использовать печатный станок. С начала войны по январь 1946 г. было выпущено в обращение 55,4 млрд руб. – по сравнению с предвоенным периодом денежная масса увеличилась в 4 раза. В стране появились «неотоваренные» деньги. Поскольку в военные

и первые послевоенные годы производство товаров народного потребления сократилось, нарастал «отложенный спрос» среди некоторых категорий населения – офицерского корпуса, части управленческого аппарата, а также части крестьян, торговавших на городских рынках. Как правило, это были крестьяне из деревень, находившихся недалеко от крупных промышленных центров и больших городов. Деньги откладывали на будущее, большей частью – «в чулок», реже – хранили в сберкассах (в 1945 г. вклады населения определялись суммой в 3,3 млрд руб.)¹.

Для того чтобы «вытащить» у населения часть денег, в 1946 г. были существенно – почти втрое – повышены пайковые цены. Так, ржаной хлеб, стоивший 0,85–1,10 руб. за килограмм, подорожал до 3,40 руб., сахар – с 5,20–6 до 15, масло – с 22,5–23 до 60, мясо – с 11,2–12 до 30 руб. Одновременно с этим несколько снизились цены в коммерческих магазинах: ржаной хлеб, стоивший там 10 руб., начали продавать за 8 руб.; мясо вместо 120 руб. стало стоить 80². Цены на рынках были во много раз выше.

Повышение пайковых цен било по городскому населению. Летом 1946 г. зарплаты в СССР оставались низкими. Почти половина работающих (43 %) получали менее 300 руб. в месяц, 35 % – от 300 до 600 руб. Деньги в основном уходили на питание. К этому необходимо было добавить перебои со снабжением, постоянные очереди, чтобы «отovarить» карточки. Отсюда – недоедание, авитаминоз, рахит у детей. У полуголодных подростков той поры часто «отнимались ноги», и 10–12-летний мальчишка неделями лежал дома, пил прописанный врачом рыбий жир, чтобы восстановилась возможность ходить.

Закон о четвертом пятилетнем плане, принятый в марте 1946 г., содержал обещание отменить карточки. Однако этого не произошло. 29 августа 1946 г. газета «Правда» поместила следующее сообщение: «В Президиуме Верховного Совета СССР. В связи с засухой в ряде областей СССР и сокращением государственных запасов продовольствия Президиум Верховного Совета ССР постановил удовлетворить ходатайство Совета Министров СССР о перенесении отмены карточной системы с 1946 г. на 1947 г.».

Власть стремилась стабилизировать финансовую систему страны, синхронизировать отмену карточек и денежную реформу. Комиссия по денежной реформе была создана решением Политбюро ЦК 27 мая 1947 г., когда принципиальные вопросы (о характере реформы, вре-

¹ См.: Попов В.П. Экономическая политика... С. 77.

² См.: Попов В.П. Там же. С. 96. О реакции населения на повышение пайковых цен см.: Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество. С. 70–74.

мени ее проведения и пр.) были уже решены Сталиным и министром финансов СССР А.Г. Зверевым.

Подготовка к денежной реформе СССР началась в 1943 г., когда Зверев получил от Сталина директивы по ее проведению. В июне 1946 г. министр финансов представил вождю проект постановления Совмина СССР о денежной реформе. Его основные положения сводились к установлению сроков проведения реформы (4 квартал 1947 г.) и соотношения обращающихся денежных знаков и знаков нового образца из расчета «за каждый рубль в денежных знаках нынешнего образца – 20 копеек в денежных знаках нового образца». Предлагалось также впредь до проведения реформы прекратить какое-либо повышение заработной платы и расценок, а также заготовительных цен на сельскохозяйственные продукты. Предложение Минфина производить обмен в соотношении 5:1 показывает, что реформу планировали провести за счет населения. Окончательный вариант реформы оказался еще более жестким – 10:1.

Подготовка денежной реформы проходила в обстановке исключительной секретности. Однако сохранить ее не удалось. Кое-где на местах были самовольно вскрыты пакеты с грифом «Вскрыть только по получению особого указания». В них содержались документы о порядке проведения денежной реформы, чем не замедлили воспользоваться люди, получившие доступ к этой информации. 28 ноября 1947 г. МГК ВКП(б) провел в столице совещание секретарей районных комитетов партии и председателей райисполкомов, где рассматривалось два вопроса: «открытый» – о подготовке к торговле без карточек, и «закрытый» – информация Финансового управления Москвы, в которой намекалось на проведение в ближайшее время обмена денег и говорилось о необходимости подготовить в различных районах Москвы 1160 «выплатных пунктов».

После этого в сберкассах началась паника. В последние дни ноября 1947 г. объемы вложений и выдачи денег увеличились в 7–10 раз. В магазинах лихорадочно скупали дорогостоящие товары – от золота и ювелирных изделий до биноклей и никому раньше не нужных тюбетек¹.

Реформа была проведена в ночь с 14 на 15 декабря 1947 г. 13 декабря в газете «Известия» появилось постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары». В постановлении говорилось:

¹ Обстоятельства проведения денежной реформы и реакции на нее населения подробно исследованы Е. Зубковой. См.: *Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество*. С. 82–86.

«В настоящее время перед Советским государством встала задача проведения денежной реформы в целях укрепления курса рубля, а также отмены карточной системы снабжения и перехода к развернутой торговле по единым государственным ценам.

<...> В годы Отечественной войны резко возросли расходы Советского государства на содержание армии и на развертывание военной промышленности. Огромные военные расходы потребовали выпуска в обращение большого количества денег. <...>

Теперь, когда на очередь встала задача перехода к открытой торговле по единым ценам, большое количество выпущенных во время войны денег препятствует отмене карточной системы, так как излишние деньги в обращении взвинчивают рыночные цены... и облегчают возможность спекуляции.

Нельзя... допустить, чтобы спекулятивные элементы, нажившиеся в период войны и накопившие значительные суммы денег, получили возможность скупать товары после отмены карточной системы.

Поэтому Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) решили провести денежную реформу... Эта реформа будет производиться на следующих основах.

Во-первых. Обмен ныне обращающихся и находящихся на руках наличных денег на новые деньги будет производиться с ограничением, а именно: десять рублей в старых деньгах на один рубль в новых деньгах.

Во-вторых. Денежные вклады в сберегательных кассах и Государственном банке будут переоцениваться на более льготных условиях, чем обмен наличных денег, причем вклады до 3 тыс. рублей будут переоцениваться рубль за рубль. <...>

Все же при проведении денежной реформы требуются известные жертвы. Большую часть жертв государство берет на себя. Но надо, чтобы часть жертв приняло на себя и население, тем более что это будет

А.Г. Зверев

Денежная реформа 1947 г. Образцы денег.

последняя жертва. <...> ...Порядок обмена ударит прежде всего по спекулятивным элементам...»¹.

Добавим к этому, что облигации государственного займа обменивались из расчета 3:1. С 14 декабря сберкассам было запрещено принимать вклады от населения. Однако многие партийные и государственные чиновники попытались в нарушение этого запрета сохранить свои сбережения. По данным Е.Ю. Зубковой, в 40 республиках, краях и областях 145 секретарей райкомов и

горкомов партии были уличены в нарушении закона о проведении денежной реформы².

Новые цены, установленные на товары после отмены карточек, в большинстве своем превышали старые «пайковые» цены: хлеб ржаной – 2,8–3,2 руб. за кг., мука пшеничная – 7–9; сахар-рафинад – 13,5–16,5; мясо 1-го сорта – 28–32; масло сливочное – 62–66; масло подсолнечное – 28–32; соль – 1,6–1,8; молоко (1 л) – 2,5–5; яйца (десяток) – 10–18; пиво (0,5 л) – 7; икра – 400; водка (0,5 л) – 60; костюм мужской (двойка) – 450; полуботинки мужские (1 пара) – 288; валенки – 216; чулки женские – 7,5; часы наручные – 900; патефон – 900; мыло хозяйственное (1 кусок) – 5,2; керосин (1 л) – 2–2,5; галоши резиновые – 45 руб.³.

Сразу же после отмены карточек сложилась парадоксальная система. Магазины ломились от невиданного изобилия. Дорогие ветчина, колбасы, рыба, икра, папиросы в красивых коробках украшали витрины. Но население спешило запастись другими товарами. Власть знала и готовилась к этому. 14 декабря 1947 г. Совет Министров СССР принял постановление «О нормах продажи продовольственных и промышленных товаров в одни руки», которым предусматривались «предельные нормы отпуска в одни руки: хлеб печеный – 2 кг; крупа, макароны – 1 кг; мясо и мясопродукты – 1 кг; колбасные изделия и копчености – 0,5 кг; сметана – 0,5 кг; молоко – 1 л; сахар – 0,5 кг; хлопчатобумажные ткани – 6 м; нитки на катушках – 1 катушка; чулки-носки – 2 пары; обувь кожаная, текстильная, резиновая – по 1 паре

¹ Известия. 1947. 13 декабря.

² См.: Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество... С. 83–84.

³ См.: Попов В.П. Экономическая политика... С. 98.

каждой; мыло хозяйственное – 1 кусок; мыло туалетное – 1 кусок; спички – 2 коробки; керосин – 2 л). В промтоварных магазинах раскупалась резиновая обувь, особенно галоши.

Денежная реформа в СССР была конфискационной, причем во всех ее элементах. Государство недвусмысленно решало свои проблемы за счет граждан. Под горячую руку государственной казны попали и иностранцы, жившие в Москве, в том числе сотрудники посольства США в СССР. Им обменяли деньги из расчета 3:1. Конечно, это было лучше, чем 10:1. Но американцы не собирались мириться с таким положением. Между посольством США и МИД СССР завязалась переписка, в которой финансисты посольства изложили мнение, основанное на собственных наблюдениях за последствиями реформы: «По сравнению с существовавшими пайковыми ценами новая система цен, установленная Советским правительством 14 декабря 1947 г., слегка снижает стоимость только четырех предметов потребления, в то время как... другие виды продуктов питания стоят фактически дороже»¹. В посольстве США подсчитали сравнительную стоимость «продовольственной корзины» в Вашингтоне и Москве, пересчитав курс рубля по отношению к доллару по принятой тогда норме – 8 рублей за доллар. Получалось, что в 1948 г. жизнь в Москве была дороже, чем в Вашингтоне.

К встрече посла США в СССР У.Б. Смита и заместителя министра иностранных дел А.Я. Вышинского 3 августа 1948 г. американское посольство подготовило следующую таблицу (см. табл. 3).

Таблица 3

Цены на продукты в Вашингтоне и Москве
(в руб. за 1 кг по курсу 8 руб. за 1 ам. долл.)²

Продукты	Москва	Вашингтон
Белый хлеб из муки первого сорта	7	1,88–1,94
Белая мука первого сорта	8	1,57–1,73
Яблоки	16,0–25,0	1,47–1,94
Молоко (1 л)	3,0–4,0	1,61–1,94
Макароны	10	2,65
Мясо, первый сорт	30	10,40–12,16
Масло	64	13,60–14,96
Чай (100 г)	16	1,76
Кофе	75	6,79–8,96

¹ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 0129. Оп. 32. Портфель 2. Д. 304. Л. 8–9. Далее: АВП РФ. См. также: *Пихоя Р.Г.* Указ. соч. С. 23–25.

² АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 32. Портфель 2. Д. 304. Л. 11.

Основная цель денежной реформы была достигнута. По данным Госбанка СССР, на 1 декабря 1947 г. в обращении находилось 63,4 млрд руб. (старых денег). После проведения обмена на руках у населения осталось около 4 млрд руб., а общее количество денег, выпущенных в обращение на конец 1947 г., составило 14 млрд руб.

Отмена карточной системы и проведение денежной реформы сопровождались мощной пропагандистской кампанией об успехах советской экономики, колхозного строя в стране, обеспечивших быстрое преодоление последствий войны.

Конфискационный характер реформы, как и то обстоятельство, что государство сняло с себя обязательство гарантированного, карточного снабжения городского населения и рабочих, остались за завесой этой кампании.

Очерк 2

Международное положение

СССР в мире: поиск и утверждение внешнеполитических ориентиров. Внешнеполитическое планирование в годы войны. Сталин – Черчилль. Раздел сфер влияния. Признаки охлаждения советско-американских отношений. Сотрудничество или конфронтация. СССР в Восточной Европе: первый год. «Иранский кризис». Атомное оружие. «Фултонская речь» Черчилля. Сталин о «фултонской речи». Дипломатические дуэли. «План Маршалла» и СССР. Отказ от «национальных путей» к социализму. Начало «холодной войны» и балансирование на грани новой войны. Первый Берлинский кризис. За социалистическое единообразие. Корейская война

СССР в мире: поиск и утверждение внешнеполитических ориентиров. В годы Второй мировой войны начала складываться новая система международных отношений. Евроцентризм, характерный для многовековой дипломатической традиции, уходил в прошлое. Война глобализовала мировую политику, на время упростив расстановку сил, сведя ее к противостоянию стран антикоминтерновского пакта во главе с Германией, Италией и Японией и стран-участниц антигитлеровской коалиции. Следствием войны стало вовлечение многих государств, в том числе считавшихся нейтральными, в обслуживание экономик воюющих стран. Война идеологизировала внешнюю политику. Традиционные для прежних войн национализм и шовинизм (оборотные стороны патриотизма) потеснили более универсальные идеологемы. Для Германии и ее союзников таковыми явились рассуждения о роли «арийской расы» в историческом процессе, о защите Европы и мира от «еврейско-коммунистического заговора» и «мировой плутократии». Для стран антигитлеровской коалиции общими лозунгами стали борьба против нацизма с его людоедской «расовой теорией», восстановление границ государств, уничтоженных гитлеровским нашествием, наказание виновных в агрессии и преступлениях против человечества. Конечно, у каждого государства, участвовавшего в войне, были свои политические, экономические и иные задачи, которые они пытались решить собственными силами либо в союзе с другими странами.

Пока государствам антигитлеровской коалиции противостоял могучий противник в лице Германии с ее сателлитами и Япония, они должны были объединиться, «дружить против» общих врагов, на время забыв о противоречиях между капиталистическими Великобританией и США и Советским Союзом с его коммунистической идеологией. Однако война неумолимо катила по своим кровавым рельсам к Победе. Впереди был мир.

Каким он станет?

Ответ на этот вопрос был найден не сразу. Создание нового, послевоенного миропорядка потребовало времени. На этом пути можно выделить три этапа.

Первый этап – подготовка к построению будущего мира – начался едва ли не с первых дней Великой Отечественной войны. Процессы, характеризующие содержание этого этапа, стали развиваться особенно интенсивно с 1943 г., после Сталинградской битвы, когда определились перспективы завершения войны. Его «верхняя дата» – завершение войны в Европе, образование Организации Объединенных Наций (ООН) и встреча глав союзных государств в Потсдаме.

Второй этап – между сотрудничеством и конфронтацией – наиболее сложный, а возможно, и самый важный для понимания будущего «лобового противостояния» СССР и США. Его можно датировать временем от окончания войны и Потсдамской конференции до начала реализации «плана Маршалла» и создания Коминформа.

Третий этап – начало «холодной войны» и балансирование на грани новой войны – укладывается в промежуток времени от первого Берлинского кризиса до войны в Корее.

Считаю необходимым сделать три предварительных замечания.

Первое. Принципиально неверно «искать виновных» в развитии международных отношений именно по такому пути. Если прежде отечественная историография с пеной у рта доказывала, что во всем виноват «американский империализм и его пособники», то сегодня она с не меньшим рвением, часто в том же авторском исполнении, обвиняет во всех существующих и несуществующих грехах «тоталитарную систему», «советский экспансионизм» и т. д. Внешняя политика – процесс постоянного взаимодействия, противостояния, взаимовлияния. В этом смысле поиски «правых и виноватых» всегда политически спекулятивны. Политические спекуляции не являются целью этой книги.

Второе замечание касается обозначенных хронологических границ этапов развития системы международных отношений. Любая историческая периодизация более или менее условна и границы этапов мо-

гут «наплывать» друг на друга. Это, впрочем, не меняет сути – специфики каждого из отмеченных выше этапов.

Третье замечание – о задачах книги, которая находится в ваших руках, уважаемый читатель. Цель ее, как уже отмечалось, – история власти. Поэтому из всей сложной совокупности проблем международных отношений я остановлюсь только на одном аспекте – выработке властью позиции в сфере внешней политики.

Внешнеполитическое планирование в годы войны. Уже в декабре 1941 г. на встрече в Москве с министром иностранных дел Великобритании А. Иденом советское руководство сформулировало свое видение послевоенного мира. За СССР должны были сохраниться все территории, присоединенные после заключения пакта Риббентропа–Молотова. Кроме этого Сталин, непосредственно участвовавший в переговорах, заявил о целесообразности включения восточно-прусского Тильзита и финского Петсамо в состав Советского Союза. После войны СССР должен был иметь договоры с Румынией и Финляндией, по которым Красная Армия получала право создать на территории этих государств свои военные базы. Тем самым Сталин подтвердил верность принципам внешней политики, заявленным еще в 1938–1939 гг. на переговорах с Великобританией и Францией, которые он сумел закрепить в пакте Риббентропа – Молотова, а позднее отстаивал на переговорах с союзниками по антигитлеровской коалиции.

Тогда же, в декабре 1941 г., Сталин заявил о целесообразности расчленения Германии и создании на ее территории нескольких независимых государств, а также о будущих репарациях.

В январе 1942 г. решением Политбюро ЦК ВКП(б) была создана «Комиссия по послевоенным проектам государственного устройства стран Европы, Азии и других частей мира» во главе с наркомом иностранных дел В.М. Молотовым. Осенью 1943 г. были готовы детальные предложения советской стороны о послевоенном устройстве мира. В общих чертах они были доложены на Тегеранской встрече «Большой тройки», что показало большую подготовленность к обсуждению этих проблем советской стороны, нежели англо-американских союзников¹.

Сотрудничество с союзниками во время войны было жизненно необходимо для СССР. Советский Союз получил от США и Великобритании большое количество вооружения, боеприпасов, стратегических материалов, продовольствия, в чем крайне нуждалась Красная Армия.

¹ См.: Данилов А.А., Пыжиков А.В. Указ. соч. С. 15–16.

В СССР было отгружено продукции на сумму 9478,4 млн долларов, поступило – на сумму 9151,8 млн долларов. Разница объяснялась гибелью части морских транспортов в пути. Советский Союз получил 11 100 самолетов – истребителей и бомбардировщиков, 7025 танков и самоходных орудий, 307,4 тыс. т. боеприпасов и пороха, 354,6 тыс. грузовых автомобилей, 1968 паровозов и тепловозов, 12,3 млн шарикоподшипников, тысячи тонн цветных металлов, ферросплавов, авиабензина и многое другое¹.

В повестке дня все явственнее обозначалась задача: как управлять оккупированной Германией. Сотрудник Наркомата иностранных дел, заведующий третьим Европейским отделом А.А. Смирнов направил 31 декабря 1943 г. записку на имя заместителя наркома В.Г. Деканозова. Смирнов обращал внимание на необходимость подготовки специалистов для управления оккупированными странами и прежде всего Германией. Смирнов призывал учесть опыт Союзнического военного правительства оккупированных территорий (Allied Military Government of Occupied Territories) созданного в Италии. «Из практики пребывания наших войск в Иране, – напоминал он, – мне известно, какие трудности стоят перед командованием не только в вопросе о создании местных органов власти,... а в более легком вопросе установления контакта с существующей местной администрацией и использования ее для поддержания нормальной жизни населения в зоне расположения войск. <...> Из контакта с нашими военными работниками в Иране мне известно, что все они очень плохо знают местные особенности, нравы, обычаи, государственное устройство, законодательство и проч. Вряд ли лучше обстоит дело и с Германией, Венгрией и Румынией. Мы плохо знаем организацию административной власти в Германии, мало что знаем о налоговой системе в сельском хозяйстве, о политике цен, порядке организации снабжения населения, о структуре министерств, банков и прочих организаций». Дипломат предлагал срочно организовать выпуск справочной литературы по Германии и ее отдельным провинциям, по различным государственным учреждениям и государственному устройству страны, а также начать подготовку необходимого персонала.

«Война вступает в последнюю решающую фазу, – подводил итоги Смирнов. – Приближается время военного разгрома Германии. Военный разгром связан с оккупацией Германии, а сроки оккупации могут быть длительными. Сложность состоит в том, что Германия будет оккупирована тремя союзными армиями, а это значит, что с первых же

¹ АВП РФ. Фонд секретариата Молотова. 1946 г. Оп. 8. Папка 47. Д. 793. Л. 8–10.

Тегеран. 1943 г.

дней оккупации командование должно быть готово к сложной дипломатической борьбе»¹.

Сложную дипломатическую борьбу, на этот раз вместе с союзниками, необходимо было вести по всему миру. На первый план выходили вопросы координации внешней политики основных стран антигитлеровской коалиции – СССР, Великобритании и США. Механизмом разработки такой политики явились совещания министров иностранных дел США, СССР и Великобритании, а несколько позже – встречи глав государств-союзников. В октябре 1943 г. совещание министров иностранных дел было проведено в Москве. Главной темой обсуждения стал вопрос о будущем устройстве Германии. В конце 1943 г. началось планирование конкретных вопросов советской репарационной политики.

С 28 ноября по 1 декабря 1943 г. в Тегеране состоялась конференция глав трех великих держав – Черчилля, Рузвельта и Сталина. На конференции были приняты важные решения². Рузвельт и Черчилль

¹ СССР и германский вопрос. 1941–1949. – М., 1996. Т. 2. С. 330–333.

² См.: Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. – М., 1978. Т. 2. (Далее: Советский Союз на международных конференциях...).

заверили Сталина, что западные союзники начнут мощную десантную операцию во Франции в мае 1944 г. В свою очередь Сталин подтвердил, что СССР примет участие в войне на Дальнем Востоке. Уже в первый день работы конференции, 28 ноября, Сталин заявил, что выступление Советского Союза против Японии может начаться после капитуляции Германии. Это отвечало планам американской политики, заинтересованной в СССР как союзнике в войне с Японией.

В Тегеране были рассмотрены некоторые вопросы создания международной организации – ООН. Инициатором обсуждения стал президент США Ф.Д. Рузвельт. Сталин согласился с его схемой структуры ООН (Ассамблея – Исполнительный комитет в составе представителей 10–11 стран – «Полицейский комитет» в составе представителей 4-х стран), но заметил, что для предотвращения агрессии необходимо будет, кроме создания этих органов, занять наиболее важные стратегические пункты в Европе и на Дальнем Востоке. Президент выразил свое согласие с маршалом Сталиным «на все сто процентов». Тегеранская декларация, подписанная 1 декабря 1943 г. Рузвельтом, Сталиным и Черчиллем, в общей форме подтвердила их решимость «работать совместно как во время войны, так и в последующее мирное время».

В Тегеране обсуждались также германский вопрос и сложный вопрос о будущих границах Польши. Сталин очертил контуры зон безопасности в Восточной Европе и Азии, обозначил сферу интересов Советского Союза. Эти проблемы получили развитие в дальнейших планах правительства СССР и стали предметом международных переговоров. Среди них: ликвидация основ милитаризма в Германии и предотвращение возможности ее новой агрессии, в том числе путем установления союзнического контроля над основными стратегическими пунктами; признание включения прибалтийских республик в состав СССР; восстановление советско-польской границы (по состоянию на октябрь 1939 г.). Кроме того, Советский Союз претендовал на незамерзающие порты Балтийского моря и часть территории Восточной Пруссии.

Нетрудно видеть последовательность позиции советской стороны, которая продолжала отстаивать территориальные приобретения, полученные в соответствии с советско-германскими секретными протоколами 1939 г., и шла еще дальше в своих притязаниях. Сталин заявил, что в случае поддержки Британией советской позиции по этому вопросу СССР согласится на предложенную Черчиллем формулу относительно границ Польши (по «линии Керзона» и по линии р. Одер).

Оба западных лидера высказали в Тегеране готовность считаться с устремлениями СССР. Так, 30 ноября 1943 г. Черчилль в присутствии Рузвельта и Сталина признал очевидным «тот факт, что Россия должна иметь выход в теплые моря». Говоря о послевоенных границах между СССР, Польшей и Германией во время завтрака «Большой тройки» 1 декабря, британский премьер отметил необходимость гарантии западных границ СССР.

К началу 1944 г. уже появилась четкая, проработанная во всех деталях концепция советской внешней политики в послевоенный период. Ее автором был заместитель наркома иностранных дел СССР И.М. Майский. 11 января 1944 г. Майский направил В.М. Молотову обстоятельный меморандум. Молотов переслал этот документ Сталину, Ворошилову, Микояну, Берии и Деканозову.

Иван Михайлович Майский являлся, безусловно, выдающимся дипломатом. Ярким примером его дипломатических способностей стала собственная биография. Майский был активным участником меньшевистского крыла РСДРП, в годы Гражданской войны сотрудничал с белыми, с антибольшевистскими правительствами. Это тем не менее не помешало ему стать советским дипломатом, многие годы работать в Великобритании, в том числе в качестве посла СССР (1932–1943 гг.). Он уцелел во время «большого террора» 1937–1938 гг., после отставки наркома иностранных дел М.М. Литвинова и крутого поворота в советской внешней политике в 1939 г. В 1943 г. Майский – уже заместитель наркома иностранных дел и председатель Межсоюзнической репарационной комиссии в Москве. Он был прекрасно образован, хорошо знал реалии западной и советской жизни и обладал редкой способностью – понимать, чего ждет от него политическое руководство страны, улавливать тенденции, которые должны были стать господствующими в советской политике¹.

В своем меморандуме Майский предлагал выработать основы советской внешней политики, обеспечения безопасности СССР на длительный срок. После войны конкретной целью Советского Союза «должно быть создание такого положения, при котором в течение длительного срока были бы гарантированы безопасность СССР и сохранение мира, по крайней мере в Европе и Азии. Что понимать под выражением “длительный срок”? – спрашивал Майский и уточнял. – Я понимаю под этим выражением срок, достаточный для того чтобы:

а) СССР успел стать столь могущественным, что ему уже больше не могла быть страшна никакая агрессия в Европе или Азии. Более

¹ См.: *Майский И.М.* Воспоминания советского посла. – М., 1964. Кн. 1–2; *Майский И.М.* Воспоминания советского дипломата. 1925–1945 гг. 2-е изд. – М., 1987.

того, чтобы ни одной державе или комбинации держав в Европе или Азии даже и в голову не могло прийти такое намерение;

б) Европа, по крайней мере, континентальная Европа, успела стать социалистической, исключая таким образом самую возможность возникновения войн в данной части света.

Как этот “длительный срок” можно выразить в конкретных цифрах? <...> Мой приблизительный расчет сводится к следующему: если допустить, что СССР понадобится около 10 лет для залечивания ран, нанесенных ему войной, то “длительный срок” безопасности и мира, к которому нам следует стремиться при ликвидации нынешней войны, должен составить минимум 30, максимум 50 лет. Грубо говоря, речь идет о жизни двух поколений».

СССР должен был, подчеркивал автор меморандума, выйти из войны «с выгодными стратегическими границами», оставив в основе границы 1941 г. (напомним, появившиеся в результате соглашения между Сталиным и Гитлером в 1939 г.) Вместе с тем он не исключал возможности пересмотра границ с Польшей, Румынией, Финляндией и т. п. «в зависимости от нашей выгоды или необходимости считаться с политикой США и Англии». Однако, по мнению Майского, «Южный Сахалин, которым в настоящее время владеет Япония, должен быть возвращен СССР» и «цепь Курильских островов, которая отгораживает СССР от Тихого океана, должна перейти к нам».

Главная задача в Европе – «обезвреживание» Германии на 30–50 лет. «Обезвреживание Германии является важнейшим условием безопасности СССР и сохранения длительного мира в Европе», – утверждал дипломат.

В послевоенной Европе, считал Майский, должна быть только «одна могущественная сухопутная держава – СССР и только одна могущественная морская держава – Англия». Франции отводилась роль крупной европейской державы, не имеющей мощного военного потенциала.

После окончания войны Польша должна стать независимой и жизнеспособной, но, писал Майский, «мы не заинтересованы в рождении слишком большой и слишком сильной Польши. В прошлом Польша почти всегда была врагом России, станет ли будущая Польша действительным другом СССР (по крайней мере, на протяжении жизни ближайшего поколения), никто с определенностью сказать не может. Многие в этом сомневаются, и справедливость требует сказать, что для таких сомнений имеются достаточные основания». Он рекомендовал «осторожнее формировать послевоенную Польшу в возможно минимальных размерах, строго проводя принцип этнографических

границ. Конкретно, восточная граница Польши должна пройти по границе 1941 года или близко к ней (например, по “линии Керзона”), причем Львов и Вильно при всяких условиях должны оставаться в пределах СССР. На западе в состав Польши может быть включена вся Восточная Пруссия или, пожалуй, лучше часть ее и известные части Силезии, но с выселением оттуда немцев».

Иную политику Майский рекомендовал по отношению к Чехословакии. «В противоположность Польше СССР выгодно стремиться к созданию сильной Чехословакии, которая ввиду политических настроений ее населения, а также в связи с недавним подписанием советско-чехословацкого пакта взаимопомощи на 20 лет способна быть важным проводником нашего влияния в центральной и юго-восточной Европе». Тешинская Силезия, отнятая у Чехословакии Польшей накануне Второй мировой войны, должна быть возвращена. «Если при окончательной перекройке карты Европы, – писал он, – окажется возможным еще что-либо прирезать к Чехословакии, это следует сделать. В соответствии с желанием чехословаков немцы должны быть выселены из пределов их страны. Между СССР и Чехословакией... должна быть установлена общая граница достаточного протяжения».

Венгрии, как и Италии, следовало напоминать, «что союзники не забыли ее позиции в нынешней войне». Сохраняя независимое Венгерское государство, Майский рекомендовал «по возможности сузить его территорию, строго следуя этнографическому принципу. В тех случаях, когда в применении данного принципа возникают какие-либо сомнения, решать вопрос следует против Венгрии».

В меморандуме были также сформулированы концептуальные предложения по советской политике в отношении Италии и Испании, Греции и Португалии, Югославии и Болгарии, Турции и Ирана, Бельгии и Голландии, Ирака, Сирии и Ливана.

Заслуживали внимания предложения Майского об отношениях с Японией. «СССР, писал он, – не заинтересован в войне с Японией, но очень заинтересован в разгроме Японии англо-американскими силами. Наиболее правильным с точки зрения интересов СССР было бы маневрировать так, чтобы получить Южный Сахалин и Курильские острова в порядке генерального межевания карты мира после поражения оси без того, чтобы СССР был втянут в военные действия с Японией. Это нелегко, но не невозможно».

Особое значение в документе придавалось перспективам отношений СССР с союзниками – США и Англией. СССР должен будет сотрудничать с ними в международных организациях по принципу руководящей роли «большой четверки» (СССР, США, Англия, Китай).

По мнению Майского, Советский Союз будет «чрезвычайно заинтересован в помощи со стороны США и Англии в деле своего восстановления после войны. Переговоры по этому поводу следовало бы начать теперь же. Желательно обеспечить получение в течение 5–10 лет после войны наиболее нужных для восстановления товаров на условиях займа-аренды, а менее нужных – в порядке долгосрочных кредитов».

«После разгрома Германии и Японии, при наличии относительно слабых Франции и Италии, – утверждал Майский, – в мире останется четыре действительно великие державы – СССР, США, Англия, Китай, из которых последняя (Китай) в течение жизни ближайшего поколения, судя по всем данным, будет числиться великой державой только номинально. Таким образом, руководящая роль в области мировой политики окажется в руках СССР, США и Англии, и от характера отношений между этими тремя державами будет в огромной степени зависеть ход событий.

Какова будет вероятная позиция США после войны, в особенности в первый послевоенный период? Все говорит за то, что США явятся в этот период твердыней в высшей степени динамического империализма, который будет энергично стремиться к широкой экспансии в различных концах мира – в Америке и в Азии, в Австралии и в Африке. Эта экспансия не минует, вероятно, и Европы, хотя здесь она должна будет принять формы несколько иные, чем в других местах. Само собой разумеется, что американская экспансия будет экспансией нового типа: ее оружием станет не столько территориальная аннексия (хотя в известных случаях и она не исключена), сколько финансово-экономическая аннексия»¹.

Майский был сторонником сохранения связей с союзниками в послевоенный период. По его мнению, Советский Союз будет заинтересован в мощном промышленном потенциале этих государств после войны.

Меморандум Майского суммировал многие разработки и настроения, существовавшие в высших политических кругах страны. В известной мере можно утверждать, что многие предложения Майского стали установками внешней политики Советского Союза.

Сталин – Черчилль. Раздел сфер влияния. В 1944 г. английская дипломатия предприняла попытку разделить сферы и определить уровень влияния Британии и СССР в будущей послевоенной Европе.

¹ СССР и германский вопрос... Т. 1. С. 333–360.

В мае 1944 г. между А. Иденом и советским послом в Великобритании Ф.Т. Гусевым было заключено неофициальное соглашение о том, что Советский Союз возьмет на себя инициативу вывести из войны Румынию, а Великобритания – Грецию. Это составило основу печально известного «процентного соглашения», выработанного Черчиллем и Сталиным в октябре 1944 г. (Подробнее об этом будет сказано ниже.)

1944 год стал временем постоянного наращивания и военных, и дипломатических успехов СССР. В феврале советская военная миссия прибыла в штаб лидера Югославии Тито; начались переговоры между СССР и Финляндией, стремившейся выйти из войны; в марте были установлены связи с итальянским правительством, свергнувшим Муссолини; советские войска вступили на территорию Румынии, на очереди была Польша.

Польский вопрос оставался для советских политиков и дипломатов одним из сложнейших. В Польше существовало недоверие к Сталину, к Советскому Союзу и вообще к России. Однако борьба с общим противником вынуждала искать договоренностей. После нападения немцев на Советский Союз было заключено советско-польское военное соглашение. 4 декабря 1941 г. в Москве находилась делегация польского эмигрантского правительства. Уже в январе 1943 г. в СССР был создан Союз польских патриотов, с мая 1943 г. было начато формирование 1-й польской пехотной дивизии, позднее – корпуса имени Т. Костюшко. В июле 1944 г. советские войска вступили в Польшу. 21 июля в Люблине был провозглашен Польский комитет национального освобождения под председательством Э. Осубка-Моравского. Польский комитет национального освобождения стал советским противовесом польскому эмигрантскому правительству Миколайчика в Лондоне. Возникло противостояние двух правительств Польши – одного, ориентировавшегося на Запад, на Великобританию, другого – на Москву, затянув тем самым узел противоречий между союзниками.

Следствием этого стала реакция советского руководства на антифашистское восстание в Варшаве, поднятое 1 августа 1944 г. подпольной Армией Крайовой, подчиненной польскому правительству в Лондоне. 16 августа 1944 г. Сталин писал С. Миколайчику: «Близкое знакомство с делом убедило меня, что варшавская акция, которая была предпринята без ведома и контакта с советским командованием, представляет легкомысленную авантюру, вызвавшую бесцельные жертвы населения. К этому надо добавить клеветническую кампанию польской печати с намеками на то, что будто советское командование подвело варшавян. Ввиду всего этого советское командование решило

открыто отмежеваться от варшавской авантюры..., так как оно не должно и не может нести какой-либо ответственности за варшавское дело».

На просьбу Рузвельта и Черчилля «спасти возможно больше находящихся там патриотов»¹ Сталин ответил в сходных выражениях: «Рано или поздно, но правда о кучке преступников, затеявших ради захвата власти варшавскую авантюру, станет всем известна. Эти люди использовали доверчивость варшавян, бросив почти безоружных людей под немецкие пушки, танки и авиацию. Создалось положение, когда каждый новый день используется не поляками для дела освобождения Варшавы, а гитлеровцами, бесчеловечно истребляющими жителей Варшавы»².

В трагедии Варшавского восстания переплелись стремления польского эмигрантского правительства в Лондоне не допустить советские войска в Варшаву, а затем – после тяжелых поражений – призвать ту же Красную армию в Варшаву, а со стороны Сталина – воспользоваться разгромом своих политических противников руками немецких войск. То, что гибли тысячи польских патриотов, похоже, не слишком волновало ни Сталина, ни польское эмигрантское правительство.

Осенью 1944 г. советское Верховное Главнокомандование направило значительную часть своих войск на Балканы, в Венгрию и Австрию, чтобы опередить в этой части Европы англо-американские войска, медленно продвигавшиеся в Италии. В конце августа 1944 г. Красная Армия, перейдя в наступление, заняла территорию Румынии. Король Михай приказал арестовать своего премьер-министра И. Антонеску и объявил войну Германии. В сентябре началось антифашистское вооруженное восстание в Болгарии. Осенью советские войска вошли в столицу Болгарии Софию, вступили на территорию Чехословакии и Венгрии, вышли в Восточную Пруссию, совместно с Народно-освободительной армией Югославии участвовали в освобождении Белграда.

В целом 1944 год был годом упрочения антигитлеровской коалиции. Это стало возможным, в первую очередь, благодаря скоординированным военным кампаниям участников коалиции на востоке и западе Европы. Операция «Оверлорд» и ее поддержка мощным наступлением Красной Армии усилила политический авторитет «Большой тройки».

В октябре 1944 г. большая часть Восточной Европы перешла под советский контроль. Черчилль еще в январе 1944 г. сказал Идену, что склоняется к признанию захвата Сталиным стран Прибалтики: «Русские, вероятно, очень скоро снова вернут себе эти территории, и я абсолютно уверен, что нам никогда не следует пытаться изгнать их оттуда».

¹ Черчилль У. Вторая мировая война. – М., 1991. Кн. 3. С. 404.

² Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании в период Великой Отечественной войны. 2-е изд. – М., 1989. С. 164.

9–18 октября 1944 г. в Москве состоялись переговоры Сталина и Черчилля с участием министров иностранных дел двух стран, а также посла США в СССР А. Гарримана в качестве наблюдателя¹. Уже 9 октября на первой встрече со Сталиным «с глазу на глаз», Черчилль предложил уточнить будущее положение некоторых европейских государств. (Как и на майской встрече советских и английских дипломатов речь шла о разделе сфер влияния на Балканах.) «Британия должна быть ведущей державой Средиземноморья, и я надеюсь, что маршал Сталин признает за нами решающее слово в Греции, так же как и я готов признать решающее слово маршала Сталина в отношении Румынии», – заявил премьер-министр Великобритании.

Сталин согласился с Черчиллем, но посоветовал учитывать мнение Рузвельта, а потому любые решения нынешней встречи считать «предварительными».

Процитирую запись беседы Сталина и Черчилля, которую приводит в своей книге переводчик Сталина В.М. Бережков.

«...Но ведь у нас с вами, – подхватил премьер, – нет секретов от президента. Я даже приветствую присутствие Гарримана на ряде наших переговоров. Однако это не должно препятствовать нам с вами вести интимные беседы.

– Мне кажется, – понимающе заметил Сталин, – что Соединенные Штаты претендуют на слишком большие права для себя, оставляя Советскому Союзу и Великобритании ограниченные возможности. А ведь у нас с вами есть договор о взаимопомощи...».

После этого весьма доверительного и не лишённого подтекста обмена мнениями Черчилль сказал: «Здесь у меня имеется один грязный документ, содержащий соображения некоторых лиц в Лондоне».

Черчилль извлек из нагрудного кармана сложенный вчетверо листок бумаги. Расправив листок на столе, он пододвинул его Сталину. Текст состоял из нескольких строк и не требовал перевода:

Roumania	
Russia	90 %
The others	10 %
Greece	
Great Britain (in accord with USA)	90 %
Russia	10 %
Yugoslavia	50–50 %
Hungary	50–50 %
Bulgaria	
Russia	75 %
The others	25 %

¹ См.: *Бережков В.М.* Как я был переводчиком Сталина. – М., 1993. С. 322–326.

Сталин внимательно посмотрел на цифры, взял из бронзового стаканчика один из своих любимых толстых двухцветных карандашей и поставил в верхнем углу небольшую синюю галку (в традициях сталинского делопроизводства это означало, что он ознакомлен и согласен. – *Авт.*). Затем молча отодвинул листок.

Наступила длительная пауза. Первым нарушил молчание Черчилль:

– Не будет ли сочтено слишком циничным, что мы так запросто решили вопросы, затрагивающие судьбы миллионов людей? Давайте лучше сожжем эту бумагу...

– Нет, держите ее у себя, – произнес Сталин.

Черчилль сложил листок и спрятал в карман.

И снова долгое молчание»¹.

Предложенный Черчиллем и одобренный Сталиным проект раздела сфер влияния в Европе сохранял свое значение до завершения войны.

Совещание в Москве прошло в полном смысле в духе взаимопонимания. Оба лидера оказались готовы к разделу сфер влияния в Восточной Европе. Сталин и Черчилль предложили лидеру польского эмигрантского правительства С. Миколайчику согласиться с границами, которые уже были приняты для Польши Люблинским комитетом (линия Одер–Нейсе на западе, «линия Керзона» на востоке), и начать формирование правительства национального единства. Черчилль признал включение в сферу влияния СССР Румынии, Болгарии и Венгрии. В свою очередь Сталин отказался от притязаний на Грецию и, следовательно, от поддержки коммунистов из Народно-освободительной армии (ЭЛАС). Нерешенной оставалась проблема югославского режима.

Эти договоренности были зафиксированы в совместном коммюнике о пребывании премьер-министра Великобритании и министра иностранных дел Великобритании в Москве². Стороны констатировали, что «...достигнут значительный успех в отношении решения польского вопроса, который подвергся подробному обсуждению между Советским и Британским правительствами. Они имели беседы как с премьер-министром и министром иностранных дел польского правительства в Лондоне, так и с председателем Народного совета и председателем Польского комитета национального освобождения в Люблине. <...> Был полностью рассмотрен ход событий в юго-восточной Европе, достигнуто соглашение в отношении ...условий перемирия с Болгарией. Оба правительства согласились проводить совместную по-

¹ Бережков В.М. Как я был переводчиком Сталина. С. 323–324.

² См.: Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945. – М., 1983. Т. 2. С. 206.

литу в Югославии. <...> Совещание состоялось с ведома и одобрения правительства Соединенных Штатов...».

Проблемам послевоенного устройства мира была посвящена Ялтинская конференция глав великих держав – СССР, США и Великобритании, состоявшаяся 4–11 февраля 1945 г.¹. В ходе переговоров были выработаны основы совместной политики в отношении Германии на принципах ее демократизации, демилитаризации и денацификации.

Союзные державы согласовали условия безоговорочной капитуляции Германии, положение о зонах ее оккупации, включив в число оккупационных держав Францию, об управлении «Большим Берлином», о контрольном механизме. В опубликованном 13 февраля 1945 г. заявлении Черчилль, Рузвельт и Сталин своей «непреклонной целью» объявили «уничтожение германского милитаризма и нацизма и создание гарантии в том, что Германия никогда больше не будет в состоянии нарушить мир всего мира...».

Оставался нерешенным вопрос территориальной целостности Германии. Сталин, некогда сторонник раздробления страны, склонялся к противоположному мнению – необходимости сохранения единого германского государства.

Была достигнута договоренность о репарациях. В первую очередь они полагались тем странам, «которые вынесли на своих плечах главную тяжесть войны и организовали победу над врагом». Репарации включали: «единовременные изъятия из национального богатства Германии, находящегося как на территории самой Германии, так и вне ее (оборудование, станки, суда, подвижной состав железных дорог, иностранные инвестиции Германии...)», и ежегодные товарные поставки в течение 10 лет после окончания войны. Общая сумма германских репараций была определена в размере 20 млрд долларов, из них СССР должен был получить 10 млрд, Великобритания и США – 8 млрд, остальные страны – 2 млрд долларов.

Обсуждались вопросы создания Организации Объединенных Наций. В частности, было решено, что СССР получит в ООН три места –

В. Молотов, А. Гарриман, И. Сталин на Ялтинской конференции. 1945 г.

¹ Советский Союз на международных конференциях... М., 1979. Т. 4.

собственно для СССР, а также для Украины и Белоруссии¹. Сталин согласился с американским предложением, что «никакой постоянный член Совета Безопасности не может пользоваться правом вето при рассмотрении конфликта, в котором он участвует».

На конференции возник спор по польскому вопросу. Сталин категорически возражал против попыток заставить его рассматривать «лондонских поляков» как партнеров в переговорах о будущем Польши. У Сталина был один, но мощный аргумент – именно Красная Армия изгнала из Польши немецкие войска.

По словам Сталина, варшавское (прокоммунистическое) правительство «неплохо справляется со своими задачами по обеспечению порядка и спокойствия в тылу Красной Армии, а от “сил внутреннего сопротивления” мы не имеем ничего, кроме вреда. <...> “Силы внутреннего сопротивления” (“лондонское правительство”. – *Авт.*) нарушают все законы войны. Они жалуются, что мы их арестовываем. Сталин должен прямо заявить, что если эти «силы» будут продолжать свои нападения на наших солдат, то мы будем их расстреливать. В конечном итоге, с чисто военной точки зрения варшавское правительство оказывается полезным, а лондонское правительство и его агенты в Польше – вредными».

Черчилль возразил Сталину, отметив, что у «Советского правительства и британского правительства различные источники информации. Британское правительство не считает, что люблинское правительство представляет хотя бы 1/3 польского народа. Таково мнение британского правительства. <...> Британское правительство признает, что нападения на Красную Армию в тылу недопустимы. Однако британское правительство не может считать, что у люблинского правительства имеются какие-либо основания рассматривать себя как опирающиеся на широкую базу...».

Дискуссию остановил Рузвельт, заявив, что «польский вопрос в течение пяти веков причинял миру головную боль». Рузвельта поддержал Черчилль: «Надо постараться, чтобы польский вопрос больше не причинял головной боли человечеству». Сталину оставалось только сказать, что «это обязательно нужно сделать».

Союзники определили будущие границы Польши. Восточная должна была пройти по «линии Керзона» – этнографической границе

¹ Напомню, что в январе 1944 г. на Пленуме ЦК ВКП(б) было принято решение о расширении полномочий союзных республик и, в частности, о преобразовании Наркомата иностранных дел. Несомненно, это было подготовкой к тому, чтобы внести предложение об участии в ООН всех союзных республик вместе с СССР. План этот был реализован лишь частично: членами ООН стали вместе с СССР, Украина и Белоруссия. – *Прим. авт.*

Ялта. 1945 г.

расселения поляков. Западная — должна была существенно переместиться. Черчилль так прокомментировал продвижение польской границы на запад: «...Польша должна иметь право взять себе такую территорию, которую она пожелает и которой она сможет управлять. Едва ли было бы целесообразно, чтобы польский гусь был в такой степени начинен немецкими яствами, чтобы он скончался от несварения желудка. Кроме того, в Англии имеются круги, которых пугает мысль о выселении большого количества немцев. Самого Черчилля такая перспектива отнюдь не страшит. Результаты переселения греков и турок после прошлой мировой войны были вполне удовлетворительными».

Далее британский премьер-министр принялся рассуждать о целесообразности сокращения числа немцев: «...6–7 миллионов немцев уже убито, и до конца войны будет еще убито, вероятно, не менее 1–1,5 миллиона». Сталин заметил, что «цифры Черчилля, в общем, правильны». Тогда Черчилль заявил, «что он отнюдь не предлагает прекратить уничтожение немцев», и рекомендовал включить в советский проект резолюции о Польше слова о высылке немцев «и из самой Польши». Сталин ответил, что предложение Черчилля приемлемо, и оно было включено в текст резолюции.

Опасаясь возможного затягивания войны с Японией, Рузвельт предложил Сталину очень выгодные условия в обмен на открытие Совет-

ским Союзом военных действий против Японии через три месяца после капитуляции Германии: присоединение к СССР Курильских островов и возвращение южного Сахалина, восстановление права на аренду Порт-Артура, интернационализацию торгового порта Дайрен и совместную (советско-китайскую) эксплуатацию железнодорожного комплекса Манчжурии.

По некоторым сведениям в Ялте была достигнута договоренность Сталина и Рузвельта (начало которой было положено в ходе их личной встречи в Тегеране) о признании президентом США того факта, что «Советскому Союзу необходимо иметь выход в Средиземное море, так же как и необходимость эффективной гарантии его безопасности в районе Черного моря и Проливов»¹.

(Сталин стремился добиться получения права контроля над проливами. Это являлось своего рода «сверхзадачей» его политики, мечтой русской дипломатии XVIII – начала XX вв. Это требование Сталин выдвигал перед Гитлером в 1939–1940 гг., тот же вопрос постоянно возникал на переговорах с союзниками.)

Ялтинская конференция не стала символом тождественности позиций трех великих держав: уже спустя несколько недель после ее окончания возникли различные интерпретации принятых там решений. Однако Ялта, как и Тегеран, заложили основу послевоенного устройства мира, которое сохранялось в Европе до конца 80-х годов.

Вступление советских войск на территорию стран Центральной Европы породило свои проблемы. Солдаты Красной Армии нередко вели себя с населением этих стран как с противником. Накопившаяся за годы войны ненависть обрушилась не только на немцев, но и на жителей Венгрии, Австрии, Чехословакии.

Понимая неизбежность негативного эффекта от такого поведения советских солдат, Сталин на приеме в честь чехословацкой делегации во главе с президентом Э. Бенешем в конце марта 1945 г. высказался весьма откровенно: «Все хвалят нашу Красную Армию. Да, она это заслужила. Но я хотел бы, чтобы наши гости, будучи очарованы Красной Армией, не разочаровались бы потом. Дело в том, что сейчас в Красной Армии находится около 12 мил[лионов] человек. Эти люди далеко не ангелы. Эти люди огрубели во время войны. Многие из них прошли в боях 2000 километров: от Сталинграда до середины Чехословакии. Они видели на своем пути много горя и зверств. Поэтому не удивляйтесь, если некоторые наши люди в вашей стране будут себя держать не так, как нужно. Мы знаем, что некоторые малосозна-

¹ См.: Данилов А.А., Пыжиков А.В. Указ. соч. С. 19.

тельные солдаты пристают и оскорбляют девушек и женщин, безобразничают. Пусть наши друзья-чехословаки знают это сейчас, для того чтобы очарование нашей Красной Армией не сменилось бы разочарованием»¹.

Свидетель этого заявления Сталина, нарком танковой промышленности В.А. Малышев записал в своем дневнике и другие важные слова вождя. Сталин отмежевался от «старого славянофильства» XIX века, так как оно было ориентировано, по его мнению, на объединение всех славян под властью русского царя. По словам Сталина, идея эта была вредной и невыполнимой, так как не учитывала общественно-бытовые, этнографические и культурные различия славянских народов. «Мы, новые славянофилы-ленинцы, славянофилы-большевики... – заявил Сталин, – стоим не за объединение, а за союз славянских народов».

Необходимость такого союза диктовалась германской угрозой. «Вот возьмите хотя бы две последние мировые войны, – обращался Сталин к своим слушателям из Чехословакии и СССР. – Из-за чего они начались? Из-за славян. Немцы хотели поработить славян. Кто больше всех пострадал от этих войн? Как в первую, так и во вторую мировую войну больше всех пострадали славянские народы: Россия, Украина, белорусы, сербы, чехи, словаки, поляки.

...Разве Франция больше пострадала? Нет. Французы открыли фронт немцам. Немцы слегка оккупировали северную часть Франции, а южную даже не тронули. Бельгия и Голландия сразу подняли лапки вверх и легли перед немцами. Англия отделалась небольшими разрушениями. А... как серьезно пострадала Украина, Белоруссия, Россия, ЮгоСлавия, ЧехоСловакия!

Значит, больше всего страдали от немцев славяне.

<...> Я ненавижу немцев. Но ненависть не должна мешать нам объективно оценивать немцев. Немцы – великий народ. Очень хорошие техники и организаторы. Хорошие, прирожденные, храбрые солдаты. Уничтожить немцев нельзя, они останутся.

Мы бьем немцев, и дело идет к концу. Но надо иметь в виду, что союзники постараются спасти немцев и сговориться с ними. Мы будем беспощадны к немцам, а союзники постараются обойтись с ними помягче. Поэтому мы, славяне, должны быть готовы к тому, что немцы могут вновь подняться на ноги и выступить против славян»².

Сталин пытался убедить своих слушателей, что СССР не намерен распространять советский строй в славянских странах, что в общих

¹ «Пройдет десяток лет, и эти встречи не восстановишь уже в памяти». Дневник В.А. Малышева // Источник. 1997. № 5. С. 127–128.

² См.: там же.

интересах, заключив союз славянских народов, «оказывать друг другу военную и хозяйственную помощь»¹.

Признаки охлаждения советско-американских отношений. По мере приближения победы над Германией отношения между союзниками осложнялись. Это стало очевидным после смерти президента Рузвельта, последовавшей 12 апреля 1945 г. Новый президент США Г. Трумэн решил стать главным среди союзников. Случай вскоре представился. Для согласования Устава Организации Объединенных Наций в США прилетел Молотов. 23 апреля планировалась его встреча с новым президентом. Однако накануне встречи Трумэн собрал специалистов по советско-американским отношениям и заявил, что «до сих пор наши соглашения с Советским Союзом представляли собой улицу с односторонним движением. Так дальше продолжаться не может. Поставить на этом точку надо теперь или никогда»².

По свидетельству А.А. Громыко (в то время советского посла в США)³, едва начав беседу, Трумэн перешел в атаку. Натиск был столь неожиданным, что Молотов растерялся (что с ним случалось крайне редко). Он приготовился отвечать, но президент, высказав свои претензии, дал понять, что беседа закончена и, попрощавшись, вышел. Молотов был встревожен. Ухудшение отношений с США никоим образом не входило в планы советского руководства.

Молотов и Громыко долго составляли текст телеграммы в Москву с отчетом о беседе, пытаясь смягчить ее скандальный тон. В телеграмме, сохранившейся в архиве МИД, содержится, в частности, следующее ультимативное утверждение Трумэна: «Если три главных союзника, которые вынесли основное бремя войны, не решат польского вопроса, то это вызовет сомнения в нашем единстве и решимости сотрудничать в послевоенное время»⁴.

4 мая 1945 г. в Сан-Франциско, где начала работу Организация Объединенных Наций, состоялась встреча В.М. Молотова с госсекретарем США Э.-Р. Стеттиниусом и министром иностранных дел Великобритании А. Иденом. Собеседники Молотова обвинили советские власти в аресте 16 политических деятелей польского подполья во главе с генералом Л. Окулицким, командующим Армии Крайовой. По словам дипломатов, в числе арестованных оказались люди, которые «были пред-

¹ «Пройдет десяток лет, и эти встречи не восстановишь уже в памяти»... С. 128.

² *Трояновский О.А.* Через годы и расстояния: История одной семьи. – М., 1997. С. 129–130.

³ Рассказ А.А. Громыко об этой встрече приводит в своих воспоминаниях советский дипломат О.А. Трояновский. См.: там же. С. 130.

⁴ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. Папка 43. Д. 677. Л. 49–51.

Советская военная делегация в штабе союзников во Франкфурте. 10 июня 1945 г.

ложены английскими и американскими представителями в московской комиссии в качестве лиц для консультации»¹.

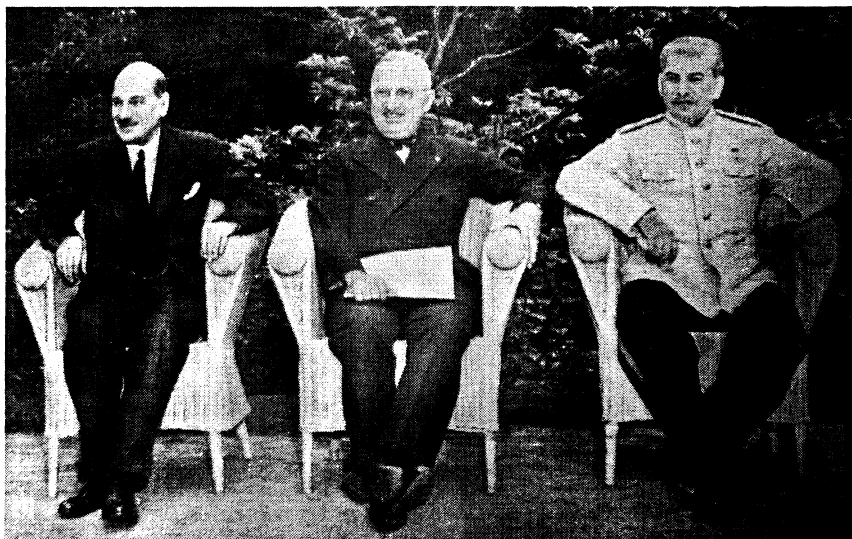
С разгромом нацистской Германии исчезла причина, вынуждавшая объединяться столь разные государства, как США, СССР и Великобритания. Усиливались взаимные подозрения, сгущалась атмосфера недоверия. «Железный занавес опускается над их (советским. – *Авт.*) фронтом, – писал Г. Трумену У. Черчилль уже 12 мая 1945 г. – Безусловно, сейчас жизненно важно прийти к соглашению с Россией или выяснить наши с ней отношения, прежде чем мы смертельно ослабим свои армии или уйдем в свои зоны оккупации»².

Вместе с тем союзники продолжали связывать взаимные заинтересованность и обязательства. Для американцев и англичан важно было обеспечить участие Красной Армии в войне с Японией. Оставался огромный комплекс проблем управления поверженной Германией. Следовало создать систему мирных договоров со странами-сателлитами Германии – Австрией, Венгрией, Румынией.

5 июня 1945 г. в Берлине было объявлено о создании Контрольного совета, опубликованы Декларация о поражении Германии и принятии на себя правительствами четырех держав верховной власти в отношении Германии, краткое изложение соглашений о зонах оккупации и контрольном механизме, разработанных Европейской консультативной комиссией и одобренных правительствами СССР, США, Великобритании и Франции.

¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. Папка 43. Д. 677. Л. 59–60.

² Черчилль У. Указ. соч. Кн. 3. С. 632–633.

Сталин и Трумен в Потсдаме. 1945 г.

В течение июля–августа был сформирован контрольный аппарат союзников. Поскольку Берлин становился местом пребывания органов союзнического контроля, воинские части западных держав допускались в определенные секторы Большого Берлина. Одновременно американские и английские войска выводились из занятых ими в ходе военных действий районов советской зоны оккупации Германии¹.

Последняя из «великих конференций» Второй мировой войны, Потсдамская, открылась 17 июля 1945 г. Делегацию Советского Союза возглавлял И.В. Сталин, Соединенных Штатов Америки – Г. Трумэн, Великобритании – У. Черчилль (28 июля его сменил новый премьер-министр К. Эттли, которому Черчилль проиграл выборы). В центре обсуждения оказались вопросы, связанные с будущим Германии.

В Потсдаме были приняты «Политические и экономические принципы, которыми необходимо руководствоваться при обращении с Германией в начальный контрольный период». Провозглашались задачи искоренения германского милитаризма и нацизма, полное разоружение и демилитаризация страны, ликвидация той части промышленности, которая могла быть использована в военных целях. Были упразднены сухопутные, морские и воздушные вооруженные силы Германии, СС, СА, СД и гестапо со всеми их организациями. Ликвидированы Гене-

¹ См.: История Второй мировой войны. 1939–1945. – М., 1979. Т. 10. С. 466.

ральный штаб, все военно-учебные заведения. Важное место в работе конференции заняли вопросы определения размеров репараций, а также утверждения границ Польского государства¹.

На Потсдамской конференции Советский Союз предъявил территориальные претензии к Турции, а также внес предложение о совместной обороне черноморских проливов, которое предполагало размещение советских военных баз, наряду с турецкими, на Босфоре и Дарданеллах. В ноте от 7 августа 1946 г., направленной правительству Турции, СССР предлагал пересмотреть международную конвенцию о режиме судоходства в районе Босфора и Дарданелл.

Заканчивалась война на Дальнем Востоке. Сразу же после разгрома Германии началась передислокация советских войск в Приморье. 8 августа, ровно через три месяца после победы над Германией, как и предусматривалось ялтинскими соглашениями, Советский Союз вступил в войну с Японией. 6 и 9 августа США сбросили атомные бомбы на японские города Хиросиму и Нагасаки. 2 сентября 1945 г. Япония капитулировала. Вторая мировая война закончилась.

Сотрудничество или конфронтация. Как уже отмечалось, период с середины 1945 г. до конца 1947 г. – наиболее сложный, а возможно, и самый важный для понимания и исследования обстоятельств будущего «лобового противостояния» СССР и США.

Еще на Потсдамской конференции президент Трумэн впервые попробовал использовать атомную бомбу как средство военно-политического давления на СССР. Однако между союзниками существовали не только противоречия, но и хорошо осознаваемая потребность в совместных действиях. Необходимо было выработать согласованные позиции по отношению к странам-сателлитам Германии, подготовить мирные договоры с ними, урегулировать отношения на Дальнем Востоке, обсудить проблемы Китая и Кореи. Тегеранско-ялтинская схема устройства мира в главных своих деталях устраивала союзников и служила основой многих компромиссов. В Москве внимательно и с известной долей надежды следили за расстановкой политических сил в США, в частности за ходом промежуточных выборов 1946 г.².

В первые послевоенные годы действовал механизм постоянных совещаний министров иностранных дел. На Лондонской встрече министров 11 сентября – 2 октября 1945 г. по вопросу об урегулировании отношений с бывшими союзниками Германии – Италией, Венг-

¹ См.: Советский Союз на международных конференциях... М., 1980. Т. 6. С. 61, 250–251, 484–491.

² АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 30. Портфель 81. Д. 187. Л. 136–144.

рией, Румынией, Болгарией и Финляндией – не удалось достичь договоренностей между СССР и его недавними союзниками. 20 сентября 1945 г. в ходе консультаций между госсекретарем США Дж. Бирнсом и В.М. Молотовым Бирнс сделал любопытное предложение. «Американский народ, – заявил он Молотову, – как правило, не заключает договоров с другими странами. Но сейчас, когда американский народ исполнен решимости не позволить Германии вооружаться, он, Бирнс, мог бы, если Молотов сочтет это полезным, рекомендовать Трумэну переговорить с лидерами конгресса о возможном договоре между США и СССР. Цель договора заключалась бы в том, чтобы держать Германию разоруженной в течение 20–25 лет».

Молотов довольно прохладно отнесся к инициативе Бирнса. Вместо этого он обрушился на позицию США по отношению к правительству Румынии, которое американская сторона считала недостаточно демократическим. Молотов «давил» на Бирнса, требуя, чтобы Соединенные Штаты прекратили критику румынских властей¹.

Два дня спустя, при очередной встрече с Бирнсом, Молотов дал понять, что Москва заинтересована в заключении советско-американского договора «против возможного возобновления агрессии Японии». Советское руководство выражало тревогу из-за того, что «японские дивизии на главных островах Японии демобилизуются и не берутся в плен американцами. Таким образом, в руках Японии остаются обученные кадры офицеров и солдат... Все это производится американским командованием без согласования с союзниками»². С этого времени проблема Японии стала постоянной в советско-американских отношениях³.

Другой постоянной темой переговоров оставалась подготовка новых договоров. Она поднималась на встрече И.В. Сталина с А. Гарриманом 24–25 октября 1945 г., на конференциях министров иностранных дел в Москве 16–29 декабря 1945 г. и в Париже 25 апреля – 15 мая и 15 июня – 12 июля 1946 г.

В 1946 г. шли переговоры с США о кредите, в частности для урегулирования расчетов по ленд-лизу⁴.

Принципиально новым направлением внешней политики СССР стало управление странами, оказавшимися в зоне советского влияния.

¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. Папка 43. Д. 678. Л. 71–73. См. также: СССР и германский вопрос. 1941–1949. – М., 2000. Т. 2. С. 234–236.

² Там же. Л. 74–77.

³ Сафронов В.П. СССР – США – Япония в контексте «холодной войны» (1945–1960) // Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985). Новое прочтение. – М., 1995. С. 155–190.

⁴ АВП РФ. Фонд секретариата Молотова. 1946 г. Оп. 8. Папка 47. Д. 792. Л. 1–126.

Международно-правовой основой этой деятельности служили тегеранско-ялтинские договоренности. На первый план выходили проблемы, связанные с управлением Германией, точнее, советской зоной оккупации. Этот вопрос обстоятельно освещен в двух книгах – М.И. Семиряги «Как мы управляли Германией» (1995) и К.И. Коваля «Последний свидетель. “Германская карта” в холодной войне» (1997), написанных не просто учеными-историками, но непосредственными участниками советской системы управления (К.И. Коваль был первым заместителем Главногоначальствующего Советской Военной Администрации по экономическим вопросам и главой советской части Экономического директората верховной союзнической власти в Германии, а М.И. Семиряга в течение нескольких лет работал в одном из отделов Советской Военной Администрации в Германии под началом полковника С.И. Тюльпанова). Это обстоятельство позволяет не рассматривать данную тему специально.

СССР в Восточной Европе: первый год. Остановлюсь подробнее на отношениях СССР (а если точнее, высшей власти страны) с руководством стран Восточной Европы. Может быть, советскому руководству впервые пришлось столкнуться с ответственностью «сеньора» за поведение «вассалов».

Проблем было множество. Главная из них – послевоенная разруха. Из голодавшего СССР в самый страшный для его населения 1946 г. в страны Восточной Европы были отправлены миллионы тонн зерна.

Обострились национальные проблемы. В первые послевоенные годы шло насильственное перемещение миллионов людей; участились межнациональные конфликты, отчетливо обозначилось стремление мстить представителям этнических групп, сотрудничавших с гитлеровцами.

В июне 1945 г. в НКВД СССР поступила информация, что «чехословацкое правительство вынесло постановление, согласно которому все немцы, проживающие в Чехословакии, обязаны немедленно выехать в Германию. Местные органы власти в связи с постановлением объявляют немцам, чтобы они в течение 15 минут собирались и выезжали в Германию. На дорогу разрешают взять с собой 5 марок. Никаких личных вещей и продовольствия брать не разрешают. Ежедневно в Германию прибывает из Чехословакии до 5 000 немцев, большинство которых женщины, старики и дети. Будучи разорены и не имея перспективы на жизнь, некоторые из них кончают жизнь самоубийством, вскрывая бритвой вены на руках»¹.

¹ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. – Москва–Новосибирск. 1997. Т. 1. 1944–1948. С. 224–225; См. также: Советский фактор в Восточной Европе.

В Чехословакии разгорался конфликт между словаками и венграми, жившими там столетиями. Во время войны словацкие земли были оккупированы венгерскими войсками – союзниками гитлеровской Германии, словаки подвергались преследованиям. Теперь, летом 1945 г., «в связи с заявлением Бенеша от 12 мая с. г. о том, что все немцы и венгры будут выселены с территории Чехословакии, местные административные органы принимают меры для практического выполнения этого указания».

Политуправление 2-го Украинского фронта сообщало, что с такой политикой согласна компартия Чехословакии. Венгров перестали принимать в партию. Среди старых членов партии проводились чистки. В сообщении отмечалось: «Происходит активизация шовинистических элементов».

Далее следовали многочисленные примеры. По приказам чехословацких комендантов вывешивались лозунги: «Кто не хочет говорить по-словацки, будет выселен за Ипель!», «Мы у себя дома, мы здесь господа!», запрещалось использовать венгерский язык. «Областной военный комендант Западной Словакии подполковник Ян Чернек 4 мая с. г. издал циркуляр, в котором указал: “Переселение (венгров) должно осуществляться теми же способами, как это делали немцы и венгры, выселяя словаков и чехов, т. е. переселение должно совершаться в течение суток. Из вещей выселяемым разрешается взять только то, что они могут унести с собой”». Венгров пытались заставить носить на рукаве отличительную букву «М» (мадьяр)¹.

«Отмечены случаи, – писали представители 2-го Украинского фронта, – когда красноармейцы по собственной инициативе пытаются препятствовать применению грубых методов к венгерскому населению»².

В конце августа 1945 г. Политуправление Северной группы войск сообщало: «В последнее время положение на бывших территориях Германии, отошедших к Польше, резко ухудшилось. <...> Не прекращается, а, наоборот, все время усиливается ограбление немцев со стороны польского населения. Участились случаи произвольных убийств немецких жителей поляками, необоснованных арестов, длительного тюремного заключения с применением издевательств, насилий, побоев и оскорблений. <...>

Польские власти на местах возражают против проведения какой бы то ни было организационно-разъяснительной работы с немецким насе-

1944–1953. Документы / Отв. ред., введ. Т.В. Волокитина. – М., 1999. Т. 1. 1944–1948. С. 212–213.

¹ См.: Восточная Европа в документах российских архивов... Т. 1. С. 224–225; Советский фактор в Восточной Европе... С. 226.

² См.: Восточная Европа в документах российских архивов... Т. 1. С. 225.

лением. Так, например, уполномоченный польского правительства по гор. Вальденбург г-н Шевчик заявил: “Немцев мы будем использовать как рабочий скот. Они не должны ничего знать, не должны ничем интересоваться. Они должны знать только свое рабочее место и свою койку”»¹.

К антинемецким настроениям в Польше добавлялись настроения антисемитские. 20 октября 1945 г. советник НКВД СССР при Министерстве общественной безопасности Польши Н.Н. Селивановский сообщал Берии о том, что в стране распространялись листовки «о якобы имевших место убийствах евреями польских детей в Жешуве, Кракове, Люблине и других городах, использовании крови польских детей для лечения раненых военнослужащих Красной Армии и т. д.». В Кракове прошли погромы, в которых принимали участие работники милиции, в результате 40 милиционеров были арестованы.

Представитель НКВД отмечал, что евреи, активные участники антифашистского подполья, составили значительную часть руководящих кадров центральных государственных учреждений. «Такое положение вызывает резкое недовольство поляков, заявляющих о засилии [евреев] в министерствах и других польских учреждениях...»².

Похоже, только руководство Югославии утверждало, что в стране отсутствуют национальные противоречия. В проекте новой Конституции Югославия рассматривалась как федерация равноправных и свободно объединившихся народов, в состав которой входили шесть народных республик: Сербия, Хорватия, Словения, Босния и Герцеговина, Македония, Черногория. В составе Сербии предусматриваются автономный край «Воеводина» и автономная область «Косово и Метохия». Как подчеркивал посол СССР в Югославии И.В. Садчиков в письме, направленном в декабре 1945 г. В.М. Молотову, «взаимоотношения между союзным государством и отдельными республиками определены близко к Конституции СССР с тем существенным отличием, что за отдельными республиками не предусматривается право выхода из ФНРЮ. Это отличие Тито и Кардель ...мотивировали тем, что в Югославии нет таких глубоких национальных различий, как в СССР, ибо все югославские народы являются славянскими, и, кроме того, они настолько малочисленны, что не имеют условий для действительно независимого государственного существования»³.

Наряду с обострением национальных проблем, в странах Восточной Европы шел нескончаемый поток территориальных претензий.

¹ См.: Восточная Европа в документах российских архивов... Т. 1. С. 260–261.

² Там же. С. 268–270.

³ Там же. С. 325–326.

У Венгрии возникли проблемы с Румынией по вопросу о Трансильвании; она же безуспешно пыталась пересмотреть в свою пользу границу с Югославией¹. Югославия предъявляла претензии Венгрии, Италии и Австрии². Чехословакия требовала возвращения Тешинской Силезии, отторгнутой по Мюнхенскому соглашению 1938 г. и переданной Гитлером Польше³. Генеральный секретарь ЦК Польской рабочей партии (ППР) В. Гомулка на встрече с И.В. Сталиным 14 ноября 1945 г. спросил: «Следует ли углублять вопрос о Тешине и может ли СССР оказать Польше поддержку в переговорах о Тешине с чехословаками?». Сталин ответил: «Не советую углублять этот вопрос, так как после получения Польшей силезских коксующихся углей у Польши не осталось аргумента в пользу передачи Тешина полякам, ввиду чего СССР лишен возможности оказать поддержку полякам в этом деле. Было бы лучше поскорее ликвидировать этот конфликтный вопрос с Чехословакией, ограничиться переселением тешинских поляков в Польшу и восстановить хорошие отношения с Чехословакией. В вопросе о переселении тешинских поляков в Польшу СССР может оказать поддержку полякам в переговорах с Чехословакией»⁴.

Президент Чехословакии Э. Бенеш летом 1946 г. писал Сталину: «Ввиду того, что было невозможно в Тешинском вопросе уступить польским необоснованным требованиям, исполнение которых означало бы кроме прочего и подтверждение польских действий во время Мюнхена, признаю, что наши взаимные переговоры (с Польшей. – *Авт.*) остановились на мертвой точке»⁵.

Польское правительство, несмотря на прямой отказ Сталина, продолжало настаивать на сохранении за собой хотя бы части Тешинской Силезии. Позиция польского правительства была изложена в специальной памятной записке на имя В.М. Молотова от 12 марта 1946 г. Польская сторона предлагала руководствоваться при определении границ этнографическим принципом: «... граница должна... проходить так, чтобы по обеим сторонам границы оставалось возможно меньшее количество национальных меньшинств». Позиция чехословацкой стороны была непоколебима: «Вопрос о Тешинских границах решен в 1920 г. и что [чехословацкое правительство] не может принять мюнхенских границ». Молотов поддержал такой подход.

¹ См.: Советский фактор в Восточной Европе. С. 239–240.

² См.: там же. С. 281–283, 285–286.

³ См.: там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 494.

Проявились противоречия между Югославией и Албанией. В первые послевоенные годы албанское руководство получало значительную помощь от югославского правительства. Тем не менее лидер Албании Э. Ходжа при встрече с И. Тито заявил, что область Косово и Метохия, населенная в подавляющем большинстве албанцами, несомненно, будет присоединена в свое время к Албании, но это станет возможным лишь тогда, когда и Албания, и Югославия будут государствами социалистическими». По мнению Энвера Ходжи, вопрос о Косово и Метохии должен в какой-то форме найти свое отражение в Договоре о дружбе и взаимной помощи.

Положение осложнялось тем, что албанские партизаны воевали в рядах Народно-освободительной армии Югославии, в частности, в населенных албанцами районах Черногории, Сербии и Западной Македонии. После освобождения в 1943 г. македонского города Дебар (алб. – Дибра) там был поднят албанский флаг и введена албанская администрация. Таким образом, первые конфликты между албанцами и югославами наметились еще в то время. Среди албанцев существовало неприятие расчленения албанских земель, осуществленного великими державами в 1913 г.¹

Взаимные территориальные претензии выдвигались вплоть до подписания мирных договоров. Нельзя не признать, что СССР в то время сыграл в определенной степени стабилизирующую роль в Восточной Европе, предотвратил возможные вооруженные конфликты и региональные войны.

Принципиально важное значение приобретало политическое устройство государств Восточной Европы. Компартии в них были относительно немногочисленны. В этих условиях в исследуемый период позиция советской стороны отнюдь не укладывалась в привычную схему «насищенного навязывания коммунистического строя». Сохранялась традиционная для этих стран парламентская система. Советское руководство настаивало на создании в этих странах весьма широких демократических блоков с участием коммунистов и одергивало слишком ортодоксальных сторонников компартии. В октябре 1945 г. после победы Партии мелких сельских хозяев на муниципальных выборах в Будапеште советский посланник Г.М. Пушкин резко критиковал венгерских коммунистов за то, что «компартия Венгрии отошла от общей линии, принятой в Югославии, Болгарии, Румынии и Финляндии, где были созданы избирательные блоки демократических партий», и подчеркивал, что сложнейшие задачи по демократизации стра-

¹ См.: Советский фактор в Восточной Европе. С. 476–478.

ны, восстановлению экономики и финансов могут быть по силам только блоку демократических партий, «организованному на мирной основе»¹.

В том же духе шли ориентировки ЦК ВКП(б) и другим «братским» компартиям. Весной 1945 г. глава Союзной контрольной комиссии в Финляндии А.А. Жданов внушал финским коммунистам: «... В одиночку ничего не проведете... Блок важнее, чем комбинации в правительстве...»².

Знаковой для понимания позиции Кремля тех лет по отношению к странам Восточной Европы стала встреча И.В. Сталина с польской правительственной делегацией во главе с президентом Б. Берутом и премьер-министром Э. Осубка-Моравским 24 мая 1946 г.

Берут начал разговор со Сталиным с жалоб на деятельность Польского правительства национального единства. «Мы имели надежду, когда создавали это Правительство национального единства, что соглашение с лондонской эмигрантской группой, возглавляемой Миколайчиком, даст возможность создать лучшую обстановку в стране. Мы считали, что Миколайчик и другие бывшие члены польского эмигрантского “правительства”, несмотря на то, что они проводили вредную интересам Польши политику, должны быть включены в состав правительства... Мы включили Миколайчика в состав правительства потому, что ставили своей целью проведение необходимых реформ в интересах не только рабочего класса, но и других слоев населения. Мы хотели исключить из нашего общества крупные капиталистические элементы и помещиков, и Миколайчик, казалось, мог нам в этом помочь. Эти надежды, к сожалению, как показала практика, не оправдались. Включение Миколайчика в состав правительства не только не способствовало стабилизации положения в стране, но, наоборот, явилось одной из причин все большего обострения борьбы»³.

Генеральный секретарь ППС В. Гомулка резко осудил своего коллегу – руководителя Польской социалистической партии Э. Осубка-Моравского, сказавшего Сталину, что с Миколайчиком все-таки можно и нужно сотрудничать. «Мы считаем, – говорил Гомулка, – что с партией Миколайчика нельзя сотрудничать. Мы часто говорим на нашей согласительной комиссии, в которую входят три представителя от ППР и три от ППС, о необходимости выработать нашу единую позицию по отношению к партии Миколайчика. Но до сих пор, к сожа-

¹ Советский фактор в Восточной Европе. С. 12.

² Там же.

³ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. Т. 1. – М.; Новосибирск. 1997. С. 444.

лению, единое мнение наших двух партий еще не выкристаллизовалось. Мы были бы очень благодарны, если бы тов. Сталин помог нам выработать эту единую позицию»¹.

Цитирую запись беседы дальше: «Гомулка просит все же тов. Сталина ближе познакомить его с международной обстановкой. Далее он останавливается на вопросе о церкви в Польше, указывая, что в последнее время со стороны католического духовенства были попытки установления контакта с правительством».

Отвечая на вопросы своих польских собеседников, Сталин заявил, что «никакая война теперь невозможна. Ни мы, ни англо-американцы не могут сейчас начать войны. Война надоела всем. К тому же нет целей войны. Мы нападать на Англию и Америку не собираемся, они не рискуют. Никакая война невозможна в течение, по крайней мере, 20 лет».

Далее Сталин сделал несколько принципиальных заявлений.

«Каков характер строя, установившегося в Польше после ее освобождения?

В Польше нет диктатуры пролетариата, и она там не нужна. Может быть, и у нас в СССР, если бы не война, диктатура пролетариата приобрела бы другой характер. <...> После Первой мировой войны диктатура пролетариата возникла у нас в России.

Чем она была вызвана?

У нас были сильные противники, мы должны были свалить трех китов – царя, помещиков и довольно сильный, разбавленный иностранцами, класс русских капиталистов. Для того чтобы одолеть эти силы, нужна была власть, опирающаяся на насилие, т. е. диктатура.

У вас положение совершенно иное. Ваши капиталисты и помещики в такой степени скомпрометировали себя связями с немцами, что их удалось смять без особого труда. Патриотизма они не проявили. Этого “греха” за ними не водилось. Несомненно, что удалить капиталистов и помещиков в Польше помогла и Красная Армия.

Вот почему у вас нет базы для диктатуры пролетариата.

Строй, установленный в Польше, – это демократия, это новый тип демократии. Он не имеет прецедента. Ни бельгийская, ни английская, ни французская демократии не могут братья вами в качестве примера и образца. Ваша демократия особая. У вас нет класса крупных капиталистов. Вы провели национализацию промышленности в 100 дней, а англичане ведут за нее борьбу в течение 100 лет. Поэтому не копируйте западные демократии, пусть они копируют вас.

Демократия, которая установилась у вас в Польше, в Югославии и отчасти в Чехословакии, – это демократия, которая приближает вас

¹ Восточная Европа в документах российских архивов... Т. 1. С. 454.

к социализму без необходимости установления диктатуры пролетариата и советского строя.

Ленин вовсе не говорил, что нет других путей для построения социализма, кроме диктатуры пролетариата, наоборот, он допускал возможность прихода к социализму путем использования таких учреждений буржуазного демократического строя, как парламент и другие институты. В результате проведенных реформ у вас, несомненно, появятся средние и мелкие капиталисты. Но средний класс никогда не командовал в жизни общества.

У вас нет крупных частных банков, нет частной крупной промышленности. <...>

Вам не нужна диктатура пролетариата, потому что в нынешних условиях, когда крупная промышленность национализирована и с политической арены исчезли классы крупных капиталистов и помещиков, достаточно создать соответствующий режим в промышленности, поднять ее, снизить цены и дать населению больше товаров широкого потребления, и положение в стране стабилизируется. Количество недовольных новым демократическим строем будет все уменьшаться, и вы приблизитесь к социализму без кровавой борьбы. <...>

Этот режим стоит сохранить. Если блок ППС и ППР распадется, установленная в Польше новая демократия погибнет». «Как быть с Миколайчиком?» – продолжал Сталин. – ... Польскому демократическому лагерю без оппозиции не обойтись, но этому лагерю нужна легальная, прирученная оппозиция, т. е. такая оппозиция, которая критикует правительство легальными средствами, но не борется за его свержение. Такая оппозиция полезна для польского демократического лагеря. Она нужна ему для того, чтобы оттягивать силы из подполья»¹. Сталин рекомендовал «не отталкивать церковь. Он считал, что католическую церковь в Польше следует рассматривать как отдельную партию, которая при известных условиях, пусть и не из любви к нынешнему режиму, может все же идти в блоке с ним».

За высказываниями Сталина, как пишет Т.В. Волокитина, скрывалась концепция «национального пути» к социализму. Московское руководство в тот период не могло согласиться с планами советизации региона, выдвигавшимися леворадикальными силами, прежде всего в компартиях Польши, Венгрии, Болгарии, Румынии. Имевшие место в этих странах «выбросы коммунистической революционности» встречали резко отрицательное отношение советской стороны и решительно блокировались ею, поскольку они не состыковывались с концеп-

¹ Восточная Европа в документах российских архивов... С. 457–459.

цией мирного, парламентского пути к социализму и тактикой демократического блока, входили в противоречие с целями советской внешней политики тех лет¹.

«Иранский кризис». Наследием Второй мировой войны стал ряд «неурегулированных конфликтов, в том числе в Иране². 25 августа 1941 г. СССР ввел войска в Иран, основываясь на статье 6 советско-иранского договора 1921 г. Одновременно по взаимной договоренности с союзниками на территорию Ирана вступили войска Великобритании, в конце 1942 г. – войска США. Через Иран шли поставки оружия и боеприпасов по ленд-лизу. Тогда же советская сторона организовала масштабные геологоразведочные работы на северо-востоке Ирана. Там искали и нашли нефть. На юге страны поиск нефтяных месторождений вели американские компании «Стандард вакуум» и «Синклер ойл» и английская «Шелл».

Американцы и англичане получили от иранского правительства право на добычу нефти. Советская сторона также вела активную подготовку к заключению с Ираном нефтяной концессии. Предполагалось, что договор будет заключен сроком на 60 лет и распространится на территорию до 150 тыс. кв. км для разведки и добычи нефти. В случае подписания концессии советское присутствие на Ближнем Востоке значительно усиливалось. (Как видим, соперничество между СССР и его союзниками в Иране определилось уже в 1944 г.)

Однако правительство Ирана в 1944 г. отказалось заключить концессию с СССР. Советский Союз расценил это как происки проанглийских сил в Иране; предложения создать смешанную советско-иранскую концессию были квалифицированы СССР как дискриминационные, так как предлагаемые условия оказались значительно хуже тех, что получили англичане.

19 мая 1945 г. иранское правительство обратилось к Англии, СССР и США с просьбой о досрочном выводе их войск из страны, мотивируя это окончанием войны с Германией. СССР удалось договориться о продлении пребывания своих войск до 2 марта 1946 г.

У СССР в Иране нашлись политические союзники – Народная партия Ирана и Демократическая партия Азербайджана. Обе партии были связаны с Москвой, несмотря на существовавшие между ними серьезные противоречия. Так, демократическая партия выступала за национальную и культурную автономию иранского Азербайджана

¹ См.: Советский фактор в Восточной Европе... С. 10–11.

² Подробнее см.: *Егорова Н.И.* «Иранский кризис» 1945–1946 гг. По рассекреченным архивным документам // Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 24–42.

в пределах Ирана и введение азербайджанского языка в официальное употребление. Народная партия видела в этом угрозу сепаратизма и возможного раскола страны.

В ноябре 1945 г. в Тавризе, столице Иранского Азербайджана, состоялось заседание Всенародного собрания Азербайджана, которое приняло Декларацию, адресованную меджлису, иранскому правительству и шаху, с требованием предоставить Иранскому Азербайджану автономии в составе Ирана. Было создано правительство, заявившее о планах распределения государственных земель и воды между крестьянами. Иранское правительство потребовало от советских воинских частей, дислоцированных на севере Ирана, пропустить в этот район правительственные войска для подавления возможных выступлений «демократов».

20 ноября 1945 г. командование советской 4-й армии доложило в Москву о требовании иранских властей. Разрешение дано не было. Тогда иранский Генштаб приказал войскам в случае необходимости войти в районы, занятые «мятежниками», несмотря на запрет советских военных властей. Это могло стать поводом к военному конфликту. В ответ НКВД СССР направил в МИД Ирана ноту, в которой предупреждал о возможности «ввести в Иран дополнительные войска в целях охраны порядка и обеспечения безопасности своих гарнизонов»¹.

Одновременно с событиями в Иранском Азербайджане ширилось национальное движение за предоставление автономии в Иранском Курдистане. В конце октября 1945 г. там также была создана Демократическая партия и сформировано национальное правительство в Мехабаде, которое стало проводить сходные реформы и организовывать отряды самообороны. Советский Союз активно поддерживал духовного вождя и лидера курдов Кази Мохаммеда.

В случае появления автономного Иранского Азербайджана влияние СССР на Ближнем Востоке возрастало. В свою очередь активизация СССР в этом регионе вызывала противодействие со стороны Великобритании и США. Проблема Ирана обсуждалась на Московском совещании министров иностранных дел 16–29 декабря 1945 г. Молотов связал иранский вопрос с выводом английских войск из Греции и даже с событиями в Индонезии, где англичане содействовали восстановлению голландского господства. Молотов заявил о нежелании СССР выполнять прежние договоренности о выводе советских войск из Ирана к 2 марта 1946 г. Американская и английская стороны настаивали на одновременном выводе советских и английских войск.

¹ Данилов А.А., Пыжиков А.В. Указ. соч. С. 25.

В результате переговоры зашли в тупик. Нерешенность «иранского вопроса» на Московском совещании открывала прямую дорогу к вынесению этого вопроса на обсуждение ООН.

В администрации и госдепартаменте США к тому времени сложилось убеждение, что события в Иране свидетельствовали об устремлении СССР на юг, к Индии и другим колониальным владениям Великобритании, которые она уже была не в состоянии защитить¹.

В феврале–марте 1946 г. в Москве состоялись переговоры Сталина и Молотова с премьер-министром Ирана. Иранская сторона настаивала на выводе советских войск, ссылаясь на то, что США вывели свои войска еще до 1 января 1946 г., а Великобритания завершала вывод своих частей к 2 марта. Пока шли переговоры, вооруженные отряды Иранского Азербайджана начали наступление на правительственные войска Ирана.

США и Великобритания решительно выступили против этого и направили в восточное Средиземноморье свой флот.

В результате давления США и Великобритании Сталин принял решение о выводе войск, 9 мая 1946 г. советские войска покинули Иран. Союзник Москвы, руководитель Демократической партии Афганистана направил письмо Сталину с жалобами на несогласованность с ним этого решения.

Ответ Сталина дает представление о причинах ухода СССР из Ирана. «...Наличие советских войск в Иране подрывало основы нашей освободительной политики в Европе и Азии. Англичане и американцы говорили нам, что если советские войска могут оставаться в Иране, то почему английские войска не могут оставаться в Египте, Сирии, Индонезии, Греции, а также американские войска – в Китае, Исландии, в Дании. <...> Пока советские войска находились в Иране, Вы имели возможность развернуть борьбу в Азербайджане и организовать широкое демократическое движение с далеко идущими требованиями. Но наши войска должны были уйти и ушли из Ирана»².

Атомное оружие. Еще одна важная проблема, вставшая в эти годы перед СССР, – ядерное оружие. США уже располагали им. Великобритания обладала необходимыми знаниями о ядерных технологиях. В СССР шла лихорадочная работа по созданию атомной бомбы.

Сталин знал, что к 1946 г. в распоряжении Соединенных Штатов имелось шесть атомных бомб. Посол США в СССР А. Гарриман информировал Вашингтон о реакции «русских» по этому поводу. «...Неожи-

¹ Егорова Н.И. «Иранский кризис»... С. 37.

² Там же.

данно появилась атомная бомба, и они поняли, что появилась сила, способная противостоять мощи Красной Армии. Это-то, должно быть, и возродило известное им прежде чувство опасности. Они не могли теперь быть уверены, что смогут достичь своих целей безнаказанно». Его коллега, британский посол в СССР А.К. Керр 3 декабря 1945 г. отправил своему министру иностранных дел доклад, в котором отмечал, что победа над Германией придала советским вождям уверенность в том, что национальная безопасность наконец была достигнута. «Затем появилась атомная бомба, – писал он. – Одним ударом было нарушено равновесие сил, которое, казалось бы, установилось. Запад остановил Россию, когда все казалось ей достижимым. Три сотни дивизий практически утратили всякую ценность»¹.

24 января 1946 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла важную резолюцию о создании Комиссии по атомной энергии. Перед Комиссией были поставлены задачи – давать рекомендации по обмену научной информацией, контролю над ядерной энергией, использованию ядерной энергии в мирных целях, уничтожению атомного оружия, а также «по эффективным мерам инспекции и другим способам защиты участвующих государств от опасности нарушений и уклонений»². В сущности, это была первая попытка ограничить распространение и в дальнейшем запретить ядерное оружие.

Решение Генеральной Ассамблеи ООН получило неожиданное продолжение.

«Фултонская речь» У. Черчилля. 5 марта 1946 г. Черчилль выступил в университете в американском городке Фултон с программной речью. Он подверг критике недавнее решение Генеральной Ассамблеи ООН. «Было бы неправильно и неосмотрительно доверить секретные сведения или опыт в отношении атомной бомбы, которыми располагают в настоящее время Соединенные Штаты, Великобритания и Канада, международной организации, пока она еще находится в состоянии младенчества, – утверждал Черчилль. – <...> В любой стране ни один человек не спит хуже от того, что эти сведения, метод и сырье для создания этой бомбы в настоящее время в основном находятся в американских руках».

Следующие слова Черчилля означали решительный разрыв с политическим наследием антигитлеровской коалиции. «Я не думаю, чтобы мы все могли бы так спокойно спать, если бы положение изме-

¹ Холловэй Д. Сталин и бомба: Советский Союз и атомная энергия. 1939–1956. – Новосибирск, 1997. С. 208–209.

² Там же. С. 217–218.

нилось и какое-либо коммунистическое или неофашистское государство монополизировало в настоящее время эти ужасные сведения». Британский экс-премьер поставил на одну доску две политические системы, уравнил недавних союзников и противников.

Черчилль стремился опередить политическое время. Союз с СССР уходил в прошлое, как и система дипломатии, рожденная в годы Второй мировой. Будущее виделось Черчиллю через прицел неизбежной войны, на этот раз – со своим недавним союзником, и решающий фактор в этой войне отводился атомной бомбе. «...У нас, по крайней мере, есть передышка перед тем, как эта опасность станет перед нами...».

Черчилль предложил своим слушателям новую картину современного мира. Картина эта была неутешительной. «Теперь я перехожу ко второй опасности, грозящей очагу и простым людям, а именно – к тирании. Мы не можем закрывать глаза перед тем фактом, что свободы, которыми пользуются граждане во всей Британской империи, не существуют в значительном числе стран, причем некоторые из этих стран являются весьма могущественными. В этих государствах контроль над простыми людьми осуществляется с помощью различного рода всеобъемлющих полицейских правительств в такой степени, которая является подавляющей и противоречит всем принципам демократии. Государственная власть осуществляется неограниченно либо диктаторами, либо узкими олигархиями, действующими через посредство привилегированной партии и политической полиции <...> Тень пала на те поля, которые еще совсем недавно были освещены победой союзников. Никто не знает, что Советская Россия и ее коммунистическая международная организация намереваются сделать в ближайшем будущем или каковы границы, если таковые существуют, их экспансионистских тенденций и стремлений к прозелитизму».

Основной противник был назван. «Международная коммунистическая организация» – тоже. Вряд ли Черчилль забыл, что эта организация, Коминтерн, была распущена еще в 1943 г. Для него важнее было указать на идеологическую составляющую назревавшего конфликта.

Советской России и ее «международной коммунистической организации» Черчилль противопоставил «братскую ассоциацию народов, говорящих на английском языке». «Это означает, – обращался Черчилль к слушателям, – особые отношения между Британским содружеством наций и империей, с одной стороны, и Соединенными Штатами, с другой. Сейчас не время говорить общие фразы. Я осмелюсь быть точным. Братская ассоциация требует не только растущей дружбы и взаимопонимания между нашими двумя обширными и родственными системами общества, но и сохранения близких отношений между

нашими военными советниками, проведения совместного изучения возможных опасностей, однотипности оружия и учебных пособий, а также обмен офицерами и слушателями в колледжах. Это должно сопровождаться сохранением нынешних условий, созданных в интересах взаимной безопасности...».

Черчилль утверждал: «...Моя обязанность заключается в том, чтобы представить вам некоторые факты о нынешнем положении в Европе. От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике железная завеса опустилась на континент. За этой линией хранятся все сокровища древних государств Центральной и Восточной Европы. Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест, София – все эти знаменитые города и население в их районах находятся в советской сфере и все подчиняются в той или иной форме не только советскому влиянию, но и в значительной степени увеличивающемуся контролю Москвы. <...> Польское правительство, находящееся под господством русских, поощрялось к огромным и несправедливым посягательствам на Германию. Имеет место массовое изгнание миллионов немцев в масштабах, которые мы, к сожалению, не могли вообразить».

«Коммунистические партии, которые были очень незначительны во всех этих восточных государствах Европы, достигли исключительной силы, намного превосходящей их численность, – утверждал Черчилль. – ...Турция и Персия глубоко встревожены и обеспокоены претензиями, предъявляемыми им, и давлением, которое осуществляется Московским правительством».

Черчилль предостерегал своих слушателей: «“Пятые колонны” коммунистов существуют по всему миру, железная завеса пересекла Европу, над христианской цивилизацией нависла угроза».

Источник опасности он видел в России, средство предотвращения опасности – в объединении всех стран, прежде всего, Англии и США против России. «Русские больше всего восхищаются силой, и нет ничего такого, к чему бы они питали меньше уважения, чем военная слабость», – утверждал бывший британский премьер-министр¹.

Советское посольство в Вашингтоне игнорировало это выступление. Логика дипломатов понятна – выступление частного лица, отставного политика в небольшом американском университете не могло представлять политического интереса. Поэтому сведения о «фултонской речи» попали лишь в обзор прессы, который традиционно готовило посольство.

¹ Известия. 1946. 12 марта.

Сталин о «фултонской речи». Иной оказалась реакция Сталина. Уже 12 марта 1946 г. произнесенная Черчиллем речь была полностью перепечатана в «Известиях». Подобное решение мог принять только Сталин.

14 марта в «Правде» было опубликовано интервью вождя, данное им корреспондентам этой газеты. По сути, Сталин отвечал не на «вопросы журналистов», он отвечал Черчиллю.

Вопрос. Как Вы расцениваете последнюю речь г. Черчилля, произнесенную им в Соединенных Штатах Америки?

Ответ. Я расцениваю ее как опасный акт, рассчитанный на то, чтобы посеять семена раздора между союзными государствами и затруднить их сотрудничество. <...>

Следует отметить, что г. Черчилль и его друзья поразительно напоминают в этом отношении Гитлера и его друзей. Гитлер начал дело развязывания войны с того, что провозгласил расовую теорию, объявив, что только люди, говорящие на немецком языке, представляют полноценную нацию. Г-н Черчилль начинает дело развязывания войны тоже с расовой теории, утверждая, что только нации, говорящие на английском языке, являются полноценными нациями, призванными вершить судьбы всего мира. <...>

По сути дела г. Черчилль и его друзья в Англии и США предъявляют нациям, не говорящим на английском языке, нечто вроде ультиматума: признайте наше господство добровольно, и тогда все будет в порядке, – в противном случае неизбежна война.

Но нации проливали кровь в течение пяти лет жестокой войны ради свободы и независимости своих стран, а не ради того, чтобы заменить господство гитлеров господством черчиллей. Вполне вероятно поэтому, что нации, не говорящие на английском языке и составляющие вместе с тем громадное большинство населения мира, не согласятся пойти в новое рабство.

<...> Несомненно, что установка г. Черчилля есть установка на войну, призыв к войне с СССР. Ясно также и то, что такая установка г. Черчилля несовместима с существующим союзным договором между Англией и СССР»¹.

Обвинение Черчилля в шовинизме, в том, что он противопоставил англичан и американцев всему остальному миру, были не только доказательны для тех, кто прочитал речь Черчилля, но и вполне убедительно обосновывали подозрение, что Черчилль – «поджигатель войны».

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 16. С. 25–30.

Следующая тема в ответах Сталина – положение стран Восточной Европы. Сталин заявил: «Эта часть речи г. Черчилля представляет смесь элементов клеветы с элементами грубости и бестактности. Г-н Черчилль утверждает, что “Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест, София – все эти знаменитые города и население в их районах находятся в советской сфере и все подчиняются в той или иной форме не только советскому влиянию, но и в значительной степени увеличивающемуся контролю Москвы”. Г-н Черчилль квалифицирует все это как не имеющие границ “экспансионистские тенденции” Советского Союза. Не требуется особого труда, чтобы показать, что г. Черчилль грубо и беспардонно клеветает здесь как на Москву, так и на поименованные соседние с СССР государства. ...Совершенно абсурдно говорить об исключительном контроле СССР в Вене и Берлине, где имеются Союзные Контрольные Советы из представителей четырех государств и где СССР имеет лишь 1/4 часть голосов. Бывает, что иные люди не могут не клеветать, но надо все-таки знать меру».

Дальше следовали аргументы Сталина, рассчитанные на советских граждан. «...Нельзя забывать следующего обстоятельства. Немцы произвели вторжение в СССР через Финляндию, Польшу, Румынию, Болгарию, Венгрию. Немцы могли произвести вторжение через эти страны потому, что в этих странах существовали тогда правительства, враждебные Советскому Союзу. <...> Спрашивается, что же может быть удивительного в том, что Советский Союз, желая обезопасить себя на будущее время, старается добиться того, чтобы в этих странах существовали правительства, лояльно относящиеся к Советскому Союзу? Как можно, не сойдя с ума, квалифицировать эти мирные стремления Советского Союза как экспансионистские тенденции нашего государства?».

Уязвимым местом в выступлении Черчилля были его обвинения, что СССР способствовал расширению западных границ Польши и переселению немцев с этих земель. «Как известно, – напоминал Сталин, – решение о западных границах Польши было принято на Берлинской конференции трех держав на основе требований Польши. Советский Союз неоднократно заявлял, что он считает требования Польши правильными и справедливыми. Вполне вероятно, что г. Черчилль недоволен этим решением. Но почему г. Черчилль, не жалея стрел против позиции русских в этом вопросе, скрывает от своих читателей тот факт, что решение было принято на Берлинской конференции единогласно, что за решение голосовали не только русские, но также англичане и американцы?»

«В Польше, Румынии, Югославии, Болгарии, Венгрии управляет блок нескольких партий, от четырех до шести партий, – причем оппозиции, если она является более или менее лояльной, обеспечено право участия в правительстве. Это называется у г. Черчилля тоталитаризмом, тиранией, полицейщиной», – отвечал Сталин на обвинения Черчилля по поводу отсутствия демократии в этих странах¹.

22 марта 1946 г. в «Правде» были опубликованы ответы Сталина на вопросы корреспондента «Ассошиэйтед Пресс» Гильмора.

Сталин высоко оценил роль ООН как серьезного инструмента «сохранения мира и международной безопасности. Сила этой международной организации состоит в том, что она базируется на принципе равноправия государств, а не на принципе господства одних над другими. Если Организации Объединенных Наций удастся сохранить и впредь принцип равноправия, то она, безусловно, сыграет большую положительную роль в деле обеспечения всеобщего мира и безопасности».

На вопрос: «Чем... вызвано нынешнее опасение войны, испытываемое многими людьми во многих странах?» Сталин ответил: «Я думаю, что “нынешнее опасение войны” вызывается действиями некоторых политических групп, занятых пропагандой новой войны и сеющих, таким образом, семена раздора и неуверенности». Сталин призвал к широкой контрпропаганде «против пропагандистов новой войны и за обеспечение мира»².

Черчилль в этом интервью не упоминался, хотя очевидно, что роль «пропагандиста новой войны» Сталин отводил именно ему.

Сталинская реакция на «фултонскую речь» Черчилля свидетельствовала о многом. Беспрецедентная гласность, личное участие в полемике говорили о глубокой убежденности Сталина в том, что его позиция изначально сильнее, чем аргументы Черчилля. Сталин выступал как защитник договоренностей прежних, военных лет, Черчилль настаивал на их пересмотре. Сталин сохранял принцип союзнических отношений, Черчилль предлагал новый союз – «дружить против России». Черчилль выступал как частное лицо – Сталин подчеркивал, что «у Черчилля имеются друзья» в США и Англии, но это вовсе не мнение правительства, а мнение Черчилля и его друзей, «поджигателей войны».

Сталинская формулировка: Черчилль и его друзья – это не правительства Великобритании и США – подчеркнуто корректна. Сталин не хотел ухудшения отношений со своими недавними союзниками.

¹ См.: Правда. 1946. 14 марта.

² Правда. 1946. 23 марта.

У Черчилля были иные задачи. Во-первых, он «жег за собой мосты» ответственности за деятельное участие в разделе Европы вместе со Сталиным. В новых условиях Черчилль стремился внушить всем, что он не отвечает за возникшую расстановку сил в мире. Во-вторых, бывший премьер-министр выстраивал программу своего возвращения в политику. Еще до войны Черчилль являлся политическим лидером, сообщавшим стране и миру плохие новости. Он был решительным противником программы «умиротворения Гитлера», которую проводило правительство Н. Чемберлена. Сейчас он предупреждал о «железном занавесе», о происках Советской России и ее «международной коммунистической организации», об угрозе и практически неизбежности новой войны. В-третьих, Черчилль претендовал на роль лидера англо-саксонских народов, как минимум – идеологического. Платформа для «холодной войны» была готова. Пока только идеологическая.

Дипломатические дуэли. В марте 1946 г. руководство СССР предложило США заключить советско-американский договор о дружбе, торговле и навигации. Одновременно велись переговоры об условиях предоставления Советскому Союзу американского кредита в 1 млрд долларов для восстановления разрушенного хозяйства. Обе инициативы успеха не имели¹.

В начале 1946 г. в Вашингтон прибыл новый посол СССР в США Н.В. Новиков, в Москве поверенного в делах США Дж. Кеннана сменил посол У.Б. Смит². Перед отъездом из СССР, 22 февраля 1946 г., Кеннан направил в Вашингтон политический доклад о перспективах советско-американских отношений. Позднее, в июле 1947 г., основное содержание этого документа было опубликовано американским журналом «Форин афферс» в статье «Источники советского поведения», подписанной псевдонимом «Х».

Кеннан писал: «...Мы имеем здесь дело с политической силой, фанатично приверженной мнению, что с США не может быть достигнут постоянный *modus vivendi*, что является желательным и необходимым подрывать внутреннюю гармонию нашего общества, разрушать наш традиционный образ жизни, ликвидировать международное влияние нашего государства с тем, чтобы обеспечить безопасность советской власти». Давая характеристику советской власти, Кеннан подчеркнул, что она, «будучи невосприимчивой к логике разума, ...очень чувствительна к логике силы»³.

¹ См.: Данилов А.А., Пыжиков А.В. Указ. соч. С. 80–81.

² АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 30. 1946. Д. 1.

³ Международная жизнь. 1990. № 11. С. 146.

«Длинная телеграмма» Кеннана хорошо известна в историографии¹. Ее переключка с фултонской речью Черчилля очевидна. Гораздо менее известно другое выступление Кеннана на ту же тему – в Стэнфордском университете в октябре 1946 г. Его запись советское посольство выслало в Москву в МИД². Выступление Кеннана в Стэнфорде позволило существенно дополнить, а в ряде случаев уточнить представление американского дипломата о политике, которую необходимо проводить по отношению к Советскому Союзу.

Кеннан утверждал, что важнейшим положением советской внешнеполитической доктрины является теория капиталистического окружения. По словам Кеннана, за этой теорией стоит «фактическая база», прежний опыт СССР. Ни правительство, ни народ Советского Союза не хотят новой мировой войны. Поэтому основная проблема – не в том, иметь или не иметь отношения с русскими, а в том, какими должны быть эти отношения.

Советский Союз ослаблен войной, потерял большое количество рабочих рук и часть промышленного потенциала. Поэтому, несмотря на укрепление позиций СССР по отношению к своим соседям, страна не вынашивает планов агрессии, – полагал дипломат.

В Стэнфорде Кеннан уточнил собственное утверждение, что с Россией нужно говорить с позиции силы. «Ничего не выйдет, если действовать по отношению к ней угрозами», – заявил он. «Мы не должны колебаться в твердом заявлении о том, какова наша позиция,... когда в действительности затрагивались бы наши собственные интересы, – говорил Кеннан своим слушателям. – Но, с другой стороны, весьма большой слабостью являлось запугивание и некомпромиссное соглашение, когда не затрагивались действительные интересы американцев»³. Примером ненужного повода для конфликта с Советским Союзом Кеннан считал позицию США по отношению к Польше. «У нас нет интереса к Польше и, если бы мы не породили фальшивых надежд и фальшивого исхода, это избавило бы нас от взаимного непонимания», – указывал он.

Отвечая на вопросы слушателей, Кеннан заявил о невозможности советско-американской войны. Это была бы, по его мнению, «борьба между акулой и тигром»⁴.

СССР сохраняет внутреннее единство, в нем не существует конфликтов между правительством и армией, для русского народа харак-

¹ См., в частности: *Филитов А.М.* Как начиналась «холодная война» // Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985). Новое прочтение. – М., 1995. С. 47–68.

² АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 30. Папка 187. Д. 81. Л. 96–111.

³ Там же. Л. 98.

⁴ Там же. Л. 99.

терна традиционная, многовековая способность оборонять свою землю. Русские живо интересуются Западом, но готовы каждый раз доказывать, что «Россия имеет что-то большее». «Я не рекомендую недооценивать их, – подчеркивал Кеннан. – Коммунистическое правительство намного сильнее, чем придают этому значение. Лидеры являются старыми закаленными конспиративными людьми, которые прошли тюрьмы... за свою веру»¹.

Позиция Кеннана, высказанная им в Стэнфорде, оказалась намного сдержанней, чем положения, сформулированные в его «длинной телеграмме» и статье в «Форин афферс».

27 сентября 1946 г. советский посол в США Н.В. Новиков направил в Москву документ, в котором так определял внешнюю политику США: «Внешняя политика США, отражающая империалистические тенденции американского монополистического капитала, характеризуется в послевоенный период стремлением к мировому господству. <...> Факты ясно показывают, что в реализации планов установления мирового господства США, решающая роль предназначается их вооруженным силам». Аналитический обзор заканчивался утверждением, что «подготовка США к будущей войне проводится с расчетом на войну против Советского Союза, который является в глазах американских империалистов главным препятствием на пути США к мировому господству»².

Вместе с тем в советско-американских отношениях оставалось известное стремление сохранять взаимные обязательства. СССР вывел свои войска из Ирана. Отношение Советского Союза к повстанческому движению в Греции было весьма осторожным, поддержка повстанцев-коммунистов носила, по сути, декоративный характер³. Сталин остался глух к призывам греческих коммунистов о помощи и спокойно наблюдал за репрессивными мерами, которые принимал против них Лондон⁴.

На наш взгляд, в 1946 г. и в США, и в СССР шел поиск будущей модели взаимоотношений, поэтому вряд ли правильно считать, что в то время конфликты были важнее компромиссов. Даже в вопросе ядерного оружия американская позиция не была однозначной.

В июне 1946 г. Соединенные Штаты Америки внесли на рассмотрение Комиссии по атомной энергии Организации Объединенных Наций так называемый «план Баруха», предполагавший принятие ООН

¹ АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 30. Папка 187. Д. 81. Л. 103.

² Международная жизнь. 1990. № 11. С. 148, 150, 154.

³ См.: Данилов А.А., Пыжиков А.В. Указ. соч. С. 30–32.

⁴ См.: Бережков В.М. Указ. соч. С. 322–326.

программы контроля за разработкой ядерных материалов, производством и использованием ядерного оружия и создание в ее структуре специального международного агентства для этих целей.

При всем своем «американоцентризме» «план Баруха» не мог не учитывать мнение Советского Союза в данной области. В частности, по этому плану СССР получал право «вето» в вопросах, касавшихся использования ядерной энергии.

Однако советское руководство опасалось, что «план Баруха» станет средством контроля именно советской атомной программы: план предусматривал предварительное изучение мировых запасов урана и тория, что влекло за собой инспекцию советской территории. СССР предлагалось отказаться от разработки атомной бомбы и согласиться на формирование мощного международного контрольного агентства прежде, чем США допустят контроль своих собственных атомных бомб и атомных установок. Советское правительство беспокоило, что доминирующее положение в международном агентстве займут Соединенные Штаты, имевшие больше специалистов по атомной энергии, чем любая другая страна¹.

Вместе с тем нельзя игнорировать тот факт, что летом 1946 г. американское правительство пригласило советских наблюдателей на испытание атомных бомб на атолле Бикини. Приглашение было принято, и три советских представителя были направлены на испытания². Среди них были М.Г. Мещеряков, физик из Радиевого института, и С.П. Александров, горный инженер, работавший в МГБ³.

«План Баруха» так и не был принят ООН. Не утвердила ООН и советский, так называемый «план Громыко», предполагавший уничтожение ядерного (в то время только американского) оружия.

В сентябре и октябре 1946 г. Сталин дал интервью корреспондентам английской «Санди Таймс» А. Верту⁴ и американского агентства «Юнайтед пресс» Х. Бейли⁵ по актуальным вопросам международных отношений. Приведем фрагменты этих встреч.

Х. Бейли: «Согласны ли Вы с мнением государственного секретаря Бирнса, выраженным им в обращении по радио в прошлую пятницу, об усиливающемся напряжении между СССР и Соединенными Штатами?»

Сталин: (лаконично) «Нет».

¹ См.: Холловэй Д. Указ. соч. С. 217–223.

² АВР РФ. Ф. 0129. Оп. 30. Портфель 1. Д. 178. Л. 89.

³ См.: Холловэй Д. Указ. соч. С. 220.

⁴ Сталин И.В. Соч. Т. 16. С. 37–39.

⁵ Там же. С. 40–43.

Х. Бейли: «Что в настоящее время представляет, по Вашему мнению, наиболее серьезную угрозу миру во всем мире?»

Сталин: «Поджигатели новой войны, прежде всего Черчилль и его единомышленники в Англии и США».

А. Верт: «Верите ли Вы в реальную опасность “новой войны”, о которой в настоящее время ведется так много безответственных разговоров во всем мире? Какие шаги должны бы быть предприняты для предотвращения войны, если такая опасность существует?».

Сталин: «Я не верю в реальную опасность “новой войны”. О “новой войне” шумят теперь главным образом военно-политические разведчики и их немногочисленные сторонники из рядов гражданских чинов. <...> Нужно строго различать между шумихой о “новой войне”, которая ведется теперь, и реальной опасностью “новой войны”, которой не существует в настоящее время».

А. Верт: «Верите ли Вы в возможность дружественного и длительного сотрудничества Советского Союза и западных демократий, несмотря на существование идеологических разногласий, и в “дружественное соревнование” между двумя системами, о котором говорил в своей речи Уоллес?» (кандидат на выборах президента США в 1948 г. – *Авт.*).

Сталин: «Безусловно верю».

А. Верт: «Считаете ли Вы, что фактически монопольное владение США атомной бомбой является одной из главных угроз миру?»

Сталин: «Я не считаю атомную бомбу такой серьезной силой, какой склонны ее считать некоторые политические деятели. Атомные бомбы предназначены для устрашения слабонервных, но они не могут решать судьбы войны, так как для этого совершенно недостаточно атомных бомб. Конечно, монопольное владение секретом атомной бомбы создает угрозу, но против этого существуют, по крайней мере, два средства: а) монопольное владение атомной бомбой не может продолжаться долго; б) применение атомной бомбы будет запрещено».

Во время бесед с иностранными журналистами Сталин осторожно выразил недоверие в способности Организации Объединенных Наций стать гарантией целостности малых стран. По поводу объединения четырех зон оккупации в сфере экономического администрирования для восстановления Германии как мировой экономической единицы Сталин отметил, что необходимо восстановить не только экономическое, но и политическое единство Германии.

20 декабря 1946 г. Сталин дал интервью сыну покойного президента Рузвельта – Эллиоту, в ходе которого отметил целесообразность новой встречи «Большой тройки» для обсуждения международной ситуации¹.

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 16. С. 45–49.

9 апреля 1947 г. Сталин встретился с видным деятелем республиканской партии США Г. Стассеном¹. Сталин пытался смягчить политико-идеологические противоречия между двумя странами. «...Не следует увлекаться критикой системы друг друга. Каждый народ держится той системы, которой он хочет и может держаться. Какая система лучше – покажет история. Надо уважать системы, которые избраны и одобрены народом, – убеждал Сталин своего собеседника. – Плоха ли или хороша система в США – это дело американского народа. Для сотрудничества не требуется, чтобы народы имели одинаковую систему. Нужно уважать системы, одобренные народом. Только при этом условии возможно сотрудничество.

Что касается Маркса и Энгельса, то они, конечно, не могли предвидеть то, что произойдет спустя 40 лет после их смерти.

Советскую систему называют тоталитарной или диктаторской, а советские люди называют американскую систему монополистическим капитализмом. Если обе стороны начнут ругать друг друга монополистами или тоталитаристами, то сотрудничества не получится. Надо исходить из исторического факта существования двух систем, одобренных народом. Только на этой основе возможно сотрудничество»².

Итак, обобщим сказанное. Количество сталинских интервью, выступлений в советской, американской и английской прессе в 1946–1947 гг. беспрецедентно. Сталин лично вел пропагандистскую кампанию с тем, чтобы, во-первых, разрушить черчиллевские оценки международной ситуации и, во-вторых, сохранить в новых условиях прежние отношения «Большой тройки».

Однако взаимоотношения СССР с США и Западной Европой продолжали осложняться.

Генеральный консул СССР в Нью-Йорке в феврале 1947 г. писал в Москву: «В сравнении с ноябрем и декабром прошлого года в январе и феврале 1947 года отношение к нам в США значительно ухудшилось. Республиканцы Ванденберг, Тафт, Даллес, а также Барух и другие направляют прессу и радио к еще большему обострению положения»³.

В начале 1947 г. обозначился открытый конфликт между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки в духе начавшейся «холодной войны». 10 февраля 1947 г. в американском сенате при назначении председателя Комиссии по атомной энергии сенатор Маккеллар обратился к заместителю госсекретаря США Дж. Ачесону: «Не пола-

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 16. С. 57–67.

² Там же. С. 59.

³ АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 31. Папка 192. Д. 12. Л. 3–5.

гаете ли вы, что Россия забрала бы себе остаток Европы и мира, если бы имела бомбу?». «Внешняя политика России является агрессивной и экспансионистской», – ответил Ачесон, по существу, согласившись с полуутверждением содержавшимся в вопросе¹.

Министерство иностранных дел СССР оперативно реагировало на этот диалог, увидев в нем предмет для обострения отношений. Был подготовлен проект ноты Молотова в адрес США, в котором сообщалось: «Советское правительство обращает внимание правительства США на недопустимость поведения господина Ачесона, позволившего себе, несмотря на свое официальное положение, сделать в Сенате заявление, враждебное Советскому Союзу и совершенно несовместимое с нормами отношений между СССР и США».

Молотов лично отредактировал документ, превратив его из резко-го в грубый. Выступление Ачесона он назвал «грубо клеветническим и враждебным Советскому Союзу». Даже дипломатическую формулу, которой традиционно заканчивалась нота, – «С искренним уважением», Молотов заменил на более прохладную – «Уважающий Вас»².

Госдепартамент США, получив советскую ноту, пошел точно таким же путем. В ответной ноте он не отказал себе в удовольствии точно процитировать текст Ачесона, который в американской редакции выглядел следующим образом: «... Я вполне осознаю, что внешняя политика России является агрессивной и экспансионистской. Я полагаю, что одним из великих усилий, которые предпринимаются всеми в Объединенных Нациях, является попытка найти средства разрешения проблем такого рода...». «Вы характеризуете содержание этого заявления как грубо клеветническое и враждебное в отношении Советского Союза, – отвечал госдепартамент США Молотову. – Согласно нашим нормам, сдержанное замечание (подчеркнуто Молотовым. – *Авт.*) по вопросу, который относится к внешней политике, не есть клевета»³.

СССР ответил новой нотой, адресованной госсекретарю США Дж. Маршаллу.

Сведения о советско-американском дипломатическом конфликте попали в прессу. 21 марта 1947 г. «Ассошиэйтед пресс» и «Юнайтед пресс» распространили сообщение о выступлении Дж. Ачесона перед Комиссией по иностранным делам, в котором содержались, в частности, слова о том, что существование «правительств, находящихся под властью коммунистов в любой части мира, опасно для безопасности США». Это заявление, оказавшееся чрезмерно резким для отношений

¹ АВП РФ. Фонд секретариата Молотова. Оп. 9. Папка 68. Д. 1049. Л. 1.

² Там же. Л. 2.

³ Там же. Л. 5–6.

между СССР и США того периода, американская сторона дезавуировала.

Идеологические установки «холодной войны» начинали превращаться в реальную политику.

План Маршалла и СССР. 5 июня 1947 г. государственный секретарь США Дж. Маршалл, выступая в Гарвардском университете, провозгласил программу помощи европейским странам, пострадавшим от германской агрессии.

При разработке программы (названной «планом Маршалла») предполагалось использовать механизм совещания министров иностранных дел Великобритании, Франции и СССР. Советский министр иностранных дел был приглашен на встречу в Париж, где предполагалось выработать основные контуры этого плана.

Американский план оказался, несомненно, привлекательным для европейских стран, переживших войну. Он создавал предпосылки экономического объединения Германии, разделенной после войны на четыре зоны оккупации. Главном начальствующему Советской военной администрации в Германии маршалу В.Д. Соколовскому было направлено письмо немецкой экономической комиссии, в котором сообщалось, что «отдельные немецкие земли или зоны не могут одни выбраться из хаоса послевоенного времени. Только тесное сотрудничество всех земель путем восстановления экономического и политического единства Германии может привести к выходу... Немецкий народ теперь ждет, что министры иностранных дел союзных держав договорятся на Парижской конференции о немедленном восстановлении единства Германии»¹.

С просьбами об оказании помощи в Париж обратились Польша, Венгрия, Югославия, Чехословакия – страны, оказавшиеся после войны в советской сфере влияния².

Экономическая экспертиза «плана Маршалла» для высшего советского руководства была проведена академиком Е.С. Варгой, который увидел в нем не столько экономическую, сколько политическую составляющую. По мнению академика, американцы стремились выбросить на европейский рынок свои товары, получая от своих ненадежных в экономическом отношении клиентов прежде всего политическую оплату.

¹ АВП РФ. Фонд секретариата Молотова. Оп. 9. Папка 68. Д. 1049. Л. 17–33.

² Там же. Инд. 912. Папка 19. Д. 192. Подробнее об отношении советского руководства к «плану Маршалла» см.: *Наринский М.М.* СССР и «план Маршалла»: По материалам Архива Президента РФ // Новая и новейшая история. 1993. № 2. С. 11–19.

Итогами «плана Маршалла», как считал Е.С. Варга, должны были стать:

- объединение Германии на буржуазных основах;
- возможность для США поставить вопрос об отмене «железного занавеса, получить права для свободного передвижения товаров, экономической и политической информации (заметим, что эти обстоятельства оценивались Варгой как враждебные для СССР);
- создание единого фронта буржуазных государств Европы против СССР¹.

Кремль был возмущен тем, что СССР оказался исключенным из числа государств, которым в соответствии с «планом Маршалла» предлагалась помощь. Причина тому была формальной. Советский Союз заявил о положительном балансе своего бюджета, и потому, по мнению американцев, в помощи не нуждался. Поскольку официальной целью «плана Маршалла» провозглашалась задача оказания помощи странам, наиболее пострадавшим от фашистской агрессии, оговорка в адрес СССР выглядела едва ли не циничной.

Под давлением Москвы политическое руководство ряда стран Европы – Румынии, Венгрии, Албании, Болгарии, Югославии, Польши, Финляндии, а позднее и Чехословакии – отказалось от участия в «плане Маршалла» и в работе общеевропейской конференции, открывавшейся в Париже 12 июля 1947 г.².

Накануне открытия парижской конференции, на встрече с чехословацкой правительственной делегацией Сталин заявил, что «под ширмой кредитной помощи Европе организуется нечто вроде западного блока против Советского Союза. Тогда мы решили твердо и сказали свое мнение всем, что мы против участия в этом совещании 12 июля 1947 г.»³.

«Мы были удивлены, – продолжал Сталин, – что Вы решили участвовать в этом совещании. Для нас этот вопрос – вопрос дружбы Советского Союза с Чехословацкой Республикой. Вы объективно помогаете, хотите Вы этого или нет, но помогаете изолировать Советский Союз. Вы смотрите, что получается. Все страны, которые имеют с нами дружественные отношения, не участвуют в этом совещании, а Чехословакия, которая тоже находится в дружественных отношениях с нами, участвует. Значит, решат они, не такая уж крепкая дружба у Че-

¹ АВП РФ. Фонд секретариата Молотова. Оп. 9. Инд. 213. Папка 18. Д. 191. Л. 4–18.

² Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Советский фактор в послевоенной Восточной Европе (1945–1948) // Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985). Новое прочтение. – М., 1995. С. 92–93.

³ Восточная Европа в документах российских архивов... Т. 1. С. 672–675.

хословацкой Республики с Советским Союзом, раз ее так легко удалось перетянуть на сторону изоляции Советского Союза, против Советского Союза. Это будет расценено как победа против Советского Союза. Мы и наш народ не поймем этого. Вам необходимо отменить свое решение, надо отказаться от участия в этом совещании, и чем скорее Вы это сделаете, тем будет лучше».

Чехословацкая сторона осторожно, но последовательно пыталась защищать свою позицию.

«Масарик¹ просит тов. Сталина учесть, что чехословацкому правительству было известно о зависимости чехословацкой промышленности от запада. Представители промышленности считали целесообразным участвовать в совещании с тем, чтобы не упустить случая получить кредит. Одновременно с этим приехала в Прагу польская делегация и заявила нам, что они решили участвовать в совещании в Париже. В результате решение чехословацкого правительства об участии в совещании в Париже 12 июля 1947 г. было вынесено единогласно всеми политическими партиями. Дальше Масарик просит учесть, что этим решением ни он, ни правительство Чехословацкой Республики ничего не хотели сделать плохого против Советского Союза. Масарик в заключение просит тов. Сталина и тов. Молотова облегчить им положение».

Однако Сталин и Молотов продолжали «давить» на своих партнеров, требуя от них отказаться участвовать в «плане Маршалла».

«В заключение беседы тов. Сталин напоминает Готвальду и всем членам чехословацкой делегации о том, что необходимо отказаться от участия в конференции в Париже сегодня, т. е. 10 июля 1947 года.

Масарик говорит, что они завтра обсудят этот вопрос и только к вечеру смогут послать свое мнение правительству.

Тов. Сталин говорит, что это нужно сделать немедленно.

Делегация благодарит тов. Сталина и тов. Молотова за прием и за необходимые советы и обещает сделать все так, как договорились».

В сентябре 1947 г. делегация СССР выступила на II сессии Генеральной Ассамблеи ООН с заявлением, в котором, в частности, говорилось: «Становится все более очевидным для всех, что проведение в жизнь “плана Маршалла” будет означать подчинение европейских стран экономическому и политическому контролю со стороны США и прямое вмешательство последних во внутренние дела этих стран. Вместе

¹ Я. Масарик (1886–1948) – чехословацкий государственный деятель и дипломат. С апреля 1945 г. – министр иностранных дел в правительстве Национального фронта чехов и словаков, созданном на освобожденной территории Чехословакии. В 1946-м и 1947 г. посетил СССР в составе правительственных делегаций. В феврале 1948 г. занял пост министра иностранных дел в правительстве возрожденного Национального фронта. – *Прим. авт.*

с тем этот план является попыткой расколоть Европу на два лагеря и завершить с помощью Великобритании и Франции образование блока ряда европейских стран, враждебного интересам демократических стран Восточной Европы и в первую очередь Советского Союза»¹.

Отказ от «национальных путей» к социализму. Советским ответом на «план Маршалла» стало восстановление единого органа руководства коммунистическими партиями во всем мире и укрепление контроля над странами Восточной и Центральной Европы. В сентябре 1947 г. было сформировано Информационное бюро коммунистических партий (Коминформ). Появление Коминформа стало свидетельством отказа от концепции «национального пути к социализму»², той политической доктрины, которой в первые послевоенные годы придерживались в Кремле.

Именно с 1947 г. в странах Восточной Европы начался поворот к курсу на последовательное копирование советской системы.

Поводом, которым воспользовались в Москве для возрождения международной коммунистической организации, стало письмо рядового чешского коммуниста З. Рейхля И.В. Сталину³. Рейхль призывал к обновлению Интернационала, к тому, чтобы «будущий Интернационал был установлен как международное политическое лицо», а возможно... и был бы признан в качестве юридического лица, располагающего (подобно Ватикану) собственной территорией». Письмо Рейхля в новых условиях, условиях отказа от «национального пути» к социализму, становилось своего рода символом «голоса масс», призывавших к единообразию и к политическому единству (воспользуемся словами Рейхля), «подобно Ватикану»⁴.

Другое обстоятельство, вызвавшее серьезное беспокойство в Москве и, как казалось, требовавшее усиления единообразия в международном коммунистическом движении, стало поражение на выборах Французской компартии. Секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Жданов писал руководителю французских коммунистов М. Торезу, что «ЦК ВКП(б) озабочен последними политическими событиями во Франции, в результате которых французские коммунисты оказались за бортом правительства. Рабочие Советского Союза обращаются к нам с многочисленными просьбами разъяснить, что случилось во Франции. <...>

¹ История внешней политики СССР. 1917–1975. 2-е изд., переработанное и дополненное. – М., 1976. Т. 2. С. 141.

² Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Начало создания соцлагеря // СССР и холодная война. – М., 1995. С. 80.

³ См.: Восточная Европа в документах российских архивов... Т. 1. С. 527.

⁴ Там же. С. 572–573.

Мы затрудняемся дать им ясный ответ ввиду недостатка информации [*зачеркнуто*: мы не знаем, как им отвечать, так как для нас самих непонятно, что произошло во Франции]. Сообщения, которые проникают во французскую печать, противоречивы и недостаточны [*зачеркнуто*: и не вносят поэтому никакой ясности].

Многие думают, что французские коммунисты согласовали свои действия с ЦК ВКП(б). Вы сами знаете, что это неверно, что для ЦК ВКП(б) предпринятые Вами шаги являются полной неожиданностью. Из всего этого Вам, конечно, будет ясно, насколько мы нуждаемся в Вашей информации, которая дала бы нам возможность уяснить новую обстановку, создавшуюся во Франции. Если Вы согласны, то [*зачеркнуто*: Вы считаете, что это важно] мы просили бы Вас [*зачеркнуто*: насколько возможно быстрее] нас проинформировать. С коммунистическим [*зачеркнуто*: братским] приветом и по поручению ЦК ВКП(б)»¹.

Усиление «холодной войны» оказывало влияние на политику СССР по отношению к его сателлитам. Нарастало требование «идеологической дисциплины», единообразия по советскому образцу. В сентябре 1947 г. на совещании представителей ряда компартий в Польше секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Жданов заявил, что в итоге Второй мировой войны создалась новая расстановка политических сил, образовались два лагеря – империалистический и антидемократический во главе с США, с одной стороны, и антиимпериалистический и демократический во главе с СССР, с другой. Основная цель реакционного лагеря – «укрепление империализма, подготовка новой империалистической войны, борьба с социализмом и демократией и повсеместная поддержка реакционных и антидемократических профашистских режимов и движений». Цель демократического лагеря – борьба против угрозы новых войн и империалистической экспансии, укрепление демократии и искоренение остатков фашизма»².

В странах Восточной Европы начались «разоблачения антиреспубликанских и антидемократических заговоров».

Лидер венгерских коммунистов М. Ракоши, казалось, был помешан на поиске врагов и в своем усердии не ограничивался границами собственного государства, претендуя на комиссарско-прокурорскую роль в других странах «социалистического лагеря». На встрече с Молотовым в апреле 1947 г. М. Ракоши сетовал на частичную неудачу борьбы с «врагами народа» в Венгрии: «Жалко, что у заговорщиков не

¹ Восточная Европа в документах российских архивов... Т. 1. С. 632–633. С копией письма были ознакомлены руководители компартий других стран.

² Жданов А. О международном положении // Информационное совещание представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 года. – М., 1948. С. 22–23.

оказалось складов с оружием, тогда мы могли бы крепче их разоблачить. <...> Мы хотим разгромить реакцию и снова поднять вопрос о заговоре. Сейчас нам известно более 1500 фашистов нееврейского происхождения. Это – расисты, профессора, представители интеллигенции. Мы должны их удалить».

Столь оголтелая позиция вызвала у Молотова сомнения: «Значит, большая часть венгерской интеллигенции замешана в заговоре? Если вы пойдете против всей венгерской интеллигенции, вам будет трудно»¹.

Лихорадка «разоблачений» охватила Румынию, Болгарию, Албанию, Чехословакию.

Таким образом, главным итогом второго этапа развития послевоенного мира стал переход недавних союзников от сотрудничества к соперничеству. Ответственность за это в равной степени несут обе стороны. «План Маршалла» внес в военно-политический раздел Европы «экономическую составляющую». Осложнение международной обстановки сказалось на отношениях СССР со странами Восточной Европы: концепция «национального пути» к социализму подверглась пересмотру, начались попытки насаждения единообразия по советскому образцу.

Начало «холодной войны» и балансирование на грани новой войны. Первый Берлинский кризис – главные составляющие третьего этапа послевоенного мироустройства.

В 1948 г. произошел первый крупный конфликт эпохи «холодной войны». Мир оказался на грани нового военного столкновения.

Берлинский кризис был закономерен и неизбежен. Особый статус, присвоенный Берлину при разделе сфер влияния в Европе, сделал столицу довоенной Германии ареной соперничества. Конфликты в городе, где были сосредоточены значительные вооруженные формирования соперничавших между собой государств, могли легко превратиться в полномасштабную войну в центре Европы. Участники противостояния прекрасно понимали опасность перерастания демонстрации силы в ее применение.

В конце 1947 г. на встрече-совещании министров иностранных дел в Лондоне западные державы предложили проект так называемых «Дополнительных принципов», предусматривавших создание в западных зонах оккупации Германии единого государства. Выявившиеся на лондонской встрече противоречия оказались столь глубоки, что с этого времени периодические совещания министров иностранных дел союзных стран прекратились².

¹ Восточная Европа в документах российских архивов... Т. 1. С. 619, 621.

² См.: История внешней политики СССР... С. 79–81.

1 марта 1948 г. Советская администрация восточной части Германии ввела ограничения на связь, транспорт и торговлю между Берлином и западными зонами оккупации и между восточным и западными секторами города.

Одновременно возник военно-политический союз западноевропейских стран – Великобритании, Франции, Бельгии, Голландии и Люксембурга. Планы по его созданию были публично поддержаны президентом США Г. Трумэном. В июне 1948 г. после принятия американским сенатом так называемой «резолюции Ванденберга» открылась возможность прямого участия США в новом военно-политическом союзе, границы которого совпали с границами «плана Маршалла».

Продолжением подобной политики стало введение в западных зонах Германии новых денежных знаков и их распространение в западных секторах Берлина. Это привело к усилению блокады Западного Берлина. США совместно с Великобританией и Францией организовали перевозки по «воздушному мосту» в Западный Берлин всего необходимого – продуктов питания, горючего, других товаров.

Противостояние двух формировавшихся центров европейской и мировой политики становилось открытым и опасным. Это, в свою очередь, активизировало дипломатическую деятельность между Москвой и Вашингтоном.

Стороны интенсивно обменивались нотами. Недавние союзники обвиняли СССР в объявлении блокады, ставшей «прямым вызовом правам других оккупирующих держав в Берлине». Советское политическое руководство утверждало, что именно союзники нарушили прежние договоренности о Берлине, что сепаратная денежная реформа в западных секторах вызовет приток аннулированных старых марок в Берлин и восточные области Германии и ухудшит там экономическое положение¹.

31 июля 1948 г. в Москве прошли переговоры представителей США, Англии и Франции с министром иностранных дел СССР Молотовым, 2 августа – со Сталиным.

Сталин внес ряд предложений, в том числе:

- отменить транспортные ограничения между Берлином и западными зонами;

- ввести в качестве единственной денежной единицы в Берлине немецкую марку, ходившую в советской зоне оккупации².

Была достигнута предварительная договоренность о готовности западных оккупирующих держав изъять из обращения в Берлине за-

¹ АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 32. Портфель 3. Д. 204. Л. 13–19.

² См.: там же. Л. 27.

падную марку и согласиться с использованием марки советской зоны оккупации при условии установления контроля четырех держав над ее выпуском, обращением и использованием в Берлине.

23 августа 1948 г. после длительных переговоров Сталин согласился с этим условием и сам предложил создать Финансовую комиссию четырех держав, которая должна была контролировать реализацию финансовых соглашений в связи с введением и дальнейшей циркуляцией единой валюты в Берлине под контролем Немецкого эмиссионного банка советской зоны¹.

Однако московские договоренности так и не были воплощены в жизнь.

Полным ходом шла подготовка к созданию двух германских государств. Берлин оставался спорной территорией. Блокада продолжалась, и только год спустя, в мае 1949 г., на переговорах четырех держав в Нью-Йорке, удалось договориться о снятии с 15 мая 1949 г. взаимной блокады между восточной и западной зонами оккупации Германии и Западным и Восточным Берлином.

В сентябре 1949 г. была образована Федеративная Республика Германия, куда вошли три западные зоны оккупации; в октябре – Германская Демократическая Республика, созданная на основе германских земель, входивших в советскую зону оккупации.

Складывались военно-политические блоки. В апреле 1949 г. был образован Североатлантический союз (НАТО), куда вошли США, Великобритания, Франция, Италия, Канада, Бельгия, Голландия, Португалия, Дания, Норвегия, Исландия, Люксембург. Позже к НАТО присоединились Турция, Греция (1952 г.) и ФРГ (1955 г.)². Одновременно шло формирование международного военного союза во главе с СССР.

За социалистическое единообразие. Реализацией курса на единообразие политического развития стран Восточной Европы стали резкие нападки на те коммунистические партии, которые пытались сохранять особенности своего пути. Весной 1948 г. ЦК ВКП(б) подготовил блок материалов с обоснованием необходимости кардинальных перемен в руководстве ряда компартий. Это были секретные служебные записки с критикой внутрипартийной и внутривластной ситуации в четырех странах – Югославии, Венгрии, Польше и Чехословакии³.

¹ АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 32. Портфель 4. Д. 204. Л. 51.

² См.: История внешней политики СССР... С. 145.

³ См.: Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Начало создания соцлагеря. С. 89–97.

Под тяжелую руку Кремля попали коммунистические лидеры Югославии. 18 марта 1948 г. Отделом внешней политики ЦК ВКП(б) была подготовлена справка «Об антимарксистских установках руководителей компартии Югославии в вопросах внешней и внутренней политики»¹. ЦК ВКП(б) обвинил югославское руководство в том, что оно не руководствуется «передовой научной теорией марксизма-ленинизма».

Тито, по словам авторов справки, «полностью замалчивает великие достижения всепобеждающего учения Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Во всех его выступлениях нет ни одного слова о товарище Сталине как величайшем теоретике нашего времени – гениальном продолжателе дела Маркса, Энгельса, Ленина. Тито ни слова не говорит о великой авангардной роли коммунистических партий и, прежде всего, о роли Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)». Тито обвиняли в том, что, по его мнению, «путь к достижению создания лучшего и более справедливого общественного строя не должен и не может быть во всех странах точно таким, каким он был обозначен в Великой октябрьской революции. Эти пути могут иметь много общих точек соприкосновения и имеют их, но специфические условия и характер внутреннего развития в каждой стране определяют и своеобразные пути к достижению и установлению лучшей общественной системы, а в таком конкретном случае, как у нас – к достижению подлинно народной демократии»².

Двумя годами раньше то же самое говорил Сталин. Но время прошло, цели политики изменились. Нужны были виновные.

Их искали (и находили) повсюду. Руководство Венгерской коммунистической партии обвинялось в «националистических ошибках» и «буржуазном влиянии в венгерской коммунистической печати»³. Обвинение в «антимарксистских идеологических установках» предъявлялось руководству Польской рабочей партии⁴. Резкой критике подверглась компартия Чехословакии⁵.

С конца 40-х годов «советизация» восточноевропейских стран стала очевидной. Начались репрессии. В Албании процесс над министром промышленности Нако Спиру, обвиненным «в антинародной и враждебной деятельности», окончился самоубийством министра⁶. Репрессиям были подвергнуты бывший начальник Генштаба албанской

¹ Восточная Европа в документах российских архивов... Т. 1. С. 787–800.

² Там же. С. 790.

³ Там же. С. 802–806.

⁴ См.: там же. С. 814–830.

⁵ См.: там же. С. 831–858.

⁶ Советский фактор в Восточной Европе... Т. 1. С. 512.

армии Мехмет Шеху и руководитель организации народной молодежи Лири Белишова.

В Польше объектом критики стал генеральный секретарь ЦК ППР Владислав Гомулка. Он был вынужден уйти в отставку, позже его арестовали.

В Чехословакии шла чистка специалистов в канцелярии президента Республики.

Противостоявший НАТО Варшавский Договор, объединивший СССР, Польшу, Румынию, Венгрию, Чехословакию, Албанию, ГДР, Болгарию, формально возник в мае 1955 г. Однако фактически военный блок во главе с СССР сложился много раньше. По словам М. Ракоши, «к концу 1950 года уже во весь свой рост обрисовались грозные контуры НАТО. Было очевидно, что мир социализма, против которого был направлен этот союз, не мог сидеть сложа руки, слыша все более громкое бряцание мечами».

Вспоминая о совещании 8 января 1951 г. в Кремле, Ракоши рассказывал: «С советской стороны присутствовали: Сталин, несколько членов Политбюро и, кроме того, если не ошибаюсь, маршал Василевский и генерал Штеменко, который был тогда начальником Генерального штаба Советской Армии». На встрече были генеральные секретари компартий стран советского блока и министры обороны. Штеменко доложил, что «к концу 1953 года НАТО полностью завершит подготовку, а для того, чтобы это уравновесить, необходимо должным образом развернуть и армии социалистических стран».

Маршал Рокоссовский, в то время министр обороны Польши, заявил, что «армию, создание которой предлагает Штеменко для Польши, они планировали иметь к концу 1956 года». Сталин оборвал строптивного маршала: «Если Рокоссовский может гарантировать, что до 1956 года не будет войны, то можно соблюдать первоначальный план развития, но если нет, то будет правильнее принять предложение Штеменко»¹.

Недолгий период мира сменился затяжной «холодной войной», грозившей превратиться в новый полномасштабный мировой конфликт.

Корейская война стала первым открытым военным столкновением эпохи «холодной войны». Советская позиция по отношению к Корейской войне обстоятельно исследована А.В. Торкуновым². Поэтому мы остановимся лишь на ключевых, поворотных этапах отношения к этому конфликту И.В. Сталина.

¹ «Людам свойственно ошибаться». Из воспоминаний М. Ракоши // Исторический архив. 1997. № 5–6. С. 7.

² См.: Торкунов А.В. Загадочная война: корейский конфликт 1950–1953 годов. – М., 2000.

После Второй мировой войны Корея оказалась в зоне интересов СССР и США. Дальний Восток не вошел в сферу тегеранско-ялтинских договоренностей, так как в то время Советский Союз не был участником войны с Японией, оккупировавшей Корею. В 1945 г. после вступления СССР в войну на Дальнем Востоке и разгрома Японии Корея оказалась разделенной на две зоны ответственности: советских войск – к северу от 38-й параллели и войск США – к югу от нее.

В декабре 1948 г. советские части были полностью эвакуированы из Северной Кореи. Летом 1949 г. из Южной Кореи были выведены американские войска. Военное командование и той, и другой армии оставили на оккупированных территориях военных советников и значительное количество боевой техники.

Ситуация в Корее напоминала германскую. Отличие состояло в том, что Корея находилась на периферии мировой политики. Советский Союз в первые послевоенные годы не уделял этой стране сколько-нибудь серьезного внимания. Только во второй половине 1947 г. для оказания помощи в восстановлении и развитии промышленности и железнодорожного транспорта в Корею были направлены первые советские специалисты. Сталин так реагировал на просьбу прислать советников: «Дать 5–8 советских специалистов, которые способны заставить корейцев потрудиться. Нам не стоит глубоко влезать в корейские дела»¹.

Попытки великих держав выработать единую политику по отношению к Корее провалились. Страна превращалась в новый очаг напряженности. В 1948 г. было образовано правительство Южной Кореи во главе с американским ставленником Ли Сын Маном; на севере – просоветское правительство во главе с Ким Ир Сеном. Оба правительства получали значительную военную помощь: Сеул – от Соединенных Штатов, Пхеньян – от Советского Союза. На основании заключенного в августе 1948 г. договора между США и Южной Кореей в эту страну поступили значительные военные поставки.

Плакаты Б. Ефимова. 1949

¹ См.: Торкунов А.В. Загадочная война... С. 7–10.

Аналогичные процессы шли и в Северной Корее. 5 и 14 марта 1949 г. состоялись встречи советского руководства во главе со Сталиным и руководства Северной Кореей во главе с Ким Ир Сеном¹. Ким Ир Сен просил у СССР оказать его стране военную помощь. По словам Ким Ир Сена, на территории Южной Кореи находилось 15–20 тысяч американских военнослужащих и около 60 тысяч южнокорейских солдат и офицеров. На вопрос Сталина: «Какая армия сильнее – северная или южная?» собеседники Сталина заявили, что их армия сильнее. Сталин посоветовал Ким Ир Сэну усилить военную авиацию, однако выразил явное нежелание ввязываться в корейский конфликт.

Сталин не рекомендовал своим собеседникам первыми нападать на Южную Корею, а нападение южнокорейских войск предлагал использовать как повод для ответного вторжения на юг страны².

С начала 1949 г. северокорейское руководство настойчиво добивалось заключения с Советским Союзом договора о дружбе и взаимопомощи или секретных договоренностей с Москвой об оказании помощи Северной Корее в случае военного конфликта с южнокорейским правительством и в процессе объединения Кореи под эгидой Пхеньяна. Примером служил континентальный Китай, где советская помощь стала важным фактором победы китайских коммунистов. Однако советский посол генерал-полковник Т.Ф. Штыков заявил Ким Ир Сэну о нецелесообразности подобных планов. Та же тема поднималась на переговорах Ким Ир Сена со Сталиным 5 марта 1949 г.

Северокорейское руководство систематически снабжало Москву информацией о военных приготовлениях и о попытках вторжения южнокорейских войск через 38 параллель, разделившую страну. В июне 1949 г. советское посольство сообщило в Москву, что Северная Корея абсолютно не готова к отражению агрессии³.

Позиция посольства СССР в Северной Корее была весьма осторожной, тем не менее 30 октября 1949 г. Сталин обрушился с критикой на советского посла в Пхеньяне. В шифровке из Центра говорилось: «Вам было запрещено без разрешения центра рекомендовать правительству Северной Кореи проводить активные действия против южных корейцев и было указано на необходимость своевременного предоставления докладов в центр по всем намечаемым действиям и возникающим событиям на 38 параллели. Эти указания Вами не вы-

¹ См.: Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина // Исторический архив. 1996. № 5–6. С. 49–50.

² См.: *Волгогонов Д.А.* Семь вождей. – М., 1995. Т. 1. С. 286.

³ См.: *Торкунов А.В.* Указ. соч. С. 19–23.

полняются. <...> Указываем Вам на неправильность Ваших действий и на невыполнение директив инстанции, обязываем дать объяснение и требуем строгого выполнения данных Вам директив»¹.

Пытаясь оправдаться, посол в своих сообщениях в Москву, писал: «Я вновь отвечал собеседникам в свете того, что товарищ Сталин говорил на встречах с Ким Ир Сеном в марте 1949 года. ...Я выразил сомнения, что планы Севера могут быть реализованы, ... указал, что оценка ситуации, сделанная Ким Ир Сеном и Пак Хен Еном, была чересчур оптимистичной и идеалистической. Ким Ир Сен не ожидал такой реакции. Он выглядел обиженным...»².

Генерал-полковник Штыков сообщал в Москву о нежелательности наступления северокорейских войск на юг, так как это немедленно привело бы к конфликту с США, причем не только увеличились бы поставки оружия и боеприпасов, но не исключалось и прямое участие американских войск на стороне правительства Южной Кореи³.

Руководство Северной Кореи продолжало настаивать на наступлении. 17 января 1950 г. Ким Ир Сен заявил советскому послу, что «теперь, когда освобождение Китая завершается, на очереди стоит вопрос освобождения Кореи». По словам северокорейского лидера, «партизаны не решат дела...».

Ким Ир Сен сетовал на то, что правительство Южной Кореи не нападает на север страны, а поэтому ему, Ким Ир Сenu, нужно побывать у Сталина и получить разрешение для начала боевых действий на юге. «Ким Ир Сен говорит о том, что сам он начать наступление не может потому, что он коммунист, человек дисциплинированный и указания товарища Сталина для него являются законом», – сообщал Штыков⁴. 10 апреля 1950 г. встреча Сталина и Ким Ир Сена состоялась⁵. Было решено привлечь к участию в конфликте Китай.

Сталин выполнил обещание, послав 14 мая 1950 г. Мао Цзедуну следующую депешу:

«... Тов. Мао-Дзе-Дун!

В беседе с корейскими товарищами Филиппов [псевдоним Сталина] и его друзья высказали мнение, что в силу изменившейся международной обстановки они согласны с предложением корейцев приступить к объединению. При этом было оговорено, что вопрос должен быть решен окончательно китайскими и корейскими товарищами со-

¹ Торкунов А.В. Указ. соч. С. 24.

² Там же. С. 31.

³ См.: там же. С. 32.

⁴ См.: Волгогонов Д.А. Семь вождей. Т. 1. С. 286–287.

⁵ См.: Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина // Исторический архив. 1997. № 1. С. 11.

вместно, а в случае несогласия китайских товарищей решение вопроса должно быть отложено до нового обсуждения. Подробности беседы могут рассказать Вам корейские товарищи»¹.

25 июня 1950 г. войска Северной Кореи вторглись на юг. Конфликт стремительно интернационализировался. На стороне Южной Кореи выступила Организация Объединенных Наций. В тот же день Совет Безопасности ООН осудил «вооруженное нападение на Корейскую Республику войск из Северной Кореи», потребовал от Северной Кореи отвести войска к 38 параллели и призвал членов ООН оказывать «всю возможную помощь в выполнении настоящей резолюции и воздержаться от оказания помощи властям Северной Кореи». - -

Американские войска вступили в конфликт под флагом ООН; в свою очередь, на стороне Северной Кореи выступили войска коммунистического Китая и советские военные, прежде всего летчики и войска противовоздушной обороны.

В небе над Кореей завязались жестокие бои между американскими и советскими летчиками. Советским пилотам было категорически запрещено пересекать 38 параллель и углубляться в воздушное пространство Южной Кореи. Это избавляло их от атак наземных средств ПВО южнокорейских войск. Американские летчики и их союзники, воевавшие над территорией Северной Кореи, несли значительные потери.

Начальник Генерального штаба СССР С.М. Штеменко, отвечая на запрос Сталина, докладывал, что за время боевых действий с 1 ноября 1950 г. до 6 декабря 1951 г. (дня запроса Сталина) советская авиация потеряла 63 самолета МиГ-15 и МиГ-15-бис и 30 летчиков, в советских зенитных частях было убито 29 и ранено 53 человека. В то же время были сбиты 569 самолетов противника, в том числе 510 самолетов – средствами советской истребительной авиации. 59 самолетов были уничтожены огнем советской зенитной артиллерии.

Однако наземные боевые действия складывались для Северной Кореи неудачно. Наступление на юг провалилось. 16 сентября 1950 г. американские войска высадились на юге Кореи в районе Чемульпо. В ходе боев северокорейские войска понесли большие потери, оказались отрезанными от баз снабжения горючим и боеприпасами.

26 сентября 1950 г. Ким Ир Сен дал распоряжение «немедленно принять меры к выводу из Южной Кореи людских резервов с тем, чтобы их использовать для формирования в Северной Корее, а также не дать воспользоваться ими южанам».

¹ Торкунов А.В. Указ. соч. С. 66.

Война перешла в затяжную, тяжелую и кровопролитную фазу, что резко уменьшило революционный энтузиазм северокорейских и китайских лидеров. Китайское правительство стремилось завершить конфликт. Однако в этом этапе войны, как установил А.В. Торкунов, сторонником ее затягивания стал Сталин. 28 августа 1951 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение сообщить Мао Цзедуну: «Мы исходим при этом из того, что американцы больше нуждаются в продолжении переговоров. Мы не видим пользы в приглашении по Вашей инициативе представителей нейтральных государств участвовать в переговорах в качестве контролеров и свидетелей в период теперешних переговоров»¹.

Осенью 1951 г. уже китайской и корейской сторонам (последней – главным образом через посла СССР в Пхеньяне) пришлось уговаривать Сталина закончить войну.

19 ноября 1951 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло очередную серию решений по Корее, главная мысль которых – с окончанием войны спешить не стоит, так как это, скорее, в интересах противника.

От китайцев потребовали, «чтобы китайско-корейская сторона и дальше, осуществляя гибкую тактику в переговорах, проводила твердую линию, не проявляя торопливости и не обнаруживая заинтересованности в скорейшем окончании переговоров»².

2 ноября 1952 г. сталинское руководство еще раз продемонстрировало свое нежелание подписать перемирие. Было сделано специальное заявление ТАСС «Об опровержении сообщений о переговорах между СССР и США по корейскому вопросу».

Война завершилась уже после смерти Сталина. По предварительным оценкам, потери США и их союзников в Корее составили около 160 тыс. человек, южнокорейской армии – от 200 до 400 тыс. человек, китайцев и северокорейцев – от 2 до 4 млн человек, СССР – 299 человек³.

Корейская война стала своего рода моделью всех дальнейших военных конфликтов времен «холодной войны». Попытаюсь сформулировать характерные признаки этой модели:

– конфликты начинались, как правило, в результате настойчивых просьб «товарищей по классу»;

– советское вмешательство всегда подавалось как «интернациональная помощь», оно, как правило, не преследовало экономических целей;

¹ Торкунов А.В. Указ. соч. С. 244.

² Там же. С. 248–250.

³ См.: Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. – М., 1993. С. 395.

– любой конфликт в любой точке мира, в конце концов, становился советско-американским;

– начавшиеся конфликты трудно было погасить. Если уровень вовлечения советской и американской сторон был сколько-нибудь значителен, то сторона, имевшая преимущество, пыталась затягивать конфликт с тем, чтобы осложнить положение (политическое, экономическое, военно-стратегическое) своего противника;

– положение населения страны, где разворачивался конфликт, в расчет не шло;

– любой конфликт балансировал на грани мировой войны, но стороны тщательно контролировали ситуацию, чтобы не допустить его перехода в стадию глобального противостояния.

В сущности, в ходе этих конфликтов начал складываться специфический механизм взаимодействия между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки.

Очерк 3

Борьба под ковром

Наследники. «Либерал» Молотов. Опальные Маленков и Берия. Дела и смерть А.А. Жданова. Ленинградская «антипартийная» группа. Государственный антисемитизм. Разгром Министерства государственной безопасности. «Дело врачей» и МГБ. Последний сталинский съезд

Наследники. «Либерал» Молотов. Вскоре после окончания Второй мировой войны вопрос о преемственности власти приобрел неожиданную актуальность. У Сталина случился инсульт, в октябре 1945 г. он был вынужден уйти в отпуск на срок более двух месяцев¹.

«На хозяйстве» в Москве остался В.М. Молотов. Он входил в состав руководства партии большевиков в феврале и октябре 1917 г., с декабря 1930 г. по май 1941 г. был председателем Совнаркома СССР, с 1939 г. – наркомом (с 1946 г. – министром) иностранных дел, в годы войны – первый заместитель председателя Совета Народных Комиссаров.

Молотов был одним из немногих «публичных» деятелей власти, имел большой опыт участия в международных переговорах и конференциях, где представлял Советский Союз.

В первые послевоенные месяцы были сильны позиции Г.М. Маленкова, начальника Управления кадров ЦК ВКП(б), секретаря ЦК, заместителя председателя Совнаркома СССР. В годы войны Маленков был членом Государственного Комитета Обороны (ГКО), отвечал за развитие авиационной промышленности.

Важную роль в системе управления в то время играл Л.П. Берия – нарком внутренних дел, заместитель председателя СНК СССР, член (с 1944 г. – заместитель председателя) ГКО, руководитель Оперативного бюро СНК СССР, ведавшего текущими вопросами деятельности

¹ См.: Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы. СССР в первые послевоенные годы. – М., 2001. С. 197.

правительства, с августа 1945 г. – председатель Специального комитета при ГКО по созданию ядерного оружия.

Первым заместителем Председателя СНК СССР и заместителем Сталина по военным и военно-морским делам был Н.А. Вознесенский.

После войны СССР оказался включенным в мировой политический процесс в качестве одного из главных «действующих лиц», «делателей новостей». В свою очередь это порождало повышенное внимание западной прессы к деятельности властей в СССР, что вынуждало их в определенной мере пересмотреть информационную политику.

Советское руководство едва ли не впервые столкнулось с тем, что капиталистическая печать не только критиковала СССР, не только (а в первые месяцы после войны – не столько) выступала в роли врага (что было привычно и предсказуемо), но и пыталась отыскать в нашей стране, союзнике западных демократий, черты, сближавшие Советскую Россию с другими государствами. Подобные сравнения, зачастую вне желания авторов, воспринимались Сталиным как попытки размыть, подорвать основы советского строя. Примечательна в этом отношении реакция Сталина на публикацию в советских газетах в начале ноября 1945 г. выдержки из речи У. Черчилля. Черчилль высоко оценил вклад СССР в разгром общего врага и роль Сталина на посту Верховного Главнокомандующего в годы войны.

Сталин отреагировал неожиданно и резко. 10 ноября он направил «четверке» – Молотову, Маленкову, Берии, Микояну – телеграмму следующего содержания: «Считаю ошибкой опубликование речи Черчилля с восхвалениями России и Сталина. Восхваление это нужно Черчиллю, чтобы успокоить свою нечистую совесть и замаскировать свое враждебное отношение к СССР... Опубликованием таких речей мы помогаем этим господам. У нас имеется теперь немало ответственных работников, которые приходят в телячий восторг от похвал со стороны Черчиллей, Трумэнов, Бирнсов и, наоборот, впадают в уныние от неблагоприятных отзывов со стороны этих господ. Такие настроения я считаю опасными, так как они развивают у нас угодничество перед иностранными фигурами. С угодничеством перед иностранцами нужно вести жестокую борьбу... Советские лидеры не нуждаются в похвалах со стороны иностранных лидеров. Что касается меня лично, то такие похвалы только коробят меня»¹.

В телеграмме обращают на себя внимание следующие моменты: во-первых, осуждается сам факт публикации в советской печати выступления одного из крупнейших западных лидеров без согласования

¹ Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы... С. 198.

лично со Сталиным; во-вторых, отчетливо просматриваются недоверие и подозрения Сталина по отношению к Черчиллю лично, до известной степени оправдавшиеся впоследствии выступлением Черчилля в Фултоне; в-третьих, Сталин критикует неких неназванных «ответственных работников, которые приходят в телячий восторг» от похвал лидеров США и Англии; в-четвертых, он призывает «вести жестокую борьбу» с угодничеством перед иностранцами. Это не просто окрик «хозяина», как называло Сталина его окружение, это – программа на будущее.

Ответ Молотова был лаконичен и самокритичен. «Опубликование сокращенной речи Черчилля было разрешено мною. Считаю это ошибкой... Во всяком случае, ее нельзя было публиковать без твоего согласия»¹.

Второй и, по сути, роковой ошибкой Молотова стало данное им на приеме в Наркомате иностранных дел в честь годовщины Октябрьской революции разрешение снять цензурные ограничения на отправляемые западными журналистами из Москвы корреспонденции. Как полагают А.А. Данилов и А.В. Пыжиков, принять такое решение Молотов мог, лишь предварительно согласовав свою позицию с другими членами «четверки». Это решение вызвало большой и положительный отклик в западной прессе, отмечавшей, что «цензура в Советском Союзе ослаблена теперь до такой степени, что она является только формальностью, поскольку корреспонденты освещают события правильно и объективно. Политические обозреватели в Лондоне и Москве склонны связывать это событие с проявившимися в последнее время симптомами готовности Советского Союза поднять “железный занавес”, разделяющий Восток и Запад...»².

Еще одним следствием ослабления цензуры стало резкое увеличение числа публикаций из Москвы на актуальную тему – о будущей власти в СССР. Информационный повод был. Сталин болен. Его нет в Москве. Кто его сменит?

1 декабря 1945 г. «Дейли геральд» сообщила своим читателям, что «на сегодняшний день политическое руководство Советским Союзом находится в руках Молотова», Сталин скорее всего оставит пост главы советского правительства и назначит на него Молотова. В тот же день «Нью-Йорк Таймс» отмечала, что «Политбюро отправило Сталина в отпуск через 5 дней после возвращения Молотова из Лондона», и подчеркивала самостоятельный характер принимаемых без Сталина

¹ Данилов А.А., Пыжиков А.В. Указ. соч.

² Там же. С. 199.

решений высшего руководства СССР. «Чикаго трибюн» писала, что «в Москве происходит ожесточенная закулисная борьба за власть между маршалом Жуковым и министром иностранных дел Молотовым, которые пытаются занять диктаторское место Сталина»¹.

А.А. Данилов и А.В. Пыжиков, которые ввели эти факты в научный оборот, предполагают, что сведения о Сталине были «утечкой» по линии ведомства Берии². Позволю себе не согласиться с этим предположением. Во-первых, в том, что писали западные журналисты, не было никакой специфической информации. Темы публикаций вращались вокруг двух бесспорных и не слишком утаиваемых фактов – Сталина в Москве нет, но государством руководят и без него. Во-вторых, у западных корреспондентов были источники информации в московских кругах – Совинформбюро и подчиненный ему Еврейский антифашистский комитет (ЕАК). И первому, и второму в годы войны прямо вменялось в обязанность «продвигать» на Запад нужную для власти информацию об СССР³. Сразу же после окончания войны по инициативе Сталина началось ограничение деятельности ЕАК и Совинформбюро⁴. Покровителем ЕАК считался Молотов. Именно к нему обращались с просьбами и предложениями начальник Совинформбюро С.А. Лозовский и председатель ЕАК С.М. Михозлс. Можно утверждать, что Сталин имел личные мотивы для недовольства деятельностью ЕАК. Именно через людей, близких к ЕАК, уходили сведения, касавшиеся личной жизни Сталина и членов его семьи⁵.

5 декабря 1945 г. Сталин отправил «четверке» телеграмму следующего содержания: «Дня три тому назад я предупредил Молотова по телефону, что отдел печати НКВД допустил ошибку, пропустив корреспонденцию “Дейли геральд” из Москвы, где излагаются всякие небылицы и клеветнические измышления насчет нашего правительства, насчет взаимоотношений членов правительства и насчет Сталина...». В связи с новой публикацией, теперь в «Нью-Йорк Таймс», он потребовал наказать виновных – Молотова или отдел печати НКВД. В ответ «четверка» сообщила Сталину, что начальник отдела печати НКВД Горохов снят с работы.

¹ Появлялась и вовсе невероятная информация, вроде публикации швейцарской «Базлер нахрихтен», которая со ссылкой на турецкие дипломатические источники сообщила даже о смерти Сталина. – *Прим. авт.*

² Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы... С. 200–201.

³ См.: Еврейский антифашистский комитет в СССР. 1941–1948: Документированная история. – М., 1994. С. 13–15, 34.

⁴ См.: Костырченко Г.В. В плену у красного фараона: Преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие. – М., 1994. С. 59–60.

⁵ См.: там же. С. 84–90.

Сталин не только не был удовлетворен ответом, но в своей новой телеграмме от 6 декабря 1946 г., адресованной только Маленкову, Берии и Микояну (Молотова нет!) он писал: «Вашу шифровку получил. Считаю ее совершенно неудовлетворительной. Она является результатом наивности трех, с одной стороны, ловкости рук четвертого члена, то есть Молотова, с другой стороны... Присылая мне шифровку, вы рассчитывали должно быть замазать вопрос, дать по щекам стрелочнику Горохову и на этом кончить дело. Но Вы ошиблись так же, как в истории всегда ошибались люди, старавшиеся замазать вопрос и добивавшиеся обычно обратных результатов. До Вашей шифровки я думал, что можно ограничиться выговором в отношении Молотова. Теперь этого уже недостаточно. Я убедился в том, что Молотов не очень дорожит интересами государства и престижем нашего правительства, лишь бы добиться популярности среди некоторых иностранных кругов. Я не могу больше считать такого товарища своим первым заместителем. Эту шифровку я посылаю только Вам троим. Я ее не послал Молотову, так как я не верю в добросовестность некоторых близких ему людей. Я Вас прошу вызвать к себе Молотова, прочесть ему эту мою телеграмму полностью, но копии ему не передавать»¹.

В телеграмме Сталин назвал того, кого он считал одним из «ответственных работников, которые приходят в телячий восторг от похвал со стороны Черчиллей...». Это был Молотов. Молотову оставалось только каяться и обещать Сталину «делом заслужить ваше доверие, в котором каждый честный большевик видит не просто личное доверие, а доверие партии, которое мне дороже моей жизни». Оправдывались перед Сталиным и соратники Молотова. Они сообщали «хозяйину»: «Вызвали Молотова к себе, прочли ему телеграмму полностью. Молотов, после некоторого раздумья, сказал, что он допустил кучу ошибок, но считает несправедливым недоверие к нему, прослезился. Мы со своей стороны сказали Молотову об его ошибках... Может быть, нами не все... доделано, но не может быть и речи о замазывании вопроса с нашей стороны»².

Слова Маленкова, Берии и Микояна, адресованные Сталину: «Может быть, нами не все... доделано, но не может быть и речи о замазывании вопроса с нашей стороны», свидетельствуют, что и они перепугались. Это в свою очередь заставляет усомниться, что кампания по дискредитации Молотова была организована ими. Волею судьбы вся «четверка» находилась в одной лодке.

¹ Данилов А.А., Пыжиков А.В. Указ. соч. С. 202.

² Там же. С.203.

Ближайшим результатом этой истории стало восстановление цензуры в полном объеме и контроля над информацией, отправляемой западными корреспондентами из СССР.

Более значимым следствием стало фактическое понижение статуса Молотова в составе руководства. Впоследствии он уже никогда не расценивался как возможный преемник Сталина. Сталин до последних дней жизни не забыл и не простил Молотову его вольности. На этом я останавлиюсь ниже. Здесь же отмечу: пострадали в разной степени все члены «четверки».

Опальные Маленков и Берия. Ключевой фигурой для анализа сложных процессов, происходивших на вершине власти, стал Георгий Максимилианович Маленков.

До войны Маленков долгие годы был партийным канцеляристом, тихо и незаметно трудившимся в Орграспредотделе ЦК под руководством начальника этого отдела Н.И. Ежова. С 1934 г. по 1939 г. занимал один из ключевых постов в аппарате ЦК ВКП(б) – заведующего Отделом руководящих партийных органов. В 1937 г. проехал по многим областям и республикам СССР, провел там пленумы по разоблачению «врагов народа» – в Ростове, Саратове, Туле, Тамбове, Ереване, Казани. По итогам его инспекций было арестовано более 150 тысяч человек, по преимуществу представители местного партийно-хозяйственного актива¹. В 1939 г. Маленков стал секретарем ЦК и одновременно до 1946 г. – начальником Управления кадров ЦК ВКП(б)².

С этого времени началось сотрудничество Маленкова с Л.П. Берией, который 22 августа 1938 г. был назначен на должность первого заместителя наркома НКВД СССР, а 25 ноября того же года – на пост наркома НКВД, сменив Н.И. Ежова. Связь Берии и Маленкова сохра-

¹ РГАНИ. Ф.6. Д.13/78. Т. 36. Л. 2.

² Напомним, что именно с Маленковым был связан другой, без сомнения, очень важный эпизод – попытка управлять репрессиями, не только расширять их масштабы, но и при политической необходимости осудить непосредственных исполнителей репрессий, выводя из-под критики их подлинных организаторов. Именно он выступил на январском (1938 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) с докладом «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям из ВКП(б) и о мерах по устранении этих недостатков». В замаскированной форме осуждались репрессии против коммунистов, отсюда возникло нарицательное понятие «ежовщина» как произвол карательных органов, вышедших из-под контроля партии. Все это было ложью. Никогда карательные органы не выходили из-под партийного контроля, если под последним понимать аппарат ЦК ВКП(б), а Н.И. Ежов абсолютно не соответствовал роли политического деятеля, противостоящего партийному руководству. Но возможность направить недовольство репрессиями по «обводному каналу», найти «козлов отпущения» среди примерных исполнителей была тогда опробована впервые. – *Прим. авт.*

нялась: руководитель НКВД и начальник Управления кадров ЦК обязаны были постоянно взаимодействовать.

В годы войны Маленков по-прежнему контролировал партийный аппарат, кроме того, он отвечал за развитие авиационной промышленности, имел связи с руководителями этой отрасли и командованием ВВС. С начала разработки ракетного оружия Маленков стал куратором ракетной отрасли. Сотрудничество с Берией не прерывалось. 20 августа 1945 г. постановлением Государственного Комитета Обороны Л.П. Берия был назначен председателем Специального комитета, на который было возложено «руководство всеми работами по использованию внутриатомной энергии урана»¹. В состав Спецкомитета были включены: Г.М. Маленков, Н.А. Вознесенский, Б.Л. Ванников, А.П. Завенягин, И.В. Курчатov, П.Л. Капица, В.А. Махнев, М.Г. Первухин.

После войны, 18 марта 1946 г., на Пленуме ЦК ВКП(б) в составе высшего партийного руководства страны произошли изменения: был резко – с 9 до 15 человек – расширен состав оргбюро ЦК. Только три человека в партии – Сталин, Жданов и Маленков – вошли одновременно во все три существовавшие в ВКП(б) высшие органа – Политбюро, Секретариат и Оргбюро.

Вскоре Маленков начинает утрачивать свои позиции в руководстве. Уже через месяц, в апреле того же года, ему перестают посылать материалы для заседаний Совета Министров СССР. 4 мая 1946 г. по докладу Сталина Маленкова выводят из состава Политбюро, обвинив его в некачественной приемке авиационной техники в годы войны. В решении Политбюро было записано: «1. Установить, что т. Маленков как шеф над авиационной промышленностью и по приемке самолетов – над военно-воздушными силами морально отвечает за те безобразия, которые были вскрыты в работе этих ведомств (выпуск и приемка недоброкачественных самолетов), что он, зная об этих безобразиях, не сигнализировал о них в ЦК ВКП(б)»².

Спустя два дня, 6 мая, Маленкова вывели из числа секретарей ЦК. 13 мая постановлением Совета Министров СССР Маленков был назначен председателем Специального комитета по реактивной технике³, 10 июля – председателем комиссии по радиолокации, а 2 августа – заместителем председателя Совета Министров СССР, заместителем председателя Оперативного бюро Совета Министров (руководителем

¹ Известия ЦК КПСС. 1991. № 1. С. 145.

² Костырченко Г.В. Указ. соч. С. 70.

³ Маленков был председателем Комитета по реактивной технике ровно год – до мая 1947 г. См.: АП РФ. Ф. 3. Оп. 62. Д.128.

этого бюро был заместитель председателя Совмина СССР Л.П. Берия)¹.

Маленков утратил ключевой пост в партаппарате – его сняли с поста начальника Управления кадров ЦК. На это место пришел А.А. Кузнецов, бывший первый секретарь Ленинградского горкома партии, человек Жданова.

Есть косвенные свидетельства (порядок рассылки документов Совмина и ЦК), позволяющие утверждать, что с мая по октябрь 1946 г. Маленкова не было в Москве. Маленков возвратился в Москву только к началу октября 1946 г., тогда же, с 5 октября, начал работать его личный секретариат в Совете Министров.

То, что позиции Маленкова в ЦК и, что еще важнее, в глазах Сталина пошатнулись, было хорошо известно в МГБ. Следователи – Лихачев и Герасимов – «выбивали» из арестованных показания, направленные на компрометацию Маленкова, по их словам, «дело закрутилось и Г.М. Маленков погорел»².

Сразу же после войны пошатнулись позиции Берии. Нарком НКВД и заместитель председателя Совета Народных Комиссаров СССР стал в 1943 г. Героем Социалистического Труда «за особые заслуги в области усиления производства вооружения и боеприпасов»; он вместе с Маленковым отвечал за развитие авиационной и ракетной техники, а также курировал работы по созданию ядерного оружия. Но 29 декабря 1945 г. Берия был освобожден от обязанностей наркома внутренних дел со следующей примечательной формулировкой: «Президиум Верховного Совета СССР удовлетворил просьбу заместителя Председателя СНК СССР т. Л.П. Берия об освобождении его от обязанностей наркома внутренних дел СССР ввиду перегруженности его другой центральной работой». Формулировка напоминала документ, на основании которого был снят предшественник Берии, Ежов. Тогда за отставкой последовали арест и казнь недавнего наркома НКВД.

В мае 1946 г. был снят со своей должности нарком государственной безопасности СССР В.Н. Меркулов, не без основания считавшийся «человеком Берии». Наркомом (министром) МГБ был назначен начальник «Смерш» В.С. Абакумов. Наркомом (министром) внутренних дел стал С.Н. Круглов.

Маленков смог восстановить свои позиции в кремлевском руководстве только в 1948 г. По политической логике того времени, это не могло не отразиться на положении его соперника – А.А. Жданова.

¹ Благодарю заведующего архивом Кабинета Министров СССР В.Б. Давыдова за предоставленные сведения. – *Прим. авт.*

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 223. Л. 119–121.

Опала Маленкова и Берии не только совпала по времени с первым этапом преследования генералитета. Преследование военачальников и начало опалы Маленкова и Берии совпадают по сути. Оба были тесно связаны с генералитетом, с военными отраслями промышленности. Оба занимали ключевые посты в системе власти во время войны и не только как члены Государственного Комитета Обороны, но и по своему персональному административному статусу: Берия – как нарком НКВД, Маленков – как начальник Управления кадров ЦК ВКП(б).

Сталин был последователен. После войны «осадили» генералов, разогнали и частично отдали под суд руководство всех родов войск – сухопутных, военно-морских, военно-воздушных. Вождь не забыл и «штатских генералов», причастных к организации Победы. Следом за Молотовым очередь дошла до Маленкова и Берии.

Но им удалось восстановить свой статус. Об этом – ниже.

Дела и смерть А.А. Жданова. С падением Маленкова (как оказалось, временным) на первый план выдвинулся Андрей Александрович Жданов. Назначенный руководителем Ленинградской партийной организации после убийства С.М. Кирова, Жданов работал там до 1944 г., являясь одновременно членом Оргбюро и Секретарем ЦК ВКП(б) (с 1934 г.), кандидатом в члены Политбюро (с 1935 г.) и членом Политбюро (с 1939 г.). А.А. Жданова традиционно и, по нашему мнению, вполне убедительно связывают с группой лиц, занимавших ключевые посты в государственно-партийном руководстве страны с 1946 г. по 1949 г.

Прежде всего, это Н.А. Вознесенский, долгое время (с 1938-го по 1949 г.) работавший председателем Госплана СССР. Он был назначен первым заместителем председателя СНК, с 1946 г. – первым заместителем Председателя Совмина СССР, сочетая этот пост с постом председателя Госплана. Вознесенский был ученым, талантливым экономистом (чем отличался от большинства своих коллег в Совмине), имел степень доктора экономических наук, присвоенную ему в 1935 г.¹. В 1943 г. Вознесенский стал действительным членом АН СССР. Ему принадлежит первое крупное научное исследование экономики СССР в годы войны². В 1947 г. Н.А. Вознесенский становится членом Политбюро. 29 марта 1948 г. было принято необычайно важное постановление Совета Министров СССР, претендовавшее на политический

¹ До 1934 г. Вознесенский преподавал в вузах, в феврале 1934 г. был избран членом Комиссии Советского Контроля при СНК СССР.

² См.: *Вознесенский Н.А.* Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны. – М., 1947.

прогноз. Одним из его пунктов было: «Председательство на заседаниях Бюро Совета Министров СССР возложить поочередно на заместителей Председателя Совета Министров СССР тт. Маленкова и Вознесенского».

Напомним, что Председателем Совета Министров был И.В. Сталин. Таким образом, в СССР при стареющем вожде появились два «крон-принца».

Следом за Ждановым из Ленинграда в Москву был переведен А.А. Кузнецов, много лет работавший в парторганизациях Ленинграда. С 1937 г. он занимал должности второго секретаря обкома и горкома¹; в январе 1945 г. был назначен на пост первого секретаря Ленинградского обкома и горкома; вскоре, в марте 1946 г. на Пленуме ЦК ВКП(б), стал секретарем ЦК и членом Оргбюро. Кузнецов занял ключевой пост в аппарате ЦК, получив должность начальника Управления кадров ЦК ВКП(б). Он отвечал за партийный контроль административных органов, министерств внутренних дел и государственной безопасности, армии. Должность эта была влиятельной и опасной как для руководителей «курируемых» им учреждений, так и для него самого. Министерство государственной безопасности, возглавляемое В.С. Абакумовым, вело систематическую слежку за высшим руководством², периодически докладывало о своих наблюдениях Сталину, но эта информация в любой момент по воле Сталина могла быть не только обращена против жертвы, но и стать смертельно опасной для доносчика. Очевидно, что появление в аппарате ЦК Кузнецова с функциями контроля над репрессивными органами и юстицией меняло расстановку сил вокруг Сталина. Кузнецов становился ключевой фигурой для той группировки в ЦК, которая усилилась, а отчасти и пришла туда после войны.

Заметим, именно в период «кураторства» Кузнецовым административных органов шло избивание высшего командного состава Советской Армии, началось преследование Еврейского антифашистского комитета, было совершено убийство С.М. Михоэлса. Степень личного участия Кузнецова нуждается в уточнении, но без сомнения должность предопределяла его обязательное участие в подобных деяниях.

Центральной фигурой этой группы политической элиты являлся А.А. Жданов. Если деятельность Н.А. Вознесенского и А.А. Кузнецова

¹ См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 135.

² Из стенографического отчета Пленума ЦК КПСС (2–7 июля 1953 г.): «Хрущев. Если сейчас разобрать архив МВД, то я убежден, что там на значительное количество граждан имеются анкеты и на многих дела разрабатываются. (Смех.)». См.: Лаврентий Берия. 1953: Стенограмма июльского Пленума ЦК КПСС и другие документы. – М., 1999. С. 237.

была известна сравнительно узкому кругу партийно-государственного руководства, то Жданов был фигурой «публичной». Главный идеолог партии (после Сталина, разумеется), став «фактически вторым секретарем ЦК ВКП(б)», Жданов «полностью сосредоточился на работе в Центральном Комитете партии»¹. С его именем в значительной степени связаны изменения в политике партии по отношению к науке и культуре, к интеллигенции.

Напомним, что Сталин еще в ноябре 1945 г. призывал своих соратников отгородиться от Запада. Попытки учитывать мнение Запада Сталин оценивал однозначно — как опасные настроения, развивающие «угодничество перед иностранными фигурами», с которым «нужно вести жестокую борьбу...» В начавшейся «холодной войне» А.А. Жданов стал ее маршалом на идеологическом фронте.

Н.А. Вознесенский.

Было бы абсолютно недостаточно и, по сути, неверно утверждать, что западному влиянию требовалось противопоставить русскую идею. Не русский, а именно советский патриотизм должен был противостоять угрозе западного космополитизма. Русская культура в ее несанкционированных формах также была неприемлема. Примечательно, что в 1946 г. цензура запретила «Книгу для чтения по истории СССР» М.Н. Тихомирова, изданную еще в 1941 г. Тихомиров, историк древней Руси, великолепный знаток документов того времени, имел неосторожность сообщить читателям о Киево-Печерском патерике и «Вопрощании Кириковом», других исторических документах церковного происхождения. Этих в общем невинных сведений, оказалось достаточно, чтобы изъять книгу из библиотек. Отметим, что книгу изымали из библиотек практически одновременно с изданиями таких деятелей русской культуры, как А.А. Ахматова и М.М. Зощенко².

После войны из дореволюционного российского опыта выбиралась только линия развития преемственности в системе управления, идея

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 126.

² См.: История советской политической цензуры. С. 508–509.

преданности гражданина государству. Так, из прошлого были взяты «суды чести», утвержденные постановлением Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) «О судах чести в министерствах СССР и центральных ведомствах» от 28 марта 1947 г., подписанные предсовмина СССР И.В. Сталиным и секретарем ЦК ВКП(б) А.А. Ждановым¹. (О них мы уже упоминали в начале нашей книги.)

Согласно постановлению «суды чести» были призваны содействовать делу воспитания работников госорганов в духе советского патриотизма ... для борьбы с проступками, роняющими честь и достоинство советского работника. На «суды чести» возлагалось рассмотрение антипатриотичных, антигосударственных и антиобщественных проступков и действий, совершенных руководящими, оперативными и научными работниками министерств и центральных ведомств СССР.

«Суды чести» состояли из 5–7 человек, избираемых на год тайным голосованием. В состав суда входили работники министерств и ведомств. Рассмотрение дел в суде проводилось на открытых заседаниях. Решения принимались простым большинством голосов и обжалованию не подлежали.

В период с апреля по октябрь 1947 г. «суды чести» появились в 82 министерствах и ведомствах.

Решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 23 сентября 1947 г. «суд чести» был создан в аппарате ЦК, 5 апреля 1948 г. – в Совмине СССР².

На «суд чести» при Совмине СССР и ЦК ВКП(б) возлагалось рассмотрение «антигосударственных и антиобщественных проступков», совершенных министрами СССР и их заместителями, начальниками главных управлений СССР и их заместителями, секретарями ЦК союзных республик, председателями Совминов союзных республик и министрами союзных республик.

«Суд чести» был служебным судом для части формировавшейся элиты – чиновников, работавших в министерствах и центральных ведомствах СССР. «Судам чести», родом из дооктябрьской России, отныне отводилась роль, которую прежде в СССР играли партийные организации, – воспитание в духе советского патриотизма работников государственных органов.

Элите грозили возможностью обращения к террору 1937–1938 гг., напоминали: «товарищ Сталин говорил, что буржуазные государства... постоянно засылают друг другу массу шпионов. Поэтому нет оснований полагать, что к нам засылают шпионов меньше. Наоборот,

¹ См.: Источник. 1994. № 6. С. 68–69.

² См.: там же. С. 70, 80–81.

буржуазные государства к нам засылают шпионов в два-три раза больше, чем в любую буржуазную державу»¹.

Жданов объединил партийно-политические установки и пропаганду советского патриотизма, включив в понятие «патриотизм» верность коммунистической идеологии. Летом 1947 г. при личном участии Жданова было подготовлено и разослано в партийные организации «Закрытое письмо ЦК ВКП(б) “О деле профессоров Ключевой и Роскина”»². Преступления двух ученых-медиков состояло в том, что они предоставили рукописи своих статей по проблемам лечения рака для публикации в США. Эти действия оценивались в письме ЦК как «антипатриотический и антигосударственный поступок»³. Письмо содержало новые установки партийной пропаганды – необходимость усиления борьбы против «низкопоклонства и раболепия перед иностранщиной и современной реакционной культурой буржуазного Запада». В письме ЦК декларировалось, что «дурная опасная болезнь низкопоклонства перед границей может поражать наименее устойчивых представителей нашей интеллигенции, если этой болезни не будет положен предел». Были предусмотрены и меры борьбы с этим злом: прежде всего, ему не подвержены «рабочие, крестьяне и солдаты», которые «умеют постоять за интересы Советского государства и не позволят себе совершить поступки, умаляющие честь и достоинство нашей Родины»⁴.

Профессора Н.Г. Ключева и И.Г. Роскин были в числе первых осужденных «судом чести». «Судом чести» судили руководителей командования Военно-Морского Флота 12–15 января 1948 г. в клубе Главного морского штаба.

Партийное руководство не могло не встревожить, что среди оппозиционно настроенных деятелей литературы оказались писатели, принадлежавшие к различным группировкам, не только те, которые в свое время воспринимались как оппозиционно настроенные к режиму, но и те, кто создавал литературу «социалистического реализма» и считал себя убежденным коммунистом. Признать это – значило признать провал всей политики партии по отношению к творческой интеллигенции. Поэтому партийный идеолог, «второй секретарь» партии А.А. Жданов предпочел организовать репрессии против писателей,

¹ Кузнецов А.А. Доклад секретаря ЦК ВКП(б) А.А. Кузнецова на собрании работников аппарата ЦК ВКП(б) по вопросам Суда чести 29 сентября 1947 г. // Источник. 1994. № 6. С. 74.

² Кентавр. 1994. № 2. С. 65–66. А.А. Жданов также работал и над проектом закрытого письма по материалам «суда чести» над профессорами Н.Г. Ключевой и Г.Н. Роскиным. См. РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 153. Л. 1–7.

³ Аксенов Ю.С. Послевоенный сталинизм: удар по интеллигенции // Кентавр. 1991. Октябрь–декабрь. С. 82.

⁴ Там же. С. 82–83.

формально находившихся на окраине литературы «соцреализма» – против А.А. Ахматовой и М.М. Зощенко. Это позволяло, с одной стороны, продолжить традиционную для партийной критики тему – борьбу с формализмом, с классово чуждыми влияниями, с буржуазным индивидуализмом и, с другой стороны, указать писателям их место, пригрозить репрессиями, примерно наказав лишь двоих, избранных партией для этой цели.

Так появился собственноручно подготовленный Ждановым не позднее 14 августа 1946 г. проект постановления ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», содержавший, в частности, такие положения: «... Обязать редакцию журнала “Звезда” и правление Союза советских писателей принять меры к безусловному устранению указанных в настоящем постановлении ошибок и недостатков журнала, выправить линию журнала и обеспечить высокий идейный и художественный уровень журнала, прекратив доступ в журнал произведений Зощенко, Ахматовой и им подобных...»¹.

Партийный новояз, предложенный Ждановым, на десятилетия вперед определил политику партии по отношению к творческой интеллигенции. Партия не боролась с культурой, вовсе нет! Она боролась за высокий идейный и художественный ее уровень! Она не преследовала редакцию журнала, она *выправляла* его линию, она заботилась о качестве произведений, и поэтому *ограждала* журнал от Зощенко, Ахматовой и им подобных.

Нужно отдать Жданову должное – партия смогла и в послевоенное время, и позднее контролировать литературу и искусство, применяя тактику «кнута и пряника». Следом за постановлением ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» последовали подобные же постановления ЦК о кино, театральном творчестве, музыке.

Нельзя не признать, что команда Жданова – Вознесенского смогла добиться определенных положительных результатов в экономической области, прежде всего, отмены карточной системы, проведения денежной реформы, что вызвало некоторое оживление товарно-денежных отношений в стране.

Расстановка сил на вершине власти, в Кремле и на Старой площади, резко изменилась после неожиданной смерти А.А. Жданова.

В мире Сталина и Маленкова, Абакумова и Берии случайности трудно не воспринимать как проявление неких закономерностей. Случайной смерти давно и тяжело болевшего А.А. Жданова предшествовало его серьезнейшее поражение на идеологическом (своем!) фронте в столкновении с Т.Д. Лысенко. Шарлатанство творца «яровизации»

¹ РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 079. Л. 182–183.

секретом для ученых не было. Еще весной 1948 г. А.А. Жданов внес на заседание Оргбюро ЦК ВКП(б) вопрос об укреплении руководства ВАСХНИЛ, подверг критике деятельность президента Сельскохозяйственной академии Т.Д. Лысенко. Против Лысенко выступал сын А.А. Жданова – Юрий, тогда заведующий Отделом науки ЦК.

Однако Сталин поддержал Лысенко, и молодой Жданов 7 июля 1948 г. написал Сталину покаянное письмо, которое, вовсе не предназначенное для печати, было опубликовано в «Правде» 7 августа 1948 г. в последний день работы печально знаменитой сессии ВАСХНИЛ¹.

Для партийного деятеля времен СССР обвинения, прозвучавшие со страниц «Правды», были равносильны политической смерти.

Обстоятельства последних дней жизни А.А. Жданова остаются и сегодня не очень понятными. Позднее, в последние месяцы жизни Сталина, они широко использовались в так называемом «деле врачей», борьбе с «космополитами».

Документы, хранившиеся в архиве Политбюро ЦК КПСС, позволяют пересмотреть версию событий, которая была изложена газетами в начале 1953 г., а позднее послужила основой рассказа о враче Жданова, Л.Ф. Тимашук, в знаменитых воспоминаниях И. Эренбурга и в «секретном докладе» Н.С. Хрущева на XX съезде.

В конце августа 1948 г. Жданов отдыхал в специальном санатории для высших государственных и партийных руководителей на Валдае. 28 августа туда была вызвана заведующая кабинетом электрокардиографии Кремлевской больницы Л.Ф. Тимашук. В полдень Тимашук сняла кардиограмму и поставила диагноз, что у Жданова – «инфаркт миокарда в области передней стенки левого желудочка и межжелудочковой перегородки».

Однако этот диагноз вызвал резкие возражения со стороны постоянных врачей Жданова. Профессор П.И. Егоров, академик В.Н. Виноградов и врач Г.И. Майоров посчитали, что изменения кардиограммы

Анна Ахматова.

¹ См.: Медведев Ж.А. Взлет и падение Лысенко: история биологической дискуссии в СССР (1929–1966). – М., 1993. С. 161–163.

были вызваны «функциональным расстройством» на почве склероза и гипертонии. Врачи отмечали их и раньше. В результате консилиума от Тимашук потребовали переписать заключение. На следующий день у Жданова случился новый сердечный приступ, Тимашук снова вызвали из Москвы и вновь заставили изменить заключение по электрокардиограмме, что она и сделала по требованию своего прямого начальника, профессора Егорова. Положение Тимашук было сложным: не будучи лечащим врачом Жданова, она сделала слишком ответственное заявление, поставившее под сомнение опыт людей, годами лечивших своего пациента, а затем письменно отказалась от собственного диагноза. Она понимала, что результаты неудачного лечения получают политическую оценку, а в случае удачного – будут значить для нее, по меньшей мере, утрату места в Кремлевской больнице из-за конфликта с руководством. 29 августа Тимашук подала жалобу на имя начальника Главного Управления охраны МГБ СССР Н.С. Власика, в которой сообщила о своих разногласиях в оценке состояния здоровья Жданова, вручив свое письмо начальнику охраны Жданова А.Л. Белову¹.

На следующий день Жданов умер. В тот же день, 30 августа, министр госбезопасности Абакумов доложил Сталину о жалобе Тимашук, отметив в сопроводительном письме, что, «как видно из заявления Тимашук, последняя настаивает на своем заключении, что у товарища Жданова инфаркт миокарда.., в то время как начальник Санупра Кремля Егоров и академик Виноградов предложили ей переделать заключение, не указывая на инфаркт миокарда»². На документе имеется виза Сталина: «В архив».

Тимашук ждала ответа на свою жалобу, но ответа не было.

Среди врачей, лечивших Жданова, продолжались споры о правильности диагноза Тимашук. 7 сентября 1948 г. по приказу начальника Лечебно-санитарного управления П.И. Егорова ее перевели из Кремлевской больницы в филиал поликлиники. Она продолжала отстаивать свою правоту, вновь жаловалась – секретарю ЦК КПСС А.А. Кузнецову. Ответа по-прежнему не было. Кремлевские власти вспомнили о ней только летом 1952 г.³.

Смерть Жданова оказалась на руку Маленкову.

Ленинградская «антипартийная» группа. С марта 1948 г. Сталин, по существу, официально утвердил двух своих преемников – Вознесенского и Маленкова. За каждым стоял свой жизненный опыт:

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 414. Л. 2–2об.

² Там же. Л. 1.

³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 423. Л. 174.

у первого – в сфере экономики, у второго – в партаппарате, в его сердце – Управлении кадров ЦК. Каждый не был новичком на Старой площади и в Кремле. Опытность выражалась и в том, что к Вознесенскому был близок А.А. Кузнецов – секретарь ЦК, «курировавший» деятельность карательных органов, а Маленков многие годы сотрудничал с Берией – и в качестве начальника Управления кадров ЦК ВКП(б), и как заместитель Берии в Совмине СССР.

После смерти Жданова некоторое время сохраняло влияние группа во главе с Н.А. Вознесенским; одновременно усилилась борьба между ней и группой Маленкова – Берии. Как отмечалось в официальных материалах Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30-х – 40-х и начала 50-х годов, «Сталин в частных беседах высказывал предположения о том, что в качестве своего преемника по партийной линии он видел секретаря ЦК, члена Оргбюро А.А. Кузнецова, а по государственной линии – члена Политбюро, заместителя Председателя Совета Министров СССР Н.А. Вознесенского»¹.

Конфликт между Кузнецовым и Маленковым вспыхнул еще в 1946 г. Кузнецов был одним из исполнителей «дела авиаторов» и, как вспоминали позднее сотрудники аппарата ЦК ВКП(б), «т. Кузнецов вскрыл целый ряд недостатков, допущенных Маленковым в руководстве Управлением кадров и Министерством авиационной промышленности, и подвергал их заслуженной критике на собраниях аппарата ЦК ВКП(б)».

В июле 1948 г. Маленкова вновь избрали секретарем ЦК. Борьба между старым и новым начальниками Управления кадров ЦК вступила в новую фазу.

Внешним и явно надуманным поводом для преследования так называемой ленинградской «антипартийной» группы стало обвинение А.А. Кузнецова, Председателя Совмина РСФСР М.И. Родионова и первого секретаря Ленинградского обкома и горкома П.С. Попкова в проведении в Ленинграде с 10 по 20 января 1949 г. Всероссийской оптовой ярмарки. Обвинение было необоснованным, так как Бюро Совмина СССР под председательством Г.М. Маленкова дважды принимало решение о проведении оптовых ярмарок для распродажи товарных излишков – 14 октября и 11 ноября 1948 г.². Более серьезной причиной, по нашему мнению, стало обвинение во фракционности, запрещенной в партии и свирепо преследовавшейся Сталиным.

В ответ на информацию, поступившую от Председателя Совмина РСФСР М.И. Родионова, прежде работавшего в Ленинграде, о прове-

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 127.

² РГАНИ. Ф.6. Д. 13/78. Т. 36. Л. 42.

М.И. Родионов.

дении Всероссийской оптовой ярмарки, Маленков инспирировал обсуждение на Политбюро ЦК ВКП(б) вопроса «Об антипартийных действиях члена ЦК ВКП(б) товарища Кузнецова А.А. и кандидатов в члены ЦК ВКП(б) тт. Родионова М.И. и Попкова П.С.». В постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 15 февраля 1949 г. содержатся сведения о тесных связях руководства Ленинграда с работавшими в этом городе прежде Н.А. Вознесенским и А.А. Кузнецовым, о просьбе ленинградского секретаря, чтобы Вознесенский и Кузнецов «шефствовали» над городом. Подобная практика связи местных организаций со своими выдвиженцами из партийно-государственного

аппарата существовала всегда. Однако в данном случае постановление напоминало о тех мрачных временах, когда «Зиновьев... пытался превратить Ленинградскую организацию в опору своей антиленинской фракции»¹.

В феврале 1949 г. в Ленинград был послан Маленков. Под борьбу группировок за власть подводилась идейная основа, устанавливалась преемственность с политическими процессами десятилетней давности. Остальное оставалось делом техники палачей. В результате допросов удалось выбить показания, что второй секретарь Ленинградского горкома Я.Ф. Капустин, активный участник обороны города в годы войны, являлся «английским шпионом». Ему припомнили, что в 1935 г. он проходил длительную стажировку в Англии, в Манчестере, на заводах «Метрополитен-Виккер», что он пользовался там уважением и доверием, что у него был роман с его учительницей английского языка, предлагавшей ему остаться в Англии, и все эти факты «заслуживают особого внимания как сигнал *возможной* (курсив мой. — Авт.) обработки Капустина английской разведкой»².

Другого обвиняемого — бывшего председателя Ленинградского облисполкома, назначенного первым секретарем Крымского обкома ВКП(б) Н.В. Соловьева — объявили «махровым великодержавным шо-

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 127–128.

² РГАНИ. Ф.6. Д. 13/78. Т. 36. Л. 107–108.

винистом» за предложение создать Бюро ЦК по РСФСР, образовать компартию РСФСР. Соловьева обвиняли в том, что он, «находясь на работе в Крыму, делал резкие вражеские выпады против главы Советского государства»¹.

13 августа 1949 г. при выходе из кабинета Г.М. Маленкова без санкции прокурора были арестованы А.А. Кузнецов, П.С. Попков, М.И. Родионов, председатель исполкома Ленинградского горсовета П.Г. Лазутин и Н.В. Соловьев.

Параллельно с этим шел поиск компромата на Н.А. Вознесенского. Непосредственную работу по его дискредитации проводил председатель Комиссии партийного контроля (КПК) при ЦК ВКП(б) М.Ф. Шкирятов². Вознесенскому предъявили обвинения в умышленном занижении государственных планов, искажении и фальсификации статистической отчетности, наконец, в утрате секретных документов в аппарате Госплана. Практически вся подобная документация считалась секретной, поэтому обвинение было беспроблемным. 9 сентября 1949 г. Шкирятов направил Маленкову предложение КПК исключить Вознесенского из партии и привлечь к суду за *утрату документов* Госплана СССР³. Это предложение было утверждено (опросом) Пленумом ЦК, и 27 октября 1949 г. Вознесенского арестовали. Следствие проводилось Министерством госбезопасности и специальными следователями из числа сотрудников ЦК.

Арестованных Кузнецова, Капустина, братьев Вознесенских, Родионова, заместителя председателя Ленсовета Галкина жестоко пытали⁴. Непосредственное участие в процедуре допросов принимали Маленков, Берия и Булганин. «Когда я завел Вознесенского (на допрос. – *Авт.*), – вспоминал один из следователей МГБ, – то в центральном кресле в роли основного допрашивающего сидел Маленков, в приставном кресле сидел Берия, облокотившись на спинку кресла, стоял Булганин»⁵. «После посещения ими тюрьмы с обвиняемыми по “ленинградскому делу” обстановка стала более жестокой, к каждому арестованному приставили 2-х следователей, а допросы стали длиться, как правило, до 4-х часов утра», – констатировали в КПК при ЦК КПСС⁶.

¹ РГАНИ. Ф. 6. Д. 13/78. Т. 36. Л. 53.

² М.Ф. Шкирятов (1883–1954) в течение 20 лет, с 1934 г. по 1954 г., работал в органах партконтроля. В указанное время – заместитель председателя Комитета партийного контроля при ЦК ВКП(б). – *Прим. авт.*

³ См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 130.

⁴ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Л. 223.

⁵ РГАНИ. Ф. 6. Д. 13/78. Т. 36. Л. 57.

⁶ Там же. Л. 58.

Так, М.И. Родионова допрашивали:

«29 ноября 1949 г. – с 13 час. 40 мин. до 17 час. 10 мин.; с 23 час. 50 мин. до 4 час. 50 мин.

30 ноября 1949 г. – с 18 час. 50 мин. до 19 час. 50 мин.; с 23 час. 30 мин. до 3 час. 00 мин.

8 декабря 1949 г. – с 13 час. 30 мин. до 17 час. 20 мин.

16 декабря 1949 г. – с 22 час. 30 мин. до 2 час. 50 мин.

23 декабря 1949 г. – с 11 час. 10 мин. до 17 час. 15 мин.»¹.

Бывший первый секретарь Ярославского обкома партии И.М. Турко, объясняя, почему он подписал явно фальсифицированные протоколы допросов, рассказывал: «Видя этого человека (следователя МГБ Путинцева. – *Авт.*) зная, что в этих условиях они могут со мной сделать, что угодно, я был совершенно обезволен. Они лишили меня всякого человеческого достоинства, и когда я, изнемогая, ползая и обнимая сапоги Путинцева, просил приостановить допрос, так как у меня начинались галлюцинации, я чувствовал, что теряю рассудок».

Расследование (если этот термин здесь вообще можно употреблять) шло с исключительной, какой-то средневековой жестокостью. Избивали беременных женщин, истребляли семьями (кроме самого Н.А. Вознесенского, были арестованы его брат – министр просвещения РСФСР А.А. Вознесенский, сестра, М.А. Вознесенская, секретарь одного из ленинградских райкомов, и 14 (!) родственников и жен других обвиняемых).

Последовал суд, решение которого в соответствии с обычной практикой заранее утвердили Сталин и Политбюро. 1 октября 1950 г. в час ночи огласили приговор: Н.А. Вознесенский, Кузнецов, Родионов, Попков, Капустин и Лазутин были приговорены к расстрелу. Через час приговор был приведен в исполнение.

Аресты, расследования и судебные процессы продолжались в течение 1950–1952 гг.². В архиве КГБ сохранился проект постановления Политбюро ЦК ВКП(б), датированный августом 1949 г., в котором предполагалось обязать Министерство госбезопасности «выселить проживающих в гор. Ленинграде и Ленинградской области 1500 человек с семьями из числа лиц, скомпрометировавших себя в какой-то мере связью с троцкистами, зиновьевцами, правыми, меньшевиками, эсерами, немцами и финнами, на вечное поселение в Алтайский край под надзор органов Министерства внутренних дел». Летом 1957 г. Ф.Р. Козлов, работавший в те годы секретарем Ленинградского обкома, заявил на Пленуме ЦК: «Десятки тысяч ни в чем не повинных и не запятнан-

¹ РГАН. Ф. 6. Д. 13/78. Т. 36. Л. 198.

² См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 131–132.

ных людей тогда выслали из Ленинграда в ссылки, тюрьмы, и на расстрел пошли многие из них, многие из них погибли. Десятки тысяч ни в чем не повинных людей отправляли эшелонами»¹.

С устранением из политики (и из жизни) Вознесенского, Кузнецова и их сторонников борьба за власть в Кремле и на Старой площади не ослабела, и расстановка сил не стала яснее. Внешне это была полная победа Берии и Маленкова. Однако противоречия между ними сохранялись (достаточно вспомнить, что в 1946 г. Маленков едва не стал подследственным Берии), да и сам Сталин с подозрением присматривал за ними, вводя в политическую игру «своих людей». Интригуя, стравливая своих соратников, Сталин начал говорить о том, что его возможным преемником на посту Председателя Совмина СССР может стать Н.А. Булганин².

В последние годы жизни Сталина влияние его старых соратников уменьшилось. Один из них, К.Е. Ворошилов, был назначен на должность председателя Союзной Контрольной Комиссии в Венгрии (1945–1947), затем стал председателем Бюро по культуре при Совете Министров СССР и членом Главного военного совета Военного министерства СССР (1947–1953), второй – В.М. Молотов – в 1949 г. был смещен с должности министра иностранных дел, которую занимал с 1939 г.

В то же время возрастало влияние Н.А. Булганина. Напомним, в конце войны он занимал должности заместителя наркома обороны СССР (1944–1946) и заместителя министра Вооруженных Сил СССР (1946–1947). В 1947 г. получил пост министра Вооруженных Сил, сочетая эту должность с должностью заместителя Председателя Совмина СССР. В 1950 г. Булганин стал первым заместителем Председателя Совмина СССР. Служебный рост Булганина свидетельствовал, видимо, о его сравнительно автономном положении в правящей верхушке. Во всяком случае, на его карьере не отразились ни временное ослабление позиций Маленкова, ни крушение так называемой «ленинградской группы».

Государственный антисемитизм. Начатая Ждановым борьба «против низкопоклонства и раболепия перед иностранщиной» при поддержке Маленкова стала быстро трансформироваться в кампанию против «космополитизма»³. Первые аресты, положившее начало уго-

¹ Молотов, Маленков, Каганович. 1957: Стенограмма июньского Пленума ЦК КПСС и другие документы. – М., 1998. С. 205.

² Там же. С. 89.

³ По теме преследования евреев в СССР в 40-х – начале 50-х годов см.: *Костырченко Г.В.* Указ. соч. Неправедный суд. Последний сталинский расстрел: Стенограмма судебного процесса над членами Еврейского антифашистского комитета. – М., 1994.

ловно-политическому преследованию еврейских организаций после Великой Отечественной войны, приходится на декабрь 1947 г., когда были арестованы сотрудник Института экономики Академии наук СССР И.И. Гольдштейн и сотрудник Института мировой литературы, член Еврейского антифашистского комитета З.Г. Гринберг. Их арест связывался, в частности, с тем, что Гольдштейн был хорошо знаком с родственницей Сталина Е.А. Аллилуевой, вхож в семью Светланы Сталиной и ее первого мужа Григория Морозова. Гольдштейн по просьбе Гринберга организовал знакомство С. Сталиной и ее мужа с председателем Еврейского антифашистского комитета, актером и режиссером С.М. Михоэлсом. В декабре 1947 г. Е.А. Аллилуеву арестовали, ей было предъявлено обвинение, что она на протяжении ряда лет у себя на квартире устраивала антисоветские сборища, на которых распространяла гнусную клевету в отношении главы Советского правительства. Сталин в высшей степени подозрительно относился к любым попыткам получить сведения о его личной жизни. В конце декабря 1947 г. в американской прессе появились публикации о семье Сталина. Вождь был разгневан. МГБ получил задание – разыскать информаторов. Аллилуева сообщила на допросе, что ее старый знакомый Гольдштейн расспрашивал о Сталине, о Светлане, о ее муже. Этого было достаточно, чтобы Абакумов сообщил заместителю начальника Следственной части по особо важным делам В.И. Комарову: «инстанции считают¹, что Гольдштейн интересовался личной жизнью руководителя Советского правительства не по собственной инициативе, а за его спиной стояла иностранная разведка»². У арестованных под пытками были получены обвинительные показания против руководства Еврейского антифашистского комитета.

Руководимый С.М. Михоэлсом Еврейский антифашистский комитет (ЕАК) был создан в годы войны и стал одним из средств проведения советской внешней политики в США, Великобритании, ряде других стран. Через ЕАК был организован сбор пожертвований среди американских евреев на нужды обороны. По указанию Советского правительства ЕАК направлял многочисленные делегации в США, принимал представителей еврейских организаций в СССР. Деятельность ЕАК находилась под контролем НКВД, а в его руководстве было немало агентов НКВД-НКГБ-МГБ³. Однако после войны руковод-

¹ Выражение «инстанции считают» на советском политическом жаргоне означало мнение, указание, выраженное политическим руководством без уточнения источника. В данном случае это было мнение Сталина, непосредственно руководившего действиями Абакумова.

² Костырченко Г.В. Указ. соч. С. 84–90; Неправедный суд. С. 5–6. – *Прим. авт.*

³ См.: Судоплатов П.А. Указ. соч. С. 342–343, 346.

ство ЕАК предприняло ряд шагов против усиливавшейся волны антисемитизма в стране, за восстановление прав тех евреев, которые в годы войны потеряли свои жилища и собственность. Это вызвало острое недовольство у политического руководства страны. Связи ЕАК с еврейскими организациями по всему миру, несомненный личный авторитет Михоэlsa за рубежом сделали и его самого и руководимую им организацию ненужной и опасной.

То обстоятельство, что люди, причастные к ЕАК, проявили чрезвычайный интерес к личности Сталина, послужило «спусковым механизмом» трагедии. В начале 1948 г. Сталин дал срочное указание министру госбезопасности СССР Абакумову организовать ликвидацию Михоэlsa. За актером уже давно велась слежка. Сталин знал, что Михоэls должен был выехать в Минск. Именно в этом городе, по словам Абакумова, Сталин приказал организовать инсценировку несчастного случая – дорожного происшествия. Осуществление операции было возложено на заместителя министра госбезопасности С.И. Огольцова, начальника 2-го управления МГБ Ф.Г. Шубнякова и министра госбезопасности Белорусской ССР Л.Ф. Цанаву¹. Попытки подстроить дорожную катастрофу, предпринимавшиеся несколько раз, оказались неудачными. Тогда был разработан план, включавший приглашение Михоэlsa поздно вечером в гости. 12 января 1948 г. около 10 вечера Михоэlsa и сопровождавшего его агента МГБ В.И. Голубова доставили на дачу Цанавы на окраине Минска. Там Михоэls и Голубов были убиты: их трупы бросили под грузовую машину. В полночь изуродованные останки Михоэlsa и Голубова выбросили на одной из глухих улиц Минска. Участники этой операции получили правительственные награды².

3 февраля 1948 г. на заседании Секретариата ЦК, проходившего под председательством Маленкова, было принято постановление «О роспуске объединений еврейских писателей и о закрытии альманахов на еврейском языке».

В конце 1948 г. Еврейский антифашистский комитет распустили, его членов обвинили в том, что они «проводят антисоветскую нацио-

¹ Техника планируемого убийства была традиционна для НКВД–МГБ. Так, например, были убиты в июле 1939 г. посол СССР в Китае И.Т. Бовкун-Луганец и его жена. Им проломил головы молотком, а потом имитировали автокатастрофу. См.: Архив Главной военной прокуратуры. Архивное уголовное дело 0029. ОП. Л 220–221.

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 536. Л. 103–107. В этом описании событий, основанном на датированном апрелем 1953 г. письме Л.П. Берии в Президиум ЦК КПСС на имя Г.М. Маленкова *могут быть опущены важные детали*, невыгодные и автору письма, и его адресату. См. также: *Берия Л.П.* Записка Л.П. Берии в Президиум ЦК КПСС о привлечении к уголовной ответственности лиц, виновных в убийстве С.М. Михоэlsa и В.И. Голубова. 2 апр. 1953 г. // Лаврентий Берия. 1953. С. 27–30.

С.А. Лозовский с семьей.

налистическую деятельность, поддерживают связь с реакционными еврейскими кругами за границей и занимаются шпионажем»¹.

24 декабря 1948 г. арестовали секретаря Еврейского антифашистского комитета поэта И.С. Фефера, от него были получены показания о якобы преступной деятельности его самого, С.М. Михозлса, С.А. Лозовского, в то время члена ЦК ВКП(б), бывшего начальника Совинформбюро, и ряда других лиц, сотрудничавших с Еврейским антифашистским комитетом. 13 января 1949 г. Лозовского вызвали к Маленкову. При разговоре-допросе, который Маленков вел вместе со Шкирятовым, Лозовскому вменили в вину, что он совместно с Фефером и Михозлсом в 1944 г. направил письмо Сталину с предложением создать в Крыму Еврейскую социалистическую республику, что среди иностранных корреспондентов, с которыми он встречался, были американские разведчики².

18 января 1949 г. Лозовского исключили из партии, 26 января арестовали. Тогда же, в январе 1949 г., были арестованы: поэты Л.М. Квитко и П.Д. Маркиш, главный врач Боткинской больницы Б.А. Шимелиович, художественный руководитель Еврейского театра В.Л. Зускин, академик Л.С. Штерн.

Дело набирало обороты, приобретая все более явный антисемитский характер; кампания охватила Еврейскую автономную область, где были репрессированы ее руководители. Далее последовали решения Секретариата ЦК «О заявлениях, поступивших в ЦК ВКП(б) о деятельности антипатриотической группы театральных критиков», которые «охаивали» «лучшие произведения советской драматургии» (к ним ЦК относил творения Б. Ромашова, Н. Вирты, А. Софронова).

¹ РГАНИ. Ф. 6. Д. 13/78. Т. 36. Л. 201.

² См.: там же. Л. 202–203.

В ходе антисемитской кампании родилось еще одно постановление ЦК ВКП(б) «О буржуазно-эстетских извращениях в театральной критике». 26–27 февраля 1949 г. в «Правде» была опубликована редакционная статья с людоедским названием «До конца разоблачить космополитов-антипатриотов». Шло систематическое преследование «космополитов» – в издательстве «Советский писатель» (его «преступление» состояло в переиздании книг И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок», в которых, по словам А. Фадеева, содержатся «пошлые замечания в духе издевки и зубоскальства по отношению к историческому материализму, к учителям марксизма, известным совет-

Академик Л.С. Штерн.

ским деятелям, советским учреждениям»), в Институте мирового хозяйства и мировой экономики АН СССР, в Госполитиздате... Кампания коснулась *всех* учреждений страны – от школ и фабрик игрушек до научных учреждений и обкомов¹. Исследовавший этот вопрос Ю.С. Аксенов справедливо отмечает, что «антисемитская направленность ряда репрессивных мер, несомненно, отражала точку зрения и настроения самого Сталина»².

Антисемитизм Сталина становился фактором борьбы за власть в Кремле, исключал возможность активного участия в ней Л.М. Кагановича. Каганович, ревностный участник всех акций Сталина – Ежова – Берии: от проведения насильственной коллективизации и голода на Украине³ до решения Политбюро ЦК ВКП(б) 4 марта 1940 г. о расстреле более 20 тысяч поляков в Катыни и других лагерях и тюрьмах – постоянно укреплял свое положение среди «властей предержащих» в Кремле и на Старой площади. В Великую Отечественную войну он

¹ Тщательное исследование вопроса о репрессиях против евреев во всех сферах жизни СССР осуществлено в кн.: Костырченко Г.В. Указ. соч. С. 207–288. См. также: Аксенов Ю.С. Послевоенный сталинизм... С. 84–86.

² Аксенов Ю.С. Послевоенный сталинизм... С. 85.

³ В 1933–1934 гг. Л.М. Каганович был заведующим Сельскохозяйственным отделом ЦК ВКП(б). – *Прим. авт.*

стал членом Государственного Комитета Обороны (ГКО), в 1942–1943 гг. – заместителем председателя ГКО, являясь при этом наркомом путей сообщения. После войны положение Кагановича пошатнулось. Формально его статус сохранялся, с 1946 г. он был назначен заместителем Председателя Совмина СССР, но реально его удалили от политически важных должностей. Каганович стал министром промышленности строительных материалов (1946–1947), затем последовало кратковременное пребывание на Украине в 1947 г. в качестве первого секретаря ЦК компартии республики. Вернувшись в Москву, он занял важный, но отнюдь не ключевой пост председателя Госснаба СССР (1947–1952).

Росло недоверие Сталина к Ворошилову и Молотову, женатым на еврейках. Жена В.М. Молотова – П.С. Жемчужина была арестована в связи с делом о Еврейском антифашистском комитете. Тело подозрения об их причастности к западным разведкам.

Вернемся, однако, к делу о Еврейском антифашистском комитете. Обвинительная база оказалась недостаточно доказательной. Хотя карательная сторона процесса охватила широкие круги московской культурной и политической элиты, МГБ свою задачу не выполнило. Несмотря на применявшиеся «незаконные методы следствия», а попросту, систематические избиения, сделать из арестованных преступников, которые могли бы предстать даже перед не слишком щепетильным советским судом, не удавалось. Следствие должно было завершиться в марте 1950 г., но, по словам С.Д. Игнатьева (в 1951 г. возглавившего Министерство госбезопасности), «просмотром материалов следствия по обвинению Лозовского С.А., Фефера И.С. и их сообщников установлено, что это дело находится в запущенном состоянии, и почти совершенно отсутствуют документы, подтверждающие показания арестованных о проводившейся ими шпионской и националистической деятельности под прикрытием Еврейского антифашистского комитета»¹. Дело следовало заканчивать, и выход был найден. Выход невероятный, но соответствовавший неписаным законам, по которым действовала советская государственная система и которые, казалось, вышли из-под мрачного пера Кафки. Но обо всем по порядку.

Разгром Министерства государственной безопасности. Это министерство, руководимое В.С. Абакумовым, выполняло наиболее важные поручения Сталина по политическому контролю высших должностных лиц страны. МГБ провело расследование «дела авиато-

¹ РГАНИ. Ф. 6. Д. 13/78. Т. 36. Л. 206.

ров», руками сотрудников этого ведомства готовилась расправа над Г.К. Жуковым; оно собирало компромат на Маленкова, других партийных и государственных деятелей. Совместно с ЦК ВКП(б) и КПК Министерство госбезопасности осуществляло следствие над обвиненными по «ленинградскому делу».

Напомним, что в конце 1945 г. Л.П. Берия был освобожден от должности наркома внутренних дел «ввиду перегруженности другой центральной работой». Это само по себе снижало роль НКВД-МВД среди центральных министерств. Свидетельством расширения полномочий МГБ за счет Министерства внутренних дел стала передача ему в начале 1946 г. Отдела «С» – отдела спецзаданий (добывание и обобщение разведывательных данных по созданию ядерного оружия), руководимого генерал-лейтенантом П.А. Судоплатовым (заместители – генерал-майор Н.И. Эйтингон, генерал-лейтенант Н.С. Сазыкин и по совместительству генерал-лейтенант А.З. Кобулов). В начале 1947 г. в структуру МГБ были переданы внутренние войска МВД, его Транспортное управление, охрана правительственных объектов в Крыму – Ливадийского, Воронцовского и Юсуповского дворцов. В том же году в ведение МГБ перешли правительственная связь и воинские подразделения по ее обслуживанию. В октябре 1949 г. из МВД в МГБ были переданы пограничные войска и милиция.

Министерству внутренних дел, возглавляемому С.Н. Кругловым, кроме рутинных полицейских обязанностей оставили Главное управление лагерей, Главное управление военнопленных и интернированных, Тюремное управление (обязанности по наблюдению за работой – заместитель министра В.В. Чернышов), органы МВД на территории Германии, входящей в Советскую зону оккупации (заместитель министра И.А. Серов). Отдел борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью курировал заместитель министра Б.П. Обручников. Главное архивное управление, множество промышленных предприятий истроек, которые велись с участием МВД (геологические проекты, строительство гидросооружений, лесная промышленность, Дальстрой – комплекс геологических, промышленных и строительных предприятий на Колыме) находились в ведении заместителя министра С.С. Мамулова. Так называемым 9-м Управлением (советский атомный проект) ведал заместитель министра, генерал-лейтенант А.П. Завенягин. Ему же подчинялся Главпромстрой (строительство объектов оборонного значения)¹.

¹ См.: Лубянка. ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ. 1917–1960. – М., 1997. С. 48–50.

Враждебные личные отношения между В.С. Абакумовым и И.А. Серовым не составляли тайны для окружающих. Абакумов немало постарался, чтобы уличить Серова в дружбе с опальным Г.К. Жуковым, что в 1946–1947 гг. само по себе служило достаточным обвинением, а Серов регулярно отправлял Сталину письма, в которых содержались сведения о причастности Абакумова к служебным злоупотреблениям. Серов утверждал: «...между органами МГБ и МВД никаких служебных отношений, необходимых для пользы дела – не существует. Такого враждебного периода в истории органов никогда не было». «Товарищ СТАЛИН! – обращался Серов к Сталину. – Прошу Вас, поручите проверить факты, приведенные в этой записке, и все они подтвердятся. Я уверен, что в ходе проверки вскрыется очень много других фактов, отрицательно влияющих на работу Министерства Государственной Безопасности»¹.

В 1948–1950 гг. становится заметно стремление Сталина ослабить свою зависимость от исполнителей МГБ, создать структуры, альтернативные МВД и МГБ, опирающиеся непосредственно на аппарат ЦК ВКП(б). Так, функции внешней разведки были переданы в образованное в рамках Министерства иностранных дел Бюро информации, фактически подчиненное ЦК ВКП(б). Недоверием Сталина можно объяснить расширение практики непосредственного вмешательства партаппарата в следственные процедуры. Ключевая роль в осуществлении этого замысла Сталина предназначалась секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову и Председателю Комиссии партконтроля М.Ф. Шкирятову. Речь шла не о вмешательстве партаппарата в ход следствия (так было всегда), а именно об осуществлении следственных функций во всем их объеме.

Идея создания особой, не подчиненной ни МГБ, ни МВД тюрьмы для важных политических обвиняемых, предлагалась Сталиным неоднократно. Позже, в 1958 г., в КПК при ЦК КПСС Н.А. Булганин сообщал: «Когда мы бывали у т. Сталина, то там были Маленков, Берия, я, Микоян. Я не буду утверждать, был ли Никита Сергеевич (Хрущев. – *Авт.*), но Сталин много раз говорил об этой тюрьме и говорил о том, что надо создавать такую тюрьму.

Шатуновская (член комиссии КПК при ЦК КПСС). Зачем?

Булганин. Для партийных преступников. Сталин так ставил вопрос. Я был свидетелем, сам слышал...

Шверник (Председатель КПК при ЦК КПСС). Он хотел изолировать от органов МГБ?

¹ Военные архивы России. – М., 1993. Вып. 1. С. 208–213. См. также: АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 308. Л. 32–39.

Булганин. Видимо, да. После смерти Сталина все стало более ясным. Я думаю, что он даже и не доверял МГБ»¹.

Маленков непосредственно участвовал в допросах, причем использовал для них комнату на 5-м этаже ЦК, рядом с залом заседания Оргбюро ЦК ВКП(б) – в «святая святых» ЦК, в его наиболее охраняемой зоне. В допросах участвовали сотрудники ЦК, переодетые в форму офицеров госбезопасности².

28 февраля 1950 г. начальник Тюремного управления МВД СССР приказал своему заместителю Н.П. Клейменову прибыть в секретариат Маленкова в ЦК, на Старую площадь. Там в приемной уже были министр МВД С.Н. Круглов, заместитель министра по кадрам Б.П. Обручников и начальник отделения Тюремного управления Пуговкин. Их пригласили в кабинет Маленкова. Тот задал несколько вопросов Клейменову, поинтересовался его биографией, прежней воинской службой.

Вечером того же дня Клейменов узнал, что назначен начальником «особой тюрьмы». Заместителем к нему был направлен В.П. Шестаков, работавший инструктором в Административном отделе ЦК ВКП(б). Им было объявлено, что тюрьма подчиняется *непосредственно Маленкову и Комитету партийного контроля при ЦК ВКП(б)*.

Так, по требованию Сталина была создана специальная тюрьма на 30–40 заключенных для ведения политических следственных дел, тюрьма «с особыми условиями режима, ускоренной оборачиваемостью, специальной охраной»³ и большим штатом – до 100 человек⁴. Находилась «особая тюрьма» в Москве на улице Матросская тишина, 18.

В «особую тюрьму» были переведены главные обвиняемые по «ленинградскому делу». Здесь содержался и поэт И.С. Фефер, один из руководителей Советского еврейского антифашистского комитета, давний секретный осведомитель НКВД, что не избавило его от ареста, и подполковник И.И. Федосеев, служивший в охране Сталина.

Подполковнику уделялось особое внимание: Сталин постоянно опасался заговоров в своем ближайшем окружении и все с большей подозрительностью относился к начальнику личной охраны генерал-лейтенанту Н.С. Власику. (Впоследствии в сейфе Маленкова обнаружат конспект вопросов, которые следовало задать Федосееву на допросе, и ответов, которые необходимо было от него получить. Конспект хранился вместе с записями Маленкова о создании «особой тюрьмы», сведениями об организации подслушивания высшего командного со-

¹ РГАНИ. Ф. 6. Д. 13/78. Т. 36. Л. 77–79.

² См.: Молотов, Маленков, Каганович. 1957. С. 281.

³ Там же. С. 43.

⁴ РГАНИ. Ф. 6. Д. 13/78. Т. 36. Л. 101.

става и проектом постановления Президиума ЦК КПСС о назначениях на государственные должности сразу же после смерти Сталина. Маленков утверждал, что конспект допроса и ответы были продиктованы ему самим Сталиным¹).

В марте 1950 г. Маленков лично допрашивал Федосеева. Клейменов вспоминал: «... Мы доставляли в ЦК... на допрос т. Маленкову заключенного И.И. Федосеева. Везли на машине “Победа” вдвоем, заехали с Ипатьевского переулка и поднялись особым лифтом. Доставляли в комнату. Комната была без окон. <...>

Так Федосеева доставляли на допрос к Маленкову в здание ЦК КПСС дважды... 17 марта у меня была поставлена “вертушка”... (телефон правительственной связи. — *Авт.*)»².

Федосеева жестоко избивали, он жаловался, что в «особой тюрьме, где он сидел, были созданы такие условия, когда из разных углов все время был шепот, шорох, кто-то все время говорил: “признайся, признайся, ты предатель”»³. Жестокие допросы Федосеева, несомненно, были связаны с попыткой собрать «компромат» на руководство МГБ СССР.

Как показали последующие события, не случайно в «особую тюрьму» заключили и Фефера...

12 июня 1951 г. к «особой тюрьме» подъехала машина. Из машины вышли генерал-лейтенант Н.П. Стаханов, в то время начальник Главного управления пограничных войск МГБ, С.А. Гоглидзе, заместитель министра госбезопасности, и два сотрудника военной прокуратуры. Вместе с ними был легко одетый министр госбезопасности Абакумов. Позже Клейменов вспоминал: «Гоглидзе обратился ко мне: “Вы знаете этого человека?”

— Я, — говорю, — знаю.

— Примите его как арестованного.

Несколько камер было освобождено, и я сажаю Абакумова в камеру»⁴.

На следующий день в «особую тюрьму» были заключены: сотрудники следственного отдела МГБ А.Г. Леонов, М.Т. Лихачев и Л.Л. Шварцман.

Арест Абакумова состоялся. Но формальных обвинений ему предъявлено не было. Он даже не был освобожден от должности министра.

¹ РГАНИ. Ф. 6. Д. 13/78. Т. 36. Л. 47.

² Там же. Л. 112.

³ Там же. Л. 47.

⁴ Там же. Л. 112.

На роль обвинителя Абакумова был определен следователь по особо важным делам МГБ СССР М.Д. Рюмин. Ему поручалось «озвучить» уже подготовленные обвинения. 2 июля 1951 г. Рюмин обратился с письмом на имя И.В. Сталина¹. В письме утверждалось, что Абакумов сознательно тормозил расследование дела о «еврейском националисте» враче Я.Г. Этингере, позволявшее, по словам Рюмина, получить сведения о вредительской деятельности врачей.

Донос возымел действие немедленно. Его ждали. Уже 4 июля 1951 г. было принято постановление Политбюро, которым поручалось создать комиссию по проверке заявления Рюмина. В комиссию вошли Маленков (председатель), Берия, Шкирятов и С.Д. Игнатьев. Комиссия должна была в течение 3–4 дней проверить факты, сообщенные Рюминым².

Спираль следствия стремительно раскручивалась. Были допрошены начальник Следственной части по особо важным делам А.Г. Леонов и его заместители – М.Т. Лихачев и В.И. Комаров, начальник 2-го Главного управления (контрразведки) Ф.Г. Шубняков, его заместитель Тангиев, помощник начальника Следственной части А.В. Путинцев, заместители министра МГБ СССР С.И. Огольцов и Е.П. Пिटовранов.

Комиссия установила следующее: Я.Г. Этингер, врач, арестованный МГБ, «без какого-либо нажима» признал, что при лечении первого секретаря Московского горкома ВКП(б) А.С. Щербакова «имел террористические намерения». Комиссия подчеркнула преемственность этого дела и политических процессов 30-х годов – связь с обвинениями врачей Д.Д. Плетнева и Л.Г. Левина в злоумышлениях против здоровья В.В. Куйбышева и М. Горького.

Абакумов, по мнению комиссии, проявил здесь, по крайней мере, преступную халатность. Министр счел эти показания надуманными, «заявил, что это дело заведет МГБ в дебри». Абакумова обвинили в том, что он приказал перевести Этингера в холодную тюремную камеру, и это стало причиной смерти важного подследственного.

Министру ставили в вину и другие «преступления» – бегство весной 1950 г. в американскую зону оккупации Германии заместителя генерального директора акционерного общества «Висмут» Салиманова, связанного с советской ядерной программой; организационные упущения в деятельности министерства (долго ведется следствие по делам, протоколы допросов оформляются «задним числом») и т. д.

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 216. Л. 1.

² См.: там же. Л. 1–2.

С.Д. Игнатьев.

Чрезвычайно опасным было обвинение в том, что Абакумов, зная об аресте участников «еврейской антисоветской молодежной организации» и их показаниях о «террористических планах против руководства партии и государства», не настоял на включении этих показаний в протоколы допросов¹.

Комиссия Политбюро сделала свои выводы. Они почти дословно повторяли письмо Рюмина Сталину. Деятельность Абакумова оценивалась как преступная по отношению к партии и государству. Министерству госбезопасности предписывалось возобновить следствие «по делу о террористической деятельности Этингера и еврейской антисоветской молодежной организации». В МГБ

был послан заведующий Отделом партийных и комсомольских органов С.Д. Игнатьев в качестве представителя ЦК ВКП(б). На основании выводов комиссии Маленкова (заметим, загодя подготовленных самим Маленковым) 11 июля 1951 г. было принято решение Политбюро ЦК ВКП(б) «О неблагоприятном положении в МГБ СССР», а двумя днями позже, 13 июля, по партийным организациям страны было разослано закрытое письмо ЦК ВКП(б), ставшее, по сути, первым обвинительным заключением против Абакумова².

Маховик следствия затягивал все новых и новых людей. После каждой серии допросов составлялся отчет на имя Сталина, копия этого отчета направлялась Маленкову. В протоколах допросов фамилии арестованных впечатывались прописными буквами, а фамилии людей, остававшихся на свободе, вписывались от руки. Проходило несколько дней, и машинисткам приходилось допечатывать фамилии новых арестованных.

Не так-то просто уловить смысл этой дьявольской механики. Ясно главное — роль «козла отпущения» была предназначена В.С. Абакумову.

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 216. Л. 2–11.

² См.: там же. Л. 12–14.

Виктор Семенович Абакумов родился в 1908 г. в Москве. В его анкете можно было прочитать: «Происхождение – из рабочих, образование – низшее, специальности не имеет, воинское звание – генерал-полковник, член ВКП(б) с 1930 г., чекистский стаж с 1932 г.»¹. Работал с 12 лет, в 19 лет стал стрелком военизированной охраны, в 24 года начал карьеру в НКВД – уполномоченным, потом оперуполномоченным ГУЛАГа. В 1937–1938 гг. служил в Главном управлении госбезопасности НКВД, отсюда получил назначение на должность начальника УНКВД Ростовской области (1938–1941). В 33 года (1941) стал заместителем наркома внутренних дел СССР. С июля 1941 г. – начальник Управления особых отделов НКВД и одновременно заместитель наркома внутренних дел, с 1943 г. – начальник Главного управления контрразведки «Смерш» Наркомата обороны (Министерства Вооруженных Сил) СССР.

В 1946 г. Абакумов был назначен министром государственной безопасности². Его доклады и справки регулярно поступали Сталину и внимательно изучались.

43-летний генерал-полковник мало чем отличался от своих коллег из карательных ведомств, разве только тем, что располагал редкими даже в их среде возможностями. Две квартиры в Москве, в одной из которых – 120-метровой, украшенной дубовыми панелями, красным деревом, старинной мебелью, бесчисленными коврами, – жила его жена, в другой – 300-метровой, в Колпачном переулке – он сам со своей любовницей. Для того чтобы министр госбезопасности смог занять эту квартиру, потребовалось отселить 16 семей. Квартиры ломались от столовых и спальных гарнитуров, невиданных в то время заграничных холодильников. 13 радиоприемников и радиол, 30 наручных часов и сотни метров ткани (отрезов) – символов послевоенного благополучия дополняли картину того быта, который создал в соответствии со своим представлением о счастливой жизни министра госбезопасности генерал-полковник с низшим образованием. Если добавить к этому ящик с тремястами (!) корнями женьшеня и имевшийся, по существу, в его личном распоряжении гараж с десятками легковых автомобилей, то можно считать, что Виктор Абакумов основательно готовился к долгой и благополучной жизни³.

Абакумов был типичным исполнителем своего времени. За что же ему отвели главную роль в политическом процессе, насколько она была самостоятельна? Был ли он актером, игравшим по чужому сце-

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 216. Л. 13.

² См.: Лубянка... С. 143.

³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 216. Л. 61–171.

нарию, или, научившись у своих режиссеров, попытался сам поставить собственную пьесу? И так ли прост был этот генерал, у которого в большой спальне, в платяном шкафу, в белье (цитирую допрос. – *Авт.*), была обнаружена папка с большим числом совершенно секретных документов, содержащих сведения особой государственной важности¹?

Абакумов, хорошо понимая тяжесть предъявленных ему обвинений, пытался оправдаться, отправляя письма Сталину, Маленкову, Берии, Шкирятову, Игнатьеву. В них Абакумов излагал свою версию случившегося.

Согласно ей в поле зрения 2-го Главного управления МГБ Я.Г. Этингер попал не позднее 1949 г. Он «неоднократно допускал враждебные выпады против Вождя, что было зафиксировано оперативной техникой»². Уже в ноябре 1949 г. рассматривалась возможность ареста Этингера. Однако руководитель личной охраны Сталина генерал-лейтенант Н.С. Власик передал установку: Этингера и другого крупного ученого-биохимика, специалиста-онколога, Героя Социалистического Труда Б.И. Збарского (одного из ученых, мумифицировавших тело Ленина), перевести на менее заметные должности и только потом арестовать.

Абакумов напоминал, что именно МГБ 15 апреля 1950 г. просило у ЦК ВКП(б) разрешение на арест Этингера, но санкцию на арест вновь не дали. «Такие аресты, как аресты ученых, – писал в свое оправдание Абакумов, – всегда являлись важными и к ним по указанию ЦК ВКП(б) мы подходили всегда с особой тщательностью»³. 16 ноября Абакумов вновь направил записку, на этот раз Сталину, в Сочи, с просьбой дать разрешение на арест Этингера. Эта записка была у Поскребышева, затем попала Булганину. Тот запросил Абакумова «как быть?», и «я, – писал опальный министр госбезопасности, – ему ответил, что Этингер большая сволочь и его следует арестовать, после чего тов. Булганин дал согласие на арест».

Во время допросов, проходивших с участием самого Абакумова, министр требовал от подсудимого признаний, «как он залечил Щербакова». Этингер же пытался объяснить, что Щербаков был тяжело болен, сообщал всякие непонятные и раздражавшие Абакумова медицинские сведения, из которых, однако, следовало, что врачом, лечившим Щербакова, являлся не Этингер, а Виноградов (Этингер только консультировал), «а называя Виноградова, он ничего отрица-

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 216. Л. 77.

² Там же. Л. 40.

³ Там же. Д. 217. Л. 106–107.

тельного о нем не показал»¹. Абакумов отвел все обвинения в том, что по его приказу арестованного перевели в холодную камеру, что якобы стало причиной его смерти. Условия содержания заключенного определял следователь, которым был Рюмин, «и умер Этингер, придя с допроса от тов. Рюмина»².

Однако объяснения Абакумова в расчет не принимались. Рюмин (кстати, выдвинутый для работы в центральном аппарате МГБ лично Абакумовым за несомненные палаческие «успехи») предъявил своему бывшему начальнику новые обвинения. Впоследствии Рюмин утверждал, что от него требовали при допросах собирать компрометирующие данные на руководящих государственных и партийных работников. Среди тех, на кого собирался компромат, были Б.Л. Ванников и А.П. Завенягин, организаторы работы по созданию советского ядерного оружия, тесно связанные с Л.П. Берией³.

В ходе расследования было выявлено, что по личному распоряжению подчиненного Абакумову министра госбезопасности Грузии Н.М. Рухадзе организовали сбор компромата на самого Берия. В квартире у матери Берии в Тбилиси установили подслушивающую аппаратуру, МГБ «разрабатывал» казавшиеся подозрительными связи мужа сестры Л.П. Берии⁴.

Абакумову предъявлялись и другие обвинения – нарушение процедуры следствия, фальсификация допросов. Здесь оправдания бывшего министра были более убедительными. На допросе 10 августа 1951 г. он сообщил: «В ЦК ВКП(б) меня и моего заместителя Огольцова неоднократно предупреждали о том, чтобы наш чекистский аппарат не боялся применять меры физического воздействия к арестованным – шпионам и другим преступникам»⁵.

В системе всеобщей слежки действия Абакумова были до известной степени санкционированы высшим политическим руководством страны. 9 сентября 1950 г., менее чем за год до начала «дела Абакумова», было принято постановление Политбюро №77/310 о создании в структуре МГБ Бюро-2, которому поручалось «выполнять специальные задания внутри Советского Союза по пресечению особыми способами вражеской деятельности, проводимой отдельными лицами». Функции этого отдела были исключительно широки: «наблюдение и подвод агентуры к отдельным лицам», а «также пресечение

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 217. Л. 47.

² Там же. Л. 40–59.

³ Там же. Л. 53.

⁴ Там же. Д. 222. Л. 174.

⁵ Там же. Л. 95.

преступной деятельности» путем «компрометации, секретного изъятия, физического воздействия и устранения». Агентуру для этого Бюро подбирали среди шоферов такси, парикмахеров, медицинского персонала, официантов. В сущности, узаконивалась (если это понятие здесь применимо) та практика, которая привела к политическому убийству Михоэlsa. Вместе с тем тщательный, глубоко засекреченный механизм слежки распространялся и на высшее руководство страны. Абакумов становился, таким образом, опасным для многих участников борьбы за власть.

В конце концов Абакумову были предъявлены формальные обвинения – в измене Родине в связи с отказом расследования деятельности еврейских террористических организаций и в утрате секретных документов. Последнее обвинение, в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1947 г., устанавливавшим уголовную ответственность за разглашение секретных сведений и утрату документов, совпадало с обвинением, предъявленным Н.А. Вознесенскому в ходе «ленинградского дела».

Вместе с Абакумовым арестовали большинство руководителей МГБ. В извечном соперничестве карательных органов – в данном случае «абакумовского» МГБ и МВД – верх явно брало МВД в союзе с Маленковым. Были арестованы заместители министра МГБ С.И. Огольцов и Е.П. Питовранов, начальник Следственной части по особо важным делам А.Г. Леонов и его заместители – М.Т. Лихачев, В.И. Комаров и К.А. Соколов, начальник отдела «Д» МГБ А.М. Палкин, бывший начальник 1-го Главного управления МГБ Г.В. Утехин, помощник Абакумова Я.М. Броверман. Все они были причастны к начальному этапу следствия по делу Еврейского антифашистского комитета. Среди многочисленных обвинений, предъявленных им, следует отметить «грубые нарушения социалистической законности,... по большинству дел допросы арестованных не фиксировались протоколами,... применялись к арестованным извращенные методы следствия и, в частности, широко было распространено применение к арестованным физических мер воздействия, санкционированные во всех случаях бывшим министром Абакумовым».

Чудовищное, циничное лицемерие! Абакумов и его подручные были, конечно, палачами. Но не больше и не меньше, чем те, кто принял эстафету расследования.

«Дело врачей» и МГБ. В «деле Абакумова», которое вел С.Д. Игнатьев под непосредственным контролем Маленкова и Сталина, намечилось два основных направления, впрочем, связанных между собой.

Главным из них стало дело «О шпионской и террористической деятельности врачей-вредителей», получившее отчетливую антисемитскую окраску и ставшее продолжением политических процессов конца 40-х годов о «Шпионском центре в Еврейском антифашистском комитете». Вторая линия следствия – разгром МГБ, за которым таилась возможность (частично реализованная в последующие годы) вмешаться в борьбу за власть. Допросы врачей, много лет лечивших «власть имущих», позволяли при желании превратить «дело кремлевских врачей» в «кремлевское дело», в процессы против их пациентов. Отмечу немаловажную особенность: со времен «большого террора» дела врачей постоянно включали в крупнейшие политические процессы. Это было необходимой составной частью подготовки подобных акций сталинского Политбюро и НКВД-МГБ-МВД. Связь между событиями конца 30-х годов и тем, что происходило в начале 50-х, хорошо осознавалась и организаторами, и исполнителями. Аналогии с действиями «врагов народа Плетнева и Левина», якобы сокративших жизнь Куйбышева, Горького и его сына М. Пешкова, как уже отмечалось, нередко присутствовали в документах следствия.

По делу «О шпионской и террористической деятельности врачей-вредителей» были арестованы: проф. М.С. Вовси, М.И. Певзнер, И.Г. Лембергский, Н.А. Шерешевский, В.Н. Виноградов, Б.С. Левин, С.Е. Карпай, П.И. Егоров, В.Х. Василенко. Рюмин, непосредственно занимавшийся допросами, сообщал позже, что его «куратор» из ЦК ВКП(б) С.Д. Игнатьев дал указание «бить их “смертным боем”». Более того, Рюмина даже обвиняли в том, что он недостаточно применял подобные методы следствия. В письме Сталину, направленном в конце ноября 1951 г., Рюмин, оправдываясь, писал: «Я признаю только то, что в процессе следствия *не применял крайних мер*, но эту ошибку после соответствующего указания я исправил»¹.

Линия доказательства преступной деятельности «врачей-вредителей» столкнулась с очевидной нехваткой фактов. Да, смерть Жданова, Щербакова, Калинина можно было объявить результатом террористической деятельности. Однако такое объяснение было не очень убедительно. Невысока была достоверность и личных «признаний», цену им хорошо знали. И тогда вспомнили о давней оправдательно-объяснительной записке Л.Ф. Тимашук, где она пыталась доказать справедливость своего диагноза и снять с себя обвинение во врачебной ошибке.

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 216. Л. 246.

Заявление Тимашук было подвергнуто экспертизе еще в 1948 г., тогда его посчитали необоснованным. Теперь, спустя четыре года, документу дали ход.

Письма Тимашук охране Жданова, а через него – руководству МГБ, стали едва ли не главным, медицински сформулированным аргументом в пользу обвинения, и в обвинительном заключении по «делу Абакумова» этот аргумент использовался в полной мере. С его помощью предполагалось не только доказать преступную деятельность врачей Кремлевской больницы и существование еврейской террористической организации, но и обвинить руководство МГБ пособничестве этим «преступлениям».

Выводы по «делу врачей» содержались в подробном отчете С.Д. Игнатъева, направленном в ноябре 1952 г. Сталину, где была изложена и история расследования, и та официальная позиция, которую представляло следствие.

Отчет содержал следующие сведения. На основании решения Политбюро ЦК от 11 июля 1951 г. «О неблагоприятном положении в Министерстве государственной безопасности» была создана специальная следственная группа, которая просмотрела все сведения о медицинском персонале, в разное время причастном к работе в Лечебно-санитарном управлении Кремля.

Было установлено агентурное наблюдение и секретное прослушивание. Следственная группа изучила истории болезней пациентов Кремлевской больницы. Следователи оценили работу крупнейших медицинских специалистов страны как совершенно неудовлетворительную. «При изучении материалов на медицинских работников Лечсанупра вскрылась большая засоренность кадров этого ответственного лечебного учреждения лицами, не внушающими политического доверия по своим связям с антисоветскими элементами в прошлой враждебной деятельности». В результате такого медико-политического чекистского расследования был сделан вывод, что «не создавались необходимые условия для надежного лечения больных, не было обеспечено добросовестное лечение и необходимый уход... за... руководителями зарубежных компартий и стран народной демократии, в том числе за товарищами Токуда, Торезом и Димитровым».

Внимание следствия привлекла смерть А.С. Щербакова и А.А. Жданова. «Лечение тов. Щербакова, – утверждал С.Д. Игнатъев, – велось рассчитанно преступно». Были арестованы заместитель директора санатория «Барвиха» Рыжиков, начальник Лечсанупра Бусалов, консультант Лечсанупра Виноградов; лечившие Щербакова Ланг и Этингер умерли под следствием. Их обвинили в том, что они «не использовали

возможности сердечной терапии, неправильно применяли такие сильнодействующие средства, как морфий, пантопин, симпатол и различные снотворные». Щербакову после инфаркта «злонамеренно разрешили» вставать с постели. «Лечение товарища Жданова велось также преступно», – утверждалось в отчете Игнатьева. Были арестованы все, лечившие Жданова в последние годы его жизни, – профессора Егоров, Виноградов, Василенко, врачи Майоров и Карпай, даже патологоанатом Федоров, обвиненный в том, что умышленно скрыл сведения об инфаркте Жданова.

«Следствием установлено, что Егоров и Федоров – морально разложившиеся люди, Майоров – выходец из помещичьей среды, Виноградов – примыкавший в прошлом к эсерам, Василенко – скрывавший с 1922 г. свое исключение из ВКП(б), и связанная с ними еврейская националистка Карпай – все они составляли вражескую группу, действовавшую в Лечсанупре Кремля, и стремились при лечении руководителей партии и правительства сократить их жизнь», – такой вывод содержался в докладе Игнатьева Сталину.

Все арестованные дали показания, что они плохо относились к советской власти, что уже несколько лет они существуют как организованная террористическая группа, что руководитель этой группы – профессор П.И. Егоров, «враждебно относясь к партии и Советской власти, действовал по указаниям врага народа А.А. Кузнецова, который в связи со своими вражескими замыслами был заинтересован в устранении товарища Жданова». Таким образом, «дело врачей» непосредственно оказывалось связанным с «ленинградским делом». Но не только!

Обвинение было выдвинуто против начальника личной охраны Сталина генерал-лейтенанта Н.С. Власика, который, оказывается, 29 августа 1948 г. видел письмо врача-кардиолога Тимашук, и 30 или 31 августа передал его Абакумову. В проекте обвинительного заключения, направленном Сталину, эти события излагались следующим образом: «Абакумов и Власик отдали Тимашук на расправу... иностранным шпионам-террористам Егорову, Виноградову, Василенко, Майорову». Сталин, редактируя этот документ, не согласился: «Он (Жданов. – *Авт.*) не просто умер, а был убит Абакумовым»¹.

Так оказались связанными обе линии следствия. «Дело о врачах-вредителях» переходило в «дело о террористах» в Министерстве госбезопасности. В свою очередь оба непосредственно касались «ленинградского дела» и «дела о Еврейском антифашистском комитете».

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 216. Л. 211.

В арестах сотрудников МГБ просматривалась определенная логика. Первоначально были арестованы люди, непосредственно причастные к делу Этингера, главным образом сотрудники Следственной части по особо важным делам – уже упоминавшийся начальник этого подразделения Леонов, его многочисленные сотрудники, а также ближайшее окружение Абакумова.

Однако логика организаторов дела вскоре привела к еще одной группе сотрудников МГБ, на которых также обрушились репрессии. Ими стали чекисты-евреи. Были арестованы: заместитель начальника спецбюро МГБ генерал-майор Н. Эйтингон, руководитель подразделения, отвечавшего за разработку техники радиосвязи, Е. Анциелович, начальник отдела «К» МГБ А. Свердлов, заместитель начальника 1-го Главного управления МГБ генерал-лейтенант М. Белкин, заместитель начальника 2-го Главка МГБ, руководитель спецлаборатории, где разрабатывались яды, Г. Майрановский, тесно сотрудничавший с МГБ начальник следственного отдела прокуратуры Л. Шейнин и другие.

За каждым из них стояли многие годы службы в карательных ведомствах и немалые «заслуги»: подготовка убийства Троцкого, участие в организации политических процессов, в диверсионных группах во время недавней войны, что, однако, не помешало их коллегам из МГБ под руководством представителя ЦК ВКП(б) в этом министерстве С.Д. Игнатьева сделать из заслуженных чекистов опасных террористов. Прекрасный повод к такому преображению дал А.Я. Свердлов. В его квартире был обнаружен целый арсенал диверсанта – несколько ампул сильнодействующего яда, взрывные устройства с часовыми механизмами, замаскированные под шкатулку, коробку духов, пресс-папье, пять пистолетов разных калибров, автомат, пара винтовок, патроны, гранаты...

Сын Якова Михайловича Свердлова, двадцать с лишним лет служивший «по чекистской линии», объяснял, что оружие было получено им еще в 1941 г. для организации диверсионной деятельности в Москве в случае ее сдачи немцам. Свердлову поручалось руководить такой группой, а оружие ему передали по распоряжению будущего начальника спецбюро МГБ П.А. Судоплатова. В 1946 г. были приняты меры по сбору розданного оружия, но за годы войны оно растерялось, у Судоплатова обнаружили большую недостачу сильнодействующих ядов¹. Свердлов пытался оправдать наличие у него арсенала собственной забывчивостью и любовью к оружию. Но в биографии Свердлова уже было несколько уязвимых страниц – в конце

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 216. Л. 29–30.

20-х годов его обвиняли в причастности к троцкизму и дважды арестовывали – в 1935 г. и 1938 г.¹

В сентябре 1952 г. начались допросы заместителя начальника Следственной части по особо важным делам Л.Л. Шварцмана. Его сломали, он дал показания против большинства руководителей государства и партии, карательных ведомств страны. Он, по выражению следователей, клеветал против Кагановича и Хрущева, против В.Н. Меркулова, Б.З. Кобулова, С.С. Мамулова и П.М. Фитина, но эти линии в данный момент не интересовали Игнатьева, Маленкова и Сталина.

Более «перспективными» оказались признания Шварцмана о подготовке им террористических актов против Маленкова. Шварцман сообщил, что о его террористических замыслах знали Абакумов, Райхман, Палкин, Иткин, Эйтингон, бывший прокурор Дорон. Указания о проведении терактов он якобы получал от военного атташе посольства США Файмонвилла и от посла Гарримана. Поводом для подготовки покушения в первом случае, в 1950 г., был разгром националистов, орудовавших под прикрытием Еврейского антифашистского комитета. Во втором случае, «когда в июне 1951 г. ЦК КПСС при участии Г.М. Маленкова разоблачил вражескую деятельность Абакумова», к организации терактов он приступил «в силу своего озлобления, вызванного националистическими взглядами и участием с 1937 г. в заговорщической организации»².

Цена этим показаниям известна – их выбивали многодневными «конвейерными» допросами, когда подследственному не давали спать, жестоко пытали. Жуткая логика тоталитаризма привела к тому, что в роли жертв оказались вчерашние усердные палачи...

Показания Шварцмана были настолько своевременными, что само дело Абакумова впредь именовалось «делом Абакумова–Шварцмана», оно стало оправданием репрессий против Еврейского антифашистского комитета и его руководителей. Под эти показания стали подгонять и другие допросы.

Усиленно разрабатывалась версия о причастности Абакумова к «ленинградскому делу». Доказать это было сложно: именно следователи МГБ «выколачивали» показания из А.А. Кузнецова, П.С. Попкова, родственников заместителя Председателя Совмина СССР Н.А. Вознесенского. Кстати, одним из этих следователей был сам Шварцман.

Тогда в ход пошло обвинение, что следователи МГБ под давлением Абакумова умышленно игнорировали связь обвиняемых по «ленинградскому делу» с иностранными разведками. Абакумову при-

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 216. Л. 32; Д. 219. Л. 139.

² Там же. Д. 221. Л. 164–215.

помнили, как он говорил: «Какой тут может быть шпионаж, если все арестованные являлись руководящими партийными работниками и ни кто из них, кроме Капустина, с иностранцами не встречался».

Обвинение выдвигалось против одного из заместителей Абакумова – Огольцова, «который сидел (на допросах обвиняемых. – *Авт.*) молча... и чувствовал себя несколько стесненно, поскольку в прошлом ...сам работал в Ленинграде заместителем начальника управления МГБ».

Расследование в МГБ затронуло и его разведывательную деятельность. Был арестован генерал-лейтенант М. Белкин, прослуживший в течение ряда лет заместителем начальника 1-го Главного управления МГБ. Будучи обвиненным в принадлежности к еврейской террористической группе в составе МГБ, Белкин под жестокими пытками дал показания о том, что по воле Абакумова на всех ключевых постах Министерства госбезопасности были расставлены лица еврейской национальности¹, о якобы давнем сотрудничестве агентуры МГБ с западными разведками. Он же сообщил о связи с западными разведками начальника Управления госбезопасности Венгрии Петера Габора². Кампания по исключению евреев из органов госбезопасности перекинулась на социалистический лагерь: началось преследование евреев во внешнеполитических службах, органах госбезопасности, в правительствах ряда восточноевропейских стран.

В результате в обвинительном заключении «дело о врачах-вредителях» было объединено с «делом о террористах» из числа сотрудников МГБ и «залито» густым антисемитским «соусом».

Из редакционных пометок Сталина на проекте обвинительного заключения видно, что он *лично* руководил следствием и определял степень виновности каждого арестованного. Сталин использовал дело Абакумова–Шварцмана для того, чтобы найти в нем объяснение и оправдание большинству политических репрессий послевоенного времени. Суть редакционных пометок вождя сводилась к стремлению выделить и подчеркнуть роль Абакумова как человека, приложившего все усилия для того, чтобы спрятать от следствия связи врага народа Кузнецова с иностранной разведкой.

Редактируя обвинительное заключение, Сталин стремился подчеркнуть личную виновность Абакумова. Вместо первоначальной формулировки: «Действуя как подрывники, *Абакумов и его соучастники Леонов и Комаров* (выделенное курсивом здесь и далее вычеркнуто при редактировании. – *Авт.*) игнорировали указания ЦК КПСС о рас-

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Л. 58.

² Там же. Л. 37.

следовании связей (вписано Сталиным: **спрятать от следственных властей неоднократные уловки**) с иностранной разведкой врага народа Кузнецова и участников его изменнической группы, орудовавшей в партийном и советском аппарате (вписано Сталиным: **в Ленинграде**). В преступных целях они ориентировали (Сталин: **он ориентировал**) следователей на то, чтобы рассматривать дело Кузнецова и его единомышленников в виде отдельной локальной обособленной группы, не имеющей связей с заграницей»¹.

Абакумов обвинялся также в попытках организации убийства Маленкова².

Последний сталинский съезд. Политические процессы, имевшие прямое отношение к верхушке партаппарата, оказали влияние на характер съезда партии и Пленума ЦК, последних при жизни Сталина. XIX съезд проходил в октябре 1952 г., в те дни, когда полным ходом шло «расследование» «дела Абакумова–Шварцмана». Однако в стенограмме съезда отсутствует какое-либо упоминание о нем.

Результаты «дела Абакумова–Шварцмана» и «ленинградского дела» нашли отражение в решениях съезда, точнее – Пленума ЦК, последовавшего непосредственно за XIX съездом. Выступление Сталина на Пленуме стало попыткой радикальных кадровых изменений в высших эшелонах власти. Официальная стенограмма речи отсутствует, но один из участников Пленума – Л.Н. Ефремов, в то время первый секретарь Курского обкома партии, сделал весьма подробную запись. Точность записи подтверждается совпадением с изложением этого выступления в мемуарах А.И. Микояна³, Д.Т. Шепилова⁴, в воспоминаниях Н.С. Хрущева⁵ и писателя К. Симонова⁶.

Привожу фрагменты записи слов Сталина, сделанной Ефремовым. Сталин начал с констатации ошеломляющего факта: «Многим может показаться, что у нас (в КПСС. – *Авт.*) существует полное единство. Однако у нас нет такого единства. Некоторые выражают несогласие с нашими решениями. <...>

Спрашивают, почему мы освободили от важных постов министров, видных партийных и государственных деятелей. Что можно сказать на этот счет?

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Л. 212.

² Там же. Л. 216.

³ См.: Микоян А. Указ. соч. С. 570–575.

⁴ См.: Шепилов Д.П. Непримкнувший. – М., 2001. С. 225–231.

⁵ См.: Хрущев Н.С. Воспоминания. Избранные фрагменты. – М., 1997. С. 263.

⁶ См.: Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине. – М., 1990. С. 209–216.

Мы освободили от обязанностей министров Молотова, Кагановича, Ворошилова и других и заменили их новыми работниками. Почему? На каком основании? Работа министра – это мужицкая работа. Она требует больших сил, конкретных знаний и здоровья. Вот почему мы освободили некоторых заслуженных товарищей от занимаемых постов и назначили на их место новых, более квалифицированных, инициативных работников».

Что же касается самих видных политических и государственных деятелей, то «они так и остаются видными политическими и государственными деятелями. Мы их перевели на работу заместителями Председателя Совета Министров. Так что я даже не знаю, сколько у меня теперь заместителей».

После этого двусмысленного замечания о своих соратниках-заместителях секретарь ЦК «перешел на личности».

«Нельзя не коснуться неправильного поведения некоторых видных политических деятелей, – фиксировал Ефремов слова Сталина, – если мы говорим о единстве в наших делах. Я имею в виду товарищей Молотова и Микояна. Молотов – преданный нашему делу человек. Позови, и, не сомневаюсь, он, не колеблясь, отдаст жизнь за партию. Но нельзя пройти мимо его недостойных поступков. Товарищ Молотов, наш министр иностранных дел, находясь под “шартрезом”, на дипломатическом приеме дал согласие английскому послу издавать в нашей стране буржуазные газеты и журналы. Почему? На каком основании потребовалось давать такое согласие? Разве не ясно, что буржуазия – наш классовый враг и распространять буржуазную печать среди советских людей – это, кроме вреда, ничего не принесет. <...> Это первая политическая ошибка товарища Молотова.

А чего стоит предложение товарища Молотова передать Крым евреям? Это грубая ошибка товарища Молотова. <...> На каком основании товарищ Молотов высказал такое предложение? У нас есть еврейская автономия. Разве этого недостаточно? Пусть развивается эта республика. А товарищу Молотову не следует быть адвокатом незаконных еврейских претензий на наш Советский Крым. Это вторая политическая ошибка товарища Молотова¹.

Товарищ Молотов неправильно ведет себя как член Политбюро. <...> Товарищ Молотов так сильно уважает свою супругу, что не ус-

¹ Речь идет о предложении Еврейского антифашистского комитета, в 1944 г. направленном на имя Сталина и Молотова, о создании в освобожденном Крыму Еврейской Советской Социалистической Республики. Позднее это предложение стало одним из главных обвинений против членов Еврейского антифашистского комитета. Подробнее см.: *Костырченко Г.В.* Указ. соч. С. 43–57.

пеем мы принять решение Политбюро по тому или иному важному политическому вопросу, как это быстро становится известным товарищу Жемчужиной¹. <...> Ясно, что такое поведение члена Политбюро недопустимо.

По предложению Сталина в состав членов и кандидатов Президиума ЦК КПСС не был включен ветеран партийного руководства – А.А. Андреев.

Серьезные изменения были произведены и в структуре руководящих органов партии и в персональном составе партийных руководителей. Если по решению XVIII съезда в составе Политбюро ЦК было 9 членов и 2 кандидата, а в Секретариате ЦК – 4 члена, то по итогам XIX съезда в составе Президиума ЦК, сменившего Политбюро, насчитывалось 25 членов и 11 кандидатов, а в Секретариате ЦК – 10 человек².

В опале у Сталина оказался Маленков, распространялись слухи о недоверии Сталина к Ворошилову... Зато членом Президиума ЦК стал С.Д. Игнатьев, бывший заведующий Отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б), назначенный министром МГБ СССР 9 августа 1951 г.

Подробнее о событиях осени 1952 г. вспоминал А.И. Микоян, непосредственно оказавшийся перед угрозой репрессий. По его словам, незадолго до съезда на встрече членов Политбюро Сталин предложил сократить число членов президиума съезда. Вместо прежних 27–29 человек он предложил избрать 15. Так как в президиум съезда избиралась, как правило, старая и старшая по своим должностям номенклатура, предложение Сталина содержало в себе тревожный элемент. Микоян сформулировал так: «Это было удивительным и непонятным. Он лишил, таким образом, возможности многих видных партийных деятелей войти в президиум съезда, а они этого вполне заслуживали»³. Дальше – больше. Сталин прямо заявил, что не надо вводить в президиум Микояна и Андреева как неактивных членов Политбюро.

По мнению Микояна, причинами осложнения отношений Сталина со своими старыми соратниками послужили неприятие Молотовым сталинской идеи об отказе от товарно-денежных отношений в условиях социализма и предложения Микояна о повышении закупочных

¹ П.С. Жемчужина (1897–1970) – жена В.М. Молотова. С 1919 г. по 1948 г. на партийной и хозяйственной работе. Во время XIX съезда КПСС в Москве отсутствовала, так как в 1949 г. была арестована по обвинению в антисоветской деятельности и осуждена Особым совещанием МГБ СССР к ссылке. Реабилитирована в марте 1953 г. – *Прим. авт.*

² См.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 7. С. 75–77.

³ Микоян А.И. Указ. соч. С. 570.

цен на сельскохозяйственную продукцию (поддержанные членами Политбюро – Молотовым, Хрущевым и Маленковым).

В Президиуме ЦК оказалось много новых людей. Такое расширение состава объективно ослабляло позиции руководящей группировки в партии, сложившейся после войны. На высшие посты пришли люди, возглавлявшие местные партийные организации и относительно новые для аппарата ЦК.

После XIX съезда аресты возобновились, на этот раз в ближайшем окружении Сталина. Среди арестованных оказались его бессменный секретарь и помощник А.Н. Поскребышев, начальник личной охраны генерал-лейтенант Н.С. Власик, служивший в личной охране генерал-майор С.Ф. Кузьмичев. В январе 1953 г. пять человек из ближайшего окружения вождя были арестованы по обвинению в шпионаже¹.

9 января 1953 г. Бюро Президиума ЦК, собравшееся практически в полном составе (не было только Сталина), утвердило текст сообщения в прессе об аресте группы врачей-вредителей.

13 января 1953 г. в «Правде», в разделе хроники, появилось сообщение ТАСС о том, что некоторое время тому назад органами государственной безопасности была раскрыта террористическая группа врачей, ставивших «своей целью путем вредительского лечения сократить жизнь активным деятелям Советского Союза». В сообщении ТАСС утверждалось, что большинство участников террористической группы были связаны с «филиалом американской разведки – международной еврейской буржуазно-националистической организацией “Джойнт”». «Следствие будет закончено в ближайшее время», – многозначительно-угрожающе заканчивалось сообщение.

Параллельно с этими процессами продолжался еще один, остающийся и по сей день наименее изученным, – «мингрельское дело». 4 февраля 1953 г. Игнатьев направил Сталину протоколы допросов арестованного министра госбезопасности Грузии Н.М. Рухадзе².

Материалы допросов свидетельствовали об острейшем соперничестве в Грузии, об обвинениях ряда ответственных партийных работников в национализме, о масштабах активного сбора компромата на руководителей республики, о том, что разыскивали компрометирующие материалы на Л.П. Берию. Существует устойчивая традиция связывать «мингрельское дело» с «заказом» самого Сталина против Берии. Ясно одно: «мингрельское дело» шло вместе с другими политическими процессами конца 40-х – начала 50-х годов.

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Л. 87.

² Там же. Оп. 58. Д. 222. Л. 123–175.

Повторим, все они касались высшего политического руководства страны. Это сближало их с политическими процессами 1937–1938 гг.

Многочисленные новые назначения, сделанные после XIX съезда, создали «кадровый потенциал», который с успехом мог заменить старый эшелон власти подобно тому, как С.Д. Игнатьев заменил В.С. Абакумова на посту министра МГБ.

Однако задуманному сценарию не суждено было воплотиться в жизнь полностью. Смерть Сталина, режиссера этого страшного спектакля, прервала его действие.

* * *

Послевоенный период в истории Советского Союза оказался весьма важным для будущего СССР. Победа в войне стала, прежде всего, аргументом для сохранения незыблемости социально-политического и экономического строя в стране. После войны курс на форсированное развитие тяжелой промышленности, военно-промышленного комплекса получил новый импульс. Вновь, как в 30-е годы, важнейшим источником средств оставалась колхозная деревня, безжалостно эксплуатировавшаяся государством. По-прежнему широко использовался труд заключенных. МВД обладало большим числом производственных предприятий, занимавшихся геологией и промышленным строительством, гидроэнергетикой и транспортом, лесной и бумажной промышленностью.

Снова возрождался террор. На смену «большому террору» 30-х годов пришло систематическое подавление даже возможности появления военной оппозиции в стране. Именно этим можно объяснить преследование маршала Жукова, многочисленные аресты среди командования Военно-Воздушных Сил и на флоте.

В руководстве страны велась постоянная борьба за власть, искусно направляемая самим Сталиным. В последние годы жизни Сталин вынашивал планы радикального изменения в высших звеньях управления. Он избавлялся от ставших ненужными и одиозными деятелей карательных органов; были арестованы и дожидались суда руководители Министерства государственной безопасности во главе с министром В.С. Абакумовым. Началось своего рода «окружение» Л.П. Берии. В составе партийно-государственного руководства были последовательно ослаблены две группировки, оказавшиеся ближе всех к рулю государственного управления, – Г.М. Маленкова и его соперника А.А. Жданова. «Ленинградское дело» «вычеркнуло» из жизни секре-

таря ЦК ВКП(б) А.А. Кузнецова, заместителя Председателя Совета Министров СССР Н.А. Вознесенского и их сторонников. Пошатнулись позиции представителей «старой партийной гвардии»: Молотова, Ворошилова, Кагановича, Микояна.

Резкое расширение состава Президиума ЦК КПСС после XIX съезда позволило Сталину создать своего рода «команду дублеров», которая в любой момент могла заменить старое руководство. В этой политике Сталина нельзя не заметить продолжение политических традиций 20–30-х годов.

- -

Очерк 4

Несостоявшийся триумvirат: Маленков, Берия, Хрущев (март 1953 – конец 1956-го)

Как делили сталинскую власть. Маленков: «Считаем обязательным прекратить политику культа личности». Разделение функций партийного и государственного руководства. Реформы Л.П. Берии: начало реабилитации. Внешнеполитические инициативы Берии. Попытки Берии внести изменения в национальную политику. Ослабление позиций министра внутренних дел. Подготовка к процессу. Письма Берии. Июль 1953 г. Пленум ЦК. Реакция в стране на устранение Берии. Министерство внутренних дел. Взгляд изнутри. Реформы Маленкова. Две программы. Отступление Маленкова. «Матч Ботвинник – Пospelов». Накануне XX съезда. Секреты «секретного доклада». Доклад Н.С. Хрущева и советское общество. Роль ЦК КПСС в создании политической оппозиции в стране. Жуков против Сталина. С одной стороны..., с другой стороны... XX съезд и «социалистический лагерь». 1956-й: политические итоги

Как делили сталинскую власть. 1 марта 1953 г. Сталин был на даче, в Кунцево. Уже две недели он не появлялся в Кремле. В последний раз он был там 17 февраля, когда принимал посла Индии К.П.Ш. Менона¹.

В этот день охрана Сталина не видела; какое-то время это ее не беспокоило. Однако долгое отсутствие вождя нарушало обычный распорядок жизни «ближней дачи», и один из «прикрепленных», М. Старостин, решив узнать, в чем дело, под предлогом передать почту зашел в комнату Сталина. Увиденное потрясло охранника: Сталин лежал на полу и хрипел, говорить он не мог. Было 11 часов ночи.

Старостин бросился к телефону – вызывать начальство. Прямой начальник, министр госбезопасности С.Д. Игнатьев, приказал звонить «выше»: членам Президиума ЦК, Г.М. Маленкову и Л.П. Берии.

Берия и Маленков прибыли на «ближнюю дачу» 2 марта в 2 часа ночи. Осмотрев Сталина, перенесенного к тому времени на диван, велели его не беспокоить и уехали.

¹ См.: Исторический архив. 1997. № 1. С. 38.

Врачи, а с ними Маленков, Берия и Хрушев, появились в 7 утра¹. Врачи констатировали: у Сталина кровоизлияние в мозг (инсульт), правая половина тела парализована.

Узнав о практически смертельном диагнозе вождя, Маленков, Берия, Хрушев отправились в Кремль, где их уже ждали другие члены руководства страны. В 10 часов 40 минут в сталинский кабинет вошли Берия, Ворошилов, Каганович, Маленков, Микоян, Молотов, Первухин, Сабуров, Хрушев, Шверник, Шкирятов. Вместе с ними зашли начальник Лечебно-санитарного управления Кремля И.И. Куперин, назначенный на освободившуюся в ходе «дела врачей» должность 1 сентября 1952 г., и инструктор Отдела партийных органов ЦК КПСС А.С. Толкачев.

Через десять минут Куперин и Толкачев вышли. Им предстояло много дел. Куперину следовало подготовить «Правительственные сообщения о болезни т. Сталина», в которых говорилось бы, что у Сталина – «кровоизлияние в мозг, захватившее важные для жизни области мозга»². Толкачеву и аппарату ЦК необходимо было срочно вызвать в Москву участников предстоящего Пленума ЦК. Было ясно, что Сталин умирает. Совещание в Кремле прошло быстро; уже через двадцать минут кабинет опустел.

Вечером 2 марта Берия и другие соратники по партии вновь собрались в сталинском кабинете. Из «чужих» присутствовали только Куперин и новый министр здравоохранения А.Ф. Третьяков, также назначенный на эту должность после «дела врачей».

Соратникам Сталина было о чем совещаться.

Вождь не оставил наследника. Председателя Госплана СССР, экономиста Н.А. Вознесенского, которого Сталин когда-то прочил на свой пост, по его же указанию расстреляли. В 1951 г., на XIX съезде партии, последнем в своей жизни, Сталин продемонстрировал явное недоверие старому политическому руководству. Многолетние соратники – Молотов, Микоян, Ворошилов – оказались в опале. В конце 1952 г. отношения Сталина со своим окружением еще более осложнились. В узком кругу Сталин называл Молотова, Ворошилова, Микояна английскими шпионами. Кагановичу предстояло подписывать письма против сионистов. Берия оказался в центре инспирированного Сталиным «мингрельского дела».

3 марта 1953 г. члены ЦК были срочно вызваны в Москву для участия в Пленуме. Повестка Пленума не объявлялась³.

¹ См.: Волкогонов Д.А. Сталин. – М., 1990. Т. 2. С. 597–598.

² Правда. 1953. 4 марта.

³ АП РФ. Ф. 2, Оп. 1. Д. 24. Л. 2.

Решения, предопределившие политическое развитие страны на несколько лет вперед, готовились 3 и 4 марта. (Позже обстоятельства их подготовки станут объектом специальных, хотя и небеспристрастных расследований, в ходе которых будет установлено, что 4 марта Берия подготовил и согласовал с Маленковым записку, где были заранее распределены важнейшие государственные посты.)

«Совместное заседание Пленума ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР»¹ началось 5 марта 1953 г. в 20 часов.

Председательствовал на заседании Н.С. Хрущев. После информации министра здравоохранения СССР А.Ф. Третьякова о состоянии здоровья И.В. Сталина слово предоставили Г.М. Маленкову. Маленков сообщил, что Бюро Президиума ЦК КПСС поручило ему «доложить ...ряд мероприятий по организации партийного и государственного руководства с тем, чтобы принять их в качестве совместного решения Пленума Центрального Комитета партии, Совета Министров Союза ССР и Президиума Верховного Совета СССР». Однако докладывать Маленков не начал. Слово было передано Берии. Прочитируем запись его выступления: «Бюро Президиума ЦК тщательно обсудило создавшуюся обстановку в нашей стране в связи с тем, что в руководстве партий и страной отсутствует товарищ Сталин. Бюро Президиума ЦК считает необходимым теперь же назначить Председателя Совета Министров СССР. Бюро вносит предложение назначить Председателем Совета Министров СССР тов. Маленкова Г.М. Кандидатура тов. Маленкова выдвигается членами Бюро единодушно и единогласно. Мы уверены, вы разделите это мнение о том, что в переживаемое нашей партией и страной время у нас может быть только одна кандидатура на пост Председателя Совета Министров СССР – кандидатура тов. Маленкова. (*Многочисленные возгласы с мест: "Правильно! утвердить!"*)».

Получив таким образом поддержку, Маленков продолжил выступление. Он объявил, что на должность первых заместителей председателя Совета Министров рекомендованы Берия, Молотов, Булганин, Каганович. Маленков внес пакет предложений о кадровых перемещениях и назначениях, в том числе о слиянии Министерств внутренних дел и госбезопасности в одно – МВД и о назначении министром внутренних дел Л.П. Берии; о назначении министром иностранных дел В.М. Молотова, министром Вооруженных Сил – Н.А. Булганина.

Принципиальным было также предложение Маленкова «иметь в Центральном Комитете КПСС вместо двух органов ЦК, Президиума

¹ Последняя отставка Сталина. Публикация А. Чернева // Источник. 1994. № 1. С. 106–111.

и Бюро Президиума, один орган – Президиум Центрального Комитета КПСС, как это определено Уставом партии». Число членов Президиума сокращалось с 25 до 11 человек, кандидатов в члены Президиума – с 10 до 4. Членами Президиума были объявлены Сталин, Маленков, Берия, Молотов, Ворошилов, Хрущев, Булганин, Каганович, Микоян, Сабуров, Первухин; кандидатами в члены Президиума стали Н.М. Шверник, П.К. Пономаренко, Л.Г. Мельников, М.Д. Багиров; секретарями ЦК – С.Д. Игнатъев, П.Н. Поспелов, Н.Н. Шаталин. В официальной сокращенной публикации постановления и решений, принятых на этом заседании, в «Правде» 7 марта 1953 г. имя Сталина среди членов Президиума ЦК уже не упоминалось.

Таким образом, старая сталинская команда, еще недавно опальная, полностью восстановила свои позиции в руководстве страны.

Вызванный на Пленум из Свердловска Г.К. Жуков, где он командовал округом, отмечал в своих мемуарах (эта часть была опубликована только в 1999 г.¹), что «МОЛОТОВ был серьезно задумчив и, видимо, тревожно переживал события; ВОРОШИЛОВ выглядел явно растерянным. По его внешнему виду было трудно понять, был ли он в тревоге, опечален или вообще не имел своего определенного мнения. Таким его можно было и раньше наблюдать в процессе работы при СТАЛИНЕ, а может быть, он еще и не верил в неизбежную смерть СТАЛИНА, а потому, на всякий случай, решил пока подождать и выждать;

МАЛЕНКОВ, ХРУЩЕВ, БЕРИЯ и БУЛГАНИН были в приподнятом настроении и, видимо, лучше других знали о скорой кончине СТАЛИНА. Их суждения и критика государственных порядков, существовавших при СТАЛИНЕ, говорили о том, что они на 100 % уверены в скорой смерти СТАЛИНА, а потому уже не боялись высказать своего мнения, как это бывало при Сталине.

БЕРИЯ сидел рядом с БУЛГАНИНЫМ и заметно старался придать своему лицу доброжелательное выражение. При внимательном наблюдении, хотя его глаза и были прикрыты очками, все же в них можно было рассмотреть хищность и холодную жестокость. Всем своим видом и развязностью он, видимо, старался подчеркнуть и дать понять: «Хватит, мол, сталинских порядков, натерпелись при СТАЛИНЕ, теперь у нас все будет по-иному». <...>

Остальные члены Президиума ЦК всем своим видом не выражали ничего. Сидели и молчали, как это было при СТАЛИНЕ. Среди боль-

¹ Исторический архив. 1999. № 3. С. 43. См. также: Георгий Жуков: Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы. – М., 2001. С. 621–622.

шинства членов ЦК и кандидатов в члены ЦК было скорбное настроение.

Большинство искренне было опечалено его предсмертным состоянием. Иного тогда и быть не могло.

СТАЛИН был общепризнанным авторитетом и вождем».

Совместный Пленум продолжался недолго и закончился в 20 часов 40 минут.

А через час с небольшим – в 21 час 50 минут – врачи констатировали: Сталин умер.

Тотчас же в кабинете покойного вождя началось новое совещание. Секретари приемной Сталина зафиксировали: первым в кабинет зашел Берия, следом Ворошилов, Каганович, Маленков, Молотов, Хрущев. Позже подошли Булганин и Микоян. Наследство Сталина было поделено. Предстояло заниматься похоронами. К заседавшим вызвали секретарей ЦК по идеологии М.А. Суслова и П.Н. Поспелова, секретаря ЦК Н.М. Пегова, главного редактора «Правды» Д.Т. Шепилова, отвечавших за идеологическую сторону организации похорон. На похоронах должны были присутствовать руководители компартий других стран, поэтому вызвали и председателя Внешнеполитической комиссии ЦК по связям с иностранными компартиями В.Г. Григорьяна.

Непосредственная организация похорон и поддержание порядка были возложены на бывшего министра Вооруженных Сил маршала А.М. Василевского, бывшего министра госбезопасности С.Д. Игнатьева, заместителя министра госбезопасности В.С. Рясного, командующего войсками Московского военного округа П.А. Артемьева, коменданта Управления Московского Кремля Н.К. Спиридонова.

Сталина предстояло бальзамировать. Для организации этой процедуры вызвали министра здравоохранения А.Ф. Третьякова.

Совещание окончилось далеко за полночь. Главные его участники разошлись около 4 часов утра.

На следующий день газеты, радио сообщили стране о смерти Сталина: был объявлен четырехдневный траур.

Рабочие совещания в Кремле проходили ежедневно. Вызывали дипломатов и пропагандистов, военных и медиков. На этих совещаниях неизменно присутствовали все члены Президиума ЦК.

Первым порог сталинского кабинета всегда переступал Берия.

Пропаганда призывала навечно сохранить память о Сталине – гениальном вожде и учителе, великом продолжателе дела Маркса – Энгельса – Ленина. Было решено воздвигнуть «Пантеон – памятник вечной славы великих людей Советской страны», куда планировалось перенести саркофаг с телом В.И. Ленина, саркофаг с телом И.В. Сталина,

а также останки выдающихся деятелей Коммунистической партии и Советского государства, захороненных у Кремлевской стены.

До того времени останки Сталина должны были находиться в Мавзолее Ленина, по этому поводу переименованном в Мавзолей Ленина–Сталина. Начался сбор всенародных пожертвований на сооружение Пантеона. В ЦК шел поток проектов будущего памятника, предложенных отдельными архитекторами, архитектурными мастерскими и просто архитекторами-любителями. Пантеон предполагалось соорудить напротив Кремля, на другом берегу Москвы-реки, на Софийской набережной или неподалеку от высотного здания МГУ, на прямой линии Кремль – Ленинские горы. Рассматривались и другие варианты размещения этого сооружения.

Скорбь в стране была неподдельной. Сталин олицетворял власть и, как нередко бывало в отечественной истории, саму страну. Его смерть порождала тревогу о будущем. Десятки и сотни тысяч москвичей шли в Колонный зал Дома Союзов проститься со Сталиным. Организовано все было из рук вон плохо. Сотни людей погибли в давке.

9 марта 1953 г., под залпы артиллерийского салюта, тело Сталина было внесено в Мавзолей. На траурной церемонии выступили Хрущев, Маленков, Молотов и Берия, клявшиеся, каждый на свой лад, в верности делу Ленина – Сталина.

Маленков: «Считаем обязательным прекратить политику культа личности». Мертвый Сталин не должен был мешать живым. Канонизация Сталина могла стать серьезным препятствием для осуществления давно назревших преобразований.

Преобразования были неизбежны. Огромная страна не могла прокормить себя. Даже в Москве не хватало самого простого – картошки. Крестьяне, разоренные налогами, стремились при любой возможности бежать из деревни. В стране имелись две громадные армии: собственная армия, до сих пор существовавшая по штатам военного времени, и равная ей по численности «армия заключенных», занятых на «великих стройках коммунизма» – строительстве гидроэлектростанций, дорог, огромных заводов. Следовать «сталинским заветам» означало жить по придуманным им экономическим законам социализма, предполагавшим отказ от торговли, товарно-денежных отношений. Абсурдность подобных «законов» была понятна всем, поэтому мало было похоронить Сталина, надо было осторожно «прикрыть» почитание его личности, нейтрализовать «теоретическое наследие» вождя.

На следующий день после похорон, 10 марта, Маленков, выступив на Президиуме ЦК КПСС, подверг критике советскую печать: «Счи-

Похороны Сталина.

таем обязательным прекратить политику культа личности». Секретарю ЦК по пропаганде П.Н. Поспелову было дано указание контролировать прессу, а секретарю ЦК Хрущеву – материалы о Сталине, которые собирались публиковать¹.

Стремительно «ушли в песок» планы строительства Пантеона – как будто их и не было. В сентябре 1953 г. закрыли единственную выставку, посвященную Сталину, – выставку подарков, полученных им к 70-летию².

Однако колеса бюрократической пропагандистской машины по инерции продолжали вращаться. 16 апреля два директора – Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Центрального музея имени Ленина – обратились к секретарю ЦК П.Н. Поспелову с предложением преобразовать Центральный музей имени Ленина в Центральный музей Ленина–Сталина. Авторы проекта просчитали все: от площадей, которые нужно было дополнительно получить музею, до содержания будущей музейной экспозиции о жизни и деятельности Сталина. Для реализации намеченного требовалось расселить несколько квартир по Историческому проезду, где располагался музей.

¹ Наше Отечество: Опыт политической истории. – М., 1991. Т. 2. С. 443.

² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 26. Д. 49. Л. 34–35.

Ответ пришел через месяц. Его подписал Управляющий делами ЦК. В документе сообщалось: «Моссовет не может отселять граждан, проживающих в части корпуса 6 по Историческому проезду, ...а также предоставить служебную площадь организациям и учреждениям, ...о чем просят в своем письме тт. Обичкин и Морозов». Ответ примечателен тем, что Обичкин и Морозов, руководители авторитетных идеологических центров КПСС, просили «служебную площадь» во исполнение решений ЦК. Другое дело, что сами эти решения следовало как можно быстрее забыть.

Разделение функций партийного и государственного руководства. На девятый день после смерти Сталина 14 марта 1953 г. состоялся Пленум ЦК КПСС, принявший важные решения по кадровым вопросам¹. (Отметим, что сведения о работе этого Пленума практически не попали в исследовательскую литературу.) На Пленуме председатель Совета Министров СССР Г.М. Маленков попросил освободить его от обязанностей секретаря ЦК КПСС, «имея в виду, как было записано в постановлении Пленума, нецелесообразность совмещения функций председателя Совета Министров СССР и секретаря ЦК КПСС».

Пленум удовлетворил просьбу Г.М. Маленкова.

Однако делать вывод об ослаблении позиций Маленкова было преждевременно. В следующих пунктах постановления указывалось:

«2. Председательствование на заседаниях Президиума ЦК КПСС возложить на тов. Г.М. Маленкова.

3. Руководство Секретариатом ЦК КПСС и председательствование на заседаниях Секретариата ЦК КПСС возложить на секретаря ЦК КПСС тов. Хрущева Н.С.».

Итоги Пленума свидетельствовали о том, что в составе высшего политического руководства наметилась тенденция разделения партийной и государственной властей. Рушились краеугольные камни сталинской системы организации власти.

О некотором усилении исполнительной власти говорит и беспрецедентное для советской истории решение все того же Пленума «О расширении прав Совета Министров СССР».

Торжественно продемонстрировав верность делу Сталина на его похоронах, наследники начали спешно укреплять свою власть. Для этого следовало решить немало проблем, в первую очередь избавиться от постоянной смертельной угрозы, витавшей над каждым из них

¹ АП РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 25. Л. 1–10.

Заседание Верховного Совета 15 марта 1953 г.

при жизни великого вождя. Необходимо было остановить маховик «дела врачей» или, если следовать терминологии Игнатьева – Маленкова, «дела Абакумова–Шварцмана». После этого можно было приступить к решению других накопившихся проблем: социально-экономических (прежде всего продовольственной), внешнеполитических (война в Корее, конфликт с Югославией) и т. д.

Реформы Л.П. Берии: начало реабилитации. Шедшее полным ходом следствие по «делу Абакумова – Шварцмана» («делу врачей-вредителей») со смертью Сталина застопорилось – и встало. Еще в феврале 1953 г. министр госбезопасности С.Д. Игнатьев давал санкции на арест врача Марии Вейцман, преступление которой состояло в том, что она была сестрой первого президента Израиля Х. Вейцмана, генерал-майора, Героя Социалистического Труда Л.Р. Гонора (крупного инженера и ученого, во время войны – директора Сталинградского тракторного завода, а после войны – одного из организаторов производства ракетного оружия). Новые кандидаты на роли «вредителей» выискивались из протоколов допросов бывшего министра госбезопасности Грузии Н.М. Рухадзе и бывшего министра госбезопасности СССР Абакумова. 5 марта 1953 г. Игнатьев докладывал Маленкову, Берии, Булганину и Хрущеву (порядок перечисления такой!) о разговорах в армии по поводу болезни Сталина, состоявших в основном из антисемитских рассуждений, что виной всему – происки вредителей-врачей.

После смерти Сталина все вдруг изменилось: 17 марта Л.П. Берия направил Маленкову протокол допроса некоей гражданки, которая сообщала, что бывший заместитель министра государственной безопасности М.Д. Рюмин, пытаясь добиться ее расположения, арестовал ее мужа. Интересен вывод Берии: «Учитывая, что *Рюмин являлся организатором фальсификаций и извращений в следственной работе*, мною дано указание об аресте Рюмина (курсив мой. – Авт.)». Начался пересмотр обвинений, выдвинутых против участников «дела врачей». Поступали показания от подследственных, сообщавших ужасающие подробности «механики следствия»¹. (Впрочем, эти «подробности» не являлись тайной для тех, кому они сообщались.)

Став министром внутренних дел СССР, Берия своим первым приказом по МВД создал следственные группы по пересмотру ряда послевоенных политических процессов. К их числу были отнесены (прошу обратить внимание на изменение терминологии!): «дело арестованных врачей», «дело арестованных бывших сотрудников МГБ СССР», «дело арестованных бывших работников Главного артиллерийского управления военного министерства СССР», «дело арестованной МГБ Грузинской ССР группы местных работников». Руководство работой по пересмотру дел было возложено на заместителей министра С.Н. Круглова, Б.З. Кобулова и начальника 3-го управления МВД (разведка и контрразведка) С.А. Гоглидзе².

2 апреля Л.П. Берия подал в Президиум ЦК КПСС записку по поводу убийства С.М. Михоэлса, в которой сообщал, что знакомство с Михоэлсом стало основанием для обвинений в террористической и шпионской деятельности врачей М.С. Вовси, Б.Б. Когана, А.М. Гринштейна, жены Молотова – П.С. Жемчужиной. Записка констатировала, что все обвинения против Михоэлса были сфальсифицированы. Подлинными организаторами убийства артиста назывались Сталин, Абакумов, заместитель Абакумова С.И. Огольцов и бывший министр МГБ Белоруссии Л.Ф. Цанав³.

На следующий день, 3 апреля 1953 г., Президиум ЦК КПСС, заседавший почти в том же составе, что и 9 января того же года, на основании доклада, подготовленного в МВД СССР, принял резолюцию по «делу о врачах-вредителях». Однако на этот раз члены Президиума пришли к иным, противоположным, выводам:

«1. Принять предложение Министерства внутренних дел СССР:

¹ АП РФ. Ф.3. Оп. 58. Д. 223. Л. 50–104.

² См.: Лаврентий Берия. 1953. С. 19–20.

³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 536. Л. 103–107. См. также: Лаврентий Берия. 1953. С. 27.

а) о полной реабилитации и освобождении из-под стражи врачей и членов их семей, арестованных по так называемому “делу о врачах-вредителях”, в количестве 37 человек;

б) о привлечении к уголовной ответственности работников бывшего МГБ СССР, особо изощрявшихся в фабрикации этого провокационного дела и в грубейших извращениях советских законов.

2. Утвердить прилагаемый текст сообщения для опубликования в центральной печати.

3. Предложить б[ывшему] министру государственной безопасности СССР т. Игнатьеву С.Д. представить в Президиум ЦК КПСС объяснение о допущенных Министерством государственной безопасности грубейших извращениях советских законов и фальсификации следственных материалов.

4. Принять к сведению сообщение тов. Л.П. Берия о том, что Министерством внутренних дел СССР проводятся меры, исключаяющие возможность повторения впредь подобных извращений в работе органов МВД.

5. Отменить Указ Президиума Верховного Совета СССР от 20 января 1953 г. о награждении орденом Ленина врача Тимашук Л.Ф. как неправильный в связи с выявившимися в настоящее время действительными обстоятельствами.

6. Внести на утверждение Пленума ЦК КПСС следующее предложение Президиума ЦК КПСС: “Ввиду допущения т. Игнатьевым С.Д. серьезных ошибок в руководстве быв. Министерством государственной безопасности СССР признать невозможным оставление его на посту секретаря ЦК КПСС”.

7. Настоящее постановление вместе с письмом тов. Берия Л.П. и постановлением специальной следственной комиссии МВД СССР разослать всем членам ЦК КПСС, первым секретарям ЦК Компартий союзных республик, крайкомов и обкомов КПСС»¹.

Напомним читателям, что Игнатьев *не имел никакого самостоятельного значения* в пресловутом деле. Оно было начато по инициативе Политбюро ЦК, на всех этапах контролировалось и направлялось лично Сталиным и Маленковым. 5 апреля 1953 г. С.Д. Игнатьев был освобожден от обязанностей секретаря ЦК КПСС, 28 апреля выведен из членов ЦК. Следствие пошло в обратном направлении: начали выяснять, кто стоял за Игнатьевым (хотя это и так было всем хорошо известно).

Таким образом, следствие приобретало новую политическую окраску. Да, «дело Абакумова–Шварцмана» нужно было заканчивать, но

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 423. Л. 1–2. См. также: Лаврентий Берия. 1953. С. 25–26.

тот вариант, который предлагал Берия, не вызывал энтузиазма у некоторых членов Президиума и секретарей ЦК, высших государственных чиновников, опасавшихся, что доберутся не только до «стрелочников», но и выше...

Были реабилитированы бывшие руководители ВВС и авиационной промышленности, осужденные в 1946 г. по «делу авиаторов». 26 мая 1953 г. Берия направил в Президиум ЦК КПСС на имя Маленкова записку, в которой сообщал, что МВД не нашло состава преступлений в делах по обвинению бывших наркома авиационной промышленности А.И. Шахурина, командующего ВВС Советской Армии А.А. Новикова, главного инженера ВВС А.К. Репина, члена Военного Совета ВВС Н.С. Шиманова, начальника Главного управления заказов ВВС Н.П. Селезнева, заведующих отделами Управления кадров ЦК ВКП(б) А.В. Будникова и Г.М. Григорьяна¹.

Были приняты меры по возвращению на родину людей, «незаконно выселенных с территории Грузинской ССР» на основании решений Особого совещания МГБ СССР. По инициативе Берии готовились предложения в ЦК КПСС о положении немцев, граждан СССР, высланных в годы войны в спецпоселения².

Наряду с реабилитацией обвиненных по отдельным политическим процессам Берия предложил внести некоторые изменения в существовавшее тогда уголовное законодательство; провести в стране амнистию. В записке от 26 марта 1953 г., адресованной в Президиум ЦК КПСС³, он сообщал, что в стране в тюрьмах, колониях, исправительно-трудовых лагерях находится 2 526 402 человека заключенных, в том числе признанных особо опасными – 221 435 человек.

Значительная часть заключенных, сообщал Берия, была осуждена на длительные сроки по сравнительно неопасным для общества преступлениям: на основании Указов 1947 г., устанавливавших суровые наказания за хищения государственного и общественного имущества, за кражи личной собственности граждан, за должностные и хозяйственные преступления (председатели и бригадиры колхозов, инженеры и руководители предприятий), за самовольный уход с работы, другие преступления, не повлекшие за собой тяжких последствий.

Берия внес предложение амнистировать около 1 млн человек, осужденных на срок до 5 лет за должностные, хозяйственные и некото-

¹ См.: *Старков Б.* Сто дней «лубянского маршала» // *Источник.* 1993. № 4. С. 82–90; «Следствие прибегло к извращенным приемам» // Там же. С. 91–100. См. также: *Лаврентий Берия.* 1953. С. 54–57.

² См.: «Новый курс» Л.П. Берии. Публикацию подготовили Кокурин А.И., Пожаров А.И. // *Исторический архив.* 1966. № 4. С. 152–156. См. также: *Лаврентий Берия.* 1953. С. 20, 39–42.

³ См.: *Лаврентий Берия.* 1953. С. 21–23.

рые воинские преступления, беременных и женщин, имеющих детей до 10 лет, несовершеннолетних, тяжело больных и престарелых.

27 марта 1953 г. Президиум Верховного Совета издал Указ «Об амнистии»¹, по которому на свободу вышло свыше миллиона людей, более одной трети (!) заключенных. Несколько месяцев спустя, когда на Пленуме ЦК КПСС будет вершиться политический суд над уже арестованным Берией, Хрущев оценит это событие как «дешевую демагогию». Не подлежали амнистии те, кто попал за решетку по знаменитой 58 статье (политические преступления), а также убийцы и бандиты.

Планировалось отменить указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 г., на основании которого особо опасные государственные преступники могли быть сосланы в бессрочную (!) ссылку. К их числу относились, по политической терминологии того времени, шпионы, террористы, троцкисты, правые, меньшевики, анархисты, националисты, белоэмигранты и участники других антисоветских организаций и групп и лица, «представляющие опасность по своим антисоветским связям и вражеской деятельности». Кроме того, Особое совещание при МГБ СССР имело право направлять в бессрочную ссылку лиц, уже отбывших наказание по этим статьям. По данным МВД СССР, в 1949–1953 гг. (время действия указа) на бессрочное поселение было сослано 58218 человек. МВД предполагало обратиться в Правительство и Верховный Совет СССР с предложением отменить этот указ как противоречащий советскому законодательству².

Министр внутренних дел внес также предложение об ограничении прав Особого совещания при МВД СССР. Особое совещание – внесудебный орган, обладавший правом выносить приговоры вплоть до расстрела, ссылая на бессрочное поселение лиц, ранее арестованных по обвинению в шпионской и диверсионно-террористической деятельности или принадлежности к антисоветским организациям, выселять из Литвы, Латвии, Эстонии, Западной Украины в отдаленные местности СССР членов семей участников «националистического подполья» и многое другое. Особое совещание, по предложению Берии, должно было ограничиться рассмотрением только тех дел, «которые по оперативным или государственным соображениям не могут быть переданы в судебные органы», и не применять меры наказания сроком свыше 10 лет заключения.

¹ Правда. 1953. 28 марта.

² Любопытно, что этот Указ был отменен только в 1955 г., руководствуясь практически теми же аргументами, которые были изложены весной 1953 г. – *Прим. авт.*

В проекте постановления Президиума ЦК КПСС, приложенном к письму Берии, предполагалось «пересмотреть изданные за последние годы ЦК ВКП(б), Президиумом Верховного Совета и Советом Министров Союза ССР Указы и Постановления, противоречащие советскому уголовному законодательству и предоставившие Особому совещанию широкие карательные функции»¹. Несомненно, что пересмотр законодательства должен был повлечь за собой и пересмотр дел людей, осужденных Особым совещанием.

На заседании Президиума ЦК предложение Берии не встретило одобрения. Хрущев, поддержанный Молотовым и Кагановичем, заявил, что он «категорически против этого, потому что надо пересмотреть всю систему арестов, суда и следственной практики... А вопрос, на 20 или на 10 лет судить, особого значения не имеет, потому что можно осудить сначала на 10 лет, а потом еще на 10..., и еще раз на 10 лет»².

4 апреля 1953 г. Берия подписал приказ «О запрещении применения к арестованным каких-либо мер принуждения и физического воздействия», в котором говорилось, что «в следственной работе органов МГБ имели место грубейшие извращения советских законов, аресты невинных советских граждан,.. широкое применение различных способов пыток – жестокие избиения арестованных, круглосуточное применение наручников на вывернутые за спину руки,.. длительное лишение сна, заключение арестованных в раздетом виде в холодный карцер...». Изуверские «методы допроса» приводили к тому, что «многие подследственные доводились... до состояния упадка физических сил, моральной депрессии, а отдельные из них – до потери человеческого облика». «Пользуясь таким состоянием арестованных, – говорилось далее в приказе, – следователи-фальсификаторы подсовывали им заблаговременно сфабрикованные “признания” об антисоветской и шпионско-террористической деятельности».

В приказе содержались требования: запретить применение к арестованным «мер физического воздействия», «ликвидировать в Лефортовской и внутренней тюрьмах организованные руководством б[ывшего] МГБ СССР помещения для применения к арестованным физических мер воздействия, а все орудия, посредством которых осуществлялись пытки, уничтожить»³.

Серьезные изменения произошли в самом Министерстве внутренних дел. Уже в первые дни управления МВД Берия обратился к Маленкову с предложением вывести из системы МВД целый ряд струк-

¹ «Новый курс» Л.П. Берии. С. 160–161. См. также: Лаврентий Берия. 1953. С. 64–66.

² Старков Б. Указ. соч. С. 85.

³ Лаврентий Берия. 1953. С. 30–31.

турных подразделений, в частности, передать «Дальстрой» на Колыме, спецуправление «Енисейстрой», Главное управление золото-платиновой промышленности («Главзолото») Министерству металлургической промышленности, Управление «Гидропроект» – Министерству электростанций и электропромышленности СССР. Промышленные предприятия МВД переходили также в Миннефтепром, Министерства путей сообщения, промышленности стройматериалов, лесной и бумажной промышленности, морского и речного флота.

Прекращали существование «великие стройки социализма», сооружавшиеся бесплатным трудом узников ГУЛАГа. В их числе железные дороги «Чум – Салехард – Игарка», «Байкало-Амурская магистраль», «Красноярск – Енисейск», тоннель, который должен был связать материк с островом Сахалин, многочисленные гидросооружения – от Главного Туркменского канала до Волго-Балтийского водного пути; многие заводы¹.

Планировалось также передать ГУЛАГ – исправительно-трудовые лагеря и колонии с лагерным аппаратом и военизированной охраной – в ведение Министерства юстиции СССР².

Эти действия Берии имели важное значение для экономики СССР: МВД было не только карательным, но и промышленно-производственным министерством. Только сметная стоимость программы капитального строительства МВД составляла огромную для того времени сумму – 105 млрд рублей.

Крупные изменения происходили в штате МВД. Многие сотрудники МГБ, осужденные по «делу Абакумова», были реабилитированы и вернулись на службу, уже в МВД. В Секретно-политическом управлении снова оказались генерал-майор Утехин, его «подельники» Свердлов, Литкенс, Бендерский; в аппарате Министерства – генерал-лейтенант Кузьмичев, возглавивший 9-е управление, знаменитую «девятку», службу охраны высшего руководства страны; начальником Инспекции Министерства был назначен генерал-лейтенант Райхман, один из главных обвиняемых по «делу Абакумова».

Унаследована была и другая структура бывшего МГБ, созданная Абакумовым на основании решения Политбюро в 1950 г. – 2-й специальный отдел, проводивший подслушивание и запись телефонных разговоров партийного и государственного руководства (практика такой деятельности, как мы уже отмечали, сложилась задолго до 1950 г.)

Берия осуществлял личный контроль за деятельностью важнейших структур МВД: 3-го управления (разведка и контрразведка в Совет-

¹ См.: «Новый курс» Л.П. Берии. С. 137–142.

² См.: там же. С. 148.

ской Армии и ВМФ), 9-го – охрана правительства, 10-го – комендатура Московского Кремля, управления кадров, шифровального управления, следственной части, контрольной инспекции и ряда других.

Внешнеполитические инициативы Берии. В поле зрения Берии оказались конфликтные ситуации в некоторых странах «социалистического лагеря», прежде всего в ГДР, Венгрии и Югославии.

Руководство Германской Демократической Республики копировало советский опыт – с коллективизацией и курсом на развитие тяжелой промышленности. На второй конференции Социалистической единой партии Германии (9–12 июля 1952 г.) главной задачей страны объявлялось «ускоренное строительство социализма». При фактически открытых границах между восточной и западной частями Берлина ответом стало массовое бегство населения на Запад. Бежали рабочие и врачи, члены СЕПГ и беспартийные. С января 1951-го по апрель 1953 г. из ГДР в Западную Германию бежало 447 тыс. человек. Положение в стране становилось взрывоопасным.

В этих условиях Берия подал в Президиум Совмина СССР записку, в которой откровенно сообщал о кризисных явлениях в ГДР. В апреле и мае 1953 г. вопрос о положении в ГДР несколько раз обсуждался на заседаниях Президиумов ЦК КПСС и Совмина СССР.

18 мая 1953 г. был подготовлен проект постановления Президиума Совета Министров СССР «Вопросы ГДР»¹. В проекте поручалось «т.т. Маленкову, Берии, Молотову, Хрущеву, Булганину в трехдневный срок выработать с учетом обмена мнениями на заседании Президиума Совета Министров СССР предложения о мерах по исправлению неблагоприятного политического и экономического положения, создавшегося в Германской Демократической Республике, что находит свое выражение в массовом бегстве немецкого населения в Западную Германию».

Затем следовал удивительный тезис: при выработке предложений «исходить из того, что основной причиной неблагоприятного положения в республике является *ошибочный в нынешних условиях курс на строительство социализма, проводимый в ГДР*» (курсив мой. – Авт.).

Впрочем, ответственность за кризис возлагалась не только на руководителей Германской Демократической Республики, подчеркивалось, что «с советской стороны, как это видно теперь, были даны в свое

¹ Вопрос внесен по предложению Л.П. Берии. – Прим. авт.

время неправильные указания по вопросам развития ГДР в ближайшее время».

В проекте документа предлагалось:

а) отказаться в настоящее время от курса на строительство социализма в ГДР и создания колхозов в деревне;

б) пересмотреть проведенные в последнее время правительством ГДР мероприятия по вытеснению и ограничению капиталистических элементов в промышленности, торговле и сельском хозяйстве, имея в виду отменить в основном эти мероприятия.

27 мая 1953 г. на заседании Президиума Совета Министров СССР споры о положении в ГДР продолжились. Большинство было согласное с предложениями отказаться от планов строительства социализма в ГДР и создания колхозов в деревне. Берия настаивал на демилитаризации Германии, ее объединении и создании нейтрального демократического государства.

28 мая министр иностранных дел СССР В.М. Молотов внес в проект постановления Президиума Совмина СССР принципиальное изменение. Во фразу: «Отказаться в настоящее время от курса на строительство социализма в ГДР» Молотов добавил только одно слово, но оно меняло весь смысл документа: «от *ускоренного* курса на строительство социализма»¹. Это означало: социализм в ГДР строить нужно, хотя и не так быстро. Это, в свою очередь, перечеркивало все планы на объединение и «финляндизацию»² Германии.

Новый советский курс по отношению к ГДР был зафиксирован распоряжением Совмина СССР от 2 июня 1953 г. «О мерах по оздоровлению политической обстановки в ГДР». В документе констатировалась кризисная обстановка в стране, приводилась статистика массового бегства в Западную Германию, критиковались меры руководства ГДР по ускоренному строительству социализма. Отмечалось, что из-за насильственной коллективизации оказались брошенными более 500 тысяч гектаров сельхозугодий.

Для исправления положения предписывалось:

– признать неправильным курс на форсирование строительства социализма;

– прекратить насаждение сельскохозяйственных производственных кооперативов;

– отказаться от политики ограничения и вытеснения среднего и мелкого частного капитала как от преждевременной меры;

¹ Лаврентий Берия. 1953. С. 240, 246, 403.

² «Финляндизация» – политический термин, означающий признание нейтрального статуса страны, не вовлеченной в военные блоки. – *Прим. авт.*

– пересмотреть пятилетний план развития народного хозяйства ГДР и отказаться от «чрезмерно напряженных темпов развития тяжелой промышленности»¹.

Вопрос о будущем ГДР вызвал острые споры в Президиуме ЦК. Месяц спустя на Пленуме ЦК КПСС, где были предъявлены обвинения Берии, Н.А. Булганин вспоминал: «Здесь говорилось о германском вопросе – это был крупный вопрос, по которому ему (Берии. – *Авт.*) был дан отпор на заседании Президиума по существу. ...Вопрос стоял о том, по какому пути нам вести Германию – по пути укрепления Германской Демократической Республики или по пути ее ликвидации и превращения Германии в буржуазную Германию. Берия стоял на последней точке зрения. Члены Президиума высказались против Берия. На другой день было заседание так называемого специального комитета, председателем которого является Берия, в состав которого из членов Президиума вхожу я. Прибыв на заседание Президиума, он отложил заседание на час, чтобы поговорить со мной по германскому вопросу. Начал разговор по существу. <...> Я приводил ему примеры по нейтрализации Германии, что из этого ничего не выйдет. Приводил в качестве примера (советовался накануне с некоторыми товарищами), что в истории были такие вещи, как Версальский договор, по которому Германия была разоружена, а потом что получилось? Германия воспряла и напала на Советский Союз. <...> Он грубо и довольно нагло заявил следующее: “Этого дальше продолжаться не может. Если так дело пойдет, то нам придется некоторых министров из состава Президиума вывести, снять с постов министров”. Я говорю, что у нас в составе Президиума министры Молотов, Булганин и Берия, о ком идет речь? Он говорит: “Сложившееся руководство придется изменить”. Это же прямая угроза, что если, мол, ты будешь продолжать такую линию, не будешь голосовать за мои предложения, то мы тебя просто выгоним»².

«Обвинительный уклон» выступления Булганина вполне очевиден. Вместе с тем его слова свидетельствуют об острых конфликтах внутри нового «коллективного руководства».

Укажу на одну деталь, важную не столько для понимания ситуации в ГДР, сколько для оценки положения самого Берии. В ходе об-

¹ Лаврентий Берия. 1953. С. 57–61. 16 июня 1953 г. в Восточном Берлине начались забастовки, переросшие в восстание. 17 июня беспорядки перекинулись на города Росток, Лейпциг, Магдебург и др. 17 июня в Берлин и ряд других городов были введены советские войска, которые наряду с полицейскими частями ГДР, применив оружие, жестоко подавили восстание. Подробнее см.: 17 Juni 1953: Arbeiteraufstand in der DDR / Hrsg. von I. Spittmann, K.W. Fricke. – Köln, 1982.

² Лаврентий Берия. 1953. С. 113.

суждений этой проблемы, с апреля до начала июня 1953 г., ранг итогового документа неуклонно понижался. В итоге он был оформлен не постановлением Президиума ЦК КПСС или Президиума Совмина СССР, а всего лишь распоряжением Совмина СССР. Делопроизводственная суть документа при этом не изменилась. Однако для людей, знакомых с правилами функционирования бюрократического механизма в СССР, было очевидно понижение статуса инициатора появления этого документа – Берии.

Не менее сложная ситуация складывалась в Венгрии. Руководство республики во главе с убежденным сталинистом М. Ракоши проводило политику индустриализации и коллективизации. Результатами этой политики стали:

- резкое снижение уровня жизни;
- разорение крестьянства;
- ухудшение продовольственного снабжения страны, восстановление карточной системы. Венгрия, впервые за свою историю, была вынуждена закупать зерно за рубежом¹.

По словам М. Ракоши, Берия позвонил ему в начале июня 1953 г. и потребовал замены министра внутренних дел. Ракоши возражал. Вскоре он получил из Москвы телеграмму, предлагавшую срочно отправить на переговоры венгерскую делегацию.

12 июня 1953 года в кабинете Председателя Совета Министров СССР Маленкова состоялась встреча венгерской партийной делегации с членами Президиума ЦК КПСС. С венгерской стороны во встрече принимали участие М. Ракоши, И. Надь, Э. Гере, А. Хегедюш и другие, с советской – Г.М. Маленков, Н.С. Хрущев, Л.П. Берия, В.М. Молотов, А.И. Микоян, Л.М. Каганович, Н.А. Булганин и посол Советского Союза в Венгрии Е.Д. Киселев.

«Советские товарищи, – вспоминал М. Ракоши, – сидели вдоль стены, мы – напротив. Меня посадили напротив Берии, который, по сути дела, вел встречу. После краткого и ничего не говорящего выступления Маленкова слово было предоставлено мне и я коротко рассказал, что мы сделали на основе полученных советов. Вслед за мной выступил Берия, задав тон общей атаке на работу партии. Советские товарищи были хорошо подготовлены, некоторые из них по заранее написанному тексту или опираясь на него, каждый в своей области доказывали, как плохо и ошибочно работает наша партия. Особым нападкам подвергался я лично. Исключительно резко был поставлен вопрос о культе личности в Венгрии (выражение “культ личности” я то-

¹ См.: «Любям свойственно ошибаться»: Из воспоминаний М. Ракоши // Исторический архив. 1998. № 3. С. 3–4.

гда услышал впервые). <...> В деталях говорилось об экономическом, политическом, военном положении страны, при этом звучало немало правильной критики, но в конечном итоге все сводилось к тому, что мы все делали плохо. <...>

Берия поднял вопрос о нарушении законности, подробно доказывая, что я, собственно говоря, делал в Венгрии то же самое, что делал Сталин в Советском Союзе»¹.

На встрече, продолжавшейся несколько дней – до 16 июня 1953 г. включительно, был поднят вопрос о разделении высших партийных и государственных постов. Советская сторона настаивала, что Ракоши следует остаться во главе Венгерской партии трудящихся (ВПТ), а И. Надя назначить премьер-министром². С этим предложением выступили Маленков и Берия. «Причина этого, возможно, состояла в том, – писал позднее Ракоши, – что Берия считал пост Председателя Совета Министров более важным, чем пост первого секретаря. В ходе беседы он стал излагать, что задача партии должна состоять в том, чтобы как следует вести агитацию и пропаганду и, кроме того, поддерживать правительство в выполнении его мероприятий. Я сразу обратил внимание на эти необычные формулировки и попросил его по возможности высказаться подробнее. Однако Берия грубо отверг эту просьбу (“Товарищ Ракоши поднимает праздные вопросы”))»³.

Этот поворот в беседе имел, как оказалось, принципиальное значение. По словам Хрущева, Берия тогда с пренебрежением заявил: «Что ЦК, пусть Совмин решает, ЦК пусть занимается кадрами и пропагандой»⁴.

Между тем никакой партийной (или антипартийной, в чем его позже обвиняли) ереси Берия не допустил. Более того, он довольно точно выразил смысл решений мартовского Пленума ЦК КПСС 1953 г.⁵, разделившего функции партийного и государственного управления и установившего главенство госаппарата. Вспомним хотя бы один из пунктов постановления этого Пленума: «председательствование на заседаниях Президиума ЦК КПСС возложить на тов. Г.М. Маленкова (Председателя Совмина СССР. – *Авт.*)». Однако такое положение уже перестало устраивать секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева.

¹ «Людям свойственно ошибаться»... С. 8–10.

² Имеет смысл учесть то, что И. Надя был венгром, тогда как в руководстве Венгрии преобладали евреи. Это создавало определенные политические проблемы. (См.: Исторический архив. 1994. № 3. С. 54).

³ «Людям свойственно ошибаться»... С. 9.

⁴ Лаврентий Берия. 1953. С. 407.

⁵ АП РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 25. Л. 1–10.

Наконец, в наследство от Сталина достался острейший конфликт с руководством Югославии. Берия и тут предпринял попытки восстановить прямые контакты с югославским руководством по линии ЦК. При аресте Берии был обнаружен важный документ – письмо А. Ранковичу, министру внутренних дел Югославии и ближайшему сотруднику Тито, где говорилось:

«Пользуюсь случаем, чтобы передать Вам, товарищ Ранкович, большой привет от товарища Берия, который хорошо помнит Вас.

Товарищ Берия поручил мне сообщить лично Вам строго конфиденциально, что он и его друзья стоят за необходимость коренного пересмотра и улучшения взаимоотношений обеих стран.

В связи с этим товарищ Берия просил Вас лично информировать об этом товарища Тито, и если Вы и товарищ Тито разделяете эту точку зрения, то было бы целесообразно организовать конфиденциальную встречу особо на то уполномоченных лиц. Встречу можно было бы провести в Москве, но если вы считаете это почему-либо неприемлемым, то и в Белграде.

Товарищ Берия выразил уверенность в том, что об этом разговоре, кроме Вас и товарища Тито, никому не станет известно»¹.

На Пленуме ЦК в июле 1953 г. Молотов заявил, что «по разработанному им (Берией. – *Авт.*) плану соответствующий представитель МВД в Югославии должен был передать в Белграде письмо Ранковичу...»

Как и Маленков, Молотов клеймил Берию, обвинял в том, что «ничего другого, кроме возврата к капитализму, не имел этот капитулянт-предатель. Разве не ясно, что означает эта попытка Берия сговориться с Ранковичем и Тито, которые ведут себя как враги Советского Союза? Одного этого факта было бы достаточно, чтобы сделать вывод: Берия – агент чужого лагеря, агент классового врага»².

Отношения с Югославией нужно было нормализовать. Но ускоренный вариант, предложенный Берией, его коллег по партийному руководству не устраивал. Два года спустя на июльском Пленуме ЦК 1955 г. уже Хрущев будет жестоко критиковать Молотова за то, что тот мешал восстановлению добрых отношений с Югославией³. Но и тогда Хрущев продолжал обличать «вероломные методы» «прожженного авантюриста» Берии.

Вмешательство Берии в сферу внешней политики не ограничивалось только «странами социалистического лагеря». Он вносил пред-

¹ Лаврентий Берия. 1953. С. 224–225.

² Там же. С. 248.

³ Советско-югославские отношения: Из документов июльского Пленума ЦК КПСС 1955 г. // Исторический архив. 1999. № 2. С. 3–63; № 5. С. 3–50.

ложения и участвовал в обсуждении проблем прекращения войны в Корее¹, в подготовке процесса урегулирования взаимоотношений с Турцией по вопросу о режиме проливов, переговоров с Ираном о взаимных финансовых претензиях, торговых договорах и пограничных вопросах².

Подводя итоги внешнеполитической деятельности Берии, необходимо отметить следующее:

- беспрецедентность стремления министра *внутренних дел* заниматься *внешней* политикой;

- последовательный прагматизм его представлений о геополитических интересах СССР. С его точки зрения, для СССР была целесообразнее и безопаснее нейтральная, не вовлеченная в блоки Германия. Он был способен перешагнуть через унаследованный от Сталина острый конфликт с «кликой Тито – Ранковича» и восстановить нормальные отношения с Югославией;

- стремление добиться «самодостаточности» соседних стран, их способности самим решать свои экономические и политические проблемы даже ценой отступления от коммунистической догматики с ее планами индустриализации и коллективизации;

- предвидение возможности антисоветских выступлений в странах Центральной Европы и попытки предотвращения их свойственными ему методами.

Отдельная тема – степень реалистичности внешнеполитических устремлений Берии. Его действия в сфере внешней политики вызывали раздражение не только у коллег в Москве, но и у некоторых «руководителей братских коммунистических партий».

Существовала и другая проблема. Европа и весь мир входили в эпоху глобального противостояния и соперничества. Стремление навязать свои ценности, свой образ жизни – советский или американский – становилось частью мировой политики. Идеологизированность – советская или американская – вытесняла прагматизм.

Попытки Берии внести изменения в национальную политику.

В аппарате Берии были подготовлены несколько документов, в которых оценивалась политическая ситуация в ряде республик. Документы эти носили, несомненно, программный характер и выходили далеко за пределы компетенции МВД, хотя формальным поводом для

¹ 19 марта 1953 г. Совмин СССР утвердил постановление «Вопрос МИДа», в котором советское правительство приняло решение обратиться к руководству КНДР и КНР с предложениями о возобновлении переговоров о перемирии с Южной Кореей и ее союзниками. – *Прим. авт.*

² См.: Лаврентий Берия. 1953. С. 75, 406.

их подготовки послужила сложная обстановка в западных областях СССР. Предложения Берии были обсуждены и оформлены в виде постановлений Президиума ЦК КПСС о положении в трех республиках – Украине, Литве и Белоруссии.

В постановлении «Вопросы западных областей Украинской ССР» от 26 мая 1953 г. отмечалось: «политическое положение в западных областях Украины продолжает оставаться неудовлетворительным», значительная часть населения проявляет недовольство деятельностью местных партийных и хозяйственных органов, «только за три месяца 1953 года военной цензурой конфисковано около 195 тысяч писем, адресованных за границу из западных областей Украины, в которых содержатся отрицательные высказывания о действиях местных органов власти».

В документе указывалось, что колхозники получают низкие доходы, уровень их жизни ухудшается, «при этом налоговая система в деревне осуществляется неправильно, без учета экономического состояния колхозов и сельского населения».

Массовое недовольство населения вызывали «факты грубого искривления ленинско-сталинской национальной политики. В руководящем партийно-советском активе кадры работников из западных украинцев составляют незначительную часть, а почти все руководящие посты в партийных и советских органах заняты работниками, командированными из восточных областей УССР и других республик Советского Союза. Так, например, из 311 руководящих работников областных, городских и районных партийных органов западных областей Украины только 18 человек из западноукраинского населения.

Особенно болезненно воспринимается населением Западной Украины огульное недоверие к местным кадрам из числа интеллигенции. Например: из 1718 профессоров и преподавателей 12 высших учебных заведений города Львова к числу западноукраинской интеллигенции принадлежат только 320 человек, в составе директоров этих учебных заведений нет ни одного уроженца Западной Украины, а из 25 заместителей директоров только один является западным украинцем».

Постановление оценивало как «ненормальное явление» тот факт, что в высших учебных заведениях преподавание абсолютного большинства предметов велось на русском языке. «Это говорит о том, что ЦК КП Украины и обкомы партии западных областей не понимают всей важности сохранения и использования кадров западноукраинской интеллигенции. Фактический перевод преподавания в западноукраинских вузах на русский язык, – говорилось в постановлении Президиума ЦК КПСС, – широко используют враждебные элементы, называя это мероприятие политикой русификации».

Особая тема – фактически продолжавшаяся гражданская война на Западной Украине. В постановлении сообщалось, что «с 1944 по 1952 гг. в западных областях Украины подверглось разным видам репрессий до 500 тысяч человек, в том числе арестовано более 134 тыс. человек, убито более 153 тыс. человек, выслано навечно из пределов УССР более 203 тыс. человек. О явной неудовлетворительности проводимых мер борьбы с буржуазно-националистическим подпольем говорит тот факт, что около 8 000 человек из молодежи, подлежащей набору в ремесленные училища и школы ФЗО, перешли на нелегальное положение».

Президиум ЦК заявлял, что «ЦК КП Украины и обкомы партии западных областей до сих пор не могут учесть, что борьбу с националистическим подпольем нельзя вести только путем массовых репрессий и чекистско-войсковых операций, что бестолковое применение репрессий лишь вызывает недовольство населения и наносит вред делу борьбы с буржуазными националистами».

Далее следовали оргвыводы:

«1. Признать неудовлетворительным руководство ЦК КП Украины и Совета Министров УССР западными областями Украины.

2. Снять т. Мельникова Л. Г. с поста первого секретаря ЦК КП Украины как не обеспечившего руководства и отозвать его в распоряжение ЦК КПСС.

3. Рекомендовать первым секретарем ЦК КП Украины тов. Кириченко А.И., нынешнего второго секретаря ЦК КП Украины.

<...>

7. Обязать ЦК КП Украины и обкомы партии западных областей решительно покончить с извращениями ленинско-сталинской национальной политики нашей партии, с порочной практикой выдвижения на руководящую партийную и советскую работу в западных областях Украины преимущественно работников из других областей УССР и других республик Советского Союза, а также с недооценкой политического значения преподавания в вузах Западной Украины на украинском языке, серьезно улучшив дело подготовки и переподготовки кадров и смелее выдвигая работников из населения Западной Украины на руководящие посты в партийные, советские и хозяйственные органы. Потребовать от руководителей партийных и советских органов Украинской ССР добиться изжития огульного недоверия к западноукраинским кадрам.

<...>

9. Обеспечить наличие в руководящем составе ЦК КП Украины и в Правительстве Украинской ССР работников из западных украинцев»¹.

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 846. Л. 135–40; Лаврентий Берия. 1953. С. 48–51.

Беспрецедентным был пункт 13 постановления: «Поручить ЦК КП Украины в ближайшее время провести пленумы обкомов и горкомов КП Украины западных областей Украины, на которых обсудить данное Постановление ЦК КПСС и докладную записку тов. Л.П. Берия, разработать и в месячный срок представить на утверждение ЦК КПСС конкретные мероприятия по практическому осуществлению этого Постановления».

В тот же день, 26 мая 1953 г., Президиум ЦК КПСС принял второе постановление – «Вопросы Литовской ССР», которое в основных деталях повторяло предыдущий документ. Руководство Литвы обвинялось в извращении «ленинско-сталинской национальной политики», в том, что в Совмине и ЦК Компартии Литвы мало литовцев.

В постановлении приводилась статистика: «из четырех заместителей Председателя Совета Министров Литовской ССР только один является литовцем, в аппарате ЦК КП Литвы из 15 заведующих отделами литовцев только 7, в Вильнюсском обкоме из 16 заведующих отделами и секторами всего 3 литовца, в аппарате Каунасского горкома из 8 заведующих отделами литовец только один...». Почти не было литовцев в аппарате бывшего Министерства государственной безопасности Литовской ССР, «из 87 начальников райотделов МГБ литовцев насчитывалось всего 9 человек, а из 85 начальников райотделов милиции – всего 10 литовцев».

Наличие на руководящих постах в партийных и советских органах людей, не знающих литовского языка, не знакомых с обычаями, культурой и бытом литовского населения, затрудняет сближение власти с массами и учет местных условий при осуществлении тех или иных общих мероприятий Партии и Правительства, а также дает пищу вражеским элементам для антирусской пропаганды. Кроме того, отсутствие делопроизводства на литовском языке еще более отдаляет власть от народных масс и способствует отчуждению от нее литовской интеллигенции».

В постановлении делался вывод, что «под видом бдительного отношения к буржуазно-националистическим элементам культивировалось огульное недоверие к национальным кадрам, что еще более препятствовало росту и выдвижению литовцев на руководящую работу как в центральные, так и в областные и районные партийные и советские органы».

В Литве так же, как и на Западной Украине, продолжало действовать антисоветское подполье. В документе приводились данные, что «за послевоенный период (1944–1952 гг.) подвергнуто разным видам репрессий более 270 тыс. человек, т. е. около 10 % всего населения».

Л.П. Берия, Г.М. Маленков, М.В. Молотов, Л.М. Каганович, А.М. Микоян
на Красной площади. 1 мая 1953 г.

При этом, констатировалось в постановлении, «не только не пойманы главаря подпольных центров, но и не пресечены их активные мероприятия против советской власти. До сих пор продолжают действовать подпольные типографии, печатающие в больших тиражах антисоветские газеты, листовки и брошюры, направленные против интересов литовского народа. Дело доходит до того, что для обеспечения участников подполья руководителям этого подполья удается собирать различного рода поборы с определенной части сельского населения и даже с отдельных колхозов».

Выводы этого постановления также повторяли те, что были приняты по Украине. Работа ЦК Компартии Литвы признавалась неудовлетворительной; на руководящие государственные и партийные должности, в том числе на должности вторых секретарей райкомов и горкомов, директоров совхозов, МТС и других предприятий, рекомендовалось назначать литовцев. «Освобождающихся в связи с этим номенклатурных работников, не знающих литовского языка, отозвать в распоряжение ЦК КПСС». Приказано было перевести делопроизводство в партийных и государственных учреждениях Литовской ССР на литовский язык, а в тех районах, где преобладало польское население, — на польский.

ЦК КП Литвы и Совет Министров Литовской ССР обязывали «в ближайшее время обеспечить ликвидацию в Литве буржуазно-националистического подполья и провести необходимые мероприятия по политическому оздоровлению республики».

Руководители страны на первомайской демонстрации 1953 г. Фото А. Устинова.

И в этом документе повторялось: «Поручить ЦК КП Литвы провести обсуждение данного постановления и докладной записки тов. Л.П. Берия о положении в Литовской ССР на Пленуме ЦК, разработать и в месячный срок представить на утверждение ЦК КПСС конкретные мероприятия по коренному улучшению работы партийных и советских органов Литвы»¹.

Спустя две недели, 12 июня 1953 г., по представлению Берии было принято постановление Президиума ЦК КПСС «Вопросы Белорусской ССР». Оно продолжало основную тему двух предыдущих постановлений: содержало требование повысить удельный вес национальных кадров в составе руководства республики. В документе указывалось на «наличие... серьезных недостатков в деле колхозного строительства». В республике насчитывалось много хозяйств, где доходы колхозников были незначительными: «в 1952 году в колхозах восточных областей было выдано на один трудодень, в среднем, деньгами – 37 копеек, зерном – 1 килограмм и картофелем – 1,4 килограмма, а в западных областях деньгами – 27 копеек, зерном – 1,3 килограмма и картофелем – полкилограмма»².

В постановлении предписывалось освободить Н.С. Патоличева от обязанностей первого секретаря ЦК КП Белоруссии, отзывав его в распоряжение ЦК КПСС, и рекомендовать первым секретарем ЦК КП

¹ АП РФ. Ф.3. Оп. 61. Д. 207. Л. 15–19. Лаврентий Берия. 1953. С. 51–54.

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 51. Л. 124; Лаврентий Берия. 1953. С. 63–64.

Белоруссии т. Зимянина М.В., члена ЦК КПСС, бывшего второго секретаря ЦК КП Белоруссии, освободив его от работы в Министерстве иностранных дел СССР.

Таким образом, на посту первого секретаря ЦК компартии Белорусской ССР русского должен был сменить (кстати, вопреки своему желанию) белорус.

Отметим примечательную деталь: в этом постановлении Президиума ЦК КПСС *уже нет* прежней формулировки: «Поручить ЦК КП ...провести обсуждение данного постановления и докладной записки тов. Л.П. Берия о положении в ... ССР на Пленуме ЦК, разработать и в месячный срок представить на утверждение ЦК КПСС конкретные мероприятия по коренному улучшению работы партийных и советских органов...»

Это не было случайностью.

В мае Берии удалось снять первого секретаря ЦК компартии Украины Л.Г. Мельникова, что означало прямое вмешательство министра внутренних дел в святая святых партийного аппарата – вопросы номенклатуры. Ему удалось добиться увольнения Патоличева с поста первого секретаря компартии Белоруссии. Однако в июне сделать это оказалось уже сложнее. Несмотря на постановление Президиума ЦК КПСС, Патоличев так и не оставил свою должность, а Зимянин не приступил к исполнению новых обязанностей.

Сопротивление партийного аппарата нарастало. Позиции Берии, судя по новой формулировке документа, ослабевали. Обсуждать записку Берии на своем Пленуме партаппарат республики не хотел. Понятно, что игнорировать постановление Президиума ЦК КПСС можно было лишь в том случае, если в самом Президиуме существовали влиятельные силы, гарантировавшие безнаказанность.

Предложения Берии в области национальной политики этим не ограничились. Есть прямые указания, что он настойчиво предлагал повысить роль России в составе Союза ССР.

Ослабление позиций министра внутренних дел. Позиции Берии в руководстве страны ослабевали быстро. Еще в марте 1953 г. он – лидер новой группировки власти. Он первый занял кабинет Сталина в дни его болезни и там готовил расстановку новой властной команды в стране. Он, министр внутренних дел, вместе с председателем Совмина СССР Г.М. Маленковым и секретарем ЦК Н.С. Хрущевым выступил на траурной церемонии у гроба Сталина. В апреле и мае 1953 г. Берия подготовил и осуществил ряд важнейших мер по реформированию политики карательных органов, изменений функций своего ми-

нистерства. В мае–июне он был инициатором важнейших решений по вопросам внешней и внутренней политики страны.

Однако уже в мае ему пришлось столкнуться с противостоянием коллег по «коллективному руководству», спорить с ними о политике по отношению к ГДР. В мае–июне проявилось открытое недовольство попытками Берии вмешаться в кадровую политику ЦК в союзных республиках. Берия подменял Председателя Совета Министров Маленкова в государственном управлении, министра иностранных дел Молотова – во внешней политике, министра обороны Булганина – в разработке мощнейших средств обеспечения обороны, фактически полностью контролируя и не допуская никого к успешно завершавшейся работе по созданию водородной бомбы. Берия игнорировал руководителя КПСС Н.С. Хрущева и партийный аппарат вообще, при каждом удобном случае подчеркивал независимость органов МВД от местного партаппарата, а в ряде случаев использовал органы МВД на местах для сбора информации, обычно поставлявшейся «наверх» именно партаппаратом.

О том, что столкновение между Берией и его коллегами по партийному руководству назревало, свидетельствовали многие признаки. Пользуясь тем, что архивное ведомство входило в структуру МВД, начальнику Центрального архивного управления Стырову были даны указания собрать компрометирующие сведения о Маленкове, такие материалы выявляли в Центральном государственном архиве Красной Армии, в архиве Чкаловской области¹. Хрущева, много лет работавшего на Украине, не могла не встревожить активность органов МВД в расследовании причин многочисленных провалов в политической и экономической жизни этой республики.

В условиях борьбы за власть, развернувшейся в коридорах Кремля, Берии противостояли такие сильные соперники, как Маленков, Председатель Совета Министров СССР, в недавнем прошлом связанный с деятельностью карательных ведомств, обладавший прочными позициями в партийном аппарате, и Хрущев, секретарь ЦК КПСС, унаследовавший эту должность в партии от Сталина. За Хрущевым стояла инерция партаппарата, ревниво следившего за попытками ограничить сферы его деятельности. Хрущева поддерживал министр обороны Булганин, его сослуживец по Москве в 30-х годах, когда один был первым секретарем горкома партии, а другой – председателем горисполкома.

На местах хорошо оплачиваемый аппарат МВД являлся «параллельной властью», во все вмешивавшейся и ни за что не отвечавшей.

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 484. Л. 110–111.

Этим он был опасен — как для партийных и государственных чиновников, так и для хозяйственных руководителей.

Позиции Берии не были прочными. Прежде всего, у него не было поддержки в партийном аппарате страны: он не был связан с собственным аппаратной деятельностью ЦК КПСС. В Совете Министров СССР Берия отвечал за достаточно узкую сферу деятельности: при всей огромной важности проблем создания ядерного оружия это был сравнительно небольшой сектор экономики и промышленности.

Его положение в Министерстве внутренних дел также не являлось непоколебимым. Напомним, Берия перестал быть наркомом (министром) внутренних дел в декабре 1945 г. Вновь министром МВД он стал только в марте 1953 г. Новое министерство было образовано, как мы уже упоминали, из двух враждовавших между собой ведомств — Министерства государственной безопасности и МВД, и поэтому не могло быть единым. Более того, массовое возвращение из тюрем арестованных в конце 40-х — начале 50-х годов сотрудников МГБ и их назначение Берией на ключевые посты в новом министерстве, породили конкуренцию, создавали конфликты. Ведомство, собранное из двух министерств, унаследовавшее противоречия прошлого, вымуштрованное многочисленными репрессиями, никогда не выходившее из-под политического контроля ЦК, недовольное, как показали последующие события, пересмотром «дела врачей», изменениями в карательной политике, отнюдь не было монолитом, на который Берия мог бы опереться.

Берия становился все более опасной фигурой для разных людей и по разным причинам. Его боялись и ненавидели. Для большинства он был опасным ревизионистом, пытающимся подвергнуть переоценке основы сталинской политики, человек, настоявший на принятии 9 мая 1953 г. постановления Президиума ЦК КПСС «Об оформлении колонн демонстрантов и зданий предприятий, учреждений и организаций в дни государственных праздников», отменявшего использование на таких мероприятиях портретов действующих вождей. «Десакрализация» партийно-государственной власти вызвала резкое неприятие в партийном руководстве разного уровня.

Для военной верхушки Берия был опасным противником, которого ненавидел генералитет за репрессии конца 30-х — начала 50-х годов. Он отождествлялся (и не без оснований) с преследованиями высшего командного состава послевоенной поры, его «особисты» представляли постоянную угрозу для любого командира, непредсказуемую, а потому особенно ненавистную силу. Можно предположить, что личная причастность Берии к разработкам ракетно-ядерного оружия и неизбежно последовавшим за этим изменениям в структуре и роли родов войск Советской Армии также не вызвала энтузиазма у генералитета.

И для всех Берия оставался символом угрозы, возможности превращения любого человека в «лагерную пыль».

Обстоятельства заговора против Берии вряд ли когда-нибудь станут известны. Более того, позволю высказать предположение, что сам заговор возник едва ли не стихийно, когда Берию надо было срочно убрать, а что с ним делать дальше – никто не знал.

Главных заговорщиков, без сомнения, было трое.

Первый – Георгий Максимилианович Маленков.

Стимулом для его активных действий, скорее всего, послужило письмо Берии в Президиум ЦК КПСС о ходе следствия по делу М.Д. Рюмина, отправленное им 25 июня 1953 г., за день до собственного ареста. Напомним, Рюмин (бывший заместитель министра государственной безопасности, начальник Следственной части по особо важным делам) был одним из главных действующих лиц в «ленинградском деле», «деле МГБ», «деле врачей», «деле Еврейского антифашистского комитета». В марте 1953 г. его арестовали. 10–13 июня 1953 года Рюмина допрашивали. На допросе он признался, что «в карьеристических целях систематически занимался фальсификацией следственных материалов, в результате чего по необоснованным обвинениям в тягчайших государственных преступлениях арестовывались и осуждались невинные люди».

Ничего нового для членов Президиума Берия не сообщал. Но не это являлось главной целью письма. Материалы допроса Рюмина доказывали, что непосредственным руководителем Рюмина был Игнатьев: «Встав на преступный путь обмана партии и продвинувшись при помощи вновь назначенного министром госбезопасности СССР Игнатьева, ...Рюмин, с ведома и одобрения Игнатьева, ввел широкую практику применения мер физического воздействия к необоснованно арестованным гражданам и фальсификации на них следственных материалов». В письме приводились многочисленные доказательства того, что *именно Игнатьев руководил Рюминым и деятельность Игнатьева не менее преступна, чем работа следователя-палача Рюмина*¹.

Кто же такой Степан Денисович Игнатьев? Старый партийный работник, последовательно и неуклонно делавший карьеру. С 1946 г. – на работе в аппарате ЦК ВКП(б)-КПСС. В 1950–1952 гг. занимал ключевой пост заведующего Отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК. По словам Рюмина, в октябре 1951 г. Игнатьев приказал ему написать донос на Абакумова. Именно Игнатьеву после ареста Абакумова было поручено стать представителем ЦК ВКП(б)

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 484. Л. 110–113.

в МГБ, а потом и возглавить Министерство государственной безопасности.

Непосредственным начальником Игнатьева, не административным, а что называется, «по жизни», был Маленков¹. Именно через Маленкова Сталин давал Игнатьеву указания о проведении следствия. Сталин и Маленков участвовали в редактировании обвинительного заключения, подготовленного МГБ по «делу врачей»².

После смерти Сталина Игнатьева отблагодарили – он стал секретарем ЦК КПСС, однако вскоре попал в беду. «Дело врачей», «дело Абакумова» продолжали жить своей, изменившейся жизнью. Вчерашние следователи оказались подследственными, и теперь уже у них выбивали показания – кто был заказчиком этих дел?

Игнатьева вывели из секретарей ЦК. Дальше – больше. Он был выведен из ЦК КПСС и едва не исключен из партии. Показания Рюмина убедительно свидетельствовали о причастности Игнатьева к фальсификации не только «дела врачей», но и «ленинградского дела», «дела о Еврейском антифашистском комитете». После обвинений, изложенных в письме Берии в Президиум ЦК, Игнатьева необходимо было арестовать и судить. Следствие неминуемо привело бы к Маленкову.

Мы утверждаем: раскрытие предыстории «дела врачей» и других политических процессов конца 40-х – начала 50-х годов было политически опасно для Маленкова. Отсюда – особая заинтересованность председателя Совета Министров СССР в устранении Берии, инициатора этого расследования.

Другой несомненный участник заговора – Никита Сергеевич Хрущев. Он любил вспоминать об этом, гордился своим участием в аресте. Впрочем, рассказывая о «злodeе» Берии, Хрущев никогда не объяснял, почему так резко изменил отношение к своему давнему другу. Дружбу с Берией секретарь ЦК не только не скрывал, но даже бравировал ею на июльском 1953 г. Пленуме ЦК, когда шел партийный суд над Берией. Однако у Хрущева были основания опасаться Берии, так же как и помалкивать о природе этих опасений. При помощи аппарата МВД Берия последовательно и основательно изучал ситуацию на Украине (мы уже говорили об этом). А компромата на бывшего первого секретаря ЦК Компартии Украины было предостаточно: процессы 1937–1938 гг. в Москве и на Украине, политические «заказные убийства», ответственность за тяжелейшие военные поражения в 1941–1942 гг.

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 216. Л. 51–59.

² Там же. Д. 222. Л. 209–212.

Булганин и Хрущев в Портсмуте во время визита в Великобританию.

К тому же Берия последовательно добивался разделения функций партии и государства, что означало подчиненное положение партийного аппарата и его вождя по отношению к государственным структурам. Хрущев с возмущением говорил с трибуны Пленума: «...Берия исключает руководящую роль партии, ограничивает ее роль работой с кадрами (и то, видимо, на первых порах) и пропагандой. Разве это марксистско-ленинский взгляд на партию? Разве так учили нас Ленин и Сталин относиться к партии?»¹.

Хрущеву вторил В.М. Молотов: «С марта месяца у нас создалось ненормальное положение... Почему-то все вопросы международной политики перешли в Президиум Совета Министров и вопреки неизменной большевистской традиции перестали обсуждаться на Президиуме ЦК. <...> Все это делалось под давлением Берия»².

Третий участник заговора – Николай Александрович Булганин. Без министра вооруженных сил СССР заговор был бы невозможен.

К главным действующим лицам присоединились некоторые члены Президиума ЦК и высшие офицеры.

Берию арестовали 26 июня 1953 г. на заседании Президиума ЦК КПСС (или Президиума Совета Министров СССР, что в данном слу-

¹ Лаврентий Берия. 1953. С. 235. Здесь и далее составителями в стенографическом отчете июльского Пленума ЦК 1953 г. подчеркнут текст, подвергшийся правке при его подготовке к печати и рассылке в парторганизации. – *Прим. авт.*

² Там же. С. 244.

чае одно и то же), в роли технических исполнителей выступили представители генералитета, среди которых были командующий войсками Московского военного округа генерал К.С. Москаленко и маршал Г.К. Жуков¹.

Этим событиям посвящена большая мемуарная литература, в которой живописуются подробности ареста Берии². Однако остается много недосказанного. Бывшие соратники, ставшие злейшими врагами, не откровенничали о внутренних побудительных причинах своих действий, предпочитая рассказывать о коварном интригане Берии. Собственное коварство и интриганство – не слишком благодарная тема для мемуаров. Этот сюжет будет рождать много домыслов и у историков будущих поколений – дела, подобные событиям 26 июня 1953 г., обычно готовятся без лишних бумаг, а те, что были, только в исключительных случаях попадают в архивы.

Подготовка к процессу. Берию арестовали и спрятали в бункер войск ПВО. В день ареста состоялось заседание Президиума ЦК КПСС. Участники заседания были в растерянности. Сохранилась черновая запись выступления Маленкова, датируемая 26 июня 1953 г.³. Обрывочные записи свидетельствуют о том, что выступление заранее не готовилось. Маленков в разных вариантах три, четыре раза повторял одну и ту же мысль: «Враги хотели поставить органы МВД над партией и правительством». Он, опять-таки с повторами, утверждал: «Органы МВД занимают такое место в системе госуд[арственного] аппарата, где имеется наибольш[ая] возможность злоупотребить властью».

Задача состоит в том, чтобы не допустить злоупотребл[ения] властью».

Маленков был недоволен политикой Берии в национальном вопросе: «факты – Укр[аина], Литва, Латв[ия].

Нужны ли эти меропр[иятия] ^b

Что получилось, как стали понимать?

МВД поправл[ял] партию и правит[ельство].

ЦК – на второй план».

Маленков записывал: «3. Неправильно и др. <...>

венгер[ский] вопр[ос] – Мы заранее не сговаривались <...>

Как исправить:

а) МВД – пост дать другому (Кр[угол]) + ЦК

¹ См.: Берия: Конец карьеры. – М., 1991. С. 262–289.

² См.: там же.

³ См.: Лаврентий Берия. 1953. С. 71–72. Буквой «b» публикаторы обозначили слова, вписанные Г.М. Маленковым на полях. – *Прим. авт.*

Управл[ение] охр[аны] – ЦК

С утра до вечера шагу не шагне[шь] без контроля! ^b

Наша охрана – у каждого в отд[ельности], тому, кого охр[аняют] (без доносов)

Мы при т[оварище] Ст[алине] недов[ольны] ^b

Орг[анизация] подслушив[ания] – ЦК – контроль

Т[оварищи] не увере[ны] кто и кого подслуш[ивает] ^b».

Особое внимание представляет заметка Маленкова о будущей судьбе Берии:

«? ...От поста зама [Совета Министров СССР] – освободить, назнач[ить] мин[истром] нефт[яной] пр[омышленности]

Потом! ^b».

Потом Берию ждал не пост министра нефтяной промышленности, а заточение в бункере, суд и пуля палача – генерал-полковника Батицкого¹.

Но это «потом».

Началась подготовка к суду. 29 июня 1953 г. было принято постановление Президиума ЦК КПСС «Об организации следствия по делу о преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берия». Постановление стало воплощением партийного понимания юстиции. Прочитую этот документ:

«1. Ведение следствия по делу Берия поручить Генеральному Прокурору СССР.

2. Обязать т. Руденко в суточный срок подобрать соответствующий следственный аппарат, доложив о его персональном составе Президиуму ЦК КПСС, и немедленно приступить с учетом данных на заседании Президиума ЦК указаний к выявлению и расследованию фактов враждебной антипартийной и антигосударственной деятельности Берия через его окружение (Кобулов Б., Кобулов А., Мешик, Саркисов, Гоглидзе, Шария и др.), а также к расследованию вопросов, связанных со снятием т. Строкача»².

Просто и незамысловато. Сменили Генерального прокурора. Сняли прежнего – Г.Н. Сафонова. Назначили нового. Сняли решением ЦК КПСС, хотя право сделать это имел только Верховный Совет СССР. Поставили Р.А. Руденко – старого сотрудника Хрущева, бывшего генерального прокурора Украинской ССР. Преступники уже были названы. Оставалось только «приступить с учетом данных на заседании Президиума ЦК указаний к выявлению и расследованию фактов вра-

¹ См.: Лаврентий Берия. 1953. С. 389.

² Там же. С. 74.

ждебной антипартийной и антигосударственной деятельности» этих людей.

Письма Берии. Берия пытался сопротивляться. Он использовал единственное оставшееся в его распоряжении средство – начал писать своим недавним соратникам. Первое письмо от 28 июня 1953 г. он адресовал Маленкову и передал через свою охрану. В этом письме Берия соглашался с решением ЦК, напоминал, что «работая в Грузии, в Закавказье, в Москве – в МВД, Совете Министров СССР и вновь в МВД, все, что мог, отдавал работе, старался подбирать кадры по деловым качествам, принципиальных, преданных нашей партии товарищей».

Берия говорил о своих заслугах по созданию новых видов оружия. «Прошу товарищей Маленкова Георгия, Молотова Вячеслава, Ворошилова Клементия, Хрущева Никиту, Кагановича Лазаря, Булганина Николая, Микояна Анастаса и других, пусть простят, если что и было за эти пятнадцать лет большой и напряженной совместной работы, – обращался он к своим недавним коллегам. <...> Георгий, прошу, если это сочтете возможным, семью (жена и старуха мать и сын Серго, которого ты знаешь) не оставить без внимания»¹.

Второе письмо, датированное 1 июля 1953 г.², стало своего рода изложением недавней истории страны одним из ее деятельных участников. Логика Берии сводилась к тому, что он все делал вместе со своими товарищами по партии – Маленковым, Молотовым, Ворошиловым, Хрущевым, Кагановичем, Микояном, Первухиным и Сабуровым. Он напоминал о совместных успехах, просил прощения за допущенные ошибки.

Берия писал, что решения по «реабилитации врачей, реабилитации арестованных по так называемому мингрельско [му] национальному центру в Грузии и возвращению неправильно сосланных из Грузии, об амнистии, о ликвидации паспортного режима, по исправлению искривления линии партии, допущенного в национальной политике и в карательных мероприятиях в Литовской ССР, Западной Украине и Западной Белоруссии» принимались вместе с ЦК и Правительством. Берия каялся за слишком большую активность в германском вопросе, при переговорах с венгерской делегацией, признавался в «недопустимой грубости и наглости с моей стороны в отношении товарищей Хрушев[а] Н. С. и Булганина Н.А.»

¹ Лаврентий Берия. 1953. С. 73–74.

² См.: там же. С. 74–80.

Берия защищал своих сотрудников в МВД – «Круглова, Кобулова, Серова, Масленникова, Федотова, Стаханова, Питовранова, Короткова, Сазыкина, Горлинского, Гоглидзе, Рясного, Судоплатова, Савченко, Райхмана, Обручникова, Мешика, Зырянова и многих других», считал их борцами «с врагами Советского Государства как внутри Страны так и вне ее».

Обращаясь к «дорогому Георгию» (Маленкову), Берия утверждал: «Все ценное в моей жизни связано [с] совместной работой с тобой. С первых же дней в 1938 г. по наведению порядка в МВД, твое участие в приемке и сдаче дел, укрепление кадрами МВД при твоей помощи, – большая, напряженная работа во время войны в Государственном Комитете Оборона...» Он напоминал, что им одновременно пришлось побывать на фронте: Маленкову – на Сталинградском, Берии – на Кавказском.

«Особо должен отметить нашу совместную активную многолетнюю работу в Специальном Комитете при Совете Министров по созданию атомного оружия, а позже – системам “Комета” и “Беркут” – управляемых снарядов», – писал Берия.

Берия сообщал Маленкову о текущей работе по руководству созданием новых образцов оружия – о подготовке испытаний водородной бомбы, новых ракетных систем.

Берия напоминал Маленкову о том, что оба они вскоре после войны попали в беду: «Почти одновременно освободили тебя из ЦК, а меня из МВД...».

Напоминал он и о своих личных заслугах перед Маленковым: «И когда не стало Товарища Сталина я не задумываясь называл тебя так же, к[а]к и другие товарищи, Председателем Правительства, и считал и считаю это единственно правильным».

Берия просил Маленкова о помощи.

«Вячеслав Михайлович! – обращался Берия в том же письме к Молотову. – У меня всегда было прекрасное ровное отношение к Вам...». У Берии был грех перед Молотовым – арест его жены. Но он оправдывался: эти дела «велись по прямому указанию т-ща Сталина, что может, очевидно, подтвердить т-щ Анастас Иванович и кое-кто другие...».

Берия вспоминал о трагических событиях начала войны: «...Вы прекрасно помните, когда в начале войны было очень плохо, и после нашего разговора с т-щем Сталиным у него на ближней даче. Вы вопрос поставили ребром у Вас в кабинете в Совмине, что надо спасать положение, надо немедленно организовать центр, который поведет оборону нашей родины, я Вас тогда целиком подержал и предложил Вам немедля вызвать на совещание т-ща Маленкова Г.М., а спустя

небольшой промежуток времени подошли и другие члены Политбюро, находившиеся в Москве. После этого совещания мы все поехали к т-щу Сталину и убедили его немедленно организовать Комитет Обороны Страны со всеми правами. Совместная работа в Комитете. Ваша исключительная роль в области внешней политики. Ваше прекрасное отношение ко мне в бытность на конференциях (я об этом многим товарищам рассказывал) в Тегеране, Ялте и Потсдаме, где, к[а]к знаете, я и не был делегатом, а был по роду своей работы, хотя Вы и настаивали.

Я привел бы и другие факты, но скажу одно, что я не раз говорил, тот, кто ссорит Молотова со Сталиным, то совершает чудовищное преступление перед нашей Страной и нашей партией. Я думаю, что это могут подтвердить т-щи Маленков Г.М. и Микоян А.И. и др. Очень часто, раньше, а еще недавно тов-щ Сталин называл сводниками Маленкова Г.М. и меня, имея виду Вас и Микояна».

Берия нашел слова и для Ворошилова, напомнив, как он защищал старого маршала в войну перед Сталиным; для Хрущева, отношением которого «всегда дорожил»; для Булганина: «Никогда и нигде я тебе плохого не делал. Помогал честно и как мог...».

«Дорогой Георгий, — вновь обращался Берия к Маленкову, — прошу тебя понять меня, что ты лучше других знаешь меня. Я только жил, как лучше сделать, конечно в пределах своих возможностей вместе с Вами Страну Могущественной и славной, думать иначе обо мне просто недопустимо моей голове <...> Куда хотите, на какую угодно работу, самую маленькую пошлите, присмотритесь, я еще могу верных десять лет работать и буду работать всей душой и со всей энергией».

Было еще несколько писем, потом у арестованного отобрали бумагу и карандаш и запретили передавать письма...

Июль 1953 г. Пленум ЦК. Арест Берии вынудил политическое руководство страны определить важнейшие направления внутренней политики. На Пленуме ЦК официально прозвучала критика культа личности Сталина, были осуждены «необоснованные репрессии», ответственность за них всецело возлагалась на Берия, который не без успеха был превращен в символ этих репрессий. Отметим и большой общественный резонанс «дела Берии». Вне зависимости от фактического содержания это дело приобретало символический смысл, означая разрыв со сталинским временем.

Не дожидаясь приговора суда, Президиум Верховного Совета СССР за подписью своего председателя К.Е. Ворошилова уже 26 июня 1953 г., в день ареста, издал указ, в соответствии с которым Берия

лишали полномочий депутата Верховного Совета СССР, снимали с должности первого заместителя Председателя Совета Министров СССР, лишали всех званий и наград, а самого отдавали под суд.

Первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, член Президиума ЦК КПСС, маршал Советского Союза, который, выступая на похоронах Сталина, провозгласил его политического наследника, заявив, что среди самых важных решений, принятых после смерти Сталина и «направленных на обеспечение бесперебойного и правильного руководства всей жизнью страны» стало «назначение на пост Председателя Совета Министров СССР талантливого ученика Ленина и верного соратника Сталина Георгия Максимилиановича Маленкова», был арестован через четыре месяца после этого события! Требовались объяснения.

2–7 июля 1953 г. состоялся Пленум ЦК КПСС, на котором обсуждался вопрос «О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берия»¹. Хотелось бы обратить внимание читателей, что этот и подобные ему «кадровые» пленумы ЦК содержат своеобразную «фотографию» партийной верхушки в момент, когда официальную партийную точку зрения на происходящие события еще не успели закрепить и канонизировать. В таких ситуациях партийные вожди позволяли себе высказывания, о которых потом им приходилось жалеть. Отметим также, что картина, зафиксированная на «кадровых» пленумах, как правило, охватывала более широкий круг вопросов, чем вынесенный в повестку дня.

Однако вернемся к Пленуму.

На Пленуме проявились три подхода к делу Берии. Прежде всего, точка зрения Г.М. Маленкова. Его голос на Пленуме имел особый вес. Хорошо зная партийный ритуал, все последующие ораторы выделяли именно его выступление. Типичный пример: Н.А. Михайлов, первый секретарь Московского обкома КПСС, отмечал, что «в докладе товарища Маленкова ясно и остро изложена вся суть вопроса о подлой, провокаторской деятельности врага партии и советского народа Берия. В докладе товарища Маленкова изложены также и важнейшие задачи нашей *партийной работы* (курсив мой. – *Авт.*)». Таким образом, за Маленковым признавалось право быть первым в партии, если он – председатель Совета Министров СССР, высшее должностное лицо в государстве.

¹ Лаврентий Берия. 1953: Стенограмма июльского Пленума ЦК КПСС и другие документы. – М., 1999. С. 80–378. Здесь и далее выступления цитируются по этой публикации. Составителями в стенографическом отчете подчеркнут текст, подвергшийся правке при подготовке его к печати и рассылке в парторганизации. – *Прим. авт.*

Маленков выдвинул следующие обвинения против Берии:

- стремление проанализировать национальный состав руководящих кадров партийных органов в союзных республиках и заменить их местными кадрами. (Основные факты для обвинений Маленков заимствует из сообщения с Украины, от начальника управления МВД Львовской области)¹;

- нарушение директивы ЦК КПСС от 4 декабря 1952 г. «О положении в МГБ и о вредительстве в лечебном деле», содержащей требование «покончить с бесконтрольностью в деятельности органов Министерства госбезопасности и поставить их работу в центре и на местах под систематический и постоянный контроль партии». Вопреки этому Берия осуществлял систематическую слежку за руководителями партии и правительства под видом их охраны;

- вмешательство в международную политику, стремление нормализовать отношения с Югославией и отказ от планов строительства социализма в ГДР²;

- критика проведенной амнистии. «Мы... считаем, что эта мера по амнистии является совершенно правильной. Но, раскрыв теперь подлинное лицо Берия, мы приходим к заключению, что он подходил к этому мероприятию со своих позиций, он имел свои планы на этот счет». (Не очень внятно или очень осторожно, заметим вместе с читателями. Коллеги Г.М. Маленкова выскажутся по этому поводу гораздо определеннее.)

Наконец, Маленков обвинил Берия в том, что тот несет ответственность за негативные оценки Сталина в адрес Молотова и Микояна, за то, что мнение Сталин сформировалось «под влиянием клеветнических наветов со стороны вражеских элементов из Министерства внутренних дел», что предполагало, по мнению Маленкова, влияние Берии.

Несколько иная точка зрения была у Хрущева. (Н.С. Хрущев более говорлив и «неаккуратен» в своих высказываниях, зачастую проговаривается о тех деталях, которые противоречат его собственным утверждениям.)

Хрущев утверждал, что уже примерно за сутки до смерти Сталина он был встревожен известием о стремлении Берии стать министром МВД и «захватить такие позиции в государстве, чтобы иметь возможность установить шпионаж над членами Политбюро», и поделился этими опасениями с Н.А. Булганиным.

¹ Лаврентий Берия. 1953. С. 179.

² Спустя 2 года, Хрущев, прибыв в Белград договариваться о нормализации отношений, заявил, что ответственность за ухудшение отношений между СССР и Югославией несут «ныне разоблаченные враги народа – Берия и Абакумов». См: Правда. 1955. 27 мая. То, что именно Берия настаивал на улучшении отношений с Югославией, было предано забвению. – *Прим. авт.*

Хрущев обвинял Берия в создании «дутых дел», вроде «дела врачей», «мингрельского» и других. Тут же без особой логики (это качество вошло в число достоинств Никиты Сергеевича не входило) он обвинил Берия в том, что тот назначил несправедливо осужденных, реабилитированных после смерти Сталина, на высокие посты.

Очень подробно Хрущев остановился на попытках Берии провести разграничение партийной и государственной власти, ограничив влияние партийных органов только кадровыми вопросами, «это исходило из его (Берии. – *Авт.*) сознания, что роль партии должна отойти на второй план». Н.С. Хрущев высказал предположение-утверждение, что Берия вообще хотел уничтожить партию. Обратим внимание, что тема партийного руководства в выступлении Маленкова отсутствовала.

Много и колоритно Хрущев рассказывал о постоянно исходившей из МВД угрозе для партийно-советского руководства всех уровней, о фактической неподконтрольности представителей МВД и в центре, и на местах. Прочитируем стенографический отчет Пленума. «Товарищи, – обращался Хрущев к участникам Пленума, – я человек, как говорится, старого режима. (*Смех*). Я в первый раз увидел жандарма, когда мне уже было, наверное, 24 года. На рудниках не было жандармов. У нас был один казак-полицейский, который ходил и пьянствовал. В волости никого, кроме одного урядника, не было. Теперь у нас в каждом районе начальник МВД, у него большой аппарат, оперуполномоченные. Начальник МВД получает самую высокую ставку, больше, чем секретарь райкома партии.

С места. В два раза больше, чем секретарь райкома.

Хрущев. Но если у него такая сеть, то нужно же показывать, что он что-то делает <...> Тогда некоторые работники начинают фабриковать дела, идут на подлость».

Хрущев не скупится на эпитеты в адрес Берии – прохвост, провокатор, агент империализма, умный, хитрый и вероломный. В изображении Хрущева Берия виноват почти во всем, что происходило в СССР – от политических процессов конца 40-х – начала 50-х годов и проблем внешней политики до запущенного состояния сельского хозяйства и плохого обеспечения картофелем жителей городов.

В выступлении Хрущева было несколько важных аспектов. Прежде всего, он автоматически заручался поддержкой партийного аппарата, гарантируя ему в случае устранения Берии стабильность и покой, подчеркнув, что отказ от принципа партийного руководства – это «бериевская ересь» (!). Неожиданной и чрезвычайно плодотворной (на десятилетия вперед) оказалась попытка Хрущева списать именно на Берию все репрессии, все преступления режима, сделать его главным, если не единственным «козлом отпущения».

Точка зрения Хрущева встретила поддержку Молотова. Молотов подверг критике порядок, когда решения Президиума ЦК подписываются не секретарем ЦК (раньше так подписывал Сталин) а глухо — Президиум ЦК КПСС. Точку зрения Молотова трудно объяснить иначе, чем стремлением создать союз с Хрущевым против потенциального оппонента, которым в будущем мог стать Маленков, обходивший тему разделения властей, партийной и государственной, как очевидно не выгодную для него. Молотов с большей определенностью обозначил роль Берии как интригана, подталкивавшего Сталина к репрессиям в 30-е — 40-е годы. Ответственность за репрессии возлагалась, таким образом, на Берия, а не на тех, кто ко времени появления Берии в Москве уже входил в ближайшее окружение Сталина: Молотова, Ворошилова, Калинина...

Третья точка зрения нашла свое отражение в выступлениях давних членов сталинского Политбюро — Л.М. Кагановича и А.А. Андреева. Их оценка Берии была исключительно агрессивной: антигосударственный преступник, фашистский заговорщик, шпион, враг, хотевший захватить власть во имя восстановления капитализма, — только часть «эпитетов», которыми они «клеямили» недавнего соратника.

Что же вызвало особую ярость этих людей?

По мнению Кагановича, Берия «оскорблял, изображал Сталина самими неприятными, оскорбительными словами. И все это подносилось под видом того, что нам нужно жить теперь по-новому. <...> Та торопливость, шипящая свистопляска, которую поднял Берия, показали, что это карьерист, авантюрист, который хочет, дискредитируя Сталина, подорвать ту основу, на которой мы сидим, и очистить путь себе. Он хотел подорвать основу учения Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина. <...> Берия враждебно относился к заявлениям о том, что Сталин — великий продолжатель дела Ленина, Маркса, Энгельса. Сегодня, ликвидировав (! — *Авт.*) этого предателя Берия, мы должны полностью восстановить законные права Сталина и именовать Великое коммунистическое учение — учением Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина (*Аплодисменты.*)». «Партия для нас превыше всего, — утверждал Каганович. —... Для нас, старых большевиков, ЦК — это партийное, политическое и экономическое руководство всей жизнью партии, страны и государства».

Кагановичу вторил А.А. Андреев. Берия «начал дискредитировать имя товарища Сталина, наводить тень на величайшего человека после Ленина. На самом деле появление материалов за подписью Берия в протоколах Президиума по делу врачей, по Грузии и др., где на имя товарища Сталина бросается тень, — ведь это его дело.

Голоса из зала. Правильно.

Андреев. Он это делал сознательно, чтобы имя товарища Сталина похоронить и чтобы легче прийти к власти. <...> *Появился откуда-то вопрос о культе личности* (курсив мой. – Авт.). Почему встал этот вопрос? Ведь он решен давным-давно в марксистской литературе, он решен в жизни, миллионы людей знают, какое значение имеет гениальная личность, стоящая во главе движения, знают, какое значение имели и имеют Ленин и Сталин, а тут откуда-то появился вопрос о культе личности. Это проделки Берия.

Из Президиума товарищ Ворошилов. Правильно.

Андреев. Он хотел похоронить имя товарища Сталина и не только имя товарища Сталина, но это было направлено и против преемника товарища Сталина товарища Маленкова.

Голоса из зала. Правильно.

Маленков. Все мы преемники, одного преемника у товарища Сталина нет.

Андреев. Вы являетесь Председателем Совета Министров, пост, который занимал т. Сталин.

Голоса из зала. Правильно. (*Бурные аплодисменты.*)».

Обратим внимание, что конкретные факты вмешательства МВД в деятельность партийных органов, которые легли в основу обвинений Берии, многочисленные примеры бесправия даже высших партийных чиновников перед сотрудниками МВД приводились на материалах украинской партийной организации.

На пленумах КПСС к числу самых важных всегда относились организационные вопросы, так на партийном жаргоне именовались решения по изменению состава руководства. «Оргвопрос подчинен политике. Оргвопрос и политика тесно связаны между собой», – лаконично, хотя и не очень внятно говорил Л.М. Каганович. Уход в политическое (а иногда и в физическое) небытие одних деятелей партии и появление в партийном ареопаге других яснее любых слов отражали реальную расстановку сил, перспективы политики.

Выступая перед участниками Пленума в последние часы его работы, Хрущев внес предложения по изменению состава руководящих органов. «Товарищи, 28 апреля 1953 г. было принято решение Пленума ЦК КПСС о выводе из состава членов ЦК тов. Игнатьева. Вы знаете этот вопрос, докладывать подробно вряд ли нужно. Есть предложение сейчас пересмотреть этот вопрос и восстановить т. Игнатьева в правах членов ЦК КПСС.

Голоса. Правильно.

Хрущев. Потому что это было сделано по известному навету, и сейчас надо это дело пересмотреть и исправить».

Товарищи пересмотрели и исправили. Игнатьев был восстановлен в составе ЦК. «Известный навет» – решение Президиума ЦК КПСС от 3 апреля 1953 г., объявившего «дело врачей» провокацией МГБ и возложившего ответственность за нее на министра МГБ С.Д. Игнатьева.

Так произошла политическая реабилитация Семена Денисовича Игнатьева, его перевели на работу в Башкирию первым секретарем обкома. Больше вопросов о причастности Игнатьева к реализации решений Маленкова и его соратников высшие органы КПСС и МГБ не задавали.

Партийная карьера неожиданно открылась перед маршалом Жуковым. Его перевели из кандидатов в члены ЦК КПСС.

Произошли изменения в высших звеньях партийного руководства. Из членов Президиума ЦК был выведен Л.П. Берия. Его протее М.Д. Багирова, пытавшегося во время работы Пленума отмежеваться от своего патрона, также вывели из кандидатов в члены Президиума ЦК и арестовали.

Кандидатом в члены Президиума стал А.И. Кириченко, давний партийный соратник Никиты Сергеевича Хрущева по работе на Украине¹.

Из кандидатов в члены ЦК вывели сподвижников Берии С.А. Гоглидзе и Б.З. Кобулова. Вскоре они были арестованы и репрессированы.

Сложнее оценить политические последствия Пленума. Расхождение, которые проявились в рядах противников Берии, определили политическое развитие страны на несколько лет вперед.

Выступления на Пленуме выявили два главных узла противоречий – роль партии в советском обществе и историческая оценка Сталина, правомочность употребления понятия «культ личности».

Едва ли не важнейшим политическим итогом Пленума стало подтверждение принципа партийного руководства, причем не в теоретическом, а практическом плане: и при решении вопросов внешней политики, и в повседневной жизни областей, районов, промышленных предприятий. Попытка разграничить полномочия партийных и государственных властей стала оцениваться как проявление «вредительской, антигосударственной и антипартийной деятельности Берии». И хотя участники Пленума неоднократно подчеркивали особую роль Маленкова в партии, итогом Пленума стало усиление значения должности секретаря ЦК КПСС. Поэтому логичным стало введение на следующем, сентябрьском, Пленуме должности первого секретаря ЦК КПСС, которую и занял Н.С. Хрущев, закрепив тем самым свой осо-

¹ Состав руководящих органов Центрального Комитета партии – Политбюро (Президиума) (1919–1990 гг.) // Известия ЦК КПСС. 1990. № 7. С. 77.

бый статус в партийной иерархии. Инструментом проведения его политики стал Секретариат ЦК, получивший реальную власть.

Борьба против Берии объединила Маленкова и Хрущева, хотя у каждого из них были свои интересы. Теперь, в начинавшемся соперничестве между недавними союзниками верх явно брал Хрущев.

Сложнее оказалась вторая проблема, вставшая перед «дуумвиратом», Маленковым и Хрущевым – как оценивать Сталина, допустить ли публичное признание ошибок, связанных с его деятельностью? Берия был сторонником признания ответственности Сталина за политические репрессии. Это позволяло переложить ответственность с партийного руководства, с партии, на одного человека – Сталина. Перспективность подобного подхода была очевидна, однако он не вызвал широкой поддержки в руководстве партии (что подтвердил ход обсуждения этого вопроса на Пленуме – и выступления Кагановича и Андреева, и реплика Ворошилова, и поддержка их «античным хором» участников Пленума).

В тот момент, когда ситуация на Пленуме «зашаталась» и появилась возможность политического возрождения «сталинских орлов» – Ворошилова, Молотова, Кагановича (заметим, выступления, восхваляющие Сталина, приходится именно на время завершения работы Пленума!), Маленков и Хрущев проявили твердость в осуждении «культ личности». «Здесь, на Пленуме ЦК, говорили о культе личности и, надо сказать, говорили неправильно, – подчеркнул Маленков в заключительном слове. – Я имею в виду выступление т. Андреева. Подобные же настроения на этот счет можно было уловить и в выступлении т. Тевосяна. Поэтому мы обязаны внести ясность в этот вопрос.

Хрущев. Некоторые (*вписано в процессе подготовки стенографического отчета Пленума к печати и рассылки в парторганизации. – Авт.*) невыступившие вынашивают такие же мысли».

Маленков подверг критике пропаганду «за отступление от марксистско-ленинского понимания вопроса о роли личности в истории». «Но, товарищи, – продолжал Маленков, – дело не только в пропаганде. Вопрос о культе личности прямо и непосредственно связан с вопросом о коллективном руководстве. <...> Вы должны знать, товарищи, что культ личности т. Сталина в повседневной практике руководства принял болезненные формы и размеры, методы коллективности в работе были отброшены, критика и самокритика в нашем высшем звене руководства вовсе отсутствовали».

Для Маленкова «культ личности» – это незащищенность перед произволом главы партии. Механизм защиты он видел в «коллективном руководстве». На практике это выразилось в создании баланса сил в Президиуме ЦК КПСС, когда влияние аппарата ЦК во главе с его сек-

ретарем было уравновешено авторитетом председателя Совмина СССР, который вел заседания Президиума ЦК. Широкое представительство в составе Президиума ЦК руководителей Совмина (сам Маленков, Каганович, Булганин, Молотов) также должно было служить гарантией от вмешательства «чистого» аппарата в жизнь государственных ведомств.

Тогда, на июльском Пленуме ЦК 1953 г., Хрущев продемонстрировал, что он против «культ личности», но не стал излагать свое понимание этого явления. Определение понятия «культ личности» он даст позже, в ходе обсуждения доклада на XX съезде КПСС. Однако факты свидетельствовали о существовании иной трактовки этого понятия, существенно отличавшейся от трактовки Маленкова.

В этом варианте на первый план выходило признание нарушений «норм партийной жизни», допущенных лично Сталиным и его ближайшим окружением, прежде всего, конечно, Берией. Берия становился «сливной ямой» истории партии, источником всего, что не отвечало канонизированным представлениям о ее роли. Сам Сталин заслуживал более уклончивой оценки: с одной стороны..., с другой стороны... Кстати, эта оценка сохраняется в официальной историографии истории КПСС до сих пор.

Политическое осуждение Берии на Пленуме ЦК КПСС немедленно повлекло за собой чистку в МВД. Принцип ее проведения был прост: увольняли тех, кто вначале был арестован по делу Абакумова, а затем реабилитирован и восстановлен на службе в МВД. 22 августа 1953 г. в Президиум ЦК на имя Маленкова и Хрущева поступила записка «О работе по искоренению последствий вражеской деятельности Берия», подготовленная руководством МВД совместно с Отделом административных и торгово-финансовых органов ЦК¹. Были сняты с работы генерал-лейтенант Сазыкин (бывший помощник Берии в аппарате Совмина, назначенный в марте 1953 г. начальником 4-го секретно-политического Управления), а вместе с ним его сотрудники – Свердлов, Литкенс, Бендерский, Бринд. Сняли с работы начальника контрольной инспекции при министре внутренних дел генерал-лейтенанта Райхмана, его заместителя Кобулова, помощника начальника Шлюгера. Райхман, Кобулов и Шлюгер были арестованы. Уволили и арестовали начальника Следственной части по особо важным делам генерал-лейтенанта Влодзимирского, его заместителя Парамонова, начальника Управления охраны генерал-лейтенанта Кузьмичева, руководителей отдела по выполнению специальных заданий Су-

¹ РГАНИ. Ф. 89. Оп.18. Д. 28.

доплата и Эйтингона. В документе специально подчеркивалось, что был снят с работы и арестован начальник 2-го спецбюро Карасев, который по указанию Берии организовывал подслушивание и запись разговоров руководителей партии и правительства.

В свою очередь, на работу восстанавливались «игнатьевские кадры», откомандированные вместе с ним в МГБ в 1951 г. и уволенные весной 1953 г., – и. о. начальника инспекции при министре Безответных, заместитель начальника 3-го Управления Миронов. Как обычно, на работу в МВД рекомендовались опытные коммунисты. Начальником Управления охраны стал первый секретарь Пролетарского РК КПСС Устинов, по рекомендациям партийных органов были определены и многие другие руководители МВД. Отметим, что ничего принципиально нового в такой практике не было – последний массовый призыв коммунистов в МГБ состоялся, по нашим данным, в 1946 г., когда на основании решения Политбюро от 20 августа 1946 г. на работу в новое министерство должны были направить 6 тысяч коммунистов и комсомольцев.

Чистка прошла и на уровне республик и областей страны.

В декабре 1953 г. на закрытом заседании Верховного Суда СССР были осуждены по знаменитой ст. 58 Уголовного кодекса РСФСР (обвинение в измене Родине, совершении террористических актов и участии в антисоветской изменнической группе) и приговорены к смертной казни: Л.П. Берия, В.Н. Меркулов, В.Г. Деканозов, Б.З. Кобулов, С.А. Гоглидзе, П.Я. Мешик, Л.Е. Влодзимирский¹.

Сложнее обстояло с Абакумовым и его сподвижниками по бывшему МГБ. Старое, подготовленное в конце 1952 г. при участии Маленкова и Сталина обвинительное заключение, не годилось. Напомним, тогда главные преступления Абакумова состояли в том, что он тормозил расследование «дела врачей», был пособником обвиненных по «ленинградскому делу», что в его министерстве работали террористы, связанные с еврейской националистической организацией «Джойнт».

После того как Президиум ЦК КПСС признал «дело врачей» сфабрикованным, а Верховный Суд СССР реабилитировал участников «ленинградского дела» и было принято постановление Президиума ЦК, поручавшее первому секретарю ЦК Н.С. Хрущеву и Генеральному прокурору Р.А. Руденко «довести до сведения актива ленинградской партийной организации о принятых решениях»², казалось, прежние обвинения были полностью отменены.

¹ См.: Правда. 1953. 24 декабря.

² Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 132.

Но нет таких препятствий, которые могли бы остановить советскую юстицию на пути выполнения указаний ЦК!

Ровно через год после осуждения Берии, в декабре 1954 г., в Ленинграде состоялся судебный процесс, проведенный военной коллегией Верховного Суда СССР, над бывшими руководящими работниками МГБ: министром В.С. Абакумовым, начальником Следственной части по особо важным делам А.Г. Леоновым, его заместителями М.Т. Лихачевым и В.И. Комаровым, начальником секретариата И.А. Черновым и его заместителем Я.М. Броверманом. По сути, обвинение оказалось прежним – с точностью до наоборот. На этот раз всех обвинили именно в организации «ленинградского дела». Попытки подсудимых доказать, что их действия не были самостоятельными и целиком определялись «инстанциями», что в переводе с партийного на русский означало ЦК, успеха не имели. Абакумова, Леонова, Комарова и Лихачева расстреляли. Броверман получил 25 лет, Чернов – 15¹. В июле 1954 г. был расстрелян человек, написавший донос на Абакумова, – М.Д. Рюмин.

Процессы над сотрудниками МГБ продолжались. В дальнейшем следствие широко использовало данные о террористической деятельности в стране и за границей сотрудников 4-го Управления МГБ СССР во главе с П.А. Судоплатовым и Н.И. Эйтингоном². Этот отдел был связан не только с разведкой, хотя он занимался добыванием и обобщением разведывательных данных о ядерной программе США. Во время Великой Отечественной войны на базе управления была создана Особая группа, действовавшая на оккупированной территории страны. Непосредственное участие в ее формировании приняли руководители Коминтерна – Г. Димитров и Д. Ибаррури. Туда направлялись выпускники учебных заведений НКВД, лучшие спортсмены, политэмигранты, имевшие опыт подпольной работы. В этом подразделении служили люди, ставшие частью официальной истории войны, – Д.Н. Медведев, Н.И. Кузнецов, Р.И. Абель, К.П. Орловский, С.С. Ваушасов; многие члены группы получили Звезды Героев...

После войны заказчиками, использовавшими специфические умения сотрудников Судоплатова, являлись Сталин, Молотов, Хрущев.

В вину Судоплатову вменялось и то, что в 1941 г., в первые дни после нападения Германии на СССР, он вел переговоры с болгарским послом Стаменовым о возможности заключения сепаратного мира ценой больших территориальных уступок Германии. Судоплатов не отрицал факта переговоров, уточняя, что выполнял прямое указание

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 133.

² Подробнее см.: Судоплатов П.А. Указ. соч.

Берии, а тот, в свою очередь, действовал по согласованию со Сталиным и Молотовым, в то время министром иностранных дел. 5 августа 1953 г. это событие послужило предметом специального разбирательства в Президиуме ЦК КПСС с участием Хрущева, Маленкова, Молотова и Булганина. Встреча, по воспоминаниям Судоплатова, закончилась словами Маленкова: «Вы, Судоплатов, как работали, так и дальше будете работать в МГБ»¹. Ответственность за организацию этих переговоров позднее была возложена на В.М. Молотова.

Самым тяжким пунктом обвинения Судоплатова стала его причастность к деятельности микробиологической лаборатории, где велись разработки боевых токсинов, ядов, проводились опыты на людях. Это обвинение Судоплатов упорно отрицал, хотя связь его подразделения с лабораторией, точнее, с веществами, которые там изготавливались, существовала. В 1958 г. Судоплатов и его заместитель Эйтингон были осуждены военной коллегией Верховного Суда СССР за то, что, по указанию Берии, Абакумова и Меркулова, возглавляли группу, на которую возлагалась разработка и осуществление планов уничтожения и избиения советских граждан. Судоплатов был осужден на 15 лет, Эйтингон – на 13².

Осудив этих людей, ЦК КПСС вовсе не собирался отказываться от терроризма как метода политической деятельности. Уже во второй половине 1953 г. постановлением ЦК был создан 12 (специальный) отдел при 2-м Главном управлении МВД СССР, которому поручалось проводить акты террора (при редактировании эта формулировка была вычеркнута и заменена более благозвучной – активные действия) против «наиболее активных и злобных врагов Советского Союза из числа деятелей капиталистических стран, особо опасных иностранных разведчиков, главарей антисоветских эмигрантских организаций и изменников Родине». Опять-таки в традициях ЦК КПСС устанавливалось, что «все мероприятия МВД СССР по линии 12 (специального) отдела предварительно рассматриваются и санкционируются Президиумом ЦК КПСС».

Необходимо упомянуть об общественном резонансе в связи с устраниванием Берии. Обыкновенному гражданину СССР, неосведомленному об аппаратных играх в борьбе за власть в Кремле и на Старой площади, казалось, что со смертью Сталина, с осуждением организаторов «дела врачей» происходит изживание террора из повседневной жизни страны. Это был тот самый случай, когда казалось истиной,

¹ АП РФ. Ф. 4. Оп. 20. Д. 873. Л. 94 об.

² См.: там же. Л.83–84.

что *post hoc, ergo propter hoc* (после этого значит вследствие этого). Когда летом 1953 г. арестовали Берию и по всей стране горели архивы областных управлений МВД, казалось ясным, что новая власть, партия осуждают прошлое, наказывают виновных, оправдывают невинных. Появилось ожидание перемен к лучшему, которое стало частью общественного мнения страны в середине 50-х годов. Подробнее об этом мы поговорим в другом очерке. Заметим только, что эти настроения сами становились фактором политики, попутным ветром, дувшим в паруса тому курсу, который отождествлялся с Н.С. Хрущевым.

Реакция в стране на устранение Берии. Арест и расстрел члена «коллективного руководства» Берии, казалось, восстанавливал привычные стереотипы политических процессов прошлого: был враг, пробравшийся к вершинам партии и государства, были партия и государство, разоблачившие этого коварного врага. Виновный в репрессиях, в развале сельского хозяйства, мешавший партии наладить все наилучшим образом, был назван.

Вместе с тем внезапное прекращение «дела врачей» и политическое осуждение его организаторов, начало освобождения людей из ГУЛАГа, действовавшее полгода после смерти Сталина запрещение вывешивать во время праздников на улицах портреты руководителей партии и правительства вызывали неразбериху в мыслях. Зашатались старые, казавшиеся незыблемыми идеологические установки, менялись представления, насаждавшиеся в послевоенное время.

По стране шли волны слухов, прогнозов, предположений. Их систематизировали партийные органы и учреждения МВД и доводили до сведения политического руководства, учитывая при этом личные пристрастия человека из «коллективного руководства», кому направлялась такая справка.

Так, уже в первые дни после ареста Берии Н.С. Хрущеву доложили сводку мнений по этому поводу, составленную партийными комитетами Литвы, Латвии, Узбекистана и Казахстана. Интерес к реакции в национальных республиках на события в Москве был вызван, по всей вероятности, попытками Берии провести там замену части русских чиновников местными кадрами, его планами несколько расширить права республик.

В справке сообщалось, конечно, что «трудящиеся повсеместно и единодушно одобряют своевременные и решительные меры, принятые Президиумом ЦК КПСС и Правительством по ликвидации авантюристических, враждебных действий Берия». Но здесь же отмечалось, что «трудящиеся задают много вопросов».

Перечислим некоторые.

– Не связан ли вопрос освобождения врачей и амнистия с деятельностью Берии?

– Как будет с решениями Президиума ЦК КПСС по вопросам Литвы и Латвии?

– Почему разоблачили только Берия и никого больше, наверное, есть у него пособники?

– В чем суть извращений со стороны Берии в вопросах национальной политики?

– В чем состояли извращения со стороны Берии колхозного строя?

– Прекращен ли отзыв русских работников из национальных республик?

– В чем выражалось извращение положения о роли личности в истории?

– Причастен ли Берия к событиям в Берлине 17 июня с. г.?

– Не дело ли рук Берии смерть И.В. Сталина?

– Как будут судить Берию: открытым или закрытым судом?

– Что сейчас с бывшим министром МГБ товарищем Игнатьевым?¹

Из характера вопросов нетрудно понять, что за «трудящиеся» задавали такие вопросы – это были, конечно, представители партийно-государственного аппарата союзных республик, пытавшиеся понять, какими последствиями могут грозить им события в Москве.

В справке, представленной Хрущеву, были и более «социально-адресные» оценки: «На Паневежском сахарном заводе рабочий-электрик Пашкевичус сказал: “Чтобы тов. Маленкову свободнее было царствовать, он убрал Берия из ЦК КПСС”. <...> Рабочий артели “Адитайс” т. Шноре (г. Рига) заявил: “Снятие и арест Берия – это большое происшествие в советской стране. Видно одно, что после смерти Сталина в верхах произошла неразбериха и что делается – понять трудно”. Отдельные трудящиеся выражают сомнение в правильности обвинения Берия. Спрашивают: “Не получится ли, как с врачами, и задают вопрос: “Кому же сейчас верить?”»².

13 июля 1953 г. Министерство внутренних дел представило Г.М. Маленкову свой, весьма подробный отчет о разговорах, которые велись в Москве вокруг ареста Берии. В нем зафиксированы высказывания слесарей и шоферов, писателей и ученых, крупных организаторов промышленности и конструкторов оборонных предприятий, врачей и юристов, деятелей искусства и военных о Берии. Отметим, Берия вы-

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 484. Л. 1–2.

² См.: там же. Л. 2.

зывал ненависть у всех. Ни у одного человека не нашлось слов в его защиту.

В высказываниях были и рассуждения о массовой поддержке решений партии и правительства по искоренению Берии, «подлого врага», и сетования, что «поневоле у нас будет много шпионов, если почти все время у руководства Министерством внутренних дел стояли враги народа – Ягода, Ежов, Берия». Заметное место в отчете, подписанном новым министром МВД С.Н. Кругловым, заняли похвалы в адрес самого Маленкова, например: «Из золота надо отлить Маленкову памятник при жизни», писатель Е. Пермитин; «В делах Маленкова народ чувствует силу, и эту советскую силу всегда будут ощущать враги народа», сотрудник Министерства угольной промышленности И.В. Корзенко.

Приведем еще ряд оценок Берии, принадлежащих известным в Москве людям.

И.Л. Тагер – профессор, главный рентгенолог 4-го Управления Министерства здравоохранения СССР, обслуживавшего высшее политическое руководство страны, член КПСС: «Берия в своем стремлении к единоличной власти мог быть вторым Тито, если бы наше правительство вовремя не пресекло этих стремлений. Благодаря попустительству Берия в Грузии активизировались буржуазно-националистические элементы. Берия в своей преступной деятельности тормозил развитие сельского хозяйства, и надо ожидать, что после разоблачения Берия правительством будут приняты меры к укреплению колхозов и улучшению материального положения колхозников, что приведет к улучшению положения всего населения страны».

С.А. Лавочкин – главный конструктор и руководитель завода №301, кандидат в члены КПСС: «Многое, что делал Берия, – было неправильным. Он незаслуженно возвысил своего сына, создал около него грандиозную организацию, которая пресмыкалась и пела дифирамбы. Он устранил военных, чтобы не выслушивать их мнения по поводу изделия и его боевого применения. Впервые такая новая техника принималась на вооружение без участия военных. При первых стрельбах по самолетам-мишеням было строжайше запрещено говорить о недостаточности боевого заряда...».

С.И. Костерин – ученый секретарь Президиума Академии наук СССР, доктор технических наук: «Берия большой враг. Хорошо, что хоть сейчас его разоблачили. Берия предавал всю нашу оборонную промышленность, все он знал, всеми секретами обороны он ведал, о всей секретной технике ему докладывали. Берия очень засорил научные кадры Академии Наук, поддерживал всех подозрительных и не внушающих доверия евреев».

И.Д. Елисеев – помощник начальника Главного штаба ВМС, вице-адмирал: «Берия среди народа был малоизвестной фигурой, поэтому постановление Пленума не вызовет особых сожалений, а когда узнают, что он замыслил, все будут довольны. Все же очень долго он пробыл на такой руководящей должности и не был разоблачен. Нам было бы жарко, если бы это совершилось»¹.

Вместе с тем фиксировались и новые идеи, распространявшиеся среди москвичей: «В последних решениях партии чрезвычайно ценно указание на то, что коллектив, а не отдельные личности, является творцом всего. Особенно ценно, что и в последнем обращении партии, связанном с осуждением Берия, опять подчеркивается эта мысль», – говорил П.Г. Воробьев, младший научный сотрудник Академии педагогических наук. Подобные рассуждения о связи между арестом Берии и преодолением культа личности отмечались неоднократно.

В справку МВД попали и более резкие оценки, не совпадавшие с официальными.

Известному писателю, библиофилу Н.П. Смирнову-Сокольскому принадлежит такое определение ситуации: «Берия в тюрьме. Кто следующий? Я убежден, что будут следующие. Как ни сильна машина, а развал начался. Берия – почин, кто с ним – еще неизвестно. Это все потому, что у нас огосударствили не только всякие отрасли, но даже дыхание, болезни, сны людей. В этих условиях любая сволочь как хочет, так и воротит. Скандал большой и гнусный. Теперь будем ждать и наблюдать, что дальше, чей черед».

Слова Смирнова-Сокольского совпадают с мнением его коллеги, заслуженного артиста УССР, лауреата Сталинской премии И. Набатова: «Для нас совершенно безразлично, кто будет держать палку. От смены руководства режим у нас не меняется. Он был и есть, по существу, полицейским. Я не верю ни в какие идейные мотивы в поступках не только Берия, но и других. Это откровенная борьба за власть. Между прочим, Берия оказался бездарным подражателем Сталина. По-моему, дележка власти, если Берия этого хотел, только началась».

Так или иначе, крах этой структуры рано или поздно неизбежен. Любые перевороты внутри для народа ничего не изменят – система остается той же. Настоящий крах системы может прийти с Запада»².

Разнобой в оценках – от признания вражеских действий Берии, посягнувшего на сталинское наследие, и личной неприязни к Берии до отрицания вместе с Берией всей советской системы – свидетельствовал о неустойчивости политической ситуации в стране.

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 484. Л. 21–22.

² Там же. Л. 28.

Министерство внутренних дел. Взгляд изнутри. О том, какая ситуация складывалась в ведомстве бывшего «врага народа» – в МВД, свидетельствует многостраничная «Информация о ходе проведения партийных собраний в центральном аппарате МВД», представленная Н.С. Хрущеву. О масштабах обсуждения может свидетельствовать тот факт, что в течение недели – с 11 по 18 июля – выступили более 1 600 сотрудников аппарата МВД. Учитывая, что на собраниях присутствовали сам министр С.Н. Круглов и его заместитель Н.Н. Шаталин, являвшийся одновременно секретарем ЦК КПСС, можно утверждать, что выступавшие старались угодить начальству и говорили то, что считалось приемлемым для политического руководства страны.

В МВД была и своя «цеховая» тема – отношение к изменениям, которые произошли в новом МВД, объединившим старое МВД и МГБ.

В центре внимания оказалось «дело врачей». «Коммунисты Одляцкий, Носов, Полукаров, Рублев в своих выступлениях отмечали, что следственные дела, которые велись в управлении на группу врачей, в частности, на Вовси и Когана, прекращены незаконно, – сообщалось в “Информации”. – Созданная по указанию Берия комиссия в составе тт. Козлова, Ливанова и Захарова вела себя неправильно, она не приняла во внимание ни доказательность техники, ни данные о террористических высказываниях этих врагов.

Ряд выступивших товарищей считает, что вражеская деятельность врачей Вовси и Когана доказана и вносит предложения – просить руководство министерства пересмотреть в отношении их ранее принятые решения об их освобождении. В связи с этим вносилось также предложение – просить ЦК КПСС отстранить от руководства Лечсанупра Кремля врачей, освобожденных из-под ареста»¹.

Среди сотрудников аппарата МВД нашлось много противников прекращения «еврейских» процессов. Резкой критике подверглись начальник 5-го Управления МВД Н.Д. Горлинский и его заместитель Трофимов за то, что они «при рассмотрении дел, в частности, на еврейских националистов, пытались их вражеские действия оправдать какой-то общей обстановкой, якобы созданной в стране. Неосновательно Трофимовым было дано указание о прекращении следственного дела “Т” (очевидно, троцкисты. – *Авт.*) с огульным охаиванием проделанной работы по этому делу... Приводится пример, когда Трофимов, встав на неправильный путь смазывания дела “Т”, в присутствии ряда товарищей восхвалял Троцкого, называя его “великим оратором”, “организатором” и т. д. Тов. Ромашко привел пример, когда Трофимов, бу-

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 484. Л. 85–86.

дучи на явке с агентом, заявил ему, что в СССР якобы существует режим притеснения евреев»¹.

Отметим: в «Информации» не оказалось сведений о том, что кто-либо из руководства МВД или его рядовых сотрудников поддержал прекращение «дела врачей». Можно утверждать, что выступавшие, по сути, настаивали на продолжении прежней, последних лет жизни Сталина, практики МВД и МГБ. На их взгляд, основная вина Берии в том и состояла, что он пытался изменить прежний курс.

Берию обвиняли в том (и это было опасно), что он прекратил расследование по делу о сотрудничестве ближайшего окружения Сталина с британской разведкой. Дело касалось якобы имевшей место утечки сведений о работе Политбюро и решениях Пленумов ВКП(б) в 1938–1941 гг. Расследование было начато в 1946 г., но до 50-х годов оно результатов не дало. Доложенные лично Сталину новым министром госбезопасности С.Д. Игнатьевым обвинения стали основанием для ареста ближайшего помощника Сталина А.Н. Поскребышева и начальника личной охраны вождя Н.С. Власика². Дело планировалось Сталиным как своего рода мост между политическими процессами 1937–1939 гг. и обвинением высших руководителей страны и выводило, скорее всего, на Молотова, Ворошилова и Микояна.

Доказательство вражеской деятельности Берии и его сторонников – Сазыкина, Родионова, Утехина, Свердлова и Литкенса руководство и аппарат МВД видели в том, что «агентурно-оперативная работа в области сельского хозяйства как в центре, так и на местах официально была прекращена. В свете прошедших событий становится ясным, что это был очередной враждебный замысел Берия, в конечном счете также способствовавший подрыву колхозного строя».

Таким образом, МВД увидело в аресте Берии поворот к прежнему и одобрило этот поворот. Поскольку сам Берия в МВД опирался, прежде всего, на лично преданных ему людей, главным образом из числа сотрудников МГБ, арестованных по «делу Абакумова–Шварцмана» и выпущенных сразу после смерти Сталина, именно эти люди и были уволены новым «старым» руководством МВД. Часть из них вновь арестовали и осудили на большие сроки. То, что их осудили, явилось не только актом справедливости (за каждым из высших офицеров МГБ-МВД числилось немало преступлений), но, прежде всего, чисто политической расправой.

Новые руководители МВД были не лучше и не хуже своих арестованных коллег. Преступна была сама система политического сыска,

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 484. Л. 91.

² См.: там же. Л. 86–87, 117.

контроля и репрессий ВЧК, ГПУ, НКВД, МВД и МГБ. Система, которая предусматривала пытки как способ дознания, внесудебные репрессии как основной метод судопроизводства, система, в которой любой ее сотрудник был виновен «по определению». Однако его вина была производной от той партийно-государственной системы, которая создавала свои нормы, часто отличавшиеся даже от ее собственных законов. Менялись нормы, и лиц, непосредственно проводивших в жизнь указания ЦК, обвиняли и сурово наказывали именно за то, что они выполняли эти указания. Так было с генеральным комиссаром НКВД СССР, наркомом Г.Г. Ягодой, расстрелянным в 1938 г., с секретарем ЦК ВКП(б), наркомом и генеральным комиссаром НКВД Н.И. Ежовым, расстрелянным в 1940 г., с генерал-полковником В.С. Абакумовым, министром МГБ СССР, расстрелянным в 1954 г., с маршалом Советского Союза Л.П. Берией, министром МВД СССР, расстрелянным в 1953 г.

Отныне министром внутренних дел стал Сергей Никифорович Круглов, с 28 февраля 1939 г. заместитель Берии, неоднократно назначавшийся первым заместителем наркома и нарком-министр внутренних дел СССР с конца декабря 1945 г. по 11 марта 1953 г. После смерти Сталина министром внутренних дел стал Берия, оставивший Круглова своим первым заместителем. В день ареста Берии Круглов вернул себе этот пост на этот раз до 31 января 1956 г.

Устранение Берии из состава высшего политического руководства не остановило борьбы за власть, все сильнее разгоравшейся в Кремле и на Старой площади.

Реформы Маленкова. Необходимых, вынужденных изменений во внутренней и внешней политике страны устранение Берии оставить не смогло.

Требовалось срочно реформировать сельское хозяйство. Высшее государственно-политическое руководство осознавало это еще в последние годы жизни Сталина. Напомню об острых спорах, которые велись в ближайшем окружении вождя, когда Молотов, Микоян, Маленков говорили о необходимости повышения закупочных цен, а Сталин возражал, обвиняя своих оппонентов в «правом уклонизме».

Необходимость изменений была столь очевидна, что в последний год жизни Сталина об этом стали говорить открыто. Огромный общественный резонанс получили очерки В.В. Овечкина «Районные будни», опубликованные в 1952 г сначала в девятом номере «Нового мира», потом – в «Правде»¹. В недавнем прошлом фронтовой журналист, че-

¹ См.: Правда. 1953, 20, 23 июля. 1954, 27, 30 августа, 1 сентября; 1956, 5 февраля. 10, 12, 15 августа.

стный наблюдатель и городской, судя по очеркам, человек, Овечкин дал своего рода фотографию колхозного быта той поры – фотографию непредвзятую и от этого еще более пугающую своими деталями. Как эти очерки появились в «Правде», мне неизвестно, однако ясно, что за фактом публикации в центральном органе партийной печати стояли люди из высшего руководства страны.

О позиции Берии относительно реформирования колхозов известно немного. Мы знаем, что он был против переноса коллективизации по советскому образцу в социалистические страны. Менее достоверно, что он был противником сохранения колхозного строя в СССР, хотя критики на Пленуме ЦК обвиняли его и в этом. Во всяком случае, не будет преувеличением считать, что Берия был сторонником реформ на селе. Но не он один.

В июле 1953 г. на Пленуме, где судили Берию, «сельская тема» возникла неожиданно. Ее поднял Хрущев. «Обвинительная риторика» в адрес бывшего министра внутренних дел не меняла сути дела: Хрущев говорил о предстоящих реформах в деревне. Прочитую фрагмент стенографического отчета, который дает представление об этой проблеме:

«Вы знаете, что товарищу Маленкову было поручено наблюдать за сельским хозяйством, Берия, демонстрируя внешне свою дружбу с товарищем Маленковым, на деле тормозил вопросы, которые вносились по сельскому хозяйству, чтобы подрывать колхозы. Кроме этого, он преследовал цель действовать против т. Маленкова. В результате многие отрасли сельского хозяйства находятся в запущенном состоянии: молока мало, мяса мало. А какой же коммунизм, если нет лепешек и масла?

Голос из Президиума. Картофеля не хватает.

Хрущев. Картофеля мало. Это делалось для того, чтобы свалить вину на других, а потом, добравшись до власти, объявить амнистию, чтобы сказали: вот Берия спасает. Это дешевая демагогия.

Голос из Президиума. Совершенно правильно говорит.

Хрущев. Это был провокатор, крупный провокатор. Товарищи, недавно Секретариат ЦК слушал ряд обкомов – Новгородский, Псковский, Смоленский – и принял решение. Но, товарищи, какую бы умную резолюцию ни написали, какие бы решения ни приняли, но если мы четыре копейки за килограмм картофеля будем платить, никакая резолюция сельскому хозяйству не поможет.

Голоса. Правильно.

Микоян. Необходимо считаться с экономическими законами.

Хрущев. Надо все подсчитать, товарищи. В настоящее время у нас на 3,5 миллиона голов коров меньше, чем было до войны. А раз

меньше коров, значит, меньше мяса, меньше масла, меньше кожи. Некоторые заявляли, что надо будет упразднить коров в единоличном пользовании, а колхозников снабжать через колхоз. Будет время, когда колхозник сам пойдет на это. Если мы не верим в это дело, значит, мы не коммунисты. Разве всегда будет крестьянка-колхозница держаться за хвост своей собственной коровы? Но глупо предлагать это в настоящее время. Нельзя этого делать. Надо создать условия, надо поднять колхозы, поднять товарность колхозного хозяйства, продуктивность животноводства.

Говорят, нет внимания партийных органов к этому вопросу. Никакое внимание не поможет, если с этой коровы надо отдать определенное количество молока и с этой же коровы товарищ Зверев (министр финансов. – *Авт.*) берет налог. Когда подсчитать все, что сдает колхозник за корову, то получается, что ему остается только навоз. Поэтому колхозник принимает решение избавиться от этой коровы. Это очень острый вопрос, и его нужно правильно решить. Сейчас этот вопрос изучается, и мы убеждены, что положение будет исправлено.

Возьмем вопросы производства картофеля и овощей. Мы снизили цены на картофель и капусту, а картофеля и капусты в магазинах нет»¹.

Маленков шел дальше: не «враг народа» Берия виноват в кризисе сельского хозяйства, а Сталин и созданные им порядки. «Пленум должен знать, – обращался Маленков к участникам Пленума, – нам никто не дал права скрывать от нашего высшего между съездами партии органа партийного руководства тот факт, что уродливое проявление культа личности и уничтожение методов коллективности в работе Политбюро и ЦК, отсутствие критики и самокритики в Политбюро и в ЦК повлекли за собой ряд ошибок в руководстве партией и страной. Печальные примеры на этот счет не единичны. <...>

В ходе работ настоящего Пленума вам, товарищи, стал известен следующий факт. В связи с задачей подъема животноводства в феврале месяце этого года т. Сталин настойчиво предложил увеличить налоги в деревне на 40 млрд рублей. Мы все понимали вопиющую неправильность и опасность этого мероприятия. Мы говорили, что все денежные доходы колхозов составляют немного более этой суммы. Однако этот вопрос не был подвергнут обсуждению, коллективность в руководстве была настолько принижена и подавлена, что приводимые т. Сталину доказательства были им безапелляционно отброшены»².

Летом 1953 г. полным ходом шла подготовка к реформированию сельского хозяйства. Основы колхозно-совхозного строя оно не затра-

¹ Лаврентий Берия. 1953. С. 238–239.

² См.: там же. С. 353.

гивало. Но важность реформы для судеб деревни и ее жителей была несомненна.

Старт реформе дал Председатель Совета Министров Союза ССР Г.М. Маленков, выступив 8 августа 1953 г. на V сессии Верховного Совета СССР с докладом о неотложных задачах в области промышленности и сельского хозяйства и мерах по дальнейшему улучшению материального благосостояния народа¹.

Маленков провозгласил в качестве первоочередной задачи «в течение ближайших двух-трех лет резко повысить обеспеченность населения продовольственными и промышленными товарами – мясом и мясными продуктами, рыбой и рыбными продуктами, маслом, сахаром, кондитерскими изделиями, тканями, одеждой, обувью, посудой, мебелью...».

Особое место при решении этой задачи должно было занять сельское хозяйство. «...Для того чтобы обеспечить крутой подъем производства предметов народного потребления, мы, прежде всего, должны позаботиться о дальнейшем развитии и подъеме сельского хозяйства, снабжающего население продовольствием, а легкую промышленность сырьем. <...> В этой связи Правительство и Центральный Комитет партии сочли необходимым пойти на значительное снижение норм обязательных поставок с личного подсобного хозяйства колхозников, решили, как об этом уже доложил министр финансов т. Зверев, изменить систему обложения колхозников сельскохозяйственным налогом, снизить денежный налог в среднем примерно в два раза с каждого колхозного двора и снять полностью оставшуюся недоимку по сельскохозяйственному налогу прошлых лет».

Ослабление налогового пресса в деревне стало своего рода «фирменным знаком» реформы Маленкова. Сессия приняла закон о сельскохозяйственном налоге, которым устанавливалось обложение хозяйств колхозников «по твердым ставкам с одной сотой гектара приусадебной земли... независимо от размера общей суммы доходов хозяйств колхозников...». По Российской Федерации средняя ставка налога была снижена до 8 р. 50 коп. в год за сотку.

Закон предусматривал льготы для семей, не имеющих в личном пользовании коров. Инвалиды Великой Отечественной войны, старики, а также учителя, агрономы и медики от налога освобождались². Согласно этим реформам прямо поощрялось развитие личного подсобного хозяйства, и не только в деревнях, но и в поселках, и небольших городах. Постановление Совета Министров СССР и ЦК КПСС от

¹ Правда. 1953. 8 августа.

² Правда. 1953. 10 августа. С. 2–3.

21 сентября 1953 г. предписывало: «Обязать местные советские и сельскохозяйственные органы обеспечивать скот рабочих и служащих выпасами и сенокосными угодьями...»¹.

Маленков выступил инициатором изменения инвестиционной политики в стране. По его данным, за годы пятилеток с 1929 г. по 1953 г., в тяжелую промышленность было вложено 638 млрд руб., в легкую – 72 млрд руб., в сельское хозяйство – 94 млрд рублей. Маленков поставил задачу «всемерно форсировать развитие легкой промышленности», добиваться выравнивания темпов экономического роста двух основных отраслей индустрии: производства средств производства и производства предметов потребления².

Это означало разрыв с прежней советской экономической политикой. Напомню, что сразу после войны вновь был взят курс на развитие тяжелой промышленности. На встрече с избирателями в феврале 1946 г. Сталин провозгласил, что приоритетной должна стать именно тяжелая промышленность.

Курс Маленкова на этом этапе поддержал Хрушев. На сентябрьском Пленуме 1953 г. была принята программа резкого подъема сельского хозяйства. Провозглашая неоспоримые преимущества колхозного строя «перед мелкотоварным крестьянским хозяйством, а также перед крупным сельскохозяйственным производством», КПСС ставила задачу в течение двух-трех лет резко повысить обеспеченность населения страны продовольственными товарами и вместе с тем обеспечить всему колхозному крестьянству более высокий уровень материального благосостояния.

Подобные пассажи были достаточно традиционными. Однако признание наличия серьезных проблем в сельском хозяйстве явилось большим шагом вперед. Пленум констатировал неблагополучие в животноводстве, в производстве овощей. Причиной этого неблагополучия стал, по мнению участников Пленума, прежний курс партии на преимущественное развитие тяжелой индустрии, не позволявший в необходимых масштабах развивать сельское хозяйство. Указывалась и универсальная причина – слабость партийного руководства. Наряду с этим Пленум констатировал «нарушение в сельском хозяйстве принципа материальной заинтересованности работников в развитии производства».

Пленум признал неоправданно высокими налоги, взимавшиеся с приусадебных участков, и указал на связь между налогами и снижением поголовья коров, свиней и овец в хозяйстве колхозников. В ре-

¹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – М., 1968. Т. 4. С. 67.

² Правда. 1953. 9 августа. С. 2.

шениях Пленума были предусмотрены реальные меры поддержки деревни: налоговые льготы, которые должны были способствовать восстановлению поголовья скота в хозяйствах колхозников, списание задолженности по обязательным поставкам продуктов животноводства с колхозников, рабочих и служащих. Нетрудно видеть, что решения Пленума перекликались с решениями августовской сессии Верховного Совета СССР.

Выступая на Пленуме 3 сентября 1953 г., Хрущев назвал «повышение материальной заинтересованности колхозов и совхозов» важным фактором подъема сельского хозяйства. Он сообщил, что Совмин СССР и Президиум ЦК КПСС приняли решение о значительном повышении заготовительных и закупочных цен на продукты животноводства, картофель и овощи. «Так, заготовительные цены на скот, птицу, сдаваемые государству в порядке обязательных поставок, повышаются более чем в 5,5 раза, на молоко и масло – в 2 раза, на картофель – в 2,5 раза и на овощи – в среднем на 25–40 %. Что касается закупочных цен, то они повышаются: на мясо в среднем на 30 % и на молоко в 1,5 раза. Важно вместе с тем отметить, – подчеркнул Хрущев, – что розничные цены на продукты животноводства, картофель и овощи не повышаются»¹.

Сентябрьский Пленум важен не только своими решениями в сфере реформирования сельского хозяйства: именно на этом Пленуме Хрущев получил титул первого секретаря ЦК КПСС. (Заметим, этот пост не был предусмотрен Уставом КПСС, утвержденным XIX съездом.)

С устранением Берии роль Хрущева возросла. Именно в то время, сначала неявно, а затем все более открыто, реформирование сельского хозяйства превратилось в сферу персонального соперничества между Маленковым и Хрущевым.

Две программы. В поисках решения аграрных проблем стали отчетливо намечаться два подхода. Первый – подход Маленкова. Суть его – дать деревне передохнуть, снизить налоги, поднять закупочные цены, снять ограничения на содержание домашнего скота и исподволь, без сколько-нибудь значительных затрат со стороны государственной казны, увеличить объем сельскохозяйственного производства. Это сделало Маленкова самым уважаемым человеком из начальства в российской деревне. Такой подход обеспечил, начиная с 1954 г., постоянный рост производства животноводческой продукции в стране, несмотря на неурожайный 1953 г. За пять последующих лет

¹ Хрущев Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. – М., 1962. Т. 1. С. 16–17.

частный сектор аграрной экономики доказал свою эффективность. Он обеспечил более 50 % прироста производства мяса, 35–38 % прироста картофеля, овощей, молока и шерсти, 87 % яиц и 93 % махорки в стране¹.

Однако у подобного подхода были и серьезные с политико-коммунистической точки зрения недостатки. Во-первых, он предполагал признание и даже одобрение частного, личного хозяйства крестьян. Возникло опасное для колхозного производства соревнование: крестьянин мог выбирать где ему работать – в колхозе или на собственном (разрешенном!) подворье. Секретарь ЦК КПСС Д.Т. Шепилов в декабре 1953-г. предупреждал партийных работников, чтобы те были настороже: «Чрезмерное раздувание личного хозяйства будет неизбежно порождать частнособственнические устремления отдельных отсталых колхозников»². Секретарю ЦК вторили местные начальники: «Снижение сельхозналога с колхозников повышает интерес последних к улучшению личного земельного участка. Не нанесет ли это вреда общественному хозяйству?»³.

Во-вторых, для ведения своего хозяйства крестьянину не требовались руководители сверху. Все это «попахивало» частнособственническими интересами и заставляло вспомнить о ленинском предупреждении, что крестьянское производство может порождать буржуазию.

Другой подход к реформированию сельского хозяйства демонстрировал первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев. Он был верен непогрешимому принципу: успех дела зависит от уровня партийного руководства. На сентябрьском Пленуме 1953 г. было решено «направить на село 120 тысяч специалистов и 20 тысяч партийных работников». Хрущев лично устраивал экзамены областным партийным начальникам на предмет владения ими новыми приемами агротехники, и если те не могли вразумительно объяснить членам Президиума ЦК, что такое квадратно-гнездовой метод, то рисковали расстаться с должностью (как это и произошло с секретарем Молотовского обкома Ф. Прассом в январе 1954 г.).

В этих условиях опека колхозов становилась все более жесткой. Районные комитеты в период уборочной кампании еженедельно заслушивали отчеты председателей колхозов, устанавливали графики и сроки уборки, распоряжались техникой вплоть до отдельных комбайнов, накладывали взыскания, рассылали уполномоченных – в общем, руководили.

¹ См.: *Шепилов Д.Т.* Печать в борьбе за дальнейший подъем сельского хозяйства. – М., 1954. С. 3.

² Там же. С. 26.

³ См.: *Лейбович О.Л.* Указ. соч. С. 139.

Вскоре курс Маленкова подвергся критике, сначала путем противопоставления амбициозной политики «подъема целины», затем, на январском Пленуме ЦК 1955 г., устами первого секретаря ЦК деятельность председателя Совета Министров СССР была оценена как некомпетентная, а сам Маленков обвинен в попытках завоевать «дешевую популярность» народа.

Хрущеву главная, стратегическая линия развития деревни виделась иной. Это был курс на создание крупных, хорошо механизированных хозяйств, где должны были работать не крестьяне, а сельскохозяйственные рабочие. Конечной целью такого курса предполагалось сближение города и деревни, ликвидация мелкобуржуазных пережитков в жизни крестьянства, создание агрогородов. «Совхозно-рабочий тип развития» (назовем его так) стал основным направлением сельскохозяйственной политики Хрущева.

В конце января 1954 г. Хрущев подал в Президиум ЦК КПСС записку о состоянии и перспективах развития сельского хозяйства в СССР, озаглавленную «Пути решения зерновой проблемы»¹. Записка важная. Она позволяет понять преемственность политики Хрущева в отношении села, постигнуть скрытые мотивы, которыми он руководствовался.

В начале записки Хрущев сообщает об острейшем продовольственном кризисе, сложившемся в СССР. Это – признание фактического провала прежних заявлений об успехах сельского хозяйства в СССР. «В 1940 году было заготовлено зерна 2 225 миллионов пудов, – отмечал Хрущев, – а в 1953 году – лишь 1 850 миллионов пудов, т. е. меньше на 375 млн. пудов. В то же время в связи с общим ростом народного хозяйства, значительным увеличением городского населения и ростом реальной заработной платы из года в год увеличивается расход хлебопродуктов внутри страны». Хрущев приводит таблицу, основные данные которой мы воспроизводим (табл. 1):

Таблица 1

Расход хлебопродуктов в СССР

Годы	Фактически заготовлено	Фактически израсходовано на снабжение	Ежегодный прирост в процентах	
			заготовок	расхода
1949	1961	1361	+6,5	+10,4
1950	1972	1514	+0,6	+11,2
1951	2051	1642	+4,0	+8,5
1952	2118	1752	+3,3	+6,7
1953*	1850	1919	-12,7	+9,6

* на 1 января 1954 года.

¹ Записка Н.С. Хрущева в Президиум ЦК КПСС от 22.01.1954 г. См. также: *Хрущев Н.С.* Указ. соч. Т. 1. С. 85–100.

Из приведенных данных неизбежно следовал вывод о необходимости экстренных мер. Страна проедала больше, чем производила. Расходы зерна росли, а урожаи падали. Требовались предложения. И Хрущев подготовил предложения, исходя из данных другой таблицы (табл. 2).

Таблица 2

Сопоставление структур посевных площадей и урожайности отдельных зерновых культур в СССР, США и Канаде

Показатели	СССР	США	Канада
Посевные площади всех зерновых культур, в млн га	107,3	80,8	19,8
В том числе кукурузы – млн га	7,9	29,1	0,14
Фактический сбор с гектара – в центнерах:	8,6	17,3	17,6
в том числе:			
пшеницы	9,2	12,3	17,8
овса	8,3	11,3	16,1
кукурузы	13,1	26,2	36,6
Валовой сбор зерна – млрд пудов	5,6	8,6	2,1
Приходится на сто душ населения:			
посевов зерновых культур – в га	56	51	137
валового сбора зерна – тыс. пудов	2,9	5,4	14,3

Анализируя эти данные, Хрущев писал: «Удельный вес посевов кукурузы в СССР составляет 3,6 % от всех зерновых, а в США – 36 %. Этим в значительной мере объясняется высокая урожайность всех зерновых культур в США (17,3 центнера с гектара), так как урожайность кукурузы в США с каждого гектара более чем в два раза превышает урожайность пшеницы и овса.

Чтобы достичь у нас имеющегося в США уровня производства зерна в расчете на сто душ населения, необходимо наряду с дополнительным освоением в восточных районах под зерновые посевы 13 миллионов гектаров обеспечить также получение фактического сбора зерна в среднем по СССР в размере 15 центнеров с гектара».

К записке Хрущева прилагались:

– проект постановления ЦК КПСС «Об увеличении производства зерна в 1954–1955 годах за счет освоения залежных и целинных земель»;

– докладная записка Госплана, Министерства сельского хозяйства, Министерства совхозов и Министерства заготовок по этому вопросу;

– записка академика Т.Д. Лысенко по вопросу об урожайности зерновых культур на залежных и целинных землях;

– статьи, опубликованные в газетах, о практике колхозов и совхозов по освоению залежных и целинных земель.

Освоение целинных и залежных земель в Западной Сибири и Казахстане становилось важнейшим условием реализации главной задачи аграрной политики руководства КПСС. 30 января 1954 г. на заседании Секретариата ЦК специально обсуждался вопрос о руководстве партийной организации Казахстана: первый секретарь ЦК КП Казахстана Ж. Шаяхметов и второй секретарь И.И. Афонев были подвергнуты резкой критике. Ж. Шаяхметов «недопонимал» планы освоения целины. Он обращал внимание на отсутствие транспортных путей для вывоза хлеба, острую нехватку складских помещений для зерна, недостаточное число специалистов.

Хрущев предложил заменить Шаяхметова П.К. Пономаренко, кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС, много лет возглавлявшим компартию Белоруссии, в то время занимавшим пост министра культуры СССР. Вторым секретарем ЦК КП Казахстана Хрущев рекомендовал Л.И. Брежнева, тогда первого заместителя начальника Главного политического управления Министерства обороны СССР, знакомого Хрущеву еще с довоенных времен: «Многие присутствующие здесь товарищи хорошо знают тов. Брежнева. Он сам – инженер-металлург, работал много лет на партийной работе, был секретарем в Днепропетровске, Запорожье, Молдавии, потом секретарем ЦК КПСС, а сейчас работает зам. начальника Политуправления».

Хрущева поддержал Суслов. По его словам, руководство Казахстана привыкло к «замедленным темпам и свыклось с ними. <...> Возможности в республике колоссальные, но какая отдача республики перед страной и государством? Сейчас Краснодар дает хлеба столько, сколько весь Казахстан, при посевной площади в три раза меньше, чем в Казахстане. Ставрополь дает 22 тысячи тонн тонкорунной шерсти, а вы даете 36, причем из них 30 – грубой. Это в целостном отношении в 2–3 раза меньше, чем дает Ставрополь».

Хрущеву осторожно подсказывали: «По Кустанайской области проектируют миллион га, но в то же время, когда распределяем наметки по МТС, получается, что отдельные МТС имеют нагрузку 27–30 тысяч га посева, а мы планируем 40–60 тысяч. В связи с этим встает вопрос о разукрупнении МТС. Одновременно надо решить и зерновую проблему, надо сейчас же подумать о том, куда возить хлеб».

Хрущев отмахнулся: «Как говорится, дай бог хлеба, а куда возить, найдем»¹.

¹ РГАНИ. Ф. 4. Р. 618. Оп. 9. Д. 1502. Л. 136.

На февральско-мартовском (1954 г.) Пленуме ЦК Хрущев выступил с докладом об увеличении производства зерна и освоении целинных и залежных земель. Первоначально планировалось распахать за три года около 13 млн га целины, однако было поднято около 33 млн гектар.

Освоение целины превратилось, пожалуй, в последнюю поистине массовую кампанию. На некоторое время она стала главным делом комсомола, активно пропагандировалась в прессе, на радио, в кинофильмах. Создавался привлекательный образ целинника – молодого, образованного человека, который, невзирая на трудности, в голой степи, с колышка, вбитого в мерзлую землю, начинает строить новый совхоз – агрогород. Этот полный социального оптимизма образ совпадал с общественными настроениями, распространявшимися в стране, преодолевавшей ужасы сталинизма. Отметим, что вскоре на целину на сезонные работы стали посылать студентов высших учебных заведений, учредили специальную медаль «За освоение целинных земель», которой наградили тысячи молодых людей.

В 1954–1957 гг. на целину, в Зауралье, Западную Сибирь, Алтай и Казахстан, переселились 55924 семьи¹. Большинство новоселов составляли крестьяне-колхозники из европейских областей России и дру-

¹ См.: История советского крестьянства. – М., 1988. Т. 4. С. 285.

гих республик СССР. На осваиваемых землях возникали по преимуществу совхозы, работники которых считались наемными сельскохозяйственными рабочими. За 1954–1955 г. на целине было создано 425 крупных зерновых совхозов¹.

Проведение этой кампании имело несомненное народнохозяйственное значение. Прежде всего, она реально способствовала увеличению производства зерна. С середины 50-х годов от трети до половины всего хлеба, произведенного в стране, приходилось на долю целинного урожая.

Создание новой зоны зернового производства сочеталось со значительными инвестициями, уровень механизации целинных совхозов был выше, чем в среднем по стране. Однако обнаружились и серьезные просчеты: не были подготовлены зернохранилища (большое количество хлеба погибало), не хватало транспорта, ремонтных мощностей, механизаторов, что вынуждало ежегодно привлекать на уборку урожая армию и водителей из других районов страны. Себестоимость целинного зерна оказалась выше, чем в центральных районах страны.

Другие проблемы, связанные с освоением целины, носили более глубокий характер и стали проявляться позднее. Это в первую очередь – отсутствие специальных технологий выращивания хлеба в условиях степного, рискованного земледелия. Возникли экологические проблемы: распашка степных и лесостепных пространств Западной Сибири и Казахстана породила пыльные бури, обрушившиеся на целину с начала 60-х годов. Организаторы целинной кампании игнорировали исторические и демографические факторы. Исходя из сиюминутной политической целесообразности, руководство КПСС провело широкомасштабную перекройку границ Российской Федерации и Казахстана, «прирезав» последнему ряд районов Оренбургской, Новосибирской и Омской областей.

Подведем некоторые итоги. В середине 50-х годов продовольственное обеспечение населения страны несколько улучшилось благодаря двум разнородным факторам – во-первых, за счет ослабления налогов на личное подсобное хозяйство, во-вторых, благодаря развитию целинных совхозов, крупного государственного сельскохозяйственного производства на востоке страны. В течение первых пяти лет после сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС валовая продукция сельского хозяйства увеличилась на 50 %, в том числе продукция земледелия – на 54, животноводства – на 44 %².

¹ См.: Краткая история СССР. 4-е издание, исправленное и дополненное. – М., 1983. Ч. 2. С. 455.

² См.: Народное хозяйство СССР в 1958 году. Статистический ежегодник. – М., 1959. С. 350.

Оценивая первые реформы Хрущева, следует обратить внимание и на такую важную их особенность: за все предшествовавшие годы советской власти сельское хозяйство было источником инвестиций. Целинная эпопея превратила сельское хозяйство страны в сферу государственного финансирования.

Отступление Маленкова. Соперничество Маленкова и Хрущева продолжалось. Вскоре после доклада Хрущева на февральско-мартовском Пленуме ЦК 1954 г., давшем старт программе освоения целины, перед гражданами страны выступил Маленков. Его речь, произнесенная 12 марта 1954 г., была приурочена к предстоящим выборам в Верховный Совет СССР и содержала ряд принципиально новых и важных положений.

Еще в августе 1953 г. на сессии Верховного Совета СССР Маленков впервые употребил слово «разрядка», призывая к снижению военного противостояния¹. 12 марта он заявил, что «советское правительство стоит за дальнейшее ослабление международной напряженности,... решительно выступает против политики холодной войны, ибо эта политика есть политика подготовки новой мировой бойни, которая при современных средствах войны означает гибель мировой цивилизации»². Маленков лучше, чем его коллеги по руководству, знал разрушительную силу ракетно-ядерного оружия, так как десять лет непосредственно занимался этими вопросами.

С огромными затратами и усилиями Советский Союз стал догонять Соединенные Штаты Америки в области стратегических вооружений. Впервые СССР начал лидировать в технологии создания оружия массового поражения. 12 августа 1953 г. прошли испытания водородной бомбы, разработанной А.Д. Сахаровым, Ю.Б. Харитоном и их коллегами. По мощности взрыва водородная бомба на порядок превосходила атомную. «Совокупное действие теплового и ядерного излучений, ударной волны, – писал один из ученых, проводивших испытаниях, – не имеет аналогов в истории и техники вооружений». Академик А.П. Александров, многие годы работавший в области атомных технологий, вспоминал, что научный руководитель советской ядерной программы И.В. Курчатов вернулся после испытаний подавленным, говорил о том, что применения этого оружия допустить нельзя³.

Шли успешные разработки и испытания ракет, способных доставлять ядерный заряд в любую точку Европы (ракета Р-5), а затем и ми-

¹ См.: Правда. 1953. 9 августа. С. 3.

² Правда. 1954. 13 марта.

³ См.: *Йорыш А.И.* Ядерный джинн. – М., 1994. С. 327–329.

ра (баллистическая ракета Р-7). В руках у политического руководства СССР оказалось средство давления на внешнеполитических противников.

Однако отношение Маленкова к ядерной войне как угрозе гибели мировой цивилизации не разделялось большинством руководства. Его критиковал Молотов: «Как это можно утверждать, что при атомной войне может погибнуть цивилизация? Тогда зачем же нам строить социализм, беспокоиться о завтрашнем дне? Уж лучше сейчас запастись всем гробами. Видите, к чему может привести такая теория? Она не способствует мобилизации общественного мнения на активную борьбу против преступных замыслов империалистов».

Маленкову возражал Хрущев. 20 апреля 1954 года, выступая в прениях по бюджету в Верховном Совете СССР, Хрущев заявил: «Если империалисты попытаются развязать новую войну, то она неминуемо закончится крахом всей капиталистической системы»¹.

Маленкова обвиняли в пацифизме, в пораженчестве. В апреле 1954 г. Маленкову пришлось «поправлять» самого себя.

Трудно отделаться от мысли, что проведенные в сентябре 1954 г. под руководством маршала Жукова испытания атомного оружия на Тоцком полигоне в Оренбургской области (тогда после взрыва ядерного заряда в зону поражения сразу же бросили войска), были попыткой доказать ошибочность утверждений Маленкова.

Не меньшую критику вызвало другое положение выступления Маленкова перед избирателями – о преимущественном развитии легкой промышленности.

31 декабря 1954 г. секретарь ЦК КПСС, фаворит Хрущева, «патентованный» партийный экономист Д.Т. Шепилов представил в Президиум ЦК записку о наличии «глубоко ошибочных и политически вредных взглядов по вопросам развития социалистической экономики». 9 января 1955 г. записка была одобрена Президиумом ЦК. Решено было разослать ее членам и кандидатам в члены ЦК, усилив в ней критику и осуждение позиций Маленкова в отношении преимущественного развития отраслей группы «Б», то есть производства товаров потребления. Статью Шепилова с критикой попытки пересмотра традиционного для советской экономики соотношения в развитии легкой и тяжелой промышленности опубликовала «Правда»².

¹ См.: Аксютин Ю. Пятый премьер, или Почему Маленков не удержал бремя власти // Родина. 1994. № 5. С. 81–84.

² См.: Шепилов Д. Генеральная линия партии и вульгаризаторы марксизма // Правда. 1955. 24 января.

Маленков утратил важнейшее право, которое было закреплено за ним весной 1953 г., – право вести заседания Президиума ЦК. Осенью 1954 г. он потерял руководство ключевой структурой в аппарате ЦК КПСС – Общим отделом, обслуживавшим Президиум.

В 1955 г., на январском Пленуме ЦК, Хрущев обвинил Маленкова в отсутствии необходимых знаний, опыта хозяйственной и советской работы. Маленкову было поставлено в вину выступление на V сессии Верховного Совета СССР. Призыв Маленкова – ускорить развитие легкой промышленности, выпускающей товары для населения, и сократить расходы на тяжелую (заметим, в значительной степени ориентированную на военные отрасли), – Хрущев оценил как «теоретически неправильное и политически вредное противопоставление темпов развития тяжелой промышленности темпам развития легкой и пищевой промышленности».

В сходных выражениях Хрущев критиковал и внешнеполитические воззрения Маленкова за якобы «теоретически ошибочное и политически вредное утверждение о возможности “гибели мировой цивилизации” в случае, если империалистами будет развязана третья мировая война». По мнению Хрущева, «распространение подобных взглядов не только не способствует мобилизации общественного мнения на активную борьбу против преступных замыслов империалистов развязать атомную войну, но, наоборот, способно породить настроения безнадёжности...»¹. Маленкова обвиняли в поддержке предложения Берии о возможности создания единой нейтральной Германии.

На этом Пленуме Маленкова впервые публично обвинили в сотрудничестве с Берией, в том, что он несет ответственность за «ленинградское дело» и ряд других политических процессов 40-х – начала 50-х годов.

После Пленума ЦК февральская сессия Верховного Совета СССР 1955 г. освободила Г.М. Маленкова от должности председателя Совета Министров СССР, ключевой в тогдашней политической системе, и назначила на этот пост Н.А. Булганина, человека вялого и нерешительного².

Кадровые перестановки еще более усилили позиции первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева.

¹ Постановление «О тов. Маленкове Г.М.» принято единогласно на заседании Пленума ЦК КПСС 31 января 1955 г. – *Прим. авт.*

² См.: Правда. 1955. 9 февраля.

Матч Ботвинник – Пospelов». В первые годы после смерти «Сталина отмечалась некоторая растерянность агитационно-пропагандистского аппарата, утратившего прежние, однозначно ясные и примитивные ориентиры. Прагматизм руководства СССР во внешней и внутренней политике (прекращение войны в Корее, начало реформ в сельском хозяйстве, проведение амнистии) вступал в противоречие с догматизмом в идеологии. Предпринимались попытки пересмотреть казавшиеся незыблемыми установки краткого курса истории ВКП(б).

Проблема эта остается практически неизученной. Тем более важно проанализировать одну из первых попыток штурма идеологических твердынь.

Первые признаки ослабления давления идеологического пресса породили надежды у интеллигенции. В докладе Хрущева на сентябрьском Пленуме 1953 г. П.Л. Капица, физик и смелый человек, увидел новое: «Не только доклад очень интересен даже для человека, стоявшего далеко от сельского хозяйства, но главное – это смелость и искренность, которую у нас после Ленина стали забывать. Ведь отсутствие боязни открытой критики есть основное свойство сильного общественного строя и признак здорового роста страны...»¹.

29 мая 1954 г. чемпион мира по шахматам М.М. Ботвинник обратился к одному из главных идеологов КПСС секретарю ЦК П.Н. Поспелову. В письме, написанном аккуратнейшим, почти каллиграфическим почерком, Ботвинник не без лукавства сообщил:

«Уважаемый Петр Николаевич!

К шахматным гроссмейстерам иногда обращаются совсем слабые шахматисты со своими теоретическими “изысканиями”. Эти изыскания, несмотря на самое снисходительное к ним отношение, как правило, оказываются непригодными.

Отдавая себе отчет, что я являюсь весьма слабым политиком, и также рассчитывая на Ваше снисхождение, прошу Вас, Петр Николаевич, если Вы найдете время, ознакомиться с прилагаемыми заметками».

«Прилагаемые заметки» составили девять исписанных мелким, убористым почерком страниц трактата под названием «Возможна ли социалистическая революция на Западе без третьей мировой войны?».

Сразу сделаем важное примечание: Ботвинник отдавал себе отчет в небезопасности теоретических упражнений на тему судеб социализма в мире. Отсюда и «самоуничижение» автора, и даже форма послания. Рукопись исключала возможность отыскивать тех, кто печат-

¹ Капица П.Л. Письма о науке. 1930–1980. – М., 1989. С. 303–304.

тал это сочинение. Об этом много позже говорил автору этой книги сам М.М. Ботвинник.

В трактате Ботвинник исходил из утверждения, что третья мировая война будет войной ядерной и может иметь своим результатом уничтожение жизни на Земле. Он отмечал практически одинаковые подходы к этой проблеме и американских, и российских политиков, сопоставляя заявления Дж. Ф. Даллеса и Г.М. Маленкова. Следующий вывод Ботвинника – в войне могут быть заинтересованы только монополисты, стремящиеся не допустить распространение социализма в мире, – достаточно банален. Однако дальнейшие заключения автора банальными не назовешь. Он пытается найти пути сделать социализм привлекательным для большинства населения капиталистических стран.

В начале – небольшой исторический экскурс. Ботвинник констатирует: «Когда речь идет о какой-либо отсталой, аграрной стране, вопрос о союзниках пролетариата решается наделением крестьян землею – в этих странах крестьянство составляет большинство населения...». В этом нетрудно разглядеть недавнюю историю Советского Союза. Россия, таким образом, определялась как отсталая, аграрная страна, а победа пролетариата рассматривалась как производное от поддержки масс крестьянства. Этот тезис позже получит поддержку в профессиональной историографии истории СССР и станет объектом резкой партийной критики.

Другое дело – индустриализированная Западная Европа. И Ботвинник вносит невероятное предложение – «надо подавляющее большинство промежуточных слоев материально заинтересовать в социалистической революции». Ботвинник приводит программу компартии Великобритании «Путь Британии к социализму» в качестве примера, как *не следует* агитировать за социализм.

Что хорошего обещали британские коммунисты своим соотечественникам? Ботвинник цитирует: «мелкие торговцы и предприниматели, так же, как и мелкие земельные собственники в сельских районах, будут освобождены от ограничений, вводимых монополистами». «И все, – пишет шахматист-политик. – Больше компартия Великобритании ничего не обещает». Зато коммунисты предлагали аннулировать все акции, не делая никаких различий между крупными и мелкими собственниками. Вывод Ботвинника: «следует ли удивляться, что промежуточные слои в Великобритании по-прежнему с недоверием относятся к компартии и отдают свои голоса консерваторам и лейбористам?». Ботвинник убежден в необходимости опираться на мелких собственников, которые составляют, по его словам, «9/10 всех лиц, живущих чужим трудом полностью или частично, т. е. лиц, собственность которых будет экспроприирована».

Ботвинник предлагает гарантировать этим людям их нетрудовой (!) доход. «Мне кажется, — пишет он в заключительном разделе своего трактата, — что если гарантировать (в странах Запада) мелкой буржуазии сохранение 100 % дохода после революции, а *крупной буржуазии — некоторую долю их дохода* (курсив мой. — Авт.), то можно изолировать монополистов от народа, избавить человечество от атомной катастрофы...».

Поспелов, ознакомившись с этим трактатом, поспешил информировать о его содержании ЦК. Он оценил взгляды М. Ботвинника как «либерально-пацифистскую, антимарксистскую концепцию “компромисса” с империалистами с целью избежать третьей мировой войны. *Не понимая*

основного экономического закона современного капитализма — стремления империалистов к максимальной прибыли и к мировому господству (курсив мой. — Авт.), М. Ботвинник высказывает наивно-нелепую, антимарксистскую мысль: “Нельзя ли поставить монополистов в такие условия, когда у них не будет необходимости в атомной войне”... Ботвинник предлагает включить в программы коммунистических партий обещание в случае революции не только сохранить получаемую капиталистами прибыль от национализированных предприятий, но даже и обещание увеличить эту прибыль за счет сокращения военных расходов». Оценив размышления М. Ботвинника «как проявление буржуазной идеологии лейбористского типа и боязни капиталистического окружения», секретарь ЦК дал указание вызвать чемпиона мира в Отдел пропаганды и агитации ЦК и разъяснить антимарксистский характер его взглядов, а если он будет на них настаивать, «то не может, мне кажется, оставаться членом партии».

Отметим, что ни сам Ботвинник, ни его оппонент намеренно не замечали второго плана полемики. Формально в сочинении чемпиона мира речь шла о вопросах внешнеполитических. Но, по сути, за ними стояли свои, домашние дела. Защита прав мелких собственников как программное предложение для коммунистов не могло не заставить

М.М. Ботвинник на матче-реванше с М. Талем.

задуматься о справедливости исторического пути развития СССР с национализацией всей экономики, коллективизацией и раскулачиванием. Признание прав собственников, на котором настаивал М.М. Ботвинник, вступало в противоречие с идеологией КПСС, всегда отрицавшей любую собственность, кроме государственно-социалистической. Устами Ботвинника была высказана такая страшная ересь, что его критики не посмели ее даже разглядеть.

Полемика на этом не закончилась. Спустя полгода, уже в декабре 1954 г., Ботвинник дал ответ на те возражения, которые ему были высказаны в ЦК КПСС. Он снова повторил, что главная задача человечества – предотвращение ядерной войны. В этом смысле Ботвинник – сторонник социально-однородного мира, исключающего вследствие своей однородности угрозу ядерной войны. Поэтому он сторонник победы социализма во всем мире, но не любой ценой.

Изменился тон полемики. Опытный тактик, М.М. Ботвинник на этот раз вступил в прямой спор с партийным идеологом. Поспелов признавал возможность ядерной войны, и Ботвинник цитирует при ответстве ЦК съезду писателей, которое зачитывал Поспелов.

Ботвинник настойчив и последователен, даже дерзок в своих аргументах в защиту необходимости признания прав собственников. Он пишет: «люди были за социалистическую революцию для того, чтобы получить гарантии прокормиться, одеться, найти работу – когда это становится ясным народу, тогда и свершается революция. Так было в России, то же произошло и в Китае.

В странах Запада большинство людей настолько хорошо одеты, сыты, грамотны, обеспечены жильем, что пока социалистическая революция для них не являлась крайне необходимой – поэтому ее там либо не было или она не побеждала».

Ботвинник верен себе: революция – результат неудовлетворительного развития общества, неспособного обеспечить приемлемый уровень жизни. В качественно новых условиях развития человечества, после появления атомного оружия и угрозы ядерной, самоубийственной для человечества войны, необходимы поистине всемирные социальные реформы (аккуратно именуемые Ботвинником революцией). «Но если развитие пролетарской революции связано с атомной войной, – писал М.М. Ботвинник, – то не слишком ли дорогую цену придется уплатить в этом случае людям, нет ли здесь, в конечном счете, риска... вместе с водой (то бишь капитализмом) выплеснуть и ребенка (т. е. человечество)?»¹.

¹ Турнир длиною в три десятилетия: ЦК КПСС – М.М. Ботвинник / Публикацию подготовили А.В. Новиков, С.В. Попов // Исторический архив. 1993. № 2. С. 58–67.

Основа социального реформирования ясно выражена в следующем предложении чемпиона мира: «Мне кажется, что народные массы этих стран можно привлечь на сторону революции в том случае, если они увидят, что революция даст возможность избежать атомной катастрофы, и при обязательном условии – удовлетворении их собственных инстинктов»¹.

Обращения М.М. Ботвинника свидетельствовали и о надежде на перемены, и об известном уровне доверия к ЦК КПСС как органу, способному учесть его предложения и претворить их в жизнь. Смелая оценка социально-политических реалий СССР и его места в мире, желание вести дискуссии с партийными идеологами – признаки начавшегося в стране отхода от сталинского единообразия.

Накануне XX съезда. Одним из центральных вопросов середины 50-х годов стал клубок проблем, связанных с восстановлением прав осужденных по политическим обвинениям, осуждением непосредственных организаторов репрессий, установлением политической ответственности за творившееся беззаконие. Через тюрьмы и лагеря прошли родные и близкие практически всех представителей советской политической элиты. Угроза репрессий витала над каждым из них. Роли палача и жертвы менялись с удивительной легкостью, иногда – по нескольку раз. Политическая элита СССР, партийное и государственное чиновничество стремилось к стабильности, защищенности своего положения. Осуждение и расстрел Л. Берии, бывшего министра государственной безопасности В.С. Абакумова и ряда крупных деятелей МГБ и МВД создавали известные гарантии безопасности.

Уже в 1953 г. и особенно весной 1954 г. были сделаны первые шаги по пути политической реабилитации жертв репрессий. Реабилитация коснулась сравнительно узкого круга политических деятелей, в основном лиц, арестованных и расстрелянных по «ленинградскому делу». Между оправданием А.А. Кузнецова, Н.А. Вознесенского, М.И. Родионова и тех, кто был осужден вместе с ними, и обвинениями в адрес В.С. Абакумова и ряда сотрудников бывшего МГБ существовала несомненная связь. Оправдать одних – означало доказать виновность других. Но в делах по реабилитации все явственнее просматривался еще один аспект. Для людей искушенных не было тайной, что все члены политического руководства той эпохи сами являлись участниками репрессий. Начавшаяся реабилитация, широкая поддержка этого процесса в обществе позволяли использовать обвинения в подготовке репрессий как оружие в борьбе за власть.

¹ Турнир длиною в три десятилетия: ЦК КПСС – М.М. Ботвинник / Публикацию подготовили А.В. Новиков, С.В. Попов // Исторический архив. 1993. № 2. С. 65.

Впервые это было продемонстрировано еще в 1938–1939 гг., когда всю ответственность за «перегибы» в карательной политике возложили на бывшего наркома НКВД СССР Н.И. Ежова и его соратников. Несомненно, этим же оружием пытался воспользоваться Берия в 1953 г., прекрасно осведомленный как о роли Маленкова в организации «ленинградского дела» и «дела врачей», так и о причастности к репрессиям Молотова, Кагановича, Ворошилова, Хрущева... Однако Берия сделать это не успел. Его политические соперники – Маленков и Хрущев – перехватили инициативу. Берия не только арестовали, предъявив стандартное обвинение в сотрудничестве с иностранными разведками, его осудили *политически*, возложив именно на него всю ответственность за репрессии 30-х – начала 50-х годов, и сделали это *публично* (если, конечно, считать «закрытое письмо» ЦК об итогах июльского Пленума 1953 г. способом информирования населения).

Устранение Берии из состава высшего политического руководства не остановило борьбы за власть. Соперничество между Хрущевым и Маленковым превращало вопрос восстановления прав невинно пострадавших в ходе репрессий в способ политической борьбы, и усиление этой борьбы радикализировало процесс реабилитации.

Обвинение в причастности к репрессиям звучало все более весомым аргументом Хрущева в борьбе против Маленкова. Следствием этого стали новые дела репрессированных, подлежащих реабилитации, – на этот раз они были прямо связаны с восстановлением репрессированных в партии. Таким образом, формально вопрос о репрессиях становился не только юридическим, но и партийно-политическим, а темы репрессий и отношения к Сталину – важнейшими на предстоящем XX съезде КПСС, первом партийном съезде после смерти Сталина.

Секреты «секретного доклада». Существует некий исторический парадокс: обилие слов и разнообразие оценок XX съезда, особенно его кульминационной части – «секретного доклада» Н.С. Хрущева, и практическая неизученность механики подготовки самого съезда, доклада, а также ближайших последствий съезда. Документы архива Политбюро ЦК КПСС дают нам возможность узнать неизвестные прежде факты.

Появлению «секретного доклада» Хрущева предшествовало заседание Президиума ЦК КПСС 31 декабря 1955 г. В его повестку был внесен пункт «Вопросы, связанные с реабилитацией». Краткая протокольная запись сообщала, что Президиумом ЦК создана «комиссия в составе гг. Пospelова, Комарова, Аристова, Шверника, которой по-

ручено просмотреть все материалы»¹. (Позднее эту комиссию стали называть «Комиссией Пospelова»).

Комиссия была образована «для разбора вопроса о том, каким образом оказались возможными массовые репрессии против большинства членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных XVII съездом партии...». К подготовке документального материала комиссией были привлечены: «от Комитета госбезопасности т. Серов И.А. (член КПСС с 1926 года); начальник секретариата КГБ т. Доброхотов (член КПСС с 1932 года); начальник учетно-архивного отдела КГБ т. Плетнев (член КПСС с 1939 года); начальник Особой инспекции КГБ т. Каллистов (член КПСС с 1940 года); от Прокуратуры СССР – зам. Главного военного прокурора т. Терехов (член КПСС с 1943 г.)»².

Накануне съезда споры в Президиуме ЦК о сталинских репрессиях усилились. На заседание Президиума был доставлен заключенный Б. Родос, в прошлом следователь по особо важным делам МГБ СССР, один из главных исполнителей политических процессов конца 40-х годов. Его показания подтвердили, что Сталин лично руководил террором. Не будем наивными! Члены Президиума знали об этом не хуже Бориса Родоса: большинство из них сами участвовали в «особых тройках», отчитывались по «лимитам» расстрелянных и запрашивали у Сталина новые «лимиты» для истребления «врагов народа». Дело было в другом. Первый секретарь ЦК настойчиво поднимал тему ответственности Сталина за террор, требовал вынести ее на съезд, и нужно было определить свое отношение к этому. Сам факт вызова из тюрьмы бывшего следователя МГБ лишь свидетельствовал о последовательности Хрущева.

Во время обсуждения разгорелся спор – как на предстоящем съезде оценивать Сталина. Молотов утверждал, что, несмотря на ставшие известными факты репрессий, Сталин – великий продолжатель дела Ленина и об этом необходимо сказать на съезде. Его поддержали Ворошилов и Каганович. Микоян и Сабуров возражали. Сабуров заявил: «Если верны факты, разве это коммунизм? За это простить нельзя». Маленков соглашался обсудить вопрос о Сталине на съезде. Хрущев подчеркивал: «Сталин был предан делу социализма, но все делал вар-

¹ В 1955 г. П.Н. Пospelов – секретарь ЦК КПСС, П.К. Комаров – заместитель председателя Комиссии партийного контроля при ЦК КПСС, А.Б. Аристов – секретарь ЦК КПСС, Н.М. Шверник – председатель Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов. – *Прим. авт.*

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 489. Л. 89. См. также: Реабилитация: как это было: Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Март 1953 – февраль 1956. – М., 2000. Т. 1. С. 345.

варскими способами. Он партию уничтожил. Не марксист он. Все святое стер, что есть в человеке. Все своим капризам подчинил»¹.

Перед началом XX съезда, 8 февраля 1956 г., «Комиссия Пospelова» представила в Президиум ЦК многостраничный отчет о репрессиях прошлого. Отчет подготовили быстро – за месяц. В этом совершенно секретном документе приводились сведения о масштабах репрессий в стране в 1935–1940 гг. Авторы отобрали данные только о репрессированных по обвинению в антисоветской деятельности, обратив особое внимание на преследование партийно-советского руководства. Но даже в этом документе, где не затрагивался вопрос о репрессиях по отношению к «социально-чуждым элементам» в 20–30-е годы, где роль Маленкова, Ворошилова, Кагановича, самого Хрущева в репрессиях 30-х годов тщательно обходилась, где нет ни слова о разгроме крестьянства в период коллективизации, о трагедии советских военнопленных, поменявших не по своей воле фашистские лагеря на советские, содержалась страшная в своей убедительности картина массового террора власти по отношению к населению страны.

Отчет «Комиссии Пospelова», хотя и основывался на очевидно неполной статистике, свидетельствовал, что только за два года (1937–1938) по обвинению в антисоветской деятельности было арестовано 1 548 366 человек, из них расстреляно 681 692. В документе приводились данные о разгроме партийно-советского руководства страны: было арестовано по 2–3 состава руководящих работников республик, краев и областей, из 1966 делегатов XVII съезда ВКП(б) арестовали 1 103 человека, из них 848 расстреляли.

В документе предпринималась попытка раскрыть механику проведения репрессий и говорилось о ряде крупных политических процессов. Приведем названия некоторых рубрик отчета: «Приказы НКВД СССР о проведении массовых репрессий», «Искусственное создание антисоветских организаций, блоков и различного рода центров», «О грубейших нарушениях законности в процессе следствия», «О “заговорах” в органах НКВД», «Нарушения советской законности органами прокуратуры в надзоре за следствием в НКВД», «Судебный произвол Военной Коллегии Верховного Суда СССР», «О внесудебном рассмотрении дел». Сообщая в Президиум ЦК, что «при подготовке материалов и печатании настоящей записки была обеспечена необходимая конспирация», комиссия попыталась сделать выводы о причинах массовых репрессий.

¹ Наумов В. Утвердить докладчиком товарища Хрущева // Московские новости. 1996. 4–11 февр. (№ 5). С. 34. Источниковой основой публикации стали записи заседаний Президиума ЦК, сделанные заведующим Общим отделом ЦК В.Н. Малиным. – *Прим. авт.*

По мнению членов комиссии, причинами послужили постановление ЦИК СССР от 1 декабря 1934 г., принятое с нарушениями процедуры в первые часы после убийства С.М. Кирова, открывшее «возможность массовых репрессий и для нарушения социалистической законности», и посланная 25 ноября 1936 г. Кагановичу и Молотову телеграмма Сталина и Жданова с установкой на применение массовых репрессий, которая легла в основу решений февральско-мартовского (1937 г.) Пленума ЦК. В документе ясно устанавливалась персональная ответственность Сталина за применение пыток на допросах, внесудебные расправы и расстрелы¹.

Отчет оказался страшным. Конкретные факты, многочисленные выдержки из показаний и жертв, и палачей, большей частью тоже расстрелянных во время «чистки» органов НКВД в 1939–1940 гг., свидетельства о пытках, попытки прежних соратников вымолить у Сталина жизнь ужасали. К докладу были приложены три документа: телеграмма Сталина от 10 января 1939 г., подтверждавшая установленную ЦК ВКП(б) практику «применения физического воздействия» (то есть пыток) при допросах, справка о санкционировании Сталиным расстрелов 138 руководящих работников и предсмертное письмо наркома земледелия, члена ЦИК СССР Р.И. Эйхе Сталину.

9 февраля 1956 г. отчет был заслушан на Президиуме ЦК. Впечатление было шокирующим. Развернулась дискуссия, нужно ли говорить об этом на съезде, как оценивать Сталина. Молотов продолжал настаивать на позитивной характеристике «вождя народов»: «Тридцать лет партия жила и работала под руководством Сталина, осуществила индустриализацию страны, одержала победу в войне и вышла после ее окончания великой державой». Колебался Каганович: «Мы несем ответственность, но обстановка была такой, что мы не могли возразить», вспоминал о судьбе своего брата Михаила, покончившего с собой из-за угрозы ареста, и вместе с тем опасался, «чтобы нам не развязать стихию на съезде». Сторонниками доклада были Аристов, Шепилов. К ним присоединился Маленков. Против – Молотов, Ворошилов и Каганович. Хрущев попытался найти компромиссное решение, пообещав «не смаковать» прошлое².

Между тем в проекте регламента съезда, представленном Отделом партийных органов ЦК, доклада Хрущева не было. Не было его и в пригласительных билетах, розданных делегатам съезда³.

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 489. Л. 23–111. См. также: Реабилитация: как это было. Т. 1. С. 317–348.

² См.: *Наумов В.* Утвердить докладчиком товарища Хрущева...

³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 489. Л. 50, 52. См. также: Реабилитация: как это было. Т. 1. С. 349–351.

Лишь 13 февраля 1956 г., *за день* до начала съезда, состоялось заседание Президиума ЦК, на котором было принято решение: «Внести на Пленум ЦК КПСС предложение о том, что Президиум ЦК считает необходимым на закрытом заседании съезда сделать доклад о культе личности и утвердить докладчиком Н.С. Хрущева»¹.

Сохранилась выписка из стенограммы этого Пленума. Приводим ее полностью.

«Хрущев. Президиум ЦК после *неоднократного обмена мнениями* (курсив мой. – *Авт.*) и изучения обстановки и материалов после смерти т. Сталина чувствует и считает необходимым поставить на XX съезде, на закрытом заседании (видимо, это будет в то время, когда будут обсуждены доклады и будет утверждение в руководящие органы ЦК,... когда гостей не будет), доклад ЦК о культе личности. На Президиуме условились, что доклад доверяется сделать мне, первому секретарю ЦК. Не будет ли возражений?

Голоса. Нет»².

Необходимо отметить, что в этот момент грубо нарушалась традиция подготовки не только съезда, но и вообще сколько-нибудь крупного партийного мероприятия. Утверждался доклад, текста которого не существовало. Его еще предстояло написать.

Хрущева не удовлетворил проект доклада «О культе личности и его последствиях»³, подготовленный к 18 февраля 1956 г. Поспеловым и Аристовым и основанный на материалах «Комиссии Поспелова». Он пригласил к себе стенографистку и 19 февраля, в разгар работы съезда, продиктовал свой вариант доклада⁴.

В докладе Поспелова–Аристова содержался теоретический раздел: осуждение культа личности с позиций марксизма, сведения о так называемом «политическом завещании» Ленина с критикой Сталина, ссылки на «болезненную подозрительность И.В. Сталина», что «привело к большим бедствиям, к массовым репрессиям против невинных людей в 1937–1938 гг., к так называемому “ленинградскому делу”, состряпанному преступной шайкой Берия–Абакумова, к позорному “делу врачей”». Однако в нем тщательно обходились вопросы персональной ответственности людей из окружения Сталина, вся вина возлагалась на самого Сталина и «вышедший из-под партийного контроля аппарат НКВД». Укажем еще на одно принципиальное положение варианта доклада Поспелова – Аристова: сведения о репрессиях об-

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 489. Л. 64.

² Там же. Л. 66–67.

³ АП РФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 169. Л. 2–29.

⁴ Там же. Л. 29–63. См. также: Реабилитация: как это было. Т. 1. С. 365–379.

Н.С. Хрущев на XX съезде.

рывались в нем 1940 г., полностью отсутствовали данные и оценки событий 40-х – начала 50-х годов.

Используя теоретические положения этого документа, Хрущев расставил существенно иные акценты и, главное, изменил хронологические и концептуальные рамки доклада. Прежде всего, он попытался ответить на естественный вопрос – почему партийное руководство мирилось со сталинским произволом. «Сталин проявлял полную нетерпимость коллективности.., – утверждал Хрущев. – Он действовал не путем убеждения, кропотливой работы.., а путем навязывания, путем требования принятия его понимания вопроса, и кто этому сопротивлялся или старался доказывать свою правоту, тот был обречен на исключение из руководящего коллектива *с последующим немедленным уничтожением* (курсив мой. – Авт.)»¹.

Хрущев повторил вслед за Пospelовым и «Кратким курсом» истории ВКП(б), что «жестокая и полезная борьба, которая была проведена партией с троцкистами, зиновьевцами и правыми, была необходима и понятна, и здесь Сталин сыграл положительную роль». Но Хрущев высказал сомнение в справедливости методов внутрипартийной борьбы. Он напоминал, что Ленин, резко выступивший против Каменева и Зиновьева перед Октябрьской революцией, после Октября ввел их в состав политического руководства. «Возьмем троцкистов, – рассуждал Хрущев. – <...> Ведь вокруг Троцкого были люди, которые не являлись выходцами из буржуазии и помещиков... И можно назвать целый ряд людей, которые принимали активное участие и до победы революции, и в момент революции, и в укреплении завоеваний этой революции. Почему же они были доведены до такого со-

¹ Реабилитация: как это было... С. 31, 366.

стояния, что создалась необходимость их уничтожения? Я уверен, если бы был жив Ленин, такой необходимости не было бы»¹.

Хрущев не собирался ограничиваться только довоенной историей страны. Не менее важна была для него оценка роли Сталина в войне, в событиях послевоенного времени. Оценки Хрущева пристрастны, факты часто не проверены, это экспромты, рожденные личными тревогами недавнего прошлого, в них много от страха перед Сталиным, от того соперничества между советскими лидерами, которое появилось в последние годы жизни Сталина и сохранилось при «коллективном руководстве». Хрущевский вариант доклада сумбурен и непоследователен, однако своя логика в нем есть. Это – стремление возложить вину за все плохое в прошлом на Сталина и Берию и тем самым *реабилитировать коммунистическую партию, реабилитировать идеи социализма и коммунизма*.

Хрущев создал карикатурный портрет Сталина в дни войны. По его мнению, Сталин оказался неспособным к руководству армией и страной в начале войны, целый год не подписывал приказы. «Где же все это время был главнокомандующий? – вопрошал Хрущев. – Струсил, испугался. Тяжелое положение, которое создалось в то время для нашей страны, – это результат неразумного руководства Сталина». И подчеркивал: «Я говорю – Сталина». «Если правду говорить, а мне и другим товарищам пришлось быть на войне с самого начала и почти до конца ее и нести ответственность и тяжесть этой войны, то мы знаем, какова была роль Сталина в войне. Это не роль Сталина, а роль нашей партии, роль людей, которые воспитаны партией, – продолжал Хрущев»². Хрущев возлагал на Сталина ответственность за неподготовленность к войне, за окружение частей Красной Армии под Киевом в 1941 г., под Харьковом в 1942 г.

«Ленинградское дело», «дело врачей», «мингрельское дело» – во всех случаях ответственность за эти политические процессы недавнего прошлого Хрущев также возлагал на Сталина. «Дело врачей – диктовал Хрущев – это, может быть, не дело врачей, а дело Сталина, потому что никакого дела о врачах не было...»³.

Примечательны последние слова в диктовке Хрущева: «Сказать о “московском деле”»⁴. Эта запись осталась нераскрытой. Нет этой темы и в официальном тексте «секретного доклада». Позднее, в своих мемуарах, Н.С. Хрущев утверждал, что Сталин пытался организовать

¹ АП РФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 169. Л. 31–34. Реабилитация: как это было... С. 366–367.

² АП РФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 169. Л. 53. Реабилитация: как это было... С. 375.

³ Там же. Л. 43. Там же. С. 370.

⁴ Там же. Л. 63. Там же. С. 379.

процесс, подобный ленинградскому, в Москве в конце 40-х – начале 50-х годов. Мы не располагаем данными, насколько обоснованы личные опасения человека, бывшего первым секретарем Московского горкома партии. Во всяком случае, повторение этой темы и в хрущевском варианте доклада, и в его мемуарах свидетельствует о ее важности для самого Хрущева.

Хрущев не ограничился установлением ответственности Сталина, подводил к тому, что ответственность за преступления прошлого разделены люди, и ныне входящие в высшее политическое руководство страны. Старательно возводимая Пospelовым и Аристовым стена между Сталиным и Берией, с одной стороны, и партийно-государственным руководством, с другой, стена между репрессиями 1935–1940 гг. и современностью была основательно повреждена Хрущевым. И вряд ли это стало следствием оговорок, излишней эмоциональности Никиты Сергеевича. Во всех оговорках просматривалась система. Осуждая методы следствия, практиковавшиеся Сталиным, Хрущев приводил в своей диктовке пример из «дела врачей»: «Здесь вот сидит делегат съезда Игнатьев, министр госбезопасности в 1951-м – начале 1953 гг. (во время XX съезда – первый секретарь Башкирского обкома КПСС. – *Авт.*), которому Сталин сказал: если не добьетесь признания у этих людей, то с вас будет голова снята. Он сам вызывал следователя, сам его инструктировал, сам ему указывал методы следствия, а методы единственные – это бить». Рассказывая о роли Сталина в войне, об обстоятельствах харьковской катастрофы, Хрущев напомнил своим сподвижникам: «... Я позвонил Сталину на дачу, но он не подошел к телефону, а подошел Маленков. Я Маленкову говорю, что хочу говорить лично со Сталиным. Сталин передает через Маленкова, чтобы я говорил с Маленковым. Я вторично прошу, что хочу доложить Сталину о тяжелом положении... Он не соизволил пройти десять шагов от стола... до телефона, чтобы выслушать меня,... и опять подтвердил, чтобы я говорил через Маленкова».

И в случае с Игнатьевым, и своими воспоминаниями о войне Хрущев метил в Маленкова – фактического начальника бывшего министра госбезопасности, человека из самого близкого окружения Сталина. Маленков и его люди оказывались ответственными за преступления Сталина. Окончательная схватка за власть между Маленковым и Хрущевым приближалась, и на пути к ней Хрущев отнимал у Маленкова не только полномочия, но и авторитет.

Продиктованный Н.С. Хрущевым текст лег в основу его «секретного доклада», прочитанного в последний день работы съезда – 25 февраля 1956 г. Существует легенда, что перед выступлением Хрущев

двое суток дорабатывал текст доклада вместе с Шепиловым. Именно этот, окончательный, вариант Хрущев и зачитывал на съезде, изредка отрываясь от написанного¹. (Если быть точным, то уже после официального окончания работы съезда, так как известная делегатам программа была исчерпана, состоялись выборы в ЦК КПСС.)

Для абсолютного большинства делегатов доклад стал потрясением. Зал слушал молча, в полной тишине. После окончания доклада не было привычных аплодисментов. Только несколько хлопков раздалось в длинном зале Большого Кремлевского дворца. А потом начались исторические загадки. Как отмечали издатели доклада, *«ход закрытого заседания не стенографировался* (курсив мой. – Авт.). После окончания доклада было решено прений по нему не открывать»². Было решено также ознакомить с содержанием доклада партийные организации (без публикации в печати).

Итак, констатируем следующее:

- Хрущев и Президиум ЦК нарушили традицию съездов партии, требовавшую, чтобы тексты политических докладов руководителей партии предварительно утверждались Политбюро или Президиумом ЦК;
- текст выступления Хрущева срочно дописывался во время работы съезда, буквально до последних дней;
- существовало не имеющее прецедента запрещение стенографировать, записывать выступление Хрущева;
- для выполнения решения съезда – ознакомить членов КПСС с текстом доклада Хрущева – следовало сначала *создать* официальный текст.

Для его подготовки потребовалось время. 1 марта 1956 г. проект уже произнесенной (!) речи был представлен для окончательного редактирования и согласования с членами и кандидатами в члены Президиума, секретарями ЦК. Кроме того, были сделаны ссылки на «источники» – работы Маркса, Энгельса и Ленина, без которых доклад на партийном съезде был немыслим.

5 марта Президиум ЦК принял постановление «Об ознакомлении с докладом тов. Хрущева Н. С. “О культе личности и его последствиях” на XX съезде КПСС», где указывалось:

«1. Предложить обкомам, крайкомам и ЦК компартий союзных республик ознакомить с докладом тов. Хрущева Н. С. “О культе лич-

¹ О роли Д.Т. Шепилова в доработке заключительного варианта «секретного доклада» и о том, что Хрущев почти не отрывался от написанного текста, мне рассказывал А.Н. Яковлев, присутствовавший на заключительном дне XX съезда в качестве инструктора ЦК КПСС. – *Прим. авт.*

² Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 166.

ности и его последствий” на XX съезде КПСС всех коммунистов и комсомольцев, а также беспартийный актив рабочих, служащих и колхозников.

2. Доклад тов. Хрущева разослать партийным организациям с грифом “не для печати”, сняв с брошюры гриф “строго секретно”»¹.

Следовательно, между произнесением речи (25 февраля) и переработкой, редактированием и утверждением этого текста (5 марта 1956 г.) прошло более недели.

Таким образом, в партийных организациях СССР читали уже отредактированный, правленный вариант доклада Хрущева. Что говорил Хрущев делегатам XX съезда, достоверно неизвестно. Установить степень соответствия печатного текста доклада Хрущева и его устного выступления не представляется возможным, так как не была найдена магнитофонная запись выступления. Учитывая склонность Н.С. Хрущева к импровизации, можно предположить, что его речь содержала и другие, дополнительные сведения.

Значение доклада для общественного сознания трудно переоценить. Попытки открытой критики Сталина предпринимались и раньше. Так, А.И. Микоян на третий день работы съезда осуждал отсутствие коллективного руководства при Сталине, критиковал его теоретические работы — «Экономические вопросы социализма в СССР» и «Краткий курс» истории ВКП(б). Попытка критиковать Сталина вызвала тогда протест части делегатов и гостей съезда. В президиум съезда пришла записка следующего содержания: «Я не согласен с выступлением правого (так в тексте. — *Авт.*) Микояна, которое является оскорблением светлой памяти Сталина, живущей в сердцах всех классов сознательных рабочих и будет с радостью воспринято буржуазией. Нас воспитал Сталин. Гала Иозеф. Председатель уличной организации КПЧ в г. Теплице»².

После «секретного доклада» Хрущева подобные записки стали невозможны. Зато появились другие записки, иные вопросы, в частности, делегаты съезда спрашивали Хрущева: «После Вашего выступления достоин ли т. Сталин лежать вместе с Лениным?»³.

Позже была осуществлена беспрецедентная акция — ознакомление практически всего взрослого населения страны с докладом Хрущева, а также рассылка доклада руководителям компартий стран мира⁴.

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 166.

² АП РФ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 14. Л. 46.

³ Там же. Л. 55.

⁴ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 490. Постановление Президиума ЦК КПСС от 28 марта 1956 г. об ознакомлении представителей иностранных компартий с докладом Н.С. Хрущева.

В свою очередь, это вызвало широчайший резонанс. В Москву, в Президиум ЦК КПСС пошли письма от руководства исполкома так называемого IV Интернационала с предложением реабилитировать Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина, Раковского, тысяч других большевиков, пересмотреть дела ряда руководителей компартий стран Восточной и Центральной Европы – Л. Райка, Р. Сланского, Т. Костова и других¹; Наталья Седова-Троцкая в письме из Мексики просила реабилитировать ее мужа².

Доклад Н.С. Хрущева и советское общество. Большинство писем шло от коммунистов, ознакомленных с докладом Хрущева в своих парторганизациях. Письма были разные, многие – от репрессированных, в том числе от ленинградцев, которых в разной степени затронули последовавшие за убийством С.М. Кирова события.

Однако уже первое знакомство с письмами свидетельствовало о неудовлетворенности их авторов тем, как вопрос о культе личности был поставлен на XX съезде.

Буквально в первые дни после принятия решения – зачитать текст доклада в партийных организациях – в Президиум ЦК пришло письмо из Ленинграда от сотрудника Института русской литературы АН СССР, члена КПСС с 1920 г. И.А. Алексеева. Письмо датировано 9 марта 1956 г., то есть написано оно было на второй день после собрания, на котором партийцев и беспартийных членов-корреспондентов АН, докторов наук, старших научных сотрудников и комсомольских активистов-аспирантов института ознакомили с докладом. «Впечатление от прослушанного доклада для всех присутствующих было настолько ошеломляющим, что это трудно выразить в немногих словах». Алексеев специально подчеркивал – ни он сам, ни его родственники не испытывали на себе террора, он верил Сталину. Но в переоценке ценностей, начавшейся после смерти Сталина и ареста Берии, он шел дальше доклада Хрущева. «Истинной трагедией, – писал Алексеев, – надо рассматривать не трагедию личности Сталина. Исторический акт единовластия в системе советского строя надо считать большей трагедией для нас, коммунистов, настоящей трагедией для масс, партии и народа...». Партия, считал он, должна судить Сталина посмертно партийным судом.

Автор письма протестовал и против формы преподнесения «секретного доклада»: «Нельзя ограничиться тем, чтобы прослушать доклад и отойти с поникшей головой. Документ зачитывался не для об-

¹ АП РФ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 14. Л. 48.

² Там же. Л. 68.

суждения, а “доводился для сведения”»¹. Президиуму ЦК он адресовал такое предложение. «Предоставьте возможности каждой низовой партийной организации высказаться специально по вопросу о Сталине... Пусть каждый коммунист выскажется на партийном собрании – является ли Сталин государственным преступником. Да, ответит партия при этом плебисците. Преступник против человечности»².

Нетрудно видеть, что размышления этого коммуниста шли гораздо дальше установок XX съезда КПСС. Безмолвное выслушивание содержащихся в докладе Н.С. Хрущева установок заменялось обсуждением: *почему* произошло то, что было названо «культом личности», *кто* виноват, *что* нужно делать, чтобы трагедия партийного самовластия не повторилась. Эти вопросы и попытки найти на них ответы вступали в противоречие с монопольным правом партии, а точнее, высшего партийного руководства давать ответы *на все* вопросы. Демонополизация партии в праве на истину расценивалась как покушение на нее, как политическое преступление.

Приказывая организовывать собрания, заставляя выслушивать партийные решения, знакомя со спорами, которые велись на партийном Олимпе, партийное руководство само невольно создавало оппозицию, причем оппозицию из членов своей же партии, тех людей, которые были достаточно наивны, чтобы всерьез поверить в ее благие намерения.

Несомненна роль XX съезда КПСС и его «секретного доклада» в создании качественно новых условий развития общественного сознания в стране. Решения XX съезда были привлекательны для политической элиты прежде всего тем, что они означали отказ от использования репрессий и террора во внутрипартийной борьбе, высшему и среднему слоям партгосноменклатуры гарантировалась безопасность. Исключалась возможность не только массовых погромов по образцу 1937–1938 гг., но и повторения «ленинградского дела». Осуждение «периода культа личности» и лично Берии снимало ответственность с местных исполнителей и организаторов политических процессов, сохранявших свои посты в партийно-государственной системе. Чем более суровая критика раздавалась в адрес Сталина и Берии, тем меньше было спроса с других.

Но в решениях партийного съезда просматривался и другой аспект. Доклад Хрущева уничтожил однозначность оценок роли партии в истории страны. Хотел или не хотел этого первый секретарь ЦК КПСС, он спровоцировал обсуждение вопросов о цене преобразова-

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 493. Л. 30 об.

² Там же.

ний, о том, что из трагедий прошлого было порождено лично Сталиным, а что предопределено самой партией, идеей строительства «светлого будущего». Разрушение одномерности в восприятии прошлого, отход от канонов «Краткого курса» истории ВКП(б) не могли не породить критичности в оценках.

Роль ЦК КПСС в создании политической оппозиции в стране.

Обстоятельства появления интеллектуальной оппозиции режиму становятся очевидными на примере обсуждения «секретного доклада» на закрытом партийном собрании в Теплотехнической лаборатории АН СССР. Собрание шло два дня – 23 и 26 марта 1956 г. В среде научно-технической интеллигенции доклад породил дискуссию, оцененную как политически ошибочную, содержащую клевету на партию, XX съезд, ЦК и его руководителей. Донос, направленный в ЦК КПСС, сохранил высказывания участников собрания. Младший научный сотрудник Р.Г. Авалов: «Народ бессилен, поэтому удалось небольшой группе людей установить свою диктатуру... Самой радикальной мерой изжития вредных явлений в нашей жизни может быть вооружение народа...». Техник Г.И. Щедрин: «Мы говорим о силе партии и власти народа, ее не было и нет. Мы со Сталиным пошли бы и к фашизму... Мы и сейчас повторяем культ личности, возвеличивая Хрущева, его доклад о культе “с умом” не обсуждали на съезде. <...> Хрущев навалил нам великую кучу всяких фактов, а нам надо разбираться, почему это не сделали на съезде...». Младший научный сотрудник Смолянкин «высказывал недоумение: почему вопрос о культе личности не обсуждался на съезде, неправильно утверждал, что члены партии потеряли самостоятельность и партийность,... партбилет для многих является средством для получения в жизни лучшего места»¹.

В центре обсуждения оказалось выступление младшего научного сотрудника Ю.Ф. Орлова. Он заявил, что «наша страна социалистическая, но не демократическая. Неправильно делаем, когда сравниваем социализм с капитализмом, тогда почему не сравнивать с рабовладельческим строем...». «У нас такое положение, когда собственность принадлежит народу, а власть какой-то кучке прохвостов... Наша партия пронизана духом рабства. Большинство членов партии приспособляются, так получилось и на XX съезде партии... Заседания Верховного Совета производят жалкое впечатление. Смешно сказать, что доклад т. Хрущева о культе личности не обсуждался на съезде.

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 490. Л. 23–27. См. также: Орлов Ю.Ф. Указ. соч. С. 114–118.

В основном в нашей партии все осталось по-прежнему: старый дух подхалимства, наш государственный и партийный аппарат завален такими людьми. Пресса состоит из проходимцев и приспособленцев. В лице госбезопасности мы вырастили такого ребенка, который бьет нас по морде», — говорил Орлов на собрании¹.

За Орловым пошли многие участники собрания. Попытки партийного руководства переломить ход обсуждения особого успеха не имели. При голосовании предложение осудить выступление Орлова и ряда его сторонников получило только на два голоса больше, чем другое, по сути, поддерживавшее Орлова². Орлова вызывали в политотдел Теплотехнической лаборатории. Там он подтвердил свои убеждения, более того, добавил, что эти мысли у него появились в 1946 г., когда он служил в армии. Уже тогда он спорил с офицерами о том, что неправильно, когда в партии все подчинено одному человеку. Поступив в 1947 г. в Московский университет, он также высказывал свои сомнения студентам-однокурсникам³. Но статья открытым политическим противником системы его вынудило обсуждение «секретного» доклада на XX съезде.

Этот скандал привлек внимание Президиума ЦК КПСС, было принято специальное постановление «О враждебных вылазках на собрания партийной организации Теплотехнической лаборатории АН СССР по итогам XX съезда»⁴. Р.Г. Авалов, Ю.Ф. Орлов, В.Е. Нестеров, Г.И. Щедрин были обвинены в «восхвалении фальшивых буржуазных свобод», в клевете на партию и советские органы, в недопустимом для коммунистов либерализме. Их исключили из партии, всех коммунистов Теплотехнической лаборатории обязали перерегистрироваться, начальника политотдела сняли с работы.

То, что произошло в академической лаборатории, не стало исключением. Подобные разговоры были зафиксированы в г. Чкалове, в Киеве, на Сахалине, по сути, по всей стране.

Жуков против Сталина. Потребовалось уточнить само понятие — что такое культ личности Сталина, какую роль он сыграл в истории СССР. В связи с этим велась подготовка к специальному Пленуму ЦК, где центральным должно было стать выступление маршала Жукова с обстоятельнейшей критикой тех аспектов, которые после 1945 г. традиционно оценивались как сильные стороны генералисси-

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 490. Л. 24.

² Там же. Л. 28.

³ Там же. Л. 39.

⁴ См. Постановление Президиума ЦК КПСС от 5 апреля 1956 г.

муса, – о роли Сталина в Великой Отечественной войне. 19 мая 1956 г. маршал направил Хрущеву по-военному короткое письмо. В нем он сообщал, что направил проект своего выступления на предстоящем Пленуме ЦК КПСС, просил Хрущева просмотреть его и сделать свои замечания¹.

Выступление Жукова открывалось утверждением: «...Во всей военно-идеологической работе у нас в стране до последнего времени являлось засилие в ней культа личности». «Должен заметить, – констатировал маршал Жуков, – что у некоторых товарищей имеется мнение о нецелесообразности дальше и глубже ворошить вопросы, связанные с культом личности, так как, по их мнению, углубление критики в вопросах, связанных с культом личности, наносит вред делу партии, нашим Вооруженным Силам, принижает авторитет советского народа и тому подобное».

Жуков был не согласен с такими оценками. Он дал развернутую оценку роли Сталина накануне и в годы войны. В зоне острой критики маршала оказался не только покойный генералиссимус, но и его сподвижники, поныне здравствовавшие в составе высших органов государства и партии.

Отмечая неготовность Красной Армии к нападению Германии, Жуков писал: «Знали ли Сталин и председатель Совнаркома В.М. Молотов о концентрации гитлеровских войск у нашей границы? – Да знали». Следом за этим утверждением Жуков цитировал многочисленные разведдонесения, адресованные Сталину и Молотову и свидетельствовавшие о подготовке Германии к нападению на Советский Союз.

Жуков рассказал, как Сталин, получив лично от Жукова в 3 часа 25 минут 22 июня 1941 г. сообщение о том, что Германия начала боевые действия против СССР, приказал Жукову не открывать ответного огня, считая, что это – не война, а провокация немецких военных. Только в 6 часов 30 минут утра Сталин решился отдать приказ о начале боевых действий².

В проекте доклада Жукова специально были выделены разделы «Отношение Сталина к личному составу наших Вооруженных Сил»; «О так называемых “сталинских операциях”», «сталинской военной

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 166. См.: «Чего стоят полководческие качества Сталина»: Непроизнесенная речь маршала Г.К. Жукова / Публикацию подготовили Л. Киевская, В. Лебедев, С. Мельчин, Ю. Мурин, А. Чернев // Источник. 1995. № 2. С. 143–159.

² Данные Жукова вступили в противоречие со сведениями, сообщенными Хрущевым на XX съезде КПСС, о том, что Сталин, узнав о начале войны, укрылся у себя на даче и устранился на некоторое время от управления страной. – *Прим. авт.*

Маршал Г.К. Жуков с военными атташе иностранных держав.

науке» и задачах по ликвидации культа личности»; «Об устранении неправильного отношения к бывшим военнопленным, возвратившимся на Родину из фашистского плена».

Сведения Жукова были доказательны и документальны. Особая тема – защита офицерского корпуса от произвола, отождествлявшего с культом личности. Это и оправдание генералов, расстрелянных в первые дни войны по обвинению в измене, в неправильном руководстве войсками, и защита чести и достоинства тех офицеров, которые попали в плен, но бежали оттуда, доблестно сражались в войну, но сразу же после победы были арестованы и оказались в лагерях.

Маршал считал необходимым отказаться от чванливой самоуверенности в оценке военных достижений СССР и тщательно изучать тот опыт, который накопился в капиталистических странах. Он отметил «низкое качество, а порой и отрыв» военно-идеологической работы в Советской Армии от конкретных задач подготовки войск.

Нетрудно сделать вывод, что Жуков был заинтересован в углублении критики Сталина, которая, по его мнению, обосновывала необходимость профессионализации офицерского корпуса, непредвзятого изучения опыта войск потенциального противника, сокращения влияния партийного аппарата в войсках.

Однако политический ветер на Старой площади уже переменял направление. Аргументированная и резкая критика Сталина оказалась ненужной. Проект доклада Жукова спрятали на 40 лет в архиве Политбюро, чему способствовали, очевидно, не без согласия самого Н.С. Хрущева, новый теоретик партии Д.Т. Шепилов и давний соперник Жукова, тоже маршал Н.А. Булганин.

С одной стороны.., с другой стороны... Пленум ЦК КПСС не состоялся. Вместо него было решено подготовить письмо ЦК ко всем партийным организациям «Об итогах обсуждения решений XX съезда». Это письмо должно было пресечь «идеологический разброд», дать четкие установки – что допустимо, а что недопустимо в критике культа личности Сталина. Письмо готовила комиссия во главе с секретарем ЦК Л.И. Брежневым.

16 июня 1956 г. проект письма был представлен в Президиум ЦК. В нем содержались сведения о ходе обсуждения «секретного доклада», о том, что в ряде случаев на собраниях звучали выступления, оцениваемые ЦК как националистические и демагогические, задавались провокационные вопросы, на собраниях писателей и художников «имели место высказывания против решений партии по идеологическим вопросам, против принципа партийности в литературе и искусстве»¹.

Еще более встревожило руководство КПСС то обстоятельство, что «враги партии использовали внутрипартийную демократию для борьбы против партии»². Внутрипартийная демократия, допущенная, казалось, в самых узких и контролируемых границах, тем не менее оказывалась совершенно несовместимой с принципом «демократического централизма», основного принципа построения КПСС. В письме говорилось, что есть такие коммунисты, которые «под флагом борьбы против культа личности доходят до отрицания роли руководителей вообще; по их мнению, коллективность несовместима с личным авторитетом руководителя, с необходимостью выполнять его указания».

Любопытна судьба тех замечаний в проекте письма ЦК, в которых его составители рискнули указать на объективные причины недовольства. Так, в проекте указывалось, что на многих предприятиях шел процесс пересмотра норм выработки, сокращались расценки, и это вызывало недовольство рабочих. Увеличение норм не сопровождалось внедрением новых, более совершенных технологий, «хозяйственные организации свели все дело пересмотра норм к механическо-

¹ АП РФ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1. Л. 91–95.

² Там же. Л. 98.

му снижению отдельных расценок. В результате заработная плата рабочих на ряде предприятий резко снизилась»¹.

Этот фрагмент проекта был вычеркнут. Причины подобного редактирования понятны. Упоминание в письме ЦК о том, что на заводах действуют несправедливые нормы оплаты труда, несомненно, вызвали бы новые волнения.

По всей вероятности, рассылки закрытого письма, содержащего «правильную» трактовку итогов XX съезда, оказалось недостаточным.

«Подправило» решения XX съезда постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» от 30 июня 1956 г. Этот документ дал ясный ответ на вопросы о причинах появления, характере проявлений и последствиях культа личности. Постановление объявляло культ личности Сталина следствием борьбы «отживших классов» с политикой советской власти, сложной международной обстановки, наличия противоречий и острой фракционной борьбы внутри самой партии. Все это привело к сокращению партийной демократии, к «высокой бдительности и централизации». Таким образом объяснялась и оправдывалась деятельность Сталина. Применение принципа: с одной стороны, выдающийся деятель, преданный делу социализма, с другой – человек, злоупотреблявший властью, должно было снять остроту критики порядков недавнего прошлого и пресечь попытки перенести эту критику в настоящее.

XX съезд и «социалистический лагерь». Для руководства СССР ситуация в странах Центральной Европы имела, помимо чисто идеологической, свою геополитическую цену. Угроза возникновения военного конфликта в Европе воспринималась как вполне реальная, особые опасения вызывала Западная Германия. С 1955 г., со времени включения Федеративной Республики Германии в НАТО, эти опасения усилились. Ответным шагом СССР стало образование в том же 1955 г. Организации Варшавского Договора, куда вошли СССР, ГДР, Польша, Чехословакия, Венгрия, Румыния и Албания. Соглашение создавало законные основания для пребывания советских войск на территории этих государств.

Вряд ли Хрущев мог представить, что такое, казалось бы, внутреннее дело СССР, как осуждение ошибок Сталина, репрессий недавнего прошлого, станет детонатором для антикоммунистических выступлений в ряде стран Центральной Европы. Брожение в странах «социалистического лагеря» началось практически сразу после смер-

¹ АП РФ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1. Л. 106.

ти Сталина. Переоценки прошлого в Москве – «разоблачение» Берии, отставка Маленкова с поста председателя Совета Министров СССР – становилась прецедентом для правящих элит в Восточной и Центральной Европе. Их интересы не были однородны, в руководстве этих стран существовали различные группы, соперничавшие в борьбе за власть и влияние, не брезговавшие при этом «разыгрывать русскую карту», искать помощи и поддержки в ЦК КПСС, обвинять своих противников в политических ошибках и проступках. За обращениями к «пролетарскому интернационализму», «братской интернациональной помощи», в том числе и военной, могли скрываться вполне конкретные задачи борьбы за власть или ее сохранение.

Напомним, в июне 1953 г. в Москве состоялись переговоры советской и венгерской партийно-правительственных делегаций¹. На этих встречах Маленков, Берия и Молотов высказали критику в адрес руководства Венгрии – Ракоши, Гере, Фаркаша и Реваи, обвинили их в установлении монополии на власть, потребовали изменения приоритетов экономической деятельности, более полного учета национальных особенностей страны, увеличения числа венгров в составе политического руководства, проведения реабилитации людей, подвергшихся политическим репрессиям. Лидеры КПСС упрекали Ракоши за массовые репрессии в стране (только за 9 месяцев 1952 г. в Венгрии было осуждено 540 тысяч человек)². От имени Президиума ЦК КПСС было внесено предложение о разделении должностей генерального секретаря ВПТ и председателя Совета Министров ВНР. (Обе эти должности занимал М. Ракоши.) Советское руководство настаивало на назначение на должность председателя правительства Венгрии И. Надя, члена Политбюро ВПТ и заместителя председателя правительства³.

¹ С венгерской стороны в переговорах участвовали М. Ракоши, генеральный секретарь Венгерской партии труда (далее – ВПТ) и председатель Совета Министров Венгрии Э. Гере, заместитель председателя Совета Министров Венгрии, министр внутренних дел и член Политбюро ВПТ И. Надь, заместитель председателя правительства, член Политбюро А. Хегедюш, член Политбюро и секретарь ЦК ВПТ И. Доби, председатель Президиума Венгрии, а также молодые партийные и государственные работники – Р. Фельдвари, Б. Салаи, И. Хилаш. Советская сторона была представлена Г.М. Маленковым, Л.П. Берией, В.М. Молотовым, Н.С. Хрущевым, Н.А. Булганиным и послом СССР в Венгрии Е.Д. Киселевым. См.: *Мусатов В.Л.* СССР и венгерские события 1956 г.: новые архивные материалы // *Новая и новейшая история*. 1993. № 1. С. 4–5; *Желицки Б.Й.* Будапешт – Москва: год 1956-й // *Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985). Новое прочтение*. – М., 1995. С. 242–243.

² См.: *Желицки Б.Й.* Будапешт – Москва... С. 242.

³ Заинтересованность советского руководства в назначении именно Надя объяснялось еще и тем, что И. Надь, эмигрировавший в СССР в 1929 г., с января 1933 г. стал агентом Главного управления госбезопасности НКВД под псевдонимом «Володя», доносил на венгерских, немецких, итальянских политэмигрантов, на своих русских коллег в Коминтерне,

В июле 1953 г. И. Надь, назначенный премьер-министром Венгрии, объявил о необходимости осуществления ряда реформ в экономике, проведения реабилитации репрессированных по наиболее одиозным политическим процессам. В 1954 г. был освобожден Я. Кадар – бывший заместитель генерального секретаря венгерской компартии и министр внутренних дел, осужденный в 1951 г. на пожизненное заключение.

В дальнейшем И. Надь, «венгерский Маленков», повторил судьбу своего московского коллеги. В январе 1955 г. на Пленуме ЦК КПСС Маленков подвергся критике за увлечение развитием легкой промышленности в ущерб тяжелой, был обвинен в популизме и освобожден от должности Председателя Совета Министров СССР. В том же январе на очередной встрече в Москве М. Ракоши обвинил И. Надя в правом уклоне, найдя на этот раз поддержку у Хрущева. Надь был снят с поста премьер-министра. Ракоши пошел дальше – 14 апреля 1955 г. Надя лишили всех постов, исключили из партии. Реформы в Венгрии были остановлены¹.

Действия Ракоши и его сторонников имели для страны самые негативные последствия. Венгрия все глубже опускалась в трясину кризиса – экономического, политического, социального. Репрессивный режим Ракоши оказывался реликтом в изменявшейся Центральной Европе. Недовольство высказывали даже члены Венгерской партии труда.

В 1954–1955 гг. шли плохо скрываемые споры в руководстве Польши. Группировка лидера польских коммунистов Б. Берута, которого отождествляли со сталинскими порядками, столкнулась с действиями части партийного руководства, направленными на устранение наиболее вопиющих проявлений репрессивного строя: было расформировано Министерство общественной безопасности, ряд политических заключенных вышли на свободу и среди них – В. Гомулка, бывший генеральный секретарь Польской рабочей партии.

События в СССР оказывали несомненное влияние на польское общество. У Польши были свои, более чем обоснованные причины следить за развитием темы об ответственности за преступления прошлого. Кровоточили раны Катыни и «четвертого раздела Польши» (так современные исследователи определяли последствия для этой страны заключения пакта Риббентропа–Молотова). Особенностью внут-

Всесоюзном радиокомитете, Международном аграрном институте. Об этой стороне деятельности И. Надя уже с 1940 г. был информирован Маленков. Возникла иллюзия управляемости Надем в будущем. См.: Агент «Володя». Известные факты из биографии Имре Надя // Источник. 1993. № 1. С. 71–73.

¹ См.: Желицки Б.И. Будапешт – Москва... С. 245.

риполитической обстановки в Польше в 1955 г. стало ослабление цензурного пресса, благодаря чему в периодической печати появились многочисленные статьи, критикующие власть. Общественная атмосфера в стране радикализировалась.

Информация о XX съезде КПСС и докладе Хрущева пришла в Польшу одновременно с известием о смерти в Москве руководителя Польской объединенной рабочей партии Б. Берута. Варшаве необходимо было определить нового партийного лидера, что неизбежно стимулировало обострение конфликта «в верхах». 15 марта 1956 г. в Польшу прибыла правительственная делегация во главе с Н.С. Хрущевым. Помимо церемонии похорон, Хрущеву предстояло участвовать в обсуждении кандидатуры нового первого секретаря ПОРП. Хрущев занял на переговорах осторожную позицию. Стремясь заблокировать приход на этот пост откровенных сторонников сталинизма, он поддерживал кандидатуру Э. Охаба, фигуры явно центристского толка. Хрущев, как свидетельствуют записи его выступления на VI пленуме ЦК ПОРП, настойчиво заверял участников пленума, что он не намерен вмешиваться в кадровые решения ПОРП¹.

На пленуме было принято решение ознакомить партийные организации Польши с «секретным докладом» Хрущева. Реакция на доклад оказалась очень болезненной. В Щецине в городском комитете ПОРП возникло обсуждение вопросов о пересмотре оценки Варшавского восстания, о расстреле польских офицеров в Катыни, о правомерности пребывания советских войск в Польше. В Гданьске, Быдгощи, Торуня – по всей стране – с новой силой вспыхнули споры о цене польско-советских отношений, о Сталине и сталинистах. Началось брожение в других партиях Польши – Объединенной крестьянской, Демократической.

Напряженность в стране нарастала. 28–29 июня 1956 г. в Познани состоялась демонстрация, участники которой несли лозунги «Свободы!», «Хлеба!», «Бога!», «Долой коммунизм!». Демонстрация переросла в уличные стычки, подразделения воеводского управления общественной безопасности открыли огонь по демонстрантам, волнения были подавлены регулярной армией. Погибло более 70 человек, около 500 были ранены². Через месяц, на VII пленуме ЦК ПОРП, вновь разгорелись споры о путях политического развития Польши. На пленуме выдвигались требования о восстановлении В. Гомулки в партии, снятии с него прежних обвинений в «правонационалистическом уклоне».

¹ См.: Орехов А.М. События 1956 года в Польше и кризис советско-польских отношений // Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985). Новое прочтение. – М., 1995. С. 218–222.

² См.: Там же. С. 224.

XX съезд и события в Польше получили большой резонанс в Венгрии. В конце апреля 1956 г. советский посол в Венгрии Ю.В. Андропов информировал ЦК КПСС, что венгерские руководители М. Ракоши и А. Хегедюш пытались убедить советское руководство, что нецелесообразно, по их мнению, восстанавливать в руководстве партии «правых» — Я. Кадара и Й. Реваи¹. Это была своего рода ответная реплика на решения XX съезда КПСС. Реабилитировать бывших партийных руководителей венгерские сталинисты не хотели.

В июне 1956 г. состоялись переговоры Председателя Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилова с М. Ракоши. Ворошилов был явно встревожен. В информации, направленной в Президиум ЦК КПСС, он сообщал о выводах, к которым пришел на этих переговорах: экономическое положение Венгрии ухудшилось, авторитет Ракоши падает и в партии, и в среде интеллигенции. В этих условиях значительная часть венгерского общества может быть заинтересована в «материальной помощи и от Запада, и от Востока»².

О дальнейших событиях, происходивших в Москве, в Президиуме ЦК КПСС, где вырабатывалась советская политика по отношению к Венгрии, свидетельствуют чрезвычайно скупые заметки заведующего Общим отделом ЦК КПСС В.Н. Малина, присутствовавшего на заседаниях Президиума. Эти краткие заметки стали ценнейшим свидетельством внутренней механики принятия решений в Кремле³. 9 и 12 июля 1956 г. на заседании Президиума ЦК было принято решение направить в Будапешт А.И. Микояна, который должен был на месте разобратся в сложившейся ситуации. В решении отмечалась «подрывная деятельность империалистов... Ослабить хотят интернациональные связи, под флагом самостоятельности пути хотят разобщить и по одиночке разбить [социалистические страны]»⁴.

Микоян, прибывший в Будапешт 13 июля 1956 г., встретился с М. Ракоши, А. Хегедюшем, Э. Гере, секретарем Пештского обкома Венгерской партии труда Я. Кадаром и другими партийными деятелями. Советский представитель выразил серьезную обеспокоенность положением, которое складывалось в Венгрии, потребовал от Ракоши добровольно оставить пост первого секретаря ЦК ВПТ. Вместе с послом СССР в Венгрии Ю.В. Андроповым Микоян вел интенсивные консультации с возможными кандидатами на пост первого секретаря. Среди них был и Я. Кадар. Однако большинство членов ЦК поддержало кандидатуру

¹ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 45. Д. 1.

² Там же. Д. 2.

³ Там же. Ф. 3. Оп. 12. Д. 1005.

⁴ Исторический архив. 1996. № 2. С. 77.

Э. Гере, старого соратника Ракоши, разделявшего с ним ответственность за политику прошлого. Секретарями ЦК стали Я. Кадар (фактически второй секретарь ВПТ) и И. Ковач¹.

В руководстве ВПТ эти шаги были встречены по-разному. В Москву полетели доносы, что снятие Ракоши есть первый шаг к устранению партии от власти, что его противники пытаются реставрировать капитализм в стране². Тем не менее удаление М. Ракоши с поста первого секретаря партии и члена Политбюро на некоторое время ослабило уровень напряженности в Венгрии, о чем и сообщал в Москву Андропов.

Однако по соседству, в Польше, ситуация продолжала осложняться.

2 августа 1956 г. Гомулка был восстановлен в ПОРП. В начале октября 1956 г. состоялись переговоры руководства ПОРП о включении Гомулки и его сторонников в высшее партийное руководство. Политические изменения в Польше приобретали лавинообразный характер. 12 октября Гомулка стал членом Политбюро ПОРП, 17 октября вошел в комиссию по подготовке нового состава Политбюро; на 19 октября был назначен VIII пленум ЦК ПОРП. Приглашение из Москвы – прибыть на переговоры – было проигнорировано. Возникла угроза вмешательства советских войск, дислоцированных на территории Польши, в политическую ситуацию в стране. Кульминацией событий стало 19 октября, когда в Варшаву прибыли Хрущев, Молотов, Микоян и Каганович.

В острых спорах на грани конфликта и политического разрыва советское руководство, в конце концов, удовлетворилось заверениями В. Гомулки в том, что Польша не намерена выходить из Варшавского Договора. В свою очередь, руководство СССР согласилось с избранием Гомулки на пост первого секретаря ПОРП, с удалением из Польши маршала К.К. Рокоссовского, назначенного вскоре после войны министром обороны этой страны.

События в Польше встретили горячую поддержку в Венгрии. В середине октября 1956 г. начались волнения студентов по всей стране – в Будапеште и Дебрецене, Мишкольце и Сегеде, Сомбатхее и Пече. Молодежь требовала отказа от сталинских методов управления страной, отмены изучения марксизма-ленинизма в университетах и институтах.

В Президиуме ЦК КПСС внимательно следили за событиями в Венгрии. 20 октября после информации о поездке советской делега-

¹ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 45. Д. 3.

² Там же. Д. 4–5.

ции во главе с Н.С. Хрущевым в Польшу на VIII пленум ЦК ПОРП был заслушан вопрос о положении в Венгрии. Министру обороны Г.К. Жукову предложили вернуть солдат в свои части. Было принято решение отозвать из Венгрии советников КГБ¹.

22 октября 1956 г. студенты Будапештского политехнического университета выдвинули требования: созыв съезда партии, удаление сталинистов из руководства, расширение социалистической демократии, возвращение И. Надя на пост премьер-министра, уменьшение налогов с крестьян. К ним добавились призывы к многопартийности, проведению свободных выборов, восстановлению старой национальной символики, требования вывода советских войск из Венгрии.

23 октября в Будапеште состоялась многотысячная демонстрация. Надь превратился в популярнейшего политика. Демонстранты, собравшиеся перед зданием парламента, требовали, чтобы перед ними выступил лидер партии Э. Гере. Он выступил по радио, не предприняв никаких попыток найти компромисс, угрожал репрессиями. В ответ на это часть демонстрантов направилась к памятнику Сталина и приступила к его демонтажу, другая часть попыталась встретиться с Гере. В ответ с крыш парламента был открыт огонь. На сторону демонстрантов перешли некоторые милиционеры и военные. Противостояние превращалось в вооруженную борьбу².

23 октября состоялся телефонный разговор Хрущева с Гере, тот настаивал на вводе советских войск в столицу. Хрущев потребовал письменного обращения, но Гере сослался на невозможность собрать Совет Министров. Договорились, что документ будет прислан премьер-министром Хегедюшем позднее. Поздно вечером 23 октября в Москве на заседании Президиума ЦК была заслушана информация маршала Жукова: в Будапеште проходят массовые демонстрации, подожжена радиостанция, в Дебрецене заняты здания обкома партии и МВД.

Хрущев был настроен решительно: нужно вводить в Будапешт войска. Его поддержал Булганин. Им возражал Микоян. Прочитируем рабочую запись заседания: «Без Надя не овладеть движением. Дешевле и нам. Высказывает сомнения относительно ввода войск. Что мы теряем? Руками самих венгров наведем порядок. Введем войска – попортим себе дело. Политические меры попробовать, а потом войска вводить». Молотов, Первухин, Каганович не согласились с Микояном, настаивали на необходимости введения войск. Каганович, Жу-

¹ См.: Исторический архив. 1996. № 2. С. 81–82.

² Желицки Б.И. Будапешт – Москва... С. 257–259.

ков, Суслов утверждали, что ситуация в Венгрии отличается от положения в Польше, что в Венгрии «идет свержение правительства».

Вместе с тем Хрущев не исключал возможности компромисса. «Надя надо привлечь к политической деятельности. Но пока председателем [правительства] не делать»¹. Было принято решение направить в Будапешт Суслова и Микояна для изучения ситуации на месте.

Военная машина между тем набирала обороты. 23 октября в 23 часа ночи по боевой тревоге были подняты пять дивизий, дислоцированных в Венгрии, Румынии и Прикарпатском военном округе, в состоянии боеготовности были приведены две истребительные и две бомбардировочные авиационные дивизии. Ранним утром 24 октября Особый стрелковый корпус вступил в Будапешт и попытался занять важнейшие объекты в городе². Начались столкновения с повстанцами. Вместе с советскими войсками действовали войска венгерской госбезопасности³.

Ситуация в столице Венгрии оставалась неясной. 24 октября И. Надь стал премьер-министром Венгрии⁴, вошел в состав высшего партийного руководства. Микоян и Суслов, прибывшие в Будапешт, сочли опасения венгерских партийных деятелей преувеличенными; очаги вооруженного сопротивления, казалось, были быстро подавлены. 25 октября Гере был снят с поста первого секретаря ВПТ, его сменил Я. Кадар. Новый премьер-министр И. Надь, выступая по радио 25 октября, заявил, что советские войска будут выведены «незамедлительно после восстановления мира и порядка»⁵. 26 октября была образована Директория – временный орган, объединивший функции правительства и ЦК ВПТ. В него вошли Я. Кадар, И. Надь, А. Хегедюш, Ф. Мюнних, А. Апро и З. Санто. В стране стали возникать рабочие советы, раздавались требования о выводе советских войск из Венгрии. Янош Кадар при встрече с Сусловым и Микояном заявил, что «народные массы вышли из-под нашего влияния, престиж партии в рабочем классе сильно упал, особенно из-за прошлых ошибок». Он же отметил антисемитские и антисоветские настроения, распространявшиеся среди населения⁶.

¹ Исторический архив. 1996. № 2. С. 82–84.

² ЦХСД. Ф. 89. Оп. 45. Д. 6.

³ Венгрия, октябрь–ноябрь 1956 года. Из архива ЦК КПСС. Публикацию подготовили Мельчин С.А., Орехова Е.А., Серeda В.Т., Стыкалин А.С. // Исторический архив. 1993. № 5. С. 135.

⁴ Создалась сложнейшая политическая ситуация. «Пригласительное письмо» для ввода советских войск в Венгрию Хегедюш подписал тогда, когда он был отстранен с поста премьер-министра. – *Прим. авт.*

⁵ Желицки Б.Й. Будапешт – Москва... С. 265–266.

⁶ См.: Венгрия, октябрь–ноябрь 1956 года. С. 136–137.

27 октября было сформировано новое правительство Венгрии, куда вошли представители некоммунистических партий. Имре Надь заявил советским представителям, что руководство Венгрии намерено «наряду с вооруженным подавлением мятежа проводить политику примирения и сближения с нами интеллигенции и народных масс». Опора только на советские войска и на часть партии могла бы привести, по его мнению, к изоляции партии от народа и подготовила бы «путь к приходу американцев». Вместе с тем Микоян и Суслов передали в Москву просьбу Я. Кадара об увеличении численности советских войск «в связи с беспокойной обстановкой в провинции»¹.

В своем докладе Суслов и Микоян сообщили, что они считают приемлемым предложение о включении в состав венгерского правительства «мелкобуржуазных демократических влиятельных общественных деятелей»². Оба посланца Кремля явно разделяли курс И. Надя на мирное разрешение конфликта.

За разговорами о единстве венгерского руководства скрывались глубокие противоречия по вопросу о путях выхода из кризиса. Ряд деятелей политического руководства (А. Хегедюш, И. Ковач, А. Апро) настаивали на ликвидации очагов сопротивления силой оружия, другие (З. Ваш, Ф. Донат) считали необходимым вести переговоры³. 28 октября И. Надь в очередном радиообращении отказался оценивать волнения как контрреволюционные, назвал их демократическим и народным движением. За этим заявлением Надя стояло требование профсоюзных активистов определить эти события как «национально-демократическое восстание» по примеру летних событий в Познани. В тот день было опубликовано распоряжение правительства о немедленном прекращении боевых действий, после согласования с представителями СССР были расформированы и распущены органы безопасности⁴.

Споры велись и в Москве. На заседании Президиума ЦК КПСС 28 октября маршал Жуков предложил воздержаться от подавления очагов сопротивления (в будапештских казармах «Килиан» и в кинотеатре «Корвин», расположенных в жилых кварталах), призвал проявить политическую гибкость. Иное мнение было у Ворошилова, Молотова и Булганина. Они обвинили Микояна и Суслова в неспособности выполнить порученную им работу, в излишней успокоенности, уступчивости. «Обстановка ухудшилась, — утверждал Молотов, — ... идет дело

¹ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 45. Д. 8.

² Венгрия, октябрь–ноябрь 1956 года. С. 137–138.

³ См.: Желицки Б.Й. Будапешт – Москва... С. 267.

⁴ См.: там же. С. 268–269.

к капитуляции. Надь вот-вот выступит против нас. Наши тт. ведут себя неуверенно. Договориться, до какого предела допускаем уступки. <...> Вопрос о дружбе с СССР, о помощи наших войск – это минимум. Т. Микоян успокаивает». Молотова решительно поддержал Булганин, требовавший «вызвать к телефону Микояна и сказать: П[олит]б[юро] ЦК ВПТ действовать должно решительно, иначе мы будем действовать помимо Вас. М. б. придется назначить пр[авительст]во самим»¹.

Хрущев призвал «считаться с фактами». Он высказал тревогу, что в случае обострения конфликта Надь угрожал сложить с себя полномочия главы правительства. Это могло спровоцировать развал коалиции и переход венгерской армии на сторону повстанцев. Хрущев предлагал поддержать новое венгерское правительство, помочь ему в провинциях. «М. б. [подготовить] наше Обращение к населению, к рабочим, крестьянам, интеллигенции, а [то] только стреляем», – говорил Хрущев. Он предлагал заручиться обращениями компартий Китая, Болгарии, Польши, Чехословакии, Югославии в адрес венгерского руководства. При этом он настаивал на необходимости «решительно подавить вооруженные силы повстанцев».

Хрущева поддержал Каганович: «Нападать на Микояна и Суслова [не следует] – они действуют правильно. <...> Если не поддерживать – тогда оккупация страны. Это уведет нас далеко. Идти на то, чтобы поддержать пр[авительст]во». Каганович предложил согласиться с декларацией нового венгерского правительства «относительно вывода войск». Такое же мнение высказали Маленков, Жуков, Сабуров.

Подводя итоги обсуждения, Хрущев заявил о необходимости поддержать правительства: «...Поддерживаем, декларация – на большее Вы [т. е. Кадар и Надь], видимо, не способны. Огонь прекращаем. Мы готовы вывести войска из Будапешта. Обусловить, чтобы очаги сопротивления прекратили огонь». «Англичане и французы в Египте заваривают кашу, – добавил Хрущев. – Не попасть бы в одну компанию»².

29–30 октября начался отвод советских войск из Будапешта. 30 октября на заседании Президиума ЦК КПСС Хрущев внес предложение, согласованное с партийной делегацией КПК во главе с Лю Шаоци, о выводе советских войск из стран народной демократии. В Президиуме ЦК господствовало мнение, что вывод войск из Венгрии и других стран неизбежен. Шепилов, выступая на Президиуме ЦК, заявил, что

¹ Исторический архив. 1996. № 2. С. 88–89.

² Там же. С. 90–92.

«обнаружился кризис наших отношений со с[транами] н[ародной] д[емократии]. Антисоветские настроения широки». Шепилов призывал вскрыть глубинные причины этих явлений, устранить элементы командования. «О вооруженных силах: мы стоим на принципах немешательства. С согласия правительства Венгрии мы готовы вывести [войска]».

Шепилову вторил Жуков: «Антисоветские настроения широки. Вывести войска из Будапешта, если потребуются – вывести из Венгрии. <...> О войсках в ГДР и Польше вопрос более серьезный. Обсудить на Консультативном совете (Варшавского Договора. – *Авт.*). Созвать Консультативный Совет. Упорствовать дальше – неизвестно, к чему это приведет»¹.

Сабуров, член Президиума ЦК КПСС, увидел более широкий фон происходивших событий: «На XX съезде сделали хорошее дело, но затем не возглавили развязанную инициативу масс. *Нельзя руководить против воли народа*» (курсив мой. – *Авт.*).

По итогам этого заседания была принята «Декларация правительства СССР об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими странами». В Декларации говорилось: «Как показали события последнего времени, возникла необходимость сделать соответствующее заявление о позиции Советского Союза во взаимоотношениях СССР с другими социалистическими странами, прежде всего в экономической и военной областях»². Уже 30 октября Декларация была передана по радио, на следующий день ее опубликовали в прессе.

Казалось бы, возникали политические методы разрешения конфликта.

Однако уже на следующий день, 31 октября, ситуация в Москве изменилась, как говорится, на сто восемьдесят градусов. Выявленные к настоящему времени документы не позволяют однозначно ответить на вопрос о причинах, заставивших Хрущева резко изменить мнение о венгерских событиях и об отношениях с социалистическими странами. Единственная причина, которая, по нашему мнению, могла подтолкнуть Хрущева к кардинальному изменению позиции, находилась далеко от Венгрии.

В ночь на 30 октября 1956 г. вооруженные силы Израиля вторглись в Египет.

Через 24 часа английское и французское правительства предъявили Египту ультиматум, требуя, чтобы

¹ Исторический архив. 1996. № 3. С. 98–99.

² РГАНИ. Ф. 89. Оп. 45. Д. 13. См. также: Известия. 1956. 31 октября.

– правительство Египта в течение 12 часов прекратило все действия военного характера на суше, море и в воздухе;

– вооруженные силы Египта были отведены на 10 миль от Суэцкого канала;

– Египет согласился на оккупацию английскими и французскими войсками ключевых позиций в Порт-Саиде, Исмаилии и Суэце.

В случае отклонения этих условий правительства Англии и Франции угрожали вооруженной интервенцией¹.

СССР немедленно попытался внести в Совет Безопасности ООН проект резолюции с осуждением израильской агрессии. Англия и Франция наложили на этот проект вето. США при голосовании воздержались.

31 октября английские и французские войска начали боевые действия против Египта.

Для Хрущева, остро реагировавшего на нарушение баланса, складывавшегося в мире, это было достаточным основанием, чтобы ужесточить советскую позицию в Венгрии. 31 октября он заявил на заседании Президиума ЦК (цитируем рабочую запись):

«Пересмотреть оценку, войска не выводить из Венгрии и Будапешта и проявить инициативу в наведении порядка в Венгрии. *Если мы уйдем из Венгрии, это подбодрит американцев, англичан и французских империалистов. Они поймут как нашу слабость и будут наступать* (курсив мой. – Авт.). Мы проявим тогда слабость наших позиций. Нас не поймет наша партия. К Египту им тогда прибавим Венгрию. Выбора у нас другого нет. <...> Создать Временное рев[олюционное] пр[авительство] (во главе с Кадаром). <...> Это правительство – пригласить... на переговоры о выводе войск, и решить вопрос. Если Надь согласится – ввести его зам. премьером. Мюнних обращается к нам с просьбой о помощи, мы оказываем помощь и наводим порядок. Переговорить с Тито. Проинформировать китайских товарищей, чехов, румын, болгар. *Большой войны не будет* (курсив мой. – Авт.)»².

Хрущеву возразил, судя по цитированной выше записи, только Сабуров: «После вчерашнего дня – все-таки пустота. [Наше решение] оправдывает НАТО»³.

После этого решения Президиума ЦК КПСС началась интенсивная подготовка к подавлению восстания в Венгрии силами советских

¹ См.: Доклад Совета Безопасности Генеральной Ассамблеи ООН за период с 16 июля 1956 г. по 15 июля 1957 г. Нью-Йорк, 1957. С. 35; История внешней политики СССР. 1917–1945. 5-е издание, переработанное и дополненное. – М., 1986. Т. 2. С. 239–240.

² Исторический архив. 1996. № 3. С. 87–91.

³ Там же. С. 90.

войск. В Москву вернулся Микоян, но его призывы «выждать дней 10–15, поддержать правительство» И. Надя одобрения в Президиуме ЦК не встретили.

2 ноября состоялась встреча членов Президиума ЦК с Я. Кадаром и Ф. Мюннихом, которые должны были возглавить новое, просоветское правительство. Кадар, рассказывая о ситуации в Венгрии, обосновывал необходимость советского вмешательства тем, что «в политике Надя [есть] к[онтр]р[еволюционные] элементы», а Австрия и Западная Германия поддерживают венгерских фашистов.

1 ноября Президиум ЦК КПСС поручил Жукову, Суслову, маршалу Коневу, председателю КГБ СССР Серову и Брежневу подготовить «необходимые мероприятия в связи с событиями в Венгрии»¹. В прессе развернулась шумная пропагандистская кампания о хортистах, венгерских фашистах, проникающих на территорию Венгрии из Австрии и Западной Германии. Это вызвало протест со стороны австрийского правительства. Посол Австрии в СССР настаивал на прекращении распространения подобных сведений, так как Австрия, по его словам, строго соблюдала нейтралитет и не желала оказаться вовлеченной в события, происходившие вокруг Венгрии².

Утром 4 ноября советские войска силами 12 дивизий начали проведение операции «Вихрь» по восстановлению советского влияния в Венгрии. Формальным основанием для вторжения было приглашение Временного революционного рабоче-крестьянского правительства во главе с Я. Кадаром, созданного 3 ноября. Военная операция развивалась успешно: практически в течение двух дней были подавлены все очаги вооруженного сопротивления. 7 ноября Я. Кадар прибыл в Будапешт на советской бронемашине в сопровождении двух танков³.

5 ноября 1956 г. Н.А. Булганин в послании премьер-министру Великобритании А. Идену предупредил, что, если Англия не прекратит агрессии в Египте, то ей придется столкнуться с решимостью СССР «применением силы сокрушить агрессоров и восстановить мир на Востоке»⁴.

Советское военное вмешательство привело к большим жертвам. С венгерской стороны в боях и уличных столкновениях погибли 2502 человека, 19226 были ранены. С советской стороны – убито, умерло от ран и пропало без вести 720, ранено – 1540 человек.

¹ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 45. Д. 16.

² См.: там же. Д. 20.

³ См.: Мусатов В.Л. СССР и венгерские события 1956 г... С. 18; Желицки Б.Й. Будапешт – Москва... С. 277–278.

⁴ Известия. 1956. 6 ноября.

Свыше 200 тысяч венгров бежали из страны¹.

Так был создан прецедент, когда споры в «социалистическом лагере» решались силой советского оружия. Это вызывало в странах Восточной Европы обоснованную тревогу и недоверие к СССР.

Венгерские события не прошли бесследно и для нашей страны: они стали одной из причин студенческих волнений, прокатившихся практически по всему Советскому Союзу². Уже 4 ноября 1956 г. на заседании Президиума ЦК КПСС среди большого числа вопросов, касавшихся Венгрии, обсуждался специальный вопрос «Об очищении вузов от нездоровых элементов». Выступали по этому вопросу Жуков, Хрушев, Фурцева и Первухин. В решении было записано: «Фурцевой, Пospelову, Шепилову, Елютину (министру высшего образования СССР) внести предложение об очищении вузов от нездоровых элементов»³.

1 1956-й: политические итоги. Итоги года подвел Президиум ЦК КПСС. Год начался XX съездом, продолжился волнениями в Польше, подавлением советскими войсками антикоммунистического восстания в Венгрии, ростом недовольства в самом СССР. Итоги оказывались неутешительными.

14 декабря 1956 г. на Президиуме был обсужден проект письма ЦК к партийным организациям с характерным заголовком «Об усилении работы партийных организаций по пресечению вылазок антисоветских, враждебных элементов»⁴. Письмо подготовила комиссия Президиума ЦК КПСС, в которую входили секретарь ЦК, кандидат в члены Президиума ЦК Л.И. Брежнев (председатель), Г.М. Маленков – заместитель председателя Совмина СССР, член Президиума ЦК, А.Б. Аристов – секретарь ЦК, Н.И. Беляев – секретарь ЦК, И.А. Серов – председатель КГБ СССР, Р.А. Руденко – Генеральный прокурор СССР. Проект письма был одобрен, после доработки оно стало называться «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов».

19 декабря 1956 г. было принято решение разослать письмо во все союзные республики, в крайкомы, обкомы, горкомы и райкомы партии для обсуждения во всех первичных партийных организациях.

Этот документ еще никогда не становился предметом исследования⁵. Между тем, и само открытое письмо ЦК, и отчеты местных

¹ См.: Желицки Б.Й. Будапешт – Москва... С. 278–279.

² Бобков Ф.Д. КГБ и власть. – М., 1995. С. 144–145.

³ Исторический архив. 1996. № 3. С. 112.

⁴ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 6. Д. 1.

⁵ Там же. Д. 2.

парторганизаций о ходе его обсуждения – ценнейшие свидетельства общественных настроений после XX съезда КПСС. Обратимся непосредственно к тексту письма¹.

Начинается оно примечательной фразой: «Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза считает необходимым обратиться ко всем парторганизациям... для того, чтобы привлечь внимание партии и мобилизовать коммунистов на усиление политической работы в массах, *на решительную борьбу по пресечению вылазок антисоветских элементов, которые в последнее время, в связи с некоторым обострением международной обстановки, активизировали свою враждебную деятельность против Коммунистической партии и Советского государства* (курсив мой. – Авт.)». Вслед за этой фразой, выдержанной в духе поистине фронтовой лексики, следовали строки по поводу «имеющих место за последнее время фактов активизации деятельности антисоветских и враждебных элементов». Прежде всего, это «контрреволюционный заговор против венгерского народа», прикрытый «фальшивыми лозунгами свободы и демократии», впрочем, использовавший «недовольство значительной части населения, вызванное тяжелыми ошибками, допущенными бывшим государственным и партийным руководством Венгрии».

ЦК КПСС признавал влияние венгерских событий на ситуацию в стране и даже в партии: «Под воздействием международной реакции жалкие остатки антисоветских элементов в нашей стране, будучи враждебно настроены против социалистического строя, пытаются использовать в своих гнусных целях все еще имеющиеся у нас трудности... При этом они умело используют политическую беспечность и обывательское благодушие некоторых коммунистов и руководителей партийных организаций, вражеские действия прикрывают фальшивыми словами о критике и самокритике, лозунгами борьбы “за демократию”». «Конечно, – говорилось в письме, – носители таких чуждых взглядов составляют ничтожную долю среди миллионов советских людей... Между тем, есть немало примеров, когда коммунисты и партийные руководители решительно не пресекают антисоветскую пропаганду, не дают отпора вражеским вылазкам... Более того, есть и такие “коммунисты”, которые, прикрываясь партийностью, под флагом борьбы с последствиями культа личности, скатываются сами на антипартийные позиции, допускают демагогические выпады против партии, подвергают сомнению правильность ее линии... Опасно и недо-

¹ Письмо ЦК КПСС к партийным организациям «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов». Выписка из протокола № 66 заседания Президиума ЦК от 19 декабря 1956 г.

пустимо, когда партийные организации ведут себя пассивно, нередко проходят мимо этих фактов, ... не дают организованного отпора антипартийным и демагогическим выступлениям и не принимают решительных мер к пресечению деятельности антисоветских, враждебных элементов. Надо прямо сказать, что партийные организации в ряде случаев забывают о том, что против антисоветских, враждебных элементов партия всегда вела и впредь будет вести непримиримую и самую решительную борьбу».

Приводились многочисленные примеры распространения «расширительной» критики культа личности – критики не только личности Сталина, но и порядков, приведших к появлению того, что получило название «культ личности». В письме отмечалось, что наиболее подверженны этим идеям молодежь, студенчество, а также творческая и научная интеллигенция. Антисоветские выступления среди молодежи имели место в Москве, Свердловске, Каунасе, Таллине, Ереване. В качестве примера отмечалось выступление студента Немелкова на комсомольской конференции Уральского политехнического института в Свердловске, которое поддержали участники конференции, а партийные руководители не смогли дать ему отпор, упоминалось о поддержке литовскими студентами венгерских повстанцев.

Непросто складывались отношения между партийным руководством и интеллигенцией. В письме указывалось: «За последнее время среди отдельных работников литературы и искусства, сползающих с партийных позиций, политически незрелых и настроенных обывательски, появились попытки подвергнуть сомнению правильность линии партии в развитии советской литературы и искусства, отойти от принципов социалистического реализма на позиции безыдейного искусства, стали выдвигать требования “освободить” литературу и искусство от партийного руководства, обеспечить “свободу творчества”, понимаемую в буржуазно-анархистском, индивидуалистическом духе». В качестве примера были названы выступления К. Паустовского в защиту книги В. Дудинцева «Не хлебом единым», О. Берггольц против постановлений ЦК ВКП(б) по вопросам литературы и искусства, принятых в 1946–1948 гг.; досталось и научным журналам – «Вопросам истории», «Вопросам философии», где неверно, по мнению ЦК КПСС, освещались вопросы социально-политической истории страны и общественной мысли.

Отмечалось влияние нового фактора – воздействия на общественное сознание мнения амнистированных и реабилитированных, среди которых были люди «злобно настроенные против советской власти, особенно из числа бывших троцкистов, правых и буржуазных националистов».

В письме содержалось прямое указание коммунистам, работающим в органах государственной безопасности, «зорко стоять на страже интересов нашего социалистического государства, быть бдительным к проискам враждебных элементов и в соответствии с законами Советской власти своевременно пресекать преступные действия».

Письмо было разослано по стране и обсуждено в партийных организациях. Это было третье за год закрытое письмо ЦК.

Результаты не замедлили сказаться. Отчеты с мест об итогах обсуждения этого документа полны примеров открытого недовольства, в том числе и среди коммунистов, хотя проявлять недовольство было делом далеко небезопасным. Примеры проявления недовольства и последовавших репрессивных мер привел в своем отчете секретарь Ленинградского горкома Ф.Р. Козлов¹. Был исключен из комсомола и из Нефтяного института студент 4-го курса Бро, «клеветавший на советский строй»; исключены студенты Военно-механического института Карелин, иностранных языков – Нестеров (в отчете пояснялось: «Он направлен на одну из крупных строек страны»), аспирант Стильве; за распространение антисоветских высказываний (от выступлений на собрании до рассылки писем) арестованы доцент Технологического института Голованов, сотрудник одного из институтов АН СССР Рудаков, студент Ленинградского университета Красильников.

Немало проблем для партийного руководства Ленинграда создавали вернувшиеся из лагерей после реабилитации старые большевики, «так как со стороны некоторых из них имеют место... антисоветские высказывания, тлетворно влияющие на поведение некоторой части молодежи». Козлов упоминал члена КПСС с 1915 г. М.И. Черняк, члена партии с 1920 г. Степанова, члена партии с 1932 г. О.Я. Брейтштрауса, систематически критиковавших политику партии и правительства. Позиция партийного руководства «колыбели Октября» проста и традиционна – исключить из партии и *выселить из Ленинграда*.

Однако было бы неверным считать, что среди критиков политики партии и советского правительства были в основном представители интеллигенции. В том же Ленинграде были отмечены случаи недовольства рабочих заводов «Ленводпуть», «Металлист», завода имени Калинина.

В дискуссию о Сталине, культе личности должен был вмешаться сам Хрущев. Для обнародования своего «откорректированного» курса он выбрал подходящую для такого случая трибуну: прием в посольстве Китайской Народной Республики 17 января 1957 г. Не секрет, что

¹ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 6. Д. 3–4.

руководство КПК настороженно относилось к критике «великого вождя», не разделяло резких высказываний в адрес Сталина.

Выступая на приеме, Хрущев заявил, что Сталин может быть примером для коммунистов, что «дай бог, чтобы каждый коммунист умел так бороться, как боролся Сталин». Признавая «ошибки и недостатки» Сталина, Хрущев объяснял их особенностями его характера, остротой и непримиримостью классовой борьбы в стране, объявил это «личной трагедией Сталина».

Через день, 19 января, подробное изложение речи Хрущева появилось на страницах «Правды».

Выступление первого секретаря ЦК КПСС разительнo отличалось от его «секретного доклада», прочитанного менее года назад, и не было принято той частью общества, которая поверила ему после XX съезда.

В ЦК полетели письма протеста. «Еще свежо в памяти выступление Н.С. Хрущева на закрытом заседании XX съезда КПСС и последующие письма ЦК КПСС по этому вопросу, – писал в своем “открытом письме” в Президиум ЦК инженер М. Петрыгин из Туапсе. – И если сопоставить прошлые выступления Н.С. Хрущева и сравнить выступление Н.С. Хрущева 17 января 1957 г., то получится, что в ЦК КПСС имеется два Н.С. Хрущева: первый Н.С. Хрущев с ленинской принципиальностью и прямоотой вскрывает и борется с культом личности Сталина; и второй Н.С. Хрущев, [который] защищает преступные действия Сталина, сделанные им лично против народа и партии в течение 20-летней единоличной диктатуры... Но кто может поверить в нашем народе, в партии такому наивному объяснению преступных действий Сталина?.. Выступление Н.С. Хрущева внесло сейчас разброд в наши умы. Выросли неуверенность и сомнение в том, что культ личности Сталина и его последствия будут ликвидированы в нашей стране...».

Вместе с тем в почте ЦК было не меньше писем противоположного содержания. В январе 1957 г. пришло резкое письмо от группы старых большевиков, написанное после того, как у них выступил Г.И. Петровский. Бывшему председателю Всеукраинского ЦИК припомнили, что он сам спешил угождать Сталину. *«Мы считаем, что всякое шельмование Сталина, особенно из уст такого человека, как Вы, Григорий Иванович, является большой находкой и добычей Даллесов, Аденкауэров, а также титовцев и им подобных»* (выделено в письме. – Авт.). Старых большевиков возмущало, что Петровский игнорировал то, что было сказано о Сталине после XX съезда¹.

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 189. Л. 5–9.

Старая большевичка из Риги, написавшая в ЦК в апреле 1957 г., возмущалась, что имя Сталина предано забвению накануне 40-летия Октября: «Что нам говорят китайские коммунисты после XX съезда? Они писали: “Нельзя предавать заслуги Сталина”»¹.

Следует отметить, что на каждом из подобных писем имелись пометки о рассылке: все секретари ЦК и члены Президиума должны были с ними ознакомиться. В аппарате ЦК всегда умели «выловить» из потока информации ту, которая «отвечала текущему моменту», и использовать ее для формирования «позиции».

В феврале 1957 г. Отдел партийных органов ЦК КПСС по РСФСР подвел итоги обсуждения письма ЦК в парторганизациях Российской Федерации. В результате появились документ под названием «Об антипартийных выступлениях отдельных коммунистов на собраниях некоторых партийных организаций при обсуждении письма ЦК КПСС “Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов”», датированный 12 февраля 1957 г., и Дополнение к нему от 21 февраля того же года².

Документы любопытны тем, что содержат сведения о реакции на письмо ЦК КПСС прежде всего в производственных коллективах среди рабочих, служащих, инженеров в провинциальных городах России.

При обсуждении письма на собрании в парторганизации одной из «строек коммунизма» – Куйбышевской ГЭС инженеры, прорабы, рабочие критиковали ЦК КПСС за то, что происходит что-то неладное с вопросом о культе личности Сталина: сначала его осудили, а сейчас снова начали восхвалять; говорилось также, что не нужно партийное руководство литературой и искусством, что оно тормозит их развитие, «смотреть и читать противно... слишком все перенасыщено идеями и идейками». Рабочие были недовольны уровнем жизни. «В конце собрания выступил электрик т. Денякин, задавший провокационный вопрос: каков прожиточный минимум советского человека?».

В Красноярском крае на партсобрании Канского литейно-механического завода старый коммунист Андреев критиковал курс партии на преимущественное развитие тяжелой промышленности, «возводил клевету на отдельных членов Политбюро» (напомним, что сторонником сокращения инвестиций в тяжелую промышленность и развития легкой промышленности был Маленков, а противником – Хрущев), «восхвалял врагов партии и народа Бухарина, Рыкова и Зиновьева», за что и был исключен из партии.

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 189. Л. 1–4.

² Там же. Ф. 89. Оп. 6. Д. 5–6.

Конструктор Киселев на собрании Ярославского автозавода критиковал письмо ЦК за то, что оно заполнено угрозами и намеками – «или замолчите, или будем сажать». Большое место в его выступлении заняло осуждение внешней политики КПСС за венгерские события, за то, что «наша печать оказалась трусливее китайской», не решившись опубликовать выступление югославского лидера Тито, что в Польше Гомулка, пришедший к власти на волне народных волнений, установил «действительные выборы, а у нас механическое голосование». Ссылаясь на Ленина (!), Киселев пытался доказать, что положение рабочих в СССР хуже, чем было до революции.

Киселева поддержали многие члены первичной организации. Попытки партийных функционеров добиться осуждения его выступления на собрании успеха не имели. Вызванный в партком завода Киселев не только не стал оправдываться, но и продолжил полемику. Он заявил, что «ошибки, допущенные Венгерской партией,.. были ошибками нашей партии и правительства. Эти ошибки обошлись обществу в миллионы и миллиарды рублей. За эти ошибки надо судить...» Конструктор говорил о том, что партия стала укрытием для карьеристов и жуликов.

На соседнем Ярославском фанерно-тарном комбинате рабочий Сайкин критиковал Булганина за его парадные поездки по стране (эта тема была и в ряде других выступлений), утверждал, что за попытку сказать правду увольняют с работы.

Особняком в этом отчете стоит информация Брянского обкома о политическом деле, о спорах, которые вели на семинарских занятиях по философии студенты 5-го курса Брянского лесотехнического института. В сущности, обычные разговоры студентов-выпускников о пользе (точнее, бесполезности) философии в лесу, о том, что русский мужик всегда жил плохо, что в 1913 г. ели белый хлеб, а сейчас и черного не хватает, и «почему колхозник едет в город за хлебом, который сдал он государству», старательно раздувались брянскими властями для того, чтобы создать видимость политического процесса.

Отметим некоторые итоги XX съезда: сокрушительная критика Сталина, прозвучавшая из уст первого секретаря, стремление использовать борьбу против культа личности в интересах части партийного руководства привели к вовлечению в политическую жизнь огромной массы рядовых членов партии. Нужно отдать должное аппарату ЦК КПСС – никакие передачи «Голоса Америки» и «Би-Би-Си» не были способны донести до многомиллионной аудитории коммунистов такое количество сведений о конкретных примерах недовольства, критике основополагающих начал советско-коммунистического строя, как

это было сделано в «закрытых письмах» ЦК. Организуя собрания и обсуждения, партаппарат, сам того не желая, стимулировал оппозиционные настроения в той политической и социальной среде, которая доселе служила опорой партии – в среде рядовых коммунистов.

* * *

Реформы, начавшиеся в СССР после смерти Сталина, были и вынуждены, и неизбежны. В той или иной форме они были сформулированы еще в послевоенные годы, тогда же были определены способы их осуществления.

Перечислим возможные альтернативы. В промышленности – дальнейшее развитие тяжелой, по преимуществу оборонной, промышленности или снижение удельного веса этих отраслей и увеличение инвестиций в легкую промышленность. В области сельского хозяйства – создание «агрогородов», форсированное развитие совхозного производства силами сельских рабочих или снижение уровня государственного вмешательства в деревне, повышение закупочных цен и снижение налогов. Во внешней политике – усиление геополитической роли СССР, превращение СССР в государство, обладающее ракетно-ядерным оружием, способное противостоять всему миру, или проведение более осторожной политики, ставящей своей задачей демилитаризацию объединенной Германии, создание пояса нейтральных, не входящих в военные блоки, государств в Центральной Европе и на дальних подступах к СССР.

Необходимы были реформы и в системе карательных органов страны. Репрессии 30–40-х годов, являвшиеся, с одной стороны, способом управления государственным и партийным аппаратом, а с другой, средством оказания политического давления на все общество, изжили себя.

В высшем политическом руководстве СССР существовало понимание необходимости проведения реформ и их социалистической направленности. Споры шли о том, *какие* реформы следует проводить.

Несомненно, начало реформ было связано с деятельностью Л.П. Берии, начавшего процессы политической реабилитации, смягчения карательной системы в СССР, предлагавшего осуществить объединение Германии ценой ее демилитаризации и невхождения в военные блоки, выступавшего за нормализацию отношений с Югославией. Во внутренней политике обращает на себя внимание его попытка разграничить функции государственного и партийного аппарата и повысить роль государственных структур. Отметим также, что Берия понимал важность своевременного решения национальных проблем в многонациональном государстве.

Однако реформы Берии оказались слишком радикальными, а борьба за власть — слишком острой. С устранением Берии некоторые предложенные им реформы были отложены на 2–3 года (нормализация отношений с Югославией, осуждение культа личности Сталина, массовая реабилитация); другие не были реализованы или реализованы в последние годы существования Советского Союза, при М.С. Горбачеве (разделение функций партийного и государственного аппарата), когда «поезд уже ушел».

Изменить приоритеты в развитии экономики СССР, увеличить удельный вес производства товаров народного потребления попытался Маленков. Связанные с его именем реформы сельского хозяйства способствовали оживлению жизни российской деревни, созданию более благоприятных условий для развития личных подсобных хозяйств. Эти предложения в области экономики вызвали решительный протест со стороны «идеологов-фундаменталистов», настаивавших в полном согласии с первым секретарем КПСС Н.С. Хрущевым на сохранении прежнего, сталинского курса на преимущественное развитие тяжелой, оборонной промышленности. Политике Маленкова в области сельского хозяйства Хрущев противопоставил программу «освоения целины», осуществление которой предполагало громадные инвестиции, а затем сформулировал амбициозную задачу «догнать и перегнать Америку» по производству сельскохозяйственной продукции. Эти меры привели к глубочайшему кризису сельского хозяйства, возрастанию продовольственной зависимости СССР от закупок за рубежом.

Хрущеву удалось сохранить и укрепить образ СССР как угрозы для всего капиталистического мира. Брошенная им в запальчивости фраза: «Мы вас (американцев. — *Авт.*) закопаем» отражала его глубокую убежденность в исторической неизбежности победы социализма над капитализмом. Форсированное развитие советской ракетно-ядерной программы стало средством удержания паритета с США, странами НАТО, со всем миром. СССР безоглядно втягивался в гонку вооружений.

Из всех существовавших к началу 50-х годов альтернативных реформ Хрущев выбрал наиболее консервативные варианты, сохраненные его последователями до последних лет существования СССР. Его «секретный доклад» на XX съезде был, с одной стороны, продолжением критики Сталина, начавшейся сразу же после его смерти, с другой — оружием в продолжавшейся внутрипартийной борьбе. Иное дело, что советское общество и весь мир увидели в разоблачении Сталина больше, чем хотелось бы самому докладчику. Вся дальнейшая деятельность Хрущева — это попытки всеми способами ограни-

чить широкое толкование доклада. Для этого годились и репрессивные меры КГБ внутри страны, и аресты и лагеря для людей, всерьез поверивших в «идеи XX съезда», и военное вмешательство (или его угроза) в дела «братских социалистических стран».

Середина бурных 50-х годов стала временем, когда были сформулированы политические принципы, ставшие основой партийно-государственной системы СССР вплоть до второй половины 80-х годов. Именно тогда был провозглашен принцип *стабильности номенклатуры*. Приобщение к номенклатуре, включение в ее состав обеспечивало существование в замкнутой, отделенной от других социальной группе, которой гарантировалась защищенность (то, что в СССР называлось привилегиями). Попытка проигнорировать этот принцип в 1964 г. будет стоить Хрущеву его поста. Принцип стабильности номенклатуры исключал массовые репрессии как способ управления, широко применявшийся раньше. Номенклатура разорвала свои связи с репрессивной частью сталинского политического наследия. Отсюда и поддержка партийным аппаратом решений XX съезда КПСС.

Очерк 5

Догнать и перегнать Америку! (1957–1962)

Наша страна вступила теперь в новый важный исторический период своего развития – в период развернутого строительства коммунистического общества.

Н.С. Хрущев. Речь на торжественном заседании Рязанского обкома партии и областного Совета депутатов трудящихся, посвященном вручению Рязанской области ордена Ленина

Совмин СССР и аппарат ЦК: последняя схватка. Совнархозы. Последняя «антипартийная группа». Хрущев против Жукова. Первый секретарь ЦК, Председатель Совета Министров СССР. «Догнать и перегнать Америку по производству мяса, молока и масла на душу населения». Рязанский почин. Административный восторг на сельских нивах. «О запрещении содержания скота в личной собственности граждан, проживающих в городах и рабочих поселках». Новочеркасская трагедия

Совмин СССР и аппарат ЦК: последняя схватка. После XX съезда от бывшего триумvirата не осталось и следа. Берия расстрелян, Маленков снят с поста Председателя Совета Министров СССР и стал своего рода «мальчиком для битья» на пленумах ЦК. Ослабели позиции членов команды, с которой Хрущев пришел к власти. Роль Хрущева, напротив, усилилась. Он не без успеха примерял на себя звание и славу реформатора. На тот момент он добился главного – стал узнаваем, выделился из «коллективного руководства» как человек со своей программой, как отважный критик Сталина, репрессий «периода культа личности». За ним оставалась слава автора «исторического доклада на XX съезде КПСС». Он полностью контролировал армию и КГБ. Ощутимый подъем наметился в экономике страны. Свидетельством нарастания международной мощи Советского Союза стало создание межконтинентальных ракет; из космоса доносилось «бип-бип» –

сигнал первого в истории человечества спутника, запущенного СССР. За три послесталинских года в стране, действительно, существенно увеличилось производство сельхозпродукции. Жить стало легче. За океаном складывалось впечатление, что СССР обгоняет США на весьма важных направлениях технического прогресса. Впечатляющими становились рост влияния СССР на страны «третьего мира» и темпы развития стран «социалистического лагеря». По прогнозам американских специалистов, в 60–70-х гг. экономический потенциал США и стран Западной Европы мог возрасти на 40 %, Японии – на 55 %, тогда как СССР – на 70 %, а стран Африки и Латинской Америки – на 60 %.

Во второй половине 50-х годов Хрущев был убежден в возможности и неизбежности советского лидерства во всем мире. «Догнать и перегнать» стало символом тех лет истории страны.

Следует, однако, отметить, что XX съезд не определил окончательный исход борьбы за власть в партийной верхушке: партии через собственный аппарат или государственных органов при помощи партии. То, что переходный период еще не завершился, видно по составу руководящих партийных органов. В Президиуме ЦК по-прежнему оставались Н.А. Булганин, К.Е. Ворошилов, Л.М. Каганович, Г.М. Маленков, А.И. Микоян, В.М. Молотов, М.Г. Первухин, М.З. Сабуров, Н.С. Хрущев. Все они сами себя призвали в ряды Президиума на второй день после смерти Сталина, да так там и остались. К ним добавились А.И. Кириченко и М.А. Суслов, включенные в состав Президиума тоже до XX съезда – на июльском Пленуме ЦК 1955 г. Существенно изменился состав кандидатов в члены Президиума. Он состоял в значительной части из новых для Президиума людей – Л.И. Брежнев, Г.К. Жуков, Н.А. Мухитдинова, Е.А. Фурцевой, Н.М. Шверника, Д.Т. Шепилова. В составе Секретариата были Н.С. Хрущев (первый секретарь), А.Б. Аристов, Н.И. Беляев, Л.И. Брежнев, П.Н. Поспелов, М.А. Суслов, Е.А. Фурцева, Д.Т. Шепилов¹.

После XX съезда члены Президиума почувствовали крепкую руку первого секретаря ЦК КПСС. Возрождалась старая «добрая» традиция полной зависимости от Хрущева, небезопасная для партийного руководства сталинской формации. В любой момент критика Сталина могла быть перенесена на каждого из них. Избавившись от Берии, который боролся за власть полицейскими методами, они столкнулись с новым для них Хрущевым, успешно овладевшим партийно-политическими методами борьбы за власть.

¹ См.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 7. С. 77–78.

В этой борьбе Хрущев с успехом использовал три приема:

- во-первых, он сугубо аппаратными методами менял на каждом пленуме ЦК состав высшего партийного руководства, использовал трибуну пленума для того, чтобы в очередной раз подвергнуть хлесткой, а часто и просто оскорбительной критике своих потенциальных оппонентов;

- во-вторых, в полной мере использовал критику Сталина для сведения счетов со сталинским, то есть и своим, окружением;

- в-третьих, проводимая политика становилась все более «персональной». Важные решения Хрущев принимал единолично, ставя партийно-государственный ареопаг перед уже свершившимся фактом. Обычно в его аппарате подготавливались записки по каким-либо вопросам. Эти записки рассылались членам ЦК и становились «прописями» для очередного пленума и постановлений Совмина.

Хрущев бил по своим соратникам на заседаниях пленумов ЦК. Как мы помним, в январе 1955 г. он обвинил Маленкова в сотрудничестве с Берией и добился его отставки с поста председателя Совмина СССР; в июле 1955 г. резко критиковал Молотова за «политически неправильную позицию ...по югославскому вопросу как не соответствующую интересам Советского государства»¹. В докладе на XX съезде Хрущев сделал «антигероями» недавней истории страны не только Сталина, Ежова и Берия, но и Маленкова, Кагановича, Ворошилова, Молотова. Это подрывало позиции «старой гвардии» в партийно-номенклатурной среде, как правило, учитывавшей позицию первого секретаря.

Мощным средством ослабления позиций совминовской бюрократии и ее «вождей» в Президиуме ЦК КПСС стала проведенная Хрущевым реформа управления.

Совнархозы. Весь период деятельности Хрущева на посту первого секретаря ЦК КПСС стал временем постоянных реформ в управлении страной. Сверхцентрализованная, милитаризированная экономика страны сталинского времени породила соответствующую управленческую систему, которая включала в себя весьма разветвленные отраслевые министерства – ключевое звено командно-административной системы. Министерства непосредственно или через подчиненные им главные управления руководили соответствующими промышленными предприятиями, доводили до них цифры государственного плана, устанавливали различные показатели – количество работающих,

¹ Исторический архив. 1999. № 2. С. 47.

нормы повышения производительности труда и многое другое. Министерства определяли, кто должен быть поставщиком сырья для предприятий и куда должна поступать их продукция¹. Дробная структура органов исполнительной власти – министерств – в принципе предполагала, что каждая отрасль хозяйства, промышленности, управления имеет свой «штаб отрасли», как нередко именовали министерства. В послевоенное время в стране функционировало около 50 министерств (см. табл.)².

Таблица

Количество министерств в СССР с 1946 по 1957 гг.

Годы	Количество министерств		
	Всего	Общесоюзных	Союзно-республиканских
1946	49	30	19
1947	58	36	22
1948	59	36	23
1949	48	28	20
1950	51	30	21
1951	53	32	21
1952	51	30	21
1953 (март)	25	12	13
1954	46	24	22
1955	51	25	26
1956	55	27	28
1957 (апрель)	52	23	29

Первый удар этой системе был нанесен после смерти Сталина. Уже 15 марта 1953 г. произошло резкое сокращение числа министерств, затронувшее главным образом связанные между собой отрасли оборонной промышленности и машиностроения. В Министерство машиностроения СССР вошли Министерства автомобильной и тракторной промышленности, машиностроения и приборостроения, станкостроения, сельскохозяйственного машиностроения. В другое вновь образованное Министерство – транспортного и тяжелого машиностроения – влились Министерства тяжелого машиностроения, транспортного машиностроения, строительного и дорожного машиностроения, судостроительной промышленности.

¹ См.: Попов Г.Х. С точки зрения экономиста: О романе А. Бека «Новое назначение» // Наука и жизнь. 1987. № 4. С. 54–65.

² См.: Цикулин В.А. История государственных учреждений в СССР. 1936–1965 гг. – М., 1966. С. 52.

Однако попытка сократить число министерств, предпринятая весной 1953 г., оказалась неудачной. В конце 1956 г., на декабрьском Пленуме ЦК КПСС, обсуждалась проблема: как укрепить централизованное планирование промышленности, централизованный контроль над ней. Этот курс в руководстве КПСС связывался с деятельностью члена Президиума ЦК КПСС, первого заместителя председателя Совмина СССР М.Г. Первухина. Однако к декабрю 1956 г. стало ясно, что составленный под его руководством амбициозный пятилетний план, принятый XX съездом КПСС, оказался нереалистичным.

28 января 1957 г. на заседании Президиума ЦК КПСС была рассмотрена записка Н.С. Хрущева «Некоторые соображения об улучшении организации руководства промышленностью и строительством». Документ предполагал радикальное изменение системы управления экономикой страны, децентрализацию управления, резкое ослабление власти Совета Министров и подведомственных ему министерств.

В записке, в частности, говорилось: «В Ленинграде, являющемся важнейшим центром машиностроения, производится до 360 тыс. тонн чугуна и стального литья в год. Предприятиями же Ленинграда и области потребляется лишь 250 тыс. тонн, а остальное вывозится. Между тем каждому известно, что Ленинград работает на привозном металле. Вот и возим металл сначала с Урала в Ленинград, затем из Ленинграда обратно на Урал. ...В настоящее время при существующей системе ведомственного управления промышленностью и строительством в результате негосударственного подхода к делу каждое министерство стремится изготовить для себя все, не считаясь с огромными потерями средств и материалов, с плохим использованием производственных площадей и оборудования, со встречными, дальними и другими нерациональными перевозками».

Говоря о деятельности киевского завода «Красный экскаватор», литье для которого возили с Урала и Сибири, Хрущев писал: «Никакой капиталист, конечно, не пойдет на подобную “кооперацию”, так как тонна чугуна литья на Киевском заводе “Красный экскаватор” стоит 1350 рублей, а перевозка этой тонны в Тюмень обходится в 300 рублей. У нас же это считается нормальным. <...> Подобные факты имеют место и в станкостроительной и инструментальной промышленности».

Я бы хотел еще сказать о связях между территориальными управлениями. При новой структуре следовало бы поощрять развитие производственных связей между отдельными экономическими районами. Какая-то часть вопросов по координации этих связей будет регулироваться Госпланом и Госэкономкомиссией, но в то же время они могут осу-

ществляться и непосредственно между районами. Например, один район дает одно сырье, другой взамен этого другое. Такая связь может быть обусловлена соответствующими договорами, основана на взаимных расчетах и осуществляться непосредственно, минуя центральные органы».

Раз можно хозяйствовать, «минуя центральные органы», то логичен второй вывод Хрущева – ликвидировать не только союзные, но и республиканские министерства. «Мне представляется, – писал Хрущев, – что следовало бы отказаться от таких министерств и в союзных республиках. Если в республиках будут образованы территориальные управления промышленностью и строительством, то и там отпадет необходимость в существовании министерств. Такие управления на территориях союзных республик должны объединять все предприятия данного района, независимо от их нынешней подчиненности, исключение будут составлять только предприятия Министерства среднего машиностроения и Министерства авиационной промышленности. Эти министерства на первых порах придется сохранить в том виде, в каком они существуют сейчас...» «В будущем, – утверждал Хрущев, – когда мы перенесем центр тяжести управления хозяйством на места – в области, края и республики, функции союзного правительства, видимо, выльются в форму координации политической и хозяйственной деятельности республик, а союзные республики всем хозяйством будут управлять сами. В соответствии с задачами дальнейшего подъема народного хозяйства, – предлагал Хрущев, – необходимо перенести центр тяжести оперативного руководства промышленностью и строительством на места, ближе к предприятиям и стройкам. В этих целях следует перейти от прежних форм управления через отраслевые министерства и ведомства к новым формам управления по территориальному принципу. Формой такого управления могут быть, например, советы народного хозяйства (совнархозы)»¹.

На Пленуме ЦК КПСС, проходившем 13–14 февраля 1957 г., было принято решение рассмотреть эти предложения на сессии Верховного Совета СССР, предварительно опубликовав тезисы доклада Хрущева в печати для их всенародного обсуждения. 22 марта 1957 г. проект тезисов обсуждался на заседании Президиума ЦК и был разослан министрам, председателям комитетов и руководителям ведомств СССР.

24 марта старейший и влиятельнейший представитель «старой гвардии» В.М. Молотов направил в ЦК записку, в которой протестовал

¹ О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством: постановление Пленума ЦК КПСС по докладу тов. Хрущева Н.С., принятое 14 февраля 1957 г. – М., 1957. С. 4.

против подготовленной реформы, указывал, что проект тезисов «явно недоработан, страдает однобокостью и без существенных исправлений может внести серьезные затруднения в аппарат управления», и предлагал серьезно его доработать. Однако 27 марта на заседании Президиума ЦК проект тезисов был одобрен без изменений и рекомендован к публикации и всенародному обсуждению¹. Была создана комиссия, куда вошли члены Президиума, секретари ЦК, секретари обкомов партии, министры. Вопрос был вынесен на февральский Пленум ЦК 1957 г.² Предложения Хрущева были в высшей степени радикальными. Они меняли весь прежний порядок управления промышленностью.

10 мая 1957 г. на седьмой сессии Верховного Совета СССР по докладу Хрущева был принят закон «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством» и внесены изменения в Конституцию СССР (о реорганизации управленческих структур)³. Перестройка заключалась в переходе от управления по отраслевому принципу к территориальному на базе экономических районов. Были организованы советы народного хозяйства экономических районов (совнархозы), подчиненные советам министров союзных республик. Права союзных республик в хозяйственном строительстве были значительно расширены. Многие союзные ведомства упразднялись.

«Второй пласт» реформы управления Хрущева и создания совнархозов был связан с его стремлением ослабить «совминовскую вертикаль» управления СССР. Вместо Совмина и его министерств – территориальные управления, совнархозы, а за ними – партийный аппарат.

Советы народного хозяйства экономических административных районов становились ключевым звеном управления. Что же представляли собой совнархозы?

Прежде всего, совнархоз – территория, объединенная единством управления экономикой. Границы этих территорий в СССР совпадали с границами автономных республик, краев и областей. В мае–июне 1957 г. в РСФСР было создано 70 совнархозов, на Украине – 11, в Казахстане – 9, Узбекистане – 4, в остальных союзных республиках – по одному. Совнархоз являлся коллегиальным органом управления, руководившим комплексным развитием промышленности, которому подчинялись промышленные и строительные предприятия, хозяйственные учреждения, расположенные на этой территории. В рамках совнархо-

¹ См.: Правда. 1957. 30 марта.

² См.: Пленум ЦК КПСС. Февраль 1957 года. Стенографический отчет / ЦК КПСС.

³ См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1957. № 11. С. 341–348.

за действовали производственно-отраслевые управления, создаваемые по отдельным отраслям промышленности, а также функциональные отделы – транспортный, финансовый и некоторые другие¹.

Централизованное управление было сохранено только для наиболее важных и наукоемких отраслей военной промышленности.

При этом от централизованного планирования не отказывались. Госплан СССР не только сохранили, но и расширили.

Уже в первые годы создания совнархозов налицо был положительный экономический эффект. Уменьшились затраты на транспортировку сырья и продукции, усилились кооперационные связи предприятий, расположенных на одной территории.

Сложнее и противоречивее оказались социальные последствия организации совнархозов. Конечно, реформа вызвала негодование столичной бюрократии. Рушилась складывавшаяся десятилетиями управленческая вертикаль наркоматов-министерств, а вместе с ней аннулировались и рабочие места министерской номенклатуры. Перспектива покинуть Москву для работы в совнархозах была и нежелательной, и не слишком реальной – на местах имелись свои кандидаты в руководящие органы.

Местные партийные, хозяйственные элиты видели в ликвидации министерств расширение своих собственных возможностей. В выигрыше оказывались производственники: в руководство совета народного хозяйства входили председатель совнархоза, его заместители, начальники управлений и отделов совнархоза. В апреле 1960 г. Совет Министров СССР принял постановление, по которому в состав руководства совнархозов входили также директора крупнейших предприятий и строек. Заметим, что областное партийное начальство в руководстве совнархозов представлено не было. Конечно, связи между совнархозами и обкомами существовали, но нормативно они не предусматривались.

Возникла ситуация, когда хозяйственники по отношению к обкомам оказывались относительно самостоятельными.

Удар по структуре Совета Министров, без сомнения, стал ударом по членам Президиума ЦК КПСС, в большинстве своем – «старой сталинской гвардии», сочетавшей посты в Президиуме ЦК с должностями заместителей председателя Совмина СССР. Хрущев залп за залпом бил по своим сподвижникам, используя для этого все средства – от встречи с писателями до выступлений на партийных совещаниях.

22 мая 1957 г. в Ленинграде Хрущев выдвинул лозунг, ставший своего рода символом всей его последующей деятельности, – «догнать

¹ См.: Цикулин В.А. Указ. соч. С. 53–55.

и перегнуть Америку по производству мяса, молока и масла на душу населения»¹. Хрущевская авантюра базировалась на надежде решить проблемы страны экстенсивными методами – освоением новых сельскохозяйственных площадей, а также за счет личных хозяйств, того ресурса, который должен был в существенной степени «прикрыть» проблемы колхозно-совхозного сектора экономики. На мой взгляд, необходимо учитывать и то, что продолжалось негласное соперничество между «маленковской» и «хрущевской» программами развития сельского хозяйства. Напомним, в 1953–1955 гг., находясь на посту Председателя Совмина СССР, Маленков осуществил меры, благодаря которым прирост валовой продукции сельского хозяйства составил 25 %². Хрущев был намерен увеличить сельскохозяйственное производство «в разы».

Последняя «антипартийная группа». Весной–летом 1957 г. в Президиуме ЦК и в Секретариате началось активное обсуждение вопроса о путях «усмирения» Хрущева. По свидетельству Микояна, отношения стали обостряться с февраля 1957 г., с того времени, когда решено было создавать совнархозы. Ситуация обострилась после выступления Хрущева перед деятелями литературы и искусства 19 мая³, в котором прямо указывалось на наличие противоречий в Президиуме и личных конфликтов Хрущева с Молотовым. 20 мая начались переговоры между Кагановичем, Маленковым, Молотовым, Булганиным и Первухиным о том, чтобы ликвидировать должность первого секретаря и избавиться таким образом от Хрущева. Несколько позже к заговорщикам присоединился Ворошилов.

«Чашу терпения» соратников Хрущева по Президиуму ЦК переполнила серия интервью, данных Хрущевым в мае–июне 1957 г. иностранным журналистам: главному редактору газеты «Нью-Йорк Таймс» Тэрнеру Кэтледжу⁴, представителям американской радиотелевизионной компании «Коламбия Бродкастинг Систем» (США)⁵, главному редактору японской газеты «Асахи Симбун» Томоо Хироока⁶ и венгерским журналистам⁷. Хрущев нарушил незыблемое правило – пред-

¹ Хрущев Н.С. Строительство социализма в СССР и развитие сельского хозяйства. – М., 1962. Т. 1. С. 448.

² См.: Народное хозяйство в СССР в 1958 году. – М., 1959. С. 350.

³ Информацию о встрече см.: Правда. 1957. 20 мая.

⁴ См.: Правда. 14 мая.

⁵ См.: там же. 4 июня.

⁶ См.: там же. 30 июня.

⁷ Информация о приеме делегации венгерских журналистов в Президиуме ЦК КПСС // Правда. 1957. 19 июня.

варительно согласовывать тексты интервью с другими членами Президиума ЦК, то есть допустил явное и доказуемое нарушение партийной дисциплины.

В попытках определить будущие формы управления в Президиуме ЦК участники заговора не достигли единства. Маленков считал, что председательствовать на заседаниях Президиума должен Председатель Совмина СССР. Это соответствовало давней партийной традиции, освященной именами Ленина и Сталина. Сабуров и Первухин вносили радикальное новшество: на заседаниях должны были председательствовать все члены Президиума по очереди.

Планировалось назначить Хрущева министром сельского хозяйства, убрать его горячих сторонников: М.А. Суслова сделать министром культуры, И.А. Серова снять с должности председателя КГБ СССР, заменив его Н.А. Булганиным или Н.С. Патоличевым.

Сложнее дело обстояло с Жуковым. С ним также велись переговоры. Молотов вспоминал: «Жуков приходил ко мне и к другим и говорил, можно ставить вопрос, что не нужно поста первого секретаря, давайте, обсудим, чтобы был не первый секретарь, а установим пост Секретаря по общим вопросам»¹. (Несколько позже эти воспоминания сыграют в судьбе маршала роковую роль.)

Время для партийно-государственного переворота приурочили к готовившейся поездке членов Президиума в Ленинград на празднование 250-летия города. 18 июня, днем, когда у Хрущева были запланированы новые встречи с венгерскими журналистами, от него потребовали собрать Президиум ЦК. Формальным поводом было согласование текстов выступлений в Ленинграде. На заседании присутствовали восемь членов Президиума и три кандидата. Задерживался Жуков. Непосредственно перед заседанием с Жуковым беседовал Маленков, пытавшийся заручиться поддержкой армии. На заседании отсутствовали члены Президиума Кириченко, Суслов, Сабуров, кандидаты в члены Президиума Шверник, Мухитдинов, Козлов, секретари ЦК Аристов, Беляев, Пospelов. С самого начала инициативу захватили противники Хрущева. Выступивший первым Маленков, предложил вести заседание Президиума Булганину как председателю Совмина СССР.

Маленков подверг резкой критике деятельность Хрущева. Казалось, все идет по плану, но неожиданно раздалось требование переене-

¹ Молотов, Маленков, Каганович. 1957: Стенограмма июньского Пленума ЦК КПСС и другие документы. – М., 1998. С. 110. Здесь и далее в стенографическом отчете подчеркнут текст, вставленный при подготовке стенограммы к печати и рассылке в парторганизации. В дальнейшем ссылки даются на это издание. – *Прим. авт.*

сти заседание на следующий день, чтобы Президиум смог собраться в полном составе. Этот вопрос имел принципиальное значение. На заседании 18 июня большинство составляли противники Хрущева, необходимый кворум имелся (что особенно подчеркивал Каганович) и можно было решить все вопросы в течение нескольких часов, повторив с некоторыми изменениями сценарий 26 июня 1953 г. Но заговорщикам не повезло с председательствовавшим на заседании Булганиным. Тот заколебался, согласился перенести совещание на утро 19 июня. У сторонников Хрущева появился шанс, и они его не упустили.

Утреннее заседание вновь началось с вопроса о том, кому на этот раз председательствовать. Молотов, Каганович, Маленков, Сабуров, Первухин и Ворошилов провели на этот пост Булганина. Маленков обвинил Хрущева в том, что он разъединяет членов Президиума, сбивается на зиновьевское отождествление диктатуры пролетариата с диктатурой партии, неправильно понимает взаимоотношения между партией и государством; формирует культ личности лидера партии. Маленков подверг резкой критике лозунг Хрущева (как нереалистичный) в ближайшие годы догнать и перегнать Америку по производству мяса и молока на душу населения.

Маленкова поддерживали Каганович, Молотов, Сабуров, Ворошилов, Булганин, Шепилов, Первухин. Каганович также критиковал лозунг «Догнать и перегнать Америку», обвинил Хрущева в том, что тот «матается по стране», предложил ликвидировать должность первого секретаря ЦК. В защиту Хрущева выступили Кириченко, Микоян, Суслов, Жуков, Шверник, Фурцева, Козлов, Мухитдинов, Брежнев, Аристов, Беляев, Поспелов. Столь длинный перечень свидетельствовал о том, что Хрущев оказался в меньшинстве среди членов Президиума, но получил поддержку у кандидатов в члены Президиума и секретарей ЦК.

Подробности совещания в Президиуме 18–21 июня 1957 г. недостаточно известны. Стенограмма заседаний не велась¹.

Неожиданным для противников Хрущева и кульминационным для всей конфликтной ситуации стало внезапное появление на заседании Президиума группы членов ЦК во главе с военными. Вошедшие требовали допустить их на заседание. Это был беспрецедентный случай: секретари ЦК и министры, «второй эшелон» высшего партаппарата, требовали права голоса в решении вопросов, которыми занимался Президиум, настаивали на созыве Пленума ЦК. Появление членов ЦК вызвало шок среди тех участников заседания Президиума, которые, казалось, уже добились своей цели – ограничить деятельность Хру-

¹ См.: Молотов, Маленков, Каганович. 1957... С. 25.

цева. Повторим, это было мнение большинства членов Президиума ЦК КПСС. Члены ЦК, таким образом, замахнулись на отмену уже готового решения Президиума! Это была неслыханная крамола. Сам Хрущев в последствии живо воспроизводил разыгравшуюся сцену: «...Некоторые члены Президиума ЦК заявили:

– Что за обстановка в партии, кто создал такую обстановку? Так нас могут и танками окружить.

В ответ на это я сказал:

– Спокойно, это не танки, а пришли к нам члены ЦК.

Я сказал, что надо принять членов ЦК. Молотов громко заявил, что мы не будем принимать. Тогда мною было сказано следующее:

– Товарищи, мы, члены Президиума ЦК, мы слуги Пленума, а Пленум хозяин»¹.

Противники Хрущева не могли не помнить о сравнительно недавних событиях, непосредственными участниками которых они являлись, – арест Берии на таком же заседании Президиума. Оснований для аналогий было более чем достаточно – те же Москаленко и Жуков, в прошлом взявшие на себя техническую сторону ареста Берии, вновь действовали вместе на политическом поприще.

О панике в рядах сторонников Маленкова свидетельствуют воспоминания некоторых участников «инцидента». Сабуров: «Пришла группа членов ЦК во главе с военными... <...> Я сказал так, что это недопустимо, что это, наверное, организовал тов. Хрущев, и сказал, что я тебе, Никита, верил, а теперь не доверяю, а потом я говорю: сегодня военные, а завтра танки». Пospelов добавил: «А Шепилов кричал: а потом будут арестовывать»².

Военным, напугавшим участников заседания, оказался первый заместитель министра обороны СССР маршал И.С. Конев, который вместе с Н.Г. Игнатовым (в недавнем прошлом секретарем ЦК, в то время секретарем Горьковского обкома партии) настаивал, чтобы их допустили на заседание Президиума.

Г.М. Маленков.

¹ Молотов, Маленков, Каганович. 1957... С. 32.

² Там же. С. 86.

Кто и как организовал контрпереворот, кто взорвал келейное заседание Президиума ЦК? В то время когда Хрущев спорил на Президиуме, тайную подготовку Пленума ЦК взял на себя Секретариат. Приниженный при Сталине, постоянно менявшийся, зависевший от членов Президиума аппарат ЦК впервые показал свои зубы. В документах Пленума сохранились заявления членов ЦК, настаивавших на его немедленном созыве. Таких заявлений семь, из них коллективных – три. Одно подписали 42 человека, другое – 27. Среди подписавших – секретари обкомов партии, руководители ВЛКСМ, высший командный состав армии, руководство КГБ СССР, министры и заместители министров. Оба заявления написаны «слово в слово». В них говорилось: «Нам, членам ЦК КПСС, стало известно, что Президиум ЦК непрерывно заседает. Нам также известно, что вами обсуждается вопрос о руководстве Центральным Комитетом и руководстве Секретариатом. Нельзя скрывать от членов Пленума такие важные для всей нашей партии вопросы. В связи с этим мы, члены ЦК КПСС, просим срочно созвать Пленум ЦК и вынести этот вопрос на обсуждение Пленума. Мы, члены ЦК, не можем стоять в стороне от вопросов руководства нашей партией»¹. Четыре индивидуальных обращения к Президиуму ЦК также несут следы знакомства с текстами двух «больших» писем. Обязательной частью этих документов являлась фраза: «До меня дошли слухи, что у Президиума ЦК КПСС по отдельным принципиальным вопросам нет единодушного мнения...»

Уточняя подробности стычки между Президиумом и членами ЦК, участник Пленума Г.А. Денисов сообщил, что вручить заявление Президиуму приходила группа членов ЦК в составе 20 человек, которая имела полномочия от 53 членов ЦК, заявление потом подписали 87 человек².

Получить подписи и организовать массовое выступление членов ЦК в столь короткое время стало возможным благодаря удачному стечению обстоятельств: в ЦК планировалось совещание по сельскому хозяйству и были собраны секретари обкомов. Эту возможность в полной мере использовал Секретариат. Пожалуй, это был единственный случай, когда политика партии в вопросах сельского хозяйства пошла на пользу Хрущеву.

22 июня, на следующий день после демарша членов ЦК и военных, начался Пленум ЦК КПСС. Хрущев и его противники «схлестнулись» уже в первые минуты заседания. Хрущев предложил открыть Пленум, а затем сделать перерыв. Ему возразил многоопытный Молотов, ко-

¹ Молотов, Маленков, Каганович. 1957... С. 591–592.

² См.: там же. С. 236.

торый хорошо понимал, что это означает: аппарат ЦК получал время для того, чтобы склонить на свою сторону участников Пленума. Такие тихие заготовки, возня за кулисами спектакля, именуемого Пленумом ЦК, часто оказывались решающими для его итогов. Предложение Хрущева было принято – Молотов, за которым стояло большинство членов Президиума, проиграл.

Пленум начался выступлением Суслова, информировавшим его участников о спорах на Президиуме, за ним выступил Хрущев, не без ловкости польстивший членам ЦК, заявив в очередной раз, что члены Президиума ЦК – лишь слуги Пленума.

Главным событием первого дня и едва ли не всего Пленума стало выступление маршала Жукова. Выступление Жукова не только имело «военный вес», но и было в полном смысле политическим, содержащим анализ ситуации, сложившейся в партии и государстве, ее истоков и в известной мере прогноз развития. Начав с ритуального в других случаях заявления: «Личный состав Советских Вооруженных Сил заверяет свою родную партию, Центральный Комитет Коммунистической партии о своей безграничной любви и непоколебимой преданности своей Родине», Жуков четко указал, что армия подчиняется ЦК, а не Президиуму.

Маршал так объяснил причину недавнего «инцидента»: Пленум «явился результатом требования членов ЦК, с тревогой наблюдавших последние четыре дня заседания Президиума ЦК, которое было созвано по требованию Маленкова, Кагановича, Молотова, Шепилова, Булганина, Первухина; Сабурова не было, он отсутствовал, но наверняка тоже был бы в этом списке. <...> В чем только не обвиняли Хрущева... В конце концов, они заявили, что теперь он не может пользоваться доверием Центрального Комитета (*шум в зале*). По их словам, якобы не исключено, что вслед за ворвавшимися – я обращаю ваше внимание на терминологию “ворвавшимися” – в Президиум членами ЦК (*шум в зале*) <...> в Кремль могут ворваться танки, а Кремль может быть окружен войсками»¹.

Жуков обратил внимание участников Пленума на то, что готовилось отстранение от власти Хрущева. Возникал вопрос – *кто* придет и *что* произойдет после него?

И тогда маршал огласил архивные сведения о личной причастности Маленкова, Кагановича, Молотова, Ворошилова к репрессиям 30-х – начала 50-х годов. Его выступление было великолепно документировано. Ссылаясь на архивы ЦК КПСС и Военной коллегии Вер-

¹ Молотов, Маленков, Каганович. 1957... С. 34.

ховного Суда СССР, маршал сообщил шокирующие подробности недавней политической истории: «Из документов, имеющих в архиве, видно, что с 27 февраля 1937 года по 12 ноября 1938 года (до назначения на пост наркома внутренних дел Л.П. Берии. – *Авт.*) НКВД получил от Сталина, Молотова, Кагановича санкцию на осуждение... к высшей мере наказания – расстрелу 38 679 человек. <...> Сталин и Молотов в один день... 12 ноября 1938 года санкционировали к расстрелу 3 167 человек. <...> 21 ноября 1938 года НКВД был представлен список для санкции на осуждение к расстрелу на 292 человека...»¹. Жуков обращал внимание участников Пленума, что расстреливали «их братию» – членов и кандидатов в члены ЦК, наркомов и их заместителей, высший командный состав. Напрашивался вывод, что возвращение к власти группировки сталинских соратников создаст физическую опасность для теперешних членов ЦК, восстановит атмосферу незащитности номенклатуры перед произволом и репрессиями.

Жуков зачитал страшный по эмоциональному воздействию документ – письмо приговоренного к расстрелу командующего Киевским военным округом И.Э. Якира, направленное им перед смертью Сталину: «Родной, близкий товарищ Сталин! Я смею так к Вам обратиться, ибо все сказал и, мне кажется, что я честный и преданный партии, государству, народу боец, каким я был многие годы. Вся моя сознательная жизнь прошла в самоотверженной, честной работе на виду партии и ее руководителей. Я умираю со словами любви к Вам, партии, стране, с горячей верой в победу коммунизма». «На этом заявлении, – прибавил Жуков, – имеются такие резолюции: “В мой архив. Ст.”, “Подлец и проститутка. Сталин”, “Совершенно точное определение. Молотов”, “Мерзавцу, сволочи и б... одна кара – смертная казнь. Каганович”»².

После этого в зале раздались шум, возгласы: «Палачи! Дайте ответ!».

Жуков привел сведения об организованных лично Кагановичем (не Сталиным!) репрессиях железнодорожников, которые имели несчастье подчиняться «железному наркому». Специалистов расстреливали на том основании, что по уровню своих технических знаний они могли организовать акты саботажа.

Однако главным объектом обвинений стал Маленков.

«Вина Маленкова больше, чем вина Кагановича и Молотова, – говорил Жуков, – ...он наблюдал и ему было партией поручено наблюдение за НКВД, с одной стороны, а с другой стороны, он был непосредственным организатором и исполнителем этой черной, нечест-

¹ Молотов, Маленков, Каганович. 1957... С. 38–39.

² Там же. С. 39.

ной, антинародной работы по истреблению наших людей, наших кадров. Маленков не только не раскаялся перед ЦК в своей преступной деятельности, но до последнего времени хранил в своем сейфе документы оперативного наблюдения НКВД». Жуков напрямую, документированно, возложил на него ответственность за репрессии конца 40-х — начала 50-х годов.

Маленков, получив возможность выступить, попытался уйти от темы репрессий, огрызнувшись в адрес Хрущева: «Ты у нас чист совершенно, товарищ Хрущев». Он изложил свои обвинения против первого секретаря ЦК, подчеркнув, что это мнение большинства членов Президиума — Сабурова, Кагановича, Булганина, Ворошилова, Молотова, Первухина. Хрущеву ставилось в вину, что он выступал с важнейшими заявлениями перед партией и страной без предварительного согласования с коллегами, «в нарушение наших правил, наших обычаев» (!? — *Авт.*). Маленков вновь обвинил Хрущева в выдвигании экономически необоснованной задачи «Догнать и перегнать Америку по производству мяса и молока», в том, что он выносил разногласия в Президиуме за его пределы. Задача Президиума (в изложении Маленкова) состояла не в том, чтобы снять Хрущева, а в том, чтобы «вопрос о ликвидации поста первого секретаря Центрального Комитета партии был поставлен на обсуждение...».

Эти стилистические изыски были резко оборваны Брежневым, напомним, с каким упорством Маленков боролся против созыва Пленума. Маленков соглашался провести Пленум лишь после того, как Президиум осуществит все кадровые перестановки, и Пленуму останутся чисто регистраторские функции.

«Эксперимент» встревожил первых секретарей обкомов, крайкомов и республиканских компартий. Из зала сразу же полетел вопрос: «По каким соображениям вы настаиваете на ...ликвидации поста первых секретарей в центре и на местах?».

Маленков. Я на местах не считаю целесообразным их ликвидировать».

Для участников Пленума, опытных бюрократов-аппаратчиков, такой ответ был неубедительным. Эти люди превосходно знали, что система управления в Москве, в ЦК и Совмине *обязательно* будет тиражироваться на уровне республик, краев и областей и едва ли не районов. Подобные новации в случае их успешного осуществления могли оставить без работы, без привычного положения первых секретарей — партийную элиту страны.

Маленков и его сподвижники становились, таким образом, лично опасными большинству участников Пленума (даже если бы они и не

стали прибегать к услугам очередных ежовых, берий, абакумовых и игнатьевых).

Обвинения Кагановича в адрес Хрущева также касались проводимой им сельскохозяйственной политики: «У нас рост животноводства на 24 %, но растет индивидуальный сектор, а колхозный дал рост за три года на 3 %».

Едва ли не ключевым для Кагановича было утверждение: «Мы развенчали Сталина и незаметно для себя развенчиваем 30 лет нашей работы, не желая этого, перед всем миром. Теперь стыдливо говорим о наших достижениях, великой борьбе нашей партии, нашего народа». Свое участие в репрессиях Каганович обсуждать отказался, указав (и не без оснований), что они совершались в соответствии с решениями Политбюро.

В понедельник 25 июня, после двухдневного перерыва в работе Пленума, последовали покаянные выступления Булганина, Сабурова, «заложившего» своих недавних сподвижников. Сабуров признался, что Хрущева собрались сделать министром сельского хозяйства, Суслова — министром то ли просвещения, то ли культуры, а Серова снять с должности председателя КГБ СССР.

Покаянные выступления продолжил Первухин, пытавшийся отмежеваться от Молотова, Кагановича и Маленкова.

Два дня перерыва явно пошли на пользу организаторам Пленума.

Течение Пленума было несколько нарушено Молотовым, припомнившим Хрущеву все его залихватские заявления по части «догнать — перегнать», граничившие с нарушениями приличия (а часто и переходившие эти границы), недостойное поведение на встрече с писателями, непродуманные реформы управления промышленностью, спешку с совнархозами; резкой критике была подвергнута внешняя политика Хрущева.

Молотов выразил несогласие с критикой Сталина.

«Ноги на стол тов. Хрущев положил», — так отозвался о первом секретаре ЦК Молотов. Каяться, в отличие от своих младших коллег, он не собирался.

Особняком стоит выступление на Пленуме Д.Т. Шепилова. Шепилова критиковали охотно, зло, указывая в качестве недостатка его несомненную образованность. Его собственная позиция тоже не укладывалась в сложившуюся на Пленуме расстановку сил. На вопрос участника Пленума: «Кто вы такой?» Шепилов ответил, но ответил не так, как хотели бы слышать его противники: напомнил, что он из семьи рабочего, после окончания университета работал в Якутии, в Сибири. «Когда началась Великая Отечественная война, я подал заявле-

ние, чтобы пойти на фронт, но получил резолюцию “не заниматься народничеством”. Через три дня я пошел на фронт добровольно, простым, рядовым солдатом. В июле я вышел с дивизией пешком по Можайскому шоссе на фронт. Ушел я в начале июля 1941 года и вернулся в Москву в мае 1946 года». Сидевшие в зале хорошо знали, что дивизии, наспех собранные в Москве в первые месяцы войны, почти поголовно полегли на полях Подмоскovie. Партноменклатура пешком, рядовыми солдатами на фронт не ходила.

Шепилов заявил, что является последовательным сторонником решений XX съезда, напомнил, что ему пришлось выступать на десятках собраний – в Московском университете, Академии общественных наук, в других организациях, защищая «линию партии о культе личности».

В ответ на обвинения об участии в заговоре Шепилов возражал: «Что тут заговорщического, когда речь идет о вещах, которые тревожат ряд членов Президиума?». «Когда выступали сегодня люди с этой трибуны, – говорил Шепилов, – мы их спрашивали: как вы вели себя в 1937–1938 годах? Почему вы принимали за чистую монету вымышленные “признания” невинных людей? Надо, чтобы не возродились определенные явления, связанные с культом личности».

Шепилову мало подходила роль сторонника Маленкова, он неоднократно критиковал его экономическую политику на страницах «Правды». Похоже, Шепилова действительно беспокоило усиление власти первого секретаря ЦК, наладившего успешное взаимодействие с председателем КГБ.

Вместе с тем его позиция отличалась непоследовательностью. «...При всей тяжести злодеяний, которые совершил Сталин в определенный период его жизни и которые история ему не простит, Сталин внес огромный вклад в дело социализма. <...> Вы предлагаете, чтобы мы сейчас перед коммунистическими партиями, перед нашим народом сказали: во главе нашей партии столько-то лет стояли и руководили люди, которые являются убийцами, которых надо посадить на скамью подсудимых. Скажут: какая же вы марксистская партия? <...>

Самое важное, что партия практически уже устранила беззакония, исправила допущенные нарушения. Сейчас историю надо не писать, а делать».

Заметим, что в этом отношении позиция Шепилова станет официальной позицией партии, осудившей и отринувшей от себя своего теоретика.

Обвинения в адрес Молотова, Маленкова, Кагановича и их сторонников с новой силой прозвучали в выступлении Аристова. Ссылаясь на данные Комиссии Пospelова, созданной перед XX съездом, он

обвинил Молотова и Маленкова в массовых расстрелах. В 1936 г., по его данным, было расстреляно 1 118 человек, в 1937 – 353 074 человека. Сообщались сведения о причастности Маленкова к репрессиям конца 40-х – начала 50-х годов.

Закрепляя разгром противников Хрущева, с резкими, грубыми, хорошо акцентированными обвинениями выступил Брежнев, с восхвалениями Хрущева – Беляев. Их поддержал и с бранью набросился на Маленкова и его сторонников С.Д. Игнатьев – тот самый Игнатьев, который усердно служил Маленкову в качестве министра госбезопасности, воплощая в жизнь все указания Сталина и Маленкова по делу Абакумова и так называемого «дела врачей».

Пленум закончился разгромом противников Хрущева, перестановками в высшем руководстве партии – из состава Президиума были выведены Каганович, Маленков и Молотов, из кандидатов в члены Президиума – Шепилов. Булганин и Ворошилов, много каявшиеся на Пленуме, были оставлены в составе Президиума: первый – до 1958 г., второй – до 1960 г. Из членов Президиума в кандидаты разжаловали Первухина и Пospelова. Новыми людьми в Президиуме стали сторонники Хрущева – А.Б. Аристов, Н.И. Беляев, Л.И. Брежнев, Н.Г. Игнатов, Ф.Р. Козлов, О.В. Куусинен, А.И. Микоян, М.А. Суслов, Е.А. Фурцева, Н.М. Шверник. В состав Президиума был введен Г.К. Жуков¹.

Пленум закончился принятием постановления «Об антипартийной группе Маленкова Г.М., Кагановича Л.М., Молотова В.М.», письма ЦК КПСС к партийным организациям, ко всем членам и кандидатам в члены КПСС «Об антипартийной группе Маленкова Г.М., Кагановича Л.М., Молотова В.М.». Отметим важную деталь: в стенографическом отчете Пленума, предназначенном для рассылки в партийные организации, в тексте постановления оговаривался запрет на публикацию сведений о причастности Маленкова, Молотова и Кагановича к массовым репрессиям².

По нашему мнению, значение данного Пленума в истории СССР явно недооценено. Полагаем, что отчасти это было связано с недоступностью его документов. Между тем именно летом 1957 г. в столкновении государственных институтов власти, представленных в Президиуме ЦК, с высшим аппаратом ЦК КПСС победу одержал аппарат ЦК, став вплоть до 1990 г. истинным хозяином страны. До этого времени глава государственной власти – от Ленина до Сталина и Маленкова, – хотя бы номинально, председательствуя на Политбюро (Пре-

¹ Подробные сведения об изменениях в высшем партийном руководстве см.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 7. С. 77.

² Молотов, Маленков, Каганович. 1957... С. 565.

зидиуме) ЦК, руководил и государством, и партией. Сейчас же произошло существенно более значимое событие, чем устранение из политической жизни Молотова, Маленкова, Кагановича «и примкнувшего к ним Шепилова». Впервые аппарат (секретари ЦК, заведующие отделами ЦК, первые секретари крайкомов и обкомов) творил суд, определял политику, исходя из своих корпоративных интересов. Испытанный механизм номенклатуры, находящийся в руках партийного аппарата, позволил партийному генералитету окончательно подчинить, поставить под свой контроль и полную зависимость высший государственный аппарат. Был ли Хрущев победителем на Пленуме? Да, так как он избавился от своих оппонентов и личных врагов. Нет, так как ценой этой победы стало установление зависимости его, первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева, от партийного аппарата, который будет поддерживать его лишь до тех пор, пока его, Хрущева, действия будут соответствовать интересам партноменклатуры. А когда перестанут, то созданный при участии Хрущева механизм власти расправится с ним самим.

Хрущев против Жукова. Аппарат должен быть всемогущ. Этого не рассчитал маршал Жуков, дважды вмешавшийся в ход истории партии – летом 1953 г., арестовав Берия, и летом 1957 г., сорвав планы Президиума ЦК. Хрущев и те, кто с ним не забыли о попытках маршала докопаться до истины – кто истребил высших офицеров Красной Армии больше, чем все ее внешние враги, не забыли и того, что в своих поисках он не намеревался ограничиться осуждением Берии. И главное, не был забыт страх, который вызвало внезапное появление военных, способных спутать все партийные комбинации. Да, маршал спас Хрущева, но не Жуков ли обсуждал с лидерами партии вопрос – а не обойтись ли нам без первого секретаря, заменив его секретарем по общим вопросам? Не он ли говорил Сабурову, опасавшемуся КГБ и его председателя И.А. Серова: «Пусть попробует, я его в два счета снесу, и Лубянки не останется»¹. Таких поступков, такой позиции, которая объективно противостояла партийно-аппаратному самодержавию, Жукову простить было нельзя.

И Хрущев, и Жуков помнили, что президентом Соединенных Штатов Америки оказался генерал Д. Эйзенхауэр, бывший верховный главнокомандующий экспедиционными войсками союзников в Западной Европе, затем командующий американскими оккупационными войсками в Германии. Если американский генерал смог стать президен-

¹ Молотов, Маленков, Каганович. 1957... С. 85.

том США, то почему во главе СССР не может стать маршал, главнокомандующий Группой советских войск в Германии.

Операция против Жукова была проведена с истинно «цековским» коварством. Министра обороны отправили с государственным визитом в Албанию и Югославию, в его отсутствие 19 октября все того же 1957 г. собрался Президиум ЦК КПСС, где было принято решение вывести Жукова из Президиума, из ЦК и снять с должности в связи с недостатками партийно-политической работы в армии. После возвращения маршала в СССР состоялся Пленум ЦК, где Суслов, Брежнев, Хрущев обрушились на маршала с критикой. Звучали обвинения в бонапартизме. Вина Жукова, по мнению обвинителей, состояла в том, что он пренебрегал политработниками. Суслов цитировал доносы на министра обороны: «...На большом собрании в отношении политработников т. Жуков говорил: привыкли за сорок лет болтать (отметим, что это происходило накануне 40-летия Октябрьской революции. – *Авт.*), потеряли всякий нюх, как старые коты. <...> В другом месте заявляет: им, политработникам, только наклеить рыжие бороды и дать кинжалы, – они перерезали бы всех командиров»¹. В вину Жукову ставилось создание без согласования с ЦК центральной разведшколы, «школы диверсантов», прообраза будущего спецназа, некоторые приказы, которые он, министр обороны, издал без согласования с ЦК.

Жуков пытался оправдаться, напоминал о своем участии в организации «отпора антипартийной группе в составе семи человек» на недавнем Пленуме...

Тогда в наступление на маршала пошел спасенный им недавно Хрущев. Пр процитирую некоторые фрагменты его обвинительной речи.

«Тов. Жуков, нельзя так поступать, нельзя принижать роль других маршалов и <...> генералов, умалять роль партии, нашей армии.

В своем выступлении тов. Жуков спрашивал:

– Что случилось, почему неожиданно поставлен этот вопрос? Здесь товарищи хорошо объяснили, что случилось. Я скажу, как возник этот вопрос. В какое-то время члены ЦК и члены Президиума обменивались мнениями и задавали друг другу примерно такие вопросы:

– Как вы, тов. Хрущев, смотрите на Жукова?

– А что?

– Просто так спрашиваю.

– Жуков хороший товарищ, – отвечаю.

– Ну, хорошо, очень хорошо.

¹ Пленум ЦК КПСС. Октябрь 1957 года. Стенографический отчет // ЦК КПСС. С. 5. См. также: Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и др. документы. – М., 2001. С. 239. (Далее: Георгий Жуков).

Прошло время, другой товарищ спрашивает:

– Тов. Хрущев, как вы считаете Жукова?

Эти вопросы заставляют думать: чем объяснить, что товарищи о Жукове спрашивают? Эти вопросы возникали потому, что начали побаиваться Жукова, беспокоиться, уже запахло нехорошо вокруг Жукова.

Жуков. Это нашептывание.

Хрущев. Тов. Жуков! Может быть, вы думаете, что это английская разведка доносила? Он считает, что вроде мы вдвоем деремся – Хрущев и Жуков. Но так понимать – это значит не разбираться в самых элементарных вещах, это же просто примитивные рассуждения. <...> Поведение Жукова всех беспокоило – маршалов, генералов, членов ЦК. Вы слышали, что они говорят. Они говорят о политических ошибках тов. Жукова, говорят с сознанием чувства ответственности за партию. Вот почему мы рассматриваем этот вопрос.

Зачем тов. Жукову нужно было вносить предложение о ликвидации Главного Военного Совета. <...> Представим себе, что какое-то предложение выдвинул Жуков, с его характером, то он и слова не позволит сказать, он и пикнуть не даст командующим. А если будет работать Военный Совет, где все командующие будут высказывать свои мысли, тогда мы будем иметь возможность всегда поддержать здоровые предложения. <...> А Жуков настаивает ликвидировать! Почему, спрашивается? Он рассуждает так: я есть министр обороны, и все то, что относится к войскам, должно проходить только через меня и больше ни через кого. И это преподносится под видом укрепления единоначалия? Нет, это настоящая диктатура, это опасное дело.

Предложение о ликвидации Главного Военного Совета, кастрирование Военных Советов округов, превращение их в совещательные органы – все это направлено к тому, чтобы лишить партийные органы возможности влиять на армию».

Перевооружение армии, внедрение ракетно-ядерного оружия требовало денег. Жуков как министр обороны должен был отражать интересы армии. Но, по словам Хрущева, «дело не в том, что Жуков требовал больше денег, а как требовал. Берет слово Жуков и держит речь. Должен признаться, что я несколько дней ходил под впечатлением его речи. Он произнес совершенно недопустимую пораженческую речь. На заседании были члены Госплана, присутствовало много работников – не членов Президиума ЦК. Жуков стал доказывать, какое соотношение сил СССР и США, и говорит: как министр обороны заявляю, что если так дальше будет продолжаться и не будет изменено положение, то нас США могут разбить и разобьют. Скажи, тов. Жуков, говорил ты это?

Жуков. Сказал, но немножко не так.

Хрущев. Может быть, тон другой, но по существу так было оказано.

Тогда я тихо говорю тов. Жукову: ты министр обороны, нельзя так, пытался его одергивать. Тов. Конев тогда присутствовал, кажется, и тов. Соколовский был, они знают. Потом я громче сказал тов. Жукову: нельзя так говорить. Как же это так? Выходит, на сороковом году революции мы живем милостью американцев? А как же мы в первые дни революции разбили 14 государств? Зачем нужны такие заявления? Затем, чтобы вырвать деньги».

Возмутило Хрущева заявление Жукова о том, что нужно согласиться на американское предложение о взаимной инспекции территории двух стран средствами воздушной разведки. США уже несколько лет вели такую разведку, используя высотные самолеты-шпионы, размещенные на территории американских баз, находившихся вокруг СССР. Советский Союз был лишен такой возможности. Жуков считал, что американское предложение даст возможность советским военным получать равноценную информацию.

Хрущев интерпретировал это следующим образом: «Тов. Жуков написал записку в Центральный Комитет партии о том, что надо принять предложение Эйзенхауэра. Тов. Ворошилов и другие товарищи выступили с горячим протестом против предложения Жукова, сказали, что этого делать нельзя. <...> Но главное состоит в том, какую речь произнес тогда Жуков! Он говорил примерно следующее: нам надо принять, нам выгодно принять предложения американцев, нужно разведать их объекты с тем, чтобы нанести удар, и т. д. Мы сказали тогда Жукову: как же это можно пойти на такое соглашение? Ни в коем случае нельзя. Я и сейчас хочу сказать, что мы никогда не должны согласиться с тем, чтобы пустить американцев контролировать наши атомные заводы, наши другие заводы. Им инспекция нужна только для того, чтобы разведать и потом начать войну против нас. Если в этом вопросе кто пойдет на уступки американцам, то это будет граничить с изменой.

Голоса. Правильно.

Хрущев. Как же министр обороны мог такие вещи нам предлагать, чтобы мы приняли предложение американцев? Тов. Жуков, своим выступлением вы растоптали честь нашей страны и нашей армии, которая, как вы утверждали, будто бы не может сопротивляться американцам. А теперь вы хотите быть Георгием Победоносцем. Разве может так поступать настоящий коммунист?».

Обвинив Жукова в попытке создать Центральную школу диверсантов (предшественницу нынешних специальных подразделений Глав-

ного разведывательного управления Генштаба), Хрущев поднялся до высот политического обобщения: «Нельзя допускать подобных явлений, нужно обезвреживать попытки действовать в обход ЦК партии, попытки отдельных работников не считаться с партией. Речь идет о партийности. Вы смотрите, все антипартийные элементы борьбу против партии начинали с попыток принизить роль партии. Берия с этого начал. Вы знаете, что Маленков, Молотов и Каганович тоже с этого начали. И Жуков с этого начал. И это понятно, в этом есть своя закономерность. С чего начинают бороться с нашей партией. Все, даже открытые наши враги, они начинают с атак против партии, против ее руководящей роли. Если бы, допустим, сказали Эйзенхауэру: ликвидируется Коммунистическая партия, но Советская власть будет сохранена. Что бы сказал Эйзенхауэр? Он сказал бы: наконец мы дождались этого нового голоса.

Империалистов не Советская власть пугает. Советская власть – это форма. Их пугает коммунистическое содержание Советской власти, нашего социалистического строя. А коммунистическое содержание мыслимо только при руководстве Коммунистической партии. Это же надо понимать. Кто поднимает руку на авторитет нашей партии, кто хочет принизить ее роль, тот ведет дело к капитуляции перед капитализмом, тот хочет расчистить путь нашим врагам».

Вывод Хрущева: «Я думаю, что надо принять решительные меры в отношении тов. Жукова. Мы должны принять такое решение, которое было бы предупреждением для каждого, кто захочет свое “я”, какое бы громкое оно ни было, поставить над партией. Любого, кто не считается с интересами нашей партии, партия не пощадит, невзирая на заслуги и фамилии. Это должно быть законом в жизни партии. (*Аплодисменты*)».

Хрущеву вторили маршалы Малиновский, Соколовский, от Жукова отмежевываясь маршал Конев...

Дальнейшее было делом техники.

Председательствующий тов. Хрущев. Есть такое предложение: сейчас решить вопрос о выводе из состава членов Президиума ЦК КПСС и из состава членов ЦК тов. Жукова. Давайте этот вопрос решим, а потом будем говорить о резолюции. Нет возражений? Нет. <...>

Председательствующий тов. Хрущев. Голосуют члены ЦК КПСС. Кто за то, чтобы тов. Жукова вывести из состава Президиума ЦК, прошу поднять руки. Прошу опустить. Кто против? Нет. Кто воздержался? Нет. Принято единогласно.

Теперь голосуют кандидаты в члены ЦК КПСС в таком же порядке. Кто за то, чтобы вывести из состава членов Президиума ЦК тов. Жу-

кова, прошу поднять руки. Прошу опустить. Кто против? Нет. Кто воздержался? Нет. Принято единогласно.

Голосуют члены Центральной Ревизионной Комиссии. Кто за то, чтобы вывести из состава членов Президиума ЦК тов. Жукова, прошу поднять руки. Прошу опустить. Кто против? Нет. Кто воздержался? Нет. Принято единогласно.

Может быть, спросим приглашенных на Пленум товарищей не членов ЦК – командующих округами, армиями, флотами, членов Военных Советов, всех коммунистов, которые приглашены. Кто за то, чтобы вывести тов. Жукова из состава Президиума ЦК, прошу поднять руки. Прошу опустить. Кто против? Нет. Кто воздержался? Нет. Принимается единогласно»¹.

Читая материалы этого Пленума, трудно отделаться от мысли, что расправа над Жуковым шла по прописям Сталина, на Пленуме фактически «озвучивался» секретный сталинский приказ 1946 г. об отстранении маршала Жукова от должности Главкома Сухопутных войск. Разница лишь в том, что тогда, в 1946 г., 49-летнего Жукова отправили командовать округом, сейчас же, в 1957 г., ему в возрасте 60-ти лет была уготована участь опального пенсионера...

С отставкой Жукова из политической жизни был устранен последний государственный институт, пытавшийся претендовать на известную независимость от партаппарата. МВД во главе с Берией, Совет Министров во главе с Маленковым и Булганиным и, наконец, армия с маршалом Жуковым были последовательно повержены аппаратом ЦК КПСС.

Первый секретарь ЦК, Председатель Совета Министров СССР.
С разгромом последней оппозиции Хрущев получил заветную возможность объединить в своих руках партийную и государственную ветви власти. На мартовском Пленуме (1958 г.) ЦК КПСС на должность Председателя Совета Министров СССР был определен Хрущев. Для этого потребовалось снять (точнее, рекомендовать снять, так как юридически это должен был сделать Верховный Совет СССР) с этой должности Булганина.

Булганина обвинили в принадлежности к «антипартийной группе Маленкова, Молотова, Кагановича», в том, что члены Президиума ЦК, противники Хрущева, собирались в кабинете Булганина.

Булганин оправдывался: «Считаю, что я не могу оставаться на посту Председателя Совета Министров. Это было бы никому не понятно. Я полностью согласен с этим решением Президиума ЦК. Я прошу

¹ Пленум ЦК КПСС. Октябрь 1957 года. Стенографический отчет // ЦК КПСС. С. 80–85. См. также: Георгий Жуков. С. 388–396.

Пленум ЦК поверить мне, это я говорю не для формы, а от чистой партийной совести и от души, я и вчера заявил в Президиуме и сегодня прошу Пленум ЦК поверить мне, что я очень тяжело прочувствовал свои ошибки и то, что я наделал.

Заверяю Пленум ЦК, что за период, который прошел с июньского Пленума ЦК, я много продумал, и уверяю Пленум, что правильно принимаю настоящее решение».

На Булганина напали («спектакль» был хорошо подготовлен) секретари обкомов. Омский секретарь Колущинский потребовал не просто снять Булганина с поста Предсовмина, но и освободить его от должности члена Президиума ЦК: «Какая роль тов. Булганина была в этой антипартийной группировке? Самая подлая, низкая роль. Так зачем же мы хотим сейчас оставить Булганина в членах Президиума ЦК. <...> Кто из нас не бился, не мучился с реставрацией этих облезлых икон – Молотова и Кагановича?».

Первый секретарь Приморского обкома Т.Ф. Штыков, присоединившись к предложению снять Булганина, поспешил «заложить» Молотова, в то время посла в Монголии: «Что можно сказать о Молотове после встречи и разговоров с ним? Как в песне поется: каким он был, таким остался». Штыков рассказал, что Молотов в частном (!) разговоре с ним позволил усомниться в правильности передачи колхозам техники, предусмотренной февральским Пленумом ЦК 1958 г.

«Через два дня, когда нас провожали на аэродроме, Молотов тоже провожал, я разговорился с ним лично. Говорю ему, что мы в Приморье решили проблему с овощами, картошкой, молоком и т. д.

Он мне ответил: “Хорошо, хорошо”. А потом сразу задал мне такой вопрос:

- А вы не торопитесь?
- С чем, Вячеслав Михайлович?
- А вот: с передачей техники колхозам? <...>

Я ответил, что нет, не торопимся, народ одобрил, колхозники одобряют.

– Ну, колхозники одобряют, вы на поводу идете.

– Я говорю, и рабочие одобряют, на Пленуме не было по этому вопросу разногласий. Единодушно приняли решение.

– Так как же у вас получается, из всенародной собственности вы технику передаете в групповую собственность?

– Я ответил, что на Пленуме эти вопросы даже не поднимались, так как они всем ясны, у всех нас была мысль о том, чтобы в течение 5–10 лет этим мероприятием решить эту проблему и поднять кооперативную собственность до всенародной собственности.

– Ну, это еще вопрос».

У секретаря обкома, бывшего посла СССР в Северной Корее, и мысли не возникло, что пересказывать частные разговоры неприлично. У товарищей по партии – тоже.

Поспешили отметить свое негативное отношение к Булганину Подгорный, Ефремов, Игнатов, Джавахишвили.

Как всегда, охотно рассуждал Хрущев (для Никиты Сергеевича поговорить всегда было удовольствием).

«Члены Президиума, – сказал Хрущев, – ...видели и понимают, какое создается настроение. Должен сказать, что меня как члена Президиума ЦК это не только не огорчает, но даже радует. Это – хорошее явление. И другие члены Президиума также считают, что мы действительно должны проявлять нетерпимость к проступкам членов партии, тем более такого члена партии, как т. Булганин, которому партия доверила такой большой пост. Руководствуясь тем, что т. Булганин допустил серьезные проступки, товарищи и внесли такое предложение. Однако, несмотря на все это, нельзя согласиться с предложением о выводе т. Булганина в настоящее время из состава Президиума ЦК. <...> Что же изменилось после июньского Пленума ЦК, почему мы должны поправлять решения этого Пленума? Ничего не изменилось. <...>

Июньский Пленум ЦК правильно подошел при решении этого вопроса. Нужно ли было ко всем одинаково относиться – к Молотову, Кагановичу, Маленкову, Шепилову, Булганину, Сабурову, Первухину, Клименту Ефремовичу Ворошилову, которого вначале тоже черт попутал? Не хотел бы огорчать его как старика и хорошего товарища, но это было. И если бы мы их всех прямо, как говорят, под корешок срезали, то разве это было бы правильное решение? Нет, неправильное, неразумное. Неправильно было огульно подходить. Мы нанесли удар по тем, которые представляли опасность для партии, и вывели их из ЦК.

Некоторые могут сказать: а вот после июньского Пленума, в октябре прошлого года, т. Жукова тоже вывели из ЦК. Но здесь не может быть никакого сравнения. Жуков – авантюрист, он стремился к личной диктатуре. Он был опасен, и к нему надо было принять суровые меры, и его правильно вывели из состава ЦК. Думаю, никто не скажет, что Булганин в какой-то степени имеет подобные замыслы. Даже если бы такая дурная мысль залезла ему в голову, то он не способен был бы что-либо сделать. Значит, такой опасности нет. <...>

Члены партии будут спрашивать: что же это такое снова случилось? Одни скажут – за одно преступление два наказания, другие могут даже расценить, что идет какая-то месть, а не здоровый политический подход.

Теперь посмотрим на этот вопрос в международном плане. Сейчас враги делают ставку на разлад и разложение в руководстве нашей партии, а следовательно, и руководстве страной. Если мы примем предлагаемое товарищами решение в отношении Булганина, то они скажут:

– Смотрите, там идет процесс самопожирания. Сначала сидели такие-то, их сняли, исключили из руководства, затем Жукова, а теперь Булганина. Видимо, этот процесс еще не закончился, происходят какие-то подземные вулканические явления. И на этом основании они будут строить отношения с руководством нашей страны.

Конечно, если бы после июньского Пленума ЦК поведение т. Булганина требовало решительных мер, то мы приняли бы такие меры. Но в этом нет необходимости, так как не возникло ничего нового. <...>

Поэтому мы считаем, что тов. Булганина в настоящее время не следует выводить из состава Президиума ЦК. <...> Дальше его нельзя оставлять председателем Совета Министров. Мне рассказывали, как он в последнее время решает вопросы. Глазами бегаёт по всем заседающим, хочет уловить их настроение и внести такое предложение, чтобы его поддержали. Но вы сами знаете, что не всегда бывает так, чтобы все имели единое мнение по обсуждаемому вопросу. <...> Должен сказать, что у т. Булганина нет мужества при решении острых вопросов. Он и в молодости этим мужеством не отличался. Булганин хороший исполнитель, а как политический деятель он и раньше не был острым. Но в коллективе он работал хорошо».

Члены Президиума ЦК поддержали Хрущева.

Затем началось следующее «действие» – возведение Хрущева на пост Председателя Совета Министров СССР.

Начал процедуру секретарь ЦК А.И. Кириченко, информировавший Пленум о том, что необходимо назвать нового Председателя Совета Министров. И назвал Хрущева. Далее последовал внушительный набор комплиментов в адрес «выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства». Кириченко сообщил, что соответствующее решение Президиума ЦК КПСС уже принято.

Мог смутить один вопрос – еще в 1953 г. ЦК КПСС было принято решение не совмещать высшие посты в партии и государстве. Но Кириченко разрешил эту двусмысленную ситуацию с элегантностью слона в посудной лавке: «При обсуждении вопроса о рекомендации на пост председателя Совета Министров СССР тов. Хрущева Н.С. мы учитывали и то, что факт совмещения поста председателя Совета Министров СССР и первого секретаря ЦК КПСС в одном лице будет использован

нашими врагами для клеветнических измышлений против Коммунистической партии и Советского государства. Но в Президиуме было высказано единодушное мнение: ну и пусть себе пишут, пусть себе измышляют. Нам к этому не привыкать. Нам, прежде всего, важны интересы нашего государства. (*Аплодисменты*).

Голоса. Правильно!».

Итак, Хрущев добился полной власти в стране. Вряд ли он в то время задумывался, что такую победу принято называть пирровой. Хрущев был всемогущ как руководитель ЦК КПСС, первый и главный чиновник партийного аппарата, когда он опирался на мощь этого аппарата. Когда он стал еще и главой государственной ветви власти, тех самых министерств, которые он сокращал, переселял, упразднял, – он оказался и не с партийным, и не с государственным аппаратами. Он стал над ними. Положение это столь же почетно, сколь и опасно. Но убедится он в этом позже.

...А пока все, казалось, было благополучно.

Правда, пятилетний план, принятый на XX съезде КПСС, провалился, но Хрущев и эту неудачу превратил в политический выигрыш. В январе 1959 г. был собран внеочередной XXI съезд КПСС¹.

На съезде Хрущев объявил, что страна вступила в период развернутого строительства коммунизма. Поэтому необходимо было пересмотреть план. (Замечу, перечеркнуть и не вспоминать впредь о показателях шестой пятилетки). Вместо прежних пятилеток Хрущев предложил «семилетку».

«Нашему съезду, – говорил делегатам Хрущев, – предстоит обсудить программу дальнейшего коммунистического строительства в Советском Союзе, нового подъема экономики, культуры и материального благосостояния трудящихся. Это великая программа. По своей грандиозности она не имеет себе равных в истории».

После этого он сформулировал задачи экономического развития страны. Первоочередной, по мнению Хрущева, была задача подъема сельского хозяйства: в предстоящей семилетке планировалось увеличить производство сельхозпродукции в 1,7 раза. «По валовому производству молока и масла наша страна вышла на первое место в мире. В течение ближайших лет мы не только догоним, но и значительно превзойдем Соединенные Штаты Америки по производству этих продуктов на душу населения», – заявил Хрущев².

¹ Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза: Стенографический отчет. – М., 1959. Т. 1–2.

² Там же. Т. 1. С. 12, 34–35.

«**Догнать и перегнать Америку по производству мяса, молока и масла на душу населения**». Как уже отмечалось, этот лозунг был провозглашен на совещании работников сельского хозяйства областей и автономных республик Северо-Запада РСФСР 22 мая 1957 г. в Ленинграде. В выступлении Н.С. Хрущева, временами сумбурном, провозглашались новые ориентиры сельскохозяйственной политики. Однако основной тезис – догнать и перегнать США в сфере сельского хозяйства – был тем не менее основательно подготовлен.

Хрущев попытался обосновать необходимость и возможность подъема сельского хозяйства и внутренними, и внешними факторами. Внутренними факторами, позволявшими, по мнению Хрущева, строить подобные планы, стали сравнительно высокие темпы прироста производства мяса и молока в 1956-м и первой половине 1957 г., но главный расчет делался на огромные природные ресурсы страны. Хрущев привел следующие цифры:

«В 1956 году в СССР на 100 гектаров сельскохозяйственных угодий получено:

мяса в убойном весе – 13,3 центнера, молока – 101 центнер.

За тот же период в США получили: мяса в убойном весе – 33 центнера, молока – 111 центнеров.

Для того чтобы догнать Америку по производству мяса и молока на душу населения, нам надо иметь на 100 гектаров сельскохозяйственных угодий мяса 42 центнера в убойном весе, или 67 центнеров в живом весе; молока – 141 центнер.

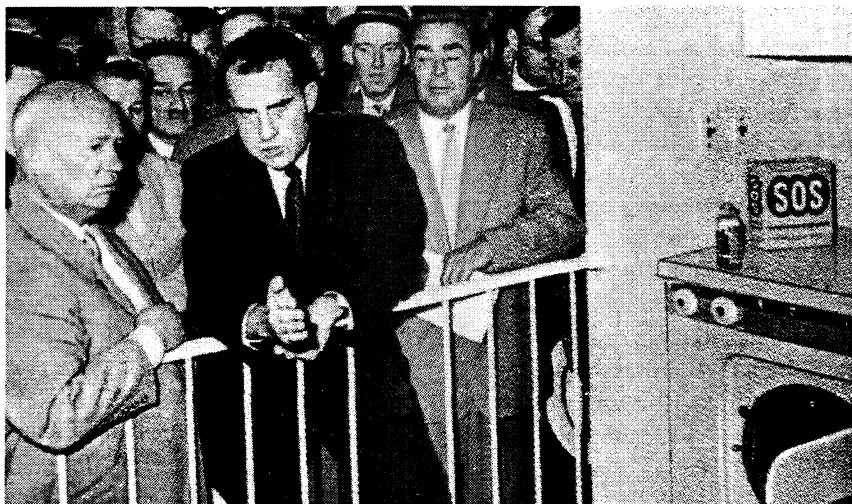
Можем ли мы взять этот барьер? По-моему, можем и возьмем его, да еще и дальше шагнем. Возможности у нас большие, надо только разумно их использовать»¹.

Возможности, казалось, были. Отметим, что соотношение площади сельхозугодий в США и СССР было явно в пользу СССР и, следовательно, возникала надежда перегнать Америку не только за счет более интенсивного использования сельхозугодий, но и за счет экстенсивного фактора – своего рода «целины в животноводстве».

Правда, Хрущев уже тогда проговорился, что его планы не встретили поддержки у экономистов. Те считали, что достичь такого же объема производства мяса, как в США, страна сможет только к 1975 г.

Любопытна позиция Хрущева по отношению к подобным «скептикам». Он обрушился на них с критикой, заявив, что «среди научных работников есть и такие, которые сдерживают наше движение вперед. <...> Как подошли к этому делу наши экономисты? Они, как полага-

¹ Хрущев Н.С. Строительство коммунизма в СССР... Т. 2. С. 446.

Н.С. Хрущев, Р. Никсон, Л.И. Брежнев на американской выставке в Москве.

ется, взяли карандаш и подсчитали, какой будет прирост и за сколько лет, то есть взяли многолетние данные. Но, товарищи, надо же понимать, какие сейчас силы накопились у нашего народа, в колхозах и совхозах. <...> Вы же видите, что многие колхозы буквально за два-три года увеличивают производство продуктов в несколько раз. <...> Это же политика, это политическое явление, результат долголетней работы нашей партии, работы всего нашего народа»¹.

С внутренними факторами были связаны и едва ли не соперничали с ними факторы внешнеполитические. В связи с событиями в Польше и, особенно в Венгрии, а также с весьма широким недовольством деятельностью партийного руководства в самом СССР, Хрущев не скрывал, что победа в этом соревновании станет одним из решающих доказательств исторической неизбежности победы социализма.

«Это будет нашим большим завоеванием, – убеждал Хрущев участников совещания. – Ведь сейчас США действуют на психику людей всего западного мира своим объемом производства. Отсталые в экономическом отношении страны просто трепещут и даже не помышляют о том, что они могут сравниться с Америкой. А вот Советский Союз, народы в прошлом отсталой России, взявшие власть в свои руки, построили хозяйство на социалистических основах... и получили воз-

¹ Хрущев Н.С. Строительство коммунизма в СССР... Т. 2. С. 449–450.

возможность поставить вполне реальную задачу – догнать и превзойти США по уровню производства на душу населения»¹.

Рязанский почин. Лозунг «Догнать и перегнать Америку» «персонифицировал», если угодно, политику Хрущева. Отсюда – лихорадочные попытки любыми путями увеличить производство хлеба, мяса и молока. Хрущев был первым пропагандистом и первым организатором этой кампании. Он выступал в колхозах (особенно любил выступать в своей родной курской деревне Калиновке), на совещаниях по всей стране, проводил «активы», ругал, награждал.

В феврале 1959 г. Хрущев лично поехал в Рязань, побывал в передовом колхозе «Россия» Рыбновского района, выступил на объединенном заседании рязанского обкома и областного Совета, вручил Рязанской области орден Ленина за то, что в 1958 г. план был перевыполнен вдвое². Первый секретарь обкома А.Н. Ларионов заверил Хрущева, что в 1959 г. план будет перевыполнен, как и говорилось на съезде, в 3,8 раза³.

Ларионов выполнил обещанное и стал Героем Социалистического Труда.

На очередном Пленуме ЦК КПСС 22–25 декабря 1959 г., где главным был вопрос «О дальнейшем развитии сельского хозяйства», звучали фанфары и раздавались награды передовикам, пропагандировались их производственные достижения. Сообщалось, что в стране повсеместно происходит рост производства, в частности, в РСФСР за 11 месяцев 1959 г. по сравнению с тем же периодом 1958 г. производство мяса увеличилось на 32 %, молока – на 15, яиц – на 25; шерсти – на 11 %. Отмечалось, что в 1959 г. по стране в целом будет произведено молока 62 млн тонн (на 5 млн тонн больше, чем в США). Достойный восхищения пример Рязанской области получил на декабрьском Пленуме высокую оценку и был рекомендован другим республикам, краям и областям страны⁴.

Простой вопрос – возможно ли за год втрое увеличить производство мяса – политическим руководством страны не ставился, хотя было очевидно, что согласно законам биологии невозможно за год увеличить производство животноводческой продукции вдвое и втрое, если, конечно, не пустить для этого весь скот под нож. За успехи в перевы-

¹ Хрущев Н.С. Строительство коммунизма в СССР... Т. 2. С. 446–447.

² Там же. Т. 3. С. 482–502

³ См.: Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. 22–25 декабря 1959 г.: Стенографический отчет. – М., 1960. С. 381–383.

⁴ См.: там же. С. 426–431.

полнении планов развития сельского хозяйства, производства мяса орденами Ленина были награждены Курская, Кировская, Киевская, Ростовская, Смоленская, Свердловская, Тульская области, Краснодарский и Ставропольский края. На пиджаках секретарей обкомов засияли золотые звезды Героев Социалистического Труда.

Административный восторг на сельских нивах. В конце 50-х – начале 60-х годов в Советском Союзе сложилась такая система административных злоупотреблений, государственного обмана, политического фарисейства, перед которой меркнет все мошенничество чиновников Российской империи, описанное великим сатириком и знатоком отечественной бюрократии XIX в. М.Е. Салтыковым-Щедриным. Именно *система*, так как можно говорить об устойчивых приемах и методах, объединенных заинтересованностью партийных органов в благополучных рапортах и отчетах, отвечающих интересам «самого» Н.С. Хрущева!

Характерной чертой хрущевских реформ в сельском хозяйстве стала унаследованная еще от сталинских времен вера в чудодейственный метод, который мог бы разом улучшить положение в этой отрасли. Наряду с освоением целины такими методами стали внедрение кукурузы во всех регионах страны¹, квадратно-гнездовой метод посадки растений, ликвидация чистых паров, внедрение беспривязного содержания коров, раздельная уборка хлебов. Хрущев уже в первые месяцы своей деятельности признавался: «Я зарекомендовал себя как кукурузник». Позднее он сформулирует свое отношение к кукурузе еще яснее: «Кукуруза, товарищи – это танк в руках бойцов, я имею в виду колхозников; это танк, который даст возможность преодолевать барьеры, брать преграды на пути к созданию изобилия продуктов для нашего народа»².

Подобный кавалерийско-танковый нажим помог успешно преодолеть барьеры здравого смысла в социалистическом сельском хозяйстве. Под давлением партийного аппарата произошли существенные изменения в структуре посевных площадей: площадь отведенных под кукурузу земель увеличилась с 19,725 млн га в 1958 г. до 37,139 млн га

¹ В «Перечне текстов шапок, заголовков и плакатов», рекомендованном Отделом пропаганды ЦК редакторам районных газет в 1954 г., был такой призыв:

Во всех областях и краях Союза

Может давать урожай кукуруза.

Эту культуру повсюду внедряй:

В каждую область и в каждый край. – Прим. авт.

См.: Лейбович О. Указ. соч. С. 145.

² Хрущев Н.С. Строительство коммунизма в СССР... Т. 3. С. 498.

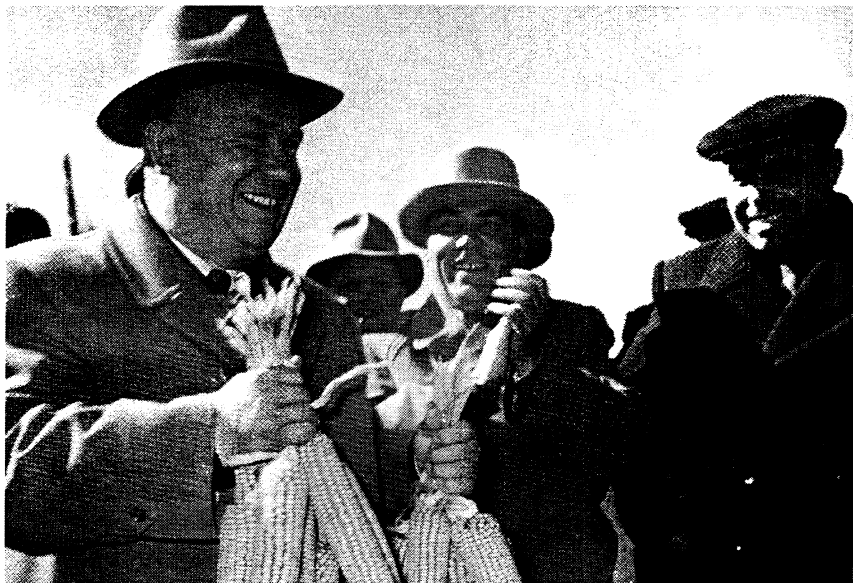
Плакат. 1955 г.

в 1962 г.¹ Любимую Хрущевым «королеву полей» сеяли на огромных пространствах России – от Кубани и Ставрополя на юге до Вологодской и Архангельской областей на севере. Площадь земель, отведенных под кукурузу, сравнялась и даже превзошла вспашку целинных земель, которые были введены в сельскохозяйственный оборот громадным трудом советских людей. Следует указать, что под кукурузу стремились отдавать лучшие земли, те поля, которые прежде занимали традиционные зерновые культуры – пшеница и рожь.

Однако партия не собиралась отказываться и от основного метода реализации любых начинаний – принципа партийного руководства. Впрочем, партийное руководство, как выяснилось, могло гарантировать только благополучные отчеты. Уже в 1958 г. проявились первые признаки очковтирательства как неотъемлемой части осуществления хрущевского плана «Догнать и перегнать Америку».

Прежде всего необходимо выделить развитую систему манипуляций. У колыбели общегосударственного жульничества стоял сам аппарат ЦК КПСС. В 1957 г. заведующий Сельскохозяйственным отделом

¹ См.: Народное хозяйство СССР в 1963 году: Статистический ежегодник. – М., 1963. С. 259.

Хрущев в Ставрополье, 1958 г.

ЦК КПСС по РСФСР В.П. Мыларщиков просил предоставить право многим обкомам – Новгородскому, Псковскому, Калининградскому, Калининскому, Великолукскому, Смоленскому и ряду других – «дополнительно сдать мясо и молоко взамен 409 тысяч тонн зерна». «Учитывая, что в этих областях производится мало зерна, и в целях обеспечения общественного животноводства концентрированными кормами было бы целесообразно удовлетворить просьбы обкомов партии», – обосновывал свою инициативу Мыларщиков. Невинное, на первый взгляд, предложение, даже не лишенное некоторого здравого смысла, открывало дорогу подменам и манипуляциям, появлению, как сейчас принято говорить, «виртуального» хлеба, а потом – мяса, масла и так далее.

Первое место в системе манипуляций занимала фальсификация статистики производства хлеба. Суть фальсификаций была незамысловатой, но эффективной: объявлялось, что несуществующий, невыращенный хлеб существует, но находится на так называемых «глубинных» хлебоприемных пунктах, на отдаленных территориях, откуда его невозможно своевременно вывезти. Виртуальная продукция включалась

в государственную статистику, за ее производство выплачивалась заработная плата. Когда же наступало время сдавать этот несуществующий хлеб государству, вместо него сдавали зерно, предназначенное для посева на следующий год. Затем у республиканских и союзных властей выпрашивалось новое зерно, аргументировалось это, в частности, увеличением объема сельскохозяйственных площадей, гибелью семенного фонда в результате стихийных бедствий и так далее.

Самый ранний известный нам факт такого мошенничества датируется 1958 г. В объяснительной записке в ЦК начальник Ставропольского краевого управления хлебопродуктов И.И. Самохвал писал, что 16 июля 1958 г. в разгар приемки хлеба Ставропольский крайисполком вынес решение за № 464, которым обязал краевое управление хлебопродуктов организовать «глубинки» для приема хлеба.

«Необходимо сказать, что надобности в открытии «глубинок» совершенно не было и мы к открытию «глубинок», конечно, не готовились. Хлеб при уборке был сухой, чистый и вывоз его из-под комбайнов непосредственно на элеваторы был самым выгодным и лучшим способом для колхозов, совхозов и, конечно, для государства». Самохвал сообщал, что его вызвали в крайком КПСС и в присутствии всех членов бюро крайкома предложили немедленно приступить к приемке хлеба на временные «глубинки». Краевые власти торопились выполнить обязательства к 1 августа 1958 г. Самохвал попытался отговориться, стал объяснять, что это нецелесообразно.

Однако аргументы начальника краевого управления хлебопродуктов были отвергнуты. В то время как Самохвал пытался спорить, секретарь Ставропольского крайкома разговаривал по телефону с Москвой, с заведующим Сельхозотделом ЦК КПСС по РСФСР Мыларшиковым. Тот дал устное разрешение, опять-таки для того, чтобы край поскорее отчитался. Потом, уже после успешного рапорта, можно было вывозить хлеб.

Письменно же из Москвы пришло распоряжение не открывать «глубинные» пункты приема зерна. Перепугавшийся Самохвал пошел в крайком и крайисполком, где его успокоили: «Ты пока никому об этом не говори, с ЦК КПСС мы договорились, а тем временем мы весь хлеб с “глубинок” вывезем, ведь мы все бросим на вывозку».

Количество хлеба, завезенного в «глубинки», определяли «на глазок»: по отчетам – всего хватало, фактически зерна было меньше.

Наказан за эти манипуляции был И.И. Самохвал. Впрочем, это тоже было общим правилом. Отвечать приходилось «стрелочникам».

Огромный скандал разгорелся в Омской области. Дело дошло до самого Хрущева. 8 декабря 1960 г. первый секретарь Большереченского райкома Омской области Авдеев послал первому секретарю ЦК КПСС телеграмму, в которой сообщал, что в области «допущен грубый обман государства, связанный с хлебом. <...> Нарушения продолжаются. Прошу разрешить лично доложить... Несу всю полноту ответственности».

Второй секретарь ЦК КПСС Ф.Р. Козлов, ознакомившись с телеграммой, дал поручение заведующему Сельхозотделом ЦК Карлову «срочно разобраться».

Тот встретился с Авдеевым, и Авдеев сообщил, что в Омской области в 1960 г. при проведении хлебозаготовок обком партии требовал сдавать весь хлеб, в том числе и семенное зерно. В результате в Большереченском районе для сева на следующий год осталось всего 820 тонн, а необходимо иметь 23 тысячи тонн семян. «Как сообщает т. Авдеев, сдавать семена понуждали работники обкома партии. Уполномоченным бюро обкома партии по хлебозаготовкам в этом районе был второй секретарь Омского обкома КПСС т. Родионов. О сдаче семян в счет плана хлебозаготовок знал и первый секретарь обкома КПСС т. Колущинский. Тов. Авдеев сообщает и о других фактах злоупотреблений и приписок при проведении хлебозаготовок», – докладывал Карлов Ф.Р. Козлову. Авдеев рассказал, что его упростили сдать семенное зерно, но обещали вернуть семена. Однако возвращать было нечего. Район остался без посевного материала на следующий год.

Для проверки фактов в Омск была направлена комиссия ЦК КПСС, куда вошли инспектор ЦК А.Н. Яковлев (впоследствии член Политбюро), зав. сектором Сельхозотдела ЦК КПСС по РСФСР П. Леликов и инструктор Отдела парторганов Н. Игнатик.

Комиссия не только подтвердила факты, сообщенные Авдеевым, но и установила, что «в ряде районов Омской области допускались извращения в проведении хлебозаготовок, имели место приписки к сданному хлебу, выдача бестоварных квитанций, фиктивных сохранных расписок на зерно, якобы сданное на временное хранение в хозяйствах, понуждение председателей колхозов и директоров совхозов сдавать в счет плана семенное зерно».

Ряд колхозов и совхозов области остались без семян. «Всего по восьми проверенным районам недовоза хлеба, сданного государству, составляет 20,5 тыс. тонн», – писали ревизоры. Один и тот же хлеб сдавали дважды, точнее, дважды отчитывались за него. За существовавший только на бумаге хлеб получали полную оплату.

За выявленные нарушения второй секретарь обкома получил выговор. Но главным виноватым был объявлен Авдеев – и именно за

сдачу семенного зерна. Он получил «строгий выговор с занесением в учетную карточку». Его «прорабатывали» на бюро Омского обкома партии, там Авдеев, используя терминологию документа, «учинил дебош» в зале заседания обкома партии, загнал первого секретаря обкома Е.П. Колущинского под стол, членов бюро разогнал по приемным, а сам ушел с заседания.

На очередном пленуме Омского обкома КПСС в начале 1961 г. первым секретарем единогласно был переизбран Колущинский. Авдеева, уже освобожденного от должности первого секретаря Большереченского райкома, вывели из членов бюро обкома, был поставлен вопрос об исключении его из партии.

Подобные ситуации с хлебозаготовками зафиксированы в Новгородской, Тюменской, Кировской областях, в Хабаровском крае... Понятно, что от этих мошенничеств хлеба больше не становилось, точнее – становилось больше только на бумаге. Парадокс системы состоял в том, что она провоцировала, вынуждала идти на злоупотребления и мошенничества, а потом их же осуждала.

О запрещении содержания скота в личной собственности граждан, проживающих в городах и рабочих поселках». Это постановление ЦК КПСС по РСФСР, принятое 20 августа 1958 г., стало логическим следствием выполнения хрущевской программы «Догнать и перегнать Америку по производству мяса, молока и масла». Провозгласив программу, и сам Хрущев, и партийный аппарат были вынуждены добиваться зримого, хотя и временного, успеха сельскохозяйственной политики. На XXI съезде КПСС Хрущев призвал депутатов, в большинстве своем работников партийного аппарата всей страны, «увеличить производство мяса в 2,5–3 раза», «перевыполнить задания по производству зерна, мяса и других продуктов как по срокам, так и по объемам»¹.

Выступая на съезде, он заявил, что «сейчас уже имеются первые ласточки, которые предвещают нам хорошее лето. Например, по Рязанской области приняты обязательства уже в нынешнем году увеличить по сравнению с 1958 годом производство мяса в колхозах и совхозах в 3,8 раза, по Ставропольскому краю – в 2,5 раза, по Ростовской области – в два раза»².

В этой связи сразу же возникает вопрос: каким образом удалось в течение одного (1958) года в ряде случаев удвоить заготовки мяса?

¹ Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза. – М., 1959. Т. 1. С. 35, 37.

² Там же. С. 37.

Постановление бюро ЦК по РСФСР «О запрещении содержания скота в личной собственности граждан, проживающих в городах и рабочих поселках» коснулось 12,5 млн городских семей, имевших свои огороды.

Среди постановлений хрущевской поры это одно из самых идеологически заостренных и экономически нелепых решений, имевших долговременные последствия. Достижение сиюминутного результата (насильственное изъятие скота и передача его в совхозы и колхозы) привело к тому, что весь скот шел под нож. В колхозах и совхозах не было ни помещений, ни кормов, чтобы сохранить скот на будущее. Поголовье скота, постепенно увеличивавшееся в личных хозяйствах в 50-е годы, было уничтожено в течение нескольких месяцев.

При выполнении этого постановления власть вспомнила генетически присущие КПСС методы «руководства сельским хозяйством» – методы насильственного раскулачивания. Действовали так, что даже у небрежливов советского права возникали проблемы. Не то, чтобы просто принуждали, лишали покосов, грозили неприятностями на работе, штрафовали за появление «коровьих лепешек» на улицах поселков – это все было более или менее законно и разрешено. Но в Татарии «покупали» (кавычки не мои, их поставили проверяющие из ЦК КПСС) овец без согласия их хозяев. Протицирую справку ЦК КПСС дальше: «В дни, когда в этих селах производилась такая покупка скота, колхозники на работу не выходили. Особое возмущение колхозников вызвало участие в этом деле работника милиции и использование для перевозки закупленных овец специальной милицейской автомашины»¹. Уполномоченные райкома КПСС по закупке скота у населения проводили подворный обход хозяйств и понуждали колхозников сдавать мясо государству, а в отдельных случаях без их согласия забирали скот. Факты насильственного изъятия скота у населения имели место в Дрожжановском, Елабужском, Кукморском, Тукаевском и Арском районах республики. С населения собирали деньги на покупку масла для последующей продажи его государству.

С точки зрения статистики произошло долгожданное – объемы заготовок мяса резко возросли. Отсюда и победная риторика на XXI съезде КПСС, на декабрьском (1959 г.) Пленуме ЦК. Однако с точки зрения здравого смысла произошло непоправимое – значительное сокращение поголовья скота. Имелись и прямые экономические последствия этих решений. Жители областных городов и многочисленных рабочих поселков, районных центров, старинных городков, оставшись

¹ РГАНИ. Постановление Бюро ЦК КПСС по РСФСР № Б-СО/45-С. 27. 08. 1962 г.

без собственного домашнего скота, должны были идти в государственные магазины, жить за счет государственных поставок мяса и молока. Отняв скот, государство оказалось в положении унтер-офицерской вдовы, которая сама себя высекала. Партийно-государственные власти сломали механизм самообеспечения широких слоев населения, не располагая, как вскоре выяснилось, возможностью эффективно его заменить.

Случилось и нечто худшее: Хрущев и его сподвижники – от ЦК до горкомов и райкомов – разрушили традиционный быт миллионов людей, в котором сохранялась связь с землей, с сельским хозяйством. Этот быт складывался многими поколениями людей, сочетавших сельскую и городскую жизнь, работу на заводах и домашнее подсобное хозяйство, насчитывавшее, как правило, корову-кормилицу в послевоенной небогатой жизни, огород с картошкой да пару поросят. Отнимали не только коров, лошадей, но одновременно отнимали покосы, где семьи заготавливали корм для скота на зиму, ликвидировали подлинно добровольные кооперативы – животноводческие товарищества.

Уже через несколько лет эти изменения оказались необратимыми: попытки преемников Хрущева воспользоваться «маленковскими» рекомендациями для восстановления домашнего подсобного хозяйства успеха не имели. Не только покосы, поддерживаемые десятилетиями, заросли за это время кустарником, превратились в неудобья, но и люди привыкли вставать на работу на два часа позже, не заботиться о том, чтобы покормить скотину, подоить корову, люди вдруг обнаружили, что отпуск летом – это не время заготовки сена на год, а месяц отдыха. Произошел разрыв в поведении поколений. Тот социальный слой, которому будут адресовать свои решения преемники Хрущева, к середине 60-х годов уже перестал существовать.

Статистика и жизнь все дальше удалялись друг от друга. Местные власти при попустительстве своих московских начальников разработали совершенную систему «двойной бухгалтерии».

Она включала в себя ряд приемов. Рассмотрим один из них на примере сдачи государству скота в Курганской области. Совхозы и колхозы сдают государству крупный рогатый скот и свиней. Естественно, включают сведения об этом в государственную статистику, получают деньги. Скот остается «на передержку», чтобы поднять его вес. До сих пор – все идет по правилам. Но оставляют скот отнюдь не на откормочных площадках приемных пунктов, а в тех же совхозах и колхозах! Проходит время, и тот же самый скот сдают второй раз, сдают не образовавшиеся привесы, а вновь «чистым весом»! Вторично за ту же корову получают деньги и отчитываются об увеличении

производства мяса, как вы понимаете, в два раза. Подобное происходило не только в Курганской, но и в Воронежской, Свердловской областях, Краснодарском крае. В Воронежской области «на передержке» скот почти не кормили, и во второй раз его вес был ниже, чем в первый, но статистика продолжала фиксировать «увеличение производства мяса».

Кто бы мог подумать, что опыт гоголевского авантюриста Чичикова, покупавшего «мертвые души» в середине XIX века, будет через столетие творчески развит и применен в ходе выполнения исторических задач, поставленных партией по развитию сельского хозяйства! Разница состояла лишь в том, что для Чичикова это был частный промысел, а его последователи применили подобные методы не только в губернском, но и в государственном масштабе.

Бюро ЦК КПСС по РСФСР обнаруживало все новые приемы жульничества. В Постановлении «О продолжающейся практике продажи и сдачи государству неупитанного и маловесного скота многими колхозами и совхозами», принятом в июне 1959 г., сообщалось, что колхозы Ярославской, Курской, Брянской, Смоленской, Ленинградской, Калужской, Московской, Орловской, Тульской, Пермской, Курганской, Омской, Иркутской областей, Мордовской АССР сдавали истощенный скот.

Непонятно только, кто виноват: колхозы, которые сдавали такой скот, или партийный аппарат, приказывавший пускать под нож животных, чтобы перевыполнить обязательства и «просверлить» очередную дырочку для наград на пиджаках секретарей райкомов и обкомов.

Лицемерием отдает пассаж этого партийного документа: «Такая практика сдачи неупитанного и маловесного скота, о недопустимости которой Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совет Министров РСФСР неоднократно предупреждали местные партийные, советские и сельскохозяйственные органы, наносит серьезный ущерб государству в деле пополнения мясных ресурсов, снабжения населения мясом и мясoproдуктами, подрывает экономику колхозов и совхозов и создает трудности в выполнении плана и социалистических обязательств по увеличению производства и продажи мяса государству в 1959 году».

Спрашивается, как иначе (если не вырезать весь скот) можно было «удвоить» сдачу мяса государству?

3 ноября 1960 г. Бюро ЦК КПСС по РСФСР приняло очередное постановление «О фактах грубых нарушений в проведении заготовок скота, допущенных по отдельным хозяйствам Курганской, Воронежской, Свердловской областей и Краснодарского края».

Масштаб нарушений за год изрядно возрос – тогда сдавали худой скот, сейчас, как свидетельствовало постановление, от этой практики

попытались вообще отказаться: «В Курганской области в совхозах была оформлена сдача государству 16,2 т. голов крупного рогатого скота и почти 13 т. голов свиней, которые были оставлены в этих же хозяйствах на передержку. Почти весь этот скот был вновь включен в численность поголовья совхозов, вследствие чего количество крупного рогатого скота и свиней в совхозах области было завышено на 11 %».

«В Свердловской области, – записано в постановлении Бюро ЦК по РСФСР, – по 11 проверенным совхозам оставалось на передержке 2 107 голов крупного рогатого скота и 2 733 головы свиней. Весь этот скот числился в совхозах как собственное поголовье, хотя заготовительными организациями этот скот уже был засчитан в выполнение плана сдачи мяса государству. В ряде случаев заготовительные организации завышали живой вес скота, оставляемого на передержку в совхозах».

Одну и ту же скотину сдавали по два раза!

«Есть факты, когда даже в масштабе района организуются закупки мяса на стороне – либо в других областях, либо в пределах своей области в других колхозах или у рабочих и служащих. Находятся и такие люди, которые даже в городе закупают мясо и сдают его в счет выполнения обязательств».

Изменилось и поведение обкомов: тот же Курганский обком яростно защищался – отказывался признать, что скот сдавали дважды; они-де только задержали скот на доращивание.

В Хабаровской области обнаружили махинации с молоком, мясом, яйцами. Там зафиксировали классический способ «увеличения производства молока»: на стороне закупали 3 500 кг масла (оно, естественно, уже было учтено в государственной документации) и потом сдавали на маслозавод якобы за 75 461 кг молока.

Скандално прославилось руководство Кировской области. В тех местах, о которых писал в «Губернских очерках» Салтыков-Щедрин, первый секретарь обкома Пчеляков ухитрился добиться снижения производства картошки – в два раза, хлеба – до уровня 1940 г., организовал слежку сотрудников КГБ за другими секретарями обкома (чтобы не сообщили чего лишнего в Москву) – и получил орден Ленина для своей области.

Не верите? Мемориальная доска о награждении области орденом за «выдающиеся успехи в развитии сельского хозяйства» и сегодня украшает вокзал города Кирова.

В результате столь доблестного выполнения установок партии по развитию сельского хозяйства Бюро ЦК КПСС по РСФСР получило

еще одну функцию – делить фонды мясопродуктов для областных городов. Одним из первых, уже в феврале 1961 г., дополнительные фонды выпросил Свердловский обком. Что ж, это закономерно. Накануне Свердловскую область наградили, конечно же, орденом Ленина и, конечно, за развитие сельского хозяйства. Наградили и первого секретаря обкома – А.П. Кириленко. С 1962 г. он был переведен на работу в Москву первым заместителем председателя Бюро ЦК по РСФСР.

Остается только восхищаться бюрократической изысканностью партаппарата, способного создать некую особую реальность, в которой перевыполняли планы, строили «голубые города», где даже бессловесная скотина умудрялась за два месяца стать тяжелее на два пуда! Воспевали эту сказочную жизнь плакаты с загорелыми рабочими в синих комбинезонах и смеющимися белозубыми колхозниками. Сбылась социалистическая мечта – воля партии выше законов природы. Не случайно рядом с мичуринским: «Нам нельзя ждать милостей у природы; взять их у нее – наша задача!» появились не менее выразительные изречения, вроде: «Течет вода Кубань-реки куда велят большевики». Жаль только, что этот дивный мир вынужден был соприкасаться с реальной жизнью – жизнью большинства населения страны.

Реально за два года прирост валовой продукции сельского хозяйства с 1959-го по 1960-й год составил всего 3 %. К началу 1965 г., когда последствия хрущевских реформ в сфере сельского хозяйства стали очевидными, подсчитали, что среднегодовой надой молока от одной коровы в колхозах и совхозах в 1964 г. по сравнению с 1959 г. понизился на 18,6 %; поголовье коров в личных хозяйствах сократилось более чем на 1 млн голов, коз и овец – почти на 7 млн. При этом основной удар «нового раскулачивания» пришелся на Россию¹.

В 1961–1962 гг. в стране стала остро ощущаться нехватка не только мяса, масла и молока, но и хлеба, крупы, лапши, сахара, то есть продуктов, которые считались обязательными для небогатых прилавков провинциальных магазинов. С 1962 г. Советский Союз начинает импортировать зерно, главным образом из Соединенных Штатов Америки. Страна оказалась в зависимости от закупок хлеба за границей.

Провал сельскохозяйственной политики становился очевидным. Уже в 1961 г. ни в ЦК КПСС, ни в Совете Министров СССР не строили по этому поводу никаких иллюзий. Вместо изобилия настало время жесткого распределения. Партийная пропаганда продолжала крутить шарманку грядущего процветания, объясняя «временные трудности»

¹ См.: Григоровский В.Е., Алексеев М.А. Личное подсобное хозяйство колхозников, рабочих и служащих в СССР. Л., 1968. С. 50–51.

«частнособственническими устремлениями» некоторых сельских тружеников, но в Москве уже началась борьба за фонды – право получать гарантированное обеспечение продовольствием из центра¹.

Внезапное самоубийство первого секретаря Рязанского обкома партии А.Н. Ларионова – «маяка» перевыполнения планов «по мясу и молоку», было очень своевременным, так как избавляло от необходимости доискиваться до причин этого сельскохозяйственного блефа.

Новочеркасская трагедия. Вспоминается знаменитая реприза популярнейших в 50–60-е годы украинских артистов Ю.Т. Тимошенко и Е.И. Березина – Тарапуньки и Штепселя. На вопрос: «Где ты продукты покупаешь?» следовал ответ: «Да я сумку к радиоприемнику подвешиваю!». Эта чисто советская шутка неизменно вызывала восторг у слушателей. Действительно, газеты, радио и телевидение постоянно твердили о том, как успешно труженики села догоняют Америку по производству мяса и молока на душу населения, как уже перегнали капиталистические страны по ряду показателей, как страна выигрывает соревнование со всем миром – однако продуктов в магазинах становилось все меньше. В ряде областей страны уже в 1962–1963 гг. были введены карточки на большинство видов продовольствия.

Формальным выражением провала сельскохозяйственной политики Хрущева стало постановление Совмина СССР о повышении цен на мясомолочные продукты, опубликованное 1 июня 1962 г. в центральных газетах.

Это была, конечно, вынужденная мера, попытка хотя бы отчасти снизить давление государственных дотаций за продовольствие на бюджет, а также – путем увеличения закупочных и розничных цен – повысить рентабельность сельскохозяйственных предприятий.

Однако политически, психологически эта мера оказалась абсолютной неподготовленной. Это было, по сути, первое после войны и отмены карточной системы официально объявленное государством повышение цен. Оно противоречило всему пропагандистскому «накату» последних лет, заставляло вспомнить, что в конце 40-х – начале 50-х годов ежегодно обычно ко Дню Конституции происходило снижение цен, прежде всего на продовольствие.

Не удивительно, что повышение цен немедленно вызвало в стране острую реакцию. Уже на следующий день, 1 июня, руководство КГБ

¹ См., например: Постановление Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совмина РСФСР № 152 «Об увеличении дотации мясопродуктов Свердловской области на 1961 г.» от 28 февраля 1961 г.

СССР докладывало членам Президиума ЦК КПСС об отношении населения к этой мере¹.

В информации отмечалось, что решение о повышении цен вызвало протест среди жителей многих городов страны. В Москве были расклеены листовки, на домах появились надписи «с клеветническими измышлениями в адрес Советского правительства и требованием снизить цены на продукты». Листовки были обнаружены и в городах Московской области, в Ленинграде, Донецке, Днепропетровске.

Осведомители КГБ сообщали, что «в городе Тбилиси... ряд лиц высказывались в том духе, что принятое решение якобы свидетельствует о крахе экономической политики». Такие разговоры велись и в других городах. Их суть сводилась к необходимости сохранить цены и отказаться от помощи слаборазвитым и социалистическим странам.

2 июня 1962 г. КГБ докладывал, в частности, об обнаруженных в одном из городов Читинской области листовках, «содержащих выпады против одного из руководителей партии и правительства (по терминологии КГБ так обозначался Н.С. Хрущев. – *Авт.*)».

Раздавались голоса с призывом начать забастовки, демонстрации протеста. Сотрудник аэропорта «Внуково» Лапин предлагал «собраться на Красной площади и потребовать отмены постановления о повышении цен на продукты». Помощник машиниста станции Нижний Тагил Мазур, выступая перед большим количеством рабочих, говорил об ухудшении жизни, о том, что зарплату снижают, а цены увеличивают: «При нынешнем правительстве хорошего ждать нечего. Необходимо сделать забастовку и потребовать улучшения жизненных условий».

В докладе КГБ от 2 июня 1962 г. отмечалось широкое распространение призывов к забастовкам. Вместе с тем были зафиксированы разговоры, в которых содержался анализ причин повышения цен. Говорили: «Неправильно было принято постановление о запрещении иметь в пригородных поселках и некоторых селах скот. Если бы разрешили рабочим и крестьянам иметь скот и разводить его, то этого бы не случилось, мясных продуктов было бы сейчас достаточно <...> Индивидуальных коров порезали, телят не растят. Откуда же будет мясо? Тут какой-то просчет».

Среди интеллигенции особенно активно комментировали провал планов «Догнать и перегнать Америку»: «Хоть бы молчали, что мы уже обогнали Америку. Противно слушать наш громкоговоритель;

¹ Здесь и далее цит. по: Новочеркасская трагедия / Подготовлено к печати Пихоя Р.Г., Кривова Н.А., Попов С.В., Емельяненко Н.Я. // Ист. архив. 1993. № 1. С. 110–136; № 4. С. 143–177; См. также: ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 31. Д. 93661. Л. 269–290.

целый день о том, что мы, мы, мы. Все это беспредельное хвастовство». Эти слова информаторы КГБ подслушали у артиста Заславского. А преподаватель английского языка Белиловская, которая руководила кружком политучебы, сокрушалась: «Все время в беседах со слушателями я опиралась на нашу чудесную программу, говорила о непрерывном росте благосостояния трудящихся. Что же я буду говорить теперь? Мне просто перестанут верить».

Перестали верить не только руководителям кружков политпросвета. Второй закон Ньютона, гласящий, что «всякому действию свойственно равное и противоположно направленное противодействие» применим и к политике. Массированный пропагандистский натиск, трескотня вокруг Программы КПСС (подробнее о ней в следующем очерке), гарантировавшей через 10 лет полную экономическую победу над капитализмом, а через 20 – построение коммунизма на Земле, и ее оглушительный провал вызвали глубокое разочарование в обществе, кризис веры в коммунизм, равнодушие и цинизм.

Бесконечные рассуждения о «повышении руководящей роли КПСС» обернулись «злыми надписями в адрес одного из руководителей партии и Советского правительства», призывами «пойти к обкому партии» (г. Горький), «пойти к первому секретарю обкома партии и выразить протест против этого решения» (г. Кемерово) и выводом: «Нигде нет правды. Никому из начальства верить нельзя» (г. Пермь, завод им. Калинина).

Все эти настроения, зафиксированные в «информациях» КГБ, в полной мере воплотились в событиях в Новочеркасске в начале июня 1962 г.

Восстановим хронологию тех трагических событий.

Утром 1 июня, в половине восьмого, перед началом рабочего дня, небольшая группа рабочих-формовщиков сталелитейного цеха Новочеркасского электровозостроительного завода, 8–10 человек, стала обсуждать повышение цен. На беду в цехе оказался заведующий промышленным отделом Ростовского обкома КПСС Я.К. Бузаев, который «стал разъяснять рабочим Обращение ЦК КПСС и Совета Министров СССР». Часть рабочих прекратила работу. Стихийно начался митинг. Стали подходить рабочие с других участков. Митингующие направились в заводской сквер.

Судя по «Информации заместителя Председателя КГБ при СМ СССР П.И. Евашутина...», где подробно, хотя и тенденциозно, излагается фактическая канва событий в Новочеркасске, к этой группе рабочих направлялся директор завода Б.Н. Курочкин.

Выступление Курочкина, вслед за разъяснениями политики партии и правительства работником обкома партии, стало вторым и едва ли не решающим звеном в обострении конфликта.

Документ КГБ не содержит сведений о том, что говорил директор. Однако известны последствия этого выступления. Рабочие других цехов бросили работу и стали собираться в сквере у завода. Собравшиеся начали обвинять директора в плохих условиях труда, в постоянных нарушениях техники безопасности, в низких заработках.

Оснований для этого было более чем достаточно. На заводе уже была забастовка рабочих кузово-сборочного цеха, вызванная плохими условиями труда, имели место случаи массовых отравлений рабочих обмоточно-изоляционного цеха. Рабочие были возмущены снижением расценок, в результате чего их заработок уменьшился на 30 %.

Перепалка между директором и рабочими закончилась его бегством в заводоуправление. Раздались призывы идти к заводоуправлению. Именно тогда, около 11 часов утра, в руках у рабочих появились первые самодельные плакаты с требованиями «Мяса, молока, повышения зарплаты».

Через полчаса, к половине двенадцатого, на площади перед заводоуправлением собралась большая толпа рабочих, протестовавших против повышения цен и снижения расценок. После 12 часов был остановлен проходящий пассажирский поезд «Саратов – Ростов», из кабины машиниста рабочие стали подавать сигналы, гудками призывая на площадь горожан.

На завод приехало областное начальство – второй секретарь обкома Л.И. Маяков, председатель Ростовского облисполкома И.И. Заметин, председатель совнархоза В.А. Иванов, зам. начальника областного управления КГБ И.И. Лазарев с группой сотрудников УГКБ и, наконец, первый секретарь обкома А.В. Басов.

Толпа у заводоуправления быстро росла: к рабочим присоединялись городские жители. Прибывшие начальники укрылись внутри заводоуправления и, по «Информации» КГБ, «не выходили к рабочим и никаких решительных действий, направленных к установлению порядка, не принимали».

Протестующие прорвались в здание заводоуправления и потребовали, чтобы начальство выступило перед людьми. Но едва начал говорить первый секретарь Ростовского обкома, примолкшая было толпа, услышав первые фразы, взорвалась криками: «Обращение мы читали, сами грамотные, а ты нам скажи, как дальше будем жить, нормы снизили, а цены повысили». Ни председателю облисполкома, ни директору говорить уже не дали. К микрофону прорывались лица из толпы, но «провода вовремя удалось перерезать».

Вечером 1 июня была предпринята попытка подавить волнения силой – сначала отрядом милиции численностью 200 человек, но рабочие разогнали милицию. Тогда были введены воинские части. Оружия войска не применяли.

На следующий день, 2 июня, рабочие под красными флагами и с портретами Ленина двинулись в центр города к зданию горкома КПСС. Преодолев заграждения из танков и автомобилей, толпа, быстро пополнявшаяся жителями города, дошла до горкома и прорвалась внутрь здания.

«Несколько хулиганов, – сообщалось в справке КГБ, – пробрались на балкон и в провокационных целях вывесили красное знамя и выставили портрет В.И. Ленина». У горкома начался митинг с требованиями снижения цен на продукты и повышения зарплаты.

Тогда против рабочих были двинуты войска, открывшие огонь на поражение. 20 человек было убито на месте, еще трое скончались от ран, около 40 человек получили ранения, были проведены массовые аресты участников волнений.

В тот день по радио выступил прибывший в город А.И. Микоян. Однако, несмотря на расстрел и невзирая на уговоры, волнения продолжались.

В тот же день состоялись переговоры властей с делегацией восставших. Подробных сведений о содержании переговоров мы не имеем. Отметим только: то, что восставшие осмелились вступить в переговоры с властью, было позже расценено судом как тяжкое преступление. Руководитель делегации из девяти человек, Б.Н. Мокроусов, был приговорен к расстрелу. В обвинительном заключении говорилось, что, «выступая в качестве представителя от бандитов и хулиганов, Мокроусов в беседе с прибывшими в город Новочеркасск руководителями КПСС и Советского правительства вел себя дерзко и вызывающе, в наглой форме требовал вывода воинского подразделения из города, злобно клеветал на материальное положение трудящихся, наносил угрозы и грубые оскорбления в адрес руководителей Партии и Правительства».

3 июня толпы горожан стали собираться у городских отделов милиции и КГБ. В городе вновь начали транслировать выступление А.И. Микояна. Командующий войсками Северо-Кавказского округа генерал И.А. Плиев издал приказ о введении в городе комендантского часа.

В 15 часов по радио выступил член Президиума ЦК КПСС Ф.Р. Козлов.

Обращаясь к населению Новочеркасска, Ф.Р. Козлов сослался на переговоры с группой «представителей, выделенных вами (то есть

с жителями города, тогда еще называть их «бандитами и хулиганами» не осмеливались. – *Авт.*) Они поставили вопрос о порядке в городе и на предприятиях. <...> Они попросили нас выступить по местному радио и выразить наше отношение к беспорядкам, которые чинят хулиганствующие элементы... После беседы с нами ее участники вернулись на улицу и пытались рассказать собравшимся о встрече с нами. <...> Группа представителей, которую мы принимали, заявила, что прекращение работы на заводе Буденного (электровозостроительном. – *Авт.*) и участие рабочих этого предприятия в беспорядках объясняется недостатками в нормировании труда, в работе торговой сети, а также повышением розничных цен на мясо и мясопродукты. <...>

Мы ответственно заявляем, что тщательно разберемся на месте с недостатками в установлении расценок на этих предприятиях, примем меры к улучшению торговли продуктами питания и широкого потребления».

Далее Ф.Р. Козлов пытался объяснить необходимость повышения цен на продукты животноводства. Он ссылаясь на трудности с финансированием сельского хозяйства, на необходимость обеспечить оборонные расходы, на последствия войны, на угрозу империализма и т. д.

Козлов уверял, что «эти меры временные, и они в ближайшие годы принесут хорошие результаты, и мы добьемся в нашей стране изобилия продуктов питания, снижения цен и повышения жизненного уровня».

В речи содержались многочисленные призывы к восстановлению порядка в городе, и заканчивалась она так: «Нормальный порядок в городе, несмотря ни на что, будет восстановлен. За работу, товарищи!».

И порядок был восстановлен. 23 человека – убиты, 49 – арестованы, 116 – привлечены к уголовной ответственности.

14 августа 1962 г. в Новочеркасске начался открытый судебный процесс над участниками волнений. Суд был коротким – 20 августа он уже завершился. 14 человек были признаны организаторами беспорядков: семеро получили различные сроки заключения – от 10 до 15 лет, остальных приговорили к высшей мере наказания. Кроме Б.Н. Мокроусова, были расстреляны А.Ф. Зайцев, М.А. Кузнецов, В.Д. Черепанов, А.А. Коркач, С.С. Сотников и В.Г. Шуваев.

Как водится, обвинительное заключение предварительно побывало в Президиуме ЦК КПСС и было утверждено до суда.

Судебные процессы над участниками волнений продолжались до начала ноября 1962 г.

* * *

Подведем некоторые итоги.

Новочеркасские события стали символом провала сельскохозяйственной политики КПСС. В Новочеркасске, на благодатном хлеботорном юге России, была расстреляна иллюзия возможности решения продовольственной проблемы в рамках социалистического сельского хозяйства, колхозно-совхозного строя, сохранявшегося под чутким руководством КПСС.

В те годы состоялась последняя в советское время схватка между партийным и государственным аппаратами, победу в которой одержал партийный аппарат. В стране утвердился *принцип партийного руководства* всеми государственными структурами. Утратили ключевые позиции такие ведомства, как Министерство внутренних дел, Министерство обороны, КГБ. Намного важнее, хотя и не такой явной, стала роль отделов аппарата ЦК КПСС.

Время действующих лиц уходило в прошлое. Наступало время действующего аппарата, «коллективного героя» советской истории 60-х – 70-х годов.

Очерк 6

Причины отставки Н.С. Хрущева

Наши цели ясны, задачи определены.
За работу, товарищи!

*Н.С. Хрущев. Из речи при закрытии
XXII съезда КПСС*

XXII съезд КПСС. Как зарыли Сталина. Хрущев и армия. У-2 в небе СССР. Угроза войны. Второй берлинский кризис. Куба: начало кризиса. Операция «Анадырь». Мир на грани войны. Кастро в конфликте. Послания: Хрущев – Кеннеди. Уроки кризиса. Реформы государственного и партийного аппарата. МВД и КГБ. Комитет партийно-государственного контроля ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Заговорщики

Отставка Н.С. Хрущева в октябре 1964 г. стала рубежом в политической истории страны. Традиционно ее принято считать завершением периода противоречивых, не слишком последовательных антисталинских реформ. Вместе с тем эта отставка стала результатом многих факторов, накапливавшихся в течение нескольких лет. Анализируя причины отстранения Хрущева от власти, необходимо, на наш взгляд, учитывать два уровня факторов. К первому следует отнести объективные процессы, происходившие в стране, подрывавшие влияние Хрущева как главы партии и государства. Ко второму – личные отношения, складывавшиеся между Хрущевым и представителями правящих элит – партийной, военной, промышленной.

Традицией КПСС было начинать каждый новый период своей истории с резкой критики состояния сельского хозяйства и с уверений, что уж на этот раз все проблемы будут решены, естественно, на путях дальнейшего укрепления колхозно-совхозного строя. Так было при Н.С. Хрущеве, при Л.И. Брежневе, так начинал М.С. Горбачев, создатель «продовольственной программы». Однако никогда партия так последовательно не занималась руководством сельским хозяйством, как во времена Н.С. Хрущева, и никогда провал сельскохозяйственной политики не был столь сокрушительным, как в этот период. Плачевный итог реформ, введение подзабытых карточек подорвали социальную базу поддержки Хрущева.

ХII съезд КПСС. Как зарыли Сталина. В октябре 1961 г. открылся XXII съезд КПСС. Заседания шли в только что выстроенном на территории Кремля громадном и роскошном Дворце Съездов. Задача съезда была амбициозной – принятие новой Программы КПСС и не просто программы – а программы построения коммунизма в СССР.

Съезд должен был стать триумфом Хрущева. С трибуны съезда рапортовали о подъеме промышленного производства, выросшего с 1956-го по 1961 г. почти на 80 %; о громадном приросте энергоресурсов, достижениях в космосе, в сельском хозяйстве...

Программа КПСС с точностью железнодорожного расписания сообщала, когда, как и какими путями в Советском Союзе будет построено коммунистическое общество. Состояние капиталистического мира характеризовалось как «разложение буржуазного строя». Предсказывалось «дальнейшее углубление его основных противоречий, нарастание непримиримого конфликта между производительными силами и производственными отношениями...». По мнению партийных аналитиков, капиталистический строй неизбежно должен был раздираться частым чередованием кратких экономических подъемов и длительных периодов застоя и падения производства.

Другое дело – социализм, переходящий в коммунизм. Согласно Программе КПСС этот переход должен был произойти на основе материально-технической базы социализма, которая, развиваясь и совершенствуясь, поднимется на новый, более высокий уровень и постепенно превратится в материально-техническую базу коммунизма. Строительство материально-технической базы коммунизма означало «полную электрификацию страны и совершенствование на этой основе техники, технологии и организации общественного производства во всех отраслях народного хозяйства»; комплексную механизацию и полную автоматизацию производственных процессов; высокий культурно-технический уровень трудящихся; значительное превосходство над наиболее развитыми капиталистическими странами по производительности труда, «что составляет важнейшее условие победы коммунистического строя»¹.

Программа КПСС обещала: построение материально-технической базы коммунизма позволит «обеспечить в Советском Союзе самый высокий жизненный уровень по сравнению с любой страной капитализма»².

¹ XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1962 года. Стенографический отчет. – М., 1962. Т. 3. С. 276–277.

² Там же. С. 295.

Осуществить эту задачу обещали через десять лет – к началу 70-х годов, достичь конечной цели планировалось в начале 80-х, через двадцать лет после принятия Программы.

«Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!» – на весь мир провозгласил Н.С. Хрущев.

На XXII съезде снова возникла тема Сталина. (Напомним: на XXI съезде его почти не вспоминали.) И вдруг она вновь зазвучала. И как! Сначала в выступлении председателя КГБ А.Н. Шелепина, нового фаворита Хрущева, затем – в заключительном докладе, прочитанном Хрущевым 27 октября 1961 г. Антисталинская часть доклада была четко дозирована. Здесь не было свойственного Хрущеву «потока сознания». Он говорил главным образом о прошлом – о 30-х годах, обвинил Сталина в убийстве Кирова, в разгроме армии в 1937 г.

Затем Хрущев вернулся к внутрипартийным делам. Он обрушился на недавних участников «антипартийной группы», обвинив их в личном участии в сталинском терроре. По его словам, против разоблачения культа личности Сталина «категорически возражали Молотов, Каганович, Маленков, Ворошилов и другие».

Таким образом, Хрущев повторил основные обвинения против Сталина и его окружения, высказанные им на XX съезде. Разница была в том, что, во-первых, этот доклад, в отличие от предыдущего, не был секретным, его широко публиковали СМИ; во-вторых, доклад был подготовлен намного тщательнее, чем прежний, прочитанный в 1956 г. перед делегатами XX съезда.

Хрущев явно эксплуатировал роль героического борца с культом личности, сокрушившего на этом пути участников «антипартийной группы». Фракционеров обвиняли в стремлении восстановить старые порядки, в том, что «антипартийная группа хотела поставить к руководству Молотова», и при нем, конечно, никаких разоблачений не было бы.

Антисталинская тема к тому времени стала своего рода политическим «коньком» Хрущева. Полагаем, что он неслучайно вернулся к ней именно в то время, когда в стране уже явственно обозначились провалы в области экономики, особенно в сельском хозяйстве. Поэтому Хрущев, провозгласив, с одной стороны, новую Программу КПСС и пообещав построить в 20 лет коммунизм, с другой стороны, демонстрировал стремление к «демократии в партии», способность «разобраться» с очередными противниками как со «сталинистами»¹.

¹ XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза... Т. 2. С. 564–592.

30 октября, на утреннем заседании съезда¹ председательствующий Н.М. Шверник предоставил слово первому секретарю Ленинградского обкома КПСС И.В. Спиридонову.

Тот напомнил, что Ленинград сильно пострадал от репрессий в 1934–1938 и в 1949–1950 гг., совершенных по прямому указанию Сталина или с его ведома и одобрения.

«В ходе обсуждения итогов XX съезда КПСС, – говорил Спиридонов, – на многих партийных собраниях и собраниях трудящихся Ленинграда уже тогда принимались решения о том, что пребывание тела тов. Сталина в Мавзолее Владимира Ильича Ленина, рядом с телом великого вождя и учителя мирового рабочего класса... несовместимо с содеянными Сталиным беззакониями. Сейчас вопрос о переносе тела Сталина из мавзолея В.И. Ленина коммунисты и беспартийные выдвигают все настойчивее и настойчивее». Спиридонов предложил переместить прах Сталина из Мавзолея В.И. Ленина в другое место и сделать это в кратчайшие сроки².

Следом за ленинградским секретарем обкома выступил П.Н. Демичев, первый секретарь Московского горкома партии. Его выступление было кратким и лишено чрезмерных эмоций. Он также потребовал вынести тело Сталина из Мавзолея. Отметим, однако, одну важную подробность. В собственном варианте текста выступления Демичева записано: «Когда слушали заключительную речь тов. Н.С. Хрущева, сердца заполнялись болью за то тяжелое, что пришлось пережить партии *в период культа личности*» (курсив мой. – Авт.)³. Последние слова при редактировании стенограммы Демичев аккуратнейшим образом вычеркнул плотной штриховкой, через которую едва просвечивает первоначальный текст. Вычеркнул в день своего выступления на съезде. Вряд ли это случайность. С 1965–1966 гг. из официальной пропаганды исчезнет понятие «период культа личности». Демичев, будущий участник свержения Хрущева, входивший в группу А.Н. Шелепина, уже тогда, в конце 1961 г., «подстраховался», убрав из текста крамольные слова.

За Демичевым выступал представитель компартии Грузии Г.Д. Джавахишвили. (Первый секретарь ЦК В.П. Мжаванадзе не решился выступать, очевидно, памятуя о беспорядках в Грузии 5–10 марта 1956 г.) Выступление Джавахишвили свелось, главным образом, к перечислению фамилий грузинских партийных деятелей, репрессированных Сталиным.

¹ РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 134.

² Там же. Л. 3–5.

³ Там же. Л. 15.

Затем слово предоставили Д.А. Лазуркиной – коммунистке с дореволюционным стажем, проводшей много лет в ГУЛАГе. В архиве сохранился проект ее выступления – аккуратная критика Сталина и противопоставление Сталина Ленину, густо пересыпанные благодарностями в адрес Н.С. Хрущева. Но на деле вышло по-другому. Сидя в зале, она лихорадочно что-то писала на обороте листов своего выступления. Говорила импульсивно, эмоционально и очень искренне. Цитирую по неправоленной стенограмме: «Помнится мне, как я уезжала из Женева от Ильича, полной одухотворения, моральной чистоты при виде образа Владимира Ильича Ленина, который так любил партию... И вот, товарищи, в 1937 году и меня постигла участь многих. Я была на руководящей работе в Ленинградском обкоме партии и, конечно, была арестована.

...Ни одной минуты – и когда я сидела два с половиной года в тюрьме, и когда меня выслали в лагерь, а после этого в ссылку, – я ни разу не обвиняла тогда Сталина. Я все время дралась за Сталина со всеми заключенными, высланными и лагерниками. Я говорила: “Не может быть, чтобы Сталин, наш Сталин-ленинец, допустил то, что творится в партии. Не может этого быть”. ...И вот я приехала в 1954 году полностью реабилитированная. Здесь впервые я поняла, как раз в тот момент, когда XX съезд проходил, когда я впервые узнала о том, что раскрыл XX съезд.

...А какой режим был создан при Сталине? *(При редактировании текста позже исправлено: А какая обстановка создавалась в 1937 г.?)*

Каждый клеветал друг на друга, каждый врал и клеветал на себя. Создавали списки. Эти списки ужасны! *(Отредактировано: Господствовал не свойственный нам, ленинцам, страх)!*

И я считаю, нашему хорошему, прекрасному Владимиру Ильичу, самому человечному человеку, нельзя быть рядом с человеком, со Сталиным, который, хотя и имел заслуги в прошлом, до 1934 года, но рядом с Лениным быть не может».

Хрущев. Правильно! (Бурные, продолжительные аплодисменты)¹.

После этого выступления, ставшего эмоциональной кульминацией заседания, первый секретарь ЦК компартии Украины Н.В. Подгорный внес проект Постановления XXII съезда КПСС. В нем говорилось:

«XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза постановляет:

1. Мавзолей на Красной площади у Кремлевской стены, созданный для увековечения памяти Владимира Ильича ЛЕНИНА – бессмертного

¹ РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 134. Л. 27–33.

основателя Коммунистической партии и Советского государства, вождя и учителя трудящихся всего мира, именовать впредь:

Мавзолей Владимира Ильича ЛЕНИНА.

2. Признать нецелесообразным дальнейшее сохранение в Мавзолее саркофага с гробом И.В. Сталина, так как серьезные нарушения Сталиным ленинских заветов, злоупотребления властью, массовые репрессии против честных советских людей и другие действия в период культа личности делают невозможным оставление гроба с его телом в Мавзолее В.И. Ленина¹.

Голосование было единогласным.

Ночью 31 октября 1961 г. в обстановке строгой секретности прах Сталина был вынесен из Мавзолея и захоронен у Кремлевской стены... Памятник над его могилой поставят только в 1970 г. Но это уже другая история...

На съезде Хрущев преподнес номенклатуре крайне неприятный подарок. В новом Уставе КПСС, принятом XXII съездом, вводились ограничения на занятие выборных должностей. Так, в статье 25 было записано: «При выборах партийных органов соблюдается принцип систематического обновления их состава и преемственности руководства».

На практике это означало: состав ЦК и Президиума ЦК КПСС, а также состав ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов на очередных выборах должен обновляться на одну треть; состав райкомов и горкомов — наполовину, а в один партийный орган можно быть избранным не более трех раз².

Это стало трагедией для номенклатуры основного — районного — партийного звена. И если раньше Хрущев воспринимался партаппаратом как гарант стабильности, защитник от террора, то теперь он становился опасным разрушителем только еще складывавшейся стабильности. При всех дополнениях, уточнениях и разъяснениях, сохранявших возможность повлиять на итоги выборов, принцип сменяемости и обновления партийных кадров дамокловым мечом повис над головой партноменклатуры.

Через месяц, выступая перед слушателями Высшей партийной школы при ЦК КПСС и рассказывая об итогах XXII съезда, «второй» секретарь ЦК КПСС Ф.Р. Козлов был встречен партийными чиновниками с нескрываемым раздражением. В многочисленных записках они требовали, в лучшем случае, чтобы партийные учебные заведения давали им, кроме партийного, обычное «гражданское» высшее образо-

¹ РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 134. Л. 39–41. См. также: XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Т. 3. С. 362.

² XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Т. 3. С. 344.

вание, так как не верили в возможность продолжить работу в партийном аппарате. В худшем – «второго» секретаря ЦК атаковали за несправедливость принципа сменяемости. Когда Козлов огрызнулся, сказав, что «вовремя уйти (с партийной работы. – *Авт.*) тоже уметь надо», то услышал в ответ: «Надо принять постановление – ограничить время работы тов. Хрущева!»¹.

Противники Хрущева становились сторонниками Сталина, приспособившая сталинизм к задачам «текущего момента». По всей стране на лобовых стеклах грузовиков появились изображения усатого вождя в погонах...

Сталин становился мифом, пригодным для проявления протеста в разных формах. Борец за единомыслие превратился в символ недовольства. Тем и живуч этот миф...

Хрущев и армия. Отношения Хрущева и армии никогда не были безоблачными. На них лежала тень огромного сокращения Вооруженных Сил страны. При очевидной необходимости такого решения, вызванного невозможностью держать армию фактически военного времени (на 1 марта 1953 г. в штате армии числилось 5 396 038 человек)², было ясно, что резкое ее сокращение в течение 1955–1958 гг. на 2140 тыс. человек³ больно ударит по судьбе офицерского корпуса. Так и получилось. Сокращение затронуло боевые части, органы управления, военно-учебные заведения, промышленные и ремонтные предприятия.

Сокращение породило брожение в армии. Офицеры вспоминали о начале Отечественной войны и говорили в своем кругу: «Как бы нам не досокращаться, как в 1941 году». Прослужившие много лет офицеры выбрасывались в гражданскую жизнь зачастую без профессии, без пенсии, без возможности найти работу. Как информировали ЦК КПСС в июне 1956 г. маршал И.С. Конев и генерал-полковник А.С. Желтов, «в Одесской области... до сих пор не трудоустроено 329 офицеров, уволенных из Армии в прошлом году, из них 120 человек не имеют права на пенсию»⁴. Положение не улучшилось и спустя два года. КГБ сообщал в «инстанцию», что при перлюстрации почты военнослужащих Забайкальского военного округа только за одну неделю, с 12 по 17 февраля 1958 г., было выявлено более ста писем, в которых офицеры осуждали и сокращение Вооруженных Сил, и то, как оно

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 459. Л. 206, 208.

² См.: Военные архивы России. – М., 1993. Вып.1. С. 283.

³ См.: Правда. 1960. 15 января.

⁴ Там же. С. 292.

происходит. Вот одно из писем: «...Уже который раз мы находимся под страхом этих мероприятий, но теперь не миновала и нас эта кампания. Наша дивизия расформируется. Из нашего полка (пока по слухам) останется всего 5 человек, т. е. почти все будут уволены в запас... Мы, надо сказать, одеты и обуты, но ты бы посмотрела, как у нас демобилизуются офицеры, у которых по 2–3 детей, ни одежды, ни денег, ничего нет, и увольняют без пенсии, не хватает 1,5–2 лет. Настроение у всех ужасное. Сейчас просто повальная демобилизация. К чему бы это?»¹.

Массовые сокращения осложняли управляемость армии. Уходили в отставку молодые офицеры, недавние выпускники училищ, боявшиеся связывать с армией свою судьбу, газеты печатали бодрые репортажи о том, как уничтожают новейшую авиационную технику; солдаты и сержанты криками «ура!» встречали очередные сообщения о планируемом сокращении армии, надеясь на скорую демобилизацию; в армии падала дисциплина.

Поддержка Хрущева на июльском (1957 г.) Пленуме ЦК маршалом Г.К. Жуковым, самым популярным советским военачальником, сыгравшая решающую роль в подавлении «антихрущевского бунта», продемонстрировала партийному руководству потенциальную возможность армии вмешиваться в политическую жизнь страны. Жуков стал опасен Хрущеву, и тот поспешил избавиться от маршала, заменив его бесцветным Р.Я. Малиновским.

Отставка Жукова еще больше осложнила отношения Хрущева с офицерским корпусом. Дом Жукова стал своего рода центром антихрущевской оппозиции в армии – оппозиции не столько политической, сколько нравственной. Жуков, скорый на язык, не подбирал выражений для оценки нового руководства Министерства обороны, министра он называл подхалимом, человеком угодничающим, «а такие сейчас как раз и нужны...»². Малиновский, по мнению Жукова, «предоставил свободу действий начальнику Главного Политического Управления генералу армии Голикову, а последний разваливает армию». Доставалось и армейским политработникам. «В газете “Красная звезда”, – продолжал Жуков, – изо дня в день помещают статьи с призывами поднимать и укреплять авторитет политработников и критиковать командиров. В результате такой политики армия будет разложена»³. Стоит ли говорить, что Жукова постоянно подслушивали

¹ Правда. 1960. 15 января. С. 301–302.

² Военные архивы России. Вып. 1. С. 233.

³ Там же. С. 226.

(при Хрущеве это делалось не хуже, чем при Сталине) и регулярно доносили на него первому секретарю ЦК КПСС.

Опальный маршал считал неразумным вкладывать огромные деньги в освоение космоса, его раздражали богатые подарки, которые вручали иноземным визитерам. В этом случае он был готов даже помянуть добром Сталина, который «приемов... не так много делал, подарки... никому не давал, кроме своего автографа на книге...»¹.

Особая тема – отношение Жукова к истории войны. Собственно говоря, историей Отечественная война к тому времени еще не стала. Многие «действующие лица» войны превратились в политических деятелей, и в официальной историографии войны, и в первых мемуарах, которые начали издаваться, история войны служила полигоном для выяснения отношений. Пример тому – использование Хрущевым военных воспоминаний в «секретном докладе» на XX съезде КПСС.

Хрущев использовал историю Великой Отечественной войны для личного прославления, а может быть, таким было его понимание войны, где самыми важными представлялись события, в которых ему довелось участвовать. Иногда это принимало уродливые и комичные формы. Достаточно сказать, что в изданных в 1961 г. трех томах «Истории Великой Отечественной войны», рассказывающих о событиях с июня 1941 г. до Курского сражения 1943 г., имя Хрущева, члена Военного Совета фронта, упоминается на 96 страницах, Верховного Главнокомандующего Сталина – на 85-ти, маршала Рокоссовского – на 16-ти, маршала Конева – на 10-ти, а Жукова – на 11 страницах.

Нетрудно представить отношение Жукова к такой «истории». «Лакрированная эта история, – говорил он близким друзьям. – Я считаю, что в этом отношении описание истории, хотя тоже извращенное, но все-таки более честное у немецких генералов, они правдивее пишут. А вот История Великой Отечественной войны абсолютно неправдивая»². Жуков по-своему продолжал борьбу с Хрущевым. «... А самое главное умалчивается. Он же (Хрущев. – *Авт.*) был Членом Военного Совета Юго-Западного направления. Меня можно ругать за начальный период войны. Но 1942 год – это же не начальный период войны. Начиная с Барвенкова, Харькова, до самой Волги докатился. И никто ничего не пишет. А они вместе с Тимошенко драпали. Привели одну группу немцев на Волгу, а другую группу на Кавказ. А им были подчинены Юго-Западный фронт, Южный фронт. Это была достаточная сила...»³. Жуков высказался и по другой теме, тщательно замалчи-

¹ Военные архивы России. Вып. 1. С. 233.

² Там же. С. 234.

³ Там же.

вавшейся официальной советской историографией, – о роли союзников. «Вот сейчас говорят, что союзники никогда нам не помогали... Но ведь нельзя отрицать, что американцы нам гнали столько материалов, без которых мы бы не могли формировать свои резервы и не могли бы продолжать войну... Получили 350 тысяч машин, да каких машин!.. У нас не было взрывчатки, пороха. Не было чем снаряжать винтовочные патроны. Американцы по-настоящему выручили нас с порохом, взрывчаткой»¹.

27 июля 1959 г. было принято постановление Совета Министров СССР № 876 о пенсиях военнослужащим и их семьям. Это постановление вызвало новый взрыв недовольства в армии. Пенсии сократили, возможность выслужить военную пенсию затруднили. Напомним, что это решение принималось в условиях продолжавшегося сокращения Вооруженных Сил. На получение пенсии могли рассчитывать военнослужащие, достигшие 40-летнего возраста. Однако после окончания войны прошло всего 14 лет и большинству офицеров, начинавших службу в военные годы, было к этому времени менее сорока. «Дослужить до пенсии не дадут», – возмущались в своем кругу офицеры.

Массовое недовольство офицерского состава выразилось в призывах бастовать, завалить ЦК рапортами и, как предлагал один офицер-десантник, написать письма протеста и во время дивизионных учений бросить их с воздуха. Вспоминали Сталина, и то, что «всем помогаем»: «В Египте плотину строим, Ирану помогаем, а у себя ремни подтягиваем». Были раздражены и военные пенсионеры-отставники, у которых в одночасье пенсии стали меньше².

В августе того же 1959 года скончался генерал Крюков (тот, который был близок маршалу Жукову в годы войны, за что и поплатился вместе со своей женой, Лидией Руслановой, арестом и ссылкой). На поминках по Крюкову были и Жуков, и Буденный. Оба ругали это постановление, Жуков добавил к тому же, что если бы он был министром, то не допустил бы принятия такого постановления³.

В сентябре 1959 г. на пленарном заседании XIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН Советский Союз внес на рассмотрение Декларацию о всеобщем и полном разоружении. Программу всеобщего и полного разоружения предлагалось провести в жизнь в сравнительно короткий срок согласованными последовательными этапами. Уже на первом этапе предусматривалось существенное сокращение вооруженных сил государств, в том числе СССР, США и КНР, – до уровня

¹ Военные архивы России. Вып. 1. С. 234.

² См.: там же. С. 227–228.

³ См.: там же. С. 226.

1 700 тыс. человек, Англии и Франции – до 650 тыс. человек для каждой страны, а также сокращение вооружений и военной техники. На втором этапе предлагалось завершить ликвидацию вооруженных сил и вооружений обычного типа, на третьем – уничтожить все виды ядерного, ракетного, химического и бактериологического оружия. Вся эта программа должна была быть реализована, согласно советским предложениям, в течение четырех лет. Хотя эта программа и получила одобрение в резолюции Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1959 г., нетрудно видеть ее идеалистический, наивный расчет: нерационально было заставить разоружиться не только США, но и Китай, ощутимо ухившийся «в отрыв» от СССР, а также Англию и Францию, имевших свою самостоятельную политику, свои амбиции¹.

Единственным практическим результатом этого предложения стало решение Верховного Совета СССР, принятое 15 января 1960 г., о новом значительном сокращении армии – на 1 млн 200 тыс. человек, что составляло примерно треть ее общей численности².

У-2 в небе СССР. 1960–1961 гг. стали временем неудач внешнеполитических инициатив СССР.

1 мая 1960 г. произошло событие, повлиявшее на срыв предстоящей встречи глав правительств СССР, США, Англии и Франции в Париже по германскому вопросу. В этот день над Свердловском был сбит американский самолет-разведчик У-2. Информация о том, что американский самолет смог беспрепятственно пролететь над половиной страны, стала для жителей Советского Союза шоком. Более того, одновременно с заявлением Хрущева, что американский самолет был сбит первой ракетой³, прошло сообщение, что полеты самолетов-разведчиков через всю страну носили более или менее регулярный характер.

Обстоятельства «необъявленного конфликта» в небе СССР основательно изучены участниками тех событий – А.С. Орловым и Г.А. Михайловым. План «открытого неба» (предусматривавший взаимную воздушную инспекцию вооружений государств, которые подписали бы такое соглашение) был предложен еще в 1955 г. президентом США Д. Эйзенхауэром, но был отвергнут советским правительством.

¹ См.: История внешней политики СССР. 1917–1985. 5-е изд., переработанное и дополненное. – М., 1986. Т. 2. С. 328–331.

² См.: Там же. С. 332.

³ Жители миллионного Свердловска и его пригородов видели во время Первомайской демонстрации, как в небо ушли несколько ракет; я видел это собственными глазами. Почти сразу же распространились сведения (позже подтвержденные), что одной из первых ракет был сбит советский самолет, шедший на перехват У-2. – *Прим. авт.*

Попытка договориться с американцами стала, напомним, одной из причин отставки маршала Жукова. Однако отказ от планов совместной инспекции не перечеркнул намерений США проводить авиационную разведку территории СССР. Положение осложнялось тем, что США в то время располагали значительным числом стратегических бомбардировщиков, способных нанести ядерный удар по городам и военным объектам Советского Союза.

Президент Эйзенхауэр разрешил А. Даллесу в июне 1956 г. начать разведывательные полеты над СССР. Отряд самолетов У-2, дислоцировавшийся в Западной Германии, начал проводить фотографирование важных в военном отношении объектов на территории СССР. Съемки велись с высоты 20 тыс. м. Фотографии имели исключительно высокое качество, на них можно было прочесть хвостовые номера советских бомбардировщиков, стоящих на земле.

Советские радиолокационные станции обнаруживали и вели самолеты-разведчики, но средства ПВО не могли их сбить. На протесты СССР американская сторона не реагировала.

Таким образом американцы получали важные сведения о советской ракетной программе, дислокации объектов ядерной промышленности, других составляющих военного потенциала СССР.

Власти отдавали себе отчет о степени ущерба, наносимого полетами У-2 национальной безопасности СССР. Для политического руководства страны стало делом принципа, государственного престижа прекратить эти полеты.

Решающим этапом необъявленной «воздушной войны» стала весна 1960 г. Незадолго до описываемых событий, в сентябре 1959 г., Н.С. Хрущев посетил США, встречался с президентом Д. Эйзенхауэром. Визит прошел мирно, неконфронтационно. Эйзенхауэр должен был приехать в Москву в июне 1960 г., на 16 мая 1960 г. в Париже было запланировано совещание глав правительств четырех держав – США, СССР, Англии и Франции.

Однако американская сторона продолжила разведывательные полеты, что было воспринято в Кремле как вероломство. 9 апреля 1960 г. радиолокационными средствами Туркестанского военного округа (к тому времени часть высотных самолетов-разведчиков перевели из ФРГ в Турцию и Пакистан) был зафиксирован самолет-разведчик, направлявшийся к семипалатинскому ядерному полигону, затем – к полигону зенитных ракетных войск Сары-Шаган, оттуда – к полигону стратегических ракет Тюра-Там и через г. Мары ушедший в Иран.

Попытки помешать полету провалились. У ПВО имелись технические средства сбить разведчика, но из-за ведомственной неразберихи

Парад начало 60-х гг.

время было упущено. За этот провал наказали многих генералов и офицеров ПВО. Делом занимался сам Хрущев.

Вторжение утром 1 мая 1960 г. самолета У-2, летевшего на предельной высоте по маршруту Пешавар (Пакистан) – Аральское море – Свердловск – Киров – Архангельск – аэродром Будё (Норвегия), стало испытанием для войск ПВО. Хрущев потребовал любой ценой сбить самолет.

У-2 вошел в зону действия зенитного ракетного дивизиона близ Свердловска. Первая ракета, запущенная с боевых позиций, разрушила хвост и крылья самолета, не затронув кабины. Пилот Ф. Пауэрс успел катапультироваться. Но на командном пункте дивизиона не поверили в удачу и произвели еще несколько пусков. Одной из ракет был сбит советский истребитель, его пилот – старший лейтенант С. Сафронов погиб. Гибель летчика несколько десятилетий оставалась засекреченной.

Госдепартамент США, не имевший сведений о том, что случилось под Свердловском, и не подозревавший, что летчик жив и сдался в плен, распространил информацию о потере гражданского самолета, возможно, случайно вторгшегося в воздушное пространство СССР.

Хрущев начал играть с американским руководством в «кошки-мышки». 5 мая на сессии Верховного Совета он сообщил, что сбит самолет-разведчик, умолчав, что в распоряжении советских властей оказались и пилот, и важные детали сбитой машины. 7 мая, после того

как Госдепартамент подтвердил версию о пропаже гражданского самолета, Хрущев сделал сенсационное заявление о том, что летчик жив и находится в СССР, что обнаружено шпионское оборудование самолета.

Президент Д. Эйзенхауэр подтвердил, что сбитый У-2 был самолетом-разведчиком, и заявил, что подобные полеты будут продолжены¹.

Этот инцидент обострил советско-американские отношения накануне четырехсторонней встречи в Париже. Хрущев, по словам его помощника по международным делам А.М. Александрова-Агентова, потребовал, чтобы Эйзенхауэр принес ему извинения и признал свою ответственность за полет, а иначе он, Хрущев, с американским президентом встречаться не будет и в совещании участия не примет. Эйзенхауэр извиняться отказался, и все попытки Макмиллана и де Голля, поочередно посещавших поссорившихся лидеров, уговорить их все же собраться и начать работу успеха не имели. Совещание, на которое возлагалось столько надежд, было сорвано².

Международная обстановка стала стремительно осложняться. Был отменен визит Эйзенхауэра в СССР. Вместо самолетов-разведчиков Соединенные Штаты, а потом и СССР, стали применять спутники-шпионы.

В СССР инцидент под Свердловском вызвал не столько гордость ракетчиками, защищающими страну, сколько тревогу. Оказывается, американцы летают у нас над головами! А что мешает им применить ядерное оружие? Появились очередные анекдоты, составлявшие неотъемлемую часть жизни времен Хрущева. Один из них излагал события так: «Английско-американский шпион Пеньковский передал врагам все планы советских ракетных установок, но советский Генштаб потерял ракетный дивизион, застрявший в лесу под Свердловском. Пауэрс летел по плану Генштаба, и поэтому попал в беду, нарвавшись на штабную ошибку. Советская Армия непобедима!».

Угроза войны. Переговоры СССР со своими союзниками по Второй мировой войне – США, Англией и Францией – по вопросам германского мирного урегулирования, прошедшие в 1959 г. в Женеве, также оказались для Советского Союза неудачными. Требования СССР нейтрального статуса Германии, ее неучастия в будущем в военных блоках и отсутствия на ее территории военных баз, были отклонены как «чрезмерно жесткие».

¹ Подробнее см.: Михайлов Г.А., Орлов А.С. Тайны «закрытого неба» // Новая и новейшая история. 1992. № 6. С. 96–110.

² Александров-Агентов А.М. От Коллонтай до Горбачева: Воспоминания дипломата, советника А.А. Громыко, помощника Л.И. Брежнева, Ю.В. Андропова, К.У. Черненко, М.С. Горбачева. – М., 1994. С. 106.

Внешнеполитические неудачи СССР проходили на фоне укрепления военного потенциала США. На вооружение американской армии поступили твердотопливные стратегические ракеты «Минитмен», которые могли быть приведены в боевую готовность в течение нескольких минут в отличие от советских ракет, заправлявшихся жидким топливом. Подводный флот США получил баллистические ракеты «Поларис», имевшие радиус действия почти вдвое больший, чем их советские аналоги¹. Увеличилось число американских атомных ракетных подводных лодок, находящихся на боевом дежурстве². В строй вводились новые жидкостные межконтинентальные баллистические ракеты «Атлас». Их количество значительно превосходило число аналогичных советских ракет.

Американские военные базы, расположенные, по существу, вдоль всей границы СССР, позволяли приблизить носители ядерного оружия к советской территории, не создавая вместе с тем непосредственной угрозы территории Соединенных Штатов. С 1959 г. началось интенсивное развертывание ракет средней дальности в Турции, Великобритании, Италии. Особенно серьезную угрозу представляли ракеты, размещаемые в Турции, из-за их весьма незначительного подлетного времени до жизненно важных центров Европейской части СССР. Одновременно с этим возросла численность сухопутных войск, ВМС, авиации США³, продолжалось их техническое совершенствование.

Советские люди старшего поколения, вероятно, помнят плакат, который должен был пропагандировать предложения Хрущева по взаимному разоружению СССР и стран НАТО. Демобилизованный солдат, изображенный на плакате, обращался к американским солдатам со словами: «Я отслужил, а вы?». Но призыв с плаката услышан не был: на Западе не забыли, что Хрущев прилюдно обещал «закопать» капитализм!

Второй берлинский кризис. С 1961 г. конфронтация Советского Союза с США и странами НАТО еще более усилилась. В августе 1961 г. после консультаций СССР с государствами-участниками Варшавского Договора было принято решение о начале строительства Берлинской стены.

В ночь на 13 августа 1961 г. вооруженные силы и полиция ГДР перекрыли границу с Западным Берлином. Советские войска в ГДР были

¹ См.: *Хрущев С.Н.* Никита Хрущев: Кризисы и ракеты. – М., 1994. Т. 2. С. 153.

² См.: *Путилин Б.Г., Шепова Н.А.* На краю пропасти: Карибский кризис 1962 года. – М., 1994. С. 13.

³ См.: там же. С. 14–15.

приведены в состояние полной боевой готовности. Началось сооружение Берлинской стены, которая отделила бывшие зоны оккупации союзников. Таким образом, столицей ГДР стала часть Берлина, входившая в советскую зону оккупации.

Берлинская стена стала зримым символом «железного занавеса», разделившего мир на два враждебных лагеря.

Берлинский кризис имел давнюю историю. Его истоки коренились в послевоенном урегулировании. В 1956–1957 гг., после нормализации отношений СССР и ФРГ, советский МИД разрабатывал идею создания германской конфедерации в составе ФРГ и ГДР как шага на пути к укреплению европейского мира и воссоединения Германии, свободной от милитаризма и участия в военных блоках. Таким образом, автоматически решалась и проблема Берлина. Руководство ГДР не возражало. Идея встретила определенную поддержку в США. Но официальный Бонн категорически воспротивился этому, и канцлер ФРГ К. Аденауэр навязал союзникам по НАТО свою волю¹.

Попытки урегулировать берлинскую проблему предпринимались неоднократно, но без особого успеха. Казалось, дело сдвинулось с мертвой точки при встрече Н.С. Хрущева с Д. Эйзенхауэром в Кэмп-Дэвиде в 1959 г. Американский президент признал сложившееся положение в Западном Берлине «ненормальным» и выразил принципиальное согласие провести переговоры по этой проблеме в мае 1960 г. в Париже на встрече глав государств, имевших оккупационные войска в Берлине. После инцидента с У-2 встреча сорвалась, а вместе с ней – и возможность выработать условия заключения мирного договора с двумя германскими государствами.

Время шло, и предложения об объединении Германии при условии ее демилитаризации (инициатором которых еще в 1953 г. стал Берия) уже невозможно было реанимировать. Начался процесс интеграции Западной Германии в НАТО.

В установлении границы между двумя частями Берлина было заинтересованно руководство ГДР. Дело в том, что многие жители восточного Берлина работали в западной его части, получая заработную плату в бундсмарках и обменивая их на марки ГДР по спекулятивному курсу 1 к 4. Продовольственные товары в Восточном Берлине были дешевле, чем в Западном, что тоже создавало проблемы. Но опаснее было другое – непрекращавшееся бегство жителей ГДР в ФРГ.

В 1961 г. в Вене состоялась встреча Н.С. Хрущева с новым американским президентом Дж. Кеннеди. Однако переговоры по германскому вопросу сразу же зашли в тупик.

¹ См.: Александров-Агентов А.М. Указ. соч. С. 100–101.

Кеннеди настаивал на сохранении status quo, Хрущев предупреждал, что, если договоренности с США не будут достигнуты, СССР в одностороннем порядке не позднее декабря 1961 г. заключит мирный договор с ГДР. В этом случае Западный Берлин окажется окруженным со всех сторон землями ГДР, и прежние договоренности о транспортных коридорах из Западной Германии в Западный Берлин будут отменены. Так могла начаться новая, вторая после 1948 г., блокада Западного Берлина. На возражения и протесты Кеннеди Хрущев ответил в свойственной ему манере: «Если вы развяжете войну из-за Берлина, то уж лучше пусть сейчас будет война, чем потом, когда появятся еще более страшные виды оружия»¹.

Это безответственное и провокационное, по сути, заявление усугубило и без того напряженную ситуацию.

СССР и США оказались на грани войны. Для прорыва блокады Западного Берлина американская сторона предполагала использовать танки. В случае возникновения военного конфликта США допускали возможность применения ядерного оружия против советских баз в ГДР.

Выход был найден. Граница между двумя зонами Берлина была перекрыта, началось сооружение заграждений – сначала проволоочных, а затем и бетонной стены. Статус Западного Берлина остался неизменным. Стена строилась на земле Восточной Германии. 5 августа, давая первому секретарю СЕПГ В. Ульбрихту санкцию на закрытие границы, Хрущев предостерег его против каких-либо акций, затрагивавших территорию Западного Берлина или пути доступа туда из ФРГ, предупредив: «Ни одного миллиметра дальше». Для того чтобы эта мера не расценивалась как установление блокады, правительство ГДР заявило: «Само собой разумеется, что эти меры не должны затронуть существующий порядок движения и контроля на путях между Западным Берлином и Западной Германией»².

После появления Берлинской стены советско-американский конфликт из военно-политического превратился в идеологический. Каждая из сторон высказала все, что в этом случае полагалось: Кеннеди объявил себя жителем Западного Берлина, Хрущев заявил о защите германского социалистического государства.

Таким образом, обе сверхдержавы признали фактическое положение, завершившее раздел последнего не поделенного послевоенными соглашениями города Европы.

¹ Корниенко Г.М. Холодная война. Свидетельство ее участника. – М., 1995. С. 60–63.

² Там же. С. 70.

Отдельная тема – судьба немцев, которых на несколько десятилетий разделила стена. Вряд ли она стала бы лучше, если бы в порыве гнева США и СССР обменялись ядерными ударами на немецкой земле...

Залихватские выходы Хрущева и угрозы применить ядерное оружие вызвали неоднозначное отношение у его коллег по руководству. Они испугались. И запомнили...

Куба: начало кризиса. Новым звеном конфронтации между США и СССР стал кубинский ракетный кризис 1962 г. Для внешней политики СССР кубинское направление было новым. Борьба за власть между Ф. Батистой и его противником Ф. Кастро, развязавшим партизанскую войну, рассматривалась в Москве как сугубо внутреннее дело Кубы. Кастро конца 50-х годов не был замечен в симпатиях к коммунистическим идеям. Куба занимала одно из первых мест в Латинской Америке по объему капиталовложений США¹. На заключительном этапе борьбы с диктатурой Батисты США заняли нейтральную позицию². Старые кубинские коммунисты с недоверием относились к Фиделю Кастро, обвиняя его в проамериканских симпатиях³. Однако в Москву поступали сведения о том, что отношения между Кастро и правительством США сложнее и противоречивее, чем было принято считать.

В феврале 1960 г. состоялся визит А.И. Микояна на Кубу. Поводом послужило открытие там советской выставки. Первая возможность для члена Президиума ЦК КПСС, ветерана политического руководства СССР, непосредственно познакомиться с лидерами кубинской революции привела к резкому изменению политики Советского Союза в отношении Кубы. Выяснилось: кубино-американские противоречия зашли настолько далеко, что США уже фактически начали экономическую блокаду острова, прекратив закупки сахара и поставку нефтепро-

А.И. Микоян и Ф. Кастро на открытии советской выставки.

¹ См.: Путилин Б.Г., Шепова Н.А. Указ. соч. С. 19.

² См.: там же. С. 22.

³ См.: Хрущев С.Н. Указ. соч. С. 59–60.

Ф. Кастро и А.И. Микоян в Гаване. 1960 г.

дуктов¹. Это создавало возможность для политического и экономического сотрудничества между Кубой и СССР. По соглашению, заключенному в ходе визита А.И. Микояна, СССР взял обязательство в течение пяти лет закупать по 5 млн тонн сахара ежегодно, обеспечивать Кубу бензином и нефтью и предоставить ей кредит на сумму 100 млн долларов.

В свою очередь 17 марта 1960 г. президент Эйзенхауэр подписал секретную директиву о подготовке отрядов кубинских эмигрантов для вторжения на Кубу². Месяцем позже, в апреле в кубинском порту был взорван французский теплоход с грузом бельгийского оружия, закупленного кубинским правительством

для своей армии. Этот террористический акт подтолкнул Ф. Кастро обратиться к Н.С. Хрущеву с просьбой о поставке оружия. Советское правительство согласилось. Дважды, 9 и 16 июля 1960 г., СССР предупреждал администрацию США о готовности оказать Кубе необходимую помощь, в том числе и военную.

Куба стремительно превращалась в советско-американское «яблоко раздора». Для США Куба была традиционной сферой влияния, объектом экономических, политических и военных интересов; для советского руководства – «островом Свободы», бросившим вызов американскому империализму, зримым свидетельством торжества коммунистических идей, распространявшихся по всему миру, а поддержка кубинской революции – реализацией на практике принципа социалистического интернационализма. Появление в Гаване режима, близкого СССР, несомненно, становилось фактором оказания давления на администрацию США.

Во второй половине 1960 г. интенсивные контакты между советским и кубинским руководством продолжились. В сентябре 1960 г.

¹ Алексеев А.И. Карибский кризис: как это было // Карибский кризис 1962 г. в архивных документах России, США и Кубы: анализ, итоги, уроки: Международная научная конференция. Москва. 1994 г. Доклады и тезисы докладов. – М., 1994. С. 294–295. (Далее: Тезисы докладов конференции).

² См.: Путилин Б.Г., Шепова Н.А. Указ. соч. С. 23.

состоялась первая встреча Ф. Кастро и Н.С. Хрущева. Она произошла в Нью-Йорке, куда оба прибыли для участия в заседании XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Хрущев сам приехал в Гарлем, в маленькую гостиницу «Тереза», где остановился лидер кубинской революции. В ходе этого визита в США, запомнившегося тем, что Хрущев ботинком стучал по трибуне ООН, возник своего рода «психологический союз» между двумя лидерами, вызывавшими очевидную неприязнь американских политических кругов. В ноябре 1960 г. Москву посетил Эрнесто Че Гевара. В результате достигнутых договоренностей на Кубу была направлена группа советских военных специалистов во главе с генералом А.А. Дементьевым¹. На Остров свободы поступило современное советское артиллерийское и минометное вооружение, бронетехника, началась подготовка военных специалистов для кубинской армии².

Однако американское правительство не собиралось мириться с утратой своего влияния на Кубу. Единственный способ восстановить положение США видели в свержении правительства Кастро, в связи с чем стали разрабатываться планы военного вторжения на остров. Особая роль отводилась кубинским эмигрантам. В ноябре 1960-го началось формирование так называемой десантно-штурмовой бригады 2506, которая должна была стать ударной группировкой во время высадки американских войск на Кубу. За основу была взята структура штатной американской бригады в составе четырех пехотных, мотопехотного, парашютно-десантного батальонов, батальона тяжелого оружия и других подразделений³. Бригада комплектовалась из числа кубинцев-эмигрантов и должна была действовать в контакте с американскими войсками.

Курс на свержение правительства Кастро был продолжен новой администрацией США. 4 апреля 1961 г. Совет национальной безопасности под председательством президента Дж. Кеннеди принял решение о подготовке операции «Плутон» по вторжению на Кубу весной 1961 г. Директор ЦРУ А. Даллес и его заместитель генерал Р. Биссел обосновали необходимость проведения операции по захвату части территории Кубы. Группе вторжения нужно было продержаться 72 часа, после чего к острову должны были подойти американские военные части. Корабли Атлантического флота США с авиацией и морской пехотой заранее были сосредоточены у кубинских берегов⁴.

¹ См.: Грибков А.И. Разработка и осуществление плана операции «Анадырь» // Тезисы докладов конференции. С. 24–25.

² См.: Путилин Б.Г., Шенова Н.А. Указ. соч. С. 24.

³ См.: там же. С. 24.

⁴ См.: там же. С. 24–25.

В соответствии с этим планом 17 апреля 1961 г. кубинские эмигранты высадились на Кубу в районе Плайя-Хирон¹. Однако выполнить поставленную задачу – создать плацдарм, закрепиться, вызвать антикастровское восстание на острове – они не смогли. Уже 19 апреля 1961 г. группировка была разгромлена.

Летом 1961 г. напряженность в отношениях между США и СССР возросла. Напомним, в центре конфликта оказалась берлинская проблема. 1 августа 1961 г. в состоянии боевой готовности были приведены 65 частей и подразделений американских ВВС². Усилилось военное противостояние. Советские и американские танки стояли в нескольких метрах друг против друга. Шло испытание нервов. Уровень военной конфронтации повышался.

В сложившейся обстановке военное сотрудничество Советского Союза и Кубы наполнялось новым смыслом. Противостоять американскому вторжению на Кубу становилось важной политической задачей советского руководства. 4 августа между СССР и Кубой был заключен договор о поставке военного снаряжения на 48,5 тыс. долл, из которых Куба должна была вернуть только 6 000 тыс.³. 30 сентября того же года был подписан второй, более крупный договор о поставках вооружений. Его суммарная стоимость составила 149 550 тыс. долларов, из которых Куба должна была выплатить только 67 550 тыс. По обоим договорам правительству Кастро предоставлялся кредит на 10 лет из расчета 2 % годовых.

СССР обязывался поставлять стрелковое оружие, легкие пехотные орудия, артиллерийские системы, танки и бронетранспортеры, средства связи, радиолокационные станции, многоцелевые истребители МиГ-15 и бомбардировщики Ил-28, транспортные самолеты, вертолеты, аэродромное оборудование. Военно-морские силы Кубы получали торпедные катера и противолодочные суда. Предусматривалось обучение кубинских специалистов⁴.

Правительство США, в свою очередь, не собиралось отказываться от идеи свержения Кастро, в том числе и военными методами. В Вашингтоне приступили к разработке плана «Мангуста». Этот правительственный проект предусматривал экономическую блокаду, политическую изоляцию, организацию внутренней подрывной деятельности,

¹ См.: Грибков А.И. Разработка и осуществление плана операции «Анадырь» / Тезисы докладов конференции. С. 24–25.

² См.: там же. С. 28.

³ Мелиан П.Г. Меры кубинского правительства по обеспечению государственной безопасности в ответ на подготовку прямого вооруженного вторжения США. Соглашения и военные договоры между Кубой и СССР в 1961 и 1962 гг. / Тексты докладов конференции. С. 169.

⁴ См.: там же. С. 169–170.

террористические планы устранения политических лидеров, прежде всего Фиделя Кастро, военное вторжение. Начальная фаза разработки проекта датируется 30 ноября 1961 – 18 января 1962 г.¹ При Совете национальной безопасности была создана Особая расширенная группа (SAG), которую возглавили генерал М.Д. Тейлор и генеральный прокурор Р. Кеннеди.

План «Мангуста» разрабатывали и уточняли в течение первой половины 1962 г. Приказ о его реализации подписал Дж. Кеннеди. Операция должна была завершиться в октябре 1962 г. свержением кубинского режима. «В своем стремлении к свержению указанного правительства Соединенные Штаты применят, – отмечалось в правительственном документе США, – максимум местных, внутренних и внешних ресурсов, хотя они признают, что для окончательного успеха потребуется решительное военное вмешательство Соединенных Штатов»².

На Кубу регулярно забрасывались диверсионные отряды. В американской прессе была развернута антикубинская кампания; под давлением США в январе 1962 г. Куба была исключена из Организации американских государств, вопреки попыткам Мексики, Чили, Уругвая и Боливии помешать этому. В феврале 1962 г. президент Кеннеди подписал закон о торговой блокаде Кубы.

Военная операция против Кубы была разработана в документах 312–62, 314–62, 316–62. По оперативному плану 312–62 предполагалось нанесение удара с воздуха по кубинской территории самолетами тактического авиационного командования ВВС, базовыми и палубными самолетами авиации ВМФ США с мест постоянной дислокации. Принятыми немного позже планами 314–62 и 316–62 предусматривались мероприятия по пятидневной огневой подготовке силами авиации ВВС и ВМС и корабельной артиллерии, высадка морского и воздушного десанта. Силы десанта должны были составить 5 дивизий сухопутных войск и две дивизии морской пехоты. В первом эшелоне десанта предполагалось иметь четыре армейские дивизии и одну дивизию морской пехоты. Первоначальный срок операции составлял максимум 18 дней, позднее сроки были сокращены. Предполагалось установить морскую и воздушную блокады, создание американской военной администрации. Ограничительным условием проведения операции «Мангуста» могла стать только угроза мировой войны³.

¹ Мелиан П.Г. Указ. соч. С. 28–29.

² История октябрьского кризиса 1962 г. Операция «Мангуста» / Тезисы докладов конференции. С. 157.

³ См.: Путилин Б.Г., Шепова Н.А. Указ. соч. С. 30.

К концу июля 1962 г. основные приготовления для реализации плана «Мангуста» были завершены.

Остается неизвестным, знало ли советское руководство об этом плане. Однако, если точных разведывательных данных о подготовке вторжения на Кубу у СССР и не было, то политические планы американской администрации секрета не составляли. Недавнее неудачное вторжение кубинских эмигрантов, за которыми стояли США, свидетельствовало о возможности повторения таких попыток. Непрерывная «антикастровская» кампания в прессе, фактическое начало экономической блокады – все это говорило о стремлении американской администрации устранить правительство Фиделя Кастро. Однако в условиях продолжавшейся холодной войны локальный конфликт, развиваясь по своей собственной логике, превращался в глобальный, выходя на уровень военно-политического противостояния СССР и США. На новом этапе развития военной техники, переоснащения армий ракетно-ядерным оружием появление на Кубе правительства, стремившегося к укреплению военных связей с Советским Союзом, открывало для политического руководства СССР возможность уравновесить угрозу, исходившую от бомбардировочной авиации НАТО, от ракет США, находившихся на американских базах в Турции и Италии.

18 мая 1962 г. Совет обороны СССР провел предварительное обсуждение возможности размещения на Кубе советских войск, имевших на вооружении ракетно-ядерную технику. 24 мая Генштаб подготовил записку о создании на Кубе группы войск¹. В конце мая вопрос о размещении советских ракет на Кубе обсуждался на расширенном заседании Президиума ЦК. Советский посол на Кубе А.И. Алексеев вспоминал, что на этом совещании он впервые услышал о планах размещения ракет на Кубе. Хрущев спросил Алексеева, как к этому может отнестись Кастро. «Я ответил, что Фидель вряд ли согласится, поскольку он строит свою стратегию защиты революции на укреплении солидарности мирового и особенно латиноамериканского общественного мнения, а установка ракет неминуемо лишит Кубу этой поддержки и приведет ее к политическому проигрышу на мировой арене. Против моего заявления довольно резко выступил маршал Р.Я. Малиновский, явно показав, что установка ракет на Кубе служит не только защите Кубы, но, прежде всего, интересам обороноспособности СССР»².

¹ См.: Грибков А.И. Разработка и осуществление плана «Анадырь» / Тезисы докладов конференции. С. 350–353.

² Алексеев А.И. Карибский кризис: как это было / Тезисы докладов конференции. С. 296–297.

На этом заседании Хрущев заявил, что для предотвращения американского вторжения на Кубу надо найти такое средство устрашения, которое удержало бы США от осуществления их планов и поставило бы Кубу в фокус мировой политики. Американцы должны поверить, что, нападая на Кубу, они будут иметь дело не только с одной непокорной страной, но и со всей мощью Советского Союза. Таким средством устрашения могло стать только ядерное оружие. Хрущев подчеркнул, что такая операция не преследует цель развязывания ядерной войны, а является лишь средством сдерживания агрессора. По его мнению, это не создаст непосредственной угрозы военного конфликта, так как прагматичные американцы не отважатся на безрассудный риск, точно так же, как мы сейчас ничего не можем предпринять против американских ракет, нацеленных на СССР из Турции, Италии и ФРГ. Установка советских ракет на Кубе восстановит паритет США и СССР, и мы сможем разговаривать с американцами как равноправные партнеры. Успех операции будет зависеть от сохранения секретности наших действий по размещению ракет до приведения их в полную боевую готовность, – говорил Хрущев.

Никто из советских руководителей, как отмечал А.И. Алексеев, не возражал против планов Хрущева, все они считали, что для СССР, окруженного военными базами, появление советских ракет на Кубе практически уравнивало угрозу ядерного риска обеих стран. (Лишь Громыко сомневался в возможности обеспечить скрытность переброски через океан ракет и войск)¹. Комментируя итоги заседания, Алексеев заметил: «Мы не предусмотрели никаких альтернативных вариантов в случае обнаружения американцами ракет до того, как они будут приведены в боевую готовность».

Для проведения консультаций с кубинским руководством и в случае положительного ответа подготовки плана размещения советских войск на Кубу была направлена делегация. В ее состав вошли кандидат в члены Президиума ЦК КПСС Ш.Р. Рашидов, командующий ракетными войсками маршал С.С. Бирюзов и советский посол А.И. Алексеев. Поездка была «прикрыта» вопросами сотрудничества Кубы и СССР в области сельского хозяйства, именно поэтому делегацию возглавил первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Ш.Р. Рашидов. Маршала Бирюзова именовали «инженером Петровым», специалистом по сельскому хозяйству. Вспоминая о переговорах, которые начались сразу после прибытия советской делегации в Гавану 29 мая 1962 г., А.И. Алексеев писал: «Все мы были уверены в том, что Фидель не

¹ Алексеев А.И. Указ. соч. С. 296–297.

даст согласия»¹. Однако Кастро проявил заинтересованность в размещении ракет.

После этого события начали развиваться в ускоренном темпе. 10 июня 1962 г. на заседании Президиума ЦК состоялось обсуждение отчета Рашидова о поездке на Кубу. Именно тогда были приняты конкретные решения о проведении операции по переброске советских войск на Кубу.

Операция «Анадырь». Мероприятия по созданию Группы советских войск на Кубе (ГСВК) предусматривали переброску морским транспортом войск из портов Северного, Баренцева, Балтийского и Черного морей под видом стратегических учений. Планировалось создать группировку войск численностью 51 тыс. человек. Эта операция получила кодовое название «Анадырь», выбранное в целях дезинформации. (Анадырь – река, впадающая в Баренцево море и одноименный порт, центр Чукотского округа.)

Разработка и осуществление операции «Анадырь» предполагала:

- соблюдение секретности операции и распространение дезинформации;

- строгое ограничение круга лиц, допущенных к планированию операции;

- отсутствие информации об операции для всех союзников по Варшавскому Договору;

- подготовку в большом количестве судов гражданского флота под любым предлогом для использования их вместо военных транспортов (всего было использовано 85 судов, совершивших 183 рейса);

- информирование личного состава воинских подразделений об участии в стратегических учениях, для подкрепления этой информации на корабли грузили полушубки, валенки, лыжи;

- полное отсутствие всех видов связи для личного состава, прибывшего в порт отправки;

- осуществление связи с Генштабом особо секретным шифром и через лично ответственных представителей Генштаба и Главных штабов;

- переодевание личного состава в гражданскую одежду во время морского перехода;

- использование периодической печати при проведении дезинформации: публикацию статей о туристах, следующих на Кубу и т. п.;

- подготовку 7-м Управлением Главного Политического Управления Советской Армии справочного материала для командного состава

¹ Алексеев А.И. Карибский кризис... С. 297.

ва, включавшего данные по всем «горячим точкам», существовавшим тогда в мире (Египту, Кубе, Индонезии, Пакистану, Индии); после объявления подлинного маршрута следовало оставить только сведения о Кубе, другие документы – сжечь;

- выдачу капитанам уходящих судов карт всего Мирового океана, а также пакетов № 1 и № 2, которые следовало в указанные сроки вскрыть в море;

- погрузку на палубу судов только такой техники, которая внешне напоминала сельскохозяйственную;

- пребывание личного состава в трюмах при проходе проливов и при встрече с кораблями в море;

- отказ, по возможности, от услуг иностранных лоцманов;

- отправку самолетами рекогносцировочных (передовых) групп под видом специалистов по сельскому хозяйству, которых встречали представители министерства сельского хозяйства Кубы;

- проведение разгрузки судов с личным составом и техникой на Кубе только в ночное время¹.

Особые меры предосторожности были разработаны для перевозки ракет и ядерных боеголовок. Предполагалось, что при возникновении угрозы корабли должны быть взорваны и затоплены.

Со 2 по 16 июля 1962 г. в Москве находился «второй человек» на Кубе – Рауль Кастро. Он встречался с Н.С. Хрущевым и министром обороны СССР Р.Я. Малиновским. Во время переговоров была продолжена доработка договора о сотрудничестве между Кубой и СССР. Стороны парафировали проект договора. Новый договор отменял долги кубинской стороны и гарантировал бесплатную поставку на Кубу вооружений и боеприпасов в течение двух лет². В начале августа проект договора был вручен Фиделю Кастро, который сделал ряд дополнений международно-правового характера. В сентябре Э. Че Гевара привез отредактированный Фиделем Кастро текст Н.С. Хрущеву, который принял все замечания кубинского лидера. Речь шла уже не только о «защите национальной территории Кубы», но и об «установлении военного сотрудничества и взаимной обороне».

Проект договора учитывал возможность пребывания советских войск на Кубе. Советские воинские подразделения должны были на-

¹ См.: Грибков А.И. Разработка и осуществление плана операции «Анадырь» / Тезисы докладов конференции. С. 350–353.

² Мелиан П.Г. Меры кубинского правительства по обеспечению государственной безопасности в ответ на подготовку прямого вооруженного вторжения США. Соглашения и военные договоры между Кубой и СССР в 1961 и 1962 гг. / Тезисы докладов конференции. С. 170.

ходиться в подчинении своих правительств, однако юридически они подчинялись кубинским законам. Соглашение планировалось на 5 лет с правом его денонсации¹.

Тайная установка ракет стала, несомненно, политическим просчетом Хрущева. Подготовленные и парафированные тексты договора о военном сотрудничестве и взаимных обязательствах между Кубой и СССР были аналогичны соглашениям, подписанным США и Турцией о размещении американского ракетно-ядерного оружия на турецкой территории. Международно-правовой прецедент существовал, и готовящееся советско-кубинское соглашение вполне ему соответствовало. Более того, открытое заключение такого соглашения, *предшествовавшее* установке советского ракетного вооружения на Кубе, делало возможным оказание дипломатического давления на администрацию США в вопросах обеспечения безопасности Кубы, взаимного ослабления военного присутствия у границ СССР и США. Однако Хрущев, любитель шумных политических демонстраций, хотел подписать договор в ноябре 1962 г. во время своего визита на Кубу, продемонстрировать возрастающую мощь СССР фактом наличия советских ракет на Кубе в непосредственной близости от США.

В июле 1962 г. в Гавану прибыл генерал армии И.А. Плиев, назначенный командующим Группой советских войск на Кубе. Плиев – кавалерист, командовавший в годы Великой Отечественной войны кавалерийскими и конно-механизированными группировками, с 1958 г. – командующий войсками Северо-Кавказского военного округа. Выбор Плиева в качестве командующего был обусловлен, скорее всего, тем, что он имел опыт управлением войсками в условиях горного и субтропического климата.

Американская администрация в свою очередь продолжала подготовку планов вторжения на Кубу. 10 августа 1962 г. в Вашингтоне на заседании SAG было принято решение об осуществлении расширенного «варианта В» – организации подпольной деятельности на Кубе с целью спровоцировать восстание как повод для вторжения². В январе–августе 1962 г. на Кубе было проведено 5780 подрывных акций, в том числе 716 на крупных промышленных предприятиях³.

В течение августа–сентября 1962 г. советский флот перевозил на Кубу военную технику, личный состав. На Кубе была создана мощная советская военная группировка, включавшая в себе сухопутные, авиа-

¹ См.: Алексеев А.И. Карибский кризис: как это было / Тезисы докладов конференции. С. 298.

² См.: История октябрьского кризиса 1962 г. Операция «Мангуста» / Тезисы докладов конференции. С. 157.

³ См.: там же. С. 158.

ционные и морские соединения. 16 сентября из Североморска вышел дизель-электроход «Индиголка» с ядерными боеприпасами на борту¹. Следом за ним шел сухогруз «Александровск» с аналогичным грузом.

Учитывая возможность нападения Генеральный штаб обратился к Хрущеву с предложением повысить оборонительные возможности гражданских судов, перевозящих на Кубу личный состав и военное снаряжение: помимо мер по обеспечению безопасности экипажа (личное оружие), предполагалось оснастить каждое транспортное судно, следующее на Кубу, двумя 23-мм спаренными зенитными установками с боезапасом по два боекомплекта (2400 снарядов) для борьбы с воздушными целями на дальности до 2 500 м при высотах до 1 500 м и с надводными легкобронированными целями на расстоянии до 2000 м. Надлежало вооружить 34 судна, дать инструкции капитанам и начальникам воинских эшелонов по защите транспортных судов от пиратских действий самолетов, надводных кораблей, подводных лодок США и кубинских контрреволюционеров во время пути².

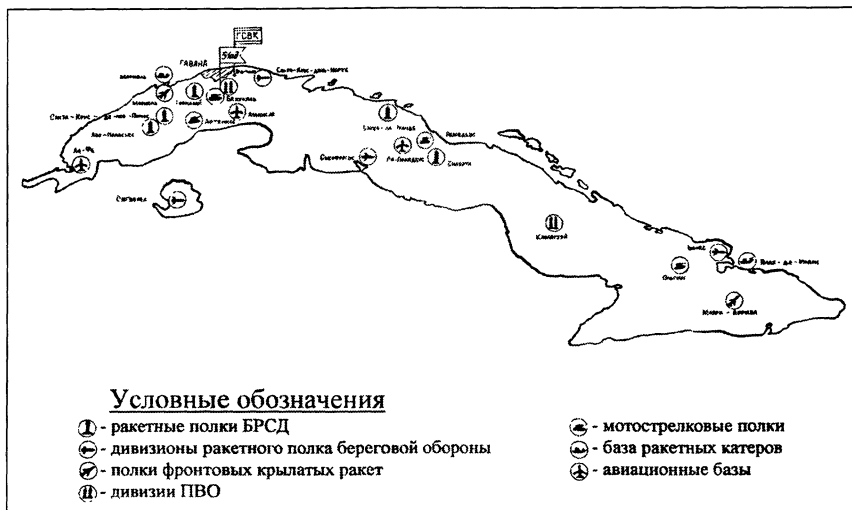
У капитанов гражданского флота это предложение энтузиазма не вызвало. В соответствии с морскими обычаями наличие пушек превратило бы их суда в военные корабли со всеми вытекающими из этого последствиями. Юридически суда гражданского флота оказывались боевыми, не приобретая, по существу, серьезных возможностей обороняться.

В составе Группы советских войск на Кубе предполагалось иметь значительные силы Военно-Морского Флота: эскадру подводных лодок, эскадру надводных кораблей, бригаду ракетных катеров, ракетный полк «Сопка», морской торпедный авиационный полк и отряд судов обеспечения. Всего на Кубе предполагалось развернуть 11 подводных лодок (в том числе 7 ракетных), 2 крейсера, 4 эскадренных миноносца (из них 2 ракетных), 12 ракетных катеров «Комар», 6 пусковых установок «Сопка», 33 бомбардировщика Ил-28 и 5 вспомогательных судов.

На Кубу были отправлены полк бомбардировщиков Ил-28 и бригада ракетных катеров типа «Комар». В общей сложности на остров было доставлено 34 крылатые ракеты. Переброска эскадры надводных кораблей, предусмотренная планом «Анадырь», была отменена решением Совета обороны СССР в конце сентября. Эскадра подводных

¹ См.: Выступление Н.К. Белобородова на международной конференции «Карибский кризис 1962 г. в архивных документах России, США и Кубы: анализ, итоги, уроки» в Москве, 1994 г. (Далее – Конференция в Москве в 1994 г.)

² Центральный архив Министерства обороны РФ. Ф. 16. Оп. 3753. Д. 1. Л. 116–117.

Дислокация советских войск на Кубе, сентябрь 1962 г.

лодок также не была развернута. 7 дизельных ударных подводных лодок обеспечивали морские перевозки войск и грузов на Кубу¹. Имелись проблемы с использованием легких бомбардировщиков Ил-28. По штату полк должен был иметь 42 самолета. Эти машины отправили на остров в контейнерах, но к началу кризиса собрали только шесть.

Ракетные войска стратегического назначения на Кубе состояли из 43-й ракетной дивизии (командир – генерал-майор И.Д. Стаценко) в составе пяти ракетных полков, в том числе трех полков ракет Р-12 (радиус действия до 2300 км) и двух – ракет Р-14 (радиус действия до 5000 км). Каждому полку было придано по одной ремонтно (ракетно)-технической базе с боевыми ядерными зарядами; автономное существование ракетной базы было рассчитано на 2–3 года.

В конце сентября 1962 г. на Кубу через порты Баия-Онда, Мариэль и Касильда прибыли ракеты Р-12². 4 октября в порт Мариэль зашла «Индирикка» с грузом ядерных боеприпасов для этих ракет³. К 20 октября ядерные боеприпасы, доставленные «Индириккой», прошли про-

¹ См.: Вартаков В. Советский военно-морской флот и Карибский кризис / Тезисы докладов конференции. С. 20–24.

² См.: Акоста Т.Д. Роль Кубы в развертывании группировки советских войск в стране. Позиция Кубы в отношении возможности секретного развертывания этих сил / Тезисы докладов конференции. С. 188.

³ См.: Выступление Н.К. Белобородова на конференции в Москве в 1994 г.

верку и были доставлены на ремонтно-(ракетно) технические базы воинских частей¹.

К началу кризиса (22 октября) было завезено 60 ядерных боеприпасов (до 1 мегатонны) к ракетам Р-14; 80 ядерных боеголовок к крылатым ракетам; шесть бомб по 5–6 килотонн к самолетам Ил-28; тактические ракеты по 2 килотонны к шести пусковым установкам «Луна»; ядерные боеприпасы к шести морским пусковым установкам.

Всего на Кубе находилось 164 ядерные боеголовки².

Управление ядерными силами, по словам генерал-лейтенанта Н.К. Белобородова (в те дни – полковник, начальник Объекта «С» № 713 Министерства обороны СССР, руководитель оперативной группы специалистов-ядерщиков на Кубе), осуществлялось следующим образом: Центр (московское руководство) непосредственно управлял Объектом «С» – ремонтно (ракетно)-техническими базами, силами которых осуществлялась транспортировка, охрана и подготовка к боевому применению ядерного оружия; в свою очередь, Объект «С» взаимодействовал с частями боевого применения уже вне зависимости от рода войск. Перемещение ядерных боеприпасов между Объектом «С» и боевыми частями осуществлялось только по приказанию Центра. Это подтверждается телеграммой Р.Я. Малиновского от 22 октября 1962 г. Объект «С» взаимодействовал с 10 ремонтно (ракетно)-техническими базами, находившимися на Кубе – Ракетных войск, ВВС, Сухопутных войск и ВМФ.

Однако и сегодня между советскими ветеранами, участниками кубинского кризиса, ведутся жаркие споры о том, имело ли руководство Группой советских войск право самостоятельно применять ядерное оружие. По мнению уже упомянутого Н.К. Белобородова, а также генерала Л.С. Гарбуза, советские войска на Кубе были лишены этого права. Иную точку зрения отстаивает генерал армии А.И. Грибков, в то время представитель Генерального штаба в Группе советских войск. По его сведениям, существовало устное указание Н.С. Хрущева командующему группировкой генералу армии И.А. Плиеву применить ядерное оружие самостоятельно, если это диктовалось бы создавшейся ситуацией или в случае утраты связи с Центром. Это указание было оформлено приказом Генштаба от имени министра обороны маршала Р.Я. Малиновского командующему советской группировкой на Кубе Плиеву. Однако Малиновский отказался подписать завизированный приказ, поэтому при отправке Плиев вновь получил от Хру-

¹ См.: Выступление Н.К. Белобородова на конференции в Москве в 1994 г.

² Выступление А.И. Грибкова на конференции в Москве в 1994 г.

щева устное указание самостоятельно применять ядерное оружие в зависимости от ситуации¹.

Всего на Кубе к началу кризиса находилось около 43 тысяч советских военнослужащих. ГСВК была ориентирована на противостояние вооруженным силам США. В ее состав вошли Ракетные войска стратегического назначения, Противовоздушные войска, Сухопутные войска, Военно-Морской Флот, Военно-Воздушные Силы, тыловые части обеспечения. Проводилась работа по подготовке основных и запасных стартовых площадок, казарм, хранилищ, дорог.

США не смогли достоверно оценить масштабы советского военного присутствия. По американским разведанным, численность советских войск на Кубе в сентябре–октябре 1962 г. оценивалась в 4–4,5 тыс. человек; в ноябре, после уточнения данных, – в 12–16 тыс. человек, в начале 1963 г. – в 22 тыс. человек. Сведениями о наличии ядерных боеприпасов на Кубе (тактических ядерных боеприпасов к ракетным установкам «Луна», для фронтовых крылатых ракет, авиационных бомб) американская сторона не располагала до 1992 г., не было данных и о том, что на Кубу доставлены ядерные боеголовки для ракет Р-12 и Р-14. Американская разведка считала, что боеголовки находились на теплоходе «Полтава», который не дошел до Кубы из-за блокады².

Мир на грани войны. Резкая активизация перевозок на Кубу не могла не привлечь внимания. Поэтому 11 сентября 1962 г. было опубликовано Заявление ТАСС, в котором говорилось, что СССР оказывает поддержку Кубе в военной области, но «Советскому Союзу не требуется перемещать в какую-то другую страну, например, на Кубу, имеющиеся у него средства для отражения агрессии, для ответного удара. Наши ядерные средства являются настолько мощными по своей взрывной силе, и Советский Союз располагает настолько мощными ракетоносителями этих ядерных зарядов, что нет нужды искать место для их размещения где-то за пределами Советского Союза»³.

В изучении истории кубинского кризиса есть еще один аспект, представляющийся исключительно важным: знала ли высшая администрация США о доставке и начале развертывания ракет на Кубе до 14 октября 1962 г., когда самолет-разведчик У-2 впервые сфотографировал эти ракеты. Можно утверждать, что такая информация у президента Кеннеди имелась. Во-первых, летом 1962 г. значительно акти-

¹ Из дискуссии на конференции в Москве в 1994 г.

² См.: Амосов И.А. Некоторые аспекты деятельности разведывательных органов США в период Кубинского кризиса / Тезисы докладов конференции. С. 361–362.

³ Известия. 1962. 11 сентября.

визировались средства американской электронной разведки. Во-вторых, и советская, и кубинская сторона были убеждены, что скрыть факт размещения ракет на Кубе невозможно. Кубинские эмигранты, перебежавшие в США, не могли не замечать масштабных работ по перемещению ракет, строительству стартовых площадок, мер по соблюдению особой секретности и т. д. На американцев работал полковник О.В. Пеньковский, непосредственно связанный с ракетным оружием. Обратим внимание на знаменательное совпадение – он был арестован 22 октября, в день, когда президент Кеннеди объявил по телевидению о наличии советских ракет на Кубе¹. Да и сам Хрущев несколько раз проговаривался о возможности ответных мер – установки ракет на острове в противовес размещению американских ракет в Турции. На наш взгляд, администрация США сознательно сдерживала распространение подобных сведений².

4 сентября 1962 г. президент США сделал заявление, из которого следовало, что американская администрация считает оружие, поставляемое СССР на Кубу, оборонительным. Позиция президента вызвала сомнения у американских законодателей. 17 сентября в сенате обсуждался вопрос о положении на Кубе и военных приготовлениях к вторжению на остров. 19 сентября Администрация США, в свою очередь, представила президенту специальный разведывательный доклад «Наращивание советского военного присутствия на Кубе», в котором утверждалось, что СССР не может разворачивать на Кубе ракеты средней и промежуточной дальности, так как это не соответствует существующей советской практике и политике³.

Полагаем, что ожидаемая реакция американского общества на известие о размещении советских ракет на Кубе становилась фактором внутривнутриполитической борьбы в США накануне промежуточных выборов. Президент Кеннеди и его ближайшие сотрудники сознательно сдерживали эту информацию, точно рассчитывая момент ее обнародования в расчете на максимальный политико-психологический эффект, полностью менявший роль США в кубинском конфликте (из потенциального агрессора США превращались в жертву советского вероломства).

¹ См.: *Хрущев С.Н.* Указ. соч. С. 192–196.

² Существует и иная точка зрения: американская разведка проиграла в соперничестве с советской военной машиной, не представила администрации США необходимых данных, совершила ряд грубых ошибок при анализе информации в период с июля по октябрь 1962 г. В частности, см.: *Амосов И.А.* Некоторые аспекты деятельности разведывательных органов США в период Карибского кризиса / Тезисы докладов конференции. С. 357–367.

³ См.: там же. С. 365.

Продолжающееся замалчивание СССР и Кубой вопроса о дислокации ракет на Острове Свободы создавало исключительно благоприятные условия для администрации США. Вовремя опубликованная информация о происках Советов должна была стать более эффективным средством воздействия на американцев и мировое общественное мнение, чем прямое военное вмешательство в кубинские дела (что не исключало последнее).

В октябре 1962 г. обстановка вокруг Кубы стала быстро ухудшаться. Информация о советских ракетах, несмотря на примиряющие заявления советских и американских руководителей, продолжала распространяться. 10 октября сенатор Китинг публично обвинил правительство США в бездеятельности в то время, когда СССР сооружает на Кубе военные базы, оснащенные ракетами средней дальности¹. Американский сенатор не ошибался: установка ракет Р-12 на острове завершалась. В Кремле выжидали: в середине ноября во время своего визита на Кубу первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев должен был сообщить миру, что в сотне миль от границ США установлены советские ракеты...

Однако первым удар нанес Вашингтон, нанес вовремя и точно. Как мы уже упоминали, 14 октября 1962 г. американский самолет-разведчик У-2 произвел фотографирование территории Кубы. На следующий день расшифрованные фотографии были представлены президенту и руководству ЦРУ. Доказательства размещения ракет были бесспорными. Кеннеди решил использовать полученную информацию максимально эффективно.

18 сентября 1962 г. состоялась беседа министра иностранных дел СССР А.А. Громыко с президентом Дж. Кеннеди. Беседа продолжалась долго – 2 часа 20 минут. В центре обсуждения стоял вопрос о Кубе. Обе стороны не слишком затрудняли себя обязанностью говорить о своих истинных намерениях. «Кто серьезно может поверить, что Куба представляет угрозу для США? – заявил Громыко. – <...> Что касается помощи Советского Союза Кубе, то, как Советское правительство заявляло, и мне поручено подтвердить это вновь, наша помощь преследует исключительно цели содействия обороноспособности Кубы и развитию ее мирной экономики. Ни промышленность, ни сельское хозяйство Кубы, ...ни обучение советскими специалистами кубинского персонала обращению с некоторыми оборонительными видами оружия (курсив мой. – Авт.) не могут представлять угрозу – ни для кого». Отметим, Громыко произносил эту тираду в те дни,

¹ См.: Хрущев С.Н. Указ. соч. С. 247.

когда на Кубе завершалось строительство пусковых установок для советских ракет.

Кеннеди вторил ему с той же степенью «искренности»: «... Правительство США не имело никаких намерений предпринять агрессию против Кубы. Но вдруг господин Хрущев, не поставив меня в известность об этом, начал бурными темпами увеличивать поставки оружия Кубе, хотя с нашей стороны не существовало никакой угрозы, которая вызывала бы в этом необходимость. <...> Советскому Союзу, заявил Кеннеди далее, известно наше мнение о нынешнем режиме на Кубе. Мы считаем, что было бы лучше, если бы там существовало другое правительство. Но мы не имеем никаких намерений нападать на Кубу»¹. И это говорилось в то время, когда завершалась подготовка к вторжению на остров; в октябре 1962 г. должна была начаться реализация плана «Мангуста» – плана свержения правительства Кастро.

Для советской стороны убаюкивающе прозвучали слова Дж. Кеннеди о том, что «правительство США верит заявлениям Советского правительства об оборонительном характере поставляемого на Кубу вооружения»².

Обратим внимание на важное обстоятельство: в ходе беседы Громыко и Кеннеди вопрос о советских ракетах не обсуждался, так как такого вопроса американская сторона не задавала: для Кеннеди важнее было сохранить элемент внезапности дипломатического наступления.

Наступление началось 22 октября 1962 г. В 19 часов по вашингтонскому времени по всем радио- и телевизионным станциям Соединенных Штатов Америки прозвучало заявление, сделанное Дж. Кеннеди. Президент заявил о вероломстве Советов, установивших ракеты на Кубе, об опасности, нависшей над США, и о необходимости дать отпор. Кеннеди объявил о введении «строжайшего карантина с целью помешать доставке на Кубу всякого рода наступательного оружия». Досмотру подлежали все корабли, шедшие на остров. Президент сообщил, что по его указанию вооруженные силы США приведены в состояние повышенной боевой готовности, началась эвакуация семей военнослужащих с американской военной базы Гуантанамо, расположенной на Кубе. Кеннеди заявил, что США требуют созыва Совета Безопасности Организации Объединенных Наций. Следующим утром президент издал директиву № 196 о создании под его председательством Исполнительного комитета Совета национальной безопасности

¹ Три беседы с Дж. Ф. Кеннеди: Памяти выдающегося американца // Международная жизнь. 1993. № 9. С. 113–116.

² Там же. С. 115.

по оперативному руководству страной в кризисной ситуации¹. Вечером того же дня пришло сообщение, что американские ракеты на базах в Турции подготовлены к запуску.

За час до запланированного выступления президента (в 18 часов по вашингтонскому времени) в посольство СССР в США был передано Послание Дж. Кеннеди Председателю Совета Министров СССР Н.С. Хрущеву. Текст Послания был резким, в нем говорилось о готовности США использовать все средства для того, чтобы ликвидировать советское военное присутствие в западном полушарии.

В документе сообщалось: «Во время наших обсуждений и обмена мнениями по Берлину и другим международным вопросам больше всего меня беспокоил один момент, а именно: возможность того, что Ваше правительство не поймет волю и решительность Соединенных Штатов в какой-нибудь конкретной ситуации, поскольку я не допускаю, что Вы или любой другой здравомыслящий человек преднамеренно толкнет в наш ядерный век мир в войну, которую, как это абсолютно ясно, ни одна страна не может выиграть и которая может привести лишь к катастрофическим последствиям для всего мира, включая и агрессора. <...> Именно для того, чтобы избежать какой-либо неправильной оценки со стороны Вашего правительства того, что касается Кубы, я публично заявил, что, если на Кубе произойдут определенные события, Соединенные Штаты предпримут все, что надлежит предпринять для защиты своей собственной безопасности и безопасности их союзников.

Более того, конгресс принял резолюцию, выражающую его поддержку этой провозглашенной политики. Несмотря на это, на Кубе продолжалось быстрое развитие баз ракет дальнего действия и других систем наступательного оружия. Должен сказать Вам, что Соединенные Штаты полны решимости, чтобы эта угроза безопасности данного полушария была устранена»².

К словам президента Кеннеди советское руководство отнеслось со всей серьезностью. Уже на следующий день (если учитывать разницу во времени, то в тот же день, когда в Москву поступила информация из Вашингтона), 23 октября в 16 часов по Всесоюзному радио было зачитано Заявление Советского Правительства. В ответ на «провокационные» и «агрессивные» действия правительства США, говорилось в Заявлении, приказано:

¹ Хрущев С.Н. Указ. соч. С. 265, 269–270.

² 30 лет карибского ракетного кризиса 1962 г. (1962–1992). Российско-американская публикация // Международная жизнь. 1992. Специальный выпуск. С. 8–10.

«1. Задержать увольнение в запас из Советской Армии военнослужащих старших возрастов в Ракетных войсках стратегического назначения, в войсках противовоздушной обороны и на подводном флоте.

2. Прекратить отпуска всему личному составу.

3. Повысить боеготовность и бдительность во всех войсках».

Было сообщено, что приняты меры повышения боеготовности войск Варшавского Договора¹.

Заявление читал Ю. Левитан, знаменитый советский диктор, голосом которого советское правительство говорило со страной во времена Великой Отечественной войны. Его появление в эфире после позывных «Широка страна моя родная...» почти всегда означало, что произошло что-то исключительно важное. Думаю, не было в стране человека, который, слушая Левитана, не понял бы, что СССР оказался на грани войны с США, и грань эта очень тонка...

После выступления Дж. Кеннеди на Кубу пришла телеграмма от министра обороны СССР Р.Я. Малиновского, который приказывал Группе советских войск в связи с ожидавшейся агрессией США принять все меры к повышению боевой готовности и к отражению противника совместно с кубинской армией всеми своими силами, за исключением средств генерала Стаценко (ракеты) и всех грузов генерала Белобородова (ядерные боеголовки)². Вместе с тем осуществить отражение возможной интервенции без применения ядерных средств было бы весьма проблематично: ядерные боеприпасы находились в распоряжении всех родов дислоцированных на Кубе войск и являлись основой военной мощи ГСВК. В условиях практически неизбежной утраты связи с войсками в обстановке ширококомасштабных боевых действий ядерное оружие могли применить и моряки, и летчики и, конечно, ракетчики.

Также за час до оглашения по Всесоюзному радио Заявления Советского Правительства послу США в Москве вручили Послание председателя Совета Министров СССР Н.С. Хрущева президенту США Дж. Кеннеди. В кратком (и поэтому несвойственном для Хрущева) Послании говорилось: «Только что получил Ваше письмо, а также ознакомился с текстом Вашего выступления 22 октября в связи с Кубой. Должен откровенно сказать, что намеченные в Вашем заявлении меры представляют собой серьезную угрозу миру и безопасности народов. <...> Заявление Правительства Соединенных Штатов Америки нельзя оценить иначе как неприкрытое вмешательство во

¹ См.: Хрущев С.Н. Указ. соч. С. 274.

² См.: Алексеев А.И. Карибский кризис: как это было / Тезисы докладов конференции. С. 300.

внутренние дела Кубинской Республики, Советского Союза и других государств. Устав Организации Объединенных Наций и международные нормы не дают права ни одному государству устанавливать в международных водах проверку судов, направляющихся к берегам Кубинской Республики. (Заметим, что в это время в непосредственной близости от берегов Кубы находился сухогруз “Александровск” с ядерными боеголовками к ракетам Р-14 на борту, поэтому введение карантина, осуществляемого ВМС США, создавало реальную угрозу вооруженного конфликта. – *Авт.*).

Мы, разумеется, не можем признать за Соединенными Штатами и право установления контроля за оружием, необходимым Республике Куба для укрепления своей обороноспособности.

Мы подтверждаем, что оружие, находящееся на Кубе, *независимо от того, к какому классу оно относится* (курсив мой. – *Авт.*), предназначено исключительно для оборонительных целей, чтобы обезопасить Кубинскую Республику от нападения агрессора»¹.

Послание Хрущева содержало в себе полупризнание факта размещения ракет на Кубе, хотя сами ракеты в этом документе не упоминались. Общая тональность документа была конфронтационной. Высказанные в адрес правительства США обвинения, что введение карантина противоречит международному праву, не было лишено оснований. «Принцип свободы открытого моря» был зафиксирован Женевской конвенцией об открытом море 1958 г., вступившей в силу буквально накануне кубинского кризиса – 30 сентября 1962 г. В статье 2 Конвенции устанавливалось: «Открытое море открыто для всех наций, и никакое государство не вправе претендовать на подчинение какой-либо части его своему суверенитету»². Но для американского общественного мнения этот тезис был неприемлем, если речь шла о территории, непосредственно примыкавшей к берегам США. В подобных случаях действовала другая норма – доктрина Монро, которая, несмотря на свою древность (доктрина была принята еще в 1823 г.), не только сохранялась в политическом сознании, но и получила в сложившейся ситуации вторую жизнь.

23 октября 1962 г. президент США подписал прокламацию № 3504 о введении режима карантина вокруг Кубы. Вооруженным силам США был дан приказ не допускать поставок наступательного оружия и относящихся к ним материалов на остров. Суда, следовавшие на Кубу, должны были подвергаться досмотру, а в случае неподчинения –

¹ Международная жизнь. 1992. Специальный выпуск. С. 12.

² Колодкин А.Л. Международно-правовой аспект морской блокады Кубы в 1962 г. / Тезисы докладов конференции в Москве в 1994 г. С. 111.

задерживаться и направляться в один из портов США до получения соответствующих указаний¹.

Нарастание противостояния, эскалация конфликта между СССР и США парадоксальным образом потребовали быстрого сближения политического руководства двух стран. В период кризиса существовало, по крайней мере, 17 каналов связи между американским и советским лидерами².

В Послании президента Дж. Кеннеди 23 октября ответственность за возникновение конфликта полностью возлагалась на советскую сторону. «Я думаю, – писал он Хрущеву, – Вы признаете, что первым шагом, послужившим началом нынешней цепи событий, было действие Вашего правительства, выразившееся в тайной поставке на Кубу наступательного оружия». В конфликте между СССР и США из-за влияния на Кубу американская сторона захватывала инициативу в свои руки, не без успеха используя поддержку международного общественного мнения. «Мы будем обсуждать этот вопрос в Совете Безопасности», – заявил Кеннеди. Конфронтация поднималась на новый виток. В Послании Кеннеди звучали ультимативные тона: «Я надеюсь, что Вы немедленно дадите необходимые инструкции вашим судам соблюдать условия карантина, основа которого была создана голосованием Организации американских государств сегодня после полудня и который вступит в силу в 14 часов по гринвичскому времени 24 октября».

В то же время Кеннеди ратовал за то, «чтобы мы оба проявили благоразумие и не сделали ничего такого, что позволило бы событиям еще более затруднить, по сравнению с тем, что уже имеет место, удержание положения под контролем». Впрочем, в обстановке нарастания конфликта эти слова не могли восприниматься иначе, как чистейшая политическая риторика.

По существу, это Послание так и было воспринято Хрущевым. Он ответил Кеннеди новым посланием, исключительно резким, временами переходившим в брань. Документ был передан посольству США в Москве 24 октября в 23 часа 30 мин. московского времени. Хрущев писал: «...Получил Ваше письмо от 23 октября, ознакомился с ним и отвечаю Вам. <...> Поставив нам эти условия, Вы, господин Президент, бросили нам вызов. Кто Вас просил делать это? По какому праву Вы это сделали? <...> Вы, господин Президент, объявляете не карантин, а выдвигаете ультиматум и угрожаете, что если мы не будем

¹ См.: Международная жизнь. 1992. Специальный выпуск. С. 14.

² Выступление И.В. Лебедева на конференции в Москве в 1994 г.

подчиняться Вашим требованиям, то Вы примените силу. Вдумайтесь в то, что Вы говорите! <...> Нет, господин Президент, я не могу с этим согласиться и думаю, что внутренне Вы признаете мою правоту. Убежден, что на моем месте Вы поступили бы так же. Ссылка на решение Организации американских государств ни в какой мере не может подкрепить требований, выдвигаемых сейчас Соединенными Штатами. Эта Организация не имеет абсолютно никаких полномочий или оснований принимать решений, подобных тому, о котором Вы говорите в своем письме. <...> Вы хотите вынудить нас отказаться от прав, которыми пользуется всякое суверенное государство, *пытаетесь законодательствовать в вопросах международного права* (курсив мой. – Авт.)...».

Далее следовали угрозы: «... Действия США в отношении Кубы – это прямой разбой, это, если хотите, безумие вырождающегося империализма. К сожалению, от такого безумия могут тяжело пострадать народы всех стран и не в меньшей мере сам американский народ, так как США с появлением современных видов оружия полностью утратили былую недосыгаемость. <...> это акт агрессии, толкающей человечество к пучине мировой ракетно-ядерной войны. <...> Конечно, мы не будем просто наблюдателями пиратских действий американских кораблей в открытом море. Мы будем тогда вынуждены со своей стороны предпринять меры, которые сочтем нужными и достаточными для того, чтобы оградить свои права»¹.

После обмена посланиями-ультиматумами оставалось только два выхода – либо переходить от слов к делу, то есть начинать боевые действия, которые немедленно превратились бы в третью мировую войну, либо отступать.

Первый путь казался неотвратимым. Его горячим приверженцем стал Кастро. Утром 24 октября 1962 г. в Гаване на командном пункте Революционных вооруженных сил Кубы было проведено совещание с участием главнокомандующего Фиделя Кастро и начальника Генштаба Серхио дель Валье Хименеса. Основная тема совещания – защита от воздушных атак США. Обсуждался также вопрос о постоянно присутствовавших в воздушном пространстве Кубы американских самолетов-разведчиков. «... У нас нет никакой политической или какой-либо иной причины, – заявил по этому поводу Фидель, – которая бы не позволила нам сбить самолет, пролетающий над нами на высоте 300 футов».

24 октября вечером Кастро посетил советскую ракетную группу «земля-воздух» и приказал кубинским батареям ПВО прикрывать ее².

¹ Международная жизнь. С. 16–18.

² См.: Акоста Т.Д. Кубинская позиция в отношении разведывательных полетов над территорией Кубы до и после кризиса / Тезисы докладов конференции. С. 212–213.

Присутствие кубинских зенитчиков на боевых позициях советских ракетных батарей создавало возможность втянуть советский военный персонал в прямые боевые действия против американской авиации, открывало путь для военной эскалации конфликта.

На следующий день, 25 октября, сухогруз «Александровск», програв блокаду, доставил ядерные боеприпасы для ракет Р-14 в порт Ла-Изабелла¹. Сами же ракеты находились на борту следовавших к острову судов. Во избежание возможного конфликта 25 октября им было приказано сменить курс и возвращаться назад.

Мир стоял на пороге войны. Это прекрасно понимали главные действующие лица – Хрущев и Кеннеди. 25 октября в 1 час 45 минут ночи по вашингтонскому времени в советское посольство в США нарочный доставил очередное послание Кеннеди. Оно поступило в Москву в 14 часов по московскому времени. По тону этот документ, казалось, повторял послание Кеннеди от 23 октября. Президент напоминал: «Последовательность событий ясна. В августе были сообщения о важных перевозках военного снаряжения и специалистов из Советского Союза на Кубу. В начале сентября я весьма ясно указал, что Соединенные Штаты будут рассматривать любые поставки наступательного оружия как представляющие собой серьезнейшие проблемы».

Однако появились и новые акценты. Создавалось впечатление, что Кеннеди стремился восстановить взаимное доверие. Президент подчеркивал, что верил всем заявлениям советской стороны об отсутствии на Кубе наступательного оружия. Он писал: «...Наше правительство получило совершенно ясные заверения от вашего правительства и его представителей, как публичные, так и по неофициальным каналам, что никакого наступательного оружия на Кубу не посылалось. Если Вы еще раз посмотрите заявление, опубликованное ТАСС в сентябре, Вы увидите, сколь ясно дано это заверение. Полагаясь на эти торжественные заверения, я *призывал к сдержанности тех в нашей стране, которые в то время призывали к действиям в этом деле* (курсив мой. – Авт.). И затем я узнал, без сомнения, то, чего Вы не отрицали, а именно, что все эти публичные заверения были ложными и что ваши военные приступили недавно к созданию комплекса ракетных баз на Кубе. <...> Я вновь выражаю свое сожаление, что эти события вызвали ухудшение в наших отношениях. Я надеюсь, что ваше правительство предпримет необходимые действия, позволяющие восстановить существовавшее ранее положение»².

¹ Выступление Н.К. Белобородова на конференции в Москве в 1994 г.

² Международная жизнь. 1992. Спец. вып. С. 20.

Это послание президента по-своему замечательно. В немногих словах он сообщил многое. Были даны объяснения, *почему* американская администрация вынуждена принимать именно *такие* решения, признавалось, что и администрация США не до конца свободна от давления «тех..., которые... призывали к действиям в этом деле», сделана попытка противопоставить Хрущева советским «вашим», военным, строившим ракетные базы. Короткое послание содержало и предложение о выходе из конфликта – восстановление status quo, что, в свою очередь, предполагало не только вывод советских ракет с Кубы, но и наличие определенных обещаний не менять там политическую ситуацию.

Послание Кеннеди явилось сигналом для тех, кто хотел его услышать. И этот сигнал Москвой был принят. 26 октября в 16 часов 43 минуты Министерство иностранных дел вручило послу США в СССР Ф. Колеру ответ Н.С. Хрущева¹. В этом огромном послании, передававшемся в Госдепартамент четырьмя частями, говорилось: «Из Вашего письма я почувствовал, что у Вас есть некоторое понимание сложившейся ситуации и осознание ответственности. Это я ценю». Хрущев подхватил от Кеннеди эстафетную палочку и не без ловкости попытался перевести словесную (пока!) войну в терминологический спор, хотя и жаркий, но не переходящий в драку: «Я заверяю Вас от имени Советского правительства, советского народа, что Ваши доводы относительно наступательного оружия на Кубе не имеют под собой никакой почвы. Из того, что Вы мне писали, видно, что у нас разное понимание на этот счет, вернее, *мы по-разному оцениваем те или другие военные средства* (курсив наш. – Авт.)». Хрущев заверял Кеннеди в отсутствии у советской стороны планов использования территории Кубы как плацдарма для военных действий против США.

«Мы не должны поддаваться угару и мелким страстям, независимо от того, предстоят ли в той или иной стране выборы или не предстоят, – рассуждал Хрущев. – Это все вещи преходящие, а если уж война разразится, то не в нашей власти будет ее задержать, остановить, ибо такова логика войны». Так в ходе конфликта и попыток его преодоления росло понимание – не война, а баланс возможностей ее возникновения будет определять взаимоотношения между СССР и США.

«Наши суда, – продолжал Хрущев, – видимо, скоро придут в зону, где патрулирует ваш военный флот. Заверяю Вас, что эти суда, идущие сейчас на Кубу, везут самые невинные мирные грузы. Неужели Вы думаете, что мы только тем и занимаемся, что возим так называе-

¹ См.: Международная жизнь. 1992. Спец. вып. С. 22–30.

мое наступательное оружие, атомные и водородные бомбы? <...> Поэтому, господин Президент, давайте проявим благоразумие. Я Вас заверяю, что на тех кораблях, которые идут на Кубу, нет вообще никакого оружия (! – *Авт.*). То оружие, которое нужно было для обороны Кубы, уже находится там. <...> Если бы были даны заверения президента и правительства Соединенных Штатов, что США не будут сами участвовать в нападении на Кубу и будут удерживать от подобных действий других, если Вы отзовете свой флот, – это сразу все изменит». Хрущев потребовал от американского президента отказаться от планов вторжения на Кубу. «Тогда, – заверял первый секретарь ЦК КПСС американского президента, – будет стоять иначе и вопрос об уничтожении не только оружия, которое Вы называете наступательным, но и всякого другого оружия».

Знакомство с этим посланием Хрущева развенчивает миф вокруг особой роли контактов американского журналиста Дж. Скали и советского журналиста и разведчика А.С. Фомина-Феклисова в преодолении кубинского кризиса. Настойчивость, проявляемая Скали в стремлении получить ответ из Москвы, которую разделял и Фомин-Феклисов, вступала в противоречие с интересами советской дипломатии. В Москве ждали официальный ответ президента на официально сформулированные предложения Н.С. Хрущева о компромиссе как способе выхода из конфликта. Поэтому советский посол в Вашингтоне не спешил передавать неофициальную информацию от Скали в Москву.

Кастро в конфликте. Утром 26 октября Фидель Кастро отдал приказ сбивать американские самолеты, начиная со следующего дня: «Куба не признает вандальского и пиратского права каких бы то ни было военных самолетов нарушать ее воздушное пространство... Наше законное право на защиту неопровержимо, и по сему всякий боевой самолет, вторгшийся в кубинское воздушное пространство, рискует навлечь на себя наш оборонный огонь»¹. Вечером 26 октября (время гаванское) советское военное командование на Кубе передало в Москву информацию о планируемой в ближайшие сутки атаке американцев. В ночь с 26 на 27 октября Кастро посетил советское посольство в Гаване, проинформировал о своем приказе сбивать самолеты и о том, что в ближайшие 24–72 часа готовится нападение американцев. Кастро продиктовал письмо Хрущеву, предупредил его о вероломстве американцев. Сокращенный вариант этого письма Алек-

¹ *Акоста Т.Д.* Кубинская позиция в отношении разведывательных полетов над территорией Кубы до и после кризиса / Тезисы докладов конференции. С. 213.

сеев послал в Москву телеграммой, полностью документ был отослан позже. Хрущев получил его только 28 октября¹.

Возникла реальная угроза, что конфликт выходит из-под контроля. В него все активнее вмешивалась «третья сила» – Ф. Кастро. Роль статиста в столкновении двух великих держав не устраивала кубинского лидера, и он активно вел стороны к обострению отношений.

27 октября зенитная артиллерия Кубы открыла огонь по американским самолетам. Самолетов не сбила. Советские зенитчики действовали успешнее: ракетой «земля-воздух» был сбит американский разведывательный самолет У-2.

Послания: Хрущев – Кеннеди. В условиях, когда мир был поставлен на грань ядерной войны, советское руководство предприняло немыслимый в нормальной дипломатической практике шаг. Для того чтобы довести советскую точку зрения до правительства США немедленно, 27 октября в 17 часов по московскому времени по обычной радиовещательной сети было передано Послание председателя Совета Министров СССР Н.С. Хрущева президенту США Дж. Кеннеди. Копия Послания была направлена и. о. Генерального секретаря ООН У Тану.

«...Я с большим удовлетворением ознакомился с Вашим ответом г-ну У Тану о том, чтобы принять меры с тем, чтобы исключить соприкосновение наших судов и тем самым избежать непоправимых роковых последствий, – писал Хрущев. – <...> Вы хотите обезопасить свою страну, и это понятно. Но этого же хочет и Куба; все страны хотят себя обезопасить. Но как же нам, Советскому Союзу, нашему правительству оценивать ваши действия, которые выражаются в том, что вы окружили военными базами Советский Союз, окружили военными базами наших союзников, ... разместили там свое ракетное вооружение. <...> Ваши ракеты расположены в Англии, расположены в Италии и нацелены против нас. Ваши ракеты расположены в Турции. Вас беспокоит Куба. Вы говорите, что беспокоит она потому, что находится на расстоянии 90 миль по морю от берегов Соединенных Штатов Америки. Но ведь Турция рядом с нами, наши часовые прохаживаются и поглядывают один на другого. <...> Вы ведь расположили ракетное разрушительное оружие, которое Вы называете наступательным, в Турции, буквально под боком у нас. <...> Поэтому я вношу предложение: мы согласны вывезти те средства с Кубы, которые Вы считаете наступательными средствами. Согласны это осуществить

¹ См.: Алексеев А.И. Карибский кризис: как это было / Тезисы докладов конференции. С. 299.

и заявить в ООН об этом обязательстве. Ваши представители сделают заявление о том, что США, со своей стороны, учитывая беспокойство и озабоченность Советского государства, вывезут свои аналогичные средства из Турции. Давайте договоримся, какой нужен срок для вас и для нас, чтобы это осуществить. И после этого доверенные лица Совета Безопасности ООН могли бы проконтролировать на месте выполнение взятых обязательств»¹.

Из послания Хрущева следовало, что обе стороны – и СССР и США – должны дать гарантии неприкосновенности границ и суверенитета Турции и Кубы и предотвращать попытки интервенции со стороны третьих стран.

Вечером 27 октября из Вашингтона было направлено Послание президента США Дж. Кеннеди Председателю Совета Министров СССР Н.С. Хрущеву. Американская сторона также пошла на нарушение обычной практики. Текст послания был срочно передан прессе по той же причине: ускорить время передачи информации, сократив долгий процесс шифровки и расшифровки дипломатических телеграмм. Кеннеди писал: «Я прочел Ваше письмо от 26 октября (хотя, по сути, это был ответ на два послания – от 26 и 27 октября, но такая форма позволила уйти от прямого разговора о ракетах США в Турции, от обвинений в уступчивости, проявленной под давлением СССР. – *Авт.*) с большим вниманием и приветствую заявление о Вашем стремлении искать быстрого решения проблемы. Однако первое, что необходимо сделать, – это прекращение работ на базах наступательных ракет на Кубе и вывод из строя всех видов оружия, находящегося на Кубе и имеющего наступательный характер, под эффективным наблюдением Организации Объединенных Наций. <...>

Когда я читал Ваше письмо, то пришел к выводу, что ключевые элементы Ваших предложений, которые, по-видимому, в целом приемлемы, насколько я их понял, заключаются в следующем:

1. Вы согласитесь устранить эти виды оружия с Кубы под надлежащим наблюдением и надзором Организации Объединенных Наций и принять обязательство при надлежащих гарантиях прекратить дальнейшую доставку этих видов оружия на Кубу.

2. Мы, с нашей стороны, согласимся – при достижении через Организацию Объединенных Наций соответствующей договоренности для гарантии выполнения и сохранения в силе этих обязательств: а) быстро отменить меры карантина, применяющиеся в настоящий момент, и б) дать заверение об отказе от вторжения на Кубу. Я уверен,

¹ Международная жизнь. 1992. Специальный выпуск. С. 32–34.

что другие страны Западного полушария будут готовы поступить подобным же образом»¹.

После обмена этими посланиями напряженность стала спадать. 28 октября Н.С. Хрущев заявил президенту США Дж. Кеннеди, что для того, «чтобы скорее завершить ликвидацию опасного конфликта для дела мира, чтобы дать уверенность всем народам, жаждущим мира, чтобы успокоить народ Америки, который, как я уверен, так же хочет мира, как этого хотят народы Советского Союза, Советское правительство в дополнение к уже ранее данным указаниям о прекращении дальнейших работ на строительных площадках для размещения оружия, отдало новое распоряжение о демонтаже вооружения, которое Вы называете наступательным, упаковке его и возвращении его в Советский Союз. <...> Я с уважением и доверием отношусь к Вашему заявлению, изложенному в Вашем послании 27 октября 1962 г., что на Кубу не будет совершено нападения, не будет вторжения, причем не только со стороны Соединенных Штатов, но и со стороны других стран западного полушария, как сказано в том же Вашем послании. Тогда и мотивы, побудившие нас к оказанию помощи, такого характера Кубе, отпадают»².

В течение последних дней октября весь ядерный боекомплект был загружен в сухогруз «Архангельск» и 1 ноября в 13 часов судно взяло курс на Североморск³.

Уроки кризиса. Подводя итоги этого беспрецедентно острого противостояния двух ядерных держав, которое едва не привело мир к ракетно-ядерной войне, можно сделать следующие выводы:

1. Конфликт развивался по логике холодной войны, предполагавшей конфронтацию между СССР и США в любой точке мира. Кубинский кризис дополнял незатухавший берлинский кризис. Особенность кубинского кризиса состоит в значительной мере в том, что на вооружение американской и советской армий стали поступать новые виды оружия, ранее существовавшие только в опытных образцах: ракеты с ядерными боеголовками различных радиусов действия – стратегические, средней дальности, тактические... Новые виды вооружения становились причиной возникновения качественно новых политических ситуаций, которые потребовали отказа от лобового противостояния двух сверхдержав.

¹ Международная жизнь. 1992. Специальный выпуск. С. 38–40.

² Там же. С. 42–44.

³ См.: Выступление Н.К. Белобородова на конференции в Москве в 1994 г.

2. США и СССР считали себя двумя сторонами конфликта. Выяснилось, однако, что Куба – не только территория конфликта, но и неожиданный (и для СССР, и для США) его участник. Вопреки опасениям советского руководства Куба охотно приняла идею о размещении ракет. Напомним, 26 октября 1962 г. Кастро провоцировал обострение конфликта между СССР и США, одновременно дав указание своим ПВО сбивать американские ракеты и предупредив СССР о неизбежности нападения американцев на ракетные базы в течение ближайших суток. (Если бы кубинские зенитчики действовали успешнее, то их действия могли бы вынудить американцев начать боевые действия). Кастро считал, что своими уступками американцам и «обменом» американских ракет в Турции на советские на Кубе Хрущев предал его. Такая позиция предопределила в дальнейшем поведение Кастро – он не допустил на остров международных наблюдателей ООН, протестовал против эвакуации бомбардировщиков Ил-28.

3. Американское вторжение на остров планировалось на октябрь 1962 г.; подготовка к нему велась по нарастающей. На наш взгляд, проведение этой акции рассматривалось в контексте внутривнутриполитической борьбы в США накануне промежуточных президентских выборов.

4. Операция «Анадырь» в военном отношении была проведена безукоризненно. На Кубу были доставлены ракеты Р-12 среднего радиуса действия, ядерные боеголовки к ним и другому вооружению. Было размещено 43 тыс. военнослужащих. Американская блокада Кубы оказалась неэффективной. Она не помешала дизель-электроходам «Индирик» и «Александровск» доставить на остров свой опасный груз. («Александровск» доставил ядерные боеприпасы 25 октября 1962 г. – в разгар блокады!). Американская разведка недооценила масштабы советского военного присутствия. Ядерные боеголовки (мощностью до 1 мегатонны каждая) к 36-ти ракетам Р-12 с радиусом действия до 2500 км находились вблизи стартовых позиций ракет и были готовы к боевому применению. Факт наличия ядерных боеголовок на Кубе стал известен в США, по заявлению американской стороны, только в 1989 г. из советских источников.

5. Мог ли СССР применить ядерное оружие? Основная цель операции «Анадырь» была военно-демонстрационной. Однако и советские, и кубинские специалисты считали – эту операцию невозможно сохранить в тайне, что было чревато возможностью возникновения конфликта.

6. О так называемых секретных переговорах, которые вели журналист Дж. Скали и резидент КГБ в Вашингтоне А.С. Фомин-Феклисов. Это был один из 17-ти каналов связи между советским и американ-

ским руководством (в том числе – контакты Р. Кеннеди с разведчиком и журналистом В. Большаковым, послом А.Ф. Добрыниным, дипломатические каналы и пр.). Преувеличенное внимание, проявляемое к встрече Скали и Фомина-Феклисова в отеле «Оксидентал» 26 октября 1962 г. и к реакции на сделанные через Скали предложения о способах выхода из кризиса, должно было закрыть тему подготовки администрации США ответа на послания Н.С. Хрущева от 26 и 27 октября, где Хрущев обусловил вывод советских ракет отказом американцев от вмешательства в дела Кубы, а в послании от 27 октября – и выводом ракет США из Турции. Ожидание реакции официального Вашингтона на послание Хрущева являлось причиной того, что посол СССР Добрынин отказался подписать телеграмму резидента КГБ Фомина-Феклисова в Москву о предложениях, которые шли от Скали¹.

7. Советское руководство недооценило жесткую реакцию США на размещение ракет на Кубе. Существовала военная возможность уничтожения ракет Р-12 на стартовых позициях в момент подготовки к пуску: 20-метровые ракеты жидкостного типа могли быть заправлены только один раз, непосредственно перед пуском, технологический цикл подготовки составлял 2,5 часа, и при расстоянии в 90 миль от американской территории при подлетном времени, исчислявшемся в десятках минут, вертикально стоящие ракеты могли быть расстреляны американцами на пусковых позициях (оценка генерал-лейтенанта Н.К. Белобородова). Поэтому, получив информацию от своих военных и от Кастро о готовящемся налете авиации США на Кубу 27 октября 1962 г., о запланированном на тот же день выступлении Кеннеди по телевидению, в котором, как предполагалось, глава администрации США объявит о начале этой акции, советское руководство пошло на беспрецедентный шаг передачи послания американскому президенту по Московскому радио накануне его выступления.

8. Сложен и неоднозначен вопрос о том, кто больше выиграл в этом противостоянии.

В военно-стратегическом отношении, скорее, выиграл СССР: были устранены существовавшие ракетные базы в Турции и Италии, гарантирована неприкосновенность территории Кубы. В ответ советская сторона убрала с острова свои ракеты. Впоследствии развитие стратегических ракет дальнего действия и подлодок с ядерными ракетами до определенной степени ослабило значение районов передового базирования ракетно-ядерного оружия.

В политико-пропагандистском отношении в выигрыше, на наш взгляд, оказались США, которые стали выглядеть жертвой советского

¹ См.: Корниенко Г.М. Указ. соч. С. 101–103.

экспансионизма, эффективными защитниками западного полушария, «доктрине Монро» была дана вторая жизнь. Американская администрация смогла добиться согласия советского руководства на конфиденциальность договоренностей о выводе американских ракет из Турции и Италии и своего невмешательства в дела Кубы. Последнее положение не упоминалось в двусторонних документах. Пекинской пропагандой в странах «третьего мира» вывод советских войск с Кубы под давлением США стал использоваться как признак слабости СССР. Ухудшились отношения с кубинским руководством.

В геополитическом отношении это был первый и последний в XX в. ракетно-ядерный кризис, который доказал, что ракетно-ядерное оружие не может быть оружием в своем изначальном смысле, то есть инструментом реализации политических целей военными методами. Ядерное оружие сыграло роль политического фактора до его применения: появилось понимание бессмысленности ядерной войны. В дальнейшем СССР и США стремились избегать непосредственного соприкосновения в многочисленных конфликтах с участием «третьих лиц».

9. Вооруженные силы превратились в составляющую внешней политики. Их значение в жизни страны усилилось. Однако Хрущев, используя этот фактор в сфере внешней политики, не мог рассчитывать на поддержку армии внутри страны. Офицеры, участники кубинского кризиса, чувствовали себя оскорбленными из-за процедур досмотра вывозимого с Кубы оружия на советских кораблях в открытом море (процедур, небезопасных чисто технически). Армии Хрущев не доверял. Поэтому и продумывал способы укрепления контроля над ней. И когда такие предложения поступили, Хрущев воспользовался ими. Но об этом – ниже.

Реформы государственного и партийного аппарата. Время пребывания Хрущева на посту первого секретаря ЦК КПСС стало периодом постоянных реформ в управлении страной. Выше уже говорилось о введении совнархозов, ударивших по столичной бюрократии, об изменении Устава КПСС, лишившего покоя основную часть партийного аппарата – выборных работников райкомовского уровня. Все это не добавляло Хрущеву популярности.

В ноябре 1962 г. состоялся Пленум ЦК КПСС, на котором были приняты два важнейших решения. Одно из них «О создании системы партийно-государственного контроля» будет рассмотрено нами ниже. Другое – «О развитии экономики СССР и перестройке партийного руководства народным хозяйством», означало разделение партийных организаций от областных и ниже по производственному принципу

на промышленные и сельские. Таким образом, на территории одной области или края оказывалось два обкома. А так как партийная система управления служила своего рода образцом для органов государственного управления, то вместо единых Советов и их исполкомов создавались сельские и промышленные Советы и исполкомы. Удар был нанесен по самой массовой группе партработников – секретарям сельских райкомов КПСС. Согласно этому решению, сельские райкомы партии ликвидировались, а управление сельским хозяйством передавалось территориальным производственным управлениям, охватывавшим несколько районов.

Изменения коснулись и других общественных и государственных организаций – комсомола, профсоюзов, милиции. Как вспоминал В.Е. Семичастный, руководивший в то время Комитетом госбезопасности, Хрущев даже управления КГБ хотел разделить на промышленные и сельские. «А как мне делить шпионов на сельских и городских?» – отбивался Семичастный. Изменить мнение Хрущева он смог, лишь доказав, что разделение «по производственному принципу» приведет к резкому увеличению офицерского и генеральского состава в КГБ. «Хрущев, – вспоминал Семичастный, – очень плохо относился к воинским званиям в КГБ, часто любил повторять: “Надо вас распогонить, разлампасить”»¹.

Преобразования затронули и совнархозы: их функции были несколько изменены. Так, вне ведения совнархозов оказывалась строительная отрасль, отныне их управленческие права распространялись по преимуществу на промышленную сферу. Количество совнархозов было резко сокращено и доведено до 47, что привело к их укрупнению, означавшему, что в один совнархоз входило несколько областей. Нетрудно понять, что это еще более ослабляло позиции обкомов партии, тех промышленных обкомов, которые создавались по решению ноябрьского Пленума 1962 г. Промышленные обкомы оказывались в фактическом подчинении не только ЦК, но и местных совнархозов.

Это решение внесло полную сумятицу в деятельность аппарата власти на местах². По аналогии с партийными и советскими органами организации профсоюзов и комсомола также стали делиться на сель-

¹ Хрущевские времена: Непринужденные беседы с политическими деятелями «великого десятилетия» (А.Н. Шелепин, В.Е. Семичастный, Н.Г. Егорычев) / Записи Н.А. Барсукова // Неизвестная Россия. XX век. – М., 1992. Вып. 1. С. 273.

² Постановление Пленума ЦК КПСС «Об объединении промышленных и сельских областных, краевых партийных организаций». 16 ноября 1964 г. // Правда. 1964. 17 ноября; Повышать руководящую роль и боеспособность партии: Об объединении промышленных и сельских областных, краевых партийных организаций и советских органов // Коммунист. 1964. № 16. С. 3–16.

ские и промышленные. Управленческий аппарат резко увеличился. Так, в районном городке Гусь-Хрустальный Владимирской области одновременно действовали горком партии, партком производственного колхозно-совхозного управления, промышленно-производственный партком, горисполком, сельский райисполком.

Все эти меры вызывали раздражение, воспринимались как очевидная административная блажь. Тем не менее в них имелся свой смысл. Выделение в партийном руководстве на местах сельских и промышленных комитетов было своеобразным логическим продолжением сращивания партийного и государственного аппаратов. То, что появлялись именно сельские партийные органы, создавало привычную иллюзию возможности решения проблемы сельского хозяйства путем резкого усиления партийного руководства.

Ослабление местного партийно-советского руководства объективно усиливало позиции хозяйственников, так как совнархозы оставались единственными региональными органами управления. Однако влияние хозяйственников было несопоставимо с всемогуществом партийного аппарата. Номенклатурная система поставила их в полную зависимость от партийных органов. Привычная угроза партийных секретарей всех уровней: «Не я тебя на эту работу назначал, но снять всегда смогу» – по-прежнему оставалась реальной. Тем более что и назначали-то на сколько-нибудь ответственные хозяйственные должности только с согласия партийных органов. Поэтому решения ноябрьского Пленума ЦК ЦПСС 1962 г. не прибавили Хрущеву союзников, но добавили много новых противников среди влиятельных секретарей обкомов, составлявших большинство на заседаниях пленумов ЦК.

МВД и КГБ. Беспрецедентность отставки Н.С. Хрущева (а если называть вещи своими именами – успеха заговора по смещению Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР) порождает закономерный вопрос – как это стало возможно? В поисках ответа нельзя не коснуться отношений Хрущева с Министерством внутренних дел и КГБ.

После ареста Л.П. Берии его первый заместитель С.Н. Круглов получил пост министра внутренних дел СССР. Выше мы уже приводили свидетельства того, что многие из сотрудников МВД восприняли устранение Берии как сигнал к восстановлению порядков сталинского времени. Вместе с тем положение было вовсе не так однозначно, как сгоряча показалось участникам собраний по осуждению Берии. С одной стороны, МВД был возвращен ряд предприятий – Главспецстрой и Главпромстрой (впрочем, ненадолго), с другой – продолжалась чи-

И.А. Серов.

стка в рядах его сотрудников, обвиненных в тесных связях с Берией. Уже в конце августа 1953 г. руководство МВД докладывало в Президиум ЦК о работе по чистке аппарата министерства и руководителей областных управлений МВД. Ряд прежних руководителей были отданы под суд, приговорены к смертной казни или длительным срокам заключения.

Влияние МВД, обвиненного в репрессиях 30-х – начала 50-х годов, неуклонно падало. 12 марта 1954 г. был образован Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР. Его председателем назначили И.А. Серова, в течение многих лет занимавшего пост заместителя министра МВД СССР.

Ряд функций прежнего МВД отошли к КГБ. В 1955 г. Указом Верховного Совета СССР было создано Министерство внутренних дел РСФСР. Напомним, что Российская Федерация в течение последних тридцати лет не имела своего Министерства внутренних дел (НКВД РСФСР был упразднен в декабре 1930 г.).

В начале 1956 г., накануне XX съезда КПСС, С.Н. Круглов был отправлен в отставку. Новым министром назначили бывшего заведующего Отделом строительства ЦК КПСС Н.П. Дудорова. В течение 1956–1957 гг. шла чистка аппарата министерства. Заместители министра – многолетние сотрудники НКВД-МВД – были заменены партийными работниками. В сентябре 1957 г. были выведены из состава МВД и переданы КГБ пограничные войска.

Логическим итогом процесса снижения роли МВД стала его ликвидация. 13 января 1960 г. МВД СССР было упразднено, а его функции переданы республиканским министерствам. В России таким учреждением стало Министерство охраны общественного порядка, образованное в 1962 году.

По-другому складывалась ситуация для Комитета госбезопасности. Серов был связан с Хрущевым совместной деятельностью на Украине. При первом секретаре ЦК КП Украины Н.С. Хрущеве наркомом НКВД республики в период со 2 сентября 1939 г. по 25 июля 1941 г. был именно И.А. Серов. Его считали «человеком Хрущева».

Серов сыграл одну из ключевых ролей в подготовке «секретного доклада» Хрущева XX съезду КПСС. Отставки председателя КГБ, сторонника Хрущева, добивались члены Президиума ЦК КПСС на известном заседании 18–21 июня 1957 г., когда едва «не освободили от должности» первого секретаря ЦК КПСС самого Хрущева¹.

В декабре 1958 г. Серов был уволен и переведен на престижную, но не имевшую политического значения, а главное – политически бесполезную для Хрущева должность начальника Главного разведывательного управления Министерства обороны СССР². Убежден, что важнейшим основанием для этого стали хорошие личные отношения Серова с маршалом Жуковым, снятым годом раньше. Существует традиция связывать отставку Серова с усилившимся после XX съезда расследованием обстоятельств политических репрессий сталинского времени, с той ролью, которую сыграл Серов в депортации народов Северного Кавказа. Однако, на наш взгляд, это просто стремление скрыть истинные мотивы увольнения Серова. Во всяком случае, уход И.А. Серова стал для Хрущева личной потерей.

На место Серова был назначен заведующий отделом ЦК КПСС, бывший первый секретарь ЦК ВЛКСМ А.Н. Шелепин. КГБ с первых дней своего существования выполнял ряд функций политической полиции³. С приходом Шелепина эти функции были закреплены в «Положении о КГБ при Совете Министров СССР», утвержденном постановлением Президиума ЦК КПСС 9 января 1959 г. В этом документе, определявшем деятельность КГБ, было записано: «Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР и его органы на местах являются политическими органами, осуществляющими мероприятия Центрального Комитета и Правительства по защите социалистического государства от посягательств со стороны внешних и внутренних врагов»⁴.

При Шелепине чистка рядов сотрудников КГБ продолжилась. В отчете, направленном в Президиум ЦК в январе 1963 г. уже преемником Шелепина, также бывшим первым секретарем ЦК ВЛКСМ В.Е. Семичастным в первые дни его работы в качестве председателя КГБ, указывалось, что «за период с 1954 г. из органов госбезопасности (без войск)... уволено более 46 тысяч офицеров, в том числе почти поло-

¹ См.: Молотов, Маленков, Каганович. 1957. С. 56, 63–64, 85.

² См.: Лубянка. ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1960. – М., 1997. С. 155.

³ См., например, сведения о слежке за физиком Л.Д. Ландау: «По данным агентуры и оперативной техники...» Справка КГБ СССР об академике Л.Д. Ландау // Ист. архив. 1993. № 3. С. 151–161.

⁴ Экспертное заключение к заседанию Конституционного суда РФ 26 мая 1992 г. / Н.Г. Охотин, Н.В. Петров, А.Б. Рогинский, С.В. Мироненко. – М., 1992. С. 31.

вина – с 1959 г.». Чистка коснулась не только аппарата КГБ, но и разведки, и контрразведки: «Свыше 90 % генералов и офицеров военной контрразведки... назначено на руководящие должности в последние четыре года».

Набор новых сотрудников КГБ шел в основном за счет лиц, имевших рекомендации от комсомольских и партийных органов, а также из числа партийно-комсомольских работников.

В свою очередь в 1960–1962 гг. ряд руководителей КГБ был направлен на партийно-советскую работу, в прокуратуру.

Так КГБ, его аппарат, срачивался с партийными органами. Прежние сотрудники МВД и МГБ были *исполнителями* – в том числе и преступных приказов. Новый КГБ возглавляли *политические деятели*, а его сотрудники по сравнению со своими предшественниками яснее осознавали себя «вооруженным отрядом партии», были инициативнее и самостоятельнее. Это, однако, не означало персональную поддержку Н.С. Хрущева.

Сотрудники КГБ были недовольны сокращением численности штатного состава на 110 тысяч человек, снижением зарплаты, ликвидацией ряда привилегий (бесплатного отпуска медикаментов, льгот при выслуге лет и т. д.).

Руководство КГБ не могло не тревожить очевидное усиление оппозиционных настроений в стране. В первой половине 1962 г. произошел своего рода взрыв массового недовольства политикой, которая отождествлялась с Хрущевым. В отчете, направленном в ЦК КПСС в июле 1962 г., Шелепин сообщал о чрезвычайно тревожном факте – за первые 6 месяцев 1962 г. было зафиксировано 7705 листовок и анонимных писем антисоветского содержания, изготовленных 2522 авторами – *в два раза больше, чем за тот же период 1961 г.* В отчете отмечалось, что в первом полугодии 1962 г. было выявлено 60 локальных антисоветских групп, в то время как за весь 1961 г. – всего 47.

После длительного перерыва в стране снова появились письма, восхваляющие антипартийную группу. Это стало уже личным политическим поражением Хрущева. Стараниями чекистов было установлено авторство 6726 антисоветских документов практически из всех слоев общества: среди 1039 авторов – 364 рабочих, 192 служащих, 210 студентов и учащихся школ, 108 лиц без определенных занятий, 105 пенсионеров и 60 колхозников. Среди писавших были и военно-служащие, и старые коммунисты, более 40 % имели среднее и высшее образование, 47 % было моложе 30 лет.

Функция политической полиции в КГБ резко усилилась после событий в Новочеркасске, а также аналогичных событий по всей стра-

не.. Сразу же после подавления волнений Президиум ЦК КПСС принял множество решений, направленных на усиление политического сыска и борьбы с инакомыслием в СССР. 19 июля 1962 г. на заседании Президиума ЦК было принято пространное постановление, в котором указывалось:

«1. Согласиться с представленными Комиссией проектами постановления СМ СССР и Генерального Прокурора СССР по вопросам усиления борьбы с враждебными проявлениями антисоветских элементов <...>.

2. Разрешить КГБ СССР увеличить штатную численность контрразведывательных подразделений территориальных органов КГБ на 400 военнослужащих».

КГБ было подвергнуто критике за слабую агентурную работу, прежде всего, во многих высших и средних специальных учебных заведениях, учреждениях науки, культуры, искусства; за то, что в борьбе с антиобщественными элементами он слабо контактирует с Министерством охраны общественного порядка и т. д..

К постановлению был приложен проект приказа председателя КГБ. В документе отмечалось: «В последнее время в некоторых городах произошли массовые беспорядки, сопровождающиеся погромами административных зданий...». Ответственность за них возлагалась на уголовные элементы, бывших немецких карателей, «церковников и сектантов», которые стремились придать стихийно возникшим событиям контрреволюционный характер. (Отметим, что подобная оценка совершенно не соответствовала конкретным обстоятельствам волнений в Новочеркасске).

Проект приказа заканчивался, на первый взгляд, стандартными, а по существу – новыми по содержанию формулировками: «...Устранить серьезные недостатки в расстановке агентуры и ее использовании». Особую бдительность полагалось проявлять по отношению к резидентам, «реакционно настроенным церковным и сектантским авторитетам», «... более активно использовать возможности оперативно-технических служб, наружного наблюдения;... сигнализировать о лицах.., стоящих на антисоветских позициях и пытающихся подорвать доверие народа к политике и мероприятиям, проводимым партией и Советским правительством...; пресекать любые открытые враждебные проявления антисоветских элементов,... авторов антисоветских листовок и анонимных документов,... а ко всякого рода подстрекателям к массовым беспорядкам *по согласованию с партийными органами* (здесь и далее курсив мой. – Авт.) принимать меры к их изоляции...».

Эти мероприятия потребовали дополнительных организационных решений. Учитывая, что центрами волнений были промышленные предприятия, становится понятным появление в этом приказе следующего раздела: «Создать во Втором главном управлении... управление, на которое возложить функции по организации агентурно-оперативной работы на крупных и особо важных промышленных предприятиях...».

Обращает на себя внимание агрессивная антицерковная ориентация КГБ. В этом документе, в сущности, подтверждается прежний чекистский курс на искоренение религии путем уничтожения церкви. Сотрудникам КГБ приказывают: «Решительно повысить уровень агентурно-оперативной работы по пресечению враждебных проявлений со стороны церковников и сектантов, обратив особое внимание на быструю парализацию деятельности нелегальных групп и общин. *В отношении руководителей и организаторов церковных и сектантских формирований осуществлять активные чекистские мероприятия*, которые позволили бы в ближайшее время полностью разоблачить проводимую ими антисоветскую работу, а злостных из них в соответствии с законом привлечь к уголовной ответственности».

Не был забыт и старый хрущевский план борьбы с «тунеядцами». Но если в конце 40-х годов он распространялся на колхозную деревню, то в начале 60-х – на всю страну. КГБ предписывалось «...оказывать больше помощи партийным органам в неуклонном выполнении советских законов по борьбе с тунеядцами».

Приказ заканчивался указанием, определяющим взаимоотношения партии и КГБ: «Руководителям КГБ-УКГБ, уполномоченным КГБ в городах и районах обеспечить четкую информацию ЦК компартий..., крайкомов, обкомов, горкомов и райкомов КПСС».

Руководство КГБ, непосредственно входившее в состав партийно-политической верхушки страны, не могло не быть обеспокоено ростом недовольства в стране. Из этой ситуации были возможны два выхода. Первый – усиление репрессий (напомним, что именно в июле 1962 г. была принята печально знаменитая статья 70 Уголовного кодекса РСФСР, восстановившая и узаконившая политические репрессии). Второй выход – изменения в самом политическом руководстве, устранении из него человека, имя которого отождествлялось с неудачами в развитии страны, – Н.С. Хрущева. Складывающаяся в стране обстановка не могла не тревожить и самого Хрущева. Ему пришлось столкнуться с невероятных размеров очковтирательством, самым грубым обманом. Причем обманщиками оказывались секретари обкомов,

крупные хозяйственные руководители¹. Понятно, что партия могла создавать «маяки». Для них разрешались (точнее, негласно допускались) приписки, но в тех случаях, когда это должно было отвечать определенной политической цели – стимулировать остальных. Да и право быть «маяком» предполагало определенную партийную поддержку. Именно так, например, обстояло дело с первым секретарем Рязанского обкома КПСС А.Н. Ларионовым. Но даже им запрещалась обычная уголовщина, до которой дошел поддержанный лично Хрущевым рязанский партийный руководитель. Жульничали, в особенности в сельском хозяйстве, практически все сколько-нибудь крупные партийно-советские и хозяйственные чиновники (другой вопрос – почему они это делали).

Хрущев пытался бороться с этим явлением. Он ездил по стране, организовывал проверки, распекал тех, кто попадался ему под руку, но ситуация не менялась. Сверхцентрализованная власть не могла обеспечить контроль за выполнением собственных решений, но так как власть (и это не обсуждалось!) в принципе не могла принимать неправильных решений, то виноватыми оказывались те, кто не исполнял ее мудрых указаний. А чтобы указания выполнялись, необходимо наладить проверку исполнения, для чего надо создать еще одно ведомство, которое и должно обеспечить «учет и контроль», как учил основатель советского государства В.И. Ленин.

Комитет партийно-государственного контроля ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Среди многочисленных административных преобразований Н.С. Хрущева это едва ли не самое неизученное, хотя оно и сыграло заметную роль в событиях середины 60-х годов.

Контрольные учреждения в Советском Союзе многократно реформировались. Прежнее Министерство госконтроля, во главе которого стояли такие политические деятели, как Л.З. Мехлис (1946–1950) и В.Н. Меркулов (1950–1953) было упразднено в 1957 г. вместе с рядом других министерств. Вместо него появилась Комиссия советского контроля Совета Министров СССР. Однако эффективность этого учреждения, по мнению Хрущева, была невысока.

К мысли о необходимости создания специального контрольного учреждения, которое могло бы проверять и партийные, и государст-

¹ См.: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по предотвращению фактов обмана государства и по усилению контроля за достоверностью отчетов о выполнении планов и обязательств» от 19 мая 1961 г.

венные органы, Хрущев пришел в конце 1961 г., когда стало ясно, что план строительства коммунизма в СССР, принятый XXII съездом КПСС, не реален.

Хрущев, всячески демонстрировавший приверженность к воскрешению ленинских традиций, и здесь попытался дать свою интерпретацию ленинских указаний о контроле. Любопытно, что в процессе подготовки решения Хрущеву были предоставлены подлинные документы 1923–1928 гг. о деятельности комиссии А.Д. Цюрупы¹, заместителя председателя Совета Народных Комиссаров, заместителя председателя Совета Труда и Обороны и одновременно с этим наркома Рабоче-Крестьянской Инспекции (обращаем внимание на это обстоятельство!). В документах содержались сведения о деятельности комиссии по вопросам улучшения работы государственного аппарата и борьбы со злоупотреблениями. Комиссия была создана по инициативе Ф.Э. Дзержинского, в ее состав входили наркомы, представители судебных органов.

Реформа контрольного аппарата в СССР шла непривычно долго (в отличие от большинства скоропалительных хрущевских реформ). Решительными противниками создания Комитета партийно-государственного контроля, судя по воспоминаниям А.Н. Шелепина, оказались А.Н. Косыгин и А.И. Микоян². 8 января 1962 г. был подготовлен проект постановления Президиума ЦК «Вопросы госконтроля и партконтроля»³, однако решение по этому проекту принято не было. 19 февраля 1962 г. в Президиум ЦК КПСС была направлена записка Н.С. Хрущева «Об улучшении контроля за выполнением директив партии и правительства», в которой он обосновывал необходимость укрепления партийно-государственного контроля, а по сути – реформирования контрольных, партийных и государственных органов страны.

Записка многостраничная, изобилующая цитатами из Ленина, совсем не хрущевская по стилю. В ней говорилось: «В связи с тем, что XXII съезд КПСС поручил ЦК разработать меры по улучшению и совершенствованию партийно-государственного и общественного контроля, нам в ЦК необходимо незамедлительно продумать практические вопросы, связанные с выполнением этого поручения. Я хотел бы высказать некоторые соображения о тех мерах, которые следовало бы осуществить в этих целях. <...> В период культа личности Сталина замечательная ленинская система партийного и государственного кон-

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 55. Д. 26.

² См.: Неизвестная Россия. XX век. Вып. 1. С. 286.

³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 55. Д. 23. Л. 1.

троля была фактически опрокинута и заменена по существу бюрократическим контрольным аппаратом, оторванным от масс»¹.

Хрущев информировал членов Президиума, что коррупция в стране затронула высшие звенья государственного управления, что взяточничество проникло в Госплан, другие министерства и ведомства; факты взяточничества выявлены в некоторых областях РСФСР, в Киргизской, Таджикской, Туркменской, Азербайджанской, Грузинской Украинской, Литовской и Казахской республиках.

Хрущев привел примеры проникновении взяточничества, коррупции в суд, прокуратуру, адвокатуру: «За два последних года привлечены за взятки только в Москве и Московской области ряд прокуроров, следователей и членов московского городского и областного судов, народных судей и адвокатов». Это должно было доказать необходимость внесудебного преследования. Внесудебное или досудебное разбирательство и должно было стать предметом деятельности нового контрольного органа.

Каким должен был стать этот контрольный орган? Вначале – партийная риторика: «Главным и решающим условием коренного улучшения контроля должно быть привлечение широких масс трудящихся... Поэтому нам необходимо наряду со специальными органами партийного контроля иметь систему общественных инспекций, которые бы работали под руководством контрольных органов партии и охватывали каждое предприятие, стройку, совхоз, колхоз, учреждение...».

Далее – первоначальный хрущевский план реформы: «Исходя из этого считал бы целесообразным образовать единый контрольный центр – Комитет партийного контроля ЦК КПСС (КПК) с соответствующими органами на местах, возложив на него обязанности осуществлять контроль за всеми линиями. Это и будет претворением в жизнь ленинских указаний»².

Задачи будущего Комитета Хрущев определил следующим образом: «Контроль за строжайшим соблюдением партийной и государственной дисциплины, борьба с любыми проявлениями ведомственных и местных тенденций, с очковитирательством, приписками, с бесхозяйственностью и расточительством,... строжайший режим экономии, правильное и наиболее целесообразное расходование денежных средств и материальных ценностей. Особое внимание КПК и его местных органов должно быть направлено на решительную борьбу с бюрократизмом и волокитой, наносящих величайший вред нашему делу»³.

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 55. Д. 23. Л. 3–5.

² Там же. Л. 10–13.

³ Там же. Л. 14.

«Комитет партийного контроля ЦК КПСС должен быть широко представительным органом, – писал Хрущев – Его можно было бы сформировать в составе 80–100 человек, включив туда представителей ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ, Центросоюза, печати, рабочих, колхозников, интеллигенции, председателей комитетов партийного контроля союзных республик и наиболее крупных краев и областей. Было бы правильным состав Комитета утверждать на пленуме ЦК сроком на 4 года, а коллегию КПК можно было бы утверждать на Президиуме ЦК... Структуру аппарата Комитета надо продумать таким образом, чтобы она строилась по принципу, предусматривающему обеспечение действенного контроля как за отраслями народного хозяйства, так и по административно-территориальному признаку. КПК должен иметь внештатных инспекторов, в частности можно было бы привлекать коммунистов и беспартийных, которые ушли на пенсию, но способны выполнять общественные обязанности»¹.

Хрущев предвидел и опасности, связанные с созданием такого учреждения: «Предусматривая широкие права Комитета партийного контроля, хочу подчеркнуть, что необходимо исключить всякую возможность какого-либо противостояния его ЦК КПСС. В связи с этим надо твердо установить, что вся работа Комитета должна проводиться под руководством ЦК КПСС и его Президиума. Комитет обязан постоянно отчитываться перед Президиумом ЦК КПСС о своей деятельности, представлять на рассмотрение ЦК планы своей работы, все ответственные работники аппарата Комитета должны утверждаться ЦК КПСС»².

Таким образом, первоначально Хрущев видел этот контрольный орган как Комитет *партийного* контроля. Комитет должен был быть *подотчетным* ЦК. Численность его, по мнению Хрущева, должна была быть невелика.

По записке Хрущева Президиум ЦК принял специальное постановление. В нем говорилось: «1. Одобрить предложения тов. Хрущева Н.С., изложенные им в записке от 19 февраля 1962 г., и разослать ее членам ЦК КПСС, кандидатам в члены ЦК КПСС и членам Центральной ревизионной комиссии.

2. Поручить секретарям ЦК КПСС подготовить проект постановления ЦК КПСС “Об улучшении контроля за выполнением директив партии и правительства”»³.

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 55. Д. 23. Л. 16.

² Там же. Л. 17.

³ Там же. Л. 2.

Однако до принятия решения о создании Комитета прошло более полугода. Постановление «Об образовании Комитета партийно-государственного контроля ЦК КПСС и Совета Министров СССР» было принято лишь на ноябрьском Пленуме ЦК КПСС 1962 г.

На пленуме Хрущев предложил назначить председателем нового комитета секретаря ЦК КПСС, руководителя КГБ А.Н. Шелепина. Одновременно Хрущев внес предложение об утверждении Шелепина заместителем председателя Совета Министров СССР. «Ему надо будет иметь дело с министрами, с государственными органами, – говорил Хрущев, – и надо, чтобы он имел необходимые полномочия»¹.

По мнению Хрущева, Шелепин полностью соответствовал необходимым требованиям: он сделал карьеру при Хрущеве и поэтому должен был быть лично обязан первому секретарю; как председатель КГБ приобрел немалый опыт контроля над всеми сторонами жизни страны, наконец, за ним стоял опыт работы в партаппарате – он был избран секретарем ЦК на XXII съезде КПСС.

Создание Комитета партийно-государственного контроля ЦК КПСС и Совета Министров СССР должно было компенсировать усиление децентрализации, объективно наметившееся в партийно-советских органах. В решении ноябрьского Пленума ЦК 1962 г. было записано: «Образовать единый орган партийно-государственного контроля – Комитет партийно-государственного контроля ЦК КПСС и Совета Министров СССР и соответствующие органы на местах. Считать важнейшей задачей органов партийно-государственного контроля оказание помощи партии и государству в выполнении Программы КПСС, в организации систематической проверки выполнения директив партии и правительства, в дальнейшем совершенствовании руководства коммунистическим строительством, соблюдении партийной и государственной дисциплины, социалистической законности»².

Президиум ЦК КПСС тщательно рассматривал Положение о новом комитете. 18 декабря 1962 г. в его решении было записано: «Поручить комиссии в составе: тт. Козлова (созыв), Брежнева, Микояна, Косыгина, Воронова, Суслова, Шелепина рассмотреть в соответствии с состоявшимся обменом мнениями на заседании Президиума ЦК проекты представленных в ЦК документов о структуре и штатах Комитета партийно-государственного контроля ЦК КПСС и Совета Министров СССР, а также проект Положения о Комитете партийно-государственного контроля ЦК КПСС и Совмина СССР и соответствующих органов на местах и внести свои предложения в ЦК»³.

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 55. Д. 24. Л. 1.

² Там же. Л. 48.

³ Там же. Л. 50.

Внимание высшего партийного руководства к судьбе нового комитета не было случайным. Возникал бюрократический монстр, фактически дублировавший и отраслевые отделы ЦК КПСС, и аппарат Совета Министров СССР, к тому же наделенный большими контрольными полномочиями. Сотрудники комитета получили право проводить специальные расследования в контакте с административными органами¹.

В центральном аппарате комитета была создана система отделов и секторов, воспроизводившая структуру народного хозяйства, социальной сферы, административных и военных органов СССР.

Численность штатов соответствовала структуре. Вместо 80–90 человек, как предполагал Хрущев, комитет уже к моменту своего возникновения имел в штате 383 «ответственных сотрудника» и 90 технических работников. И это только центральный аппарат и только в первые дни работы!

Создание Комитета партийно-государственного контроля стало существенной составной частью всей реформы партийно-советских органов. 20 декабря 1962 г. на заседании Президиума ЦК КПСС рассматривался вопрос «О реорганизации руководящих партийных органов в областях, краях, автономных и союзных республиках». В решении было записано: «В соответствии с постановлением ноябрьского (1962 г.) Пленума ЦК КПСС о построении партийных организаций снизу доверху по производственному принципу ЦК КПСС постановляет:... во вновь образуемых промышленных и сельских крайкомах и обкомах партии должно быть, как правило, четыре секретаря крайкома (обкома), один из которых является заведующим идеологическим отделом, а другой – председателем комитета партийно-государственного контроля...».

Эта же система дублировалась и на уровне местных Советов – председатель областного комитета партийно-государственного контроля являлся одним из заместителей председателя облисполкома.

Складывалась поистине уникальная ситуация! Комитет партийно-государственного контроля на всех его уровнях – от центрального до районного – фактически дублировал и партийную, и советскую систему, располагая к тому же правом производить расследования, налагать на виновных взыскания и штрафы, передавать дела в прокуратуру и суд. В марте–апреле 1963 г. Комитет партийно-государственного контроля СССР получил право контролировать Вооруженные Силы, Комитет государственной безопасности и Министерство охраны общественного порядка².

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 55. Д. 23. Л. 106.

² См.: там же. Л. 151–160, 191–192.

Власть незаметно перетекала от Никиты Сергеевича Хрущева к его ставленнику – Александру Николаевичу Шелепину.

К апрелю 1963 г. в стране было создано 3 270 комитетов партийно-государственного контроля, в том числе 15 республиканских, 216 краевых и областных, 1 057 городских и районных в городах, 348 – по зонам, предприятиям и стройкам, колхозам и совхозам; действовали 170 тысяч групп и 270 тысяч постов народного контроля, куда были избраны более 2 400 тысяч человек.

Однако ожидаемого хозяйственного эффекта от деятельности столь огромной армии контролеров не было. Выявленные КПК факты – недостатки в производстве шин на Ярославском заводе, приписки на Минском радиозаводе, проявления местничества со стороны работников Совета Народного Хозяйства РСФСР, злоупотребления при продаже легковых автомобилей в Москве – явно не соответствовали масштабам и полномочиям КПК.

Как нам представляется, Хрущева попросту «обыграли». Он хотел усилить контроль, но оказался заблокированным системой, которую сам же и создал. Власть Шелепина становилась более реальной, лучше организованной, а поэтому более опасной для любого чиновника, чем власть первого секретаря ЦК и председателя Совета Министров СССР Н.С. Хрущева.

В этот период резко испортились отношения Хрущева с творческой интеллигенцией. На июньском Пленуме ЦК КПСС 1963 г. официальный докладчик, секретарь ЦК Л.Ф. Ильичев заявил: «Враги социализма рассчитывали, что, может быть, вместе с ликвидацией последствий культа личности будет перечеркнуто все сделанное партией и народом, поставлена под сомнение правильность избранного народом исторического пути. Действительно, отдельные политически незрелые или озлобленные люди клюнули на удочку буржуазной пропаганды... Отдельные представители интеллигенции, в том числе и недостаточно идейно стойкие молодые люди, подхватили выдумку о конфликте поколений...»¹. Свои наблюдения Ильичев завершал выводом: «Надо усилить революционную бдительность советских людей»². Примеры революционной бдительности на этом Пленуме успешно демонстрировал сам Хрущев, напавший на писателя В.П. Некрасова и потребовавший его исключения из партии³. Тогда же Хрущев обрушился с оскорблениями на ученых, настаивал на прекращении оплаты за ученые степени. Создавалось впечатление, что Хрущев разочаро-

¹ Пленум ЦК КПСС. Июнь 1963 года. Стенографический отчет / ЦК КПСС. – М., 1963. С. 5.

² Там же. С. 9.

³ Там же. С. 37.

вался в науке и ученых рекомендациях, которые ему давали и которые он нередко пытался превратить в партийно-государственную политику.

Хрущев становился лишним и обременительным. Его изоляция нарастала. Сохранилась любопытная фотография – награждение первого секретаря ЦК 17 апреля 1964 г. очередной Золотой Звездой в связи с его юбилеем¹. Фотограф снимал, казалось, торжественно-протокольную церемонию: председатель Президиума Верховного Совета СССР Л.И. Брежнев в присутствии высших партийно-правительственных чиновников страны награждает первого секретаря ЦК КПСС, председателя Совета Министров СССР Н.С. Хрущева. Однако объектив фотокамеры запечатлел эмоционально иную сцену. Прежде всего, видно, что только два человека всерьез заняты процедурой награждения – преисполненный осознанием важности момента Брежнев², зачитывающий Указ, и Хрущев, полуулыбающийся то ли смущенно, то ли скорбно. По-другому выглядят остальные участники этого действия. Ни одной улыбки, никакого, даже малейшего выражения радости на лицах. Некоторые демонстративно-равнодушны к происходящему: закрыл глаза Шверник, потупил взгляд Суслов, разглядывает люстры в зале Ильичев. Большинство же недоброжелательно «изучают» и Хрущева, и Брежнева.

Вспоминая те дни, руководители КГБ А.Н. Шелепин и В.Е. Семичастный рассказывали: «Еще весной, накануне его 70-летия (в апреле), окружение было возмущено его (Хрущева. – *Авт.*) нетерпимостью»³. Хрущев надоел. Он становился неудобным и даже опасным. Неудобным своими постоянными и хаотичными реформами, не дававшими партгосаппарату ощущения стабильности, опасным, так как против него («против одного руководителя партии и правительства», как писали в сводках КГБ) было направлено недовольство населения, вынужденного получать продукты по карточкам. Избавиться от «одного из руководителей» означало снизить уровень недовольства в стране.

Заговорщики. «Заговор – тайное согласие многих действовать против власти; крамола, приготовление к мятежу». Это классическое определение Владимира Ивановича Даля не только соответствует обстоятельствам вынужденной отставки Хрущева, но и оставляет мало на-

¹ См.: Российский государственный архив кинофотодокументов. № 0–315442.

² Вспоминая Л.И. Брежнева, его соратник А.Н. Шелепин говорил: «И не забывайте: он был прекрасным артистом, хоть звание “народного” ему присваивай». См.: Неизвестная Россия. XX век. Вып. 1. С. 286.

³ Там же. С. 278.

дежд на поиски письменных источников. А нет документов – нет виноватых.

Нарушу это правило и проведу специальное расследование.

Все документы уничтожить нельзя. Никогда. После этого напоминания будущим заговорщикам, начну.

Замечу сразу же: немногочисленные воспоминания участников заговора, содержащие множество подробностей о политических настроениях начала 60-х годов, не отвечают на главные вопросы: кто, когда, где. В воспоминаниях, записанных во время «перестройки», когда Хрущев оценивался по преимуществу как реформатор, главная роль в антихрущевском заговоре отводилась Брежневу¹. Похоже, мемуаристы склонны преуменьшать свое участие в событиях, не разглашать «неудобные» для них детали.

Остановимся потому на письменных источниках. Они были выявлены в фондах Архива президента России, в прошлом – архива так называемого 6-го сектора Общего отдела ЦК КПСС, больше известного как архив Политбюро. Выделим несколько групп документов, положив в основу нашей классификации не столько делопроизводственный либо какой-то иной источниковедческий принцип, сколько хронологию самого заговора (для каждого этапа которого, впрочем, была свойственна известная специфика и в делопроизводственном отношении).

К первой группе отнесем документы, созданные летом 1964 г. в ближайшем окружении Хрущева и адресованные относительно широкому слою высшего партийного руководства – членам ЦК, первым секретарям обкомов, крайкомов, республиканских организаций, высшей партийной, военной и государственной бюрократии. К ним относятся:

- стенограмма заседаний Пленума, состоявшегося 11 июля 1964 г.;
- записка Н.С. Хрущева в Президиум ЦК «О руководстве сельским хозяйством в связи с переходом на путь интенсификации» от 18 июля 1964 г.²;

- проект постановления ЦК КПСС и Совмина СССР «О руководстве сельским хозяйством в связи с интенсификацией и специализацией производства»³, подготовленный по заданию Президиума ЦК членом Президиума ЦК Д.С. Полянским и секретарем ЦК В.И. Поляковым, датированный 27 августа 1964 г.

Эти документы посвящены предстоящей радикальной реформе управления сельским хозяйством и следовавшей за ней реформе пар-

¹ См.: Неизвестная Россия. XX век... С. 270–304; «Собирая грибы», решали судьбу Хрущева. (Беседа с Н. Месяцевым / Провел Е. Жирнов) // Аргументы и факты. 1995. Октябрь (№ 43).

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 30. Д. 260. Л. 22–170.

³ Там же. Л. 159–170.

тийных органов. Судя по стенограмме заседаний Пленума, Хрущев вопреки повестке¹ выступил на Пленуме с большим докладом, в котором пытался обосновать необходимость создания так называемых специализированных производственных управлений. Эти учреждения должны были создаваться по отраслевому принципу – производству зерна, сахарной свеклы, хлопка, растительного масла, картофеля, мяса и молока и т. д. Новые органы должны были вытеснить партийные комитеты из управления сельскохозяйственным производством. Напомню, что двумя годами раньше Хрущев ликвидировал самые массовые партийные органы – сельские райкомы, заменив их парткомами производственных управлений. Теперь он, по сути, настаивал на подчинении этих парткомов хозяйственным руководителям.

Хрущев также заявил о желании отказаться от семилетнего принципа планирования и о введении восьмилетних народно-хозяйственных планов. В высшем эшелоне власти практически всеми была признана неудача с введением семилетних планов, и все плановые органы вели подготовку к тому, чтобы, начиная с 1966 г., вернуться к пятилеткам. Заявление Хрущева означало, по сути, плохо скрытую попытку уйти от ответственности за экономические провалы семилетки по большинству показателей. Переход к восьмилетке оборачивался еще и кошмаром для всей советской бюрократии: требовалось вновь собирать статистические данные – от показателей района до сведений по Союзу, пересчитать их по десяткам тысяч характеристик, предусмотреть распределение фондов на 8 лет вперед и прочее, что выводило административно-управленческую вертикаль и плановую организацию экономики из сколько-нибудь нормального состояния.

Основные положения предстоявшей сельскохозяйственной реформы были изложены спустя неделю в специальной Записке Хрущева. В ней содержалась подробная аргументация положений, которые были высказаны им на недавнем Пленуме. Записка эта существует в двух редакциях. В первой, более радикальной, Хрущев настаивал на создании множества союзно-республиканских управлений по отраслям сельского хозяйства, резко критиковал партийные органы за их методы командования производственными управлениями, издевался над Академией сельскохозяйственных наук и ее сотрудниками, которые «пытаются выводить сорта на городском асфальте» и «ловко обходят предложение о переселении научных учреждений из городов на поля совхозов и колхозов»².

¹ На Пленуме должны были быть рассмотрены только организационные вопросы – перевод Л.И. Брежнева с должности председателя Президиума Верховного Совета СССР на пост «второго» секретаря ЦК КПСС и назначение на вакантную должность А.И. Микояна. – *Прим. авт.*

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 30. Л. 42.

Во второй редакции записки эта критика приглушена, хотя все основные положения сохранены. Внимательное изучение этого документа позволяет утверждать, что Хрущевым готовилась новая реформа управления, затрагивавшая не только сельское хозяйство, но и другие отрасли хозяйства. 20 июля 1964 г. на Президиуме ЦК было решено разослать записку Хрущева (вторую редакцию) на места с тем, чтобы получить отзывы и в ноябре провести обсуждение¹. По заданию Президиума ЦК Д.С. Полянский и В.И. Поляков в августе 1964 г. подготовили соответствующий проект постановления ЦК КПСС и Совмина СССР.

«Залп» хрущевских заявлений об очередных реорганизациях запустил механизм массового недовольства первым секретарем со стороны высшей партийно-государственной бюрократии, подготовив таким образом «тайное согласие многих».

Вторая группа источников – документы, созданные непосредственно участниками заговора во время, предшествовавшее перевороту, то есть до заседаний Президиума ЦК 12 и 13–14 октября и Пленума ЦК 14 октября 1964 г. Понятно, что большая часть решений принималась устно, письменные документы, если они и были, уничтожались. За единственным исключением: так как устранить Хрущева планировалось в ходе Пленума ЦК, требовались соответствующие материалы к предстоящим заседаниям Президиума ЦК (где и готовилось будущее решение Пленума).

В фондах архива Политбюро найден важнейший (единственный дошедший до нас) документ – проект доклада Президиума ЦК КПСС октябрьскому (1964 г.) Пленуму ЦК. Это – большой документ объемом в 70 машинописных страниц. Документально подтверждено участие в его подготовке члена Президиума ЦК КПСС, заместителя Председателя Совмина СССР Д.С. Полянского. Свидетельством тому стало письмо Полянского заведующему Общим отделом ЦК В.Н. Малину с просьбой приобщить этот текст к материалам Пленума ЦК, состоявшегося 14 октября 1964 г. О том, что материал готовился именно как проект основного доклада на Пленуме, говорят его первые строки: «Товарищи! Президиум ЦК КПСС считает нужным доложить членам ЦК КПСС, кандидатам в члены ЦК КПСС, членам Центральной ревизионной комиссии о положении, создавшемся в Президиуме ЦК в результате неправильных действий т. Хрущева». Одновременно доклад (в дальнейшем будем именовать его «докладом Полянского»), точнее,

¹ Как снимали Н.С. Хрущева: Материалы Пленума ЦК КПСС. Октябрь 1964 г. / Публикацию подготовили С.А. Мельчин, Ю.В. Сигачев, А.С. Степанов // Исторический архив. 1993. № 1. С. 18.

приведенные в нем аргументы, должны были быть использованы и на заседании Президиума.

В докладе был дан обстоятельнейший разбор деятельности Хрущева и положения в стране, сложившегося, по мнению авторов доклада, по вине Хрущева. Он обвинялся в том, что полностью отказался от «ленинских принципов и норм руководства партией», пренебрегал мнением членов Президиума и Секретариата ЦК, оскорблял их. В вину Хрущеву вменялись его попытки насаждать культ собственной личности, постоянные конфликты со своими партнерами по руководству. «Он перестал считаться даже с элементарными приличиями и нормами поведения, и так старательно сквернословит, что, как говорится, не только уши вянут – чугунные тумбы краснеют. <...> А наиболее “ходкие” (выражения. – *Авт.*), к которым он прибегает гораздо чаще, никакая бумага не выдержит и язык не поворачивается произнести», – утверждалось в документе.

Был дан тщательный анализ внутренней политики Хрущева, являвшейся, по мнению авторов доклада, сплошной цепью ошибок. Приведенная статистика свидетельствовала о провале всех планов ускоренного строительства коммунистического общества. Годы «расцвета» деятельности Хрущева характеризовались как время резкого падения темпов роста экономики. Если в 1950–1956 гг. среднегодовые темпы прироста колебались от 10,6 до 11,1 %, то с 1959-го по 1963-й они упали с 6,9 до 5,0 %.

Как однозначно негативные оценивались действия Хрущева в сельском хозяйстве, в результате которых через двадцать лет после войны страна вернулась к карточной системе. 860 т золота было направлено на закупку хлеба в капиталистических странах. Хрущеву припомнили скот, пущенный под нож для того, чтобы отчитаться по его авантюристическим планам. Провалились все планы по подъему уровня жизни тружеников села. С 1958 г. по 1963 г. оплата трудодня колхозника возросла всего на 33 копейки – с 1 руб. 56 коп. до 1 руб. 89 коп., что составляло 37–40 рублей в месяц, то есть по сравнению с 1940 г. положение колхозников в СССР ухудшилось.

Отдельная тема документа – критика бесчисленных хрущевских реорганизаций. «Положение в народном хозяйстве после перестройки управления... ухудшилось, и это – беспощадный приговор новой системе. Она породила невиданный параллелизм в руководстве, неразбериху, бюрократизм и просто бестолковщину». Особую критику вызывало деление всех – партийных, государственных, советских – организаций по «производственному принципу». «Среди партийных, государственных, хозяйственных работников, да и среди широких масс трудя-

щихся идет ропот. Люди открыто говорят: “Осточертели перестройки. Работать некогда из-за них. Не хватает хлеба и овощей, молока и мяса, зато изобилие перестроек”. И они правы», – констатировали авторы проекта доклада.

Резко критиковалась внешняя политика Хрущева. Его обвиняли в авантюризме, в том, что он несколько раз ставил страну на грань войны. Сначала – Суэцкий кризис, «когда мы находились на волосок от большой войны», затем – «берлинский вопрос». Хрущев, по словам авторов доклада, предъявил президенту США Кеннеди заведомо невыполнимый ультиматум: либо Берлин – вольный город, либо – война. Но «нет у нас таких дураков, которые бы считали, что надо воевать “за вольный город Берлин”». Третьим случаем, едва не приведшим к войне, стал кубинский кризис. Как опасные и безответственные оценивались его экстравагантные высказывания и поступки – угрозы капиталистам «забить их на три метра в землю», угрозы немецкому послу – «мы вас, всех немцев, перебьем, сотрем с лица земли», сцена с ботинком в ООН.

По вине Хрущева, утверждалось в документе, были испорчены отношения с социалистическими странами. Хрущев оскорблял Мао Цзедуна, именуя его «старой калошей»; лидера Румынии Георгиу-Дежа учил сельскому хозяйству; в беседе с алжирским лидером Ахмедом Бен Беллой назвал его друга – Фиделя Кастро – быком, который бросается на любую красную тряпку. Политика оказания помощи странам «третьего мира» оценивалась в докладе как неэффективная, убыточная и в экономическом, и политическом отношениях.

Вызывали недовольство методы, которыми Хрущев осуществлял внешнюю политику, – его многодневные, до месяца, поездки за границу с большой свитой и со всеми родственниками. Было подсчитано: в 1963 г. Хрущев пробыл за границей 170 дней, к октябрю 1964 г. – 150 дней. Вызывало раздражение и то, что фактически роль министра иностранных дел при Хрущеве выполнял его зять – главный редактор «Известий» А.И. Аджубей.

Критике подверглась новая Программа партии: «Даже беглого взгляда на итоги трех лет достаточно, чтобы убедиться в нереальности многих сроков по многим показателям, записанным в Программе. Одна из причин этого заключается в том, что готовили ее без глубоких экономических обоснований и расчетов, силами людей, знающих экономику в теоретическом плане, но очень далеких от жизни».

Критиковалась позиция Хрущева по отношению к культу личности Сталина. Авторы доклада подчеркивали, что, поддерживая «ле-

нинский курс нашей партии на осуждение культа личности», они «не раз пытались поправлять его (Хрущева), выражали свое несогласие»¹.

Документ предлагал следующие оргвыводы: освободить Н.С. Хрущева от обязанностей первого секретаря ЦК КПСС и председателя Совета Министров СССР, впредь категорически запретить совмещение этих должностей, повысить роль пленумов ЦК КПСС, ежегодно обсуждать на пленуме ЦК итоги деятельности Президиума ЦК, устранить разделение партии «по производственному признаку».

Отметим, доклад был тщательно подготовлен, насыщен специальной информацией, которой по роду деятельности не мог располагать член Президиума ЦК Д.С. Полянский, отвечавший в то время за сельскохозяйственную политику. Доклад содержал экономическую статистику, касающуюся так называемых макроэкономических характеристик – замедления среднегодовых темпов прироста общественного продукта, ухудшения соотношения в развитии промышленности групп «А» и «Б», падения производительности труда в стране, нарастания объемов незавершенного строительства. Подготовку статистических материалов подобного рода в то время можно было проводить только с санкции ЦК или по указанию Комитета партийно-государственного контроля при ЦК и Совмине СССР. Многие данные, содержащиеся в докладе, могли быть получены только от Министерства иностранных дел и КГБ.

Тщательности подготовки содержания противоречит внешний вид документа. 70 страниц доклада отпечатаны опытной машинисткой (или машинистками), профессионально располагавшими текст на странице, в том числе и такие сравнительно сложные его элементы, как таблицы. Однако напечатан текст на старых машинках со сбитым шрифтом, не обеспечивающим равномерную прокраску букв. На первой – отпечатаны листы с 1 по 48. На второй – листы 49–70. Машинки отличаются шрифтами. На первой машинке буквы с округлым «очком», текст более светлый, «прореженный». На второй – буквы вытянуты вверх, расположены более «тесно», текст «плотный». Все это говорит о том, что текст создавался вне обычного делопроизводства ЦК КПСС или другого высшего государственного учреждения того времени.

Форма документа настолько не соответствовала содержанию, что возникала мысль – его готовили тайно, очень информированные люди, скорее всего из спецслужб, а печатала какая-нибудь старая, «проверенная» машинистка.

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 30. Д. 260. Л. 6.

В 1999 г. я рассказал о своей находке В.Е. Семичастному, в 1964 г. – председателю КГБ. Не могу сказать, что моя информация его обрадовала. Семичастный подтвердил, что «доклад Полянского» готовился в КГБ экономистами этого ведомства, а печатали документ две бывшие машинистки КГБ, специально для этого привлеченные. По словам бывшего шефа КГБ, «доклад Полянского» не должен был сохраниться.

Третью группу источников составляют документы, созданные непосредственно во время переворота, т. е. в период с 12 по 14 октября 1964 г. (12 октября состоялось заседание Президиума ЦК без участия Хрущева, 13–14 октября – в его присутствии, 14 октября – Пленум ЦК). К этим документам относятся:

- материалы, относящиеся к заседанию Президиума ЦК КПСС 12 октября;
- проект выступления Брежнева на заседании Президиума ЦК КПСС 13 октября;
- рабочие записи заведующего Общим отделом ЦК КПСС В.Н. Малина, сделанные на заседании Президиума ЦК КПСС 13–14 октября;
- стенограмма Пленума ЦК КПСС 14 октября 1964 г.

Стенограмма или какие-либо записи заседания Президиума ЦК 12 октября 1964 г. не сохранились. В фондах архива Политбюро имеются лишь протокольные данные о том, что заседание Президиума началось 12 октября и на нем присутствовали члены Президиума: Г.И. Воронов, А.П. Кириленко, А.Н. Косыгин, Н.В. Подгорный, Д.С. Полянский, М.А. Суслов, Н.М. Шверник, кандидаты в члены Президиума В.В. Гришин, Л.Н. Ефремов, секретари ЦК Ю.В. Андропов, П.Н. Демичев, Л.Ф. Ильичев, В.И. Поляков, Б.Н. Пономарев, А.П. Рудаков, В.Н. Титов, А.Н. Шелепин.

Председательствовал на заседании Л.И. Брежнев.

По итогам заседания было принято постановление Президиума ЦК «О возникших вопросах по поводу предстоящего Пленума ЦК КПСС и разработок перспективного народнохозяйственного плана на новый период», датированное 12 октября 1964 г.

В постановлении говорилось:

«1. В связи с поступающими в ЦК КПСС запросами о возникших неясностях принципиального характера по вопросам, намеченным к обсуждению на Пленуме ЦК КПСС в ноябре с. г., и в разработках нового пятилетнего плана признать неотложным и необходимым обсудить их на ближайшем заседании Президиума ЦК КПСС с участием т. Хрущева.

Поручить тт. Брежневу, Косыгину, Суслову и Подгорному связаться с т. Хрущевым по телефону и передать ему настоящее решение с тем, чтобы заседание Президиума ЦК провести 13 октября 1964 г.

2. Ввиду многих неясностей, возникающих на местах по записке т. Хрущева от 18 июля 1964 г. (№ П1130) “О руководстве сельским хозяйством в связи с переходом на путь интенсификации”, разосланной в партийные организации, и содержащихся в ней путаных установок, отозвать указанную записку из парторганизаций.

3. Учитывая важное значение характера возникших вопросов и предстоящего их обсуждения, считать целесообразным вызвать в Москву членов ЦК КПСС, кандидатов в члены ЦК КПСС и членов Центральной Ревизионной Комиссии КПСС для доклада Пленуму итогов обсуждения вопросов на Президиуме ЦК КПСС.

Вопрос о времени проведения Пленума ЦК КПСС решить в присутствии т. Хрущева»¹.

По хронологии к этому комплексу документов примыкает конспект проекта выступления Л.И. Брежнева на заседании Президиума 13 октября, написанный им самим. О существовании этого документа стало известно из мемуаров его многолетнего помощника – А.М. Александрова-Агентова. Он получил от Брежнева написанные красным фломастером несколько листов бумаги сразу же после окончания заседания Президиума и Пленума ЦК со словами: «Пусть будут у тебя, никуда не сдавай и никому не отдавай».

После изучения текста, опубликованного в 1994 г. Александровым-Агентовым, можно утверждать, что Брежнев не был знаком с «докладом Полянского».

Брежнев записывал, готовясь к выступлению: «Вы, Никита Сергеевич, знаете мое отношение к Вам на протяжении 25 лет. Вы знаете мое отношение в трудную для Вас минуту – я тогда честно, смело и уверенно боролся за Вас – за Ленинскую линию. Я тогда заболел, у меня (был) инфаркт миокарда – но и будучи тяжело больным, я нашел силы для борьбы. Сегодня я не могу вступать в сделку со своей совестью и хочу по-партийному высказать свои замечания».

Брежнев писал о своем личном отношении к Хрущеву: «...Если бы Вы, Н.С., не страдали бы такими пороками, как властолюбие, самообольщение своей личностью, верой в свою непогрешимость, если бы вы обладали хотя бы небольшой скромностью, вы бы тогда не допустили создания культа своей личности, а вы, наоборот, все делали для того, чтобы укрепить этот культ. Вы не только не принимали мер к тому, чтобы остановиться на каком-то рубеже, но, наоборот, поставили радио, кино, телевидение на службу своей личности».

¹ Как снимали Н.С. Хрущева: Материалы пленума ЦК КПСС. Октябрь 1964 г. / Публикацию подготовили С.А. Мельчин, Ю.В. Сигачев, А.С. Степанов // Исторический архив. 1993. № 1. С. 4.

Брежнев обвинял Хрущева в том, что он вмешивался во все дела, организовал и поддерживал авантюру печально знаменитого рязанского секретаря обкома партии А.Н. Ларионова, выгнал секретарей ЦК А.Б. Аристов и С.В. Кальченко, в том, что «пошло исключение кадров из партии». «Нам предстоит серьезно заняться экономической структурой нашей промышленности, – писал Брежнев. – Нельзя формировать структуру промышленности за обедом».

Особое возмущение у Брежнева вызывало отношение Хрущева к его коллегам по «коллективному руководству». «Как вы отзываетесь о тов-щах, о Секретариате, – писал Брежнев, – Вы ведь не знаете работу секр-та, он ведет большую работу. А вы говорите, что мы, как кобели, счим на тумбу. <...> А кто из нас ходит без ярлыков»¹.

Выступление Брежнева очень эмоционально, но фактов в нем немного. Ясно, что писалось это без предварительных заготовок. Брежнев вернулся в Москву из зарубежной поездки 11 октября. На следующий день состоялось первое заседание Президиума. 13 октября предстояла главная схватка – члены Президиума ЦК против первого секретаря ЦК.

Большой интерес в этой группе источников представляют сохранившиеся рабочие записи В.Н. Малина. «...Я не знаю, существует ли стенограмма заседания Президиума ЦК в ночь с 13 на 14 октября 1964 г., но сомневаюсь, что она есть», – писал в своих мемуарах А.М. Александров-Агентов².

Помощник Брежнева ошибался. Заведующий Общим отделом ЦК КПСС В.Н. Малин, присутствовавший на этом заседании, вел краткий конспект выступлений. На одиннадцати стандартных карточках из тонкого картона, предназначенных для того, чтобы фиксировать на них основные вопросы, обсуждавшиеся членами Президиума, он кратко, но достаточно точно записал все выступления. Позже записи Малина оказались в архиве Политбюро, недавно были там обнаружены и расшифрованы.

13 октября в Москву вернулся Н.С. Хрущев, вызванный из отпуска. Одновременно на заседание Президиума приехали А.И. Микоян, отдохнувший в Пицунде вместе с Хрущевым, кандидаты в члены Президиума ЦК, первый секретарь ЦК Компартии Грузии В.П. Мжаванадзе, первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии К.Т. Мазуров, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Ш.Р. Рашидов, первый секретарь ЦК Компартии Украины П.Е. Шелест.

¹ Александров-Агентов А.М. От Коллонтай до Горбачева. Воспоминания дипломата, советника А.А. Громыко, помощника Л.И. Брежнева, Ю.В. Андропова, К.У. Черненко, М.С. Горбачева. – М., 1994. С. 127–130.

² См.: там же. С. 130.

Записи Малина, несмотря на краткость и фрагментарность, тем не менее дают возможность воссоздать атмосферу заседания и реконструировать аргументы, которые использовали его участники.

Начал заседание Брежнев. Он объяснил факт созыва Президиума и Пленума ЦК тем, что секретари обкомов ставят вопрос – что означает восьмилетка, выражают недовольство разделением обкомов по производственному признаку, частыми структурными изменениями. Брежнев критиковал Хрущева за то, что тот заявил о восьмилетке, не посоветовавшись с коллегами, предложил высказаться о положении, сложившемся в Президиуме ЦК из-за непартийного поведения Хрущева.

Вслед за Брежневым говорил Хрущев. Судя по записям Малина, его выступление было уклончиво-осторожным. Он признал аргументы Брежнева вескими, сказал о своей любви к партии и о желании быть ей полезным. Хрущев заявил, что «не замечал и не ожидал» такой негативной реакции на свои записки, которые «посылал членам Президиума по всем вопросам». Хрущев защищал разделение обкомов. По его мнению, это не противоречит единому руководству. Вместе с тем он признал, что «допускал раздражительность» по отношению к другим людям. Но тут же заявил, что считает участников заседания своими «друзьями единомышленниками» и готов работать, «насколько хватит моих сил».

Следом за Хрущевым выступил Шелест. Выступление первого секретаря ЦК Компартии Украины имело особое значение. Украина традиционно была вотчиной Хрущева. Шелест, произнеся стандартные фразы об огромных успехах, достигнутых партией и страной, заявил, что на этом фоне «резко видны недочеты и промахи». По его словам, существует переоценка успехов и новых идей. Шелест подверг Хрущева сокрушительной критике. Волевые решения, срывы, возникает много вопросов, нужно давать ответы. Пленумы партии, по мнению Шелеста, превращались в партактивы. Он заявил, что не согласен с запиской Хрущева о реорганизации управления сельским хозяйством, приложенной к документам по подготовке ноябрьского пленума ЦК КПСС, так как в предложениях Хрущева принижается роль парторганов. По словам Шелеста, из-за бесконечных реорганизаций невозможно набрать людей для работы в партийных органах, объявленные Хрущевым в 1957 г. планы «Догнать и перегнать Америку» провалились, планы по строительству жилья – не выполнены, обещали повысить зарплату – тоже не выполнили. «О разделении обкомов – не на правильном пути стоим, – записывал Малин, – нельзя молчать. О планировании – коллективно надо решать, а не единолично решать. По-

следнее заседание о плане, мы ничего не поняли: ответственность и права республик, ответственность есть, а прав нет».

Г.И. Воронов заявил, что «в результате неправильного и непартийного отношения т. Хрущева создалась нетерпимая обстановка. Возник новый культ личности Хрущева... По существу коллективного руководства нет. Не терпит никаких замечаний,... окрики, оскорбления».

Ф.Р. Козлов, уже тяжело больной человек, в недавнем прошлом – второй секретарь ЦК КПСС, с горечью и личной обидой говорил, что Хрущев, «гибрид инженера с агрономом», запрещал вмешиваться в дела управления: «В такие-то вопросы не лезь, их т. Хрущев ведет». «Запрещает ездить по областям, – говорил Козлов, обращаясь к Хрущеву. – Вы заявляете мне: на экскурсию захотел». «Мне говорил: вы самый опасный человек, говорил: запрещаю заниматься сельским хозяйством. Оборонной техникой не занимаюсь». «Разве можно приносить райкомы? – комментировал Козлов планы Хрущева по реорганизации сельского хозяйства. – В записке много чепухи. В ваших рекомендациях – не знаешь, что правильно. Реорганизации – только и сидим на этом». Козлов осудил раздел обкомов по производственному признаку и заявил о необходимости «прекратить практику сосредоточения власти в одних руках». На этом заседании именно Козлов первым предложил «отпустить на пенсию» Хрущева.

Выступление А.Н. Шелепина отличалась тщательная подготовка. Запись Малина свидетельствует о том, что в основе речи Шелепина лежал доклад, подготовленный Полянским. Совпадает их структура, отличия связаны, главным образом, с обстоятельствами «озвучивания» этих текстов. Шелепин, опытный оратор, учитывал реакцию слушателей. Свою речь он начал с обращения к Хрущеву: «Говорю искренне – зачем вам было выступать со вступительным словом?».

Далее следовало осуждение единоличной власти Хрущева, того, что при нем пленумы превратились в митинги, что, сосредоточив в своих руках власть, он стал ею злоупотреблять, в результате чего сложилась нетерпимая обстановка и культ личности, что Хрущев нарушает ленинские принципы руководства. «Характеристика, данная Лениным Сталину, полностью относится к вам, – заявил Шелепин. – Зачем вы натравливаете друг на друга? Роль членов Президиума ЦК принижена. Среди членов Президиума ЦК нет друзей, окружили себя сомнительными людьми. Т. Поляков¹ гнусную роль играет. Потеряли скромность».

¹ В.И. Поляков – назначен в 1962 г. заведующим Отделом сельского хозяйства ЦК КПСС и секретарем ЦК, отвечающим за сельское хозяйство; до 1960 г. работал в «Правде», с 1960 г. – главный редактор газеты «Сельская жизнь». – *Прим. авт.*

Близость к «докладу Полянского» прослеживается особенно в экономическом разделе выступления Шелепина. «Откуда вы взяли – дела у нас идут хорошо? Темп за 10 лет – упал, национальный доход – с 11 % до 4 % упал. Волевые указания наносят вред. В сельском хозяйстве – карусель. 130 тыс. елочек¹ лежит, на 36 коп. за 5 лет увеличилась материальная заинтересованность», – конспектировал Малин, не подозревая, что Шелепин дословно воспроизводил «доклад Полянского».

Шелепин обвинял Хрущева в попытках разогнать Академию наук, в том, что перестройки в промышленности оторвали науку от производства.

Объектом резкой критики Шелепина стала внешняя политика Хрущева. Председателю КПК, с одной стороны, не нравился курс на мирное сосуществование («с империалистами мы должны быть на страже. Отступаете от главной линии»), а с другой стороны – он не одобрял авантюры Хрущева в Суэце, Берлине, на Кубе («кубинский кризис – авантюра, жонглирование судьбами народа»).

Не забыл он и о «рязанском деле», о том, с каким удовольствием Хрущев принимает всевозможные премии, и даже об утверждении Хрущева: «Октябрьскую революцию совершили бабы».

С осуждением Хрущева выступили Кириленко, Мазуров, Ефремов, Мжаванадзе, критикуя его за эксперименты в сельском хозяйстве, в партийном строительстве, за авантюризм планов «догнать и перегнать», за грубость и хамство, за то, что «национализм процветает».

Влиятельнейший член Президиума ЦК М.А. Суслов заявил, что «нет здоровой обстановки, в Президиуме – ненормальная обстановка с точки зрения деловой. Генеральная линия правильная. Нарушение ленинских принципов руководства, и далеко пошли в нарушении, практически невозможно высказать иное мнение, оскорбительно относиться к работникам, все положительное приписывается Хрущеву, недостатки – обкомам. Поощряете подхалимов, сигналам придаете большое [значение] – от семьи. Семейные выезды. Поездки Аджубея бесполезны. В беседе с японскими социалистами – наговорили много лишнего».

Выступавшие за Сусловым В.В. Гришин, в то время профсоюзный функционер, председатель ВЦСПС, и Ш.Р. Рашидов, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана, повторили в основном положения предыдущих выступлений, расцветив их подробностями из своих сфер деятельности. Гришин сетовал на непонимание Хрущевым роли профсоюзов, а Рашидов критиковал эксперименты с планированием.

¹ «Елочки» – доильные аппараты, рекламировавшиеся Хрущевым. – *Прим. авт.*

После этого в заседании Президиума был объявлен перерыв, скорее всего на ночь. В записях Малина зафиксировано, что утром 14 октября первое слово было предоставлено Д.С. Полянскому. Ему предстояло «добивать» Хрущева.

Полянский заявил, что «линия съездов правильная, другое дело осуществление ее». Полянский определил заседание, которое шло утром 14 октября, как «историческое». «Другой Хрущев стал, – утверждал он. – В первую пятилетку вел хорошо себя. В последнее время захотел возвыситься над партией – стал груб... Сталина поносите до неприличия, неудовлетворительные дела в деревне. 300 тыс. деревень – Пошехонье. Сидит деревня. Вы отстранили всех от сельского хозяйства. О 8-летнем [плане]. О группировке пятилеток (в ЦСУ), о ценах (глупость высказывали), руководство через записки. Лысенко – Аракчеев в науке. Вы десять академиков Тимирязевки не принимаете два года, а капиталистов сходу принимаете. Тяжелый вы человек, теперь вы другой. Заболели манией величия».

Судя по записям Малина, именно Полянский довел до логического завершения поток высказанных в адрес Хрущева обвинений: «Вывод: уйти вам со всех постов в отставку».

Поддержать Хрущева пытался А.И. Микоян, но его сразу же преврал Шелепин: «Т. Микоян ведет себя неправильно, послушайте его».

Поддержки на Президиуме Микоян не нашел. Хрущева уже «добивали». Косыгин заявил, что он «удовлетворен ходом обсуждения, линия правильная... Президиум характеризует единство, ЦК весь поддержит. Полумерами не удастся решить. Стиль т. Хрущева – не ленинский». Косыгин критиковал Хрущева зло и аргументированно. Он напомнил, что Хрущев все брал на себя, на XXII съезде выступал с двумя докладами, противопоставил себя Президиуму и ЦК, интригует, «замазывает» трудности, возникшие по его вине. Очевидно, первый заместитель председателя Совмина СССР не забыл о хрущевских записках, о попытках ввести восьмилетку, о том, что Хрущев монополизировал руководство военной сферой. Косыгин процитировал высказывание Хрущева о социалистических странах: «Был бы хлеб, мешки найдутся». Выводы Косыгина были жесткими – созвать пленум и освободить Хрущева от всех постов, разделить посты председателя Совета Министров и первого секретаря ЦК КПСС, ввести должность второго секретаря ЦК КПСС.

Выступивший следом Н.В. Подгорный заявил, что согласен со всеми, кроме Микояна, и поддержал предложение Косыгина об отставке Хрущева. «Как отразится на международном отношении и внутреннем?» – задал он вопрос себе и участникам совещания и сам же ответил: «Ничего не случится. Лучше если бы сам попросил освободить».

Подошла очередь выступать Брежневу, который должен был стать преемником Хрущева на посту первого секретаря ЦК КПСС. Судя по записям Малина, Брежнев выступал, строго придерживаясь своего конспекта. Повторим, что в этом выступлении нет следов влияния «доклада Полянского». Малин записал выводы Брежнева: «Освободить т. Хрущева от занимаемых постов, разделить посты».

Секретарям ЦК осталось только подтвердить мнение будущего первого секретаря: «т. Андропов – правильно делает Президиум, предложения поддерживаю, т. Пономарев – поддерживаю предложения, т. Ильичев – согласен, т. Титов – согласен с выводами, т. Демичев – согласен с предложениями, т. Рудаков – согласен с выводами, т. Поляков – согласен с выводами... т. Шверник – Никита Сергеевич неправильно повел себя. Лишить, удовлетворить просьбу».

Сдался Микоян: «Говорил что думал, согласен с предложениями».

Под потоком обвинений отступил и Хрушев. Прочитирую его выступление по записи Малина: «С Вами бороться не могу, потому что с вами боролся с антипартийной группой. Вашу честность ценю, по-разному относился, прошу извинения за грубость тт. Полянского и Воронова. Главная ошибка – слабость проявил, а потом не оказал сопротивления. О совмещении постов. Совмещать пост первого секретаря ЦК и пост председателя Бюро ЦК по РСФСР – подумать. Грубость по адресу Сахарова признаю, Келдыша – тоже¹. Зерно и кукуруза – придется вам заниматься». Хрушев протестовал против обвинений в ошибках во внешней политике. Выступление заканчивалось следующими словами: «Не прошу милости – вопрос решен. Я сказал т. Микояну – бороться не буду, основа одна. Зачем буду искать краски и мазать вас. И радуюсь – наконец партия выросла и может контролировать любого человека. Собрались – и мажете говном, а я не могу возразить. Чувствовал, что я не справляюсь, а жизнь цепкая, зазнайство порождало. Выражаю с просьбой об освобождении. Если надо: как надо поступить, я так и поступлю. Где жить? Спасибо за работу, за критику».

Хрушев сдался и отказался от дальнейшей борьбы, подписал заранее подготовленное заявление о собственной отставке.

Итогом заседания Президиума 13–14 октября 1964 г. стало постановление «Вопросы, возникшие в Президиуме ЦК КПСС, и о мерах по восстановлению ленинских принципов коллективного руководства в деятельности ЦК КПСС»², в котором говорилось, что «в результате ошибок и неправильных действий т. Хрущева, нарушающих ленин-

¹ Речь идет об академиках А.Д. Сахарове и М.В. Келдыше. – *Прим. авт.*

² Исторический архив. 1993. № 1. С. 4–5.

ские принципы коллективного руководства», сложилась ненормальная обстановка в самом Президиуме; что Хрущев, объединив посты первого секретаря ЦК КПСС и председателя Совета Министров, стал выходить из-под контроля ЦК КПСС¹. В решении Президиума констатировалось, что «при сложившихся отрицательных личных качествах как работника, преклонном возрасте и ухудшении состояния здоровья т. Хрущев не способен исправить допущенные им ошибки и непартийные методы в работе». Отсюда вывод: принять заявление Хрущева об освобождении от всех партийных и государственных постов «в связи с преклонным возрастом и ухудшением состояния здоровья», признать нецелесообразным в будущем объединять посты первого секретаря ЦК и председателя Совмина.

В постановлении указывалось, что надлежит немедленно собрать Пленум ЦК. Постановление было «выполнено» молниеносно: участники Пленума уже были вызваны в Москву и ждали только одного – официального решения Президиума ЦК (содержание которого всем им было хорошо известно).

14 октября Пленум ЦК начал работу². Его «режиссура» оказалась безупречной. По сути, использовалась модель решения организационных вопросов, которую в 1957 г. применил против маршала Жукова сам Хрущев. Краткое вступительное слово Брежнева, обстоятельный доклад Суслова, «штатного докладчика» на подобных пленумах³. Суслов последовательно отделял курс Хрущева от политики партии и государства. К минимуму были сведены данные о кризисных явлениях в стране в конце 50-х – начале 60-х годов. Из доклада «пропали» критика внешней политики Хрущева, сведения об авантюрных действиях первого секретаря ЦК в ходе берлинского и кубинского кризисов. Не осталось и следа осуждения политики Хрущева по отношению к маоистскому Китаю.

На Пленуме Хрущев не выступал, доклад не обсуждался. Партийная массовка, «голоса из зала», озвучили то, что предусматривал «сценарий»: «Все ясно. Предлагаем прения не открывать». Брежнев был избран первым секретарем ЦК КПСС, Косыгин – председателем Совета Министров СССР, и под дружные выкрики из зала: «Да здрав-

¹ Нельзя не вспомнить, что именно этот аргумент сам Хрущев использовал в 1957 г., на июньском Пленуме ЦК, против своих политических противников – Молотова, Маленкова и Булганина. – *Прим. авт.*

² Стенограмма октябрьского (1964 г.) Пленума ЦК КПСС опубликована. См.: Исторический архив, 1993. № 1. С. 5–19.

³ Суслов выступал основным докладчиком на июньском и октябрьском (оба – 1957 г.) Пленумах ЦК «против антипартийной группы» и против маршала Жукова. – *Прим. авт.*

ствуем наша могучая ленинская партия и ее Центральный Комитет!» Пленум ЦК КПСС закончил работу¹.

16 октября 1964 г. по итогам Пленума в «Правде» была опубликована краткая информация. Более подробные сведения направили в крайкомы и обкомы партии. Проведение дискуссий не предполагалось. «Закрытые письма» рядовым коммунистам не рассылались. Опыт середины 50-х годов был учтен.

Анализ сохранившихся письменных источников позволяет дополнить, а в ряде случаев и существенно уточнить прежние сведения о заговоре.

Рассматривая тексты выступлений на Пленуме через призму «доклада Полянского», можно установить, что А.Н. Шелепин, традиционно и справедливо считающийся лидером так называемых «молодых» в партийно-государственном руководстве СССР начала 60-х годов, почти дословно «озвучивал» текст этого доклада. Практически не ощутимо влияние «доклада Полянского» в выступлениях Брежнева, Косыгина, Шелеста, Суслова, чья политическая биография состоялась еще при Сталине.

Судя по «докладу Полянского», в окружении Шелепина и Полянского обстоятельно готовились к свержению Хрущева. «Молодые» критиковали не только персонально Хрущева, но и многие аспекты официальной политики периода его правления. Без сомнения, «молодые» надеялись занять ключевые позиции в руководстве государством. «Доклад Полянского» готовился именно как основной доклад на предстоявшем Пленуме. Однако они проиграли уже в первые часы реализации заговора: главный доклад на Пленуме сделал представитель старой, еще сталинской гвардии – М.А. Суслов². Похоже, Брежнев и его будущих соратников по «коллективному» руководству – Суслова, Косыгина, Подгорного – встревожила радикальность той группы, которая стояла за «докладом Полянского», в осуждении проводимого Хрущевым курса развития страны.

(«Докладу Полянского» была уготована роль некоего справочного документа в материалах Пленума.)

Теперь несколько соображений о мемуарной литературе. Речь идет о записанных в конце 80-х годов воспоминаниях А.Н. Шелепина, В.Е. Семичастного, Н.Г. Егорычева. Мемуаристы дружно взвалили ответственность за организацию заговора на «второго» секретаря – Л.И. Брежнева и его сподвижника Н.В. Подгорного. В своих воспоминаниях Семичастный многократно упоминает, что Брежнев предлагал ему, председателю КГБ, устранить Хрущева, используя для

¹ См.: Исторический архив, 1993. № 1. С. 16–17.

² См.: там же. С. 7–15.

этого яд, устроив автомобильную или авиационную катастрофу, арестовав его. Однако Семичастный, по его словам, отверг все варианты. Эта версия приводится и в книге сына Н.С. Хрущева¹.

По словам Шелепина, готовили Пленум Брежнев и Подгорный: «Брежнев и Подгорный беседовали с каждым членом Президиума ЦК, с каждым секретарем ЦК. Они же вели беседы с секретарями ЦК союзных республик и других крупнейших организаций, вплоть до горкомов. Был разговор с Малиновским, Косыгиным. Говорили и со мной. Я дал согласие. Последним толчком, “звонком” к созыву послужила новая записка Хрущева, которую он передал перед отлетом в Пицунду на отдых, об очередной реорганизации – разделении управления всей отрасли сельскохозяйственного производства...»².

Связь между подготовкой к свержению Хрущева и работой по организации созываемого Хрущевым Пленума, достаточно очевидна (об этом я писал выше). Замечу другое: в дни, предшествовавшие перевороту, Брежнев в Москве не было. Он находился в ГДР. Допущена и еще одна неточность – накануне переворота Брежнев был не «вторым» секретарем, а занимал (с весны 1964 г.) весьма декоративный пост председателя Президиума Верховного Совета СССР. Предположение, что в тени Брежнева скрывался кто-то другой, человек влиятельный и решительный, находит подтверждение в воспоминаниях Егорычева: «Брежнев был в ГДР (это уже накануне Пленума), кончился официальный визит, а он все не возвращается. Не едет и все тут. Отправился на охоту. Семичастному было поручено (кем? – *Авт.*) позвонить ему туда и сказать: “Если Вы не приедете, то Пленум состоится без Вас. Отсюда делайте вывод”. И он срочно тогда прилетел»³.

О явном преувеличении роли Подгорного в событиях, связанных со снятием Хрущева, также, на наш взгляд, свидетельствует хронология событий: в период подготовки Пленума Подгорный был в Молдавии и прилетел в Москву утром 12-го⁴.

Таким образом, ни Брежнев, ни Подгорного в Москве перед заседанием Президиума ЦК и перед Пленумом, где свержали Хрущева, не было, поэтому готовить заседание Президиума ЦК они не могли. Но кто готовил? Кто мог приказать председателю КГБ звонить Брежневу в Берлин и, по сути, угрожать ему?

Полагаем, что этим человеком был А.Н. Шелепин. В недавнем прошлом руководитель КГБ, он, заняв пост председателя Комитета партийно-государственного контроля, укрепил свои позиции в руко-

¹ См.: *Хрущев С.Н.* Указ. соч. С. 471–472.

² *Неизвестная Россия. XX век. Вып. 1.* С. 278–279.

³ Там же. Л. 290–303.

⁴ См.: там же. С. 280.

водстве, фактически подчинив себе и КГБ, и армию, и партийно-государственный аппарат. Именно Шелепин, по нашему убеждению, являлся истинным координатором заговора 1964 г., его центральной фигурой. А рассказы об особой «злодейской» роли Брежнева – скорее всего способ оградить себя от возможных обвинений в будущем.

Подобного рода деятельность, как правило, всегда «вознаграждается». Получил по заслугам и Шелепин: вскоре он потерял свой влиятельнейший в партийно-государственной иерархии пост¹.

* * *

Отставка Хрущева продемонстрировала победу курса, который он сам утвердил, – курса на самовластие партийного аппарата. Слова, сказанные Хрущевым летом 1957 г. о том, что члены Президиума лишь слуги Пленума, в очередной раз подтвердились. Пленум (звено партаппарата) отправил на покой первого секретаря ЦК КПСС, своими действиями мешавшего и осложнявшего жизнь представителям могущественного слоя партноменклатуры. Преемник Хрущева должен был служить аппарату, гарантировать ему стабильность, преемственность, защищенность. Таким человеком стал Леонид Ильич Брежнев. Уже на октябрьском Пленуме ЦК 1964 г. он впервые продемонстрировал качества, которые позднее стали его «визитной карточкой» в политике – стремление к максимуму возможной преемственности и уход от «крайностей».

Отставка Хрущева не вызвала сколько-нибудь заметного протеста в стране. Банкротство проводимого им экономического курса было очевидно. Более того, по наблюдениям КГБ, в 1965 г. в среднем вдвое сократилось число «антисоветских выступлений» (листовок, оскорбительных надписей в адрес политического руководства). Живой интерес в обществе вызывал единственный вопрос – сохранится ли взятый Хрущевым курс на осуждение Сталина, на критику деяний «периода культа личности».

Реформаторская деятельность Хрущева не расколола ряды советской олигархии. Более того, в противодействии Хрущеву властная «верхушка» сплотилась, став «подельниками по заговору».

Хрущев ушел проигравшим, но не побежденным. Заговор, обставленный как очередное заседание Президиума ЦК, вполне легитимный по форме, но безнравственный по сути, превращал Хрущева в жертву. А в России жертва часто становится политическим мифом. «Живая» легенда вызывает симпатии, хотя и мало похожа на свой реальный прототип.

¹ Напрашивается аналогия с судьбой маршала Жукова, выброшенного из политики вскоре после того, как он сыграл ключевую роль в борьбе за власть в середине 1957 г. – *Прим. авт.*

Указатель имен

А

Абакумов В.С. – 42, 43, 46, 51, 53, 54, 56,
57, 66, 160, 162, 166, 168, 174, 175,
178, 180, 182–188, 190–195, 199, 209–
211, 215, 231, 232, 240, 246–249, 255,
256, 275, 280, 334
Абель Р.И. – 248
Авалов Р.Г. – 288, 289
Авдеев – 352, 353
Адснауэр К. – 381
Аджубей А.И. – 433, 440
Аксенов Ю.С. – 177
Алафузов В.А. – 57, 58
Александров А.М. – 379, 436, 437
Александров А.П. – 268
Александров Г.Ф. – 26, 27
Александров С.П. – 133
Алексеев А.И. – 388, 389, 408
Алексеев И.А. – 286
Аллилуева Е.А. – 174
Алферов В.И. – 57
Андресв – 311
Андресв А.А. – 60, 197, 242, 243, 245
Андропов Ю.В. – 9, 10, 12, 14, 15, 297,
298, 435, 442
Антонеску И. – 100
Антонов А.И. – 37, 39
Анциелович Е. – 192
Апро А. – 300, 301
Аракчеев А.А. – 441
Аристов А.Б. – 276, 277, 279, 280, 283,
306, 317, 325, 326, 333, 334, 437
Артёмьев П.А. – 205
Асеев Н.Н. – 27
Афонов И.И. – 265
Ахматова А.А. – 163, 166
Ачесон Дж. – 135, 136

Б

Багиров М.Д. – 204, 244
Баграмян И.Х. – 17, 19
Бандера С. – 31
Барух Б. – 132, 133, 135

Басов А.В. – 362
Батиста Ф. – 383
Батицкий П.Ф. – 235
Бахрушин С.В. – 29
Бейли Х. – 133, 134
Белиловская – 361
Белишова Л. – 146
Белкин М. – 192, 194
Белла А.Б. – 433
Белобородова Н.К. – 395, 401, 412
Белов А.Л. – 168
Беляев Н.И. – 306, 317, 325, 326, 334
Бендерский – 215, 246
Бенедиктов И.А. – 72
Бенеш Э. – 116
Березин Е.И. – 359
Берия Л.П. – 14, 15, 27, 45, 50, 65, 66, 95,
115, 153, 154, 156–161, 166, 169, 171,
173, 175, 177, 179, 180, 183, 186, 187,
198, 199, 201–206, 209–223, 225, 227–
258, 261, 270, 275, 276, 280, 282, 283,
286, 287, 294, 313, 314, 316–318, 327,
330, 335, 339, 340, 381, 415, 416
Берут Б. – 118, 295, 296
Бирнс Дж. – 112, 133
Бирюзов С.С. – 389
Биссел Р. – 385
Бовкун-Луганец И.Т. – 175
Богданов С.И. – 22
Большаков В. – 412
Ботвинник М.М. – 271–275
Брежнев Л.И. – 9, 10, 12, 14, 265, 292,
305, 306, 317, 326, 331, 334, 336, 366,
425, 428–430, 435–438, 442–446
Брейтштраус О.Я. – 309
Бринд – 246
Бро – 309
Броверман Я.М. – 188, 248
Бродский И.А. – 16
Буденный С.М. – 38–40, 375
Будников А.В. – 46, 212
Бузасв Я.К. – 361
Булганин Н.А. – 39, 41, 42, 45, 47, 48, 54,
58, 171, 173, 180, 181, 186, 203–205,

209, 216, 218, 219, 229, 233, 236, 238,
240, 246, 249, 270, 292, 294, 299, 301,
302, 305, 312, 317, 324–326, 329, 331,
332, 334, 340–343, 443

Бусалов – 190

Бухарин Н.И. – 286, 311

В

Валенса Л. – 7

Ванденберг – 135, 143

Ванников Б.Л. – 159, 187

Варга Е.С. – 138

Варенников И.С. – 56

Василевский А.М. – 22, 39, 45, 48, 146,
205

Василенко В.Х. – 189, 191

Ваупшасов С.С. – 248

Ваш З. – 301, 409, 442

Вейцман М. – 209

Вейцман Х. – 209

Верт А. – 133, 134

Вершинин К.А. – 45

Виноградов В.Н. – 167, 168, 186, 189–
191

Вирта Н. – 176

Власик Н.С. – 168, 181, 186, 191, 198,
255

Власов А.А. – 31

Влодзимирский Л.Е. – 246, 247

Вовси М.С. – 189, 210, 254

Вознесенская М.А. – 172

Вознесенский А.А. – 172

Вознесенский Н.А. – 27, 154, 159, 161,
162, 166, 168–173, 188, 193, 200, 202,
275

Воробьев П.Г. – 253

Воронов Г.И. – 435, 439

Воронов Н.Н. – 40, 425, 442

Ворошилов К.Е. – 39, 40, 95, 173, 178,
196, 197, 200, 202, 204, 205, 236, 238,
242, 243, 245, 255, 276–279, 297, 301,
317, 318, 324, 326, 329, 331, 334, 338,
342, 368

Вышинский А.Я. – 40, 87

Г

Габор П. – 194

Гала Иозеф – 285

Галкин – 171

Галлер Л.М. – 57, 58

Гарбуз Л.С. – 395

Гарриман А. – 37, 101, 112, 123, 193

Георгиу-Деж Г. – 433

Герасимов – 160

Гере Э. – 219, 294, 297–300

Гильмор – 129

Гитлер А. – 20, 32, 96, 106, 116, 127, 130

Гладков Ф.В. – 27

Глинка М.И. – 19

Говоров Л.А. – 19

Гоглидзе С.А. – 182, 210, 235, 237, 244,
247

Голиков – 373

Голль Ш., де – 379

Голованов – 309

Голубов В.И. – 175

Гольдштейн И.И. – 174

Гомулка В. – 116, 118, 119, 146, 295, 296,
298, 312

Гонор Л.Р. – 209

Горбатов А.В. – 22

Горбачев М.С. – 9, 12, 14, 314, 366

Гордов В.Н. – 49–53

Горлинский – 237, 254

Городецкий Е.Н. – 29

Горохов – 156, 157

Горшенин К.П. – 67

Горький М. – 183, 189

Готвальд К. – 139

Греков Б.Д. – 29

Грибков А.И. – 395

Григорьян В.Г. – 205

Григорьян Г.М. – 46, 212

Гринберг З.Г. – 174

Гринштейн А.М. – 210

Гришин В.В. – 435, 440

Громыко А.А. – 10, 14, 108, 133, 389,
398, 399

Гусев Ф.Т. – 99

Д

Даллес А. – 135, 377, 385

Даллес Дж. Ф. – 272

Даль В.И. – 428

Данилов А.А. – 41, 155, 156

Деканозов В.Г. – 92, 95, 247

Дементьев А.А. – 385

Дементьев П.В. – 45

Демичев П.Н. – 369, 435, 442

Денисов Г.А. – 328

Денякин – 311

Джавахишвили Г.Д. – 342, 369

Димитров Г. – 190, 248

Доби И. – 294

Добрынин А.Ф. – 412

Довженко А.П. – 29

Доманов Т.Н. – 31
Донат Ф. – 301
Донской Дмитрий – 28
Дорон – 193
Дудинцев В. – 308
Дудоров Н.П. – 416

Е

Егоров П.И. – 167, 168, 189, 191
Егорычев Н.Г. – 444, 445
Ежов Н.И. – 14, 158, 160, 177, 252, 256, 276, 318
Екатерина II – 66
Елизавета Петровна – 66
Елисеев И.Д. – 253
Ельцин Б.Н. – 9
Елютин – 306
Еременко А.И. – 17, 19
Ефремов Л.Н. – 195, 196, 342, 435, 440

Ж

Жданов А.А. – 22, 26, 41, 45, 55, 66, 118, 140, 141, 153, 159–169, 173, 189–191, 199, 279
Жданов Ю.А. – 167
Желтов А.С. – 372
Жемчужина П.С. – 178, 197, 210
Жуков Г.К. – 15–19, 21–23, 37–42, 44, 47–49, 51–57, 156, 179, 180, 199, 201, 204, 234, 244, 269, 289–292, 299–303, 305, 306, 316, 317, 325–327, 329–331, 334–340, 342, 343, 373–375, 377, 417, 443, 446

З

Завсняягин А.П. – 159, 179, 187
Зайцев А.Ф. – 364
Заметин И.И. – 362
Заславский – 361
Захаров – 254
Збарский Б.И. – 186
Зверев А.Г. – 84, 258, 259
Зимянин М.В. – 228
Зиновьев Г.Е. – 170, 281, 286, 311
Зощенко М.М. – 163, 166
Зубкова Е. – 35, 84, 86
Зускин В.Л. – 176
Зырянов – 237

И

Ибаррури Д. – 248
Иванов В.А. – 362
Ивашутин П.И. – 361

Игнатик Н. – 352
Игнатов Н.Г. – 327, 334, 342
Игнатьев С.Д. – 184, 186, 188–193, 197–199, 201, 204, 205, 209, 211, 231, 232, 243, 244, 251, 255, 283, 334
Иден А. – 91, 99, 100, 108, 305
Ильичев Л.Ф. – 427, 428, 435, 442
Ильф И. – 177
Ильюшин С.В. – 45
Иткин – 193

К

Каганович Л.М. – 177, 193, 196, 200, 202–205, 214, 219, 236, 242, 243, 245, 246, 276–279, 298, 299, 302, 317, 318, 324, 326, 329–335, 339–342, 368
Кадар Я. – 295, 297, 298, 300–302, 304, 305
Калинин М.И. – 189, 242, 309, 361
Каллистов – 277
Кальченко С.В. – 437
Каменев Л.Б. – 281, 286
Капица П.Л. – 159, 271
Капустин Я.Ф. – 170–172, 194
Карасев – 247
Карлов – 352
Карпай С.Е. – 189, 191
Кастро Р. – 391
Кастро Ф. – 383–388, 390, 391, 399, 404, 407, 408, 411, 412, 433
Каюков М.М. – 50, 51
Квитко Л.М. – 176
Келдыш М.В. – 442
Кениг П. – 40
Кеннан Дж. – 130–132
Кеннеди Дж. Ф. – 366, 381, 382, 385, 387, 396–401, 403, 405, 406, 408–410, 412, 433
Кеннеди Р. – 387
Керзон Д.Н. – 102, 104
Ким Ир Сен – 147–150
Кирилenco А.П. – 358, 435, 440
Кириченко А.И. – 224, 244, 317, 325, 326, 343
Киров С.М. – 161, 279, 286, 368, 378
Киселев – 312
Киселев Е.Д. – 219, 294
Китинг – 398
Клейменов Н.П. – 181, 182
Клюева Н.Г. – 165
Кобулов А.З. – 179, 193, 235, 237, 246
Кобулов Б.З. – 210, 235, 244, 247
Коваль К.И. – 40, 42, 113
Коган Б.Б. – 210, 254

Козлов – 309
 Козлов Ф.Р. – 172, 254, 309, 325, 326, 334, 352, 363, 364, 371, 372, 425, 439
 Колер Ф. – 406
 Колушинский – 352, 353
 Комаров В.И. – 174, 183, 188, 194, 248
 Комаров П.К. – 276, 277
 Конев И.С. – 19, 39, 49, 305, 327, 338, 339, 372, 374
 Корзенко И.В. – 252
 Коркач А.А. – 364
 Коротков – 237
 Коряков С.Д. – 62
 Костерин С.И. – 252
 Костов Т. – 286
 Костюшко Т. – 99
 Косыгин А.Н. – 62, 63, 422, 425, 435, 441, 443–445
 Красильников – 309
 Круглов С.Н. – 66, 160, 179, 181, 210, 237, 252, 254, 256, 415, 416
 Крюков В.В. – 22, 56, 375
 Кузнецов А.А. – 14, 42, 45, 54, 57, 63, 160, 162, 168–173, 191, 193–195, 200, 275
 Кузнецов В.И. – 22
 Кузнецов М.А. – 364
 Кузнецов Н.Г. – 58
 Кузнецов Н.И. – 248
 Кузьмичев С.Ф. – 198, 215, 246
 Куйбышев В.В. – 183, 189
 Кулик Г.И. – 49–53
 Кулик-Симонич К.И. – 50
 Куперин И.И. – 202
 Курочкин Б.Н. – 361, 362
 Курчатова И.В. – 159, 268
 Кутузов М.И. – 28
 Кэтледж Т. – 324

Л

Лавочкин С.А. – 45, 252
 Лазарев И.И. – 362
 Лазуркина Д.А. – 370
 Лазутин П.Г. – 171, 172
 Ланг – 190
 Лапин – 360
 Ларионов А.Н. – 347, 359, 421, 437
 Левин Б.С. – 189
 Левин Л.Г. – 183, 189
 Левитан Ю. – 401
 Леликов П. – 352
 Лембергский И.Г. – 189
 Ленин В.И. – 9, 24, 120, 145, 186, 205–207, 211, 233, 239, 242, 243, 271, 277,

280–282, 284, 285, 312, 316, 325, 334, 347, 348, 357, 358, 363, 369–371, 421, 422, 439
 Леонов А.Г. – 182, 183, 188, 192, 194, 248
 Ли Сын Ман – 147
 Ливанов – 254
 Литвинов М.М. – 95
 Литкенс – 215, 246, 255
 Лихачев М.Т. – 56, 160, 182, 183, 188, 248
 Лозовский С.А. – 156, 176, 178
 Лысенко Т.Д. – 166, 167, 265, 441
 Лю Шаоци – 302

М

Мазур – 360
 Мазуров К.Т. – 437, 440
 Майоров Г.И. – 167, 191
 Майрановский Г. – 192
 Майский И. – 7
 Майский И.М. – 95–98
 Маккеллар – 135
 Макмиллан Г. – 379
 Маленков Г.М. – 9, 14, 27, 44, 45, 48, 66, 67, 71, 72, 75, 153, 154, 157–162, 166, 168–171, 173, 175, 176, 179–184, 186, 188, 193, 195, 197–199, 201–206, 208–212, 214, 216, 219–221, 228, 229, 231, 232, 234–247, 249, 251, 252, 256–261, 263, 268–270, 272, 276–279, 283, 294, 295, 302, 306, 311, 314, 316–318, 324–327, 329–335, 339, 340, 342, 368, 443
 Малин В.Н. – 278, 297, 431, 435, 437–442
 Малиновский Р.Я. – 19, 339, 373, 388, 391, 395, 401, 445
 Малышев В.А. – 14, 107
 Мамулов С.С. – 179, 193
 Мао Цзедун – 149, 151, 433
 Маркиш П.Д. – 176
 Маркс К. – 135, 145, 205, 242, 284
 Маршалл Дж. – 136–140, 142, 143
 Масарик Я. – 139
 Масленников – 237
 Махнев В.А. – 159
 Маяков Л.И. – 362
 Мелведев Д.Н. – 248
 Мельников Л.Г. – 204, 224, 228
 Менон К.П.Ш. – 201
 Мерецков К.А. – 19
 Меркулов В.Н. – 26, 50, 160, 193, 247, 249, 421
 Мехлис Л.З. – 421
 Мешик П.Я. – 235, 237, 247

Мещеряков М.Г. – 133
Мжаванадзе В.П. – 369, 437, 440
Миколайчик С. – 99, 102, 118, 120
Микоян А.И. – 22, 25, 45, 60, 71, 72, 74, 75, 95, 154, 157, 180, 195–197, 200, 202, 204, 205, 219, 236, 238, 240, 255–257, 277, 285, 297–302, 305, 317, 324, 326, 334, 363, 383, 384, 422, 425, 430, 437, 441, 442
Минин К. – 28
Минюк Л.Ф. – 56
Миронов – 247
Михайлов Г.А. – 376
Михайлов Н.А. – 239
Михозлс С.М. – 156, 162, 174–176, 188, 210
Мокроусов Б.Н. – 363, 364
Молотов В.М. – 27, 35, 36, 41, 45, 71, 72, 91, 95, 108, 112, 115, 116, 122, 123, 136, 139, 141–143, 153–158, 161, 173, 178, 196–198, 200, 202–206, 210, 214, 216–219, 221, 229, 233, 236–238, 240, 242, 245, 246, 248, 249, 255, 256, 269, 276, 277, 279, 290, 294, 295, 298, 299, 301, 302, 317, 318, 321, 324–335, 339–342, 368, 443
Монтгомери Б. – 40, 41
Морозов – 208
Морозов Г. – 174
Москаленко К.С. – 234, 327
Мохаммед К. – 122
Муссолини Б. – 99
Мухитдинов Н.А. – 317, 325, 326
Мыларщиков В.П. – 350, 351
Мюнних Ф. – 300, 304, 305

Н

Набатов И. – 253
Надь И. – 219, 220, 294, 295, 299–302, 304, 305
Невский Александр – 28
Некрасов В.П. – 49, 427
Нестеров – 309
Нестеров В.Е. – 289
Новиков А.А. – 43–48, 51, 212
Новиков Н.В. – 130, 132
Носов – 254
Ньютон И. – 361

О

Обичкин Г.Д. – 208
Обручников Б.П. – 179, 181, 237
Овечкин В.В. – 256, 257

Огольцов С.И. – 175, 183, 187, 188, 194, 210
Одзяцкий – 254
Окулицкий Л. – 108
Орлов А.С. – 376
Орлов Ю.Ф. – 288, 289
Орловский К.П. – 248
Осубка-Моравский Э. – 99, 118
Охаб Э. – 296

П

Павлов Д.Г. – 36
Пак Хен Ен – 149
Палкин А.М. – 188, 193
Парамонов – 246
Патоличев Н.С. – 228, 325
Паустовский К.Г. – 308
Пауэрс Ф. – 378, 379
Певзнер М.И. – 189
Пегов Н.М. – 205
Пеньковский О. – 379, 397
Первухин М.Г. – 159, 202, 204, 236, 299, 306, 317, 320, 324–326, 329, 331, 332, 334, 342
Пермитин Е. – 252
Петр I – 29
Петров Е. – 177
Петровский Г.И. – 310
Петрыгин М. – 310
Пешков М. – 189
Питовранов Е.П. – 183, 188, 237
Плетнев – 277
Плетнев Д.Д. – 183, 189
Плиев И.А. – 363, 392, 395
Подгорный Н.В. – 342, 370, 435, 441, 444, 445
Пожарский Д. – 28
Поликарпов Д.А. – 26, 27
Полукаров – 254
Поляков В.И. – 429, 431, 435, 439, 442
Полянский Д.С. – 429, 431, 434–436, 439–442, 444
Пономарев Б.Н. – 435, 442
Пономаренко П.К. – 204, 265
Попков П.С. – 169–172, 193
Попов Г.М. – 45
Поскребышев А.Н. – 46, 186, 198, 255
Поспелов П.Н. – 29, 201, 204, 205, 207, 271, 273, 274, 276–278, 280, 281, 283, 306, 317, 325–327, 333, 334
Прасс Ф. – 262
Пуговкин – 181
Путинцев – 172
Путинцев А.В. – 183

Пушкин Г.М. – 117
 Пчеляков – 357
 Пыжиков А.В. – 41, 155, 156

Р

Райк Л. – 286
 Райхман – 193, 215, 237, 246
 Раковский Х.Г. – 286
 Ракоши М. – 141, 146, 219, 220, 294, 295, 297, 298
 Ранкович А. – 221, 222
 Рашидов Ш.Р. – 389, 390, 437, 440
 Реваи – 294, 297
 Рейхл З. – 140
 Репин А.К. – 44–46, 212
 Риббентроп И., фон – 91, 295
 Родионов – 352
 Родионов М.И. – 169–172, 255, 275
 Родос Б. – 277
 Рокоссовский К.К. – 17–19, 38, 49, 146, 298, 374
 Ромашко – 254
 Ромашов Б. – 176
 Роскин И.Г. – 165
 Рублев – 254
 Рудаков – 309, 442
 Рудаков А.П. – 435
 Руденко Р.А. – 235, 247, 306
 Рузвельт Ф.Д. – 93–95, 100, 101, 103–106, 108, 134
 Рузвельт Э. – 134
 Русланова Л.А. – 22, 23, 54, 56, 375
 Рухадзе Н.М. – 187, 198, 209
 Рыбальченко Ф.Т. – 50–53
 Рыжиков – 190
 Рыков А.И. – 75, 311
 Рюмин М.Д. – 183, 184, 187, 189, 210, 231, 232, 248
 Рясный В.С. – 205, 237

С

Сабуров М.З. – 202, 204, 236, 277, 302–304, 317, 325–327, 329, 331, 332, 335, 342
 Савченко – 237
 Садчиков И.В. – 115
 Сазыкин Н.С. – 179, 237, 246, 255
 Сайкин – 312
 Салаи Б. – 294
 Салиманов – 183
 СалтыковЩедрин М.Е. – 348
 Салтыков-Щедрин М.Е. – 357
 Самарин – 56

Самохвал И.И. – 351
 Санто З. – 300
 Саркисов – 235
 Сафонов Г.Н. – 235
 Сафронов С. – 378
 Сахаров А.Д. – 268, 442
 Свердлов А. – 192, 215, 246, 255
 Свердлов Я.М. – 192
 Седова-Троцкая Н. – 286
 Селезнев Н.П. – 45, 46, 212
 Селивановский Н.Н. – 115
 Семиряга М.И. – 113
 Семичастный В.Е. – 414, 417, 428, 435, 444, 445
 Серов И.А. – 41, 47, 56, 57, 179, 180, 237, 277, 305, 306, 325, 332, 335, 416, 417
 Сиднев А.М. – 56
 Симонов К. – 195
 Скали Дж. – 407, 411, 412
 Сланский Р. – 286
 Смирнов А.А. – 92
 Смирнов-Сокольский Н.П. – 253
 Смит У.Б. – 87, 130
 Смолянкин – 288
 Соколов К.А. – 188
 Соколовский В.Д. – 22, 137, 338, 339
 Солженицын А.И. – 15
 Соловьев Н.В. – 170, 171
 Сотников С.С. – 364
 Софронов А. – 176
 Спиридонов И.В. – 369
 Спиридонов Н.К. – 205
 Спиру Н. – 145
 Сталин В.И. – 38, 46
 Сталин И.В. – 9, 10, 13–16, 18–29, 32–58, 66, 71–75, 84, 89, 91, 93–96, 99–107, 110, 112, 116, 118–120, 123, 127–130, 132–135, 138–140, 143–151, 153–164, 166–169, 172–178, 180–186, 188–191, 193–211, 220–222, 228, 229, 232, 233, 237–251, 253, 255, 256, 258, 260, 270, 271, 276, 277, 279–283, 285–294, 296, 299, 308–314, 316–319, 325, 328, 330, 332–334, 340, 366–372, 374, 375, 422, 433, 439, 441, 444, 446
 Сталина С.И. – 174
 Стамсенов И. – 248
 Старостин М. – 201
 Стаханов Н.П. – 182, 237
 Стаценко И.Д. – 394, 401
 Степанов – 309
 Степанов Г.А. – 57, 58
 Стеттиниус Э.-Р. – 108
 Стецко Я. – 31

Стильве – 309
Строкач – 235
Суворов А.В. – 28, 51
Судоплатов П.А. – 179, 192, 237, 247–249
Суслов М.А. – 66, 205, 265, 300–302, 305, 317, 325, 326, 329, 332, 334, 336, 425, 428, 435, 440, 443, 444
Сюзюмов М.Я. – 8

Т

Тагер И.Л. – 252
Тан У – 408
Тангиев – 183
Тарле Е.В. – 29
Тафт – 135
Тевосян – 245
Тейлор М.Д. – 387
Телегин К.Ф. – 22, 54–56
Терехов – 277
Тимашук Л.Ф. – 167, 168, 189–191, 211
Тимошенко С.К. – 36, 39, 40, 374
Тимошенко Ю.Т. – 359
Тито И.Б. – 99, 115, 117, 145, 221, 222, 252, 304, 312
Титов В.Н. – 435, 442
Тихомиров М.Н. – 163
Токуда – 190
Толбухин Ф.И. – 19
Толкачев А.С. – 202
Торез М. – 190
Торкунов А.В. – 146, 151
Третьяков А.Ф. – 202, 203, 205
Трофимов – 254
Троцкий Л.Д. – 192, 254, 281, 286
Трояновский О.А. – 108
Трумэн Г. – 108–112, 143
Туполев А.Н. – 45
Турко И.М. – 172
Туркул А.В. – 31
Тухачевский М.Н. – 17, 52
Тюльпанов С.И. – 113

У

Уборевич И.П. – 52
Ульбрихт В. – 382
Устинов Д.Ф. – 10, 247
Утехин Г.В. – 188, 215, 255

Ф

Фадеев А.А. – 177
Фадеев В.Г. – 19

Файмонвилл – 193
Фаркаш – 294
Федоров – 191
Федосеев И.И. – 181, 182
Федосеев П.Н. – 29
Федотов – 237
Федюнинский И.И. – 22
Фельдвари Р. – 294
Фефер И.С. – 176, 178, 181, 182
Фитин П.М. – 193
Фомин-Феклисов А.С. – 407, 411, 412
Фрумкин М.И. – 74, 75
Фурцева Е.А. – 306, 317, 326, 334

Х

Харитон Ю.Б. – 268
Хвостов В.М. – 29
Хегедюш А. – 219, 294, 297, 300, 301
Хидаш И. – 294
Хименес С.В., дель – 404
Хироока Т. – 324
Ходжа Э. – 117
Хруничев М.В. – 45
Хрущев Н.С. – 9, 10, 12, 14–16, 64–66, 70, 71, 74, 75, 162, 167, 180, 193, 195, 198, 201–209, 213, 214, 216, 219–221, 228, 229, 232, 233, 235, 236, 238, 240–251, 254, 257, 260–266, 268–271, 276–288, 290, 292–296, 298–300, 302–304, 306, 309–311, 314–318, 320–329, 331, 332, 334–340, 342–349, 352, 353, 355, 359, 360, 366–374, 376–385, 388, 389, 391–393, 395–403, 405–418, 420–446
Худяков С.А. – 42, 44, 45

Ц

Цанава Л.Ф. – 175, 210
Цюрупа А.Д. – 422

Ч

Че Гевара Э. – 385, 391
Чемберлен Н. – 130
Черспанов В.Д. – 364
Чернек Я. – 114
Черненко К.У. – 10
Чернов И.А. – 248
Чернышов В.В. – 179
Черняк М.И. – 309
Черчилль У. – 89, 93–95, 98–105, 109, 110, 124–131, 134, 154, 155
Чуйков В.И. – 22
Чуковский К.И. – 27

Ш

- Шапошников Е.И. – 52
Шария – 235
Шаталин Н.Н. – 204, 254
Шатуновская – 180
Шахурин А.И. – 44–46, 212
Шаяхметов Ж. – 265
Шварцман Л.Л. – 182, 193–195, 209, 211, 255
Шверник Н.М. – 202, 204, 276, 277, 317, 325, 326, 334, 369, 428, 435, 442
Шевчик – 115
Шейнин Л. – 192
Шелепин А.Н. – 368, 369, 417, 418, 422, 425, 427, 428, 435, 439–441, 444–446
Шелест П.Е. – 437, 438, 444
Шепилов Д.Т. – 195, 205, 262, 269, 279, 284, 292, 302, 303, 306, 317, 326, 327, 329, 332–335, 342
Шерешевский Н.А. – 189
Шестаков В.П. – 181
Шеху М. – 146
Шиманов Н.С. – 45, 46, 212
Шимслиович Б.А. – 176
Шкирятов М.Ф. – 42, 171, 176, 180, 183, 186, 202
Шлюгер – 246

Шноре – 251

Штеменко С.М. – 39, 146, 150

Штерн Л.С. – 176

Штыков Т.Ф. – 148, 149, 341

Шубняков Ф.Г. – 175, 183

Шуваев В.Г. – 364

Щ

Щедрин Г.И. – 288, 289

Щербаков А.С. – 29, 183, 186, 189–191

Э

Эйзенхауэр Д. – 40, 335, 338, 339, 376,

377, 379, 381, 384

Эйтингон Н.И. – 179, 192, 193, 247–249

Эйхе Р.И. – 279

Энгельс Ф. – 135, 145, 205, 242, 284

Эренбург И. – 167

Этингер Я.Г. – 183, 184, 186, 187, 190, 192

Я

Ягода Г. – 252, 256

Якир И.Э. – 330

Яковлев А.Н. – 284, 352

Яковлев А.С. – 45, 46

Научное издание

Пихоя Рудольф Германович

МОСКВА. КРЕМЛЬ. ВЛАСТЬ
В трех томах

Том первый
1945–1964

Издатель Леонид Янович

Редактор *Ирина Кускова*
Корректор *Нинель Скрипова*
Верстка и оригинал-макет *Сергея Щербины*
Обложка *Евгения Яновича*

I SBN 594881091 - 7

9 785948 810911

Налоговая льгота
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2
953000 – книги, брошюры

НП Издательство «Новый хронограф»
Контактный телефон в Москве (095) 671-0095,
по вопросам реализации 8-917-547-8424
E-mail: nkhronograf@mail.ru

Информация об издательстве и Интернете: <http://www.novhron.info>

Подписано к печати 06.04.2009
Формат 60х90/16. Бумага офсетная № 1
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 28,5.
Тираж 200 экз. Заказ № 274

*Отпечатано в типографии РАГС
117606, г. Москва, пр. Вернадского, 84*